

**СИЛЫ
ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ**

Михаил СКРЫННИКОВ

ВДВ

**С НЕБА —
В БОЙ**

Annotation

ВДВ — «войска для войны». Именно такой смысл вкладывают в это понятие настоящие десантники. Автор данной книги — ветеран воздушно-десантных войск, отдавший им более четверти века и прошедший нелегкий путь от солдата до старшего офицера в Управлении командующего ВДВ. Михаил Скрынников подробно рассказывает не только о собственной судьбе, неразрывно связанной с воздушным десантом, но и об истории этого элитного рода войск, о боевых операциях, в которых ему довелось участвовать. Читателю представляется возможность пережить первый парашютный прыжок, почувствовать себя «белой костью» ВДВ — войсковым разведчиком, захватить душманского главаря в афганском кишлаке, блокировать грузинских боевиков в Абхазии. «Нет задач невыполнимых» — этот девиз воздушно-десантных войск лучше всего характеризует героя книги и его товарищей — настоящих солдат своей Родины.

- [Скрынников М. Ф](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Через небо — к мужеству](#)
    - [Я — солдат ВДВ](#)
    - [В путь за звездами](#)
    - [Вся моя жизнь, ВДВ](#)
    - [Дорогами афганской войны](#)
    - [В мундире инспектора](#)
    - [Я служу в охране](#)
    - [Ветерану место только в охране](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Скрынников М. Ф
ВДВ. С НЕБА — В БОЙ

Предисловие

Мне кажется, на сегодняшний день недостаточно публикаций в прессе о самых боеготовых родах войск — Воздушно-десантных.

Именно поэтому я решил воспроизвести в памяти жизнь длиною более чем в тридцать лет: первый в жизни парашютный прыжок, солдатская служба в Воздушно-десантных войсках, учеба в училище, офицерская деятельность, включая и боевые действия в Афганистане, а также работа в разных структурах после увольнения из армии.

Офицерскую службу я начинал в разведподразделении в Фергане.

Разведчики, офицеры, те, с кем вместе служили, и особенно фронтовики, помогли мне в продвижении по карьере офицера.

В Фергане стали распространяться слухи о расформировании дивизии, а вскоре они стали реальностью. Решение Москвы в одночасье перечеркнуло теперь уже никому не нужную работу офицеров в этой дивизии.

Через несколько месяцев, опять же по решению Москвы, я возглавил коллектив разведчиков Витебской дивизии, с которыми пришлось в Афганистане в боевых условиях выполнять в течение более чем двух лет с риском для жизни задание советского правительства.

После всего увиденного, пережитого я решил написать эту книгу, однако есть одно «но». Я хочу показать оборотную сторону медали нашей службы, которую, как правило, стараются замалчивать.

Конечно, иногда в тексте просматривается тоска по старым и добрым советским традициям. «А что в этом плохого, — сказали мои боевые друзья. — Хорошее надо брать с собой и приумножать». Моих героев не сломали испытания, выпавшие на долю России в девяностых годах. Они сохранили честь и достоинство.

Мне предоставлена возможность познакомить читателя с прекрасными людьми разных поколений, с которыми вместе служили, воевали и работали. Прошло более двух десятилетий, но я всегда с уважением вспоминаю тех парней, которые были рядом со мной в боевой обстановке. Наша, та, жизнь проходила в вертолетах, боевых машинах, в районах организации засад. Мы вместе намотали по горячему Афгану не одну тысячу километров.

Вот об этих достойных, милых и прекрасных людях, с которыми я служил, воевал, работал, и будет наш разговор.

Через небо — к мужеству

Послевоенное детство у нас, пацанов, проходило по-разному, бывало, что и голодали, но все же забавного было больше. Мы играли в войну около подбитых наших и немецких танков. Конечно, каждый из нас хотел видеть себя командиром, и только русским. Немецким никто не хотел быть. Приходилось играть в считалки: кто проиграл, тот и становился немцем. Мальчишками мы часто дрались между собой, порой Из-за пустяков. В нашей компании я был самым младшим, но, когда дело доходило до рукопашной, старшим не уступал. Иногда приходилось видеть штурмовика, очень низко летящего над землей, который пересекал линию связи и продолжал лететь дальше по курсу. Не часто, но все же бывало высоко в небе наблюдали воздушные учебные бои. Один самолет тянет за собой на длинном стальном тросе мишень, а второй пытается зайти слева, справа, снизу, сверху и расстрелять из пушек или пулеметов цель. Стрельба, несмотря на рев моторов, слышалась отчетливо. Мы, ребятня, с большим удовольствием наблюдали за действиями летчиков, восхищались ими, но почему-то меня и других мальчишек в небо не тянуло. Однажды мы возвращались из очередной «войны». Кто-то из ребят закричал: «Смотрите, смотрите». Мы подняли головы и увидели, как от большого, высоко пролетавшего самолета отделилось что-то похожее на маленькое облако, и нам, ребятне, от этого стало жутковато. Облачко постепенно стало разрастаться и медленно приближаться к земле. Мы к тому времени уже слышали про войну в Корее, знали, как там американцы бомбят и травят население. Видели цветные плакаты, на которых солдаты шагают по трупам женщин и детей. Оказалось, это были узкие и длинные полоски фольги. Старшие нам объяснили, что их применяли, чтобы ввести в заблуждение радары, просматривавшие воздушное пространство.

Шли годы, кончилось беззаботное детство, потом и юность. И все же случилось так, что мне пришлось подружиться с небом.

Всю свою сознательную жизнь я отдал служению самым боеготовым войскам в Советской армии — Воздушно-десантным.

Вообще-то получилось так, что еще задолго до призыва на действительную военную службу я стал готовить себя к службе в ВДВ.

В первых числах июня 1962 года меня, как призывника, военкомат обязал пройти десятидневный сбор в Гомельском аэроклубе, который располагался на старом, военных времен аэродроме.

Разместили нас, как солдат, в лагерных палатках, так как стояло лето.

В первый же день нам объяснили причину нашего сбора: ВДВ нужны солдаты. Мы должны изучить материальную часть людских парашютов и совершить по три парашютных прыжка из самолета, а позднее, когда придет время призыва в армию, отдать свой долг Родине, служа в десантных войсках. Нам это объявление в то время было абсолютно безразлично. Прыжки так прыжки, но это безразличие было временным, а нас ожидало что-то тревожное, неизведанное.

Для двухразового питания каждому из нас выдали талоны. Столовая находилась рядом с аэродромом и местом нашего временного проживания. У инструктора спросили, почему мы будем есть только два раза в день. Дома родители кормили три раза. Ответ был оригинальным: «Стропы парашюта трехразового питания могут не выдержать».

Нас разделили на несколько учебных групп. Инструктор аэроклуба являлся старшим группы, на время сбора он должен был присматривать за нами. Конечно, он нес какую-то моральную ответственность за нас, пацанов, перед руководством аэроклуба. Всех участников этого сбора называли по-военному курсантами. Инструктор был и царь, и бог. Без его разрешения мы не имели права куда-либо отлучаться из лагеря. В палатках жили весело. Многие пацаны умели мастерски травить анекдоты. Хохот стоял по всему лагерю, так что инструктор, не выдержав шума, подходил к палатке и просил нас замолчать. Даже после замечания мы все равно не могли успокоиться и уснуть. В палатке особенно хорошо было отдыхать во время дождя и после обеда. Правда, среди нас были и такие, что разбредались по аэродрому, а то и вовсе укатывали в город, в так называемую самоволку. По уставу в выходной день ребята по увольнительной записке уходили в город, а по возвращении докладывали ответственному инструктору по лагерю о своем прибытии. Честно говоря, мы тогда побаивались послушаться старшего.

Подошло время изучать парашют. Нам было интересно потрогать материал перкаль, некоторые даже усомнились в его прочности, но инструкторы нас успокоили: «Пацаны, не переживайте — еще как выдержит ваш вес». За несколько дней мы изучили материальную часть людских десантных парашютов «Д-1-8». Они состояли на вооружении десантных войск где-то до конца шестидесятых. На трамплинах отработали элементы приземления, а на стапелях развороты парашютиста в воздухе. Мы были учебой заняты с утра и до обеда, а после обеда самостоятельно занимались на трамплинах и стапелях. Отдыхать было некогда.

Когда мы прошли программу обучения и усвоили пройденный

материал, назначенная начальством аэроклуба комиссия приняла зачеты по знанию материальной части парашюта. Зачеты скорее всего проводились для прокурора и были чистой воды формализмом, но документально оформлялись. Ходили слухи, что все же единичные случаи гибели людей имели место. Это нас настораживало, к изучению и укладке парашюта мы отнеслись очень даже серьезно.

И только когда комиссия дала добро, нас допустили к совершению парашютных прыжков. Накануне совершения прыжков каждого из нас осмотрел врач.

Совершались парашютные прыжки здесь же, на аэродроме. Взлет, набор нужной высоты, десантирование, посадка, и так до окончания прыжков работала малая авиация.

В начале семидесятых аэродром перенесли за город и на этом месте построили современный аэропорт. Когда я служил в Фергане, часто прилетал и улетал именно из этого аэропорта. На месте старого аэродрома стали активно возводить жилые кварталы.

В новом районе квартиру получила и моя сестра Люба, а еще раньше тетя Аня, младшая сестра мамы.

Наконец настал тот долгожданный день, когда мы смогли совершить свой первый в жизни парашютный прыжок из самолета и не принудительно, а добровольно. Уверен, что охотников добровольно сигануть с высоты птичьего полета вниз, несмотря на то что за спиной был парашют, и, как нас убеждали, самый он надежный и безотказный, нашлось бы немного. До этого незабываемого дня за летящим самолетом я, как и все остальные курсанты, только наблюдал с земли. И вот через несколько минут наступит ответственный момент, когда нам будет предложено в принудительном порядке, зато бесплатно, полетать на самолете, и, когда он будет на большой высоте, вежливо попросят покинуть его. Кто не пожелает сделать этого сам, помогут оставить самолет. Все бесплатно. Один инструктор говорил нам, что в других странах за это удовольствие деньги платят, и немалые.

День выдался как по заказу солнечным и безветренным. Такая погода большая удача, по мнению инструкторов, для совершения прыжков новичками.

Нас еще накануне, во время предпрыжковой подготовки, распределили по кораблям, а вот сейчас по команде каждый бережно надел свой парашют. Несмотря на дрожь в коленях, старались улыбаться и помогать друг другу.

Инструкторы внимательно, даже придирчиво осмотрели наши парашюты, как могли подбодрили нас, а затем вывели на линию старта.

В это же время на аэродроме прыжки совершали спортсмены, и на какое-то мгновение я забыл, что через несколько минут высоко в небе сам буду держать очень трудный экзамен. Тогда же было интересно наблюдать, как маленькие фигурки отделяются от самолета и стремительно падают вниз, а через несколько секунд над ними раскрывается купол парашюта. Звук этот, как выстрел, долетал до земли. Через несколько секунд парашютисты становятся хорошо заметными, а разноцветные купола красочно смотрелись на фоне голубого неба.

Появился и наш самолет, слегка подпрыгивая на неровностях грунтовой взлетно-посадочной полосы и пофыркивая двигателем на малых оборотах, он подрулил к линии старта, где в готовности находилась наша группа парашютистов. Неожиданно меня осенило, а если зайти в самолет последним, значит, и покину его последним, а заодно посмотрю, что к чему там в небе. Задумал и сделал. Моему маневру, как ни странно, тогда никто из инструкторов не помешал, они, наверно, подумали: вот смелый пацан. Если бы я мог знать, что будет там, в воздухе.

Ведь у парашютистов кто последним заходит, тому первому приходится оставлять самолет.

Мы помогали друг другу подниматься по неудобной стремянке, а в самолете нас подхватывал инструктор и показывал каждому место. Потом он сам закрыл двери. Самолет взревел мотором и стал выруливать на взлетку для разбега. Около сотни метров, и машина в воздухе.

Стало как-то не по себе, но в то же время было интересно посмотреть с высоты на землю, дома и машины, которые мчались по улицам города, и на маленьких-маленьких людей, которые спешили по своим делам.

Я первый раз в жизни смотрел на землю с высоты птичьего полета.

Кто-то из парашютистов, чтобы перебороть страх, начал громко разговаривать, а точнее, громко кричать, чтобы перекрыть шум мотора, кто-то улыбался и даже пытался разглядеть что-то на земле.

Пилотам манера поведения новичков не понравилась. И неожиданно для нас самолет сделал резкий нырок к земле. Что здесь началось. Жаль, никто не снимал все это на кинокамеру. У нас создалось впечатление, что сиденья из-под нас уходят вниз. Мы стали судорожно хвататься руками за скамейки, цепеная от ужаса. Через несколько секунд немного успокоились и тупо уставились в пол кабины, боясь поднять глаза и посмотреть, что творится в самолете.

Я скосил глаза на инструктора, тот стоял около двери и ухмылялся от удовольствия. Вдруг он открыл дверь. В эту секунду я невольно посмотрел вниз на землю, и мне показалось, что какая-то невидимая сила, что-то

вроде воздушной струи, пытается вытащить меня из самолета и бросить в бездну. Хотя я что есть силы, до боли в пальцах сжимал сиденье.

Мое состояние заметил выпускающий и что-то сказал, вернее, прокричал инструктору. Инструктор кивнул головой и вдруг сел впереди меня. Выпускающий похлопал меня по плечу, мол, все, пацан, будет в порядке.

В знак благодарности попробовал улыбнуться, но не смог, и за меня это сделал выпускающий.

Дверь в самолете по-прежнему оставалась открытой, и выпускающий спокойно рассматривал на земле ему одному знакомые ориентиры, по которым он отсчитывал время до начала выброски парашютистов.

Вот он подал рукой команду левому борту встать! Инструктор встал, за ним и мы. Боязливо откинули сиденья. Немного стало свободнее в кабине, однако устойчивости в ногах никакой. Я глянул через широко расставленные ноги инструктора вниз на землю и подумал, ну как все это выдержать, и на секунду от страха закрыл глаза. Точно так же думали и остальные парни в самолете.

И вдруг в кабине раздался противный вой сирены. От этого звука я вздрогнул, кровь в жилах застыла.

Ведь это же сигнал идти вперед, но как преодолеть эти два шага. Инструктор уверенно сделал шаг вперед и ринулся в бездну, подавая нам личный пример.

Ноги не слушаются. Выпускающий смотрит на меня, как удав. Я закрываю глаза, делаю шаг к нему, а он спокойно подтягивает меня в себе и направляет в дверь.

По лицу хлестанула тугая струя воздуха, я уже падаю, кувыркаясь, в бездну, чувствую, как стропы стали выходить из ранца парашюта. Потом затяжной провал.

Вдруг резкий рывок кверху, ноги оказались выше головы. Кругом почему-то очень тихо, тихо. Ура! Мой парашют раскрылся, значит, живой, но глаза еще не открываю, боюсь.

Все самое страшное медленно, потихоньку стало отступать, открыл глаза и стал вспоминать, чему нас учили на земле.

Попытался удобнее сесть в подвесной системе, но как только одну руку отнял от лямки, снова стало не по себе. Страх не отпускал.

И все-таки страх я поборол быстро и уже через несколько секунд пытался управлять куполом. Не все на первых порах получалось, но я старался.

А кругом были слышны радостные возгласы парашютистов. Кто-то

переговаривался друг с другом, пытаюсь что-то подсказывать по ходу дела. Я просто ликовав от радости. Однако встреча с землей произошла неожиданно, хотя я и видел ее приближение, но не смог определить расстояние до нее. Совершил головокружительный кульбит, однако ноги старался держать вместе, как учили инструкторы. После кульбита я подскочил, встал на ноги и быстро собрал купол парашюта. Снял с потной головы шлем, и вдруг такая радость охватила, что даже захотелось петь, а другие ребята, собирая купол, тоже пели. Затем мы дружно кричали нашим товарищам, которые еще были в воздухе, чтобы они развернулись по ветру и держали ноги вместе, а также повторяли слова дежурного на площадке приземления: «Земля! Земля!» Считаю, что это был подвиг, проявление нашего мужества.

Конечно, обмен впечатлениями продолжался до отбоя. Скажу не таясь, этот первый прыжок преследовал меня во сне страшными кошмарами еще долгие годы, и даже когда я служил в десантных войсках и совершил уже не один десяток прыжков с парашютом, в том числе на лес, воду и высокогорные ограниченные площадки. Многие ребята в ту ночь вскрикивали от страха во сне.

Утром, а это было воскресенье, нам разрешили увольнение в город. Недалеко от аэродрома жила моя тетя, младшая сестра отца Татьяна Андреевна. В суровые военные и голодные годы она нянчилась со мной, маленьким. Муж ее, Виктор Сергеевич, долгие годы руководил Гомельским авторемонтным заводом, был членом бюро горкома, уважаемым человеком в городе и, надо сказать, честным. Всю жизнь жили и живут в двухкомнатной квартире, за что ему частенько доставалось от тети, но она, несмотря на некоторый недостаток в доме, всю жизнь работала и воспитывала двоих детей. Минут через тридцать тетя тискала меня в своих объятиях. Она быстро сообразила стол и с большим удовольствием слушала мой рассказ о том, что я нахожусь на сборе на аэродроме и уже совершил один парашютный прыжок из кукурузника и, наверно, буду служить в десантных войсках. Правда, о переживаниях и страхе, которого я натерпелся во время прыжка, скромно умолчал. Пришел Виктор Сергеевич, пришлось повторить рассказ.

К вечеру я вспомнил про сбор, лагерь и строгий порядок. Стал собираться. «Не спеши, сейчас вызову машину, и водитель тебя довезет до лагеря», — сказал Виктор Сергеевич. Тетя на прощание чмокнула в щеку и сунула в руки сверток с провизией. Водитель на «Волге» прокатил меня через весь аэродром и, как большого человека, подвез прямо к нашим палаткам. Конечно, пацаны обратили внимание на такой сюжет; а мне

этого, собственно говоря, и хотелось. Конечно, тетино угощение тут же съели.

Наутро приступили к укладке парашютов на следующий прыжок. Нас снова распределили по кораблям, только на этот раз с учетом веса каждого парашютиста. Порядка на этот раз было больше, чем в первый день, но волнения, судя по нашим физиономиям, не меньше, да и ветер был сильный, с сильной облачностью. Пришлось ждать, пока стихнет. Ближе к обеду ветер стих, исчезли облака. Нам дали команду надеть парашюты, вывели на линию старта, и мы стали ждать своей очереди для посадки в самолет.

Я уже был научен горьким опытом первого прыжка, да к тому же и вес мне позволял зайти в самолет первому. По команде выпускающего мы повернулись направо, и я первым зашел в кабину самолета. На этот раз на линии старта пилоты выключили двигатель и заходить в самолет было намного спокойнее.

Я знал свое место рядом с кабиной пилотов и невольно заглянул к ним. Там было множество светящихся кнопок, лампочек и тумблеров. Вот это да, красота-то какая, подумал я, а прошлый раз ничего не рассмотрел. Как только последний парашютист зашел в самолет, выпускающий закрыл дверь. И сразу же начало портиться настроение. Выпускающий внимательно осмотрел нас, напрасно мы пытались ему улыбнуться, улыбка выходила жалкой.

Самолет запыхтел мотором и, слегка подпрыгивая на неровностях, стал выруливать на взлетную полосу. Небольшой разбег, и машина в воздухе.

На этот раз среди нас был парень, который не совершил вместе с нами первый прыжок. Он был балагур, в свободное время играл на гитаре, пел блатные песни. Рубаха-парень, да и только.

Самолет уже был на приличной высоте, и пилоты, как бы заранее призывая нас к порядку, сделали пару нырков. Да таких затяжных, что мы некоторое время не могли прийти в себя. А что стал вытворять рубаха-парень! Нам стало страшно, глядя на него.

Он сбросил с себя парашют и стал с криком метаться по самолету. Хорошо, что дверь была закрыта, а то еще бы и выбросился. Инструктор с выпускающим еле усадили его в кабину под кресло одного из пилотов.

А мы продолжали волноваться за себя втайне завидуя отказнику. А он, сжавшись в комок, сидел на коленях и руками держался за кресло пилота. Мы-то уже знали, что нас ждет, вот и волновались. Я, к примеру, думал только о том, чтобы быстрее все это закончилось и я вновь оказался на

родной земле. И снова раздался терзающий душу звук. Выпускающий левому борту подал команду встать и не очень вежливо помог покинуть самолет.

Вот и наша очередь подошла, мы тоже по команде встали, но ноги, как и первый раз, были ватные. Я снова, как кролик, подошел к вышибале, невольно глянул вниз, от увиденного закрыл глаза. Земля мне показалась серой и неудобной. Чувствую, направляют к двери, провал и снова в груди стон, похожий на тигриный рык, затем резкий рывок, ноги повторили прежний пируэт и оказались выше головы. Слава богу, парашют раскрылся, но глаза еще некоторое время почему-то не открывались. Меня на стропах слегка раскачивало, и на какое-то время снова охватил ужас, но через несколько секунд раскачивание прекратилось, и ужас прошел сам по себе.

Через мгновение полностью пришел в себя и начал действовать намного увереннее, чем в первый раз. Удобнее сел в подвесной системе и с интересом стал разглядывать землю. Пытался даже управлять парашютом. Иногда мне это удавалось. Без труда по ориентирам отыскал дом, в котором жила тетя.

С приближением земли горизонт закрылся деревьями и домами. Стали слышны команды, доносившиеся с земли: «Всем развернуться по ветру, ноги держать вместе». Направление ветра указывала огромная белая стрела, выложенная из полотнищ на земле.

Через несколько секунд очередная встреча с землей, и снова кульбит через голову, и снова радостные возгласы. Позднее мы узнали, что наш инструктор вместо прыжка вынужден был держать отказника под креслом, до тех пор пока самолет не совершил посадку. С этого момента в лагере мы его больше не видели, а нам же интересно было узнать, что с ним стало. Инструктор сказал, что он отчислен! По нашему мнению, парню только лучше сделали, а может, он специально откосил от прыжков и службы в ВДВ тоже.

На следующее утро на построении руководители сбора нам предложили своего рода сделку: они могут вторым прыжком закрыть наш сбор. По их мнению, мы здорово усвоили пройденную программу, и это дает им право сделать соответствующие отметки в наших документах и направить их в военкоматы, а нас завтра всех отпустить по домам. А если кто желает укладывать парашюты и совершить третий прыжок, для тех продолжаем обучение. Ясно, что желающих совершить третий прыжок не нашлось.

Утром после завтрака нам выдали деньги на обратную дорогу, а самое главное — парашютную книжку с записью, что я совершил три

парашютных прыжка из самолета «Ан-2» с высоты восьмьсот метров. А ведь и правда высоко! Внизу печать. Настоящий документ, для меня один из первых. Я очень гордился этой парашютной книжкой. А почему бы и нет. Ведь прыжков больше не будет. Можно немного и покуражиться, а если кто сомневается, так вот она, печать в книжке.

Дома я рассказывал родителям и друзьям о первых впечатлениях от этих страшных прыжков. Отец, фронтовик, инвалид войны, сказал: «Сын! Десантные войска перспективные, но и в мирное время они не безопасные, не говоря уже о военном. Я живой свидетель выброски немецкого десанта под Салтановкой. Есть такая небольшая железнодорожная станция недалеко от Жлобина. Мы, конечно, занимались своим солдатским делом и не обратили внимания на пролетевший самолет, а потом услышали крики: «Парашютисты!» В полутора километрах от нашего расположения самолет выбросил десант. Их начали расстреливать еще в воздухе, многих положили на земле. Некоторым удалось выжить. Правда, их десантирование происходило днем, рядом была воинская часть, нам повезло, что их вовремя обнаружили. Мы, саперы, в этом бою тоже активное участие принимали. А если бы их выбросили где-то подальше от наших подразделений, да еще ночью, возможно, они бы натворили беды. Нам тогда казалось, что немцы хотели понтонный мост через Днепр взорвать. Мы его возвели недалеко от населенного пункта Скепня, а второй строить планировали около Четверни. У немцев тогда разведка неточно сработала, да и мы мощно уже к тому времени наступали. Вот так, сын! Я тоже оказался участником уничтожения немецкого десанта. Правда, небольшого, всего человек шестьдесят было». Впервые я вспомнил об этом рассказе спустя долгие годы, когда уже был начальником разведки 105-й Ферганской гвардейской воздушно-десантной дивизии и мне необходимо было, правда, пока на всевозможных учениях, докладывать выводы об оценке противника и тактике его действий. Приходилось часто вспоминать рассказ отца и когда я воевал в Афганистане и в других горячих точках. Во многом он был прав, и особенно в оценке того самого немецкого десанта.

Я — солдат ВДВ

Через некоторое время забылись мои первые парашютные прыжки. Хотя иногда они меня доставали в ночных кошмарах.

Однако был один человек, который не забыл меня и мои парашютные прыжки. И все мое оставшееся до армии время держал меня и мне подобных на контроле. Это был райвоенком. С виду такой добродушный, но себе на уме, подполковник с солидной орденой планкой на груди. На петлицах были скрещенные стволы, что указывало на его принадлежность к артиллерии. Конечно, учетом обучения призывников армейским специальностям занимались его офицеры и сверхсрочники, а он, как и подобает командиру, руку держал на пульсе жизни военкомата. В то время военкомам взятки не давали, да они, фронтовики, их и не брали бы, а молодые парни с удовольствием шли служить в армию. Некоторые, что по медицинским показателям не призывались, сами приходили к военкому с просьбой забрать их в армию. Девчата, как правило, насмехались над неудачниками и отворачивались от них, немощных. Раз в армию не взяли, значит, со здоровьем не все в порядке. Одним словом, как у Высоцкого, если хилый, сразу в гроб.

Хотя, честно говоря, особого желания служить в десантных войсках я не испытывал, но когда я осознал это совершенно ясно, было уже поздно.

В конце октября 1962 года меня пригласили в райвоенкомат и вручили повестку, в которой черным по белому было написано: «Скрынникову Михаилу Федоровичу необходимо 17 ноября сего года прибыть на сборный пункт с вещами».

Вот, не думал я тогда серьезно, что попаду служить в ВДВ, иначе отец что-нибудь да предпринял бы.

Оставалось вздохнуть и настраиваться на службу в армии. Родители, узнав эту новость, стали суетиться и готовить меня к торжественным проводам в армию.

В то время служба в армии считалась святым делом, и сынов в нее провожали с большими почестями. Народа собралось, как на свадьбу. Я сожалел только об одном, меня друзья провожают, а я их не смогу, потому что я первый. Кстати, и по жизни я всегда был среди них первый, как первопроходец.

На следующий день прибыл в точно указанное время, с вещами был на сборном пункте военкомата. Офицер сделал перекличку. Вышел военком,

немного поговорил с нами о высоком и патриотическом, и нас строем отправили на вокзал и далее поездом в Гомель на областной сборный пункт. Там нашего брата было полно, считай, со всей Гомельской области набрался целый эшелон призывников.

Предварительно распределили по командам, представили купцов, то есть офицеров, которые прибыли за нами из войск.

Потом построили повзводно, во главе сержант, отвели в огромный зал, стали что-то рассказывать, затем показали кино. Ближе к вечеру снова построили и с оркестром отвели на железнодорожный вокзал, распределили по вагонам, а через некоторое время эшелон отправился в путь.

Ехали около двух суток. Первая остановка в Минске. Выгрузилась из эшелона одна из команд.

Нам на остановках выходить из вагонов запрещалось. В обоих тамбурах вагона дежурили сержанты, они с нами вежливо беседовали, отвечали на наши многочисленные вопросы.

В Гомеле среди новобранцев прошел слух, что нас повезут в Прибалтику. Все офицеры и сержанты, сопровождавшие нас, были десантниками. До меня и тогда, на сборном пункте, не доходило, что придется служить в ВДВ.

Мы с нескрываемым интересом слушали рассказы сержантов, рассматривали их форму, значки, которых у них было полно на парадных мундирах. Знак отличник-парашютист я увидел впервые. Обратил внимание на то, что у одних десантников были черные погоны, а у других — красные, но спросить стеснялся.

Оказывается, в то время в ВДВ была разная форма одежды. Она определяла род войск и служб. Личный состав парашютно-десантных полков носил фуражку с красным околышком и красные погоны. Артиллеристы дивизии имели фуражки с черным околышком и черные погоны. У подразделений химической защиты на фуражках был синий кант, а сами фуражки и погоны, как у артиллеристов, черные. А вот офицеры воздушно-десантной службы на фоне всех десантников смотрелись как летчики. У них была форма Военно-воздушных сил. На строевых смотрах они выглядели как настоящие сталинские соколы. А с фуражками не расставались и в зимнее время, несмотря на холодную погоду.

К вечеру второго дня эшелон прибыл в Каунас, и нас отвели в спортзал какой-то десантной части. Устроили переключку, и нашу большую команду разделили на красных и черных по цвету фуражек. Одним предстояло служить в пехоте, а вот другим, в том числе и мне, в артиллерии.

Большая группа была в Капсукас и Алитус, небольшая группа осталась в Каунасе. Нашу команду на автомобилях привезли в Калварию, это около шестидесяти километров от Каунаса.

В Калварии дислоцировалась вся артиллерия 7-й гвардейской Воздушно-десантной дивизии: артиллерийский полк, самоходно-артиллерийский и реактивный дивизионы.

Вечером нас стали сортировать по подразделениям. Меня и еще десятка три земляков определили в самоходно-артиллерийский дивизион. Остальных в артполк и реактивный дивизион. Земляков разлучили как единую команду, которую привезли служить в соседнюю республику.

Нашу группу разместили на третьем этаже спального помещения самоходного дивизиона. Все расположение сияло чистотой и порядком. Свежее постельное белье, новые одеяла. Старослужащие подготовились к приему молодого пополнения основательно.

На ночь глядя повели в солдатскую столовую. Есть совсем не хотелось. Нам сержант, наш погоняйло, видя такое дело, скомандовал: «Встать! Выходи строиться». Около столовой было много солдат, несмотря на поздний час. Им не терпелось посмотреть на молодой контингент, возможно, встретить земляка. В толпе солдат я узнал своего товарища, близкого земляка, Александра Ушакова, который уже второй год служил водителем автомобиля. Мы обнялись, конечно, расспросам не было конца.

В расположении нас уже дожидался лейтенант Пантелеев, который представил нам наших младших командиров на весь период обучения по программе курса молодого бойца. Я попал в отделение ефрейтора Чембулатова. Он несколько дней назад прибыл из учебного подразделения и сразу стал нашим Макаренко.

Утром дневальный заорал: «Батарея, подъем!» Вот и началась моя долгая, долгая солдатская, а затем офицерская служба в десантных войсках. Мы вскочили и стали суетливо напяливать на себя обмундирование. Со стороны это выглядело смешно. То в одну штанину две ноги засунешь, то ремень с табуретки упадет, а то и сапоги перепутаешь. У сержантов наша неуклюжесть вызывала смех, но они все же советами подбадривали нас, а некоторым и помогали.

И вот уже стоим в строю, выравниваем носки своих сапог по одной линии. Здесь же нам представили и старшину батареи на период курса молодого бойца — фронтовика Бондаренко.

На завтрак в столовую шли под руководством старшины. Он пытался добиться от нас строевого шага, но у нас пока, как говорят на армейском языке, получался один горox. Почему горox, мы еще не знали.

После завтрака весь день был посвящен подгонке обмундирования, наведению порядка в расположении. Хотя, на наш взгляд, в казарме и так было все в порядке.

Ближе к вечеру каждому вручили оружие. Сержанты переписали номера автоматов. От нас требовалось запомнить номер автомата и место своего оружия в пирамиде. До самого отбоя мы освобождали автоматы от обильной складской смазки. А со следующего дня стали заниматься уже строго по расписанию, которое висело в казарме на видном месте.

Через неделю занятий по строевой, физической подготовке и Уставам Советской армии мы приступили к изучению людских десантных парашютов. Основная масса молодых солдат имели парашютные прыжки, значит, были в курсе дела.

Занятия по изучению парашютов, кроме наших командиров, проводили офицеры воздушно-десантной службы — настоящие профессионалы и методисты своего дела. О парашюте могли часами рассказывать.

Был такой забавный случай. Параллельно с изучением парашютов шли занятия по наземной отработке элементов прыжка. Дошла очередь до прыжков с парашютной вышки.

Наверху стоит выпускающий, как правило, офицер. К нему подходит солдат, он помогает новобранцу надеть подвесную систему, следит за соблюдением мер безопасности. Высота все же приличная — метров восемь, десять. Сорвешься, мало не покажется. Внизу кто-то из сержантов страхует приземление парашютиста. Мы с парашютной вышки с первого раза по команде выпускающего: «Пошел!» не смогли прыгнуть. Только после нескольких попыток удавалось преодолеть психологический барьер. Настала моя очередь поднялся на вышку. Командир помог надеть подвесную систему, и я решительно подошел к краю, глянул вниз и тут же назад. Земля вроде бы рядом, а прыгнуть не то чтобы страшно, а вот не может, и все тут. Командир не подталкивает, как вышибало в аэроклубе, а только требует, даже просит самому собраться и вперед. «На землю смотреть не надо! Смотри на горизонт!» Постоял я еще немного, подергался вперед, назад, а потом собрался и прыгнул вниз. Приземление подстраховали, получилось совсем не страшно. Для закрепления успеха стали взбегать на вышку и прыгать вниз, нам даже понравилось. Наконец командир сказал: «Молодцы! На сегодня достаточно».

Зима в том году в Прибалтике, несмотря на общий мягкий климат, выдалась снежная и относительно морозная. Поэтому нам, солдатам, изучать и укладывать парашюты на свежем воздухе было не очень

комфортно.

Мы к изучению и укладке парашютов относились серьезно, тем более что нам объявили: это укладка на прыжок.

Уложили каждый свой парашют, затем поместили основной и запасный парашюты в сумку. Сумки с парашютами кто-то из офицеров опечатали, и мы их отнесли на склад.

Склад хранения людских десантных парашютов охранялся составом караула. В аэроклубе, насколько мне помнится, парашюты хранились в отдельной палатке, и никто их не охранял.

В армии все материальные ценности хранятся на складах, в хранилищах, автопарках и должны соответствующим образом охраняться.

Позднее, после принятия военной присяги, и нам придется заступать в караул и охранять эти самые материальные ценности, а пока за нас эту работу выполняют старослужащие солдаты.

Следующий день был посвящен огневой подготовке. Изучали материальную часть оружия, а также всевозможные приемы изготовления к стрельбе и теперь занимались стрельбой из автомата. Стрельбище находилось в семнадцати километрах от Калварии, оно принадлежало одному из парашютно-десантных полков. По договоренности в один из дней выделялось артиллеристам.

Утром на автомобилях приехали на стрельбище. После тренировок в изготовке к стрельбе нас вывели на огневой рубеж. Мишени (не меньше 20) были под номерами. Каждому указали мишень и ее номер. Тогда мы думали только об одном, чтобы не перепутать свою мишень с мишенью соседа. Была и еще одна подлянка, неожиданный выстрел соседа, слева или справа. Существовал целый комплекс психологических барьеров, и это надо было учитывать. За лишнюю пробоину в мишени очки лучшей снимали с общего количества.

Тем не менее выполнили упражнение уверенно. Несколько человек выбило по двадцать восемь очков, среди них был и я, рядовой Скрынников. За отличную стрельбу лейтенант Пантелеев даже похвалил нас перед строем взвода. Мы еще несколько раз выезжали на это стрельбище и всегда стреляли метко.

Незаметно прошло около полутора месяцев военной службы, мы более или менее походили на солдат, которые кое-что смыслят в военном деле. После прохождения полного курса молодого бойца нас зачислили в штат подразделений, в которых мы и должны служить до дембеля. Меня зачислили на должность заряжающего 85-мм САУ во вторую батарею. Еще некоторое время мы занимались отдельно от старослужащих, но

самоподготовка проходила в ленинской комнате второй батареи. Да и занятия с нами уже стали проводить сержанты батареи.

В один Из таких вечеров в распоряжение зашел командир батареи, который еще находился в очередном отпуске. В ленинской комнате мы учили Уставы Советской армии.

Послышалась команда: «Смирно!» Через несколько минут дверь ленинской комнаты открылась и показалась рослая фигура капитана в парадной шинели, комбата Теплякова Ивана Митрофановича, участника Великой Отечественной войны. Когда он расстегнул шинель, мы увидели приличную наградную колодку на его кителе. Поняли, воевал наш комбат классно. Мы все еще продолжали стоять по стойке «смирно». Комбат с нами поздоровался, а сержант Храмов доложил ему, что мы, молодые солдаты, изучаем Уставы.

Тепляков сразу расположил нас к себе. Началась непринужденная беседа, комбат одновременно проверял знание Устава. Задал вопрос: «Что такое часовой?» Рядом со мной за соседним столом старослужащие Данилин и Шимкус трудились над очередным выпуском стенной газеты. Они меня толкают: «Давай, не стесняйся», а мне и хочется, и колется. Уставы к тому времени мы хорошо знали. Командир обвел взглядом нашу группу и, наверное, заметив мое замешательство, дал мне слово. Я встал, представился и бойко ответил на вопрос. И другие солдаты оказались на высоте. Уходя, командир батареи похвалил нас и пожелал как можно быстрее влиться в коллектив батареи.

В войсках перед каждым учебным годом проверялась боевая готовность, в частности подъем по учебной тревоге и выход в район сосредоточения.

Как-то во время вечерней поверки среди личного состава прошел слух: завтра дивизион поднимут по учебной тревоге. Для нас, молодых, это было очередное новшество, и мы стали расспрашивать старших товарищей, как себя нужно вести в такой ситуации. Утром нас разбудили словами: «Батарея, подъем! Учебная тревога!». Расположение стало напоминать муравейник, где каждый делал свое дело. В первую очередь занавесили окна. Соблюдалась маскировка. Я волновался, однако оделся не позднее других солдат. Взял из пирамиды рюкзак, автомат и стал в строй. Офицеры все наши действия сверяли по секундомеру.

Старшина батареи принял доклады от заместителей командиров взводов. Затем прошелся вдоль строя, кому-то из молодых помог разобраться с рюкзаком и скомандовал батарее следовать в автопарк к хранилищу самоходных установок. Там нас ожидал командир батареи.

Старшина отдал рапорт о прибытии батареи. Комбат посмотрел на часы, но личному составу замечаний не сделал. Значит, батарея уложилась во время, отведенное для мероприятия.

Во главе с комбатом мы «пеше по-танковому», есть такой термин у танкистов, вышли в район сосредоточения нашей батареи. До района было километров пять. В лесу стали рыть окопы, не каждый для себя, как пехота, а укрытия для самоходок — такой глубины, чтобы эта махина могла полностью в нем поместиться. Эти капониры рыли практически до обеда. Мы старались что было сил и, конечно, устали. Комбат объявил перерыв, сам с офицерами проверил и оценил сделанную работу. Поступила команда зарыть эти окопы. «Вот это да, зачем же было тогда их рыть до седьмого пота», — мы искренне возмутились. «Если их не зарыть, то к концу вашей службы в этом районе будут одни окопы, и местному руководству это не понравится. Так что, молодежь, работаем без лишних слов», — сказал сержант Храмов. «А нужно это для сноровки и тренировки и чтобы служба медом не казалась», — добавил старшина батареи Кривопалов.

В расположение возвращались опять же с песней. В казарме почистили оружие, привели себя в порядок и услышали долгожданную команду «Строиться» для следования на обед. Даже про усталость забыли, в строй стали раньше ветеранов. «Проголодались?» — спросил старшина. «Так точно!» — ответили мы честно.

День за днем мы учились военному делу в составе батареи в основном на танкострелковом городке. Не забывали с нами проводить занятия и по наземной отработке элементов прыжка, все же мы служили в Воздушно-десантных войсках.

Как-то во время вечерней поверки в батарею зашел лейтенант Косульников, дежурный по дивизиону, и сделал объявление: завтра утром молодежь дивизиона выезжает на аэродром Кидейный для совершения парашютных прыжков, отъезд от склада хранения парашютов. Конечно, лейтенант испортил нам настроение. Старшина тут же нам выдал теплое обмундирование и валенки. На улице была минусовая температура, да и снега было много.

Ночь была бессонной и тревожной. После подъема мы убыли на склад и загрузили в автомобиль парашюты, но перед этим каждый из нас внимательно осмотрел парашютную сумку и печать.

Затем офицеры воздушно-десантной службы провели с нами предпрыжковую подготовку. Повертелись мы на стапелях, попрыгали с трамплинов, в зимнем обмундировании это делать не очень удобно, но

такие занятия необходимо проводить перед каждым прыжком независимо от профессиональной подготовки, и офицеры ВДС это держали на контроле. В армии, напомним, строгий контроль осуществляли и офицеры-политработники. Попробуй кто-нибудь из офицеров отменить или не провести политзанятия, в дивизии будет поднят большой шум с непременным, разбирательством и, возможно, с определенными оргвыводами в отношении командиров. Зато в девяносто третьем эти самые политработники без боя сдали свои крепкие позиции и первыми заняли теплые места, не забыв прихватить своих верных помощников-комсомольцев. Многие из бывших и сейчас занимают высокие чиновничьи должности, а рожи некоторых по сей день не сходят с голубых экранов. И остались в то нестабильное и безденежное для армии время практически одни строевые офицеры. И досталось же тогда им, бедолагам. Вспоминать страшно. Правда, огульно всех политработников ругать не буду, и среди них были порядочные люди. Без страха и сомнения называю их поименно: В. Гущин, Н. Горячев, В. Голубев, В. Масоновец, Л. Старченко, П. Шеметило, С. Гуринов, В. Герасимов и другие.

У офицеров воздушно-десантной службы контроль жесткий, от него напрямую зависит жизнь десантника. Сейчас стыдно вспоминать, но парашюты мы грузили медленно, без особого энтузиазма. С плохим настроением шли в столовую на завтрак. После завтрака поступила новая команда: сегодня выезд на прыжки из-за погодных условий отменяется. На душе стало веселее. Еще бы, отменили прыжки. Так повторялось несколько раз. Парашюты загружали, а потом разгружали. Но все же установилась безветренная прыжковая погода, нас вывезли на аэродром. Каждый надел на себя парашюты, построились по кораблям. Хочу обратить внимание на существующий строгий контроль за подготовкой к прыжкам и проверку парашютиста непосредственно перед совершением прыжка. За мою более чем тридцатилетнюю службу были единичные случаи отказа парашюта, которые повлекли за собой гибель парашютиста. Предпосылок к ЧП было много, особенно когда проходила массовая выброска десантов, по несколько тысяч человек, не только в светлое, но и в темное время суток. Однако благодаря смелым и умелым действиям десантников в воздухе все оканчивалось благополучно. В этом и есть немалая заслуга офицеров воздушно-десантной службы.

К сожалению, остались в памяти два трагических случая, связанных с гибелью большого количества десантников. Первая трагедия произошла в 1968 году над Калужской областью в районе населенного пункта Юхново. «Ан-12» перевозил курсантов нашей учебной дивизии (77 человек) из

Литвы в Москву для участия в показательном занятии министру обороны. В это время на такой же высоте из Нежино (Украина) летел «Ил-14» с одиннадцатью пассажирами на борту, также в Москву. И над Юхново маршруты полета самолетов пересеклись. Пассажиры обоих самолетов погибли. Помню, а я уже служил лейтенантом в Фергане, как собирались деньги на памятник в Юхново, который стоит и поныне, напоминая о той страшной трагедии, которая произошла по вине диспетчерской службы.

Вторая трагедия произошла в конце 1989 года, около Сумгаита. Десантники благодаря миротворческой миссии предотвратили истребление армянского населения, проживавшего в Азербайджане. После выполнения правительственной задачи десантники самолетами возвращались в свою 98-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию в Болград. Один «Ил-76» с ротой десантников на борту взлетел с аэродрома Насосная и через несколько секунд рухнул в Каспийское море недалеко от берега. Погибли все десантники и члены экипажа. Об этой тоже страшной трагедии напоминает памятник, воздвигнутый на территории тогдашнего 299-го гвардейского парашютно-десантного полка. Почему тогдашнего — теперь это территория Украины, и в том военном городке живут чужие для нас солдаты. Российских десантников передислоцировали в Иваново, а кто присягнул на вечную верность Украине, стали в одночасье десанниками-хохлами. Таких было немного. Через пару лет в Болграде от десантников осталось одно название. Все перемешалось, и что за войско сейчас в тех военных городках располагается, сам господь бог не разберется. Жаль пенсионеров-десантников, которые там остались. Деваться им было некуда, а, если честно, они никому не были нужны, их там российское правительство бросило.

В Иваново десантники успешно и усиленно занимаются боевой подготовкой и заканчивают переход на контрактную службу. Командует дивизией мой бывший подчиненный, разведчик, а ныне генерал Ленцов. У меня о нем воспоминания очень теплые. В двадцатых числах января 2006 года открываю газету «Красная Звезда» и читаю. Первый заместитель министра обороны генерал-полковник Белоусов и командующий ВДВ генерал-полковник Колмаков побывали с двухдневным рабочим визитом в 98-й воздушно-десантной дивизии, завершающей переход на контрактный принцип комплектования. Военачальники заслушали командира дивизии генерала Ленцова, который доложил, что контрактниками укомплектована вся дивизия за исключением батальона одного из парашютно-десантных полков. Высокую оценку первого замминистра обороны получила обновленная учебно-материальная база боевой подготовки дивизионного

полигона «Песочное». Там же Белоусов ознакомился с ходом боевой учебы десантников. Оценив уровень организации боевой подготовки на «хорошо», отметил заметно возросшую интенсивность боевой учебы десантников. По словам командующего ВДВ генерал-полковника Колмакова, солдат занят исключительно тем, для чего предназначен и за что ему платят, — боевой подготовкой. Ленцов, как всегда, не подвел.

Однако пора возвратиться к реалиям моей молодой солдатской службы. Пока мы в составе кораблей прошли все линии контроля, подрулил и наш «Ан-2». Заходили в самолет строго по весовой категории, я был где-то предпоследним. От работающего двигателя снежная струя била нам в лицо, приятного мало.

Самолет заурчал, разбежался и поднялся в воздух, а мы с интересом смотрели в иллюминаторы на зимний литовский пейзаж. Армейские летчики более милосердно относились к нам, молодым солдатам, чем в аэроклубе, в воздухе мы не почувствовали провалов в страшные воздушные ямы. Хотя и ожидали этого. Самолет оставляли с волнением, но без прежнего страха. Все-таки коллектив играет большую роль, тем более если это надолго, как у нас, до конца службы. Приземление было мягким. Снега в поле достаточно много. На земле, конечно, делились друг с другом впечатлениями о прыжке, а потом по глубокому снегу след в след выходили на сборный пункт.

На сборном пункте лейтенант Пантелеев поздравил нас с первым прыжком, но это более относилось к тем, кто действительно совершил в своей жизни первый прыжок с парашютом. У меня это был уже третий по счету прыжок. Затем лейтенант каждому из нас выдал парашютный знак. В течение короткого времени совершили еще по два прыжка. Еще до первых прыжков нам в батарею ветераны рассказывали байки, что есть самолет огромных размеров, они с него уже десантировались. Они это делали, чтобы пощекотать нам нервы. Да, в шестидесятые годы уже появился на вооружении самолет «Ан-12». По тем временам это был один из самых большегрузных самолетов в военно-транспортной авиации. Но скажем прямо, лидерство ему принадлежало недолго. Началось бурное строительство более солидных самолетов для военно-транспортной авиации, которые десантники успешно осваивали и совершали прыжки днем и ночью.

Солдаты нам рассказывали, что в чреве этого самолета помещается до сотни десантников. Запросто может поднять в воздух две 57-мм САУ. В то далекое время в каждом полку было по одной батарею самоходных орудий. Мы слушали с удовольствием, тем более что такой прыжок уже был

заложен в программу боевой подготовки.

Следующая укладка парашютов была именно для совершения прыжка из этого самолета, около купола и строп мы ползали на коленках — все выравнивали и разглаживали купол.

Почти весь следующий день на парашютном городке проводили наземную подготовку. Через день мы выехали на аэродром. Настроение двоякое — волнение и любопытство. Любопытство преобладало. Всю дорогу до самого Кидейня шутили, стараясь не думать о предстоящем прыжке. Значит, потихоньку начинаем адаптироваться к службе, можем отвлечься от навязчивой идеи страха перед прыжком. Нам не терпелось увидеть самолет. На стоянке мы увидели три огромных самолета. «Вот это сарай», — восхищались солдаты, рассматривая «Ан-12». Летчики разрешили подойти вплотную к самолету. Чтобы посмотреть на крыло, приходилось запрокидывать голову. Вдруг открывается рампа, ух ты, да эта грузовая кабина больше похожа на тоннель. Из нее нам предстоит выскакивать друг за другом. Ждать пришлось недолго. Послышалась команда надеть парашюты и строиться по кораблям. Вся наша батарея во главе с капитаном Тепляковым через рампу зашла в самолет и полностью разместилась в грузовом отсеке. Двери закрылись, в самолете стало темно, не очень уютно, мы немного замандражировали. Через минуту, другую мощно раскрутились винты, взревели двигатели. Самолет плавно покатился по рулевой дорожке на взлетную полосу, остановился, и через несколько секунд мощно загудели все четыре двигателя, он как будто бы присел и тут же сорвался с места и стал очень быстро разгоняться. Набрав положенную для выброски высоту, самолет вышел на боевой курс. Старослужащие солдаты были спокойны, о чем-то с соседями переговаривались. Вдруг в грузовой кабине стало светло, я посмотрел в сторону хвоста и увидел, как открывается рампа. Далеко внизу — земля. Я продолжал смотреть, как зажегся желтый, а затем зеленый фонари. Личный состав встал со своих сидений, изготовился, вой сирены заглушил команду комбата: «Пошел!» Десантники с криком «ура!» устремились к люку, а здесь уже воздушная струя подхватывала солдата и уносила прочь от самолета. Меня тоже, как только добежал до конца грузового отсека, воздушным потоком подхватило и швырнуло вниз под хвост самолета, а потом будто кто-то схватил за воротник и стал поддерживать в воздухе. Работает стабилизация, дошло до меня. Глаза открыты, мелькнула земля, потом увидел удаляющийся самолет и снова земля, а дальше всем нутром почувствовал провал и застонал. «Выходят стропы», — мелькнуло в голове, и сразу же последовал рывок. Осмотрелся, вокруг много десантников.

Через несколько секунд парашютисты, словно в хороводе, вертелись один возле другого. В таком массовом скопище десантников, да еще в воздухе, мы оказались впервые и немного трусили. С земли уже стали слышны команды, чтобы мы держали ноги вместе и развернулись по ветру. Еще несколько секунд, и удар ногами о землю, естественно, у нас еще не было таких навыков, чтобы устоять на ногах, но я видел, что офицеры и многие солдаты могли это сделать, как бы показывая свое мастерство перед другими. К вечеру вернулись в расположение.

Наутро укладка парашютов — необходимое требование для боевой готовности подразделения. Парашюты должны храниться в готовности для совершения прыжка, а если по какой-то причине сроки хранения уложенных парашютов перекрывали установленные нормы, парашюты обязательно переукладывались. Спрессовка парашютов на складах категорически запрещалась. В деловых буднях незаметно прошел декабрь. Думали, как встречать Новый год. Стали срочно готовить специальный выпуск стенной газеты, и надо же мне было накануне нарисовать Деда Мороза со (Снегурочкой. С тех пор я стал постоянным редактором батареинной стенной газеты и боевого листка взвода.

Встретили новый 1963-й буднично, не по-домашнему, даже скучно. Правда, елка в ленинской комнате была и поздравления с Новым годом от военного Деда Мороза. Но все по-военному неинтересно. Сразу вспомнились мама с папой и мои младшенькие. Грустно стало, хоть плачь, но рядом однополчане. Держись, солдат, генералом станешь! Почти так в моей жизни и случилось. Только я стал не генералом, а полковником.

Сразу же после встречи Нового года мы с большим старанием стали готовиться к принятию Военной присяги. Учили наизусть текст, готовили парадную форму одежды. Я во взводе был один молодой солдат, и практически все старослужащие независимо от званий и должностей усердно помогали мне. Наводчик Чувашов подогнул под меня парадные брюки, как заправский портной. Правда, он и другим солдатам не отказывал в просьбе. С большим удовольствием вертелся перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон. Парадная форма была подогнана по моей фигуре, отглажена и в каптерку сдана на хранение до особой команды.

На следующий день нам предложили за умеренную плату сфотографироваться, к сожалению, не в парадной форме. Старшина Бондаренко принес летный шлем десантника военных лет, новую десантную куртку, мы в них и сфотографировались. Через несколько дней дневальный по батарее приглашает нас зайти в ленинскую комнату. Там старшина Бондаренко каждому из нас вручил по несколько фотографий.

Мне тогда показалось, что мы похожи на настоящих десантников военных лет.

Этим же вечером написал родным письмо и вложил фото. Это была моя первая армейская фотография. Я ждал ответа от родителей. Письмо пришло быстро, мои писали, что на фото я выгляжу настоящим солдатом.

В субботу накануне принятия Военной присяги командир батареи провел с нами, молодежью, генеральную репетицию. Нужно было еще раз показать, как правильно выходить из строя, подходить к начальнику и докладывать о прибытии для принятия присяги, как правильно и, самое главное, какой рукой брать текст присяги и где ставить свою подпись. Наука несложная, но требовала тренировок.

Воскресенье, на радость нам, солдатам, выдалось солнечным и слегка морозным. С утра переоделись в парадную форму, получили оружие. На строевой плац вышла вся артиллерия дивизии. Свежий воздух немного бодрил и поднимал настроение. Войска, как всегда, на важные мероприятия выводят заранее, и командиры начинают в сотый раз проверять, считать. Чувашов мне говорит: «Дай, салажка, еще раз на тебя посмотреть». Осмотрел придирчиво и сказал: «Выглядишь — то что надо».

Послышалась команда «смирно», заиграл военный оркестр. Командир артиллерийского полка полковник Непомнящий строевым шагом шел навстречу старшему начальнику, щеголеватому полковнику. Позднее я узнал, что это и есть начальник артиллерии дивизии, полковник Калинин. Через годы нас судьба сведет снова. Он стал командиром дивизии, а я молодым лейтенантом, только что прибывшим для прохождения дальнейшей службы в его распоряжение.

И вот настал торжественный для нас момент, после которого мы будем полноправными солдатами и защитниками нашего Отечества. Я, как и все, волновался, но выходил из строя четким строевым шагом. Утром строевой плац заранее расчистили от снега и посыпали песком. Внятным голосом зачитал текст Военной присяги, расписался о том, что присягнул на верность Родине. Капитан Теляков пожал мне руку и поздравил с принятием присяги. В ответ я заорал: «Служу Советскому Союзу!» и вернулся в строй.

По окончании деловой части старший начальник подал команду на прохождение торжественным маршем. Все подразделения артиллерии под музыку, чеканя строевой шаг, прошли мимо трибуны, на которой было много военных и гражданских лиц. В расположении быстро протерли свое оружие, отнесли в ружейную комнату и после небольшого перекура стали готовиться к построению на обед.

Обед был праздничным, а после выход в городской кинотеатр на премьеру фильма «Три мушкетера». По пути в кино успели сфотографироваться в фотостудии в парадной форме, консультантом по форме одежды был Меркулов, механик-водитель нашего экипажа.

В напряженной учебе шло время. Уже изучена материальная часть 85-мм САУ, но поскольку я был заряжающим, основное внимание я уделял практической работе при орудии. Не сразу все получалось из-за отсутствия практических навыков при работе на материальной части. Долго ходил с саадами на руках, но уже через месяц-другой приобрел необходимые навыки и, по словам командира взвода, со своими обязанностями стал справляться успешно. Да и со стороны наводчика Чувашова перестали поступать упреки в мой адрес. Вот так, день за днем, месяц за месяцем, росло наше военное мастерство.

Однажды на общем комсомольском собрании батареи комбат Тепляков призвал всех комсомольцев батареи пересмотреть взятые социалистические обязательства в сторону повышения. На собрании приняли обязательство предстоящие боевые стрельбы проводить только на отлично и вызвать на соревнование первую батарею. Комбаты были заядлыми корешами. Вот друг с другом и соревновались. Ну, было тогда такое время. Без соцобязательств, что на гражданке, что и в армии, никак нельзя.

Незаметно наступил апрель. В один из дней вся артиллерия дивизии заторопилась на Добровольский полигон для выполнения боевых стрельб штатным выстрелом из всех артиллерийских систем, которые имелись на вооружении воздушно-десантной дивизии.

Молодым бойцам это было впервые. Нам наравне со старослужащими тоже предстояло стрелять из установок, но упражнение для нас было более простым и стрелять надо было не штатным выстрелом, а из вкладного 23-мм ствола, который вставлялся в орудийный.

На станции погрузки я старался помочь своему механику-водителю Меркулову в креплении самоходки на платформе, и в конце концов мы закрепили установку.

Для перевозки личного состава батареи выделялась одна теплушка, в народе ее называли телятником. Наверное, потому, что в них, когда военные были в казармах, возили животных. Посередине вагона стояла буржуйка. Несмотря на начало апреля, ночью было еще прохладно, даже по меркам Прибалтики. По углам вагона нары в два яруса.

Меня и Рудько старшина назначил дневальными по вагону и отправил на инструктаж к начальнику эшелона. Вернувшись, стали выполнять свои обязанности и присматривать за буржуйкой.

Наш железнодорожный состав долго стоял в ожидании сигнала на отправку. Позднее я понял, военные грузы и личный состав, как правило, двигаются по ночам, по выходным и праздничным дням. Пропуская все пассажирские и народнохозяйственные грузы, но если в воинском эшелоне есть литерный знак, его гонят со свистом мимо всех станций до конечной остановки. Наш таким не был.

Офицеры дивизиона находились в соседнем, плацкартном вагоне. В нашем, ну очень «комфортном», вагоне был старшим старшина Кривопалов. За всю службу я его ни разу не видел неряшливым, не слышал, чтобы он хамовато разговаривал с младшими по званию и должности. Его манере поведения подражали все сержанты батареи, и не только нашей. В других батареях старшины были сверхсрочниками и, как правило, фронтовиками. По всей видимости, у Кривопалова были достойные учителя для подражания.

Сигнала на отправку эшелона почему-то все не было. Часть солдат уже похрапывала на нарах. Данилин тихонько тренькал на гитаре. Другие что-то обсуждали, до меня доносились лишь обрывки фраз, из которых я понял, что речь идет о предстоящих боевых стрельбах.

Но ведь я в армию был призван тоже не дилетантом благодаря школьному учителю военного дела, который научил нас азам армейской службы. По крайней мере материальная часть стрелкового оружия, строевая и физическая подготовка для меня новостью не были. Да и с тактикой одиночного солдата на поле боя не было проблем плюс парашютные прыжки.

Все это нам, пацанам, вдолбил в голову фронтовик, отставной майор артиллерии Савченко. Он преподавал не только военное дело, но и математику. Человек строгих правил, но справедливый. С нами разбирался сам без родителей. Мне бы отец наверняка накомандовал прилично, если бы Савченко рассказал об очередном мною выкинутом финте.

Вообще-то я рос шустрым малым. Себя в обиду не давал. До пятого класса учился хорошо, а вот с пятого по восьмой ни шатко ни валко. В шестом даже забуксовал. А вот с восьмого по десятый, по словам отца, меня как будто бы подменили — взялся за ум. Однако оставался непоседой.

Во дворе школы оставались не убранные с осени цветочные клумбы, а на них высохшие высокие стебли каких-то цветов. Мы стали выдергивать их и, раскручивая, пытались бросить как можно дальше — спонтанные соревнования, метания комьев земли на дальность.

Настала моя очередь. Д вытащил из земли высокий стебель с комом земли на конце и раскрутил его. Стебель неожиданно обломился, ком земли

изменил траекторию полета и угодил в мимо проходившую жену директора школы. У меня душа ушла в пятки. Я сразу же извинился перед учительницей. Возможно, все бы и обошлось, но за всем этим из окна своего кабинета наблюдал директор школы. Конечно, велено было завтра в школу явиться вместе с отцом. Вот этого я боялся больше всего.

Обещал было директору прополоть все клумбы, но он в своем решении был непреклонен: какой-то сопляк обидел его жену.

Два дня я пропускал уроки, но в конце концов эта история дошла до отца. Всыпал он мне по самую завязку. И сказал: «Передай директору! В школу не приду, боюсь, что узнаю намного больше о тебе, поберегу сердце».

Воспоминания детства прервал сигнал горниста. К начальнику эшелона вызывали старшин батарей. По каким-то для нас непонятным причинам отправка эшелона задерживалась, но командование об этом было заранее проинформировано и приняло решение кормить личный состав в эшелоне. Многие военнослужащие уже отдыхали и от каши отказались. У нас же, молодых, был зверский аппетит, и мы с удовольствием навернули по две порции. Иногда в поле на занятиях так здорово есть хочется, аж кишки марш играют. Посмотришь на часы, а до обеда еще очень далеко. Только где-то через полгода организм приспособился к армейскому распорядку, а до этого хоть ночью разбуди и спроси: «Есть будешь?» «Буду», — отвечу. За свою солдатскую службу рядовым солдатом ВДВ не припомню ни одного случая, чтобы кто-то из старослужащих солдат обидел молодого солдата, или, еще хуже, чтобы его обжали в солдатской пайке. Наоборот, нам доставалось каши всегда больше. И прошло не более десятка лет после моей солдатской службы, как можно уже было услышать, что в таком-то подразделении обижают молодых солдат.

Такие случаи строго пресекались командирами, но эта эпидемия стала проникать во все Вооруженные силы.

Наконец раздался долгожданный гудок паровоза, и тотчас эшелон тронулся, поскрипывая всевозможными сцепками, начал отходить от станции погрузки. Медленно проплывали аккуратные домики небольшого, хорошо освещенного литовского поселка. Эшелон в пути находился всю ночь, делал остановки, пропуская пассажирские поезда, хотя до станции назначения было не более двухсот километров. К утру эшелон подошел к какой-то маленькой грязной станции и остановился. Началась обычная суeta разгрузки. Мы оставили обжитый за ночь вагон, не забыв оставить там все в порядке. Меня и Рудько как дневальных по вагону оставили дожидаться прибытия представителя военных перевозок. Так было

заведено в целях сохранения военного имущества. Представитель долго ждать не заставил, придирчиво осмотрел вагон. Мы с Николаем время Даром не теряли, вагон подмели, доски расставили по местам, буржуйку затушили, и он нас отпустил с миром. Как только мы стали в строй, последовала команда: «Шагом марш!» И мы с песней зашагали в пункт сбора артиллерии, самоходные установки по давно проторенной колее, минуя населенные пункты, во главе с офицерами тронулись в путь. Мне тогда казалось, что в армии без песни ну никак нельзя. В столовую с песней, передвижение по военному городку с песней или строевым шагом. В походе тоже с песней.

С песней мы прошли город Гусев. Население приветливо встретило нас. Ребятишки пристраивались к нашему строю, старались маршировать, подражая нам. Думал, после войны здесь остались жить немцы, но не тут-то было. Они оставили эти места, а их дома заняли приезжие, или, как их еще называли, завербованные в Калининградскую область из разных областей Советского Союза. Многие дома, между прочим, были обшарпаны. Дороги неважные, правда, в некоторых местах брусчатка как напоминание о том, что здесь когда-то жили немцы и был надлежащий порядок. Какой хозяин, такой и дом. Прошли пешком около восьми километров и в ближайшей роще увидели торчащие стволы гаубиц артполка и наших самоходок. Конечно, мы немного устали. Тем более после переезда, и сразу марш.

По прибытии в лагерь нас встретил старшина и определил каждому взводу лагерную палатку, потом сказал, чтобы готовились к обеду. Кто-то из старослужащих пошутил, а когда будет завтрак? «Сухим пайком и по дембелю!» — отреагировал на шутку старшина.

После обеда всей батареей стали обслуживать самоходки и готовить вооружение к предстоящим стрельбам. Мне понравился процесс выверки орудия, я с удовольствием в этом помогал Чувашову. После обслуживания техники и вооружения комбат объявил, что наша батарея завтра первой начинает боевые стрельбы. «Прошу всех настроиться и помнить о взятых обязательствах. Отпускные документы многих вот здесь», — он похлопал рукой по командирской сумке. Личный состав от удовольствия загудел. После ужина в палатку зашел Пантелеев, чтобы еще раз обсудить вопрос о правилах стрельбы и о теории с командирами установок и наводчиками орудий.

Утром нашей батарее предстояло сделать первый выстрел. Конечно, всем хотелось попасть непременно в цель. По солдатским меркам первый выстрел был самым ценным, если снаряд попадал в цель, командир и

наводчику независимо оттого, кто стрелял, объявляли отпуск с поездкой на родину сроком на десять суток. Стимул был огромный, но, увы, не каждый был удачлив.

На следующий день рано утром батарея была уже на стрельбище; нам, молодежи, доверили вести наблюдение за мишенной обстановкой и местностью, чтобы местные жители случайно не забрели на танковую директрису, хотя они всегда накануне стрельб оповещались через местные органы власти. Были случаи, когда заблудившиеся жители попадали в район проведения стрельб. Чтобы Избежать неприятных последствий, выставлялось оцепление и наблюдатели. Нам выдали бинокли, мы повесили их на грудь — настоящие командиры, да и только. Позже мы узнали правду: командиры не стали рисковать результатом, и на день стрельб нас от исполнения обязанностей освободили. Командир, как всегда, прав.

Стрельба проходила организованно. Орудия били точно по целям. Выстрел слышался мощно и громким эхом раскатывался по Калининградской области.

На следующий день боевые стрельбы продолжились, а мы сами стали готовиться к стрельбе, только наше упражнение было менее сложным. В ствол нашего 85-мм орудия вставляли 23-мм пушку. Из нее нам предстояло уничтожить безоткатное орудие, а из пулемета поразить пулемет и расчет противника.

Командиры установок, наводчики, не говоря уже об офицерах, много уделяли внимания нашей подготовке. Оказывается, оценка, полученная за выполнение упражнений молодыми солдатами, напрямую влияла на общую оценку батареи. Поэтому развернулась нешуточная борьба за высокую оценку. В течение двух дней мы тренировались при оружии. Тренировки были с утра до вечера с перерывом на обед. В один из дней нам для тренировки выделили дорожку на танковой директрисе. Здесь мы уже учились через прицел наблюдать за целями и выбирать вид оружия Для уничтожения этой цели, но без стрельбы. Пока условно, на сухую. Это сейчас на боевой технике имеются электроприводы, тогда у самоходки были механические подъемные и поворотные механизмы. Приходилось усиленно тренироваться, чтобы руки независимо одна от другой крутили рукоятки подъемного и поворотного механизмов, а марку прицела наводили в цель. Это как игра на баяне. Одновременно, наизусть заучивали условия упражнения, порядок его выполнения, а также доклад старшему начальнику о результатах выполнения стрельб. Вначале в голове накопилось очень много информации по стрельбе, целям, расстояниям,

шкале прицела и так далее, но потом все разложилось по полочкам, и в дальнейшем свободно и быстро проигрывались разные варианты, которые указывали нам командиры. Я все больше убеждался, в армии успех зависит от усердия и тренировок.

Наступил тот день, когда мы должны были держать экзамен по боевой стрельбе из самоходных установок. Я был в штате второго взвода, и стрелять мне предстояло вторым. Первым стрелял Рудько. За стрельбой наблюдала и переживала за нас вся батарея. Рудько оказался молодцом, поразил все цели, но безоткатное орудие только вторым снарядом. Это хорошая оценка. Комбат доволен. И вот настала моя очередь, по команде быстро занимаю место наводчика внутри самоходки. Слегка волнуясь, еще бы не волноваться, когда за мной наблюдает весь личный состав батареи. От волнения вспотели ладони, пришлось их вытереть грязной ветошью, здесь уже не до жиру. Ведь многие отпуска могут мимо мишени пролететь, если батарея не получит отличную оценку, но пока все идет хорошо. Осталось дело за молодежью. Командиром установки был командир взвода. Он, заметив мое волнение, успокоил меня, и тут же в наушниках шлемофона прозвучала команда: «Заряжай!» А самоходка уже медленно двигалась вперед. Заряжающим был наводчик Чувашов. И снова в наушниках слышу голос командира: «Миша! Наблюдай за обстановкой и помни, правая рука — пушка, левая — пулемет». Лейтенант за меня переживал больше, чем я сам за себя, и еще раз напомнил, с какой руки стрелять по целям. Прижался шлемофоном к прицелу, осмотрел местность, вижу, прямо впереди метров за семьсот из-за укрытия поднимается безоткатное орудие. Кричу механику-водителю по переговорному устройству: «Короткая!» Механики — большие мастера своего дела, умели видеть не только дорогу, но и вели наблюдение за всей местностью. При обнаружении нужной цели они, не дожидаясь команды наводчика или командира, самостоятельно снижали скорость и уже по команде плавно останавливали машину. Если резко установку остановить, она будет какие-то доли секунды раскачиваться, наводчик потеряет время на прицеливание, и цель скроется.

Вот машина плавно остановилась, я подвел марку прицела в центр мишени, кричу: «Выстрел!» и одновременно нажимаю правой рукой на электроспуск. Раздался выстрел, я, как заколдованный, продолжал следить за трассером и, когда снаряд прошел цель, от радости заорал: «Попал!» Машина медленно тронулась. Командир опять предупреждает: «Сейчас будет вторая мишень». Через некоторое время движения я обнаружил пулемет и уже более спокойно скомандовал Меркулову: «Короткая!» Через

несколько секунд спокойно подвел марку прицела под цель и выпустил длинную очередь из пулемета. Мишень заволокло пылью, а когда она рассеялась, линии мишени не было. Самоходка, увеличив скорость, подъехала к линии прекращения огня. Взводный подсказывает: «Осторожно разряжай оружие и не забудь сделать контрольный спуск». Указания командира я выполнял последовательно и четко. Пока собирался с мыслями, как нужно докладывать старшему начальнику, самоходка подошла к исходному положению и последовала команда: «К машине!» Через минуту весь экипаж стоял около центрального пульта. По громкоговорящей связи передали тем, кто стрелял, подняться на вышку к проверяющему.

Строевым шагом подошел к полковнику Калинину, доложил ему о наблюдении и результатах стрельбы. Калинин меня поблагодарил за отличную стрельбу. Когда я спустился к своему экипажу, мне сказали, если бы ты служил второй год, считай, отпуск бы заработал. «Ладно, — сказал Пантелеев, — у него все впереди, и отпуск будет». Подошел Николай и поздравил меня тоже. Конечно, у меня было прекрасное настроение, правда, вечером оно немного подпортилось — старшина включил меня во внутренний наряд по батарее, а Чувашова сделал дежурным. «Сегодня в наряд заступают отличники», — пошутил Кривопапов.

Под занавес боевых стрельб проводилась зачетная стрельба реактивного дивизиона по площадям. Вот это зрелище. Подобного» я не видел даже в военных фильмах, где Советская армия вела наступательные операции против немцев. Если не брать в счет архивные съемки. Нам разрешили издалека наблюдать за действиями дивизиона. С марша дивизион развернулся и занял огневые позиции. И такое началось. Страшный вой, огненные трассы, поднятая на позициях пыль. Пронзительный вой еще долго стоял в ушах. Такое не забудешь. Намного позже, в Афганистане, подобные картины повторялись часто. Реактивная артиллерия наносила удары по бандам в горах, пустыне, реже по кишлакам во избежание жертв среди мирного населения.

Обсуждение стрельб дивизиона было прервано появлением комбата и офицеров, которые были непосредственными участниками. Комбат сказал, что завтра с утра будет подведение результатов. «После обеда загружаемся в эшелон и следуем домой в Калварию. Лично я, как ваш командир, доволен результатами боевых стрельб». Конечно, Тепляков поскромничал. Батарея получила отличную оценку, что не часто бывает на подобных стрельбах.

Подведение итогов результатов стрельб проводил начальник

артиллерии дивизии здесь же, в полевом лагере. Построили личный состав. Полковник поздоровался с нами, а затем назвал лучшие подразделения и их командиров. Среди перечисленных была и наша вторая батарея. Потом отличившимся солдатам и сержантам предоставили отпуск с поездкой на родину. Посмотрели бы вы на их радостные лица. Многие завидовали. Завидовали и мы, молодые солдаты, так соскучившиеся по своим родителям. Потом к трибуне стали приглашать солдат и сержантов, которым вручали грамоту за отличную стрельбу. Мне показалось, что назвали мою фамилию, но я подумал, что такое невозможно. И вдруг комбат повторил: «Скрынников, бегом к трибуне». Краснея от волнения, подбежал к начальнику артиллерии, правда, вовремя перешел на строевой шаг и подошел к нему с докладом. Калинин вручил мне за отличную стрельбу грамоту и добавил: «Ты, солдат, молодец! Так и дальше продолжай служить».

«Служу Советскому Союзу!» — повернулся через левое плечо и бегом обратно в строй. Настроение классное, комбат меня тоже поздравил. Не обидел вниманием и личный состав.

На нашу батарею выпало три отпуска, объявленные полковником Калининным, и две грамоты, Одна из них моя.

После наградного мероприятия батарея стала готовиться к отправке домой, на зимние квартиры. Личный состав пешком проследовал по знакомому маршруту с песней. Ассортимент песен в батарее был небольшой. Запевала — ефрейтор, наводчик Данилин, как и у большинства из нас, у него голоса не было, но желание петь было. Себя он считал музыкантом, не расставался с гитарой, но запевал только одну песню: «Поведут на бой нас генералы. Враг, могилу себе приготовь...», а мы дружно подхватывали припев. После обеда самоходный дивизион загрузился на эшелон. Долгое стояние на станции погрузки. Звуки гитары, храп на нарах. Мы отдыхали всю дорогу, до самой станции разгрузки, дрыхли на нарах и обсуждали стрельбы.

В расположение прибыли утром. Расставили оружие и другое имущество, которое вывозили на полигон. Старшина отвел личный состав в столовую. После завтрака объявили небольшой перекур. Офицеры в канцелярии решали какие-то проблемы. Потом нас построили и отвели в парк хранения самоходок, до нас довели порядок работы, и мы стали приводить технику в надлежащий вид.

Мне, как заряжающему, тоже был определен участок работы — очистить от грязи днище самоходки. Квадратных метров было много. К концу работы руки здорово болели. Приходилось лежать на спине и

счищать засохшую грязь и ржавчину, которой прилично накопилось за время пребывания на полигоне.

К концу рабочего дня мы экипажем свою самоходку отчистили, подкрасили, и она выглядела на все сто.

Проходили очередные дни, недели, месяцы службы, и у нас, молодых людей, все меньше и меньше оставалось таинств армейской жизни. Мы уже перестали испытывать чувство страха при совершении парашютных прыжков, испробовали себя при боевых стрельбах на полигоне. У нас практически все получалось, только не так, как у бывалых воинов.

Мне оставалось лишь выполнить обязанности часового на посту с оружием.

Сразу по возвращении из Добровольского полигона, накануне первомайских праздников, наша батарея заступила в караул. Этому моменту предшествовала долгая подготовка. В состав караула были включены и молодые солдаты. Пришлось еще раз проштудировать необходимые статьи Устава гарнизонной и караульной служб, а также особые обязанности тех постов, на которых мы будем нести службу. Я должен был охранять склад боеприпасов. Он находился недалеко от военного городка, на небольшой возвышенности. Рядом были неглубокие овраги, поросшие мелким кустарником. А еще дальше озеро Ория. В выходные и будни вокруг озера собиралось много отдыхающих. И почему-то они шли именно по тем тропинкам, которые были рядом со складом боеприпасов. Естественно, часовой следил за тем, чтобы все шли в обход.

В день заступления в караул состав караула вывели на территорию караульного городка. Здесь в миниатюре были воссозданы все объекты, поэтому именно в этом месте всегда проводился практический инструктаж личного состава, который заступал на охрану важных гарнизонных объектов. Нам показали охраняемые объекты, объяснили порядок их охраны. Показали места, где отрыты окопы, и дали пояснения относительно порядка их занятия для отражения нападения на охраняемый объект. Когда комбат убедился, что личный состав подготовлен к несению службы, батарея отправилась в расположение, где мы продолжили личную подготовку: гладили, подшивали обмундирование, а после обеда немного отдохнули.

Вечером в установленное начальником гарнизона время на строевом плацу проходил развод караула и суточного наряда. Начальник караула доложил дежурному по гарнизону о готовности всех прибывших на развод к несению службы.

Дежурный по гарнизону основное внимание уделял личному составу

караула и сам проводил опрос знаний положений Уставов и табеля постов. В этот раз на дежурство по гарнизону заступал старший лейтенант Полежаев, офицер соседней батареи. К молодежи он относился с особым пристрастием, тем более что мы впервые заступали на боевое дежурство. По прибытии на территорию караульного помещения нас уже в строю ожидал состав старого караула. Начальники караулов доложили один о готовности к заступлению, а другой — к сдаче караула.

Состав старого караула остался во дворе, а мы зашли в караульное помещение.

Все, кто был назначен в третью смену, в том числе и я, обязаны были принять в караульном помещении согласно описи все имущество, а также внутренний порядок.

Начальники караулов, как правило, сменяли часовых на первом посту, здесь охранялись боевые знамена частей и нашего дивизиона в том числе.

Помощник начальника караула сержант Храмов организовал ужин. Он же назначил меня ответственным за выпуск боевого листка. В нем говорилось непосредственно о несении службы за сутки и об отношении к своим обязанностям каждого. Боевой листок вместе с ведомостью несения службы подшивался в отдельную папку и хранился в канцелярии батареи. Я видел в канцелярии подшивку из боевых листков, именно посвященных несению службы в карауле. В караульном помещении существовал закон: первая смена заступает на посты, вторая — отдыхает, из состава третьей смены выставляется часовой у входа в караульное помещение. Остальные караульные третьей смены бодрствуют в течение двух часов. То есть изучают Уставы, читают газеты и военные журналы. Чтение художественной литературы исключалось. Через два часа вторая смена уходит на посты. Из состава вернувшейся смены один выставляется у входа в караульное помещение, остальные бодрствуют, а третья смена отдыхает.

Я отдыхал в полудреме, в соседней комнате находилась бодрствующая смена. Кто-то громко разговаривал, кто-то смеялся, в комнате начальника караула часто звонил телефон. Вот и усни в таком хаосе. К такому отдыху надо привыкнуть или быть очень усталым. Но был еще один момент. Какой смене повезет, а какой нет. Начальник караула или проверяющий поднимали всех, кто находился в караульном помещении, раза два за сутки по команде: «Караул, в ружье!» Далее следовали вводные: то ли нападение на какой-то пост или пожар на каком-то посту. То лопату в руки, то ведро, а то и на пост бегом. Правда, до поста добежать не давали, возвращали назад. Одним словом, скучать и спать не дадут. График действий бодрствующей и отдыхающей смен составлялся заранее, напоминал о распорядке помощник

начальника караула.

Сон был чуткий, слышу, в комнату отдыхающей смены кто-то заходит, щелкает выключателем и раздаётся команда: «Смена, подъем! Приготовиться к построению». По голосу узнаю разводящего.

Поднялись, надели бушлаты, взяли автоматы из пирамиды и вышли на построение для инструктажа, а также чтобы зарядить оружие.

Погода к этому времени испортилась. Моросил мелкий дождь, дул слабый ветер. Мы слегка поеживались. Лейтенант Пантелеев напомнил, что мы заступаем на боевую службу, и приказал сдать курительные принадлежности и спички. В смене молодым был я один. Начкар мне популярно еще раз все разъяснил. Потом проверил, как заряжено оружие, и разрешил разводящему вести смену на посты. Для меня это был первый караул. Теорию вроде бы знаю, а вот как ее увязать с практикой? Сменили часового в автопарке. Вышли за территорию военного городка, стали приближаться к складу боеприпасов. Освещение склада расположено по периметру и непосредственно у самих хранилищ. Подошли к воротам метров на тридцать и услышали громкий окрик часового: «Стой, кто идет!» — «Разводящий со сменой!» — ответил сержант. «Разводящий, ко мне, остальные на месте». Разводящий дал нам команду остаться на месте, а сам пошел к часовому. О чем-то несколько секунд переговорил с ним, затем сержант подал нам команду на движение. Далее последовала церемония сдачи и приема поста. Через минуту я уже в постовом плаще. Он был немного мне великоват. Разводящий приказал выполнять боевую задачу по охране и обороне поста, а затем добавил самое главное: «Не трусь. Надеюсь, помнишь, как надо себя вести при нападении на пост?» — «Так точно», — буркнул в ответ. И вот смена медленно начинает удаляться от объекта.

Проводил глазами удаляющуюся смену и через минуту-другую остался один на один с постом, дождем, неизвестностью, а самое главное, с темнотой. Сразу вспомнились «лесные братья» с их ненавистным отношением к советской власти, а в Литве их было полно. Правда, об этом нам рассказывали старослужащие солдаты, сам я их никогда не видел. Хотя пресса в конце пятидесятых сообщала, что с бандеровцами и «лесными братьями» покончено. Тем не менее не все же они были уничтожены. Кое-кому удалось уцелеть. Конечно, они не воспылали любовью к власти. Видимо, поэтому не оставляла тревога. Медленно стал обходить склад. Ветер раскачивал фонари. Тени от столбов двигались по земле и чем-то напоминали ползущих людей. Остановился, крепче сжал в руках автомат, внимательно присмотрелся и сразу понял что к чему, но все равно как-то

было не по себе.

Продвигаясь дальше, осматриваю склад и прилегающую к нему территорию. Кругом сплошная темень. Если смотреть в сторону польской границы, а до нее двенадцать километров, кое-где мерцали огни на хуторах. Хуторская система в Литве просуществовала до начала распада Советского Союза. Правда, без большого земельного надела. Вдруг сидящая надо мной на столбе сова как ухнет. Я от неожиданности аж вздрогнул. Шуганул ее со зла. Затем осмотрел окоп, который был на углу внутреннего периметра колючей проволоки. Это один из окопов, которые были благоразумно подготовлены на случай нападения на пост. Из окопа часовой мог вести огонь по лицам, которые попытались бы напасть на склад. Потихоньку стал привыкать к темноте и почти полностью освоился со своей ролью часового и хозяина на посту. Ветер и дождь продолжались. Длина маршрута вокруг склада была где-то около четырехсот метров. Когда идешь против ветра, капюшон плаща слетает с головы или наползает на глаза, то и дело приходится поправлять.

Незаметно намотал вокруг склада прилично кругов и успокоился настолько, что, сам того не замечая, стал думать о чем-то постороннем. Ветер дул в спину. И мне вдруг почудилось, что ко мне кто-то бежит сзади. Я весь съежился и растерялся настолько, что не смог быстро отреагировать на ситуацию. Оказывается, полы постового плаща от порыва ветра хлопнули по голенищам сапог и напугали меня. Ну вот и еще один армейский стресс пришлось пережить. Я понял, что не надо отвлекаться от службы. Еще раз обошел вокруг склада. Остановился в тени от столба и стал посматривать в ту сторону, откуда должна появиться очередная смена. А здесь и дождь прекратился, и ветер утих. Через несколько минут на фоне освещения автопарка я увидел движение каких-то теней. Присмотрелся, точно, идут люди, но кто они? Сам из тени не выхожу. Продолжаю наблюдать. Нет, это не чужие, это разводящий со сменой, и я пошел к воротам, Громко крикнул: «стой!», а потом потребовал разводящего к себе. «Ну как здесь обстановка?» — спросил он у меня. «Все нормально, подозрительного ничего не заметил», — подумал я. Разводящий подозвал смену, по его команде передал на словах пост новому часовому, в том числе и постовой плащ. В целом сутки в моем первом карауле прошли для меня спокойно. А вот за оформление боевого листка по возвращении из караула в распоряжение лейтенант Пантелеев меня похвалил. В дальнейшем у меня будет еще много суток, проведенных в караулах. Но человек устроен так, что в памяти его навсегда остается, как правило, то первое переживание, когда-то произошедшее с ним. Вот и я помню свой первый прыжок с

парашютом, незабываемый и торжественный день принятия Военной присяги, первую боевую стрельбу из самоходного орудия и несение службы в первом для меня карауле. Я такое сравнил бы с первой любовью, которая в памяти остается на всю жизнь.

В последующие дни чувствовалось приближение праздников. Хотя накал боевой учебы не снижался. Накануне капитан Тепляков собрал батарею в ленинской комнате и подвел итоги боевой учебы. Нам, молодым солдатам, было очень приятно, когда комбат о нас всех сказал хорошие слова. Затем командир напутствовал солдат и сержантов, которые убывали в отпуск на родину. Какой радостью у них светились лица, не передашь, это надо видеть. Мы тоже радовались за них, втайне завидовали, мечтали, что в скором будущем и нам привалит такое счастье.

Подошли майские праздники 1963 года, отмечали их, как принято в армии: построение личного состава всего гарнизона, поздравление старшего начальника и праздничный обед. После обеда народ засобирался в город по увольнительной. У многих солдат в городе появились знакомые девушки. Комбат мне и Николаю тоже выдал увольнительные. В незнакомом городе мы себя чувствовали несколько неуютно. Купили мороженого. Побродили, обращая внимание на литовских девушек, почитали вывески на магазинах и вернулись в казарму. Дневальный по батарее, отмечая наше прибытие, спросил: «А почему так рано, девчонок не встретили, что ли?» Николай ему ответил, что нам девчонок родители не разрешают еще заводить. Оглядели еще разок себя в зеркале, сдали парадку в каптерку, переоделись в повседневную форму одежды и пошли мы в ленинскую комнату родителям письма писать.

В то время, когда я служил солдатом, были в моде всякие наколки, особенно с символикой ВДВ. Солдаты с хорошей каллиграфией в подразделениях всегда были на виду у командиров. В батарее уже все знали, что я хорошо рисую и почерк у меня каллиграфический. Виной тому отец, он иногда вспоминал, что его сын ходит в школу и периодически проверял тетради. Если ему что-то не нравилось, вручал мне чистую тетрадь, и я должен был заново все переписывать. В армии, в часы отдыха, я был нарасхват. Рисовал на руках, на плечах самолеты и парашютистов. Далее солдаты синими или черными чернилами делали друг другу наколки. Иногда даже с соседней батареи заходили ветераны, чтобы я нарисовал им десантную символику. В батарее я часто выполнял обязанности писаря. Составлял расписание занятий для личного состава на учебную неделю, оформлял стенды в ленинской комнате, и, конечно же, в мои обязанности входило оформление боевого листка взвода.

В путь за звездами

В конце мая для молодых солдат были спланированы занятия по вождению самоходок. Мы шутили, мол, из нас решили сделать суперменов, но это, оказывается, предусматривается программой боевой подготовки. На все несколько часов, за которые мы должны были ознакомиться с силовой установкой и проехать несколько километров по пересеченной местности. В целом мы были знакомы с самоходной установкой, во время обслуживания механики-водители кое-что рассказывали нам. Занятия эти для нас были интересными. Да и за рычагами управления хотелось себя проверить. Конечно, рядом с нами постоянно находились штатные механики-водители, они контролировали наши действия. Кое-какие навыки в вождении самоходок мы получили. Я, например, мог самостоятельно завести самоходку и даже ехать на ней. Для десантника очень важно уметь в тылу противника такого класса машину завести и уехать. Подобные вопросы и сейчас предусматриваются программой боевой подготовки парашютно-десантных подразделений, а тем более разведывательных.

Во время занятий по вождению подъехал замполит дивизиона, майор Гусев, он стал интересоваться, как организовано занятие, как соблюдаются меры безопасности, где оценочные показатели. Комбат ему все доходчиво объяснил, и вдруг он задает вопрос: «Тепляков, а сколько у тебя в батарее человек, которые имеют десять классов образования?» — «Трое. У остальных семь и восемь классов». — «Не жирно! — продолжил замполит. — Из штаба дивизии запросили списки военнослужащих, желающих поступить в Рязанское десантное училище. От самоходного дивизиона необходимо три кандидатуры. Вот так, комбат, давай думай», — сказал комиссар и уехал. В армии вопросы решались быстро. Я находился недалеко от комбата. Он меня заметил, подзывает к себе: «Скрынников, у тебя есть желание поступить в десантное училище?» — «Не думал об этом, товарищ капитан», — ответил я. «Думай, а утром мне свое решение доложишь! Ты понял?» — «Так точно». Многие искренне советовали подумать и поехать в училище, но больше было тех, кто отговаривал от поездки.

Обсуждение напоминало Новгородское вече. Я и не думал о карьере офицера. Вечером около столовой встретил своего земляка Александра, рассказал ему, что комбат порекомендовал мне поступить в училище. Александр спросил: «Тебе нравится жизнь твоих командиров, которые с

утра до вечера в подразделении, да и не только в подразделении? Заступают на сутки на всевозможные дежурства, уезжают на полигоны и вообще подолгу находятся без семьи. Если тебя такая жизнь устраивает, давай, поезжай и попробуй поступить. Ты еще об одном подумай, служить тебе не три года, как сейчас, а все двадцать пять лет, понял перспективу?» Я задумался. Разговор перешел на другую тему. Что из дома пишут, какие там, на родине, новости? Кто женился, кто крестился, кто из армии вернулся? «Если примешь решение ехать в Рязань, не забудь зайти предупредить и проститься. Да, слушай, чуть было не забыл, мне отпуск вчера командир объявил. Через неделю-другую поеду домой. Обязательно проведу твоих родителей. Передам им привет от тебя не бумажный, а самый что ни на есть настоящий». От его новости я почему-то загрустил, Александр это подметил: «Не переживай, на следующий год и ты поедешь. Осталось полгода». После вечерней поверки ко мне подошел Рудько: «Миша, Тепляков вечером меня вызывал и предложил ехать поступать в десантное училище, а я в десантное не хочу. А ты поедешь?» — спросил он меня. «Не знаю!» После отбоя долго уснуть не мог.

Утром на построении для развода на занятия комбат меня подозвал к себе и, впервые поздоровавшись за руку, спросил: «Ну как, надумал?» Я не знал, что ему ответить. «Давай вместе с Рудько после развода зайдите к начальнику штаба дивизиона. Он выдаст вам перечень документов, какие вы должны собрать для поступления в училище. Ты понял, что нужно от тебя?» Возражать комбату не стал и ответил: «Так точно, понял!» — «Становись в строй». Проходя мимо Николая, увидел на его лице улыбку. Он понял, зачем комбат меня подзывал к себе. Комбату нужно выполнить приказ, вот он и давит меня с другом. После развода на занятия мы зашли в штаб и стали дожидаться, когда начальник штаба освободиться и сможет нас принять. Пока мы стояли около двери кабинета, к нему зашел командир дивизиона, подполковник Борисов. Долго он в кабинете не задержался, а выходя, спросил: «Вы к начальнику штаба?» — «Так точно», — ответили мы дружно. «Ну заходите». Мы зашли и доложили о цели прибытия. «Офицерами хотите стать? Приветствую ваше решение, молодцы! Вот вам перечень документов. До конца июня все собрать, а сейчас свободны». Мы направились к себе в казарму и по дороге встретили комбата. «Поспешите на спортивный городок, батарея там».

Занятие по физической подготовке заканчивалось, но нам пришлось некоторое время повисеть на гимнастических снарядах. Солдаты нас уже стали подначивать. В хороших воинских коллективах злой и черной зависти никогда не было. Шимкус, например, смеясь, говорит: «Миш, а кто

мне нарисует на плече десантника?» Шутки в наш адрес продолжались бы и дальше, но командир взвода оборвал шутников. До самого обеда занятия проходили на танко-огневом городке. На этой учебной точке занятия всегда проходили интересно. Стрельба велась винтовочным патроном, но все напоминало боевую обстановку. Одним словом, солдат чувствовал себя и действовал, как во время боевой стрельбы на полигоне. После обеда написал родителям письмо. В нем подробно изложил, что мне предлагает командование, и попросил выслать необходимые документы. Где-то через неделю я получил заказное письмо от родителей. Отец в письме от поступления в училище не отговаривал, но и не ратовал сильно. «Сынок, ты у нас уже взрослый, выбор сделай сам. Документы, которые ты просил, высылаем, за исключением свидетельства о рождении. Нигде не можем найти, куда-то затерялось». Пришлось доложить лейтенанту Пантелееву, что нет свидетельства о рождении. Он вместе со мной зашел к начальнику штаба дивизиона, изложил мою проблему. Дворников рассудил так: завтра нужно поехать в Капсукас, зайти в загс и рассказать все заведующей. Такой случай у нас уже был, и там этот вопрос решили очень быстро. На следующее утро я получил увольнительную записку и стал собираться в Капсукас. Собираться, громко сказано. Начистил сапоги, несколько рублей взял. Вот и все солдатские сборы. Вышел на дорогу, около остановки народа нет, стою десять минут, стою двадцать, а долгожданного автобуса тоже нет. Мимо проходила женщина и подсказала, что автобус будет только после обеда. Вот это да, а как же мне быть? Решил идти пешком. От города отошел на приличное расстояние, слышу, сзади едет грузовик. Махнул рукой, грузовик остановился. «Далеко, сынок, идешь?» — «В Капсукас», — ответил я. «Садись, подвезу». Водитель был возраста моего отца, и, возможно, его сын тоже служил в армии, поэтому он, не колеблясь, взял меня с собой. Подвез меня прямо к зданию загса. Поблагодарил я водителя, попытался дать ему рубль, от денег он категорически отказался. В загсе действительно ко мне отнеслись с пониманием, и через некоторое время с моих слов был составлен нужный документ. Всего несколько копеек пошлины уплатил. Сегодня солдатской получки на дорогу бы не хватило. Помню, от радости сильно благодарил сотрудниц загса. Вышел в приподнятом настроении, чуть ли не с песней отправился обратно в Калварию. Прошел километров пять. Немного стал уставать, но надо идти. Прошел еще пару верст. Слышу, догоняет легковой автомобиль. Оглянулся, а он уже рядом и притормаживает. Открывается правая дверь, вижу полковника. Сразу принимаю положение «смирно». «Откуда, солдат, идешь?» — «Из Капсукаса, товарищ полковник!» — «А далеко идешь?» —

«В Калварию». — «Какие дела решал в Капсукасе?» — продолжает полковник. — «Решил поступать в десантное училище, а свидетельства о рождении нет. Вот и пришлось за документом в Капсукас ехать». — «И документы у тебя есть?» — «Так точно», — и показываю военный билет с увольнительной запиской, а в придачу и само свидетельство. Проверил полковник мои документы и пригласил сесть в машину. Вот так первый раз проехал в легковом военном автомобиле. Да еще с начальником политотдела нашей дивизии. Правда, я об этом узнал по приезду в Калварию от комбата, который от начальника политотдела получил небольшую взбучку за то, что одного молодого солдата в другой гарнизон отправил. Он подумал, что я дезертир или самовольщик. Подвез меня полковник к штабу дивизиона, а там весь бомонд дивизиона собрался. Это я уже позднее сообразил, что из штаба дивизии предупредили о приезде начальника политотдела. Вот руководство и вышло встречать высокого дивизионного начальника. И своего солдата рядом с начальником увидели.

Полковник мне на прощание пожелал успешного поступления в училище и отпустил на все четыре стороны. Историю, которая приключилась со мной, пришлось рассказать экипажу, а когда все это подтвердил комбат, да еще несколько соленых шуток добавил, личный состав чуть ли не аплодисментами приветствовал меня. «Ай да молодец, салага! Вместе с начальником политотдела к штабу дивизиона подкатил. Видно, ты правильный выбор в жизни сделал, давай, дерзай!»

Потом комбат добавил: «Не забудь, за тобой выпуск стенной газеты. Возможно, это будет и последний твой выпуск, так что постарайся».

Подошла суббота, комбат вызвал в канцелярию: «Скрынников, надо составить на следующую неделю расписание занятий, Данилин еще не вернулся из отпуска». Надо так надо. Попросил у комбата программу боевой подготовки артиллерийских подразделений и сразу приступил к работе. Расписание составил к обеду, комбат проверил, недостатков не обнаружил и тут же утвердил его. После обеда пришлось трудиться над боевым листком. Напряжение было такое, как будто бы действительно в последний раз. В выходной день опять пришлось рисовать самолеты и парашютистов на ветеранах, оставляя им память о совместной службе и о себе. Потом и сам прилег немного отдохнуть. Слышу через спинку кровати, мне кто-то из стариков говорит: «Салажка, не ленись, принеси воды попить». Я было собрался идти, а Чувашов мне говорит: «Отдыхай». Повернулся к соседу: «Посылай своего, а нашего не трогай». — «Так ведь у нас в экипаже нет салаги». — «Ну тогда сам иди и напейся воды». — «Да что-то нога болит». — «Тогда лежи спокойно и не возникай».

Вот так в то время защищали права молодых солдат старшие товарищи. Сейчас, когда об этом рассказываешь, молодежь удивляется. Неужели так было когда-то. Да, было, и не так уж давно. Еще живы и здравствуют те, кто служил в то время в Советской армии.

Наступил июль. Я чувствовал, что вот-вот моя жизнь изменится коренным образом.

Буквально через несколько дней в штабе дивизиона я получил вещевой и денежный аттестаты, а также небольшую сумму денег и проездные документы на железнодорожный транспорт через Москву до Рязани. Старшина выдал мне новый вещевой мешок. В него я сложил свой нехитрый солдатский скарб. Получил парадный мундир, аккуратненько пришил свежий подворотничок. Личный состав батареи уже знал, что мы завтра уезжаем поступать в училище. Вечером ко мне зашел Александр, он только что вернулся из отпуска и заходил к моим родителям. Конечно же, мама постаралась и напекла для меня всякой вкуснятины, все это с приветами от родных, знакомых и передал мне земляк. Вовремя приехал, а ведь мог и не застать. Родительский гостинец я разделил на всю батарею, понемногу, но каждому досталось. Все были очень довольны и благодарили моих родителей. Утром после завтрака комбат построил батарею. Мы с Николаем вышли из строя, и командир в дорогу сказал нам несколько теплых слов. Много хорошего говорили старослужащие. От всего услышанного на душе стало так тоскливо, что не хотелось уезжать.

Уже в поезде Николай мне скажет: «Я перед строем чуть было не заплакал». Подобное происходило и со мной.

Распрощавшись с батареей, мы с лейтенантом Пантелеевым прибыли к штабу артполка. Здесь был назначен сборный пункт убывающих в училище. Нас еще раз проверили по списку, пожелали успеха и на автомобиле отвезли в Каунас.

На вокзале нам приобрели билеты, и мы укатили в Москву. Старшим был сержант Киреев. Места в вагоне плацкартные. Лежа на полках, мы с удовольствием рассматривали проплывавшие мимо нас леса, деревни, переезды.

Нас из дивизии набралось человек восемь. Шесть артиллеристов и только двое из парашютно-десантных полков. На какой-то небольшой станции поезд стоял минут десять, мы вышли из вагона. В пристанционном буфете купили булочек и конфет, а кто-то из пехотинцев прихватил бутылку вина. Мы с Николаем отказались от вина. Попили чай с булочками, конфетами и завалились спать. Проспали всю ночь. Проводник часа за два до Москвы всех, в том числе и нас, солдат, разбудил. Мы по привычке

стали свой внешний вид приводить в порядок. Подшивали свежие подворотнички, чистили обувь. Поезд замедлил движение, и по радио передали, что мы прибываем в столицу нашей Родины Москву. Для меня эта обстановка была незнакомой. Я впервые приехал в Москву. На Белорусском вокзале наш старший сказал: «Парни, мои родители живут в Туле, когда еще представится возможность их увидеть, не знаю. Поезд на Рязань идет вечером. Ждите меня здесь. Наш начальник уехал в Тулу, а мы стали бродить по привокзальной площади. Несколько раз нас останавливал военный патруль, но наш внешний вид и документы не вызывали у них каких-либо подозрений.

От бесцельного шатания по привокзальной площади мы к вечеру немного притомились. Поднялись на второй этаж в зал для военнослужащих. Сложили в углу вещи и немного расслабились. Кое-кто стал дремать. Николай предложил просмотреть книгу, купленную в зале. Мы с интересом стали ее рассматривать.

В это время я увидел Киреева, поднимавшегося по лестнице, и помахал ему рукой. «Как вы здесь, все в сборе? Собирайтесь, будем переезжать на Казанский вокзал. Оттуда на Рязань».

В метро было интересно. Москву сержант Киреев немного знал и был у нас вместо экскурсовода. На вокзале в железнодорожной кассе нам прокомпостировали билеты на первую утреннюю электричку до Рязани, на последнюю вечернюю мы опоздали. В запасе у нас было еще много времени, и мы до утра перекаптовались в зале ожидания военнослужащих.

Рано утром вышли на нужную нам платформу и стали ждать электричку, а народ все подходил и подходил. Все с большими сумками. Киреев пояснил, мол, вчера в Москве народ отоварился. На вокзале переночевал, а сегодня едет домой. Поэтому посадку осуществляем дружно и напористо. Вскоре подошла электричка, мы вместе с толпой влетели в вагон очень удачно. Нам каждому досталось место. Первый час с интересом рассматривали все, что проплывало за окнами нашего вагона, а остальное время боролись со сном, но безрезультатно. К Рязани подъехали неожиданно. Вышли на перрон. Спросили первого попавшегося прохожего, как пройти до десантного училища. К нашему удивлению, он дал точные объяснения. Минут через двадцать подошли к проходной. Дежурный курсант провел нас в казарму. Там уже находилось человек десять абитуриентов. Кровати были без матрацев, мы заняли свободные и отдыхали несколько часов. Ближе к обеду в казарму зашел лейтенант и сказал, что он будет у нас на период подготовки и сдачи экзаменов исполнять обязанности командира роты. Фамилия его Марков. Ближе к

вечеру на складе получили матрацы и постельное белье. Солдаты и сержанты прибывали каждый день. Через пару дней в казарме было полно народа. Из всего этого количества было сформировано три взвода или, как их еще называли, учебные группы. Из числа сержантов назначили командиров взводов и отделений.

Определили для каждой учебной группы аудиторию, где с нами до обеда занятия проводили преподаватели различных кафедр училища, в основном иностранного и русского языков. Физическая подготовка была делом само собой разумеющимся. Преподаватели занимались с нами в течение месяца. За этот месяц я выучил немецкий лучше, чем за все годы учебы в школе. Иногда нас привлекали для несения службы в карауле, но только на сторожевых постах, без оружия. Караульную службу в училище нес курсантский взвод, который неделю стоял в карауле, а затем на смену приезжал другой взвод из учебного центра и так до тех пор, пока одна из рот не вернется из отпуска.

В одну из смен в состав караула заступил и я. Пост был сторожевой, двухсменный. Охраняли строевую и финансовую части на втором этаже одного из зданий училища. Утром сотрудники этих служб прибыли на работу, и пост был снят. Я пришел в караульное помещение. Курсанты уже позавтракали. На столе была порция, но почему-то много белого хлеба и сливочного масла, а я, зная солдатскую порцию, подумал, что кто-то еще тоже не завтракал. Естественно, сижу и жду. Подходит курсант и говорит: «Почему не ешь?» — «На сколько человек делить?» — спросил у него. «Да это твоя пайка, давай ешь!» — «Ни фиги себе у курсантов жрачка», — подумал я и с удовольствием приступил к завтраку. Среди нас, солдат, было два десантника-азербайджанца. Как они попали служить в войска и как дружили с парашютом, не знаю, но то, что они были пронырливые парни, сомнения не вызывало. В училище приехали, чтобы просто увильнуть на два месяца от службы. Вдобавок ко всему были туповаты в учебе. Тем не менее у них были аттестаты об окончании школы. Помню, одного отправили служить в Фергану, а второго обратно в Кировабад. Позднее того, кто уехал в Фергану, осудили за попытку изнасилования женщины. Она оказалась сильной дамой и вместе с соседками задержала его и сдала в комендатуру.

В середине августа начались вступительные экзамены. Сдавали по группам. На подготовку к каждому экзамену отводилось три дня. Все вступительные экзамены я сдал, и меня допустили к мандатной комиссии. Многие парни уехали обратно служить в свои части. К большому сожалению для меня, уехал и мой друг Рудько. Проводил я его до

проходной училища, там мы распрощались.

На следующий день была назначена мандатная комиссия. Председатель — начальник училища, генерал-майор Леонтьев. Зашел в кабинет, обратился к генералу и доложил о цели прибытия. Он мне сразу вопросом в лоб: «Учиться хочешь?» — «Так точно». — «С какой дивизии прибыл?» — «С седьмой из самоходного дивизиона». — «Калинина знаешь?» — «Да». — «Мы с ним вместе Вену освобождали, — с гордостью произнес генерал. — Как у него с оценками?» — спросил у сидящего рядом с ним полковника. Тот глянул в ведомости и сказал, что все в порядке. «Хорошо, сынок, иди учись!»

Вот так я и стал курсантов Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища. В стенах которого мне пришлось грызть зубами гранит науки в течение четырех лет.

Из абитуриентов военных и гражданских сформировали две курсантские роты. Первую и четвертую. Курсанты-выпускники сдали государственные экзамены и уехали в войска, а их место заняли мы, вновь поступившие. Я попал в четвертую роту, командиром роты был фронтовик майор Вишневский, добрейшей души человек и отличный педагог. Он нашим воспитанием занимался два года, а потом убыл в Витебскую дивизию на вышестоящую должность. Первой ротой командовал капитан Беленичев. Суховатый и хмурый офицер. Его курсанты, на мой взгляд, недолюбливали. Капитан Мигин был командиром нашего второго взвода. Во взводе были и бывшие солдаты, и вчерашние десятиклассники, но мы были дружны все четыре года.

Наконец-то мы разобрались, кто в каком подразделении, кто наши командиры и где наша аудитория для проведения самоподготовки. Правда, учил и сдавал я немецкий, а сейчас придется изучать английский. В училище профилирующим предметом был иностранный язык, лейтенанты получали диплом переводчика-референта. Если курсант отлично знал язык, другие предметы как бы подгонялись на уровень оценки иностранного языка.

К началу учебы в десантных войсках была введена новая форма: десантная тельняшка с белой и голубой полосой, под цвет неба, голубой околышек на фуражках и голубые погоны. Нам выдали новые погоны, как у курсантов летных училищ, мы этим гордились.

Первого сентября мы, как и все студенты, сели за парты. Каждый взвод для изучения английского был разделен на две учебные группы. Нашу группу вела Валентина Ивановна Баумонова. Первые полгода мы английским занимались по четыре часа в день, не считая самоподготовки.

Учебная база в училище для изучения иностранного языка была хорошая, и, главное, она постоянно совершенствовалась. В кабинете звукозаписи и прослушивания постоянно дежурили преподаватели. Языковые группы были небольшими, что давало возможность педагогу уделять каждому курсанту столько времени, чтобы убедиться, что материал усвоен. За успеваемостью курсантов строго следил командир взвода, и если были нарекания, через старшего группы приглашали командира роты. Это означало, что курсанту в ближайший выходной увольнение не светило.

Конечно, мы изучали и военные дисциплины: как правильно вести себя на поле боя, командовать солдатами, изучали тактику, военную топографию. Изучали оружие и учились из него стрелять. Десантники совершали прыжки с парашютом. На уровне автошколы изучали материальную часть автомобиля, учились водить автомобиль в городе, а затем инспекторам ГАИ сдавали правила уличного движения. Нам выдали удостоверения водителя третьего класса общесоюзного образца. Мы должны были досконально знать грузовые парашюты и парашютные платформы, а также швартовать технику на парашютные платформы. Нас учили умению осуществлять контрольную проверку укладки людских десантных парашютов для совершения прыжка. Изучали и гуманитарные дисциплины, такие как философия, политэкономия, история КПСС, педагогика и психология. А воскресные дни вообще полный мрак. Летом кросс 3000 метров, зимой 10 километров на лыжах. И так до самого выпуска.

Прошла осень. Наступила зима. Пора курсантам собираться на пару недель в учебный центр, а до него шестьдесят километров. Это, конечно, по дороге, а если напрямую, получится намного короче. По команде становились на лыжи и вперед, попутно отрабатывали вопросы тактики и топографии. Утром выходили из училища, к вечеру были в лагере. На следующее утро в поле занятия по тактической подготовке.

Летом до учебного лагеря добирались челночным способом. До населенного пункта Заборье нас подвозили на автомобилях, а дальше на своих двоих с отработкой тактических вопросов. До лагеря было около тридцати километров. В последующем училище стало заказывать для перевозки курсантов речные трамвайчики. По Оке до есенинских мест, а далее двенадцать километров до лагеря. За четыре года пешком мы намотали много верст. Так что вопрос маршевой втянутости у курсантов был отработан от и до.

Зимой, обычно после раннего завтрака и небольшого перекура, становились на лыжи, преподаватель вводил нас в тактическую обстановку,

и мы дружно двигались в наступление по направлению к Рязани. Еще засветло подходили к окраине города, здесь занятия заканчивались. Подполковник Ливотов и майор Власов, преподаватели тактики, завершали свои «военные дела» небольшим разбором наших действий и передавали нас в руки ротному. Тот давал команду: «За мной марш!» Через час мы уже в казарме приводили себя в порядок. В субботу утром снова занятия по английскому языку. Как-то после обеда наш взвод во главе с Федором пошел в театр. Пока раздевались и сдавали на хранение шинели, Красунцев успел пропустить стакан вина. А в воскресенье все училище вышло на лыжню. По результатам десятикилометрового кросса оценивался каждый курсант, оценка учитывалась в ведомости по физической подготовке. Даже физзарядку ротный оценивал по двухбалльной системе. Шли дни, недели напряженной учебы. Незаметно прошла зима, а за ней весна. Мы стали готовиться в Селецкие лагеря, на целый месяц. Предварительно начали сдавать экзамены и зачеты по общеобразовательным дисциплинам за первый курс. В лагере в течение месяца нам предстояло сдавать экзамены по тактике, огневой, истории КПСС и Уставам Советской армии.

В лагерь от Заборья шли с «боями». Учились командовать отделением. Отрабатывали командирский голос, что не каждому удавалось. В учебном центре жили в палатках, по отделениям. Каждое утро наводили в них порядок, регулярно проводили влажную уборку.

Все ничего, но комаров тьма, особенно вечером и ночью. Заедали они нас. Против них применяли дымовые пушки, но дым прошел, а комары снова на нас в атаку. В летнем кинотеатре без веника невозможно было усидеть.

Мы все очень волновались перед последним экзаменом. Рядом с местом, отведенным для дневального, из шишек был выложен календарь, и каждое утро дневальный или дежурный выкладывали новую цифру. Мы утром выходили на физзарядку и обязательно посматривали на календарь, считая сколько осталось дней до окончания экзаменов. Это стало традицией в течение всех четырех лет учебы. Я тоже вместе со всеми скучал по дому. Около двух лет не видел родителей и своих младших сестру и братьев. Однако мы дождались все-таки окончания экзаменов. Осталось дело за малым. Вернуться в Рязань, почистить оружие и сдать его на склад.

Ротный выдал нам отпускные билеты и проездные документы, а также напомнил правила поведения в отпуске. А еще строго предупредил, чтобы не опаздывали из отпуска. Мы чуть ли не бегом добирались до вокзала. Ближайшую электричку брали штурмом. Была пятница, и народ ехал за

продуктами в Москву.

На Белорусском вокзале приобрел билет на вечерний поезд «Москва — Гомель». Практически всю ночь не спал. Утром следующего дня с волнением вышел на перрон. И здесь мне повезло, объявили посадку на пригородный поезд сообщением до Жлобина. До родного дома осталось рукой подать. Но родители были на работе, а младшие дети в школе. Зашел к соседке. Мы с ней были одноклассниками. Поговорили о том, о сем. Смотрю, бежит мой младший брат Николай: «Пойдем домой, папа уже ждет». Отец к встрече со старшим сыном был готов. Стол накрыт, и в центре стояла бутылка «Столичной». Мы обнялись. «Вот и дождались тебя», — сказал отец. «Давай, хлопцы, садись за стол», — отец скомандовал как начальник. Налил рюмку мне и себе: «Давай, сынок, выпьем за твой приезд».

Вдруг открывается дверь, на пороге мама. Крепко обняла меня и заплакала от радости. «Налей и мне, Федор, я с сыном за приезд тоже выпью». Для семьи это был действительно большой праздник, приехал в отпуск сын и брат. Еще бы, столько не виделись! Соседи вскоре разошлись, и остались мы одни нашей большой семьей. С младшими разговорился, малость про армейскую жизнь прихвастнул. Мне-то самому тогда было немногим больше двадцати от роду. Наш веселый разговор прервал отец. И тут же мне напомнил про немецкий десант. «Твой выбор не одобряю, но это лучше, чем после армии поначалу без дела болтаться, а потом определяться, то ли пойти учиться, то ли работать».

В последующие дни были частые встречи с одноклассниками, друзьями. Одни приветствовали мой выбор, а другие без особого энтузиазма и даже с насмешкой слушали мои рассказы.

Месяц отпуска пролетел как один миг. Уезжать от родителей не хотелось, но служба требовала. Да и слова ротного вспомнились, чтобы из отпуска не опаздывали. Отец провожал меня до Гомеля.

И вот я снова в стенах своего училища. Все собрались к выходным, чтобы немного адаптироваться к началу учебного года. За выходные пришлось потрудиться в расположении, получили со склада свое оружие, очистили от смазки. Подготовили повседневную форму одежды. В понедельник на плацу начальник училища сказал небольшую речь, пожелал успешной учебы. По нашей учительнице, Валентине Ивановне, мы соскучились и рады были ее видеть. Она нам ответила взаимностью и сразу перешла на английский, чтобы убедиться, что не все мы растеряли за каникулы. Вот так и начался для нас второй курс. На мой взгляд, он мало чем отличался от первого курса. Те же отбой и подъем. Физическая

зарядка. Заправка постелей и наведение порядка в расположении. Выравнивание по стропе спинки кроватей и табуреток. В столовую и обратно с песней. Построение на развод для занятий. Штудирование английского. Все повторялось изо дня в день. Иногда в учебный процесс вносили некоторые изменения. Например, на втором курсе плановый выход в учебный центр был в октябре. От Заборья до лагеря шли тяжело, перед выходом двое суток шел дождь. Кругом грязь, полно луж. Хорошо, что и противник был условный, а то действительно было бы тяжело и немногие дошли тогда до лагеря. Обувь промокла, портянки сбивались на ногах. Из-за этого часто приходилось останавливаться и перематывать их. Все это отвлекало от последовательности отработки учебного вопроса. Преподаватели нервничали, старались себя сдерживать, но мы чувствовали ситуацию. Хорошо помню, тема была «Действие парашютно-десантного взвода в боевом разведывательном дозоре». С трудом ее отработали. Погода тоже может внести свои коррективы в учебный процесс. Мы здорово устали. В лагерь пришли уже затемно. Казарма стояла на ремонте к зиме. Предстояло жить в летних палатках, печей не было. Столовая в лагере была еще летняя. Кухня капитально построена, а вот зал, если его можно так назвать, находился под навесом. Летом ясное дело, а вот зимой было не очень уютно в такой столовой, особенно в морозное раннее утро. Пока второе блюдо ешь, чай остывал. Одним словом, все было, словно по-фронтовому. Освещения в палатках не было. Что придумаем, то все наше. Перед тем как лечь спать, жгли газеты, они быстро давали тепло, и мы успевали залезть под одеяло. Утром проделывали то же самое. Сейчас это, конечно, вспомнить весело. За последние десятилетия учебный центр отстроился до неузнаваемости. Учебные корпуса, общежития для офицеров и преподавателей, казармы для курсантов, столовые для офицеров и курсантов. Кругом асфальт, чистота и порядок. Тогда было все проще и беднее. После завтрака занимались тактикой или огневой подготовкой. На стрельбище учебные классы тоже были летние. Там мы учили баллистику, траекторию полета пули, разбирались, как выбрать правильно прицел, и занимались выверкой оружия. Изучали ночные прицелы. Решали всевозможные задачки по огневой подготовке. Всем этим военным мудростям нас учили опытные преподаватели, многие годы прослужившие в войсках. Мы на первых порах их даже недолюбливали за их бескомпромиссное отношение к нам, но потом поняли, что это лишь во благо нам. Стреляли со всего стрелкового оружия, которое было на вооружении войск. Учились стрелять как днем, так и ночью. Занятия проходили с полной физической нагрузкой, без каких-либо послаблений, а

результат в свой талмуд фиксировал преподаватель. Мы перестали стесняться огневи́ков, стали чаще интересоваться своими результатами, чтобы при необходимости изменить результат огневой подготовки в свою пользу.

Изучали и вели огонь даже из безоткатных орудий, они были на вооружении в парашютно-десантных батальонах, позднее их заменили на «СПГ-9». Примерно то же самое оружие, правда, увеличилась дальность стрельбы и стал меньше вес.

Однажды полевые занятия закончились намного раньше обычного. Капитан Мигин сообщил: «Обедаем и выезжаем в ближайший колхоз на уборку картошки». Должны набрать целую машину, иначе в училище зимой есть будет нечего. Конечно, это была всего лишь шутка, но за картошкой поехали. На колхозном поле было полно студентов, а среди них много девушек. Оказывается, они, как и мы, оказывали помощь подшефному колхозу. Такая компания нам очень понравилась. Студенты были из педагогического института, а их женское общежитие находилось через дорогу от нашего училища, на улице Каляева. Окна нашей казармы смотрели на окна их общежития. Картошкой мы вместе со студентами загрузили не одну машину, а несколько автомобилей с прицепами. Потом во время отдыха в костре пекли картошку, и она нам казалась очень вкусной. Есть ее горячую было невозможно, и, пока она остывала, мы ее перебрасывали с одной руки на другую. Уже наметились парочки, которые сели поодаль от костра.

Вскоре к нам подъехал «уазик». Из него вышел пожилой мужчина, громко поздоровался с народом, справился, как идут дела. Подозвал нашего капитана и старшего от студентов, они около машины что-то обсуждали. Оказалось, председатель просил Мигина и завтра оказать колхозу помощь. Мы обрадовались — опять увидим студенток. Но командир думал по-другому. Подъехал и наш автомобиль. Мы распрощались с девчонками до завтра. К сожалению, встречи больше не было. Нет, на следующий день курсанты убыли на уборку картошки, но только курсанты другого взвода нашей роты. Командирами было принято решение, каждый взвод по очереди поможет колхозу заготавливать картошку. Дело нужное, есть всем хочется, особенно солдату. Занятия в учебном центре продолжались еще несколько дней. Погода стояла прохладная, но сухая. Настрелялись в оставшиеся дни вволю. Да и с командирским голосом стало лучше. Прорезался он наконец у многих курсантов. Кругом лес да поле, места лучше и не найти для тренировки командного голоса. Отошел немного от палаток и шуми сколько влезет.

Утром на построении для занятий к группе преподавателей присоединился Рапопорт. Он нас научил читать топографические карты, а без этого знания офицеру в армии делать нечего. Рапопорт занятие проводил на фоне тактики, нагрузка на нас увеличилась. Тем не менее прошли и последние три дня полевых занятий. Накануне выхода из лагеря мы узнали, что автомобильный транспорт училища задействован на заготовках харчей. Придется до училища идти пешком. Если бы только марш совершать, а то всю дорогу воевать заставят. Придется вести разведку условного объекта противника, а потом же его и захватывать. Маршрут будет проходить через село Константиново, где родился Есенин. Кстати, дом Анны Снегиной был в ведении нашего училища. Утром марш начали еще затемно. К рассвету подошли к Оке, через плотину проходили в колонну по одному. Высота ее метров восемь. За рекой сразу начиналось село Кузьминское, а далее наш маршрут проходил через колхозный сад. Урожай антоновки уже сняли, но кое-где яблоки еще висели. Значит, они наши, деревья трясли так, что яблоки на несколько метров от дерева улетали. Вот уже и Константиново, прошли мимо музея Есенина, он был еще закрыт. Да нам руководство и не разрешило бы терять время на посещение музея. За селом начались пустые поля. Вот с этого исходного рубежа и повели курсанты в который раз наступление на Рязань. То идем походным строем, то в линию отделений, а то и цепью наступаем на объект. Этими перестроениями курсанты командовали по очереди. У одних получалось лучше, другим подсказывали офицеры, но в конце концов военная баталия закончилась успешно. После небольшого разбора занятий и перекура перемотали портянки и уже через пару часов подходили походным строем к училищу. Рязанский кремль всегда служил нам ориентиром, его позолоченные купола были видны за многие километры. Кремль курсанты посещали часто. Он действительно главная достопримечательность Рязани. Через некоторое время мы входили на территорию училища, а чуть позже приводили оружие и себя в порядок. После ужина командир роты нам разрешил лечь отдыхать пораньше. Сон после такого перехода был крепким.

Наутро долгожданная встреча с Валентиной Ивановной, весь урок она ведет на английском. После иностранного идем в спортзал. Нас уже ждет подполковник Шитель, начальник кафедры физкультуры и спорта. Занятия по гимнастике. Он был в возрасте, но на перекладине вертелся, как белка в колесе. Проводил занятия по гимнастике и самбо. Среди нас были курсанты, которые с физкультурой не дружили, но таких было мало. Некоторые, несмотря на огромные физические нагрузки, все-таки

добивались положительных результатов. Были и такие, правда, единицы, которые не стремились развивать себя физически. Среди них и сыновья офицеров штаба ВДВ. В нашей роте таковым был Корнюшенков. С физической немощью в нем сочеталась развязность, он старался показать собственное превосходство даже в разговоре с командиром роты. Конечно, его отца знали многие офицеры, с ними он служил вместе, поэтому и терпели выходки сына. На соседнем курсе таким курсантом был сын начальника отдела кадров штаба ВДВ полковника Григорьева. Однако в конце концов их из училища отчислили. Подобные им в войска не попадали.

Шитель был хорошим методистом. Умел подметить и подсказать, как легче и красивее выполнить гимнастическое упражнение. Он нас подолгу держал на перекладине и, только убедившись в том, что методика выполнения упражнения нами схвачена, разрешал самостоятельно тренироваться. Курсанты во время перерыва между занятиями или самоподготовкой всегда самостоятельно шли в спортзал и занимались гимнастикой или прыгали через коня.

В один из вечеров во время самоподготовки командир взвода капитан Мигин напомнил нам о том, что на ноябрьские праздники училище будет, как всегда, участвовать в торжественном прохождении и необходимо найти время для строевой подготовки. Его замом был сержант Киреев, тот самый, с которым мы вместе служили в Калварии и поступали в училище. Вот Геннадия он в присутствии взвода и поручил этим делом заняться. Замкомвзводом он был у нас более двух лет. Мы с ним находили общий язык, да и училищная система сама по себе исключала солдафонство. В училище сержантом намного легче работать, чем в войсках. Здесь учеба и учебный процесс обязывают курсанта быть дисциплинированным. Учебных часов на строевую подготовку отводилось не много. Передвижения внутри училища командиры и использовали для совершенствования строевой подтянутости. С этого вечера стали тренироваться к предстоящему прохождению торжественным маршем. Все это происходило при скоплении массы народа, под бурные аплодисменты. Кроме нас, десантников, принимали участие еще четыре военных училища: автомобилисты, связисты, училище МВД и 137-й гвардейский парашютно-десантный полк. Так что стимул у курсантов был огромный. В советское время народ всегда был рад наступлению праздников. Ждали его и курсанты, многие из которых были женаты. На выходные и праздничные дни им разрешали увольнение на сутки. Зарипов, курсант нашего взвода, женился на втором курсе. Наши кровати были рядом, и мы, само собой,

подружились. Его жена была студенткой, снимала комнату в городе. Иногда я его выручал, когда ему выпадало по графику дежурство в выходные дни. Однажды он на выходной пригласил меня в гости. Я записался в увольнение, и мы поехали к нему. Домик небольшой, но ухоженный, в деревенском стиле. Хозяева были гостеприимными людьми. Юра у них был своим человеком, его с удовольствием принимали. Познакомился с ними и я. У них было двое детей школьников. Валентина, жена Юрия, накрыла на стол, пригласила хозяина и его жену и представила меня им. Они выпили за встречу и за знакомство, а я должен был возвращаться в училище, и мне не предложили. Пошли разговоры на разные темы, только не про армию. Через пару часов мне надо было уходить. Потом я частенько бывал у них в гостях. Их дом был недалеко от училища и совсем рядом с кремлем.

На ноябрьские праздники горожане больше симпатизировали курсантам нашего училища. Генералу Леонтьеву с трибуны приятно было наблюдать, что его воспитанники на параде держат лучше равнение и строевой шаг, чем курсанты других училищ. К тому же он официально являлся начальником гарнизона. Объявленная генералом благодарность смягчила души наших командиров, и они выдали увольнительных курсантам больше обычного.

За суетой учебы не заметили, как подошел Новый год. К нему готовились более серьезно. К нашим курсантам, женатикам, приезжали жены, вот уж они с особым трепетом готовились к встрече, а мы только над ними посмеивались, но ждали их возвращения, они приносили что-нибудь вкусное и домашнее. У нас было заведено: праздник праздником, а к занятиям должны быть готовыми. Поэтому без напоминания брали в руки книжки и готовили домашнее задание, а женатые иногда и подзалетали, но добрые и понимающие преподаватели на это глаза закрывали. Бывали моменты, когда английский язык нам порядком надоедал, и мы с некоторым удовольствием высматривали в расписании занятий дни заступления взвода в караул. В карауле не мед, но все же получается какое-то разнообразие на целые сутки. Это были моменты, а не система, и караульная служба была для нас своего рода панацеей. В середине января мы торопливо стали ликвидировать тройки. В зимнюю сессию тройки ставили под угрозу зимние каникулы.

Как-то рано утром командир поднял роту по учебной тревоге. В расположении началась суета, сравнимая только с паникой на поле боя. С трудом замаскировали окна, они были высокие и одним одеялом не закрывались. В каптерке толкотня за получением зимнего обмундирования. На улице в кладовке без освещения лыжи перепутали. В общем, как

говорил наш Маргелов, да у вас здесь хуже, чем в румынском бардаке. Почему в румынском? Ответа и сегодня нет. Но все же рота построилась, и мы с лыжами на плечах строим через тыльную проходную училища вышли к речке Трубеж. Здесь нас уже ожидали преподаватели тактики. Нас их присутствие насторожило. Подошел и сам начальник кафедры тактики, полковник Донцов. Мы терялись в догадках. «Стать на лыжи!» — скомандовал ротный. Стали, ждем, что будет дальше. Нам сказали, что с ротой будет проведено суточное тактическое учение, а дальше озвучили тему предстоящего учения и вопросы, которые мы должны отработать. Нам предстояло вначале совершить марш как будто с площадки приземления. Дальше провести разведку опять-таки условного противника, объекта и захватить его, а затем выйти в район обороны и не допустить подхода «супостата» в определенный район. То есть заночевать в лесу на морозе, да еще и под открытым небом. «Вопросы есть?» — спросили у нас. «Конечно, есть!» — в один голос чуть было не закричали мы. — «А завтракать где будем?» — «В поле», — ответили нам. Третий взвод ушел вперед. Он должен был обозначить «супостата». Весь день воевали, друг на друга наступали, вели огонь холостыми патронами, к вечеру врага все же разбили. Вышли в район занятия обороны. Быстро стало темнеть, одновременно усиливался мороз. Вначале было весело, шутили, но надо было думать, как в лесу переночевать. Стали готовить в снегу ямы и укладывать туда еловые ветки. Скажу без преувеличения, пару часов сна в этой яме можно выдержать, но не больше. Мы все в валенках и теплом обмундировании, но без движения в снегу, на морозе очень холодно. Потихоньку бросили свои окопы, позиции и потянулись к костру. Костер большой, около него стало даже жарко. Многие курсанты решили просушить сапоги, которые за день промокли, и поставили их ближе к огню, а сами около тепла пригрелись и задремали. Как результат — у многих сапоги были испорчены, шапки и воротники курток обгорели. До утра просидели около костра, а с рассветом «боевые действия» возобновились. Правда, к нашему большому счастью, они через некоторое время закончились. Но научились мы тогда многому.

Обедали в столовой училища, лица обветренные, все с удивлением расспрашивали нас, где мы были целые сутки? «Да в лесу были!» — отвечали мы и смеялись. Теперь нас больше всего волновала подготовка и сдача зимней сессии. Для меня она закончилась успешно. День Советской армии и Военно-морского флота я встречал дома. Мама приготовила и накрыла хороший стол, я пригласил своих друзей. Папа был избран тамадой. Зимние каникулы короткие, всего две недели. Не успел

оглянуться, надо уже прощаться с родителями, сестрой и братьями. Не забывал и бабушку с дедушкой. В Гомеле заглянул к родственникам, а от них на вокзал.

И снова напряженная учеба. Немного постажировались в десантном полку в должности командиров отделений. Встретили майские праздники, а за ними незаметно и июнь наступил. Пора собираться в учебный центр и готовиться к сдаче летней сессии. Жаль, что с нами не было нашего командира взвода капитана Мигина. Он уехал в учебную дивизию, на повышение. Нам не хотелось, чтобы он уезжал, мы к нему здорово привыкли. Сдали всем взводом летнюю сессию успешно и уехали на каникулы к родителям в разные уголки Советского Союза. Моя семья уже стала привыкать к такому графику моего передвижения. Однако отпуск не учеба, всегда проходит весело и незаметно. Месяц прошел, снова курсанту в дорогу.

В первый день учебы на третьем курсе командир батальона подполковник Кононов представил нам нового командира роты капитана Костоусова. Новый командир стал внимательно присматриваться к нам, к учебному процессу. Он был жестче Вишневого, но только на первых порах, потом стал заботливым командиром. Он был всегда подтянут, безукоризненный внешний вид, а это хороший пример для курсантов. Через неделю-другую командир роты представил нашему взводу старшего лейтенанта Страхова. Он, прямо скажу, нам не понравился, прямая противоположность Мигину. Небольшого роста, крепкий, сапоги, чувствовалось, на размер больше, фуражка тоже большая. Мы себя уже считали довольно грамотными в военном отношении людьми и повели в отношении взводного несколько независимо и даже высокомерно. Представили командира, и ладно. Конечно, нам это чести не добавляло, да и кураж вскоре прошел.

В училище приглашали тех офицеров из войск, у кого был богатый опыт работы с людьми и определенные успехи в боевой подготовке. Но если кто-то из них слабо работал с курсантами, не было роста успеваемости, улучшения дисциплины, таких командиров отправляли назад командовать парашютно-десантными взводами. На третьем курсе мы стали изучать новый предмет — военный перевод. Преподавателями были военные переводчики. За границей они провели не один год. Английский знали в совершенстве. Военный перевод был все же интереснее, потому что мы были знакомы с военной техникой, да и слова легче запоминались. В начале октября для курсантов были спланированы парашютные прыжки из самолета «Ан-12». Утром мы прибыли на аэродром Дягилево, на нем

базируется большое количество военных стратегических самолетов разных типов, от бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие на борту, до заправщиков в воздухе. Здесь же находился и учебный центр по переподготовке летчиков не только советских, но и из дружественных стран. Пока преподаватели проверяли наши парашюты, мы с интересом рассматривали коллекцию могучих самолетов. Слышим команду: «Надеть парашюты!» Самолет совершил пару кругов над Рязанской областью и взял курс на площадку приземления. Она была в восьми километрах от областного центра. По команде: «Вперед!» ринулись в бездну. К этому времени мы себя чувствовали и в самолете, и во время выброски, и в воздухе довольно уверенно. На следующий день повторили прыжок из самолета «Ан-12», но на этот раз была задача раскрыть запасный парашют в воздухе. Первый раз как-то получалось неумело, и он слабо слушался нас. Не все справились с этой задачей, об этом объявили на сборном пункте преподаватели кафедры воздушно-десантной подготовки.

Запасный парашют, действительно, без определенных навыков трудно раскрыть в воздухе и привести его в полное рабочее состояние. То он залезает в стропы основного парашюта, то накроет самого парашютиста, но когда купол запасного парашюта наполнен воздухом, управлять им легко, резко подергивая стропы. Куда потянул стропы запасного, туда и разворачивается основной. Нам выставляли оценки даже за умение собрать купол, стропы бесконечной петлей и правильно все хозяйство уложить в парашютную сумку.

Страхов часто приходил в спортзал и подсказывал курсантам, как лучше выполнить то или иное гимнастическое упражнение. Он сам неплохо работал на перекладине, прекрасно владел приемами защиты и нападения. Иногда по нашей просьбе курсанту, который на экзаменах тонул, передавал шпаргалки. Правда, делал он это крайне осторожно и неохотно. Учеба учебой, а Новый год уже стучится в двери. К курсантам стали подъезжать жены. Мужья старались заранее заказывать номер в гостинице. Во взводе на третьем курсе уже было четверо женатиков, в том числе и Барсуков, старшина роты, он числился в штате нашего взвода. К нему жена Люба приехала. На следующий день Нового года я, Кожушкин и Фролов зашли к нему в гости, а там уже Дочкин со своей женой, чай пьют. «Мы вам не помешали?» — «Конечно нет, заходите», — пригласил нас Владимир. Вот так мы и познакомились с их женами. Позднее кто-то предложил шампанское, стали открывать, пробка вылетела пулей и попала в люстру. Произошло короткое замыкание, в гостинице погас свет.

После праздника мы стали готовиться к зимней сессии. Экзамены

сдали хорошо.

Через несколько дней в очередной раз уехали к родителям на каникулы. Весна — это напряженные полевые занятия. Перед праздниками захандрил мой товарищ Зарипов. Перестал учиться. Занятия посещал, но отвечать отказывался. Мы с ним и так и этак, не помогло. «Уеду в войска, и все тут», — заладил он. И в конце концов было принято решение отправить его во Псков. Тем не менее накал учебы не снижался. После майских праздников нас стали готовить к стажировке в войсках, одновременно сдавали зачеты и готовились к сдаче экзаменов за третий курс.

Летнюю сессию наш курс сдавал раньше обычного, в июне. Это было связано с выездом на стажировку. Готовились серьезно. Заранее составили конспекты для проведения занятий с солдатами и сержантами в войсках. Наша рота стажировку проходила в 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии в Витебске. До Москвы доехали электричкой, это знакомый путь каждому курсанту. От Москвы до Пскова ехали поездом. Командиры нас пасли, чтобы не ходили к девушкам в соседние вагоны. Вместе с нами ехал к новому месту службы Зарипов, настроение у него было неважное. Он был в солдатских погонах, в войсках прослужил около полугода и вернулся в Рязань. К сожалению, я тогда с ним не встретился.

Во Псков прибыли ранним утром. На привокзальной площади нас ждали автомобили. Взвод для прохождения стажировки уехал в 104-й гвардейский парашютно-десантный полк в город Черех. Нас уже ожидал исполняющий обязанности командира полка майор Бабуркин. Мы уже были распределены по подразделениям. Преподаватели по тактике, прибывшие во Псков, согласовали с руководством дивизии и полков план стажировки и всех курсантов заранее распределили по ротам. В полках рады были нашему приезду. Офицеров не хватало, многими взводами командовали сержанты. До нас довели, кто в какой роте и каком взводе проходил стажировку. Затем определили место жительства, нам место для отдыха отвели в ленинской комнате одного из подразделений полка, в столовой тоже отдельный угол. После завтрака мы прибыли на развод полка, где нас и представили командирам рот, а те, в свою очередь, офицерам, сержантам и солдатам. Куликов, Федоров и я были представлены личному составу четвертой роты. В роте было всего два офицера, так что мы были очень кстати. И сразу же были загружены проведением занятий по строевой, физической подготовкам. Пару раз заступали в караул. Куликов, как сержант, был начальником караула, а Федоров и я разводящими смен. У меня было два поста. Склад боеприпасов и автопарк. И когда мы шли на пост, я подметил, что здесь все

здорово напоминало Калварию. Те же овраги и кусты. Перед заступлением караульного на пост обратил его внимание на важность поста. Ночью несение службы караулом проверил дежурный по полку. Поднял караул по команде: «В ружье!» Личный состав действовал уверенно, и дежурный оставил нас в покое. Однако в караульной ведомости написал много всяческих «пожеланий».

Несколько раз выезжали на стрельбище. Мы были старшими на учебных точках, где солдаты изучали условия выполнения упражнений, выбор точки прицеливания и метание ручных гранат. На огневом рубеже старшими были офицеры. В свободное от службы время пропадали на пляже реки Великой. Знакомились, шутили, девчонкам назначали свидания.

Во время стажировки приняли участие в полковом тактическом учении с десантированием в темное время суток. Местность была совершенно незнакомой. В это время на Псковщине белые ночи. Вспоминается случай, произошедший во время десантирования. Один десантник, чтобы отличиться и в виде поощрения получить отпуск с поездкой на родину, в момент отделения из самолета «Ан-12» отцепил вытяжную веревку своего парашюта от троса и практически в свободном падении выпрыгнул из самолета. Риск был велик. Конечно, его безрассудство, к большому счастью, для него самого и командиров закончилось благополучно. Но несмотря на нарушение инструкций, надо отдать ему должное, находясь в свободном падении, гвардеец хладнокровно выдернул вытяжное кольцо запасного парашюта и удачно приземлился. Однако вместо отпуска горе-герой загремел на гауптвахту.

После приземления на время разбирательства учение было приостановлено. Как только виновник был уличен, последовала команда: «Вперед!» Наша рота дружно атаковала объект противника недалеко от площадки приземления. Атака для «супостата» была неожиданной, он был разгромлен. Дальше мы долго шли лесом, через болото, в конце концов, хотя и очень устали, вышли в нужный район. На указанной нам комбатом высоте мы должны были окопаться и ждать противника. С какой стороны появится враг, нам сказали. Ждем. Наблюдатель докладывает: «Вижу колонну машин, похожих на танки, которые двигаются по дороге в нашу сторону». — «Да это же самоходные установки», — определил я. У меня даже легко стало на душе — вот они, мои родные самоходки. Ведь я же из ее вооружения учился стрелять, даже водил, механику-водителю помогал приводить самоходку в порядок после стрельб и вождения. Честное слово, я с удовольствием наблюдал за их нехитрыми маневрами, несмотря на то, что они сегодня обозначали «неприятеля». Самоходки развернулись в

линию машин и тихим ходом двигались вперед. И о чудо! Из леса им навстречу выскочили пять 57-мм САУ. Это тоже самоходки, но только маленькие. Они были в каждом десантном полку. Надо отдать должное, на тот период это было единственное маневренное противотанковое средство в полку, пушка, несмотря на малый калибр, была очень мощная. И самое главное достоинство 57-мм САУ то, что она могла из самолета «Ан-12» десантироваться в тыл противника. Их в шутку фронтовики называли «голозадые Фердинанды». С ротного опорного пункта мы наблюдали что-то похожее на миниатюрное Прохоровское сражение. Затем показалась цепь пехоты, которая наступала на нашу высоту. Началась имитация боя. Кругом разрывы, дым и автоматная трескотня холостыми патронами. Наша артиллерия, имитируя огонь, решила исход боя в нашу пользу. Постепенно «супостат» начал пятиться и вскорости скрылся в дальнем лесу. На этом закончилось учение. Через пару дней подошла к финишу и наша практика в полку. Утром, накануне отъезда в Рязань, всех курсантов пригласил к себе майор Бабуркин. Поблагодарил за помощь, которую мы оказали полку, замещая вакантные офицерские должности пусть даже на короткий срок, и пожелал нам счастливой службы.

В целом стажировка пошла нам на пользу. Мы увидели полковую жизнь со всеми ее прелестями и недостатками. Приобрели некоторые навыки в управлении взводами. Вечером этого же дня поездом отправились в Москву, а далее до Рязани. В стенах училища нам вручили проездные документы и утром отпустили по домам. На этот раз к родителям я поехал через Минск. Поезд на Гомель отправлялся вечером, и, чтобы не терять зря целый день, я приобрел билет на ближайший поезд, идущий через Минск.

Конечно, родители меня ждали. Заметно подросли братья, а сестра стала уже настоящей невестой. Родители мне рассказали, что все мои друзья, отслужив в армии, вернулись домой. Один только Бельчиков остался на сверхсрочную службу. Крутелев поступил в Могилеве в институт. Остальные работают, кто в Гомеле, а кто в Минске. Во время нашего разговора раздался стук в дверь. Сестра встала из-за стола и пошла открывать. Слышу, Люба кому-то отвечает: «Да, приехал!» Вижу, заходят Ушаков, с которым я служил солдатом в Калварии, и Волчков, с ним служил во Пскове десантником. Вышел им навстречу, мы обнялись. Отец сказал: «Ну, что, мать, давай накрывай на стол!» Мама стала суесться. Разговор о службе продолжался далеко за полночь. Утром пришел самый младший брат мамы, Николай, то есть мой дядя, который был старше меня всего на полгода, и пригласил в гости. Я согласился, тем более рядом с ним жили мои бабушка и дедушка, а к ним обязательно надо зайти. Вот так за

встречами, разговорами и воспоминаниями прошел очередной месяц летних каникул. Пора возвращаться в училище.

И снова в альма-матер, крепкие рукопожатия друзей, и снова учеба, но командиры напомнили, что мы на выпускном курсе и настала пора осознать, что мы через некоторое время получим звание лейтенанта. Конечно, стали более серьезно относиться к учебному процессу. Нас периодически привлекали для проведения политических занятий и политинформаций с солдатами в десантном полку. При совершении парашютных прыжков из самолета «Ан-12» учили выполнять обязанности выпускающего из самолета. Прибавилось часов на изучение грузовых парашютов и парашютных платформ. У нас учились курсанты и офицеры из других государств, в том числе из Афганистана и Индии. Афганцы были выходцами из зажиточных семей: военная форма из дорогого материала, да и гражданские костюмы явно куплены не в Советском Союзе. Они регулярно посещали рестораны, у них всегда были девицы. Афганцы в течение года изучали русский язык, а затем военные дисциплины. Они вели праздный образ жизни, видно, что родители богатые. Остальные вели себя намного скромнее. Большая группа была из Югославии и Польши. Был взвод вьетнамцев, так те вообще жили в отдельном отсеке. Мы в шутку говорили, что вьетнамцы — это четвертый взвод нашей роты. На третьем курсе, когда в их страну вторглись американские войска и начались ковровые бомбардировки, они в одночасье уехали защищать родину. У нас тоже был патриотический порыв, почти вся рота написала рапорта с просьбой послать выполнять интернациональный долг во Вьетнаме. Среди курсантов поднялся такой ажиотаж, что начальник училища вынужден был нас собрать и объяснить истинную цель нашей учебы: «Вы учитесь, а во Вьетнаме и без вас разберутся». И как всегда, командир оказался прав. Так вот, однажды заболел преподаватель у индусов, а так как тема у нас с ними была одна: изучение грузовых парашютов, группы объединили. Тем более к этому времени мы в английском поднатерели. Несмотря на то что индусы были все офицерами, очень серьезно слушали разъяснение и порядок последовательности укладки грузового парашюта. Если они что-то не понимали, не стеснялись, спрашивали у нас. Наш преподаватель майор Моханов даже удивился, когда мы легко изъяснялись с индусами. Но ведь мы уже второй год учили военный перевод. Произношение у индусов было колониальное и здорово отличалось от американского или английского. Мы легко понимали друг друга. Все иностранные студенты и офицеры, за исключением вьетнамцев, жили отдельно от нас в общежитии, у них была и отдельная столовая. Командованием училища как-то особо не поощрялись

наши встречи и дружба с иностранцами, а мы и не стремились к знакомству.

В училище часто устраивались танцы. Местные девчонки шли толпами, но всех не пропускали. Были случаи, когда они перелезали через забор, чтобы попасть на вечер. Многие связали свою жизнь с курсантами и по выпуске уехали с молодыми лейтенантами по воздушно-десантным дивизиям. На выпускном курсе время бежало очень быстро. Вот отпраздновали, какой уже по счету, Новый год. Дома, у родителей, отметили День Советской армии и Военно-морского флота, а тут на подходе и майские праздники. Незаметно подошло время сдавать госэкзамены.

В конце мая дали команду собирать вещи для поездки в Селецкие лагеря. И действительно, где-то через неделю мы уже обустроивались в учебном центре. Готовили аудитории, где будем сдавать государственные экзамены. В билете одним из вопросов будет указан вид оружия, поэтому стреляли из всего стрелкового оружия. Усиленно занимались и физической подготовкой. Не забывали и гуманитарные дисциплины.

Через несколько дней выпускникам представили председателя и членов Государственной комиссии. Председателем комиссии был заместитель командующего Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Курочкин. По традиции выпускной курс и члены комиссии сфотографировались. Затем нас ознакомили с расписанием выпускных экзаменов. Мы обязаны будем сдавать историю КПСС, военный перевод, тактику, огневую и физическую подготовки. Конечно, мы волновались, но готовились к экзаменам основательно и жили свободно. После завтрака уходили в лес и там, в тишине, учили предметы, но замкомвзводу сообщали, где будем находиться. В лагере было много детей офицеров, лаборанток и преподавателей, которые в свободное время без дела шатались по лесу и отвлекали нас от дела. Конечно же, женщинам-преподавателям мы собирали и дарили ландыши. Мне нравилась Светлана, она преподавала английский на младших курсах, часто гуляли с ней по лесу. Гражданские преподаватели без особого энтузиазма приезжали в лес, хотя условия для проживания были вполне нормальными. Они жили в отдельных двухэтажных деревянных домах. Питались в офицерской столовой. Тем не менее как только их группа сдавала иностранный язык, тут же возвращались в Рязань. Светлана меня предупредила, что на следующий день тоже уезжает в Рязань, а затем на пару недель в Хмельницкий, к концу нашего выпуска вернется домой. Она оставила домашний телефон.

Однажды Страхов решил проверить, как мы самостоятельно занимаемся. После блуждания по лесу он решил ограничить географию наших мест подготовки. В один из дней (а это было после обеда) мы всей ротой на спортгородке занимались физической подготовкой. И вдруг слышим: «Смирно!» Смотрим подходит сам Маргелов, а рядом с ним незнакомый здоровенный подполковник. Поздоровался, скомандовал: «Садись!» и прямо в своих генеральских штанах сел на землю, а мы вокруг него. «Ну, как идет подготовка к экзаменам, какие просьбы?» — спросил Маргелов. «Все нормально, товарищ командующий, усиленно готовимся к госам», — ответили мы, а что мы еще ему могли сказать. Однако кто-то из курсантов первого взвода взял да и ляпнул, мол, мало стреляем из пистолета и редко бросаем ручные гранаты. Командующий тут же обращается к комбату: «Карпов, в чем дело?» — «Товарищ командующий, исправим положение», — ответил комбат. «Ну а как у вас самбо?» — «Нормально». Маргелов и говорит: «Мы вот с Костей по сто граммов примем на грудь и при желании весь ваш курс по самбо разбросаем». Нам это высказывание здорово понравилось. Потом мы узнали, что Костя — начальник базы хранения тяжелой воздушно-десантной техники в Коломне. Нам показалось, что он с такой комплекцией десантируется на грузовом парашюте, обычный его не выдержит. Конечно, десантникам повезло, что командующим войсками был именно Маргелов. Благодаря его титаническому труду и пробивным способностям стала возрождаться мощь и слава Воздушно-десантных войск.

Командующий нам пожелал успеха на государственных экзаменах и добавил, что он на экзаменах, конечно, не на всех, но на многих будет присутствовать. Как только Маргелов скрылся из виду, мы стали обсуждать его визит. Комбат тут же съехидничал: «Значит, стрелять не надоело, ну что же, ладно, из пистолета постреляем и гранаты побросаем». Свое обещание Карпов выполнил. Каждую субботу и воскресенье выпускников после завтрака выводили на стрельбище. Именно в субботу и воскресенье полковник Карпов нас уже ожидал на огневом городке и ехидно улыбался. За глаза мы его дразнили Кризис. Одна рота готовилась для стрельбы из пистолета, а другая шла на метание ручных гранат. Позднее происходила смена учебных мест. И так продолжалось до тех пор, пока мы комбату не сказали: «Мы все поняли, уже досыта настрелялись из пистолета, и руки болят от метания гранат, мы уже все умеем». Он хитро улыбнулся, но больше нас не тревожил по выходным дням. Мы снова стали свободно готовиться к выпускным экзаменам.

Каждая рота на земле, на передней линейке около постового грибка,

где всегда находился дневальный, изготовила большой календарь, чтобы по традиции отслеживать от первого до последнего дня госэкзамены.

И вот наступил важный и ответственный для нас день. Весь курс построился на строевом плацу. Состоялся небольшой митинг. Выступили члены комиссии, преподаватели, командиры, было предоставлено слово кому-то из курсантов.

Затем генерал Курочкин дал команду: «На экзамены, шагом марш!» Мы под музыку, держа равнение и чеканя шаг, прошли мимо трибуны, а далее командиры взводов развели нас по аудиториям.

Целый месяц все были напряжены. Хотелось сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично». Конечно, иногда желание не совпадало с реальностью, но в целом все шло гладко. Повторно никто из курсантов экзаменационные билеты не брал. Нас предупредили, если кто из курсантов попадется со шпаргалкой, пересдача только с разрешения председателя комиссии. Но все же настал и день, когда на календаре около дневального появилась цифра ноль. И мы возомнили себя настолько свободными, что в столовую на завтрак пошли без строя. Наши командиры, и особенно комбат, все понимали, и когда разложили большой костер для сжигания конспектов, тетрадей и ненужных учебников, мы бесились вокруг него, как туземцы. Вдруг кто-то крикнул: «Кризис» идет! И мы, как школьная шпана, ушли в глубь леса, выкрикивая в адрес комбата обидное слово «кризис». Своим необдуманным поступком, конечно же, мы обидели Карпова. Эта выходка дошла до начальника училища. Утром объявили сбор. Собрали в летнем кинотеатре. Первым пожаловал комбат с офицерами рот. Комбат несколько раз поздоровался с нами, показывая этим, кто в доме хозяин. Начальника училища мы встретили громким: «Здоровья желаем», а на поздравление с успешным окончанием училища ответили троекратным «ура!».

Попов, вместо того чтобы пожурить за вчерашнюю выходку, стал рассказывать о том времени, когда он сам окончил кавалерийское училище. После выпуска в городском парке устроили различные соревнования. На лошадях преодолевали препятствия, заборы, кусты, потом катали девчат. Народ в парке их приветствовал. «Вот так мы отмечали сдачу экзаменов, — подчеркнул он. — А вы, молодые люди, получившие высшее образование, вчера вели себя, как дикари, и еще будете сожалеть о том, что сожгли конспекты». Полковник Попов был прав. Вскоре мы действительно восстанавливали то, что необдуманно сожгли.

В течение последних двух дней в лагере мы консервировали свое оружие и сдавали на склад. Рассчитались с библиотекой и были готовы

отбыть в Рязань. Утром погрузились на речной катер и тихим ходом дошли до Рязани. Дорогой пели песни, настроение на высоте. На следующий день с утра нас переодели в лейтенантскую форму. Заранее, где-то за полгода до выпуска, закройщик снял мерку, и в военном ателье нам сшили форму. Она была подогнана под каждого и смотрелась отлично.

Выход в город был свободный, и мы, как морская волна, затопили его улицы. Я позвонил Светлане. Она, оказалось, ждала моего звонка. Договорились о месте встречи. Оба очень обрадовались. Она сразу пригласила к себе в гости. Я, конечно, для приличия отнекивался, потом согласился. Но случилось непредвиденное: как только в прихожей на вешалке я увидел китель с полковничьими погонами, желание переступить порог комнаты сразу пропало. Стал уговаривать ее уйти обратно на улицу. Кажется, мы разговаривали слишком громко, потому что из комнаты вышел ее отец. «Светлана? Это и есть Михаил?» — «Да, папа», — ответила она. «Ну, здравствуй, Михаил! — и представился: — Владимир Георгиевич». Он поздравил меня с присвоением офицерского звания. На кухне ее мама накрывала на стол. Светлана меня и ей представила. Мы пили чай с вкусным домашним тортом, но сто граммов полковник не предложил, от этого и разговор не получался. Особого желания долго находиться в компании с полковником у меня не было, но я не мог найти предлог, чтобы уйти. Это почувствовала Светлана. «Мы пойдем погуляем», — сказала она родителям. Поблагодарив ее родителей за чай, мы вышли на улицу. Она спросила: «Что случилось, тебе не понравилось у нас?» — «Да нет, все в порядке! Понимаешь, отец твой полковник, а я только лейтенант и не отвык еще при разговоре со старшими употреблять военную терминологию: «есть», «так точно» или «никак нет». Поэтому пока у нас не нашлось темы для разговора. Извини меня». Как мне показалось, я убедил ее. Взявшись за руки, мы долго гуляли по ночным улицам Рязани. Далеко за полночь проводил ее до дома и, как настоящий кавалер, дождался, пока она поднимется на свой этаж, и только тогда медленно направился в сторону училища. Чем ближе подходил к училищу, тем больше встречал своих сокурсников. Дежурный по училищу на наше позднее возвращение внимания не обращал.

Утром мы с большим усердием принялись наводить лоск. Сегодня на нас будут смотреть много, много глаз. Да и по своей значимости нынешний день очень торжественный. Страхов подходил к нам, как к равным, и называл всех по имени. Принес из дома уют, чтобы мы вовремя привели себя в порядок. Вскоре командир роты объявил, что пора приготовиться к построению.

На плац вышли несколько раньше положенного времени. Но, как всегда, с ефрейторским зазором. Капитан Костоусов с офицерами роты, в который уже раз осмотрели каждого из нас. Хотя мы сами знали, что сияем, как надраенный тульский самовар. Наконец показался начальник училища. Послышались команды: «Равняйся! Смирно!» Полковник Попов поздоровался с нами и еще раз поздравил с окончанием училища. Начальник учебного отдела полковник Несветеев зачитал приказ министра обороны о присвоении нам первичного офицерского звания «лейтенант». В алфавитном порядке нас стали вызывать за получением диплома и знака об окончании высшего учебного заведения. Затем подходили к знамени училища и прощались с ним. А в это время в столовой официантки готовили торжественный обед. На территории училища было полно народа. Больше гражданских лиц, особенно женского пола. Все смотрели только на нас, лейтенантов. Не будем скромничать, но кто-то смотрел и на меня тоже. Мы прошли торжественным маршем около знамени и командования училища. На этом первая часть торжества заканчивалась. Получили проездные документы, деньги и предписания, в какие дивизии прибыть после отпуска для прохождения офицерской службы. Много парней из нашего взвода получили назначение в 105-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию в город Фергану, в том числе и я. В казарме немного отдохнули, заодно заранее упаковали казенные вещи, а то из-за праздничного обеда будет не до сборов и можно опоздать на электричку. Кто-то громко крикнул: «Лейтенанты, вас приглашают в столовую!» В столовой народа тьма. Многие пригласили знакомых девушек. Пригласили на выпуск и генерала Леонтьева. Первое слово было предоставлено начальнику училища полковнику Попову. Он дал понять, что мы не его воспитанники, а генерала Леонтьева, и мы его последние могикане, потом пожелал нам красивой службы и добавил, что после нашего выпуска в училище будет все по-другому. Слово дали Леонтьеву, он поблагодарил за приглашение и тоже пожелал удачной службы. Последовали тосты за здоровье наших учителей и за успехи в будущей службе. И была песня, а как же обойтись после нескольких тостов без десантного гимна «Нет лучше войск на свете, чем десантные войска». Многие, кто уезжал в тот же день, потихоньку стали уходить с банкета. Кто не спешил уезжать, продолжали пировать.

Вся моя жизнь, ВДВ

На выходе из училища меня встретила Светлана. Взяла за руку и, глядя в глаза, сказала, что поздравляет. Слова прозвучали нежно и искренне. Мы с ней договорились, что когда буду уезжать в Фергану, она подойдет к поезду. Возможно, за это время у каждого из нас созреет план на ближайшее будущее. Мимо нас лейтенанты с чемоданами торопились к вокзалу. И я поспешил вдогонку за товарищами. На ближайшей электричке доехали до Москвы. В столице разъехались по разным вокзалам. На вечерний поезд до Гомеля удалось купить билет без проблем. Как только поезд тронулся, забрался на верхнюю полку и всю ночь проспал. Привокзальное утро было тихим и солнечным. Выходя из вагона на привокзальную площадь, к большому удовольствию, в толпе увидел тетю Аню. Окликнул, она, увидев меня, на какие-то доли секунды даже растерялась. Затем быстро подошла, обняла меня, поздравила. Оказывается, она собралась навестить свою мать, мою бабушку. Вот так вместе приехали к моим родным. Дома радость большая. Сын окончил училище и в форме лейтенанта предстал перед родителями.

Гости, родственники каждый день, мама только на стол накрывать успевала. Наверное, так бы продолжался весь отпуск, если бы однажды отец не сказал: «Сын, хватит отдыхать, надо матери по хозяйству помочь». Приказ отца — закон. Незаметно приблизился день отъезда. Пора начинать задумываться о солнечной Фергане. Поискать литературу и хотя бы составить поверхностное представление о том крае, в котором придется какое-то время служить. Кое-что из литературы удалось почерпнуть о Ферганской долине, оказывается, она богата не только хлопком, но там есть и нефть, и газ. Плохо, что лето очень жаркое, да и в эпидемиологическом отношении есть некоторый риск. Ну а как оно будет на самом деле, пока не ясно, время покажет. Оставшиеся дни прошли в сборах к отъезду. Как говорила мама, в далекую, чужую страну.

Настал день, когда нужно было уезжать на службу. Попрощавшись с родителями, я сделал свой первый шаг по длинному маршруту к Фергане. На следующий день в Москве на Казанском вокзале с помощью военного коменданта удалось прокомпостировать билет, который был куплен еще в Гомеле, до железнодорожной станции Маргилан, что рядом с Ферганой. С вокзала позвонил Светлане, сказал номер поезда и вагона, а также примерное время прибытия поезда в Рязань. Когда услышал ее голос,

понял, что соскучился по ней. При встрече она скажет мне то же самое. Объявили посадку. Уже в вагоне сразу почувствовал разницу между Западом и Средней Азией. Резкий запах всевозможных специй и аромат плова, который вьелся в шторы на окнах и купе, преследовал меня на протяжении всего пути. К концу поездки мне казалось, что я сам пропитался этими специями Востока. Однако вагон, как бы это странным ни показалось, стал заполняться славянским людом. Потом стали знакомиться, ведь дорога дальняя. Оказалось, основная масса пассажиров едет до Ташкента, меньше до Ферганы. В соседнем купе ехал военный с семьей, я поэтому старался быть ближе к нему. Старший лейтенант уже несколько лет служил в Андижане, летчиком в полку ПВО, мне его рассказы о Ферганской долине, службе были интересны. Он для меня стал своего рода гидом на протяжении почти трех суток. Вещи я положил на самый верх, переделся в дорожную форму и стал с нетерпением ожидать приближение Рязани. Проводник прошел по купе собрал у всех билеты, положил их в промасленную сумку, которая пахла специями. Одновременно он разъяснял правила поведения в дороге. Узбек говорил с большим акцентом, было интересно и смешно. До Рязани осталось километров сто. Ориентиров вдоль железной дороги за четыре года запомнилось много. Достал большую коробку хороших конфет, специально купленных моей сестрой для Светланы на конфетной фабрике «Восьмое Марта» в Гомеле. Конфеты в коробках в то время были большим дефицитом, но сестра постаралась и достала. Аккуратно завернул конфеты в газету и стал смотреть в окно. На душе приятная тревога ожидания предстоящей встречи. Мимо окна проплыла станция Дягилево — очень важный военный объект, вдалеке были видны фюзеляжи стратегических бомбардировщиков. До Рязани оставалось восемь километров. Прошло еще несколько минут томительного ожидания, и вот стал медленно надвигаться перрон станции. Внимательно вглядываюсь в толпу. Чем тише ход поезда, тем больше народа на привокзальной площади. Вот и она, я ее вижу, жестикулирую, но Светлана смотрит на дверь вагона. Она не одна, вместе с ней ее подруга Лида, преподаватель французского на первом курсе. Наконец состав остановился. Проводник, бабай, был настолько неповоротлив, что мне хотелось помочь ему открыть дверь вагона. С коробкой конфет под мышкой медленно пошел навстречу подругам. Да расцепитесь вы, подумал я про себя. И точно, Светлана убрала руку из-под локтя подруги и заспешила ко мне. Мы обнялись и расцеловались. На какое-то время она прижалась ко мне и шепнула: «Ты помнил обо мне?» — «Конечно!» — ответил я уверенно. Поздоровался с Лидой. Разговор

начался на отвлеченные темы, были даже шутки. Однако нашу беседу прервало громкое объявление: «До отправления поезда номер тридцать четыре, следующего сообщением Москва — Андижан, остается... Просьба занять свои места». Ну вот, как один миг пролетела встреча. Чуть было не забыл отдать ей конфеты. Она очень обрадовалась. Подошли к вагону, а бабай уже шумит: «Ты что, хочешь остаться? Давай, полезай в вагон». Я обнял Светлану, прижал к себе и тихонько сказал: «Жди, буду писать». Состав дернулся и стал медленно двигаться. На ходу заскочил в вагон, подошел к окну и помахал девочкам рукой. Поезд, набирая скорость, увозил меня далеко, далеко от города, в котором я учился четыре года. Годы учебы зря не прошли, появилась девушка, о которой думаю с нежностью. Через некоторое время проводник предложил всем чай. И только сейчас я понял, что в руках держу сверток, откуда исходит приятный запах свежей выпечки. Это Светлана передала мне гостинец от матери. К этому времени я уже с превеликим удовольствием пил чай со свежими пирожками. Потом забрался на верхнюю полку, вспомнил Светлану и под стук колес уснул.

Открыл глаза, когда в купе было светло от дневного света. Слышно, как проводник с кем-то разговаривает на своем родном языке. Явно между собеседниками шел спор, но о чем, мне было не понятно. И вдруг громкий женский голос на весь вагон: «Вы, чурки, совесть имеете или нет?» Это возымело действие. Попутчики по купе еще отдыхали, а я стал рассматривать пейзажи. Вместо обычных лесов, садов и густых насаждений вдоль железной и автомобильных дорог тянулись редкие посадки и сухая трава. Однако небо было более голубым и меньше облаков. Оказывается, мы проезжаем по Оренбургским степям. Иногда вдалеке паслись отары баранов, кое-где двигались небольшие группы рыжих верблюдов. Если вспомнить географию, то Россия вскоре останется в тылу, а впереди Казахстан. Под монотонный стук колес я опять незаметно уснул. Проснулся от людских голосов и звона чайных ложек о стаканы. Соскочил с полки, поздоровался с соседями, они пригласили пить чай.

После обеда природа здорово изменилась. Появились холмы и верблюды. Лесопосадка исчезла вовсе. На небольших станциях к вагонам подходили обветренные, загорелые казашки, предлагали купить вяленую рыбу. Покупателей было немного, боялись отравления. Иногда продавали дыни. Трудно было понять образ жизни бывших кочевников. В Ташкент поезд прибыл поздно вечером, но на вокзале было многолюдно. Остановка поезда минут двадцать, я немного прошелся вдоль вагона, купил мороженое.

Утром уже ехали по Ферганской долине. Практически вся она покрыта

хлопковыми полями и арыками, вода которых использовалась для полива хлопка. По обоим берегам росли кусты и тутовые деревья. Небо голубое, голубое, ни одного облачка на нем. Подъехали к Коканду, на привокзальной площади много цветов, в основном розы. Это было характерно и для Ташкента, чего не скажешь о казахских железнодорожных станциях, там полно мусора, а о цветах и говорить нечего. После Коканда пассажиры, словно по команде, стали упаковывать вещи и переодеваться. Передали, что подъезжаем к станции Маргелан. Вояка-попутчик пожелал мне хорошей службы. Ох, как жарко на улице. На привокзальной площади, кстати, очень чистой, со множеством цветов, разобрался, с какой остановки автобусы отправляются в Фергану. В Фергане разыскал гостиницу, мне выделили номер на первом этаже. Была суббота, в запасе оставалось свободное воскресенье. Переоделся в гражданку и вышел в город. Думаю, осмотрюсь, а заодно уточню адрес штаба дивизии. Жара невыносимая, через несколько минут тело покрывается испариной. Голову здорово напекло. И тут я увидел идущего мне навстречу узбека в халате и головном уборе. Ни фиги себе, и ему не жарко что ли? На улице Ленина было много магазинов, но вывески на узбекском. Все время мучила жажда, газировка не помогала. Побродил еще немного по городу, уточнил нужный мне адрес и вернулся в гостиницу. В номере было душно, несмотря на открытое настежь окно. Вскоре стало темнеть, хотя по времени должно быть светло. Оказывается, вся Ферганская долина окружена горами, отсюда и темень. Вдруг в номере заиграл радиоприемник, странная музыка вызвала неприятные ощущения. Пришлось выключить радиоприемник. Но и с улицы стала доноситься подобная музыка. Она была везде, в каждом доме узбека. В Фергане преобладала частная застройка с мизерным земельным участком, а гостиницу с одной стороны окружали частные дома. В каждом доме была радиоточка. Ужас! Я и так не мог уснуть, а тут еще и духота. О, мама, куда я попал. И только под утро, вымотанный до предела, я уснул. Проснулся от стука в дверь. Оказалось, уборщица. Сказал ей, что убирать не нужно. Вспомнил, ведь сегодня воскресенье. Ближе к обеду снова вышел на улицу Ленина. И вдруг в толпе людей увидел военного, идущего мне навстречу. Им оказался мой однокашник Сулимов. Вот не рассчитывал в чужом городе прямо на улице встретить своего товарища по службе. Пришлось возвращаться в гостиницу и через администратора поселить Николая ко мне в номер. Через некоторое время мы уже вдвоем бродили по городу. Устали не от ходьбы, а от жары, вернулись в гостиницу. И наступившая ночь была тошной. Утром с предписанием прибыли в штаб дивизии. Нас пригласили к начальнику кадровой службы подполковнику Белявскому. Мы

с Николаем обратили внимание, что все офицеры в полевой форме одежды, в том числе и кадровик. После короткой беседы он поинтересовался, есть ли у нас деньги. Ответили, что есть. «Тогда отдыхайте до четверга. В дивизии идет инспекторская проверка, поэтому сейчас не до вас, лейтенанты». Мы не возражали, отдыхать так отдыхать. У нас даже настроение поднялось. Вернулись в гостиницу, не подозревая, что наша судьба уже давно решена, еще до нашего приезда к месту службы. Начальник разведки дивизии, изучая личные дела, определил нас в отдельную разведывательную роту дивизии, а чтобы мы по неопытности не наломали дров во время инспекции, вежливо дали нам от ворот поворот до четверга. Вот так у нас получился дополнительный отпуск.

В четверг нас представили начальнику разведки подполковнику Зыкову. Он был немногословен: «Изучайте в кабинете документы. После проверки представлю вас разведчикам, а сейчас с ротой убываю в учебный центр. Сегодня рота сдает огневую подготовку. Занимайтесь», — и вышел из кабинета. Необходимые документы для изучения нам определил старший лейтенант Прокофьев, помощник начальника разведки. Мы были ознакомлены с театром военных действий и вооруженными силами вероятного противника. Мы основательно изучали армии Ирана, Пакистана, а также Китая. С Китаем к тому времени отношения совсем плохими стали, и он тоже считался нашим вероятным противником. В записные книжки делали необходимые для дальнейшей службы записи и пометки, которые мне оченьгодились. Мы также изучили и оперативное оборудование театра военных действий, на котором предписывалось при необходимости воевать нашей ферганской воздушно-десантной дивизии. В штабе дивизии нам успели шепнуть, что в ближайший понедельник выпускников представят командиру дивизии. В понедельник к назначенному времени мы идем в штаб дивизии, нас обгоняет полковник. Я узнал начальника артиллерии дивизии Калинина. Об этом рассказываю товарищу. «Должно быть, приехал в командировку», — сказал Николай. Перед штабом дивизии в тени огромная курилка, там всегда собирался военный люд. Присоединились к остальным. Здесь были наши недавние сокурсники, но были и лейтенанты из других училищ. Курим, разговариваем. В это время в курилку зашел какой-то капитан. Мы на него не обращаем внимания, но он как рявкнет: «Встать!» Естественно, мы дружно встали. Преподавал нам урок вежливости и ушел. И тут же здесь дневальный по штабу пригласил нас к командиру дивизии. Поднялись на второй этаж. Белявский нас уже ждал в приемной и пригласил в кабинет командира дивизии. Велико было мое удивление, когда увидел в кресле

командира дивизии полковника Калинина. Вот это встреча, подумал я про себя. Командир с каждым из нас поздоровался за руку. Вкратце рассказал о роли дивизии на Средне-Восточном театре военных действий, чем дивизия занимается сегодня, не забыл сказать, что за проверку соединение получило положительную оценку, и пожелал успешной службы. Ближе к вечеру начальник разведки нас с Николаем представил офицерам роты, а затем и личному составу. Командиром роты был капитан Петряков, тот самый, что отчитывал нас в курилке. Он вспомнил этот случай и спросил: «Вы там были?» — «Никак нет», — соврали мы ему, раз не смог наши лица запомнить.

Через несколько минут старший лейтенант Чередник представил меня взводу разведчиков, которым мне придется командовать более года. Вернее, он мне его передавал. Чередник после успешной сдачи инспекторской проверки был назначен заместителем командира этой же роты. Сулимов стал командиром второй разведгруппы. В то время в роте по штату был разведывательный взвод, четыре разведывательные группы численностью по пять человек. Для ведения разведки в тылу противника группе со взвода связи придавались два радиста с радиостанцией. В моем разведвзводе по штату было семнадцать человек и три БРДМ как средство передвижения. В разведгруппе одна БРДМ. Вечером Петряков всех офицеров собрал на совещание и сказал, что завтра рота в полном составе выезжает на сбор хлопка в Маргеланский район. По этому поводу есть указания из Москвы, чтобы армия помогла местным хлопкоробам. Офицеры справедливо возмутились, но утром после завтрака рота на автомобилях убыла в район сбора хлопка. Приехали в ближайший от Маргелана колхоз. Встретил нас пузатый узбек в халате, подпоясанный цветным платком, на голове тюбетейка. Этот самый бабай и рассказал, кто и где должен собирать хлопок. Для отдыха личному составу выделили колхозный клуб. По соседству с нами трудился личный состав батальона связи. Разведроту выделили одно из многочисленных полей для сбора хлопка. На дворе сентябрь, еще очень жарко. Солдатам для сбора хлопка выдали фартуки. Пока офицеры роты инструктировали сержантов, Петряков пригласил к себе меня и Сулимова. «Слушайте, лейтенанты, мы с офицерами на выходные убываем в Фергану, а вы за наше отсутствие постарайтесь обеспечить в роте порядок. Скрынников, ты остаешься за старшего». Сели в машину и укатили. И здесь возникла первая проблема. Солдат роты мы практически не знали даже в лицо, а они все разбрелись по полю. Выход нашли, наши непосредственные подчиненные и стали помощниками. Иду проверять работу, вместе со мной заместитель или командир отделения.

Они мне и указывают, где разведчик, а где связист. И так все выходные. На сборе хлопка, а вернее, приписками и рапортами о своевременном сборе высокого урожая многие руководители, начиная с низшего колхозного партийного звена и заканчивая высшим партийным руководством Узбекистана, создавали себе липовый авторитет. Беда была в том, что на самом высоком партийном Олимпе в Кремле верили или делали вид, что верят в то, что собраны многомиллионные тонны хлопка. И давали добро на выделение золота для изготовления звезд председателям колхозов и чиновникам рангами повыше. С каждым годом количество Героев Социалистического Труда увеличивалось, а результатом, как всегда, были приписки о сборе хлопка. Председатели колхозов вступали между собой в сговор, помогали друг другу в сборе хлопка, опять же во имя получения Золотой Звезды. Сезон сбора хлопка был адом для детей, которые жили в кишлаках. Для сбора хлопка привлекали студентов и даже армию, однако дети руководителей негласно освобождались от этого занятия. И самое интересное: дети, школьники, студенты и женщины гнут спины на хлопковых полях, а мужики в это время спокойно торгуют на рынке дарами природы, а если кто из них и в поле, то это весовщик, чайханщик или тракторист. Вот такое разделение труда. Позднее появились комбайны, но ручной труд школьников, студентов и женщин не отменили. Солдаты работали без выходных дней, а мы были при них. Наиболее пронырливые разведчики ели лепешки с помидорами, угощали и нас, лейтенантов. Кто-то из шутников старослужащих спросил у меня, а знаю ли я, как делают лепешки? Нет. Узбечка берет кусок теста и на своей ляжке разминает ее, пока не получится форма лепешки, а затем бросает в печку тандыр. После услышанного долго не мог есть эти самые лепешки, хотя это очень вкусный хлеб из пшеничной муки. Несмотря на непривычный труд, копка хлопка на поле разведчиков увеличивалась прямо на глазах. Ко мне с другого конца поля подошел Николай и говорит: «Наши офицеры приехали. Пойдем встретим?» — «Пойдем». Среди приехавших из разведчиков был один Кулевич, заместитель ротного по связи. Вот ему мы свои полномочия и сдали. «А где же остальные офицеры?» — «Многие остались в Фергане по семейным делам, а другие убыли в отпуск». Лично мне стало легче, взвод не рота. За сбором хлопка в непринужденной обстановке удалось поговорить с каждым из подчиненных по душам, а когда они узнали, что я был солдатом, все проблемы разрешились сами по себе. Дня три еще солдаты помогали убирать хлопок, а затем всех отозвали в Фергану. По дороге мы вспомнили, что нам негде жить, необходимо срочно что-то найти. Помогли наши товарищи по училищу, с которыми мы встретились в

столовой, Фролов и Кожушкин. По их словам, они уже снимают одну комнату на двоих, соседняя свободна. Хозяева русские, хорошие люди и не будут возражать против нашего проживания в свободной комнате. Ротного предупредили, что после обеда будем заниматься устройством жилья. Дом, в котором нам посоветовали снять комнату, был совсем рядом с аэропортом. Аэродром совместный, на нем базировалась военно-транспортная и гражданская авиация. Хозяйка, тетя Шура, нас встретила приветливо, показала комнату. Жильем остались довольны. Вечером с работы вернулся хозяин, дядя Ваня, и наши друзья со службы. Хозяин простой русский мужик. Настоящий работяга с потрескавшимися, черными от работы руками. За все время проживания в этом доме у меня не раз возникало ощущение, что дядя Ваня уж слишком приветлив со мной. А тогда хозяйка накрыла стол, а хозяин достал из погреба вкусное домашнее вино. Все вместе отпраздновали новоселье, а утром вчетвером весело шагали на службу. Тыловое обеспечение у нас было в порядке. Не зря в армии говорят, когда тыл крепок, служить и бить врага веселее. Полевые занятия проводились недалеко от аэропорта, а стрельбище было на расстоянии восьми километров от Ферганы. Когда возвращались с занятий, проходили около дома, в котором снимали комнату, но вместе с солдатами шли в расположение. Прошло около месяца, как мы прибыли в Фергану. За это время я полностью втянулся в учебный процесс. Освоился с новыми предметами, в первую очередь с разведывательной подготовкой. К этому времени жара несколько спала. По крайней мере ночью было не так душно, как раньше. Солдаты и сержанты взвода были сообразительными парнями, я советовался с ними, как лучше выбрать место для организации засады или как выбрать маршрут следования на стрельбище. Они здесь прослужили от полутора до двух лет, а это срок немалый. Многие из них уже побывали не на одном полевом разведывательном выходе и не один десяток километров пешком намотали по Ферганской долине и по предгорьям. А мне все это еще предстояло. Поэтому я всегда внимательно выслушивал их советы. Более того, научился отличать солдатские байки от того, что было в действительности. Служба начиналась, как мне казалось тогда, со знаком плюс. Да и у Николая дела обстояли не хуже. С хозяйкой и хозяином у нас были хорошие отношения.

В дивизии говорили, мол, дивизионная разведрота — трамплин для карьерного роста офицеров. И мы с Николаем убедились в этом. После успешной сдачи инспекторской проверки многие офицеры получили повышение по службе. Чередник стал заместителем командира роты, а Краснопевцев начальником штаба медико-санитарного батальона дивизии.

Однажды вечером в канцелярии роты готовим конспекты для проведения занятий на следующий день. Как всегда, рабочая обстановка, в это время заходит Чередник: «Народ, от нас Петряков уходит командиром батальона в ошский полк, а командиром роты назначен кто-то из чирчикского полка». Не успели обсудить услышанное, пришел сам Петряков и сразу сообразил, о чем речь идет. «Ну и быстро же местное радио новость сообщило». — «Так ведь под боком штаба дивизии служим и новости первыми узнаем», — ответил ему Чередник. «Три дня всего дали, чтобы сдать дела и ротное хозяйство, — продолжил начатый разговор ротный. — Приказано в Оше второй парашютно-десантный батальон принять. А там скоро полковое учение, ох и тяжело мне будет», — посетовал Петряков. Через пару дней появился новый командир роты по фамилии Пидник. Нам, молодежи, было не до них, у нас любимый личный состав и занятия с утра до обеда, да все в поле на жаре. Через два дня в гости пожаловал начальник штаба дивизии. Перед его приходом был небольшой шухер. Офицеры проверили внутренний порядок в своих подразделениях, хотя начальник такого ранга не часто заходит к подчиненным. Правда, полковник Добровольский нас баловал своим посещением. Он действительно посетил роту, но совсем по другому поводу. Старого ротного проводить на повышение, а нового представить личному составу. Коллектив пожелал Петрякову счастливой дороги, дружно хлопал в ладоши, даже прошли торжественным маршем перед командирами. И далее в поле продолжать грызть гранит науки. Только в поле солдат учиться побеждать в бою. Еще через несколько дней узнаем, что старшина роты уходит куда-то на склад. Кандидат на должность старшины уже давно был на примете, но ротному чем-то не нравился. Все-таки офицеры убедили Пидника, а вернее, его заместители назначить старшиной роты сержанта Волкова. Честный, бескомпромиссный, добропорядочный, он быстро завоевал авторитет среди личного состава и стал лидером. Как старшина, он заботу проявлял не только о солдатах, но и о нас, холостяках, тоже. Каждую субботу лично приходил в наш дом и менял постельное белье. Мы ему не один раз говорили: «Старшина, приготовь, а мы уж и сами за собой поухаживаем». Тем не менее он продолжал все делать сам. Одним словом, он был настоящим старшиной, жаль, что не остался на сверхсрочную службу. В его обязанности входило и обеспечение учебно-материальной базы занятий, в том числе и полевых. Занятия проходили в основном до обеда, а иногда и в ночное время. Надо отдать ему должное, он успешно управлялся со всеми обязанностями. Каким бы ни был напряженным процесс боевой подготовки, было место и отдыху.

Как-то мы бродили по вечернему городу и уже шли по направлению к своему дому. Около военного городка встретили двух девушек-блондинок. Познакомились. Одну звали Леной, другую Валентиной. Знакомство было мимолетным, но Лену проводили до дому. Одной девушке в позднее время по Фергане ходить рискованно, даже если она живет в центре, а Валентина жила в военном городке. Проводили девушек, распрощались и разошлись, как в море корабли. В то время в Фергане в стадии завершения строительства находился ЦУМ. Городские власти, как это было модно в то время, старались стройку закончить к ноябрьским праздникам, отпрапортовать в Ташкент, поэтому требовали от строителей невозможного. До праздников оставалось всего ничего, и руководство города, чувствуя, что своевременный рапорт может быть сорван, через горком партии обратилось за помощью к военным. Военным, как низкоквалифицированным рабочим, доверили убирать территорию и вывозить строительный мусор. Офицеры выполняли роль пастухов.

Общими усилиями магазин все же к празднику строители сдали. Городские и партийные власти бодро отпрапортовали наверх в Ташкент самому главному партийному боссу Рашидову, что объект сдан и функционирует. Одновременно за неделю до праздников гарнизон стал готовиться к параду. Несмотря на свою занятость, дивизионная разведрота находила время для занятий по строевой подготовке. На всех строевых смотрах разведчики были всегда в поле зрения высоких начальников. Они это доверие завоевали высокими показателями в боевой подготовке. И это их обязывало держать планку на высоте. Накануне праздника вечером начальник гарнизона провел генеральную репетицию в городе около обкома партии по подготовке к параду. После тренировки мы допоздна готовили свою парадную форму, чтобы не дать повод начальнику сделать нам замечание.

Утром седьмого ноября за несколько минут до начала парада войска ферганского гарнизона прибыли к месту построения для прохождения торжественным маршем. Командиры еще раз наметанным глазом осмотрели подчиненных. Зазвучали фанфары. Послышалась речь местного партийного руководителя. Затем раздалась команда: «Смирно! Шагом марш!» Под музыку колонна военных торжественным маршем прошла мимо импровизированной трибуны. Любопытствующих было очень много, улицы заполнены народом до отказа. За нами шли колонны трудящихся и громко отвечали на приветствия, которые раздавались с репродукторов. Это был действительно праздник всех трудящихся. Сейчас таких торжеств, шествий нет. Я всегда считал, что праздники только для трудящихся масс, а

для военных — это сплошная головная боль и суета. Прохождению торжественным маршем предшествуют тренировки, а после парада офицеры остаются ответственными в подразделениях. Тем не менее и нам, разведчикам, немного удалось погулять, пошататься по городу — и снова по графику дежурств в казарму к солдатам.

Праздничные дни прошли быстро, начались рабочие будни боевой подготовки. С утра до обеда занятия и занятия. Этот процесс происходил автоматически. Плюс ко всему мы, лейтенанты, часто оставались ответственными в подразделении. Не потому что были молодые и холостые. К этому нас подталкивало безденежье, и мы добровольно подменяли женатых офицеров. К сожалению, мы еще не научились правильно распоряжаться деньгами, они у нас быстро заканчивались, по крайней мере у меня. В солдатской столовой всегда накрывали стол для дежурных и ответственных по подразделению. Правда, нас старшина приглашал вместе с ротой в столовую, но это на халяву, а когда ты ответственный, это уже совсем другое дело. Позднее в столовой военторга покупали талоны на питание, но и это не помогало. В субботу уговаривали буфетчицу принять обратно несколько талонов, а выдать наличными. Хотелось, когда выдавалось свободное время, сходить в кино, съесть мороженое. Мы были еще очень молоды, всего лишь взрослые дети, нам хотелось чего-то вкусенького, поэтому в столовой женщины шли навстречу. Ведь у многих из них сыновья тоже где-то служили. Денежным подспорьем для нас были парашютные прыжки, за них платили деньги, часто удавалось совершить и по два прыжка. По тем временам для лейтенанта это был неплохой денежный довесок. Я лейтенантом получал сто сорок рублей, и без должного жизненного опыта трудно холостяку их растянуть от получки до получки. Как-то утром в ожидании, пока солдаты построятся около дневального, увидел написанное красными чернилами объявление: «Завтра состоится отчетно-выборное комсомольское собрание роты». На следующий день комсомольцы единогласно избирают меня своим вожаком. Для офицера-политработника такое доверие солдат большой плюс, а мне, командиру взвода разведки, лишняя головная боль. Необходимо ежемесячно готовить собрание, вести протокол. Собирать членские взносы у комсомольцев и своевременно их сдавать в финансовую часть. Если действительно вести общественную работу, то времени она отнимает достаточно много. Плохо работать нельзя. Разведчики на виду у штаба дивизии. А есть еще и любимый личный состав, с которым надо ежедневно проводить занятия, а чтобы провести занятие, надо подготовить конспект. Не дай бог, во время проверки у командира взвода не будет по

теме конспекта. На совещаниях склонять будут. И сразу вспоминаешь конспекты, которые мы по глупости жгли на костре в училище. Секретарем комсомольской организации роты я трудился около двух лет.

Помню, в первых числах декабря в роте среди наших старших товарищей прошел слух о том, что в ближайший вторник офицеры-политработники будут проверять готовность руководителей групп к проведению политических занятий. Откуда такая информация, поинтересовались мы. «От друзей из политотдела», — сказал замполит. Ротный предупредил, чтобы к занятиям готовились основательно и на совещании в штабе дивизии потом не пришлось краснеть.

В понедельник до обеда занимались разведывательной подготовкой в районе кишлака Акпиляль. Там резко пересеченная местность, есть небольшие посадки. Место для игры в разведчиков вполне подходящее. На таких занятиях, чтобы они интереснее и поучительнее проходили, мы заранее обговаривали тактическую обстановку: кто ведет разведку, а кто организует засаду, и наоборот. Обстановка в зависимости от темы занятий. В ходе занятий отдаляешься от города километров на шесть-восемь. И чтобы не опоздать на обед, приходилось совершать марш-броски. Конечно, в расположение возвращались взмысленными.

Вечером Пидник в канцелярии роты напомнил нам о завтрашнем дне и о проверке политзанятий. На следующее утро я был ответственным в роте. Прибыл за несколько минут до общего подъема. Дежурный доложил, что в роте все в порядке. После подъема солдаты стали готовить классы, в которых будут проводиться политзанятия. Потихоньку стали подтягиваться и остальные офицеры. Чувство ответственности обязывало явиться сегодня раньше.

Вдруг к телефону пригласили ротного. После разговора комроты сказал: «К нам в гости придет секретарь партийной комиссии дивизии подполковник Харахашьян». Видеть-го его мы видели, но что он за человек, не знали. «Чередник, — сказал Харахашьян, — понимающий офицер, что нужно, подскажет». Тема политических занятий была семинарская, а сегодня лекция. То есть два часа надо было о чем-то говорить, да еще в присутствии проверяющего. Для подготовки к занятиям, как правило, использовали учебник «На страже Родины», журнал «Коммунист Вооруженных сил», окружную газету «Фрунзевец», а также сообщения по радио и телевидению. За взводом был закреплен класс разведывательной подготовки. В нем я всегда проводил занятия, в том числе и политические. Класс был первой аудиторией на пути движения начальника из штаба дивизии в роту. Они могли сначала зайти в класс, а

затем в роту. Так оно и случилось. Представитель политотдела зашел во взвод. Я по звонку занятие не начинал, ждал прихода Харахашьяна, а то, не дай бог, выдохнусь на первом часе и потом думай, чем дальше солдат тешить. В армии говорят: чем отличается командир взвода от профессора? Тем, что профессор знает много, но преподает одну дисциплину, а командир взвода знает мало, но своих солдат должен учить всему. Я подал команду и доложил подполковнику, что провожу политзанятия по такой-то теме. Он сел на свободное место за последний стол. Сначала немного разволновался, аж вспотел, потом намотал нервы на кулак и начал лекцию. Читал медленно, чтобы солдаты успевали записывать. Делал отступления, пользовался политической картой мира. Видно, получилось все хорошо, потому что проверяющий поднялся и стал прохаживаться между столами, смотреть конспекты у солдат. Иногда задавал вопросы, и разведчики на них отвечали. Затем он обратился ко мне, спросил, как долго я служу в Фергане. «Да всего три месяца». — «И как тебе Фергана?» Рассказал все, что знал о городе, о республике.

В это время в учебном корпусе послышалась команда окончить первый час занятий. Чувствую, проверяющий доволен организацией занятия и моей болтологией. Выходя из класса, сказал: «Лейтенант, продолжай в том же духе», — и направился в роту. Позднее, на служебном совещании, инспекционный вояж политработников в подразделения был разрекламирован как нечто сенсационное в их работе. Среди отмеченных назвали разведчиков, взвод связи, Агузарова и мой разведывательный взвод. О том, как нас хвалили в верхах, рассказывал ротный, который всегда присутствовал на подобных совещаниях. Это был мой первый плюс в офицерской карьере.

На следующее утро мы всей ротой выходили на стрельбище, но разведчики шли каждый своим маршрутом. По пути отрабатывали вопросы разведывательной подготовки. Всеми действиями разведывательных органов руководил Чередник. Поскольку он, как первый заместитель, отвечал за боевую подготовку роты, ему нравилось накручивать сложную тактическую обстановку, которая вынуждала как бы сражаться разведгруппы между собой. Местность — огромное пространство, резкопересеченное, простиралось на десятки километров. Нам завидовали европейские дивизии, у которых полигоны были ограничены сельскохозяйственными угодьями. Холостых маршей разведчики на стрельбище и обратно не совершали, имели место разведывательная подготовка или марш-бросок. Пока разведчики воевали друг с другом, ротный готовил стрельбище, чтобы после небольшого перекура приступить

к выполнению учебных стрельб. Стрельбище только совершенствовалось в соответствии с новым курсом стрельб, и на первых порах нужно было пораньше приезжать, чтобы все подготовить вовремя. Из-за отсутствия своей подстанции и с электричеством часто возникали проблемы. Часа через три разведчики прибыли на стрельбище. Ротный без нас уже «соскучился» и с нетерпением ждал нашего прибытия. Стрельбища по отношению к Фергане было выше метров на триста. Поэтому он высматривал нас, но мы всегда появлялись неожиданно и совсем с другой стороны. Честно говоря, офицеры его недолюбливали. Был он всегда хмурым, чем-то недовольным. С ним особо и разговаривать не хотелось. В разведку пришел с должности командира парашютно-десантной роты. Петряков был более коммуникабельным офицером, но у нас командиров не выбирают, а назначают или присылают сверху.

Отстреляли разведчики уверенно. Два перестрела были у связистов. Мы их дразнили «интеллигентами» за то, что у них было мало полевых занятий. Они в основном учились работать на ключе в классе. Постепенно они, по экипажам, стали придаваться разведчикам на полевые занятия. Эта идея была полезной для всех. Радисты стали привыкать к своим группам. Вот и сейчас ротный рассадил связистов на автомобиль и укатил в расположение. Однако успел сказать: «Разведчики, выдвигайтесь в сторону Ферганы, а машина за вами вернется». Пока машина вернется, пройдет приличное время. Мы ноги в руки и побежали в Фергану. Дома нас с улыбкой встретила хозяйка, предупредила: «Ребята, вечером в столовую не ходить, кормить вас буду пельменями». Оказывается, у них рос кабанчик, и они его сегодня оприходовали. Мы раньше все не могли сообразить, что хозяин каждый вечер приносит в мешке. Оказалось, корм для кабанчика. Ближе к вечеру Николай мне показывает на часы: ты помнишь? Собрались было уходить. Звонок: «Где Скрынников? Его приглашает главный комсомолец дивизии и весьма срочно». Настроение сразу сошло на ноль. «Коля, ты иди, а я, как только дела решу, так сразу и приду». До штаба шли вместе. Капитан Глотов, комсомольский вожак дивизии, поздоровался: «Мы тебе выделили новое иллюстрированное пособие для ленинской комнаты». — «А при чем я?» — «Так ведь Герасимов в командировке, а ты секретарь комсомольской организации. Вот и карты тебе в руки». — «В роте еще есть секретарь партийной организации». — «А ты радуйся, что тебе доверяют». На этом разговор окончился. Я взял две стопки каких-то пособий и пуль в роту. Выхожу из расположения, навстречу ротный: «Зайди в канцелярию». Ну, блин, думаю, невезуха какая-то, пельменей сегодня не достанется. «Я только что из автопарка. Один БРДМ твоего

взвода надо расконсервировать, поговори с механиками-водителями, какой. Будет показ техники молодым солдатам, от нас тоже одна машина». А мне не терпится, надо бежать, пельмени стынут, а он не вовремя, как будто не будет завтрашнего дня. Бегу вдоль военного городка и радуюсь, хорошо, что не по городу, а то люди шарахались бы в сторону. Немного запыхавшись, звоню, дверь калитки открывает хозяйская дочь Людмила. Симпатичная девчонка, в десятом классе учится, готовится поступать в институт. «Тебя все заждались». — «А ты тоже?» Она смущенно фыркнула. «Давай, умывайся», — и подает мне полотенце. Захожу в дом и сразу попал в облако аромата от пельменей. Набегался, чувствую, разогревается аппетит. Захожу в комнату, а там полно народу. Тетя Шура дочке: «Люда, ухаживай за Мишей!» Осмотрелся, все свои, но одна девушка незнакомая. Оказывается, это соседская девушка и уже знакомая нашего Виталия. Вот шустрый, подумал я, и представился. Она отрекомендовалась Светланой. Людмила принесла большую тарелку пельменей, они так аппетитно выглядели, распространяя вкусный запах по комнате. Хозяин командует: «Хлопцы, наливай!» Мне показалось, что хозяин уже не один стакан пропустил. Выпили за встречу, с большим удовольствием опустошил тарелку. Людмила мне тихонько: «Ты здорово не молоти, добавки не будет! Надо вовремя приходить». — «Так ведь служба». Вот язва, подумал я. «А виноград можно?» — «Можно!» Виноград у хозяина был вкусный. Гроздья огромные, много во дворе, но высоко. Сидели за столом долго. Хозяин даже песню про Чапаева запел, но хозяйка его вовремя остановила. Потом она и девчата собрали посуду со стола и ушли мыть. Хозяин Александру: «Давай, наливай, пока хозяйки нет». У меня спрашивает: «Ты хорошо поел?» — «Да, спасибо», — ответил я. Вечеринка закончилась. Все разошлись по домам, мы, квартиранты, по комнатам. Николай сказал: «После домашней обстановки и настроение лучше становится, как будто у мамы побывал. Давай отдыхать, а то мне завтра на подъем».

Утром, как обычно, собрались в канцелярии роты. Командир придиричиво окинул нас взглядом и сказал: «Сейчас все идем к Добровольскому». Мы недоуменно посмотрели друг на друга. Может, что-то случилось? Старшине поручили организовать занятие по строевой подготовке с личным составом роты, пока мы будем отсутствовать, а сами направились в штаб дивизии. Вошли в приемную комнату, дверь в кабинет начальника штаба была открыта. Он увидел нас и пригласил зайти. Встал из-за стола подошел, пожал каждому руку. «Присаживайтесь», — и указал на стулья. Разговор начал с того, что в гарнизоне заметно стала падать дисциплина и внешний вид военнослужащих. Начальником гарнизона

принято решение незамедлительно поправить положение дел в гарнизоне. К несению патрульной службы в гарнизоне привлечь дивизионную разведывательную роту. «А вы знаете, порой едешь по городу и неприятно смотреть на эту расхлябанность, даже кто-то из членов бюро обкома на поведение солдат обратил внимание и комдиву высказал неудовольствие. Особенно плохой внешний вид у военных строителей, да и авиаторы не отстают. Патрулирование в городе начинать с завтрашнего дня. Инструктаж в военной комендатуре. Начальники патруля должны особенно следить за своим внешним видом. Генерал Калинин на вас возлагает большие надежды. Надо постараться. Вы свободны, товарищи офицеры».

Возвращаясь в роту, встретили капитана Королева, начальника разведки полка. В свое время он был командиром нашей роты. Но потом случай сыграл с ним злую шутку. А виновником был все тот же любимый личный состав роты. В районе текстильного комбината находилось два женских общежития, а рядышком клуб текстильщиков. Молодежи в том районе было много, собирались в клубе. Само собой разумеется, с увольнительной туда заглядывали и солдаты, да и самовольщики табунами ходили. В основном это были военные строители и летчики, которые размещались в крепости, недалеко от общежитий. Одним словом, это место было рассадником неприятностей. Часто происходили драки между солдатами и местной молодежью. В основном начинали крымские татары, их отцов и дедов Сталин выселил в свое время из Крыма. Однажды в клубе текстильщиков произошла драка разведчиков с местной молодежью. Силы, конечно же, были неравными. Крымчаки ордой налетели на разведчиков. Этот бой наши ребята проиграли, но сдаваться не собирались. Вернулись в роту, а дело было перед ужином, и рассказали обо всем. Кто-то из сержантов построил роту, и разведчики строем вышли в город. Все, как учили, флажки впереди и сзади, рядом идет бравый сержант и командует. Никто из командиров на них внимания не обратил. Минут через тридцать разведчики зашли в клуб. Перекрыли все выходы и входы. Девушек отделили от парней. И стали разведчики отрабатывать приемы рукопашного боя на татарах. Били крепко, по-настоящему, по-мужски, дали урок на будущее. Разведчики были здоровыми и, самое главное, тренированными солдатами. Когда всех отмолотили, построились и опять же строем вернулись в расположение роты. Все было бы тихо, но на беду, там оказался кто-то из горкома комсомола. Ему тоже прилично досталось. Вот он шум и поднял. Дошло до местных властей, те позвонили командиру дивизии. Командир дивизии был членом бюро обкома, а начальник политотдела — членом бюро горкома. Через несколько дней разведчиков

вычислили. Виноватым оказался командир роты. К нему и были приняты штрафные санкции. Капитана Королева сняли с роты и назначили командиром парашютно-десантной роты в местный полк. Позднее он стал начальником разведки полка. Тем не менее больше драк не повторялось.

В роте провели совещание и обсудили задание, которое получили от начальника штаба. Решили ежедневно для несения службы в городе выставлять по четыре офицерских патруля. Один офицер и с ним два разведчика из числа только старослужащих. Составили график и список заступающих на дежурство. Заместители ротного выбирали патрульных из числа своих бывших подразделений.

В день заступления на службу все четыре патруля прибыли в комендатуру на инструктаж. Военным комендантом был фронтовик, полковник Самыгин. В дивизии ходил слух, что в его личном деле есть представление к званию Героя Советского Союза. На фронте он командовал истребительно-противотанковым дивизионом. Как-то туманным утром наблюдатели орут: «Танки...» Самыгин командует: «Дивизион, к бою! По танкам огонь!» Три танка дивизион подбивает. Они горят, как свечи. Но со стороны подбитых танков доносится отборный русский мат! «Прекратить стрельбу», — последовала другая команда, и артиллеристы сразу же доложили наверх о том, что случилось на передовой. Стали разбираться, оказывается, наш танковый батальон совершил марш в какой-то район, но в тумане заблудился и перешел линию фронта. Прошел несколько километров в глубь территории, которая была под немцем. Уже перед позициями немцев комбат понял, что не туда ведет батальон и повернул обратно и оказался перед позицией противотанкового дивизиона, а наши, приняв в тумане их за немцев, открыли огонь. Потерю трех машин комбату простили и вначале даже собрали документы для представления, но потом в присвоении звания Героя отказали.

Где-то через пару лет Самыгин мне лично рассказывал, как он на фронте принимал молодых лейтенантов в свой дивизион. «Построю их в одну шеренгу и веду с ними разговор о материальной части пушки, а сам незаметно достаю из кобуры «ТТ» и давай палить перед ними в землю. Ты можешь представить их состояние? Лейтенанты от неожиданности аж подпрыгивали. Вот так я отбирал к себе офицеров». Я представил тех офицеров в момент их профтехотбора.

Полковник Самыгин инструктировал нас лично. Фигура полковника была внушительной, так же как и его орденская планка на кителе. Это говорило о том, что воевал он бесстрашно. При инструктаже он обратил наше внимание на ряд мест в городе, где чаще происходят нарушения

воинской дисциплины, сказал о необходимости поддержания связи с отделениями милиции. Дал указания о необходимости оказывать помощь сотрудникам милиции при наведении ими общественного порядка.

Через неделю в гарнизоне поползли слухи: Фергану патрулируют дивизионные разведчики. И еще ни одному самовольщику не удалось от них уйти. На улицах города стало больше порядка. Внешний вид солдат соответствовал требованиям устава. Те, кто нарушал устав, трудились с утра до вечера — рыли траншеи для прокладки кабеля к объектам, работали на полигоне. Для самовольщиков настали черные дни и белые ночи. Комендант не скупился — объявлял срок на полную катушку.

Утром комендант раздавал командирам полков и спец-подразделений задержанных «отличников боевой и политической подготовки». Можно было наблюдать такую картину: полк построен на плацу для развода на занятия, командир отдает всевозможные указания, не подозревая, что не все в хозяйстве спокойно. Вдруг на плац въезжает комендантский автомобиль, выкрашенный под зебру, на которой стоит командир полка. Из машины выходит комендант во всей своей красе, а затем по его команде из машины выпрыгивают три-четыре «отличника» без ремней и выстраиваются в одну шеренгу перед трибуной. У Самыгина был громкий голос: «Командир, забирай своих разгильдяев». Через пару секунд командир приходит в себя и с армейским юмором отправляет задержанных солдат в строй подразделений, не забывая отпустить соленую шутку. Убедившись в том, что воспитательный процесс пошел, комендант садился в машину, ехал в летный полк и проделывал ту же самую операцию. Последней точкой выдачи нарушителей военной службы была крепость. Правда, от самой крепости осталась полуразрушенная башня и немного крепостной стены, когда-то построенной генералом Скобелевым. От крепости все улицы веером расходились в разные стороны. Такое построение позволяло из пушек и пулеметов, которые стояли на башнях крепости, при возникновении опасности простреливать все улицы города. Мудрым человеком был генерал. Так вот то, что ежедневно проделывал комендант, сегодня называли бы комендантским шоу, тогда же это оказывало воздействие не только на солдат, но и на командиров. Командирам было далеко не безразлично, какую оценку дают его подразделению старшие начальники.

В один из выходных дней я отпустил своих патрульных на обед, а сам решил зайти в ЦУМ. Пока обойду все три этажа, и мои солдаты вернутся, отобедав. Хожу по магазину и неожиданно встретил блондинок. Постояли, поболтали, разговор зашел о встрече Нового года, до праздника оставалось

дней десять. В шутку сказал, что кавалерами обеспечу, а все остальное за вами. Погуляли немного, проводил их до дома Лены. На перекрестке около кинотеатра «Космос» дождался своих парней, и мы продолжили нести патрульную службу. По окончании службы собрались в комендатуре. Поговорили со своими разведчиками, которые прибыли сменить нас. Николаю рассказал про встречу с девушками и что есть возможность вместе с ними встретить Новый год. «Слушай, давай будем с ними». — «Ладно, у меня есть телефон Лены, и поближе к празднику согласуем все организационные вопросы».

Патрульная служба совмещалась с боевой подготовкой. Один день занимаемся боевой подготовкой, следующий — патрульной службой. До праздника оставалось несколько дней. Все просчитали. Вроде бы на праздник рота нигде не задействована. Набираю домашний телефон Лены. К счастью, она оказалась на месте. Уточнили организационный вопрос. Мы, мужчины, обеспечиваем компанию горючим, а женщины, в свою очередь, съестными припасами. Накануне все закупили и отвезли к Лене. Получалось, на Новый год нас будет четыре пары. Подлянку мне подкинули утром тридцать первого декабря. Командир роты — ответственный по роте, а я — начальник патруля вокруг городка. Ну, все пропало, и Новый год, и хорошее настроение. Николай мне предложил: «А ты гражданский костюм заранее принеси к Лене, там и переоденешься». — «Ты, друг, мне дело говоришь». Во время обеденного перерыва гражданскую одежду отнес в дом Лены, а там девчата уже вовсю кашеварили. Алла, подруга Лены, сокрушалась, что шампанского маловато. Надобно еще пару бутылок прикупить. Ладно, сделаем. По пути в часть зашел на почту и отправил поздравительную телеграмму для Светланы в Рязань. Николаю сказал, прихватите три бутылки шампанского. Вечером в роте осталось двое офицеров: командир роты вместо Деда Мороза и я — начальник патруля. После ужина несколько раз обошел с патрульными вокруг городка. Нервничал, время бежало очень быстро. Остался час до двенадцати, тридцать минут. Почти бегом еще один виток вокруг городка и прямо к Пиднику: «Товарищ командир, вот такая ситуация. До Нового года осталось пятнадцать минут, а меня ждут в компании». Я вначале не поверил, что он меня отпустил и даже пообещал, что пару раз пройдет за меня вокруг городка. Поздравил солдат, тех, что оказались около меня, с наступающим Новым годом и припустился бегом. На пустынной улице ни души, только гулко раздавался стук моих сапог. Прибежал, меня уже все ждали, сидя за большим круглым столом, быстро переоделся и тут же услышал бой курантов по телевизору. В Фергане мы два раза встречали

Новый год. Один раз по местному времени, а второй по московскому, а это уже три часа ночи. Подняли бокалы с шампанским, пожелали друг другу здоровья, счастья и успехов в новом году. Для меня это был первый Новый год, который встречал в компании. Веселились, шутили, пили шампанское. Девчата много вкусного наготовили. Потом вышли на улицу, немного погуляли. Тех, кого встречали, поздравляли с праздником. Кто-то посмотрел на часы и подсказал, что пора возвращаться за стол и встретить Новый год по московскому времени. Опять следим за стрелкой главных часов нашей страны. Зажигаем бенгальские огни, поднимаем бокалы и еще раз поздравляем друг друга с наступившим Новым годом. Танцевали, придумывали всевозможные игры. Веселились до утра. Хозяйка дома Валентина Тихоновна предложила немного отдохнуть. Нас, мужчин, разместили в одной комнате, а женщин в другой, но предварительно дружно убрали все ненужное со стола и перемыли посуду. Часа четыре отдохнули, затем побродили по городу. Как всегда после встречи Нового года, народа в городе было не как в обычный выходной, он выглядел пустынным. Лена предложила зайти в дом и попить чай с тортом. Ее мать очень вкусно пекла. Девчата накрыли стол, а мы переглянулись между собой, вроде бы и есть пора. Алла предлагает выпить шампанского, остальные не стали возражать. Незаметно стемнело, вспомнили, что завтра надо на службу, пора и честь знать. Поблагодарили хозяйку за все хорошее и пожелали всем удачи в этом году. Домой возвращались через военный городок. Николай говорит, мол, мне надо зайти в один дом, я приду позже. «Ладно», — ответил я и пошел домой к себе на улицу Аэродромную. Открыла мне калитку Людмила. Внимательно меня осмотрела и даже строго, как мне показалось, но ничего не сказала и ушла на свою половину дома. Вышел хозяин, мы поздоровались, поздравили друг друга с праздником. Поинтересовался, где и с кем встречал Новый год. Пришлось вкратце ему все рассказать. Он, как всегда, предложил вина, но я пошел отдыхать. Когда пришел Николай, не слышал, уже спал. Утром нас в расположении первым встретил замполит роты, отчитал за то, что его не пригласили в компанию. И далее, смеясь, сказал: «На первый раз прощаю».

До обеда на учебном занимались боевой подготовкой, а после обеда готовились на патрулирование по городу. Опять выслушиваем инструктаж коменданта и по окончании сразу расходимся на маршруты патрулирования. Идем до улицы Ленина вместе с Дрыженко и около кафе «Космос» наблюдаем такую картину. Пьяный солдат-авиатор, раскачиваясь, что-то орет сам себе. Подошли к нему и говорим: «Солдат, помощь нужна?» Он плохо сообщая, что к чему, посылает нас куда подальше.

Разведчики его берут под белые ручки и прямехонько в комендатуру. По дороге он все же сообразил, что его ведут не в полк, а в комендатуру, и стал было чертыхаться, его как следует встряхнули. Комендант тут же вlepил ему десять суток.

На следующий день на рынке выловили двух самовольщиков, военных строителей. Мы за ними долго наблюдали. Ходят между торговыми рядами и побираются, кто даст что-нибудь, другие посылают куда подальше. Чтобы такие войско русское не позорили, пришлось препроводить за получением гостинцев к военному коменданту, а он жадным не был.

В один из выходных дней патруль задержал неопрятно одетого десантника. Доставили в комендатуру и стали разбираться. На руке у него наковка в виде парашюта и надпись: «С любых высот в любое пекло», правда, с ошибками. На мундире все знаки солдатской доблести и среди них значок «Отличник парашютист». Мне солдат знакомым показался, но парадный мундир сбивал с толку. И вдруг вспомнил. Я часто встречал его около тыльной проходной полка, когда идем с Николаем на службу. Он занимался вывозом остатков солдатской трапезы из столовой в свинарник, который был недалеко от полка. Его транспортом был белый ишак с тележкой, на которой была бочка для остатков пищи. Ишак за свою долгую службу на благо десанникам здорово изучил маршрут и вполне мог бы обходиться без провожатого. Ишак выходил из ворот, останавливался и пропускал машины, а потом выходил на дорогу, занимал свою сторону и тащил тележку с бочкой в свинарник. Солдат шел по тротуару недалеко от тележки и всем своим видом показывал, что он к ишаку никакого отношения не имеет. Такая картина повторялась три раза в день. Солдат жил в свинарнике и присматривал за животными. Была информация, что его навещают девицы легкого поведения. Посмеялись мы над этим солдатом, позвонили дежурному по полку. Забирай своего «отличника», а то свиньи без обеда останутся.

После окончания патрульной службы зашел в роту, а Герасимов уже новость приготовил. Завтра утром на разводе на занятия будут аж целых два начальника разведки дивизии. Один сдает дела и будет начальником оперативного отдела дивизии, а второй дела принимает и будет знакомиться с офицерами, личным составом и боевой техникой. Утром к нам пожаловали высокие гости. Командование дивизии по каким-то причинам в Фергане отсутствовало, пришлось нашим начальникам самим представляться. Зыков пару слов сказал о том, что ему было приятно служить с таким дружным коллективом и пожелал нам больших успехов. Мы, в свою очередь, пожелали ему успехов на новом месте службы. Майор

Пантюшенко, новый начальник разведки, сказал, что познакомится с личным составом в процессе работы. Начальники с командиром роты ушли в канцелярию, а мы с подчиненными — в поле на занятия. После обеда нас ждала другая новость. Вскоре будет новый штат роты. Разведывательные группы сокращаются, а на их базе создаются еще два разведывательных взвода. Итого в роте будет три взвода разведки. Но это еще не все. В штат роты вводятся два взвода радиоперехвата и пеленгации. Пеленгаторы на базе «Зил-157». У нас сразу возникает мысль: вариант недесантируемый, а с поступлением серьезной техники связистам работы прибавится.

На следующий день заступаем на патрульную службу. Мне достался район текстильного комбината, а точнее, два женских общежития и клуб. Подошли к рынку и стали ожидать автобус. Среди пассажиров вышел какой-то мужчина и, как только меня увидел, давай цепляться, обзывать да еще лапать мой новый китель. Мы отошли с патрульными к передней двери автобуса, он не отстает. К нему подошла женщина и стала его успокаивать. Патрульные мне тихонько шепчут: «Товарищ лейтенант, давайте ему подкинем, иначе он не успокоится». Мы ушли за автобус, чтобы он нас не видел. За этой картиной наблюдал узбек водитель. Он из кабины говорит: «Лейтенант, врежь этому татарину как следует, чего он к тебе пристаёт при исполнении службы». В это время мужик начинает права качать, мол, ты кто такой, зачем приперся сюда к нам в Фергану, при всем этом меня посылает куда подальше. Кругом люди, подумают, ну, вот десантник, а за себя постоять не может. Я не выдержал, по бороде снизу бах, и татарин готов, завалился в арык. Тут его жена начинает верещать, за что ударил, а еще военный. Ну, блин, попал в переплет, выручил водитель автобуса. Узбеку этот спектакль с татаринком надоед, он тоже не выдержал, вышел из автобуса и говорит женщине: «Забирай своего татарина и валите отсюда, а то я ему добавлю!» Жена мужа в охапку — и ушла.

Около магазина на текстильном комбинате нам встретилась женщина и говорит: «Вот за тем домом в кустах два солдата вино распивают». Действительно рядом небольшая роща. Тихонько идем, прислушиваемся, видим: за кустом импровизированный стол, по всей видимости, местные мужики это место облюбовали и после работы частенько сюда заглядывали. Два солдата-чернопогонника распивают бутылку портвейна. «Здорово, хлопцы!» Один от неожиданности аж поперхнулся, второй оказался шустрым, хоть и в стройбате служил, дал деру, но разве от разведчика убежишь. Привели его назад. Смотрю на него, а он бледный и весь трясется. Своего спрашиваю: «Бил?» — «Нет, только догонял». Отвели их на участок, позвонили в комендатуру и стали дожидаться выезда

патруля. Ждали долго, уже и время службы заканчивается, а машины все нет. Минут через тридцать подъехала наша машина. В кузове уже сидит один чернопогонник и еле языком ворочает. Понятно, почему машина задержалась. Оказывается, у военных строителей вчера была получка, вот они и гуляют. Подъехали к комендатуре, нас встречает старшина роты. Спрашиваю: «А ты, Николай, что здесь делаешь?» — «Машину жду, за дровами ехать нужно. Ведь вскоре разведвыход, без дров не обойтись». В Средней Азии с дровами всегда была проблема. В городе был газ, в далеких кишлаках не было, и люди в холодное время мерзли. Для обогрева использовали все, что горит. Сухие ветки хлопка, все сухое, что осталось с прошлого года на огороде. Вырубали деревья, заготавливали уголь на зиму. Воинские части, которые выезжали на учения или полевые выходы, выписывали и получали дрова на складах КЭЧ гарнизона. Дрова в Фергану завозили из Сибири и Центральной России. Старшина уехал за дровами, а мы пешком пошли в роту. В канцелярии ротный писарь по фамилии Гринь протягивает мне письмо. Обратный адрес отправителя: Рязань. От Светланы. Прочитаю дома в спокойной обстановке. «Гена, а ты что пишешь?» Писарь отвечает: «На разведвыход заранее составляю расписание занятий». Мне почему-то вспомнился рассказ офицеров о писаре. Однажды на занятиях по горной подготовке на приличной высоте необходимо было в одном месте пройти по очень узкому карнизу. Шли в колонну по одному. На середине карниза Гринь закапризничал, а попросту малость струсил. Рота ни вперед, ни назад, потому что писарь на середине, как истукан, стоит. Задним обойти ширина карниза не позволяет и назад пятиться неудобно, прошли почти половину. Вот и пришлось уговаривать солдата на совершение подвига. Ну, не может Гринь преодолеть барьер страха. Петряков ему говорит, что ты, как мокрая курица, раскис. Писарь со слезами на глазах отвечает, лучше быть живой курицей, чем мертвым писарем. Многие, услышав такой ответ, от смеха действительно чуть было не сорвались в пропасть. Советовали вниз не смотреть, предлагали руку или ремень. Но потом тихонько, шаг за шагом он все же прошел этот чертов карниз. Позднее горную боязнь он поборол и наравне со всеми делал восхождения на горные вершины. Через некоторое время Гринь скажет, тогда было так страшно, как с парашютом прыгать. Я к чему вспомнил этот случай, а не ждет ли меня подобное испытание в горах. Поговорив с сержантами по поводу завтрашних занятий и материального обеспечения, я направился домой. Зашел во двор дома и в саду увидел хозяина, который срезал старые сухие ветки винограда. Он попросил меня поддержать стремянку. Пока помогал, он немного рассказал о войне.

Оказывается, он был участником освобождения Белоруссии и побывал во многих городах. Одним словом, о моей родине отзывался весьма лестно. К вечеру решил заняться стиркой. Спросил у хозяйки таз. Она поинтересовалась, для каких целей и, как только услышала о стирке, сразу же запретила мне этим делом заниматься. И ребятам скажи, пусть не стесняются. Я сама вам буду стирать. Да, с хозяевами нам очень повезло. Лежу в комнате, отдыхаю и вспомнил про письмо. Только я его из кармана кителя достал, стук в дверь, хозяин машет мне рукой, мол, выйди. Я письмо под подушку и вышел на веранду, там уже Виталий и Александр, но еще в форме. Только что пришли со службы, определил я. «А где Николай?» «В наряде», — отвечаю. Хозяин сказал, что хозяйка ушла в ночь работать, и достает бутылку своего вина и сало. Мы где-то около часа посидели на веранде. Потом ребята стали переодеваться, а я ушел к себе в комнату и решил прочитать письмо от Светланы. Письмо было последним предупреждением. Ты, мол, парень, определись со мной. Ты за тысячи километров, надежд никаких не подаешь, а я молодая и красивая. Мне один молодой и интересный человек оказывает внимание. Как мне поступить в данной ситуации? Как бы спрашивает у меня совета. Честно говоря, я не был готов к такому содержанию. Я не представлял жизни в сегодняшней ситуации, когда я еще полностью зависел от казармы. Поэтому я ответил: Светлана, найди свое место между им и мной и отдай одному из нас предпочтение. Ответа от нее не получил.

Напряженная подготовка к предстоящему полевому выходу исключила меня из романтической игры. Настал тот день, когда военному коменданту, хотелось ему того или нет, а пришлось разведчиков освободить от несения гарнизонной службы. Нас освободили от службы распоряжением полковника Добровольского. Неожиданно для нас перед самым полевым выходом роту привлекли на дивизионное учение. Готовились основательно. Тем более это мероприятие для меня было первым, возникло много неясностей даже в процессе подготовки. В те годы десантирование БРДМ еще не было освоено, но разговоры об этом были на слуху. Вот-вот начнутся работы по подготовке их к десантированию и при непосредственном участии личного состава роты. Поэтому на этот раз наши боевые разведывательные дозорные машины отправлялись в район учений, под Ташкент, железнодорожным эшелонам.

Подполковник Пантюшенко накануне десантирования собрал офицеров — участников учения и еще раз уточнил задачу, которую нам предстояло после приземления выполнять. Убедившись в том, что задача всем понятна, и особенно нам с Николаем, отпустил к личному составу.

После обеда начальник разведки на макете местности довел «боевую» задачу всем разведывательным органам. И строго-настрого предупредил, чтобы в «тылу противника» не хулиганили, оружие и командирские сумки не отбирали. И привел случай, правда, фамилию командира группы не назвал. А мы знали, что это был Чередник. Народная молва и в армии существует. Во время проведения командно-штабного учения разведгруппа Чередника незаметно, ночью, по-пластунски просочилась через боевые порядки охранения и проникла на крупный командный пункт «противника» — в штаб дивизии. И около ближайшей штабной машины затаились и прислушались. Кругом было тихо, только около ближайшей сопки переговаривались часовые. И тогда Чередник под прикрытием двух разведчиков вплотную подполз к машине. Командир встал, потянул ручку двери на себя, она открылась, один из разведчиков ее осторожно придержал, взводный протянул руку и пошарил на столе. В машине стоял храп. Нащупал какой-то предмет, понял, что командирская сумка, тихонько взял ее со стола и так же тихонько закрыл дверь. И на тебе, как на грех, кто-то проходит мимо. «Не спите?» — спросил проходящий. «Да нет», — ответил Чередник, а у всех сердце от волнения чаще стало биться. Им повезло, не все офицеры штаба дивизии знали в лицо офицеров разведки. Да и ночь, мать разведки, была на их стороне. Так же тихо по старому маршруту группа вышла за охранение противника. И бегом припустилась к своим на базу. Петряков как только открыл сумку, так и ахнул. В сумке находилась рабочая карта начальника оперативного отдела дивизии, а на ней весь замысел дивизионного учения. Петряков сначала растерялся, как поступить в данной ситуации, а потом отборным матом отблагодарил разведчиков. И тут же приказал немедленно, но без шума положить сумку на место. Как взял на столе, так и положи на тот же самый стол. На войне это было равнозначно подвигу, получили бы все ордена, а тут получили командирский втык да еще бежать километра два надо. Беспокоиться было от чего: вдруг проснется начальник и спохватится, где сумка, тогда поднимется такой хай. Учение отменят, пока сумку не найдут, под горячую руку можно нагоняй приличный схлопотать. Одним словом, разведчики ноги в руки и назад «через линию фронта» в штаб дивизии. Проскользнули, как ящерицы, и на этот раз мимо охранения. Они там в окопах анекдоты травят. И когда уже назад возвращались, на солдата напоролись, который в кустах сидел. Вот он хай и поднял. На шум стала сбегаться комендантская рота. Затягивать «боевые Действия» дальше было бессмысленно, разведчики поспешили скрыться в сопках. Петряков сильно переживал и с нетерпением ожидал их возвращения. Как только Чередник ему доложил,

что сумка лежит на месте, ротный сразу повеселел, отпустил пару шуток. И добавил: «Идите, немного отдохните». Вот в связи с этим Пантюшенко и переспросил нас: «Вы поняли? Оружие и командирские сумки противной стороны не брать!» Тем не менее командиры подразделений, которые были задействованы на учении, заострили внимание своих солдат. Мол, смотрите, можете оказаться с кляпом во рту на другой стороне и далеко от своих позиций. В данной ситуации разведчики выглядели неким пугалом для не очень исполнительных солдат. Но от этого был свой прок. Солдат старался всегда быть начеку и меньше спал.

Вечером мы отогнали технику на станцию погрузки Горчаково, это окраина Ферганы, и загрузили на железнодорожные платформы. Ближе к полуночи она укатила под Ташкент, в район учения. А через день рано утром мы и сами были на аэродроме в готовности к взлету и десантированию. Разведчики были в списке первого корабля, то есть передового отряда. В этом же корабле находились командир дивизии генерал Калинин и наш шеф разведки подполковник Пантюшенко, а также несколько офицеров оперативной группы штаба дивизии. Через несколько минут полета внизу появились белоснежные шапки горных вершин. Раньше горы я видел только в кино. А здесь вот они, под нами, в своем великолепии, складывается такое впечатление, что до них можно дотянуться рукой. Все, кто был рядом с иллюминаторами, прильнули к ним. Далее снежные вершины сменились серым пейзажем предгорья. Высокие сопки, поросшие редким кустарником и прошлогодней травой. Дальнейшее наше наблюдение за всем происходящим под крылом самолета прервала команда выпускающего: «Приготовиться!» Десантники встали и через несколько секунд под вой сирены друг за другом сначала пошли шагом, а затем побежали, несмотря на чины и ранги, в бездну. Плотный поток воздуха бил под колени, заставляя кувыркаться. В небе было очень много куполов и среди них разноцветный купол командира дивизии. А снизу казалось, что полнеба занято парашютистами. Мы одни из первых коснулись ногами земли. Собрали парашюты и припустились бегом в сторону, где была наша техника, заранее сосредоточенная на направлении действий. Механики-водители подсказывали нам путь, на небольшой сопке жгли красный дым. Вот на этот дым мы и перли что есть духу. Быстро загрузились в боевые разведывательные машины и, не теряя ни минуты, стали выходить на свои направления разведки. Ротный, когда мы еще только подбегали к технике, шумел, мол, давай быстрее, а то не успеем разведать противника.

Условным противником для нас были десантники чирчикского полка

нашей дивизии, которые на сутки раньше в район учения десантировались. К моменту нашего приземления полк занял выгодный рубеж и перешел к обороне. Вот нам, разведчикам, и надо было своевременно обнаружить и вскрыть все элементы боевого порядка полка. Это не так важно, что мы воюем друг с другом. Сегодня мы друг другу показываем то, что мы умеем и чему научились. Вот на этих учениях высокие начальники и оценят, кто из нас круче. Моему взводу разведки здорово повезло. Несмотря на абсолютно незнакомую, да еще пересеченную местность и высокие сопки, мы обнаружили «противника» относительно быстро. Правда, для этого нам пришлось в расщелине спрятать машины, а разведку продолжать пешком, но район обороны «противника» вскрыли. По радио передали координаты районов обороны батальонов и артиллерии условного противника. Нам пришлось подниматься высоко в горы, соблюдая меры маскировки. Сверху все окопчики казались темными пятнышками, которые тянулись тонкой ниточкой по высотам, они просматривались хорошо. На одной продолговатой высоте были видны позиции артиллерии. Конечно, подниматься в горы очень тяжело, тем более ты впервые в горах, но это было оправдано результатом. В бинокль я рассмотрел на одной из высоток под маскировочной сетью КП полка. Оборону противника нанес на свою рабочую карту. Дополнительно нарисовал схему местности, на которой более подробно отразил передний край обороны. На схеме так же нарисовал позиции двенадцати гаубиц. Почему-то на местности их было одно количество, а поданным разведки, здесь должен находиться артиллерийский дивизион и восемнадцать гаубиц. Опять внимательно изучали местность, но, к сожалению, их не обнаружили. Чуть подальше на обратных склонах высоты стоят «ЗИЛ-131», гаубичные тягачи. Назад мы также спускались, соблюдая осторожность, а иногда даже вжимались в землю, когда находились на открытой местности. Иногда не так далеко от нас проезжали грузовики и штабные машины, вот и приходилось прятаться от них. Там могли находиться посредники учений, от которых во многом зависел наш успех. Вскроют разведку, доложат в штаб руководства, и все пропало. Хотя все и проходило условно в тылу противника, но послаблений никому не делали. Через некоторое время не без труда отыскивали свои машины. Сопки были так похожи одна на другую, что пришлось некоторое время пометаться, пока нашли нужную. Вечером в штаб руководства всех офицеров вызвал шеф. Заслушал каждого командира группы, свою карту сверял с картой офицера, который рассказывал, что видел, что разведал ну и так далее. Вот когда я к своей рабочей карте при докладе приложил рисунок, у шефа появилось любопытство, заметно улучшилось настроение.

К концу учения эту схему в штабе руководства увеличили, и она была вывешена на всеобщее обозрение. Задачи первого дня, которые шеф ставил перед разведкой, как нам казалось, были выполнены. Повоевали мы еще около двух суток. Вымотались прилично. Ближе к обеду нам сказали, чтобы мы готовили технику к погрузке, для нас учение закончилось. Ротный позволил немного всем отдохнуть. Лежа на земле и глядя на горы, я поневоле в памяти перебирал все этапы учения. Ведь работали не только днем, но и ночью. Лично я на этом первом для меня столь крупномасштабном учении приобрел большой опыт. И еще что немаловажно, на этом учении я в деле увидел своих солдат и сержантов и для себя, как командира, сделал определенные выводы. С кем можно идти в разведку, а с кем и подумаешь, стоит ли рисковать. В горах яснее определяются физические и моральные качества. Им самим стало понятным, что они открыли душу командиру. И некоторым было над чем задуматься. Ближе к вечеру мы отогнали свои БРДМ на станцию погрузки в Чирчик, а сами пешком выдвинулись к аэродрому. Когда стемнело, дали команду загружаться в самолеты. Менее чем через час мы уже выходили из самолета на аэродроме в Фергане. На этот раз не повезло Николаю — его назначили ответственным. С чем мы его и поздравили. До дома дошли вместе, а дальше он пошел, как пастух, за ротой. Дома меня встретила Людмила, родителей не было. Она обрадовалась моему приходу и стала рассказывать новости, какие произошли в наше отсутствие. «Есть будешь?» — спросила она. — «Буду, если накормишь».

Николая почему-то не вспоминала. Похвасталась, что из института прислали программу, и она, не откладывая на завтра, начала готовиться. «Я обязательно поступлю. Вот увидишь. Ну давай будем есть», — и поставила на стол тарелку с пельменями. «Николаю оставь немного», — сказал ей. — «Перебьется». Меня это несколько удивило, но полтарелки пельменей я все же оставил. «Спасибо, было очень вкусно!» Убрав лишнее со стола, пригласила смотреть телевизор, который стоял в большой комнате на их половине. Я впервые был на этой территории. Люда неожиданно выпалила: хочешь познакомлю с соседкой? Мы сидели рядом на диване, я ее чуть-чуть прижал к себе и тихонько спросил: «Мне от ворот поворот?» Она смутилась: «Да это я просто так сказала». Нашему разговору помешал приход Николая. Чтобы у друга не возникли вопросы, мы с ней вышли в коридор. В коридоре ей сказал: «Людмила, уезжаю на полевой выход на целых две недели». — «Ой, как надолго», — воскликнула она. «Скучать будешь?» — «Буду». Такого ответа от нее не ожидал. «Люда, иди отдыхай!» Она послушно ушла на свою половину. Я вышел к Николаю и предложил

оставшиеся пельмени. «Не хочу, вместе с ротой ужинал». — «Ну, тогда давай спать». — «Слушай, а где наши соседи?» — спросил он у меня. — «Сегодня оба в ночном дозоре. Людмила мне сказала, что парни в свободные вечера встречаются с девушками». — «А у нас с тобой все служба да служба». — «А ты особо не горюй! Если есть желание, Людмила тебя познакомит. Соседских девчонок пруд пруди». — «Да нет уж, у меня есть любовь в Рязани. Со школы друг друга знаем». За разговором мы незаметно уснули.

После возвращения из района учений подготовка к полевому выходу пошла полным ходом. Естественно, в какой-то степени прошедшее учение было для меня неплохим пособием в подготовке к предстоящему разведывательному выходу. Морально к выходу я себя уже настроил, а вот практическая сторона впереди. По-доброму пришлось завидовать Череднику. До армии ему пришлось работать геодезистом именно в горах, которые окружали Фергану. Но надо отдать ему должное, зазнайства у него не было. Он всегда проводил с нами занятия по ориентированию в горной местности. Научил пользоваться единой системой географических и прямоугольных координат Варшавского Договора, а мы этой науке научили своих подчиненных. В дальнейшем на всех учениях или полевых занятиях мы всегда пользовались этой системой координат.

Наконец настало то утро, когда все разведывательные подразделения собрались на дивизионном учебном центре. Полевой лагерь оборудовали без проблем и быстро. Натянули палатки на каркас, и готово. Пока мы наводили порядок, между рядами палаток стал прохаживаться Пантюшенко, явно чем-то раздраженный. Потом выяснилось, что офицеры из чирчикского полка по пути на учебный центр заехали в аэропорт и зашли в ресторан. В данной ситуации они себя проявили не как разведчики, машину не спрятали, водителя не предупредили. Вот и погорели. В этом плохого вроде бы ничего и нет, никто офицерам не запрещает посещать рестораны, но поскольку собрались на полевой сбор, все должно выполняться только по команде. Вот поэтому шеф и ходил раздраженный. Кстати, на то время в полках не было штатных разведрот. Задачи разведки выполняли первые роты. В эти роты подбирали лучших офицеров. Они были полностью укомплектованы, но по духу оставались парашютно-десантными ротами, и кое-какая развязность все-таки присутствовала.

Ближе к вечеру Пантюшенко собрал на служебное совещание всех офицеров. В его речи, обычно ровной и лаконичной, стали проявляться строгие командирские нотки. Мы сидели с Герасимовым рядом, и он мне шепнул: «Шеф не в духах». В целом он высказал нам давно известные,

общие специфические требования, предъявляемые к офицерам, но в несколько непривычной для нас форме.

«Запомните! — на этом слове он сделал ударение и выдержал небольшую паузу. — Офицер — это настоящий специалист военного дела, умелый организатор, способный на практике применять принципы военной науки. Он должен глубоко мыслить в тактическом плане. Вы, еще и как воспитатели, должны дополнительно владеть методами работы с людьми. И не забывайте про личную дисциплину и исполнительность. — Этим высказыванием он намекнул на сегодняшнее, по его мнению, безобразие. — Пока мы находимся в поле, не забывайте о порядке в ваших подразделениях. Нам не хватало здесь подцепить какую-нибудь заразу и принести ее в полк». Потом всех отпустил, оставил одного майора Завирухина. Майор исполнял обязанности начальника разведки чирчикского полка. Шеф вломил ему как положено. Оказалось, Завирухин сам организовал посещение ресторана. Через пару дней об этом больше никто не вспоминал.

Утром с подъема личный состав отправился в спортивный городок, чтобы немного размяться, а командиры рот явились к начальнику разведки на жеребьевку, чтобы определиться с очередью проведения соревнования. Соревнования среди разведчиков проходили всегда жестко. Каждый хотел быть первым, но первое место было только одно, вот за него и боролись разведчики. Оно достанется, конечно же, только достойному подразделению. Соревнования проводились по следующим видам: подъем переворотом на количество раз, бег на сто метров, кросс на три тысячи метров, стрельба, марш-бросок с ведением разведки, а также была отдельная точка, где разведчики проверялись на зрительную память. На солдатской плащ-палатке выкладывалось около тридцати мелких предметов. По команде судьи палатка, которой эти предметы были закрыты, на несколько секунд убиралась, а затем предметы снова закрывались. Разведчику отводилась всего одна минута, за это время боец должен записать максимальное количество предметов, которые ему удалось запомнить. Без определенных тренировок это сделать очень трудно. Судьи все в погонах. Главный судья, конечно же, Пантюшенко, а судьи его помощники и начальники разведки полков. Вот эта компания и определяла, какому подразделению быть первым. В то время первое место можно было предугадать заранее. Оно будет завоевано в жесткой борьбе дивизионной разведывательной ротой. Почему такая самоуверенность? Да очень просто! Профессионал работает намного лучше.

Два дня соревнований пролетели незаметно. Первый этап полевого

выхода закончился. Завтра начнется отработка вопросов разведывательной подготовки. Все это будет происходить в динамике и на незнакомой местности. На маршруте предусмотрена отработка тем по организации засад, налетов и баз отдыха для личного состава. Вообще в поле все проходило напряженно, интересно и поучительно. Мы «воевали» друг с другом. Одни разведывательные группы организовывали засады на маршрутах движения других групп. Одни старались лучше замаскироваться, а другие стремились во что бы то ни стало вскрыть эти позиции. Далее разведорганы вели разведку объектов противника, которыми были командные пункты, пусковые установки и даже «ядерные». А вот качество ведения разведки определялось командой судей во главе с Пантюшенко. Были моменты, казалось, до объекта рукой подать. Оставалось определить точные координаты, передать их радиогаммой, и конец работы. Но не тут-то было. Как будто бы из-под земли на маршруте могла в любой момент появиться фигура одного из помощников шефа. И тогда капут, все пропало, а вдобавок к большим физическим нагрузкам, затрате времени и острая с военным юмором критика. Однажды в подобную ситуацию и моя разведгруппа чуть было не попала. Дозорный вовремя заметил самого Пантюшенко. Лежали в грязи около часа и ждали, пока он сменит позицию. На этот раз мы за ним проследили и задачу выполнили успешно. Когда задача выполнена успешно, возвращаясь на базу всегда в приподнятом настроении, а это лучше, чем брести понурым в ожидании взбучки. Один раз у меня была даже возможность пленить шефа разведки. Помню, мы вели разведку пусковой установки ракеты «Найк-Геркулес». Это американское оружие, оно было на вооружении в армиях Ирана и Пакистана. Искали долго, но пока без результата. Малость уже и притомились. Во время отдыха личного состава с небольшого бугорка стал в бинокль рассматривать местность. Вдалеке среди высоток увидел небольшую рощу, мимо нее протекал арык. По обе стороны арыка со временем вырос земляной вал с высокой травой. И вот роща мне показалась наиболее удобным местом для расположения той самой пусковой установки. Перекур сразу прекратили, дозорных нацелил на эту рощу, и, прикрываясь заросшим травой насыпным валом, осторожно вдоль берега двинулись вперед. Прошли метров четыреста, дозорные подают команду: «Внимание!» На полусогнутых выдвигаюсь к дозорным. Они мне с ходу: «Наблюдаем пусковую установку». Точно, ее макушка просматривается над низкими деревьями. Осторожно маскируясь, продолжаем движение. С группой разведчиков подползаю к объекту вплотную. Метрах в тридцати от пусковой установки стоит БРДМ, а

наверху Пантюшенко что-то рисует на карте. Часовыми на объекте было несколько наших связистов. Увидев меня, попытались дернуться, но я показал кулак, дав понять: игра есть игра, а раз проспали, так надо молчать. И мы без лишнего шума ушли в обратном направлении. Отошли метров на шестьсот. Развернули радиостанцию, пока связисты ее настраивали, составил текст радиোগраммы. Вдруг наблюдатели предупреждают о появлении группы людей. Спрашиваю связистов: «Радиограмму передали?» — «Да, и подтверждение получили, что все читается». — «Сворачивайте станцию!» — команду связистам. В первую очередь свернули мачту-антенну: она была высокой, ее могли заметить. Быстро перебежали за ближайшую высоту. Залегли, продолжаем наблюдать. На другом берегу арыка увидели группу разведчиков, которые шли верным путем по направлению к пусковой установке. Навел резкость у бинокля и узнал группу Дрыженко. Идите, идите, а мы посмотрим, что будет дальше. Вычислил я все правильно: охрана пусковой установки мою группу проспала, выводы соответствующие из этого сделала и постарается на одни и те же грабли больше не наступить. Минут через десять в стороне рощи началась стрельба, а через несколько минут мы наблюдали убегающую вдоль арыка разведгруппу. Посмотрел в сторону рощи, макушка пусковой установки оставалась на прежнем месте. По правилам военного времени в такой ситуации пусковая установка должна немедленно изменить место. Но в учебных целях она продолжала оставаться на прежнем месте. Ее перемещение дорого бы стоило по времени. Я принял решение: коль задачу выполнили, можно и отдохнуть. Мой заместитель Петров сообразил небольшую поляну. Когда себя чувствуешь утомленным да еще в пустынной местности, черный сухарь вприкуску с сахаром да вода из фляжки кажутся чудным деликатесом. После небольшого отдыха медленно двинулись в сторону базы. Старались идти по оврагам, вдоль барханов. Одним словом, иди домой, но соблюдай маскировку. В армии интересно получается, мы, взрослые парни, а ведем себя, как школьники, когда для них организуют пионерскую «зарницу». Разница в том, что мы играем серьезно и по-настоящему, как на войне. И даже с каким-то злым азартом. А как ползли к объекту, хоть в кино снимай. И не только мы так работали. Так действовали все разведчики. Только у одних получалось лучше, а у других были изъяны. Бывало, сотни метров ползешь на брюхе или часами лежишь, притаившись, ведешь наблюдение за объектом, чтобы улучшить момент и броском приблизиться к нему. Вспомнить хотя бы кинофильм «Звезда» про разведчиков. Одна группа ушла на задание в тыл к немцам и не вернулась. Ушла другая группа, по составу такая же, но подготовка

разведчиков была другой. Эта группа задание выполнила, конечно, были и у нее потери. Занятие по разведке проводились не только днем, но и ночью и с таким же азартом. Конечно, тон игры задавали командиры разведгрупп. И чем-то сегодняшняя разведка напомнила детство. Петрову крикнул на ходу: «Александр, следи, чтобы не было отстающих». Когда мы пришли на базу, стало смеркаться. Ротный нас уже дожидался. «Как прошли занятия?» — поинтересовался он. «Без потерь», — ответил я. «Петров, води взвод на ужин, а ты зайди ко мне в палатку». В палатке был тусклый свет от маломощного двигателя, взводных еще не было, значит, первый вернулся. За столом были Чередник и Кулевич. Пидник наливает мне сто граммов водки: «На, выпей и быстро ужинать!» Командирскую сотку выпил и пошел на кухню закусывать. Вот великий конспиратор, подумал про ротного. Во время ужина подошла группа Сулимова, а за ним вскорости и Дрыженко. Их ротный по той же методике приглашал к себе в палатку, наливал сотку и отправлял на ужин. После ужина в палатке обсуждали дневное занятие и действия при разведке объекта. Оказывается, Николай мне уготовил засаду на пути движения в лагерь, но моя группа случайно обошла черное место. Сухой ручей уходил в сторону, и чтобы нас не было заметно, мы пошли по дну ручья. Оказывается, случайно улизили от засады. Завтра своим разведчикам про этот случай расскажу. Утром после завтрака нас, каждого взводного, подробно о вчерашних занятиях расспрашивал Пантюшенко.

В целом он остался доволен и организацией, и проведением, одного взводного из ошского полка даже похвалил.

После разбора занятий шефом рванул к своим разведчикам, рассказал про засаду, которая вчера предназначалась для нас. Сержант Шкарупа, командир второго отделения, утверждал, что наблюдал нечто подозрительное в том самом месте, но, так как группа резко свернула в сторону, не стал заострять на этом внимание. Сегодня мы работали с топографической картой. Отошли на километр от лагеря и сразу же организовали занятие. Местность выбрали богатую ориентирами, и занятие прошло успешно. В разведке было общее требование: каждый разведчик обязан уметь читать карту, составлять радиограмму, работать на радиостанции и управлять автомобилем. После сытного обеда всем офицерам было приказано собраться около штабной палатки, при себе иметь командирскую сумку и обязательно офицерскую линейку. Через несколько минут все собрались и стали судачить, как женщины около колодца. Зачем нас собрали? Я оказался недалеко от ротного. Пидник таинственно подозвал меня и шепотом предупредил: «Шеф будет у вас

принимать зачет познанию иностранных армий». — «Есть», — ответил я. И тут же «военную тайну» выдал своим, а те другим. Из палатки вышел майор Абрамкин, старший помощник Пантюшенко: «Ну что, соколики, все собрались? Как настроение?» — «Нормальное», — бодро ответили мы. «Тогда проверимся. Да, все в сборе. Продолжаем работать». Прокофьев каждому из нас раздал по два листа стандартной бумаги. «Не забудьте вверху листа написать свою фамилию. Записывайте первый вопрос, — при этом сделал загадочную паузу и обвел нас взглядом, — организация и вооружение пехотного батальона армий Ирана и Пакистана». Второй вопрос состоял в том, чтобы нарисовать около двух десятков условных тактических знаков, в том числе иностранных армий. «На все про все дается один час времени. Время пошло», — отчеканил майор. И сразу все офицеры полковых рот стали кучковаться около нас. В полках организацию иностранных армий, как правило, изучали во время занятий по командирской подготовке, а в ротах от случая к случаю. Поэтому полковые офицеры в этом вопросе были на несколько порядков ниже офицеров дивизионки. Мы стали чересчур громко консультироваться друг с другом. Это вывело Абрамкина из себя: «Прекратите разговоры, тем более шарить по карманам, как студенты». А ведь мы и правда недавние военные студенты. Без нее родимой, шпаргалки, даже в чистом поле не обойтись. У полковых, наверно, и шпаргалок нет, подумал я. Окрики следовали один за другим. Час, отведенный для написания ответа, закончился, а лейтенанты все пишут и пишут. Опять голос Абрамкина: «Стоп, сдать работу. Помните, что Петр Первый говорил?» — «Конечно, помним», — воскликнули лейтенанты. «Вот это мы и проверим. Пока мы будем разбираться с вашей писаниной, вы свободны». Через пару часов нас снова собрали около палатки, с волнением ожидали объявления оценки. Хотя я, в общем, был уверен в правильности ответа, но тем не менее немного переживал. Майор Абрамкин с большим юмором провел разбор полетов. Правда, некоторым было не до смеха. «Ну что, молодежь, в целом мы довольны вашей работой. Конечно, есть и неполные ответы, но это дело будущего. После завершения выхода мы за подписью командира дивизии подготовим документ для командиров полков с целью обратить более серьезное внимание на нештатные разведроты». В конце разбора занятия объявил оценки, мою работу начальник оценил на «хорошо». В роте единственная пятерка была у Дрыженко. Вечером ротный объявил, что завтрак будет сухим пайком, а подъем ранний. Оказывается, по плану занятий рано утром тыл с техникой перемещается в другой район и в каком-нибудь далеком ущелье или овраге она будет сосредоточена и замаскирована. Для нас, разведчиков, это будет

новый объект, который мы должны найти, разведать и совершить налет.

Рано утром весь лагерь пришел в движение. Стали сворачивать палатки, цеплять полевые кухни к автомобилям, загружать продовольствие и дрова. Ко мне и Николаю подошел старшина Волков и протянул нам сухой паек, один на двоих, а ужин будет горячим. Когда тыл уехал в неизвестном для нас направлении, на площадке сразу стало неуютно, только группы солдат сидели прямо на земле по всей территории бывшего лагеря. Начальник разведки пригласил к себе командиров групп и довел новую задачу дня: «По агентурным данным, где-то в районе Чимионских гор на позиции развернута пусковая установка «Першинг». Надо провести разведку определенного района, а район нам Пантюшенко на карте указал, определить точные координаты пусковой установки, совершить налет и вывести ее из строя. Выход для выполнения задания, по моим расчетам, ровно через час. Я со взводом выхожу последним. Вопросы есть? — и сам себе шеф ответил: — Вопросов нет». Примерно такая же задача была поставлена и полковым группам. Только у них был несколько другой район разведки. Специально запланировали, чтобы мы не мешали друг другу.

Чимионские горы название получили, по всей видимости, от нефтепромыслового поселка Чимион. Горы были невысокие., метров шестьсот над уровнем моря. В основном пологие и каменистые, кроме травы, на них ничего не росло. Через эти горы по ущелью протекала не широкая, но очень бурная речка. Она была основной водоносной артерией кишлаков, которые ютились недалеко от нее. По обе стороны ущелья высокие и обрывистые берега. Высота в некоторых местах достигала двадцати и более метров. По берегам речки росли огромные пирамидальные тополя. Вдруг я услышал голос шефа: «Скрынников, следи за временем». Ну, вот настало время выхода и моей разведгруппы. В дозор ушел старшим сержант Росляков. Кстати, у меня взвод прошлой осенью наполовину обновился за счет нового призыва. А призыв был из Казахстана. Все русские парни в физическом отношении были подготовлены хорошо, все имели за плечами десятилетку. Одним словом, солдаты что надо. С такими в разведку можно идти смело. Они запросто могли разговаривать с узбеками. В глубинке местное население русский язык знало плохо. Толмачами в основном были те, кто отслужил в армии. Через пару часов ходу стало тепло, а затем и жарковато. Сделали небольшой привал. Кругом холмы и овраги. Шли в основном по компасу. Заметных ориентиров практически не было. Сменил дозорных. Старшим назначил Шкарупа. Петров был в замыкании группы. Прошли еще часа три. Маршрут был волнообразный. Поднимаемся вверх, затем спускаемся

вниз. Такой маршрут физически здорово выматывал. Сделали еще один небольшой привал. Нутром чувствую, где-то недалеко от цели. Раз так, надо полосу разведки расширить. Выделил и боковых одиночных дозорных. Продвигаемся уже медленно, осторожно. Я с основной группой спускаюсь в овраг, а Шкарупа уже наверху. «Наблюдатель мне, товарищ лейтенант, Василий сигнал подает». Смотрю, и боковые дозорные залегли. Я карабкаюсь где бегом, а где на полусогнутых наверх, а по-другому и не подняться. Дозорные показывают рукой нужное направление. В бинокль рассмотрел ротный тыл и технику. Все это в конце ущелья на большой поляне, дальше начинались хлопковые поля. «А где же пусковая установка?» — сам себя спрашиваю. В хлопковых полях, рядом с тылом она располагаться не может. Значит, она может быть в ущелье или рядом с ним. Посоветовались, решил группу отправить на разведку вниз вдоль ущелья, а зама и несколько разведчиков оставить для наблюдения за ротным хозяйством. Впереди себя отправил двух парных дозорных. Старшими Курбанова и Рослякова. Буквально минут через двадцать хода Шухрат подводит ко мне пожилого узбека. Поприветствовали старика, разговариваем. Он, оказалось, давным-давно служил в конной армии Буденного. Поэтому наши занятия воспринял как должное. Узбек нам рассказал, что совсем недалеко за горкой стоят две военные машины с солдатами и рядом высокая труба. Получилось, как в настоящей разведке. Задержали местного жителя, допросили и получили нужную информацию. «Кузнецов, бегом к Петрову и всех быстро ко мне». Дождались прибытия зама с группой и продолжили осторожный путь вперед. Избегали подниматься на тактический гребень каменистых холмов. Овраг стал незаметно поворачивать к ущелью. Курбанов подает сигнал «Противник» и спешит ко мне. «Товарищ лейтенант, за изгибом следующей горы я видел две наши БРДМ и метрах в сорока от машин эту самую установку». Осторожно с группой выдвигаюсь к точке, с которой наблюдался «противник». Внимательно изучаю объект. Солнце уже припекало, и охрана, как всегда, бдительность потеряла. Одни друг с другом разговаривают, другие что-то читают, третий сидит на большом камне и клюет носом. Нормальная обстановка, то, что и надо для нас, думаю я. Что-то не видно Прокофьева с Чередником. Этих трудно обмануть. Обстановку изучал долго, пока не вычислил нужных мне офицеров. А вот и они медленно поднимаются со стороны ущелья. Наверно, были около речки.

Взвод распределил на две группы. Одна обходит объект слева, а я со своей атакую объект из-за гребня сопки. Расстояние до «противника» метров семьдесят, не более. Броском преодолеем, не успеют опомниться.

Петров группу увел в обход, но зрительную связь со мной не терял. Заместитель с группой уже наверху и машет рукой, мол, готов к действиям. И вдруг в стороне ротного хозяйства начинается стрельба, которая сопровождается криком «ура». Охрана проснулась. Нам ничего не оставалось, как с двух сторон одновременно атаковать «противника». Моя группа выскочила из-за гребня сопки. На ходу ведя огонь и громко крича «ура», устремилась к объекту. Все внимание охраны на мою группу, а с тыла на них навалилась тоже со стрельбой группа Петрова. В общем, встретились около объекта и свои, и «чужие». Прокофьев сказал: «Действия группы в целом были грамотными», — и успех отдал нам. Чисто случайно, но атака получилась одновременной на два объекта. В боевой обстановке это была бы уверенная победа.

Я вспомнил случай, который произошел в моем взводе. Взвод успешно выполнил задачу и возвращался на базу через небольшой участок ирригационной системы. Я был в командирской машине впереди колонны. Стало заметно темнеть, запрашиваю последнюю машину, в ней находился мой заместитель, он отвечает: «Все нормально, двигаюсь в замыкании». На одном из поворотов я выглянул из люка и осмотрел колонну. Мне показалось, что одной машины недостает. Присмотрелся, точно, третьего БРДМа нет. Запрашиваю зама: «Ты где?» — «Двигаюсь в замыкании». — «Как двигаюсь, когда мы стоим». Разворачиваюсь и назад, через несколько сот метров вижу светящиеся фары машины в канаве. Подъезжаем ближе. Весь экипаж босиком в канаве пытается выволить машину из плена. «Как это случилось?» — спрашиваю зама. «Да водитель при повороте не рассчитал радиус разворота и угодил в канаву». В это время ротный меня запрашивает. «Меняем колесо на одной машине», — отвечаю ему. Получился замкнутый круг, зам врал мне, а я ротному. И только цугом соединив три машины, мы с трудом вытащили бедолагу из канавы. В лагерь вернулись под утро. Утром ротный вышел из палатки и осмотрел технику, она оказалась на месте, он не стал меня беспокоить. Однако через некоторое время в разговоре между собой кто-то из моих разведчиков проболтался, об этом узнал ротный. Естественно, устроил мне разгон. Хотя по большому счету можно было и не заострять на этом всеобщее внимание. Я это к чему вспомнил: сегодня подведение итогов полевого выхода, и, возможно, этот случай будет озвучен с высокой трибуны, и он может повлиять на оценку взвода.

Уставшие (как-никак километров тридцать отмахали), но взбодренные успехом, мы медленно побрели к ротной кухне. Вдалеке слышали стрельбу. Наши коллеги из полковых рот продолжали атаковать свои

объекты.

Обед был очень вкусным. Старшина предложил добавку, не смог отказаться. После обеда к нашему лагерю подъехали на автомобиле офицеры полковых разведывательных рот. Все собрались на небольшой зеленой лужайке. Пантюшенко подвел итоги полевого выхода и поставил задачи на летний полевой выход разведчиков. Добавил: «Подготовку подразделений не откладывайте надолго. Не успеете оглянуться, как снова в учебном центре встретимся». Объявил результаты соревнований между взводами. Первое место заняла разведгруппа Сулимова. Моему взводу досталось тоже призовое, второе, Место, второе место — это тоже не слабо. После служебного совещания шеф дал команду чирчикской роте убыть на станцию погрузки для отправки железнодорожным эшелоном в город Чирчик. И добавил: «Майор Завирухин, по прибытии в полк доложите оперативному дежурному по дивизии о том, что личный состав и техника роты на месте». Оставшимся подразделениям в лагере разрешили немного расслабиться, некоторые солдаты занялись стиркой, другие пытались ловить рыбу, но без снастей у них ничего путного не получилось. На следующий день, ближе к обеду, колонна техники, возглавляемая ротным, прибыла в автопарк. До самого вечера драили, чистили боевую технику и оружие, только после доклада ротному о том, что техника и оружие во взводе в порядке, было разрешено уходить домой.

«Пойдем домой», — предложил я Николаю. «Нет, мне нужно в город. Хочу матери позвонить». Мне писарь в канцелярии протянул письмо. Посмотрел на конверт, от родителей. Когда шел домой, обратил внимание, что улица Фрунзе уже одевалась в зелень. Начало апреля. Дома меня встретил хозяин. «Здорово, пропащий. Где был? Давай умывайся. Пока хозяйки нет дома, угощу тебя еще одним вкусным сортом вина». Умываясь, услышал, как открывается калитка, во двор вошли Виталий с Александром. «Привет, а где Коля?» — «Пошел на переговорный пункт звонить матери». Хозяину не терпится, торопит. «Давайте, заходите в дом, за столом наговоритесь». Нас дважды приглашать не надо. Однако ребята засиживаться не стали, похвалили вино, заторопились к своим подругам, которые их уже ждали. Хозяин сказал: «Я слышал от соседки, у Виталия со Светланой серьезные намерения. А ты что отстаешь, а то все по полям да по полям шастаешь. Николая я однажды в городе как-то видел с одной девахой, рыжая вся из себя». Вот оно что, а мне басни рассказывает, надо матери домой позвонить. «Ладно, Миша, расходимся, а то мне сегодня в ночную смену заступать». Уже в комнате я услышал голос хозяина: «Людмила! Убери со стола, а то вскоре мать придет». Из комнаты вышла

Люда и через стеклянную дверь поздоровалась со мной. Пришлось выйти в коридор. Она искренне обрадовалась, крепко прижалась ко мне и говорит: «А я подумала, это Александр с Виталием. Ой, какой ты обветренный или загорел», — и потрогала мое лицо теплой рукой. От ее прикосновения в моей душе что-то шевельнулось, разлилось приятное тепло. «Мать сегодня в ночь работает?» — «Нет, вскоре придет». — «Жаль», — подумал я. «Я очень рада твоему возвращению. Пойду уберу со стола, а то мама на папу будет ругаться, что опять пьянку организовал». Через несколько минут я тоже вышел на веранду, чтобы погладить форменные брюки. «Давай поглажу». — «Нет, Людмила, брюки глажу всегда сам». — «В «Космосе» идет интересный фильм. Пойдем?» — «Если не буду занят службой, пойдем». Пока я приводил брюки в порядок, зашла хозяйка: «Ну вот и пропащий появился, а я уже переживать стала. Дочь, давай чай пить». Пришлось и мне принять участие в чаепитии. Посидел немного, поговорил, затем пожелал женщинам спокойной ночи и ушел отдыхать.

На следующий день полевых занятий не было. Продолжали обслуживать технику в автопарке. Была суббота, и мы себе позволили явиться на службу в брюках на «улицу», то есть на выпуск. До обеда проводились плановые занятия. Это позже суббота станет паркохозяйственным днем. Вечером, как и договаривались с Людмилой, отправились в кино. Потом немного погуляли по улице Ленина, зашли в парк. В кафе съели мороженого и медленно направились в сторону дома. Дома нас ожидали хозяйка с хозяином. «Мы вас уже ждали! Садитесь, будем ужинать». Я вроде бы для приличия хотел отказаться, но не получилось. Людмила без умолку щебетала о фильме. Дядя Ваня говорит: «Мать, ведь сегодня суббота, а мы ужинаем без вина?» — «Ну ладно, иди принеси, только красного, я тоже немножко с вами выпью». Дядя Ваня не дурак, он из бочки нацедил полный кувшин. Да и в подвале, наверно, стаканчик пропустил. «А где Николай?» — спросил он у меня. «В роте», — соврал я. «Знаю, в какой роте», — коротко хохотнул. Долго с хозяйской четой засиживаться не стал. Людмила тоже ушла готовиться к выпускным экзаменам. Она была прилежной девушкой, не чета соседским хохотушкам. Засыпая, я еще некоторое время слышал голос хозяина и смех хозяйки. Подумал, что-то интересное жене рассказывает. Утром проснулся от того, что солнце светило в окно. Ротный нам разрешил на службу не приходить. Одним словом, выходной. Николай еще спит, накрывшись с головой одеялом. Разбудил его и спросил: «Ты где шляется?» — «Да так, по делам», — и перевернулся на другой бок. Сегодня он в город не пойдет. Сильно устал, придется идти одному. Полежал еще некоторое время, встал,

вышел во двор. Хозяин вскапывает грядки. «Дядя Ваня, давайте помогу!» — «Помогай». Минут через десять грядки были вскопаны. Вышла: хозяйка и похвалила нас за проделанную работу. Хозяин тихонько мне шепчет: «Заработали мы с тобой на завтрак». Я его намек понял, но отказался. Сослался на то, что мне надо зайти в роту. Около обеда переоделся в гражданку и ушел бродить по городу. Около кинотеатра «Новая эра» встретил Лену. Она шла за покупками на рынок. «Можно, и я с тобой пойду?» — «Пойдем». На восточных рынках надо уметь торговаться. Многие русские лишь со временем научились этому. Ранней зелени на прилавках уже было полно. Покупки отнесли домой. Я на улице ее подождал, хотя она меня и приглашала зайти в дом. Потом долго бродили по городу и парку, болтали обо всем. Лена по образованию была музыкантом, про композиторов рассказывала. Окончила музыкальное училище по классу фортепиано и училась заочно в педагогическом институте. Проводил ее до дома и отправился восвояси. Около дома собрались девчонки, среди них была и Людмила. Они обсуждали что-то веселое. Людмила поинтересовалась, где я целый день пропадал. «Почему целый день, — возразил ей. — До обеда отцу помогал огород копать. Видела работу?» — «Видела». Девчата захихикали: «Ну, Люда, у тебя по дому уже помощник есть?» — «Да ну вас», — отмахнулась она от них. Они продолжали еще шутить, но я вошел в дом. Николая не было. Когда я уже отдыхал, он тихонько вошел, чтобы не тревожить меня. Утром по дороге в роту Николай рассказал, что его разведчик Малашев написал рапорт с просьбой отпустить его для поступления в Сызранское вертолетное училище. «Ну и пусть поступает, солдат он хороший. Я хотел, чтобы он в наше училище поступал. Слушай, раз ему нравится вертолетное, пусть туда и едет». По приходе в роту он завизировал его рапорт. Со временем мы о Малышеве услышим. В Афганистане за умелое командование и уничтожение опорного пункта душманов в горах ему будет присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В конце девяностых я Сулимову напомнил этот момент. «Вот ежели бы ты тогда не подписал ему рапорт, не быть бы Малышеву Героем». — «Мы с ним встречались», — ответил Николай.

Через несколько минут в канцелярию вошел Пидник: «На Герасимова пришел приказ. Его переводят в артиллерийский полк на должность замполита артиллерийского дивизиона». Мы стали искренне Василия поздравлять с назначением на вышестоящую должность. Чередник сказал: «Вася, с тебя причитается». Ротный продолжил: «Исполнять обязанности замполита роты будет секретарь партийной организации роты товарищ

Дрыженко».

После майских праздников пришел новый штат роты. У нас стало три взвода разведки. Начальник разведки представил нам нового взводного Факаева, нашего однокашника. Дрыженко вместо исполняющего обязанности стал замполитом роты. Через год и Дрыженко уйдет на повышение. «Что-то замполиты долго на одной должности не задерживаются», — сказал Сулимов.

Я об этом через несколько десятилетий вспомнил, да, это было давно, но правдой. Просто замполитов не хватало в то время в войсках. Советское правительство образовавшийся пробел в подготовке замполитов перекрыло созданием одногодичных курсов при военных училищах. На них отправляли отобранных на конкурсной основе лучших сверхсрочников, сержантов и солдат. В течение года их учили, как надо работать и воспитывать солдат. Оценивать в общем их качество работы в войсках не берусь. Но на одном примере хочу подтвердить правильность принятого на том этапе решения. У меня на командирском БРДМ механиком-водителем был рядовой Ильинский. Смело могу утверждать: машину он знал назубок, радиостанцию освоил и мог работать на ключе на уровне радиста третьего класса, гранату метал метров под семьдесят. По окончании службы ему посоветовали поступить на курсы замполитов. Дал ему соответствующую характеристику. Через год он прибыл в ферганский полк замполитом роты. Окончил заочно педагогический институт. Стал замполитом батальона. Позднее — Военную академию имени Ленина. Назначен на должность замполита рязанского полка. Выполнял интернациональный долг в Афганистане. Служил в десантном училище и воспитывал курсантов. Аналогичный пример могу привести и с Петром Шеметило. Так тот вообще дослужился до генерала. Это была вынужденная мера. Когда училища стали удовлетворять потребности армии, эти курсы отменили. А вот нынешнее правительство как-то слабо занимается укреплением воинской дисциплины в Вооруженных силах. В ротах, батареях должны быть лица, отвечающие за дисциплину в подразделении. В белорусской армии этот институт работает, и от него только польза. В нашей армии пока принимаются всевозможные декларации, привлекаются средства массовой информации, комитеты солдатских матерей, подключают военную прокуратуру. Имеет место негативное отношение в войсках к лейтенантам, которые окончили военную кафедру и пришли в войска на два года. Они армию цементировать не могут, они расшатывают годами сложившиеся армейские устои.

Мне в свое время приходилось лично наблюдать за их службой. В

начале семидесятых годов из Ташкентского института к нам в дивизию прислали около десятка лейтенантов-узбеков. Назначили их на должности командиров парашютно-десантных взводов. Организовали для них сбор по изучению парашютов и прыжки из самолетов. Практически они все отказались совершать прыжки с парашютом. Толку от них как от лейтенантов было мало. Это были самые настоящие пастухи своих взводов. Во время занятий по боевой подготовке часто наблюдал такую картину. Сидит на камне кафедральный лейтенант и читает книгу, а недалеко от него, как стадо баранов, лежат солдаты. Вот так они помогали совершенствовать боевую подготовку Воздушно-десантных войск. Однако приходилось терпеть этих горе-командиров. Они дисциплину не нарушали, своевременно являлись на службу, не пьянствовали. Какие к ним претензии предъявить можно, да никаких. Ждали, когда окончится двухгодичный срок службы. Больше на моей памяти в Фергане таких командиров не было.

Вечером в столовой мы дружным коллективом проводили Герасимова к новому месту службы. Пожеланий ему высказано много, а на следующий день он самолетом улетел в Ташкент, дальше автобусом до артиллерийского полка. Утром ротный только собрался провести развод и отправить разведчиков на полевые занятия, как вдруг заявляется военный комендант. У него было одно желание: снова нас захомутать для несения патрульной службы. Пидник ему вежливо отвечает: «Только через начальника штаба дивизии». — «Вот как вы разговорились, ну ладно». Сел в машину и уехал в штаб дивизии. А мы в поле на занятия. И все же комендант добился своего. Конечно, не полной победы над нами, но несколько раз мы привлекались для несения патрульной службы в гарнизоне. Нас спасли от полной его кабалы грядущие мероприятия по плану дивизии.

Однажды во время подготовки переносной учебно-материальной базы мне вспомнились слова нашего шефа разведки. «Не успеете оглянуться, как надо готовиться к следующему разведываходу». Его слова оказались пророческими. Время действительно летело быстро. Отпраздновали майские праздники. Приняли участие в полковом тактическом учении с десантированием в пустынную местность.

Учением руководил командир дивизии генерал Калинин. Он нам лично довел общие задачи по ведению разведки, а Пантюшенко потом конкретизировал их по каждому этапу учения. Десантировались под Кокандом, на площадку Уч-Кудук. Самая настоящая пустыня, песчаные барханы, редкие кустарники, много ящериц и варанов. Вот в этом районе и проходили «баталии» дивизионных разведчиков с ферганским полком. К этому времени цивилизация уже потихоньку наступала на пески. Кое-где

появились каналы, из которых орошались хлопковые поля. Через этот район проходила дорога Фергана — Коканд. После десантирования мы сразу приступили к организации засад на путях движения парашютно-десантных батальонов. Вынуждали их разворачиваться в боевые порядки и наступать на наши позиции, а мы быстро сворачивались и уходили в новый район для организации новых засад. Тем самым терроризировали подразделения полка и на марше, и во время отдыха. Одним словом, от нас им житья не было.

В связи с этим вспоминается один случай. На пути выдвижения батальонной колонны выбрали удобное место и организовали засаду. Через дорогу протянули длинную веревку, вернее, несколько связанных строп, а в кювете на противоположной стороне один конец привязали к огромной, заранее срубленной ветке. Ждать «противника» долго не пришлось. Вдалеке показался одиночный радиийный «газик», с двумя высокими антеннами, которые плавно раскачивались из стороны в сторону. Кто-то из командиров, подумал я. Как только «газик» подъехал к месту засады метров за двадцать, несколько разведчиков вытащили этот огромный сук на дорогу и перекрыли ее. Машина, естественно, резко затормозила. Я с группой захвата рванул к машине. Резко открываю дверь со стороны старшего и громко кричу: «Вы в плену!» Из машины важно вышел командир полка полковник Панарин и стал материться: «Да как ты посмел меня останавливать, туды твою мать». Потом много неласковых слов в адрес моих разведчиков. Но мы от машины не отходим, держим ее в плотном кольце. Я продолжаю: «Вы по условиям учения захвачены в плен». Он опять мне: «Лейтенант, да пошел бы ты...» — и на армейском языке, популярно мне объясняет тот маршрут, по которому я должен пойти. Петров, мой заместитель, мне на ухо шепчет, сзади идет колонна. Через несколько минут картина может резко измениться. И нам пришлось быстро убежать за ближайшие холмы. Там стояли замаскированные наши БРДМ. Да, в боевой обстановке мы бы не стали с чужим командиром полка церемониться. Скрутили и уволокли куда надо. И сверлили бы дырки на мундирах для орденов. Позднее, в конце учения, на разборе он увидел меня, подошел, поздоровался и говорит: «Все нормально, разведчик, это я от колонны далеко оторвался, а так бы ты меня хрен взял». А я про себя подумал, колонну мы бы из-за холмов да из пулеметов и ушли бы спокойно. На второй день в нашу засаду влетел и начальник разведки полка капитан Королев. Тот самый Королев, который до недавнего времени был командиром нашей дивизионной разведроты. Однако на «газике» наше немудреное препятствие он все же сумел объехать, водитель у него

классный. Конечно, наши БРДМ по сравнению с радийным газиком выглядят неуклюжими черепахами. Пришлось дорогу перекрыть БРДМ, но водитель и здесь оказался на высоте. Мы тогда ему вслед из пулемета холостыми патронами. Он остановился, вышел из машины. «Скрынников, ну как я вас кинул?» А я ему в ответ: «А как пулемет». Он рассмеялся, закурил. Некоторое время пробыл с нами, потом уехал в какой-то батальон. Мы с барханов проследили за его маршрутом, а когда стемнело, моя и группа Сулимова пешком всю ночь беспокоили оборону «противника». Провоевали всего трое суток. За свои бессонные ночи, проведенные на учении, заработали от генерала Калинина благодарность. На этом для нас учение закончилось, а шеф напомнил о порядке, который должен сохраняться во время совершения марша.

Из района учения мы своим ходом убыли в Фергану. Ближе к обеду наша колонна прибыла в автопарк. Здесь дежурный передал Череднику, чтобы тот срочно явился в кабинет полковника Симонкова, заместителя командира дивизии по воздушно-десантной подготовке. Пока Пидник руководил обслуживанием техники, вернулся и Чередник, причем в приподнятом настроении, мы это сразу подметили. «С завтрашнего дня начинаем подготовку к десантированию БРДМ из самолета «Ан-12». Месяц отвела нам Москва». В принципе, швартовку БРДМ мы, по крайней мере офицеры, давно освоили. Раньше эти занятия были обычным явлением программы боевой подготовки, а сейчас необходимо технику готовить по боевому, на десантирование. Тренировались с утра до вечера. Все же настал тот день, когда первую машину загрузили в самолет на десантирование. Это была машина моего взвода из учебно-боевой группы. За свою долгую службу она всего натерпелась. Побывала в арыках, горела, и вдобавок ко всему двигатель какой-то механик запорол. Вот и сейчас решили нацепить на нее парашюты и сбросить с самолета. Нас вместе с Чередником было четыре человека, которые должны были десантироваться вслед за БРДМ. Это было новшеством в войсках, тем более прыжок вслед за техникой.

Последние проверочные штрихи узлов крепления машины в грузовой кабине офицерами воздушно-десантной техники и полная готовность к полету. Люк закрылся. В грузовой кабине стало темно. Мы разместились в гермокабине, все сиденья в грузовой кабине перед загрузкой машины были убраны. Взлет. Пару кругов самолет сделал над Ферганой. Груз тяжелый, надо набрать необходимую для выброски высоту. Через иллюминаторы увидели на земле давно уже знакомые для нас ориентиры. Сейчас самолет будет заходить на боевой курс. По команде техника вышли в грузовую

кабину. Сиротливо стоит наша машина, вся увешенная грузовыми парашютами. Открывается люк, кабина наполняется светом, и сразу как-то становится уютнее. Мы подошли почти вплотную к машине. Вот сорвался и ушел под хвост самолета вытяжной парашют, и БРДМ стала медленно двигаться к люку. Мы идем вплотную за ним. И вдруг машина падает в бездну. Самолет, освободившись от груза, подпрыгивает вверх, нас моментально прижимает к полу кабины, еле удерживаемся на ногах. И тотчас дружно бросаемся за машиной. Пока проходила стабилизация падения и раскрывался мой парашют, успел проследить за процессом последовательности работы грузовых парашютов. Когда купола от рывка встряхнулись, около них образовалось целое облако пыли. Как мы ни старались тянуть стропы, боевая машина приземлилась раньше нас и очень благополучно. К месту приземления БРДМ подъехали офицеры из состава комиссии, среди них был и полковник Солнышкин из Москвы. Члены комиссии скрупулезно осмотрели парашютную систему и пришли к единому мнению: «Грузовые парашюты и узлы крепления в заводских доработках не нуждаются». Второй прыжок вслед за техникой для нас уже не был неожиданностью, особенно при выходе техники из самолета. На этот раз число людей было увеличено до шести, им заранее все подробно объяснили. Как только БРДМ стала проваливаться в бездну, мы ноги пружинили и более мягко почувствовали бросок самолета вверх. И тут же хором бросились под хвост самолета. На этот раз мы были совсем рядом с огромными куполами, внизу которых мирно раскачивалась БРДМ. И на этот раз все прошло гладко. Третья выброска была заключительным аккордом и прошла так же успешно, как и две предыдущие, что и позволило комиссии сделать положительное заключение о своей работе. Вот так мы, ферганские разведчики, первые из разведчиков Воздушно-десантных войск освоили десантирование БРДМ из самолета «Ан-12». В те годы на учениях десантировали только «АСУ-57», автомобили «ГАЗ-66» и «ГАЗ-69».

Только улеглись солдатские разговоры и шутки про десантирование БРДМ, роте снова доверили освоить еще одно новшество, связанное с людскими десантными парашютами: чтобы стабилизирующий парашют далеко не улетал от места приземления парашютиста, стали его привязывать к основному куполу. И парашютист после выполнения работы в воздухе больше самостоятельно не парил, а оставался с основным куполом. Вот эту тряпочную, но тогда очень нужную систему мы опробовали. Больше после приземления десантнику не нужно было бегать по всей площадке в поисках стабилизирующего парашюта. А как было

тяжело разыскать этот парашютик ночью. Иногда при дележке этого парашютика между десантниками происходили потасовки. Часто их порывами ветра уносило далеко, они терялись. Если взять эти потери в масштабе всех войск, то, по всей видимости, сумма была бы приличной. Мы много совершили прыжков с этим незатейливым приспособлением с разных высот.

Прыжки еще продолжались, а меня уже ждала приятная новость. Ротный в июле мне предоставил очередной отпуск. Кто составлял график отпусков, не знаю, но мне повезло. Правда, Ваньку взводного, как правило, в отпуск отправляли поздней осенью или зимой. Но радость вскоре прошла из-за долгих мытарств по вокзалу в поисках билета. По совету друзей набрался наглости и зашел к военному коменданту. Дал он мне бронь на билет, но только в общем вагоне. Я и этому был рад, но когда с трудом протиснулся в вагон, пришел в ужас. Все места заняты, проход завален мешками и тюками. Кое-как протиснулся в середину вагона и присел на краешек скамейки. Неужели так мне придется находиться в течение трех суток? Кругом духота, запах немытых тел и острых специй. Через некоторое время я сам стал потным. Доехал до Ташкента. Подошел к проводнику и попросил его найти спальное место. «Давай десять рублей», — и ушел в соседний вагон. Через несколько минут вернулся. «Забирай вещи, пойдем со мной». Сделал он мне место в плацкартном вагоне на верхней полке. Ну, это куда ни шло. Все же свое место. Вот в таких комфортных условиях доехал до Москвы. Далее проблем не было. Отпуск провел весело, погода была хорошая. Несколько дней погулял в Гомеле у своих родственников, а заодно купил билет до Ферганы. Из отпуска возвращался, как белый человек, в купейном вагоне, а через несколько дней со взводом убыл на полевой выход разведчиков.

Как и раньше, разведывательные подразделения дивизии сосредоточились в учебном центре. Первые два дня были соревнования между разведподразделениями, на этот раз достаточно жесткие. По словам Пантюшенко, подготовка разведчиков заметно улучшилась. Отсюда и результат соревнований. На мой взгляд, летний полевой выход был несколько труднее, но и намного интереснее зимнего. Через два дня подразделения, выполняя учебные задачи, двинулись в сторону гор. Маршруты разведывательным группам планировались таким образом, чтобы избегать пересечения бахчевых плантаций. Но беда состояла в том, что их в Ферганской долине было великое множество. Сблазн был настолько велик, что крюк в два-три километра для молодых и здоровых парней ничего не составлял. Конечно, чтобы избежать скандалов с местным

населением, старались на бахчевых плантациях не вредничать. Кишлячные узбеки сами угощали солдат, но для некоторых угощение было неинтересно. Хотелось взять не то, что дают, а то, что нравится. Да и Пантюшенко за самовольное отклонение от маршрута по головке не гладил. Поэтому, проходя около бахчи, мы старались работать осторожно, «побоевому». Вели наблюдение, устанавливали место сторожа, а затем делали свое черное дело и старались скрытно уходить. Выходили на свой маршрут и продолжали друг с другом «воевать». Когда возвращались на базу, солдатскую кашу разнообразили дынями, арбузами и виноградом. Жалоб на нас от местного населения не поступало, по крайней мере нам старшие начальники об этом не напоминали.

Отработав тактические занятия в пустынной местности, мы постепенно втягивались в предгорье, в течение нескольких суток проводили занятия на этой местности. Затем поднимались выше в горы. Разведчики чирчикской и ошской рот размещались лагерем перед входом в ущелье на живописном пятачке. Выше по ущелью в районе полутора километров размещался альплагерь «Дугоба» союзного значения. Вот рядом с этим лагерем, только на противоположном берегу бурной горной речки, разбили лагерь мы и разведчики ферганского полка. Вокруг лагеря высокие, красивые горы, поросшие арчовыми рощами, а если смотреть на юг ущелья, увидишь высоченные горы со снежными шапками и ледниками. Вот в этих красивых местах занятия с нами проводили настоящие мастера альпинизма. Этому есть своя предыстория знакомства разведчиков и альпинистов. В свое время альпинист, офицер-десантник Сентищев свел разведчиков и альпинистов. Сам он не один отпуск провел в горах. Идея организовать с разведчиками занятия по горной подготовке командованию дивизии понравилась. На первых полевых выходах в горах он сам активно проводил занятия с разведчиками. Позднее он передал, а если быть более точным, переложил на плечи альпинистов подготовку разведчиков для действий в горных условиях. Сам уже будучи офицером оперативного отдела штаба дивизии, Сентищев был загружен разработкой штабных документов, и для любимого дела времени практически не было. Заочное обучение в Военной академии им. Фрунзе также не оставляло свободного времени. Поэтому горы на неопределенное время пришлось отложить, но видеть он их мог каждое утро, идя на службу. Правда, издалека. Это были горы со снежными шапками и ледниками. Разведчики ему были благодарны за то, что он свел их с такими замечательными и так нужными для военного дела людьми. Это были, как мне тогда на первый взгляд казалось, больные горами люди. Позднее мои взгляды изменились. Этих

бескорыстных, преданных своему делу людей мы уважали долгие годы, правда, в конце семидесятых произошли всем известные афганские события, которые, в нашем большом сожалении, и поставили точку в занятиях по горной подготовке.

Так вот занятия с нами проводили мастера альпинизма, начальник альплагеря Несповитый, альпинисты Балинский, Семенов, Кузнецов и Крылов. Все, кроме Несповитого и Семенова, проживали в других городах Советского Союза. В основном они были преподавателями в высших учебных заведениях, а Кузнецов занимал должность директора Рижского судоремонтного завода. Каждый год они приезжали в лагерь, где и совершенствовали свое мастерство. Эти люди с большим удовольствием передавали свой богатый, накопленный годами опыт молодым альпинистам. Учили и нас азам горной подготовки. С большим терпением, доходчиво они рассказывали, показывали, как нужно вязать узлы, вбивать крючья в горную породу, как оказывать страховку товарищу, а также учили другим премудростям поведения в горах. В конце обучения они вместе с нами совершали восхождение на не очень сложную вершину. Как правило, утром уходили, а к вечеру возвращались в лагерь. Они все имели титул «снежный барс», это очень круто для альпиниста.

У альпинистов было еще одно хорошее качество. Они всегда стремились к конечному результату. Будь это группа солдат или новичков в горах. Учебные точки были недалеко от лагеря. На них и отрабатывались учебные вопросы. Неподготовленным или несдавшим зачеты путь в горы был заказан. Многие новички рвались в горы, как герой в бой. Для многих из них горы станут любимым местом проведения отпуска. В один из учебных дней я был свидетелем следующего. Занятие с разведчиками подходило к концу. Несповитый подошел к Пантюшенко со следующими словами: «Игорь Григорьевич, на мой взгляд, это занятие надо завтра повторить. На занятии было мало горного снаряжения, один занимается, а остальные смотрят и ждут своей очереди. К вечеру в лагерь спускаются две группы альпинистов. Вот их снаряжение возьмем для обеспечения завтрашнего занятия». Разве шеф мог отказаться от такого предложения, которое идет только на пользу разведчикам. «Твою идею, Валерий, поддерживаю двумя руками», — ответил Пантюшенко.

В это время снизу послышался надрывный гул автомобиля, который медленно полз наверх и приближался к нашему лагерю. «Старшина везет продукты из Ферганы», — глядя на автомобиль, сказал Факаев. Через некоторое время автомобиль с трудом поднялся в лагерь. Работавшие на кухне солдаты приступили к разгрузке. Старшина Волков доложил шефу о

прибытии, а также сообщил новость — в сентябре в дивизии будет инспекция из Москвы. «Наверно, здорово им нравится осенью в Фергане», — сказал ротный. «Еще бы, все созрело», — подтвердил Чередник.

И — о чудо! — рядом с нашим лагерем по тропе спускаются загорелые и запыленные альпинисты. У каждого за спиной огромный рюкзак. Среди них и девчонки, всего около двадцати человек. Увидев Несповитого, они остановились. Старшие групп подошли к нам и рассказали Несповитому о тех задачах, которые были отработаны на маршруте в течение трех суток. У альпинистов был закон: от утвержденного маршрута отклоняться запрещается. Начальник альплагеря подошел к альпинистам и задал несколько интересующих его вопросов. Получив положительные ответы, попросил их снять снаряжение и передать разведчикам. Альпинисты аккуратно сложили горное снаряжение в свободную палатку и продолжили путь в лагерь. Дело подходило к ужину. Пантюшенко пригласил Несповитого и Балинского к разведчикам отведать солдатской каши. «Старшина, возражать не будешь, если несколько ртов на ужин добавится». — «Нет, они же заработали ужин». К этому времени из нижнего лагеря разведчиков подошли Крылов и Семенов. Несповитый у них поинтересовался, как в нижнем лагере прошли занятия. «В пределах нормы, но завтра еще прихватим несколько комплектов горного снаряжения и продолжим занятие», — ответил Семенов. «Мы тоже завтра повторим занятие», — сказал им начальник.

Вот такая была степень ответственности у инструктора-альпиниста. Их школа чем-то смахивала на военную. Занятия по горной подготовке продолжались еще несколько Дней. Когда все темы были отработаны, настало время провести комплексное занятие. Утром все четыре разведроты, возглавляемые нашими учителями-альпинистами, длинной вереницей стали подниматься на гору с названием Урожайная. Должен признаться, не так уж легко было идти вверх. Подъем затянулся часов на пять. Наверху немного отдохнули, осмотрелись и удивились той красоте, которая открылась перед нами. Казалось, те далекие, красивые горы со снежными вершинами и ледниками, вот они совсем рядом, только протяни руку, хотя на самом деле до них было далеко. Мы видели, где заканчивалось ущелье и открывалась широкая долина, вся в зелени и дымке. В горах, поросших арчой, паслись козы. Внизу виднелся лагерь и речка. Насмотревшись сверху на эту красоту, мы вспомнили, что надо спускаться. И опять, петляя по тропинке, начали спускаться вниз. К слову сказать, спуск не намного легче подъема. Надо себя уметь тормозить и не

цепляться за малые камни, которые летели вниз с огромной скоростью. То и дело были слышны крики: «Берегись! Камень». Все останавливались и смотрели, как летит с бешеной скоростью камень, при ударе о породу разбиваясь, как разлетаются в разные стороны осколки. Падающий камень опасен для тех, кто внизу. Однако на спуск времени ушло значительно меньше, чем на подъем. Вернулись мы в лагерь, прямо скажу, уставшими. На следующий день распрощались со своими учителями, свернули лагерь и ушли вниз по ущелью и далее до Ферганы. Вспоминается один случай, который заставил меня поволноваться, да и не только меня, а весь взвод. Разведгруппа по радио получила задачу изменить район разведки. Двигались в темное время суток. На одном из участков маршрута встретился кишлак. Обойти его в ночное время было делом трудным — за огородами шумела горная река, а с другой стороны начиналось заливное хлопковое поле. Я не стал рисковать и повел группу через кишлак. Надо же было такому случиться, чтобы нам попался на пути русский колодец. Мы притомились уже изрядно, решили попить воды и фляжки пополнить. Отошли от колодца метров двести, и тут сержант Шкарупа говорит: «Товарищ лейтенант, я около колодца оставил автомат». Меня от услышанного, словно молнией, пронзило. Разведчики тоже хором ахнули. Развернул группу, что есть духу помчались к колодцу. Какое счастье, автомат лежал там, где его неосторожный хозяин оставил. Когда мы бежали к колодцу, я, конечно, думал о худшем и представлял, как меня пытаются особисты, обвиняют в халатности и как мне будет стыдно за утерю оружия перед шефом, товарищами. Пришлось пережить многое. Тем не менее этот неприятный для меня случай послужил хорошим уроком на будущее. Доверяй, но проверяй. По прибытии из гор узнали новость, от которой мы, холостяки, ужаснулись. Сгорела столовая военторга, в которой холостяки, и не только мы, который год питались. Ну и где же нам сейчас есть? Не быть же вечными ответственными по роте. Пришлось посещать кафе в доме офицеров. Свободного времени не оставалось совсем. Стали мы с Николаем подыскивать себе другое жилье. Лена обратилась к подруге по школе, та посоветовала небольшой двухкомнатный домик. Плата была умеренная, но все равно несколько выше, чем у прежних хозяев. Но нас вполне устраивало другое, рота недалеко, кафе рядом и, самое главное, до центра города близко. Тетя Шура была расстроена. Ей казалось, что нам у нее не понравилось. С большим трудом мы ее убедили, что столовая всему виной. Она потребовала от нас, чтобы мы каждый выходной навещали их. Людмила горькими слезами заливалась, пока хозяйка охала да ахала, мы с ней уединились в комнате. Я ее немножко приголубил, и она совсем

успокоилась. А дядя Ваня от расстройства принес два графина вина, и, пока мы их не опустошили, из дома не отпускал. Когда мы уже с Николаем выходили из дома, Людмила меня задержала: «Скажи, только честно, ты будешь к нам приходить?» — «Буду, буду», — говорю ей. Она поверила. Мы действительно иногда заходили к ним в гости с цветами. Как-то после занятий ротный нас спрашивает: «Проверку на «отлично» сдадим?» — «Надо бы», — ответили мы. «Что это за ответ, да с таким настроением тяжело будет высокую оценку получить», — возмутился командир. «Комиссия через день прибывает в дивизию», — добавил он.

Через два дня к нам в роту вместе с шефом зашел рослый полковник. Дневальный орет: «Рота, смирно!» Все засуетились, еще бы, начальник разведки Воздушно-десантных войск, полковник Борисов. В беседе с офицерами он произвел хорошее впечатление. Требования к проверке объяснил вполне нормально, без резких выпадов и угроз. Одним словом, как он нас настроил на проверку, так мы ее и сдали — на «отлично». Довольным оказался наш шеф, и не только он. Порадовали мы своим результатом и генерала Калинина, полковника Добровольского. После проверки пошли слухи. В дивизионке опять будет продвижение по службе. Да, продвижения и новые назначения были, но только после Нового года, а он был не за горами, а до этого произошло несколько событий. Первое — женился Кожушкин. На свадьбу я пришел с Леной. Людмиле это, как мне показалось, не очень понравилось. Хотя она разговаривала со мной очень мило, даже целовала в темноте и усиленно приглашала в гости. Потом женился Факаев. У нас же с Леной стали складываться более или менее серьезные отношения. Мы чаще стали встречаться, вместе бывать на людях. Новый год с ней снова встречали вместе. Одним словом, стали настоящими друзьями. Прошло несколько дней после новогодних праздников, и меня вызывают в штаб дивизии к полковнику Добровольскому. Перед этим мне было велено зайти к шефу. Пантюшенко говорит: «Вчера я был у Добровольского, он хочет, чтобы ты принял парашютно-десантную роту в Чирчике. Пока идем к нему в кабинет, думай». Тогда я еще не знал многих армейских нюансов. Например, в армии предлагают должность, как правило, один раз. Второй могут и не предложить. Эта участь меня миновала. В кабинете начальника штаба дивизии присутствовал начальник кадровой службы дивизии подполковник Белявский. Они справились о моем здоровье, как я команду взводом, какую оценку получил взвод за проверку. Я думал, что они о моих успехах ничего не знают, и стал рассказывать. Выслушали мой рассказ фронтовики, как я тогда подумал, с большим интересом. После всего сказанного

полковники предложили мне новую должность, о которой накануне сказал Пантюшенко. Я был не готов к такому повороту и честно об этом сказал. Еще рассказал, что мы с личным составом взвода решили к майским праздникам быть первыми в роте. Вот последнее их убедило настолько, что они мне по-отцовски пожелали успеха и отпустили с миром. Уже закрывая за собой дверь кабинета, я услышал голос Белявского: «Нам обязательно нужно подыскать офицера на должность командира роты». Через несколько дней по рекомендации Добровольского командиром парашютно-десантной роты в ферганский полк назначается Чередник, а меня назначают на должность заместителя командира дивизионной разведроты. Где-то через неделю Сулимову предложили поехать в Чирчик и принять роту, от которой я недавно отказался. Моя служба началась в новом качестве. Я стал ответственным за боевую подготовку роты, да и не только за подготовку, но и за технику, которая была на вооружении роты. Мой взвод принял лейтенант Качанов, который прибыл в роту из Чирчика. Ротного на месте не было, пришлось мне нового лейтенанта познакомить с личным составом взвода, а вернее, передать взвод из рук в руки, как когда-то этот взвод передал мне Чередник, затем показать, где находится парк и техника взвода. На следующее утро продолжил знакомить с учебным центром и районом, где обычно разведчики занимались тактической подготовкой. Знакомство проходило в комплексе с занятием. Лейтенант сам по себе был неплохим спортсменом. Позднее он будет включен в состав сборной команды дивизии. На первых порах для разрешения каких-то внутренних проблем ко мне по старой привычке часто обращались мои бывшие подчиненные, старался им помочь. Однажды в роту зашел Пантюшенко и спросил меня, как бы проверяя мою компетентность: «По программе боевой подготовки предусмотрено вождение БРДМ на плаву?» — «Так точно». — «А когда будем проводить занятие?» — «Когда прикажете». — «Помнишь озеро, когда едешь в сторону Риштана? В прошлом году на разведвыходе около него была база нашей роты, вы рыбу там ловили». — «Конечно, помню». — «Завтра надо будет туда проехать. Проверь берега, вход и выход из воды. О результате обследования озера мне расскажешь, а занятие надо готовить на конец месяца». Озеро само по себе красиво вписывалось в местный ландшафт. Берега были не заболочены, а в двух местах твердый песчаный грунт, и, самое главное, много рыбы. По прибытии в роту о результатах инженерной разведки доложил шефу, к устному докладу приложил схему местности. Не стали откладывать в долгий ящик подготовку столь важного занятия. На следующее утро механики-водители начали готовить технику, но не забывали про удочки и

всякие рыболовные снасти. У Пантюшенко в штабе друзей, которые увлекались рыбалкой и охотой, полно. Заявок от офицеров посетить это озеро было хоть отбавляй, лишь только они узнали, что на озере готовится занятие. Когда подготовка к занятию была завершена, я с механиками-водителями заранее выехал на озеро. Рядом разбили небольшой палаточный лагерь. Жить в нем нам предстояло в течение двух или трех суток. На следующее утро подъехал начальник разведки, а через некоторое время появились и рыбаки. Кто на машинах, кто на мотоциклах. Одним словом, облепили все озеро. К занятиям все было готово. Машины стояли на исходном положении. Оцепление и команда спасателей тоже были в готовности номер один. «Подождем немного, должен подъехать зампотех дивизии, полковник Рабинович, — сказал Пантюшенко, — он тоже заядлый рыбак». Вскорости подъехал полковник. Оказывается, он привез сеть для ловли рыбы.

Настала торжественная минута входа БРДМ в воду. Непросто, чтобы плавать, а еще попутно и рыбку поймать сетью. Вот первая машина, тихонько урча двигателем, стала медленно входить в воду. Плавно закачалась на воде и по инерции поплыла. Включились водометы, управляемая машина двинулась вперед по водной глади озера. Я находился на крыше БРДМ, сверху наблюдал, как от волноотражателя в разные стороны расходятся небольшие волны. Примерно как от моторной лодки на самом малом ходу. Скорость на плаву небольшая, всего около шести километров. И все же было интересно смотреть, как медленно удаляется берег, как машина подплывает к бую и, делая плавный разворот, берет курс к берегу. В эту минуту чувствуешь себя морским капитаном. Подходим к берегу, машина медленно выходит на сушу. Контрольный заплыв прошел удачно. Команда: «Работаем по полной программе». Рыбакам не терпелось завести сеть двумя БРДМ. Минут через пять после того, как последний механик-водитель выполнил задачу и вывел машину на берег, две машины были готовы с сетью (длина метров сто) войти в воду. Специалисты рыбной ловли давали последние советы тем, кто был сверху. БРДМ один за другим вошли в воду. Первая машина, описав круг метров сто, начинает подходить к противоположному берегу. Другая метрах в пятидесяти сзади. А с берега наперебой толпа рыбаков дает советы. Одни орут: «Давай левее», другие: «Давай правее». Одним словом, на берегу шум, гам, к ним присоединились местные жители, которые в жизни ни разу не видели, чтобы железяка плавала. Наконец машины стали медленно выползать на берег. Все бросились к сети и стали поддерживать, чтобы она не запуталась. Ожидали огромного улова, но в сети поблескивало около десятка небольших карпов.

Однако все знали, что в озере полно большой рыбы. Попробовали еще раз пройти по озеру. Результат тот же. Конечно, водометы распугали рыбу. Ворча и обсуждая неудачу, разошлись по всему берегу и стали забрасывать удочки. Через некоторое время натаскали приличное количество карпов и сазанов. Мы приступили к обслуживанию техники, а повар принялся потрошить рыбу, готовить на ужин уху. Желающих отведать ухи было достаточно. В этот вечер около костра я наслушался всяких баек и анекдотов про рыбалку. Рыбаки травили анекдоты до самой зорьки, а потом разошлись по своим насиженным местам. Утром все же решили первые машины запустить с сетью. На этот раз рыба не ушла к берегу. Когда машины вышли на берег, и рыбаки стали поддерживать сеть, мы от удивления ахнули при виде множества очень крупной рыбы. Второй заход, как и вчера, был пустой. Пантюшенко затею с сетью прекратил, и мы стали отрабатывать учебный вопрос. На этом занятии механики-водители приобрели отличные навыки вождения техники на плаву. Домой возвращались не только с отличной оценкой, но и с приличным уловом. Большую часть рыбы отнесли в столовую, и вечером солдаты с удовольствием ели уху. Мне тоже достались два больших карпа. Вечером мать Лены вкусно их приготовила и подала на стол. Пришлось им за ужином рассказать про рыбалку и про то, как мы отрабатывали на боевой технике вождение на плаву. При этом железная техника плавала, как катер, только более медленно.

По прошествии некоторого времени, возвращаясь к себе в роту из штаба дивизии, на территории военного городка встретил Чередника. «Привет». — «Привет». Смотрю, он в плохом настроении. «Толя, что-то случилось?» — «У меня в роте чрезвычайное происшествие. Несколько дней назад сержант Гридяев, замкомвзвода третьего взвода, зарекомендовавший себя только с положительной стороны, совершил преступление. Хорошо, что в партию не успел вступить, целыми днями кланчил рекомендацию у комбата. Ночью добрался на попутной машине до кишлака Акпиляль, застрелил из ПУСа (приспособление для учебной стрельбы) малолетнюю девочку и старика. К подъему личного состава был уже в роте. Дежурный по роте видел, как Гридяев в умывальнике смывал с обмундирования кровь, но не придал этому значения. И как только след преступления потянулся в полк, а следователи стали отрабатывать свои версии, вспомнился эпизод со следами крови на обмундировании. Дежурный сержант все рассказал, что видел в то страшное утро. Взяли подозреваемого в оборот. Сначала, как водится, сержант все отрицал, а потом под неопровержимыми уликами стал давать показания». —

«Слушай, Толя, а откуда у сержанта такие знакомства в кишлаке? Он что, местный?» — «Он к бабаю заглядывал не первый раз. Часто бегал к нему, когда мы выходили на учебный центр. Там ведь совсем рядом. Аксакал ему наркотики и водочку преподносил, разумеется, не бесплатно. Последний раз, по всей видимости, получился перебор. Вот и стал сержант приставать к девчонке. Старик за девочку вступился, он его и застрелил. Затем хладнокровно убрал свидетеля, но перед этим изнасиловал. Это то, что я знаю, а точку в этом деле поставит следствие. Понимаешь, Миша, рота на хорошем счету у командования полка, а как сейчас пойдут дела, не знаю». Мне оставалось лишь успокоить товарища. На этом мы и разошлись, он — к следователю, а я — в роту. В роте рассказал офицерам о неприятностях, которые возникли у Чередника. Ротный в ответ: «Комендант нам на Первомайские праздники тоже подлянку подкинул. На праздники запланировал для роты шесть патрулей по городу», — и показал график дежурств, утвержденный начальником гарнизона. Прошло еще несколько дней напряженной боевой учебы, подошли майские праздники. К этому празднику несколько разведчиков за высокие показатели в учебе были представлены к отпуску с поездкой на родину, а также за первые места во время проведения соревнований на полевом выходе разведчиков. Одним словом, стимул у разведчиков был, они стремились им воспользоваться.

На майские праздники, как всегда, народ веселился, а мы патрулировали по городу, вместе с милицией обеспечивая общественный порядок. Я, как заместитель ротного, имел право выбора маршрута, мы стали патрулировать центральную улицу Ферганы. Май, самый красивый месяц в Ферганской долине. Свежая листва, много цветов, и, самое главное, еще нет той изнурительной жары, от которой не знаешь, куда себя деть. В этот день в городе было много знакомых лиц. Встречались и высокие начальники. Несмотря на то что они были в гражданском, мы их приветствовали по-военному, мне казалось, им это нравится. В празднично разодетой толпе мелькнуло знакомое лицо — Людмила. Я отошел на край тротуара и стал поджидать ее. Она была не одна, с подружкой и с каким-то парнем. Вся сияющая подошла ко мне, поздравила с праздником.

Я ответил ей тем же, справился о здоровье родителей. «До нас дошли слухи, что ты тоже женился, поздравить тебя можно?» — «Можно». Еще несколько минут поболтали и разошлись, она меня пригласила в гости. В гарнизоне солдаты были заранее предупреждены командирами, что в городе службу несут разведчики, поэтому те из солдат, сержантов, кто нам встречался, были по форме одеты, вели себя прилично.

Вот на такой ноте закончился праздник, а потом снова начались

рабочие будни боевой учебы. Так прошло пару недель, не больше. Опять комендант прицепился к роте, словно клещ, и к обычному патрулированию добавил еще караул. Надо заступать на службу, правда, это был не выходной, а обычный рабочий день. Заступил помощником дежурного по караулам. За нарушителями воинской дисциплины пришлось выезжать довольно часто, но к полуночи гарнизон успокоился. Домой пришел далеко за полночь. Лена говорит мне: что-то я чувствую себя нехорошо. Как мог ее успокоил, а рано утром пришлось вызывать «скорую». Одним словом, отвезли ее в роддом, а сам ушел продолжать службу по гарнизону. В это утро в комендатуре была настоящая суматоха. Бесконечные телефонные звонки, выезды на маршруты к патрульным, да и комендант через каждый час строил нас по делу и без дела. В общем, большая круговерть. И вдруг звонок, поднимаю трубку, представляюсь. В ответ голос тещи: «А совесть у тебя есть, ты про жену помнишь?» Меня словно кипятком облили. Да ведь Лена в роддоме, а я из-за этой суеты совсем забыл про свою родную. «Как она там?» — «Сына тебе моя дочь родила». Вот это да! Я в машину и в роддом. Уточнил, где ее палата. «Лейтенант! К ней сейчас нельзя, освободите помещение», — и врач вежливо выпроводил меня во двор, но все же этаж и окно показал. Вычислил нужное окно, кричу: «Лена...» Через пару минут за стеклом увидел жену. Она мне жестами указывает, чтобы я уходил. Еле дождался конца смены, но разведчикам все же похвалился. Вечером Валентина Тихоновна рассказала мне про вес, рост своего внука. На следующий день снова в больницу, опять жену увидел только в окне, а вечером, когда грудничков раздали для кормления, Лена поднесла сына к окну. Издалека толком и не рассмотрел. Возвращаясь из роддома, встретил Люсю и Володю, наших друзей, поделился радостной вестью. По дороге зашли в ресторан и, как водится на Руси, выпили за здоровье жены и сына.

В этот период международная обстановка в связи с событиями в Чехословакии была сложной. С весны наша дивизия находилась в состоянии готовности для применения в Чехословакии, нас, офицеров, надолго из расположения не отпускали. Десантники не одни сутки просидели в парашютах на аэродроме. Вот в такой сложной политической обстановке через несколько дней отпросился у ротного, чтобы из роддома жену и сына домой забрать. Приехал на такси. Таксист сказал: «Буду ждать не больше пяти минут». Конечно, жене еще было тяжело, собиралась медленно. Я сына держал на руках и поторопил ее. Она промолчала, но понял, что обидел ее. Ну, не было у меня еще жизненного опыта, тем более в ушах слова ротного: «Одна нога там, другая здесь. Если улетим без тебя, знаешь, что тебя ждет?» Да на сегодняшний разум ни хрена бы и не было, а

тогда по молодости много было непонятного. Подъехали к дому, теща вышла навстречу. Передал ей внука и на этом же такси пулей на аэродром. На аэродроме упаковывают парашюты в сумки, грузят на машины. Отбой вылету. Позже узнали, наша братская Витебская дивизия за нас и за себя в Чехословакии порядок наводила. Со своей задачей справилась на отлично. По возвращении из Чехословакии десантников в Витебске встречали как героев, с цветами. Вечером дома жене помогал искупать сынулю, а он глазки зажмурил и лежит тихонько в теплой воде. Стали прикидывать, на кого сын похож. Я говорю, на меня. Нет, надела, твердят женщины, то есть отца Лены. «Ну ладно, главное, не на соседа», — съязвил им в ответ. Через несколько Дней Лена заболела. Все переполошились. Вызвали «скорую», вместе с сыном отвезли в больницу. Заболевание было серьезным, но все обошлось благополучно. Я снова был занят службой, и жену с сыном домой привезли без меня. Одним словом, по службе складывалось все хорошо, а вот муж и семьянин я был пока никудышный. Тем не менее время шло, наш сын подрастал. Произошли перемены в разведывательной роте. Пидник приказом командующего Воздушно-десантными войсками был назначен командиром парашютно-десантного батальона в ферганский полк. Командиром роты стал Чередник. Через несколько дней в Белорусский военный округ убыл Кулевич, на его место был назначен Агузаров. К этому времени мне и Вадиму присвоили воинское звание «старший лейтенант». Убыли в Сухопутные войска по состоянию здоровья замполит Дрыженко и взводный Факаев. Новым замполитом стал Мацапура. На эти серьезные перемены, которые произошли в командном звене роты, обратил наше внимание Пантюшенко и добавил: «Новая метла должна мести только на «отлично». Вы меня поняли, товарищи офицеры?» Мы выразили полную солидарность с шефом и продолжали усиленно заниматься боевой подготовкой и одновременно готовиться к полемому выходу разведчиков.

В один из дней, накануне прыжков из самолета «Ан-12», подошел к Череднику, спросил у него: «Как быть с разведчиком Кривых?» Был у нас в роте один разведчик, и физическая подготовка, и тактическое мышление на полевых занятиях в порядке. А вот когда дело доходило до парашютных прыжков из самолета «Ан-12», Кривых становился непохож сам на себя. Боялся прыгать именно из этого самолета, а вот из самолета «Ан-2» совершал прыжки без проблем. Этот большой самолет чем-то его отпугивал. В роте по этому поводу, понятно, были разные мнения. Одни успокаивали его, другие насмехались, а третьи просто считали трусом. Конечно, его состояние мы, офицеры, понимали. Он здорово переживал,

все время настраивал себя на прыжок. Вот и представилась ему еще одна возможность испытать себя. Через день рота была на аэродроме. Руководитель прыжков определил нам самолет. Разведчики быстро и без суеты заняли свои места в указанном самолете. Кривых по весовой категории был где-то в первой десятке и занял место недалеко от ramпы. Самолет набрал нужную высоту, вышел на боевой курс. Кривых вел себя спокойно, не паниковал. Открылся люк, грузовая кабина наполнилась светом. Все приготовились, приготовился к прыжку и наш герой. Десантники ждали команды: «Пошел». Первые по команде ринулись вперед, устремился за ними и Кривых. Добежал до люка, резко развернулся, ухватился руками за разделитель потока и повис на руках в хвосте самолета. Естественно, бежавшие за ним вынуждены были остановиться и, чтобы не сорвать десантирование, выпускающий начал выброску левого потока. Чередник с трудом освободил руки Кривых от разделителя потока и вместе с остатками разведчиков и с «героем» оставил самолет. Группа приземлилась далеко за границей площадки приземления, почти около стрельбища. Вся рота поздравляла разведчика, как будто он совершил первый в своей жизни прыжок. По крайней мере из самолета «Ан-12» действительно первый. Кривых переборол себя и последующие прыжки совершал без особого проявления страха.

Однажды во время проведения занятий по огневой подготовке меня подзвал шеф и спросил, как я отнесусь к предложению занять должность помощника в его службе. Я ответил положительно, после окончания полевого выхода занял рабочий стол в кабинете начальника разведки дивизии. В круг моих обязанностей, кроме прямых, входило планирование боевой и политической подготовки дивизионной разведроты. Поначалу все было в новинку, но через месяц встало на свои места. На полевым выходе я выступал уже в новом качестве.

С каждым годом отбор солдат в разведподразделения проходил более принципиально. Командирам рот предоставлялось право отбора солдат в своих полках, а в дивизионную роту со всего пополнения, предназначенного для Укомплектования дивизии. Каждый последующий выход становился более качественным. В программу соревнования ввели борьбу самбо и бокс с учетом всех весовых категорий. Судейский состав стал более профессиональным. В состав комиссии включили начальника физподготовки дивизии. Продолжительность соревнований увеличили до трех дней. Это были очень жаркие денечки для соревнующихся и болельщиков.

Кончалось очередное лето. Ослабела жара. Нам, славянам, стало.

намного уютнее. Ушла из квартир и домов ночная духота, которая одинаково мучила взрослых и детей. Те, кто жил в домах индивидуальной застройки, летом были в более комфортных условиях, чем те, кто жил в многоэтажных коробках. Лишь узбеки чувствовали себя в такую жару прекрасно. Национальный стеганый халат, сапоги и тюбетейка — необходимый атрибут одежды как зимой, так и летом.

У тещи дом индивидуальной застройки, в свое время тесть, будучи начальником гарнизона, получил это жилье. Дом был большой, много комнат и много воздуха. Одна кухня чего стоила. К дому была пристроена роскошная, открытая веранда. Каждую весну натягивал нитки от земли, по которым хмель поднимался до самой крыши, к концу мая веранда полностью закрывалась хмелем. Мы там вечера коротали, а если не поленишься да полить пол веранды и хмель из шланга водой, это — высший класс. На этой же веранде в детской коляске спал наш маленький сын под пристальным присмотром бабушки. Она его очень любила. И если положить руку на сердце, она его и воспитывала. Теща по образованию была педагогом, вот и вложила и знания, и душу в любимого внука. В четыре года Гена по слогам читал названия кинофильмов и вывески на магазинах.

В Фергане я уже находился четвертый год и тоже немного приспособился к жаре. Самое главное — с утра не пить воду, а если сорвался, будешь пить, пить и не утолишь жажду, а соблазн сорваться был. Каждое утро где-то часам к десяти в военный городок к магазину военторга привозили бочку с прохладным и до того вкусным морсом, что в жару не было сил затормозить себя и волей-неволей иногда кружку выпивал. Вкуснее того напитка за всю службу испробовать не пришлось. А раз выпил, как будто бы стоп-кран сорвал, и понеслось. Всю дорогу хочется пить. Вот и пьешь, а вода только потом выходит. Свой обеденный перерыв (летом жена с сыном уезжали в Ленинград на родину тестя или на Украину — родину тещи) я старался проводить в полковом бассейне. Бассейн был единственным в городе, и желающих попасть было хоть отбавляй, но городок был закрытой зоной. Бассейн для солдата — верх блаженства. До десантников в Фергане дислоцировалась школа младших авиаспециалистов по обслуживанию бомбардировщиков «Ил-28». Так вот отец моей жены, полковник Дмитриев, и был начальником этой школы. Под его руководством и велось строительство этого самого бассейна. Однажды в горах при проведении учебного полета разбился бомбардировщик. Как в таких случаях водится, приехала комиссия, ее возглавлял командующий ВВС Туркестанского военного округа, генерал Каманин. У Каманина было

стрессовое состояние, но он с группой офицеров пошел в горы. Сердце не выдержало большой нагрузки, и он на руках подчиненных умер. Врач, бывший с ними, помочь ничем не смог. Вскорости некоторые факультеты школы расформировали, а другие перевели в центральную часть Советского Союза.

В городе было озеро, но народу там всегда тьма. Контроль за состоянием качества воды практически не осуществлялся. Раз в месяц набрасают в воду хлорки, вот и вся профилактика.

В одну из пятниц на служебном совещании командир дивизии, а им уже стал генерал Добровольский (генерал Калинин к этому времени уехал в одну из стран Африки военным советником), довел до офицеров информацию. В середине сентября нас снова проверяет комиссия из ВДВ. Командующий по телефону предупредил, что его офицеры в дивизии проверяют все от и до. Поэтому к проверке надо начинать готовиться не завтра, а сегодня. «Жигульский, за моей подписью в полки и отдельные части подготовь телеграмму о предстоящей проверке». До этого Жигульский был командиром чирчикского полка, говорили о его крутом нраве. От услышанной информации мы были не в восторге.

Сразу же после совещания шеф мне говорит: «Пойдем в роту, по пути зайдем в нештатную разведроту полка». Ротой командовал Обручнев, он оказался на рабочем месте. Пантюшенко перед началом разговора отчитал его за внутренний порядок, затем перешел к существу вопроса. Обручнев дал слово, что рота проверку сдаст на «отлично». «Дай бог», — сказал шеф и пожелал разведчикам удачи. В дивизионной разведроте нас уже дожидался Чередник с офицерами. Пантюшенко, не тратя время на пустые разговоры, сразу приступил к составлению плана: что надо в роте сделать за оставшиеся до начала проверки дни.

В один из осенних дней на аэродроме приземлился самолет, прилетело высокое начальство из Москвы. Часа через два штаб дивизии наводнили генералы и офицеры командующего ВДВ. В кабинет зашел начальник разведки ВДВ, полковник Борисов, он нам был знаком по прошлому году. Игорь Григорьевич представился ему, а за ним поочередно и мы. Борисов выслушал доклад Пантюшенко о положении дел в разведывательных ротах дивизии, но, чувствовалось, его больше интересовало состояние дел в дивизионной разведроте. Кто командир роты, укомплектованность роты офицерами, сержантами и специалистами? Оно понятно, полковые роты проверялись по плану проверки полков, а дивизионная рота по плану начальника разведки ВДВ. В этот же вечер московский шеф посетил роту, побеседовал с офицерами и солдатами. По мнению Пантюшенко,

московский начальник остался доволен встречей с разведчиками. Беседу с солдатами он вел ровно, как и полагается начальнику высокого ранга. Борисов как руководитель разведки ВДВ нам понравился.

Проверка, как правило, начиналась со строевого смотра частей и спецподразделений дивизии. На смотре можно было, если повезет, заранее получить благосклонное отношение комиссии, но не ко всем подразделениям, а только к тем, кто отличился при прохождении торжественным маршем с песней. Разведчикам удалось обратить на себя внимание Маргелова. По окончании строевого смотра командующий войсками объявил благодарность дивизионным разведчикам и саперной роте полка. Эта благодарность была задатком для получения подразделением высокой оценки. На следующий день разведчики должны были держать экзамен по огневой подготовке. Выехали на стрельбище заранее, чтобы организационно получше подготовить к проверке. Пока ожидали приезда Борисова, еще раз все необходимое по теории повторили. Нас предупредили, чтобы не было лишних боеприпасов. Напомнили не менее важный вопрос при стрельбе — соблюдение мер безопасности. Шеф поручил мне контролировать готовность смен к стрельбе и организацию занятий в тылу огневого рубежа. Наконец показался «газик» проверяющего. Пантюшенко доложил ему о готовности разведчиков к стрельбе. Полковник Борисов, так было принято, напомнил о соблюдении мер безопасности при стрельбе и пожелал отличных результатов. Его слова словно легли богу в уши. Разведчики стали уверенно поражать все цели. Об этом непрерывно сообщал репродуктор на центральном пульте. На своем участке работы я оказался помощником проверяющего. Все шло гладко, но вот черт на стрельбище принес начальника штаба дивизии. Он подошел к стоявшим неподалеку в готовности к стрельбе сменам, начал их экзаменовывать по правилам стрельбы, условию выполнения упражнения, другими словами, портить перед стрельбой солдатам и офицерам настроение. Тем более что он это делал в строгой и резкой форме. В конце концов теория ему надоела, он перешел к практике, стал пересчитывать патроны. Надо же было случиться, что у одного разведчика оказался лишний патрон. Конечно, я готов был от стыда провалиться в этот момент сквозь землю. Хотя эта смена еще мною не была проверена. Что здесь началось! Он кричал на меня: «Да я тебя, да ты у меня вылетишь со штаба дивизии, как пробка из бутылки, объявляю тебе служебное несоответствие». Затем стал орать на солдата, пригрозил ему губой и двойкой за стрельбу. Хотя солдат только еще собирался идти на огневой рубеж. Хорошо, что в это время объявили сигнал «к бою», Жигульский

отстал от меня и направился к полковнику Борисову. В подавленном настроении пришлось продолжить работу, но сейчас я стал выворачивать карманы у разведчиков, чтобы там случайно не завалялся лишний патрон. Рота уверенно отстреляла на «отлично», в том числе офицеры, которые первыми задавали тон подчиненным. Жигульский еще немного поколобродил по стрельбищу, затем сел в машину и укатил. Пришлось шефу рассказать про конфуз. Пантюшенко был удивлен: «А Жигульский мне ничего не сказал. Ладно, не переживай». Старшие офицеры знали характер начальника штаба, все его высказывания в бытность командиром полка в адрес подчиненных офицеров на служебном совещании или на построении полка. Все же однажды начальник штаба нарвался на неприятный разговор. Как-то на служебном совещании офицеров управления дивизии Жигульский в подобном тоне повел разговор с фронтовиком, начальником связи артиллерии дивизии, майором Маркаровым. Вот здесь начальнику штаба дивизии пришлось выслушать в свой адрес достаточно. Маркаров встал и давай Жигульского стругать: «Товарищ полковник, здесь вам не офицеры полка, что вы себе позволяете. Я старше вас, прошел войну, меня начальники на фронте не оскорбляли так, как вы сейчас. А вы войну только по книжкам знаете». Мы видели на лице Жигульского полнейшее смятение, тем не менее это пошло ему на пользу, он стал вести себя по-другому, по крайней мере со старшими офицерами.

Через год у меня с Жигульским произошел еще один неличеприятный разговор. По характеру он чем-то напоминал Жукова. В начале семидесятых вспыхнула война между Индией и Пакистаном за Восточный Пакистан. В свое время Англией умышленно этот регион был разделен на два государства. Открытые источники и пресса рассказывали о том, как разворачивались боевые действия в том регионе. Я, ежедневно просматривая прессу, взял да нарисовал схему начала развития боевых действий, а потом ежедневно ее дополнял. Где-то через неделю получилась интересная, наглядная схема. Обратил на нее внимание мой шеф. Слух о схеме прошел по штабу дивизии, многие офицеры ради любопытства стали заходить в кабинет. Узнал об этом и полковник Жигульский. Мы занимали огромный кабинет на две службы. Вместе с разведчиками трудились и связисты. Разведчики и связисты всегда дружили между собой. В один из дней в кабинет зашел Жигульский и говорит мне, ну давай, показывай, что ты здесь нарисовал. Я стал ему рассказывать, придерживаясь методики доклада Пантюшенко. К моему удивлению, он и Присутствующие офицеры слушали меня очень внимательно. Но стоило мне намекнуть на

дружественные отношения с Индией, как Жигульский сразу преобразился и стал меня упрекать в политической близорукости. Я почувствовал себя неловко среди офицеров, не знал, как правильно поступить в этой ситуации. Единственное, что пришло мне в голову, — взять схему, скомкать ее и выбросить в мусорную корзину. Он еще больше разошелся: «Пантюшенко, разберись со своим помощником», — и вышел из кабинета. Офицеры меня поддержали, осудили его хамское поведение, но, самое главное, меня поддержал шеф. На следующий день начальник штаба вызвал к себе шефа и дал ему задание: «К очередному служебному совещанию подготовить информацию о вооруженном конфликте между Индией и Пакистаном для офицеров штаба». Я приготовил схему во всех цветах, а Пантюшенко очень интересно рассказал офицерам о развитии боевых действий. Начальник штаба дал высокую оценку моему шефу. Я, в свою очередь, подумал, ну и стоило же начальнику штаба меня прилюдно за мою же инициативу хаять, но ведь не зря говорят, что любая инициатива наказуема. Вот так и со мной случилось.

Позднее началась в дивизии напряженная и долгая подготовка к сбору командующего ВДВ. Над созданием учебно-материальной базы трудилась вся дивизия, и не один месяц. Были назначены подразделения, которые будут проводить учения, показательные занятия. Дивизионные разведчики готовили показное занятие по захвату склада боеприпасов и пусковой установки «Першинг». По замыслу, бойцы должны были десантироваться непосредственно на объект с высоты сто метров без запасного парашюта. Когда у личного состава спросили: «Вы согласны совершать прыжки с такой высоты без запасного парашюта?», — все в один голос ответили: «Да». Уже накануне сбора разведчики совершили по три прыжка с предельно малой высоты. Когда покидаешь самолет и смотришь на землю, видны даже маленькие камушки. Иногда стропы парашюта раскручивались почти до самой земли. С самого утра перед началом сбора все объекты были готовы к показу. Вокруг объектов и прохаживались часовые, переодетые в иностранную форму. Кругом указатели на английском языке. Как только руководящий состав собрался на смотровой площадке, с аэродрома взлетели шесть самолетов «Ан-2». Три взяли курс на склад боеприпасов, а три — на стартовую установку «Першинг». Лету до объекта не более двух минут. Самолеты прошли очень низко, и три десятка разведчиков через минуту с трех сторон дружно атаковали объект. Дым, стрельба, грохот — все входило в расчет. Захват пусковой установки проходил немного дальше, из-за дыма, пыли действия разведчиков были недостаточно хорошо видны руководству, но десантирование на объект

наблюдалось хорошо. Военные операторы момент десантирования и учебный бой снимали на камеру, но куда и кому ушел отснятый материал, неизвестно. За смелые и решительные действия разведчики заслужили благодарность Маргелова. Прыжок со ста метров без запасного парашюта с оружием — своего рода подвиг. Где-то недели через две по просьбе Белоножки, командующего ТуркВО, в дивизии были повторно проведены показательные занятия для командиров полков, дивизий округа, но в несколько усеченном виде. После занятий один из командиров дивизии, отвечая на вопрос Белоножки, что нового он увидел на занятиях, сказал: «Если бы все это мы увидели в кино, то вряд ли кто-нибудь поверил, что такая база может быть создана в обычной дивизии, а десантники могут показывать такую высокую выучку». Через несколько дней мы узнаем новость — генерал Добровольский уезжает командовать Тульской дивизией. У него неполадки со здоровьем из-за местного климата, особенно весной, когда цветет акация. К нам прислали полковника Колесова. Прошло пару месяцев, ему присвоили генерала. Одновременно с присвоением ему звания в дивизию нагрянула инспекторская проверка министра обороны. Проверка оказалась достаточно тяжелой в психологическом плане. Если с полковником из штаба ВДВ можно было поговорить, то эти товарищи в полном смысле этого слова боялись всего, в разговоры с нами не вступали. Ничего, кроме инструкций, они не признавали. Новый командир дивизии в процесс проверки не вмешивался, да и помочь ничем не мог. Вся организация и работа по подготовке подразделений к проверке легла на плечи офицеров штаба дивизии и командиров частей. Несмотря на все трудности, дивизия проверку сдала на «хорошо», что еще выше подняло ее авторитет в Воздушно-десантных войсках.

Через несколько месяцев по указанию со штаба ВДВ офицеры штаба дивизии стали готовить ошский полк для участия в совместном учении с войсками Среднеазиатского военного округа. Наш полк должен был после десантирования захватить и уничтожить ракетный дивизион условного противника. Реально эту цель обозначал ракетный дивизион танковой дивизии. Было решено полк десантировать на четыре площадки приземления и одновременно окружить ракетный дивизион. За несколько минут до десантирования к смотровой трибуне подъехал командующий округом генерал армии Лященко. Через минуту на горизонте показалась колонна самолетов, которая стала на глазах расходиться, чтобы выбросить десантников на указанные площадки. Прошло несколько секунд, и вдруг все небо покрылось раскрытыми куполами парашютистов.

Приземлившись, десантники мгновенно вышли на свои направления для атаки и взяли в кольцо ракетный дивизион. Генерал армии, впервые наблюдавший за дерзкими действиями десантников, был в восторге и от души поблагодарил командование дивизии за новаторство при организации захвата подвижных целей в тылу противника, а личному составу полка поставил отличную оценку. Колесов поблагодарил нас за подготовку полка к десантированию и выполнению задачи в тылу противника.

На следующий день мы самолетом возвратились в Фергану. Прямо к трапу подъехал автобус, который доставил нас в штаб. По прибытии доложил Пантюшенко, как проходило учение, как действовали разведчики, какую оценку объявил командующий округом. Он мне тоже новость сообщил: «Чередник убывает в Чирчик на должность комбата. Кого будем ставить на должность командира роты?» В разговор вмешивается Воронин, старший помощник начальника разведки: «Агузарова, несмотря на то, что он связист. Он обладает своеобразной хозяйственной жилкой, чего сегодня многим не хватает. Думаю, у него все получится. Миша, а как ты думаешь?» — «Я за то, чтобы Вадим был ротным». — «Ладно, уговорили. Валера, пиши комдиву представление на Агузарова». Через несколько дней шеф представил Агузарова личному составу роты как нового их командира. Поскольку мы с Агузаровым оставались друзьями, я довольно часто вместе с ним выезжал в учебный центр для организации полевых занятий. В дальнейшем он стал большим мастером по внедрению новшеств в организацию и проведение полевых занятий.

На одном из полевых выходов мы с Вадимом пытались разговорить шефа, просили, чтобы он рассказал про войну, в которой участвовал. Сразу после освобождения Харькова он семнадцатилетним пацаном ушел на фронт. Его прикрепили вторым номером к опытному пулеметчику, дяде Пете, который воевал уже не первый год, и его грудь украшали награды. Пулемет был знаменитый «максим». Вот дядя Петя и давал уроки молодому солдату. Игорь понял, что это не такая уж и сложная машина, быстро изучил материальную часть пулемета. А вскоре он уже принимал участие в боевых действиях. Такой боевой эпизод запомнился ему на всю жизнь. В один из дней оборонительных действий пулеметный расчет прикрывал левый фланг роты. Соседняя рота по условиям местности занимала ротный опорный пункт на значительном удалении, и локтевого взаимодействия с ней не было. Немцы после нескольких неудачных атак все же нашли большой промежуток между ротами и устремились в него, чтобы зайти в тыл батальона. Однако действия противника своевременно были обнаружены пулеметным расчетом. Прицельный огонь из пулемета

вынудил их залечь, а затем отползти на исходную позицию. Немцы засекли позицию пулемета и усилили обстрел, затем повторили атаку, но огонь пулемета выкашивал немцев из наступающей шеренги, и они опять отошли. Через некоторое время был убит дядя Петя. Игорь на какие-то доли секунды растерялся, но взял себя в руки и начал действовать. Сначала оттащил убитого от пулемета и занял его место. Немцы воспользовались молчанием пулемета, быстро поднялись в атаку. Игорь остался один на один с противником, но не дрогнул перед лицом угрозы, он тщательно прицелился и нажал на спуск. Длинная очередь, как косой, скосила несколько фашистов. Остальные в растерянности заматались, но попадали под прицельный огонь пулеметчика. Отлежавшись, немцы предприняли еще одну атаку, но меткий огонь из пулемета сорвал и эту атаку. Оставшиеся в живых немцы бросились к своим. В этом бою семнадцатилетний Игорь выдержал, может быть, самый главный в своей жизни экзамен. Комбат позже ему скажет: «Сынок, ты сегодня совершил подвиг». За этот бой он был награжден медалью «За отвагу». Потом у него будет еще много орденов и медалей. Шеф еще рассказал, как с товарищем в бою пленили власовца, это было уже в Венгрии. Власовец не хотел сознаваться, кто он, прекрасно понимал, что у советского солдата ненависти к нему больше, чем даже к немцам, но его опознали наши женщины, которые были насильно вывезены на принудительные работы в Европу. Они пытались его побить. Дело в том, что он когда-то конвоировал их на работу к одному местному помещику и вел себя недостойно, хотел изнасиловать девушку. Комбат, когда власовца привели на командный пункт батальона, сказал: «До командира полка идти далеко, отведите его в ближайший овраг и расстреляйте». Больше мы от своего шефа о войне не слышали. «Все, идите отдыхать, завтра рано вставать», — и выпроводил нас из палатки.

Настало время, когда и Жигульский от нас уехал, по слухам, в штаб ВДВ, на должность заместителя начальника отдела боевой подготовки. Святое место долго не пустовало. Прислали к нам из учебной дивизии полковника Кузьменко. Мы его помнили, он был в Оше комбатом и начальником штаба полка, туда прибыл после окончания Академии им. Фрунзе. На этих должностях в полку долго не засиделся, его назначили командиром полка в учебную дивизию. Прошло всего три года, как он вернулся на должность начальника штаба нашей дивизии из Прибалтики. Новый начальник штаба на нас не рычал. Служить в штабе стало заметно веселее. На одном из служебных совещаний Кузьменко довел до нас любопытный документ, в котором стояли подписи министра обороны и

подпись министра просвещения. Речь шла о создании вечерних школ для сверхсрочников. После войны призывники имели образование чуть выше начального. Многие из них после окончания срочной службы оставались служить сверхсрочниками. А в шестидесятые годы молодежь в армию стала призываться, имея уже семь или десять классов, а то и техникум. Настало время, когда надо было в срочном порядке устранить пробел образованности между молодежью и малообразованными сверхсрочниками. Приказ обжалованию не подлежал, вплоть до увольнения из армии. В то время сверхсрочники жили неплохо, теперь же многим, хотелось того или нет, а надо было учиться. В Фергане для сверхсрочников в Доме офицеров было выделено несколько кабинетов. Занятия проводились факультативно в вечернее время, два раза в неделю. Преподавателей пригласили, конечно, за деньги, из педагогического института и общеобразовательных школ. Учет за посещаемостью был строгим. Кузьменко регулярно заезжал в так называемую вечернюю школу, внимательно выслушивал учителей и, не стесняясь, устраивал головомойку отстающим.

Пошел учиться и Чичеров, но на урок немного опоздал, а занятия уже начались. В группу или класс собирали учеников с одинаковым уровнем образования. Вячеслав же стал искать своих ребят. Нашел, спросил разрешения зайти. «Заходите, — приглашает учительница, — но больше не опаздывайте», — и записывает его в классный список, не выяснив, сколько классов он окончил. Банько, его кореш, предлагает сесть рядом. У Чичерова образование классов пять, не больше, а записали его в седьмой или восьмой класс. На уроках литературы, истории он с трудом, но соображал, но вот его на алгебре вызвали к доске. Учительница пишет простое уравнение, $x+y$, спрашивает у Вячеслава, чему равно это уравнение. Чичеров встает и громко отвечает, читая русские буквы: «ху». На несколько секунд в классе воцарилась тишина, а затем начался истерический хохот взрослых мужиков. Учительница сообразила, в чем дело, и во время перерыва отвела его в нужный класс. Однако Чичеров все же окончил вечернюю среднюю школу и продолжал служить, а многие его товарищи получили образование в высших учебных заведениях.

В феврале 74-го по оперативному плану штаба ВДВ проводилось командно-штабное учение. Наша дикая дивизия была приглашена в Европу вроде как на смотрины ума. Сбор проводился в Туле, в учебном центре. Вместе с нами бок о бок воевала и тульская дивизия. По замыслу, в этой «войне» на территорию Китая десантируются две наши десантные дивизии, задача — захватить выгодный рубеж и оборонять его до тех пор,

пока не подойдут наши войска, а если не подойдут, оборонять до последнего десантника. Учение проходило напряженно. Вводные от руководителя следовали одна за другой. На каждом этапе Маргелов, заслушивал командиров дивизий и начальников основных служб. В адрес обучаемых было много критических замечаний. Вспоминается интересный случай. При розыгрыше одной из вводных заслушивался шеф разведки нашей дивизии полковник Пантюшенко. Докладчик говорил четко, по-военному уверенно. Когда речь зашла о захвате и уничтожении объекта противника, Маргелова как будто подменили. Он стал задавать моему шефу вопросы в очень резкой форме и, как говорят, не из той оперы. Панюшенко — фронтовик, тоже не из робкого десятка, стал доказывать свою точку зрения на видение этого «боевого эпизода». Тогда Маргелов встал и громко сказал: «Не артиллерия охрану уничтожила, а наши десантники их ножами порезали. Понял, разведчик?» Пантюшенко оставалось сказать: «Так точно». — «Садись», — добавил командующий. У нас немного настроение подпортилось. Начальника разведки соседней дивизии Маргелов вообще слушать не стал, а тот особо и не переживал, закурил папиросу, вышел из аудитории, а офицеры управления командующего продолжали играть с нами в «войну» на топографических картах. Играли азартно, практически без отдыха на сон в течение трех суток. Десантники обеих дивизий «войну» выиграли, и враг через занимаемые ими районы обороны не прошел. Стойко держали оборону занятых рубежей до подхода основных сил оперативно маневренной группы фронта. Командно-штабное учение закончилось, но мы все с нетерпением ждали, что скажет Маргелов. Он отметил действия офицеров нашей дивизии, похвалил шефа разведки. Нам, офицерам, было приятно услышать эти слова из уст самого Маргелова. Не зря мы все-таки в Тулу летели, достойно преподнесли себя и показали Европе. Обрато в Фергану летели через Кировабад, а там тоже наша братская дивизия. Встретили, накормили, коньяком угостили, спать уложили. Только мы не спали. Трудно уснуть, если через стенку играют в преферанс, да не просто любители, а профессионалы. Мой шеф был большой мастер, он всегда любил подчеркнуть, что преферанс — игра умных. Утром, несмотря на плохую погоду, мы выехали на аэродром, через некоторое время взлетели и взяли курс на Фергану. В иллюминаторы рассматривали закавказскую природу, сравнивали ее с нашей, ферганской. Город Кировабад выглядел каким-то серым, пыльным, да и зелени немного. Через четыре часа лету мы уже заходили на посадку в Фергане. Около самолета генерал Колесов всем участникам учения объявил: суббота и воскресенье выходные. Домой я пришел с тульскими сувенирами.

Встречали сын, жена и теща. Чай пили с тульскими пряниками. Выходные дни с сыном гуляли по городу, он уже заметно подрос и был очень любопытным. У него с детства появилось хорошее качество, он любил рисовать и мастерить что-нибудь из пластилина, особенно морских обитателей. Однажды весной я пришел домой на обеденный перерыв, под краном стал мыть руки. В тазе обнаружил раков, рыбок и всевозможную подводную живность, да так здорово похожих на живых. Спросил: «А что это такое?» Сынуля в это время стоял за дверями, наблюдал, ждал моей реакции и остался очень довольным, что так здорово удивил отца.

Я часто вспоминал слова моей тещи, что я никудышный семьянин. Хотел бы это утверждение опровергнуть и, если выдавалось свободное время, старался его проводить с сыном. Когда он был еще в пеленках, держа его на руках, повторял слово «папа». Он его первым и сказал. Помню его первые учебные шажки, было ему чуть больше годика, мы с женой были в отпуске в Белоруссии. Отпуск у меня подходил к концу, мне надо было уехать в Фергану, а жене к родственникам в Ленинград. Захожу в дом и вижу, как маленький человечек, держась за дверной косяк, медленно и осторожно выходит на веранду. Увидев меня, остановился, внимательно рассматривая, вспомнил и рассмеялся. Меня такая радость охватила. Старался уделять ему как можно больше времени, но работа есть работа.

Как-то после выходных, придя на службу, заметил, что шеф сам не свой. «Здравия желаю, товарищ полковник». В кабинете он был один. Еще не было наших офицеров Воронина и Курновенкова. «Что случилось?» — спрашиваю у него. — «У нас в роте вчера произошло страшное происшествие». Оказывается, в выходные рота заступила в гарнизонный караул и патруль по городу. В воскресенье утром выводной, который охраняет арестованных, содержащихся на гауптвахте, на машине убыл за пищей для арестованных. Водитель и выводной были одного призыва, с одной станицы. До призыва в армию были закадычными друзьями, таковыми оставались и в роте. Пока на кухне готовили пищу, выводной и водитель находились в кабине автомобиля и от нечего делать стали играть с оружием. Выводной был с автоматом и боеприпасами. Как потом на следствии Резник скажет, они по очереди играли с автоматом, кто быстрее выстрелит. Резник выстрелил в своего друга Пархоменко. Когда прозвучал выстрел, до Резника дошло, что он натворил. Давай быстрее в медсанбат, но друга спасти было невозможно. Естественно, об этом жутком случае было доложено руководству дивизии. Резника взяли под арест. Пантюшенко вместе со следователем военной прокуратуры все воскресенье разбирался с происшествием. Приехали родители, и вот с того дня бывшие

станичники, добрые соседи, в одночасье стали врагами. Хорошо, до драки дело не дошло. Их разместили в разных гостиницах города. Тело погибшего родители увезли на родину. Мать Резника осталась дожидаться приговора суда. На суд приехал и отец погибшего. Он здорово изменился, и, как мне тогда показалось, что-то случилось с его рассудком. Суд состоялся в ленинской комнате роты. Личному составу это все видеть и слышать было нелегко, а каково было родителям? Резника осудили, на сколько лет, уже не помню. Отец Пархоменко запил от горя и еще несколько раз приезжал в роту. Разведчикам оставалось только одно, утешить отца. Однако больше всех с отцом погибшего возился Пантюшенко. Он его встречал, устраивал в гостиницу, решал все интересующие его в Фергане вопросы и отправлял на родину. После суда в роте начались командирские разборки. В момент происшествия на месте не оказалось командира роты, стали его искать, а он в выходной день уехал к теще в Кизыл-Кия (шахтерский городок в тридцати километрах от Ферганы). -Хотя ночью он, как и положено, проверил несение службы личным составом, что было подтверждено записью в постовой ведомости. Тем не менее в армии за все отвечает командир. Командир дивизии приказом отстранил Агузарова от занимаемой должности, но поскольку разведчики всегда были на виду у начальства, его к себе в службу забрал полковник Симанков, заместитель командира дивизии по воздушно-десантной службе. Вот так Вадим получил новую квалификацию и стал вплотную заниматься воздушно-десантной подготовкой, а в разведроте контролировать укладку людских десантных парашютов и готовить разведчиков к парашютным прыжкам. Как мне позже показалось, нынешняя профессия Вадиму была больше по душе, чем командование ротой. Командиром разведроты стал Михайловский, который до назначения был заместителем у Агузарова. У Михайловского в роте тоже всегда был порядок. Боевая подготовка в роте не хромала, а была на высоте, так что преемственность командиров тоже имеет свою положительную сторону. Спортивная подготовка была отличной. Много разведчиков входило в состав сборной дивизии, они имели неплохие результаты на первенстве округа, а Качанов входил в сборную ВДВ по офицерскому многоборью, всегда получал призы, какого бы масштаба соревнования ни проводились. Рота была признана самым боеспособным подразделением не только в дивизии, о ней слава гремела и в округе.

Как-то руководство ВВС обратилось к комдиву, мол, братья-десантники, есть к вам большая просьба, подыграйте на проводимом у нас учении. Тема не сложная, но для нас очень важная: охрана и оборона

аэродрома и его объектов. Комдив не стал отказывать в просьбе, тем более с округом всегда отношения были добрыми. Да и разведчики пусть лишний раз повоюют на незнакомой местности. Руководство ВВС и Пантюшенко согласовали все вопросы, назначили день десантирования разведчиков непосредственно на аэродром Карши. Позднее мы убедились, что это самое настоящее пекло, как только люди там живут, да еще и служат. У нас в Фергане служить намного лучше. Шеф накануне перелета и десантирования собрал офицеров, рассказал, как задумано провести это учение, и на макете местности определил «боевую» задачу. Я же попросил разрешения у Пантюшенко слетать вместе с ротой. Рано утром мы были на аэродроме, а где-то через полчаса самолет держал курс на аэродром Карши. Вид сверху не впечатлял: все выжжено солнцем, кругом одни пески. Десантировались двумя группами прямо на аэродром. Однако информацию о том, что десантники будут захватывать аэродром, обслуга аэродрома имела. Кто-то из местного начальства похвастался подчиненному, тот, естественно, язык за зубами держать не стал и своему другу шепнул, а дальше уже базар. Однако они не знали точного время десантирования. Когда мы были уже в воздухе над аэродромом, сверху наблюдали выдвижение нескольких машин с охраной. Мы им устроили на аэродроме такой кипеш, что они десантников надолго запомнили. Все рвалось, стреляло и дымилось, даже жители военного городка пришли посмотреть на этот спектакль. Один охранник кинулся было на Хабарова, так тот его через бедро так припечатал к жесткому грунту, бедолага минут пять охал. Больше никто не захотел связаться с парнями в голубых тельняшках. Тем не менее местный полковник поблагодарил нас и шепнул: «Вы, ребята, почаще к нам заглядывайте». Погрузку в самолет проводили с работающими двигателями. Горячий воздух от винтов перекрывал дыхание. Мы набирали полные легкие воздуха и залетали в самолет.

Другой военный аэродром, Андижан, мы «захватили» прямо днем и аэропорт тоже. Десантирование было неожиданным. Люди занимались своими делами. Пассажиры в кассах покупали билеты в российские города. Кто-то случайно увидел в небе над аэродромом парашютистов. Когда мы десантировались на аэродром, на это зрелище вышли посмотреть все, от военных и работников аэропорта до пассажиров, ожидающих вылета. Набежала добрая сотня любопытной детворы. Все проходы были запружены зеваками, но когда десантники открыли стрельбу в воздухе и вниз полетели взрыв-пакеты, народ призадумался. Когда же мы ринулись захватывать диспетчерскую и здание аэропорта, люди стали разбегаться и прятаться. Через некоторое время паника улеглась, а когда мы строем стали

проходить через зал аэропорта, народ нас даже приветствовал. Выполнив задачу по захвату аэродрома, мы стали загружаться в самолет, который прибыл за нами из Ферганы. Только тогда появились команды обслуживания и охраны аэродрома. В Андижане информация не просочилась до командиров подразделений охраны, и момент внезапности сыграл свою роль.

Иногда приходилось разведчикам отвлекаться и на другие дела, которые напрямую не связаны с боевой подготовкой. Правда, с какой стороны на это посмотреть. В Ферганской долине, особенно осенью, то есть с окончанием уборки хлопка, начинается череда всевозможных мусульманских праздников. Районные руководители, выпендриваясь друг перед другом, устраивали пышные торжества. Приглашали гостей из других районов. Не скупились на дорогие подарки. Правда, машину получал узбек по должности не ниже председателя колхоза. Простому люду подарки преподносили более скромные, по занимаемым должностям. Устраивались скачки на лошадях. Весь день район веселился, ели плов, пили чай, и не только. В последнее время каждый руководитель районного масштаба на празднике хотел видеть выступление солдат, и непременно со стрельбой. Уж очень народу нравилось все это. Районный божок через своих областных чиновников просил за определенные услуги, чтобы на праздник пригласили солдат. Те, в свою очередь, набивали себе цену, а позднее, на бюро обкома, подходили к командиру дивизии, спрашивались о здоровье его семьи и задавали вопрос по существу. Комдив, как правило, в таких просьбах не отказывал, тем более что праздники проводились в выходной день и на боевую подготовку никоим образом не влияли. После посиделок в обкоме комдив вызывал к себе разведчика и старался обратить внимание на важность для района проведения праздника по случаю перевыполнения плана сбора хлопка. «Возможно, будут гости из Ташкента, надо постараться показать небольшую сценку учебного боя, ну и еще что-нибудь для местной публики». До праздника всегда было в запасе день или два. Разведчики в таких случаях использовали запасной вариант. Захват объекта и рукопашный бой. Заранее перед трибуной устанавливались элементы объекта, накрывались маскировочной сетью. Солдаты в исходном положении ждали сигнала к началу действий. К намеченному часу начинают подъезжать «Волги», в основном черные, из них выходят чиновники один жирнее другого. Кругом уже все варится, жарится и парится для дорогих гостей. Гости стараются поддерживать имидж важных персон. Перед ними снуют слуги, стараясь угодить желанию вельмож. По команде они важно поднимаются на специально для такого случая

приготовленную трибуну. Кто-то говорит несколько слов приветствия. После этого начинают показывать свою работу разведчики. На несколько минут поле перед трибуной превращается в ад, все рвется, свистит, а затем в атаку на объект идут бойцы, не жалея боеприпасов, а в цепи солдат бежит дворняга. Одно время у разведчиков жила крупная псина, звали ее Евой. Она разведчиков сопровождала всегда и везде, стрельбы не боялась и всегда участвовала в показательных занятиях. Это было гвоздем программы. Атака заканчивается подрывом объекта, от мощного взрыва у многих чиновников с головы слетают шляпы. Затем по отработанному сценарию разведчики в темпе выстраиваются перед трибуной и начинают гостям показывать элементы рукопашного боя. Это все продолжается на фоне стрельбы и взрывов. Народ от восторга визжит. Последний этап — прохождение перед трибуной с песней. Действо заканчивалось под грохот аплодисментов. Надо отдать должное организаторам праздника: несмотря на восточное чинопочитание, к солдатам они относились прекрасно. Дарили радиоприемники и баяны, кормили пловом и восточными сладостями, а однажды каждому солдату подарили по паре новеньких кирзачей. Естественно, бойцам нравилось бывать на праздниках. Больше всего любили парни участвовать в тех мероприятиях, которые связаны с киношниками или журналистами. Они были уверены: пройдет какое-то время, обязательно увидят себя в кино, пусть даже в учебном. Прочитают о себе в журнале, газете и увидят фото. Много о разведчиках писал военный корреспондент Студеникин. Тем не менее частые мероприятия не могли понравиться офицерам, у которых были жены, дети, и они тоже требовали к себе повышенного внимания. Выходной день необходим, чтобы побыть с семьей, например, съездить в горы, подышать чистым, свежим воздухом.

Выпадали и на службе, правда, не часто, спокойные рабочие дни. Мы тогда дружно раньше обычного закрывали рабочие кабинеты и расходились по домам. В один из таких дней подхожу к дому. Звоню. Слышу топ, топ — сын бежит, открывает дверь и сразу мне вопрос: «Какую ты знаешь пословицу?» «Ну, сынуля, и вопрос у тебя прямо около двери», — говорю. А потом все же выдал ему, возможно, немножко последовательность и нарушил: «Чтобы карась не дремал, в озере водится щука». Он бегом в дом и пересказывает пословицу бабушке. Оказывается, они устроили соревнование, кто больше назовет пословиц или поговорок. Бабушка старалась игру вести так, чтобы внук остался победителем. Теща собрала на стол, сели ужинать. За столом речь, как правило, заходила о какой-нибудь покупке. Сынуля снова обращается ко мне: «А сколько ты получаешь?» Жена засмеялась и говорит: «Геночка, твоего отца кормлю я и

налоги государству на него плачу». В той ситуации я оказался, как Лужков, когда он выступал перед москвичами: «Да у меня ничего нет, я на полном иждивении своей жены, и если бы не она, пришлось бы идти по миру». Тогда я уже был капитаном и где-то со всеми накрутками за выслугу лет и звание, наверное, выходило рублей под сто семьдесят. Однако жена действительно в то время зарабатывала больше меня.

Как-то рано утром сразу после выходного дня офицерам штаба объявили учебную тревогу. В таких случаях никто не хотел быть последним, поэтому бежали в штаб что есть духу и стар и млад. Местные жители уже привыкли к ранней беготне военных и не удивлялись. Военный городок был рядом с домами, в которых проживали офицеры, но многие жили в других районах города. До шести утра городской транспорт, как правило, не работал, а как быть? Посыльный до офицера бежит около часа и обратно столько же. Офицер весь в мыле прибывает к месту построения, а его еще и отчитывают за опоздание. Позднее все же несколько сборных пунктов определили в городе, и во время проведения подобных мероприятий в эти пункты направляли автомобили. Сбор офицеров стал проходить быстрее. Боевая готовность стала выше. А тогда прибегаю в штаб, а шеф уже там. Я с удивлением думаю, как это он умудрился быстрее меня прибыть? «Почему позже меня?» — спрашивает. «Так ведь еще нет Воронина и Курновенкова». Он смеется: «Давай проверяй свой «тревожный» рюкзак». Точно, на всякий случай надо проверить, чтобы потом было меньше критики и насмешек от начальства. Проверил, все на месте. Остальные принадлежности для работы в полевых условиях находятся в командирской сумке. В это время дверь распахнулась, появились вспотевшие, запыхавшиеся от бега Воронин и Курновенков. Им тоже было предложено проверить свои «тревожные» шмотки. «Ну вот сейчас все в сборе, забирайте рюкзаки и пойдете на построение», — пригласил полковник. Начальник штаба проверил все и всех. В это время из кабинета вышел генерал Колесов, поздоровался с нами, уточнил у Кузьменко наличие людей и объявил цель нашей тренировки в столь ранний час. Прямо к штабу подъехал автобус, и нас увезли на запасной командный пункт дивизии, который был под землей, рядом с учебным центром. В подземелье в тактическом классе до нас довели учебные вопросы, которые необходимо отработать на этой штабной тренировке. Поскольку эта тренировка была продолжением предыдущей, мы сразу приступили к отработке вопросов десантирования и выполнения боевой задачи после приземления. Под землей все службы имели свои рабочие кабинеты, в том числе и разведчики. Конечно, не такие роскошные, как в

штабе, но все же вполне пригодные для работы, обеспеченные системой вентиляции и связью. Задание на десантирование и боевые действия было объемным, и мы долго наносили обстановку на рабочую карту шефа. Работали в основном цветными карандашами, фломастеры только входили в моду и были редкостью. После обеда началось заслушивание начальников службы, и, как всегда, первое слово было за разведчиком. Рабочая карта шефа была сделана отлично, а сам доклад — интересен с точки зрения выводов о противнике и характере его действий. Немного погодя объявили перерыв, и мы все дружно из душного подземелья потянулись наверх, на свежий воздух. На выходе из бункера была натянута маскировочная сеть под цвет предгорья, она маскировала вход в запасной командный пункт дивизии с воздуха, вокруг смонтированы скамейки. Ветерок продувал эту своеобразную курилку, и находиться там было одно удовольствие. Поднялся к нам и генерал. После некоторой паузы обратился к начальнику кадровой службы. Речь шла о кандидатуре начальника штаба батальона местного полка. «Подбираем, вам результат доложу», — ответил ему Белявский. «Зачем искать на стороне, — говорит Колесов, — когда вот готовый начальник штаба, — и показывает на меня. — Как ты, Скрынников, готов?» Ему вежливо возразил кадровик: «Скрынникова мы готовим вместо Воронина». Вот так дела, а я ничего не знал. Получается, без меня меня женили. «Ладно, не возражаю, но начальника штаба, Игнат Игнатьевич, ищите». — «Нашли». Начальником штаба батальона назначили моего друга Кожушкина. После небольшого перекура с неохотой пошли обратно в душное подземелье слушать выступления остальных начальников. Поздно вечером наши мучения закончились, где-то к полуночи добрался до дома. Жена не спала, читала, чтобы не разбудить не дождавшегося отца сына, тихонько прошел на кухню. Пили чай и обсуждали накопившиеся домашние проблемы. А утром опять же рано, ни свет ни заря, я был на ногах. На сегодня для офицеров штаба дивизии были запланированы парашютные прыжки из самолета «Ан-2». Пришлось спешить к месту сбора. Собрались около склада, на котором хранились наши парашюты. Офицеры каждый свой парашют после осмотра печати загрузили на автомобиль. К этому времени подошел автобус, и нас отвезли на аэродром. Площадка приземления на этот раз почему-то была около поселка Киргили, от аэродрома взлета около двенадцати километров, поэтому на второй прыжок рассчитывать не приходилось. Сегодня был прыжковый день, десантников на аэродроме было много, среди них я увидел офицера дивизионной разведроты. Издалека махнул ему рукой, Михайловский мне ответил. Помогая друг другу, мы надели парашюты и

подавно отработанной схеме построились по кораблям. Офицеры воздушно-десантной службы осмотрели наши парашюты. Мой парашют, как всегда, осмотрел Агузаров. «Вадим, осматривай очень внимательно». — «Не волнуйся, раскроется», — успокаивал он меня. «Передай разведчикам, чтобы меня на площадке приземления дождались и взяли с собой на второй прыжок». Вот подрулили самолеты. Послышалась команда: «По самолетам шагом марш». В грузовой кабине сели в порядке весовой категории. Самолет разогнался, взлетел до площадки приземления, набрал нужную высоту и сразу вышел на боевой курс. Началась выброска десантников. В воздухе недалеко от меня оказался Михайловский. «Юра, — крикнул ему, — я с вами на второй прыжок». На земле собрал парашют и бегом на сборный пункт. Вдалеке на земле лежал десантник и просил, чтобы к нему прислали санитарный автомобиль.

Парашютисты передавали друг другу сигнал СОС. Вызвали санитарку на место происшествия. Придя на сборный пункт, не стал дожидаться появления шефа, предупредил Воронина, что уезжаю с разведчиками на второй прыжок. Вторым прыжком совершал в одном корабле с разведчиками. Приземлились на площадке компактно, быстро собрались и вместе с офицерами доехал до расположения роты, оттуда бегом на службу. Опоздал совсем немного, в кабинете полковника нет. «Где шеф?» — «А ты что, не знаешь? Он же на прыжках ногу повредил, попал в какую-то нору. Его с площадки приземления увезли в медсанбат, сейчас он лежит там, вечером после службы зайдем навестим». Я сразу вспомнил того, кто просил о помощи. Оказывается, это был шеф, это же надо, в спешке не узнал своего начальника. Ну и хорош я, гусь лапчатый, ругнулся про себя. Случается и такое с десанниками в момент встречи с землей.

Во время нашего разговора в кабинет зашел майор Симонов, начальник бронетанковой службы дивизии. «Пока вы прохлаждались на прыжках, на станцию Горчакове пришла железнодорожная платформа с двумя боевыми машинами десанта для вашей роты. Звоните в роту, пусть быстро организуют разгрузку и перегонят их в парк хранения боевых машин». Воронин позвонил в роту и выдал командиру необходимые указания. Парк для хранения боевых машин практически был готов. Строился он с учетом повышенных требований к боевой готовности роты. Много технических новшеств уже тогда было использовано при строительстве хранилища. С пульта от дежурного по парку ворота хранилища одновременно открывались, включалась вентиляция. В те времена наше хранилище было в своем роде единственным с такими наворотами в ВДВ для боевых машин. Мы не стали дожидаться звонка от

командира роты, стора от любопытства, заранее прибыли к хранилищу. Вслед за нами прибыли и другие офицеры. Наше любопытство было вполне обоснованным. Многие офицеры, да и мы, разведчики, боевую машину живьем еще не видели. Издалека слышался шум приближающихся боевых машин, наконец две машины на малой скорости въехали на территорию парка. Механики-водители заглушили двигатели, а мы с детским любопытством облепили их. Залезали наверх, заглядывали вовнутрь, задавали механикам-водителям множество вопросов. Подъехал начальник штаба, чтобы вместе с нами заняться осмотром. После осмотра машин спросил у Воронина, полностью ли рота укомплектована механиками-водителями? «Так точно!» — «Тогда вот что, необходимо подготовить и провести занятие с офицерами управления дивизии по изучению боевой машины». Понятное дело, за одно занятие никогда не изучить машину, но тактико-технические характеристики офицеры должны знать, а в дальнейшем будем учиться водить и стрелять. Желательно занятие провести во время командирской подготовки в этом месяце. Уже где-то через месяц рота полностью была укомплектована боевыми машинами, а БРДМ передали в Сухопутные войска. По программе боевой подготовки офицеры управления дивизии, у которых подчиненные подразделения имели на вооружении боевую технику, обязаны были уметь водить и выполнять боевые стрельбы из этих самых машин. Одним словом, проблем прибавилось.

Через некоторое время по штабу пошел слух, Колесов от нас уходит, уезжает в Закавказский военный округ на повышение командиром корпуса.

Вот пока наш полковник лечился в медсанбате, а Воронин грелся на берегу Черного моря, я оставался за самого главного разведчика в дивизии. Разведчики очень часто водили боевые машины, стреляли из орудий днем и ночью. Контролируя процесс занятий, я даром время не терял и сам учился. Стрелять из боевой машины было здорово, особенно ночью. Само собой разумеется, первые стрельбы были не ахти, но постепенно результат повышался, я стал меньше мазать. У лейтенантов и наводчиков-операторов результаты были намного выше. Они приходили в роту уже готовыми специалистами. Вскоре настал тот день, когда Пантюшенко выписали из медсанбата. Вот тут-то я вздохнул с облегчением, но шеф как будто прочитал мои мысли: «Рано радуешься, завтра убываю в санаторий, надо же больную ногу долечить». Перед убытием составил план работы этих пунктов на двадцать, и это надо все выполнить до его возвращения из отпуска. «И еще одно, Миша, — шепнул он мне на ухо, — наш Воронин после отпуска сразу же уезжает за границу. Так что рули по-серьезному, а

представление на тебя в Москву уже ушло. Твою кандидатуру с начальником разведки ВДВ мы обсудили, он не возражает, а я тем более, — и засмеялся. — Так что давай, трудись, а я поехал отдыхать и лечиться».

Дома приятной новостью поделился с женой, она особого восторга не проявила, а с ехидцей говорит: «Надо, товарищ начальник, цветы полить». У тещи был небольшой клочок земли, на которой в основном росли цветы. Занимаюсь делом и слышу на веранде голос Фролова и второй голос, тоже очень знакомый, но поверить не могу, что в Фергане оказался Дочкин, наш однокашник. Жена зовет меня в дом. Поднимаюсь на веранду, точно, Валентин. Радостно приветствуем друг друга. Он был ротным запевалой, голос и остался громким. «Рассказывай, как ты оказался в Фергане?» — «Несколько лет летал на самолетах за границу, воздушным переводчиком, а сейчас служу в Хабаровском крае, у черта на куличках, в Аккуреях на военном аэродроме командиром роты охраны. В Фергану летел наш самолет, вот жены офицеров меня откомандировали за фруктами, а в аэропорту случайно встретил Саньку, разговорились и решили зайти к тебе». — «Правильно сделали, что зашли». Быстро сообразили на стол, вспомнили товарищей. Засиживаться Валентин не стал. Сказал, что рано утром улетать, а его диспетчер отогнал самолет на дальнюю стоянку. «Ничего, вместе со мной дойдешь до аэропорта», — сказал Фролов. После ухода друзей я еще долго Лене рассказывал о Дочкине, о его не музыкальных талантах, о большом желании петь.

Шли дни напряженной боевой учебы. Дивизией временно рулил Ломовцев, штатный замкомдив. По всей видимости, он был уверен, что его утвердят командиром. Однажды во время проведения показательных занятий окружному руководству (а показывали разведчики) занятие офицерами округа было оценено на ура. Ломовцев нам прямо сказал: «Спасибо вам, разведчики, вы заработали мне половину генеральской шинели», а мне пожал руку. Но вот появилось одно «но». Решения в армии принимают старшие начальники, основываясь на собственной логике. По штабу опять пополз слух, на днях прибывает новый командир дивизии из Прибалтики. Накануне у разведчиков была плановая стрельба из боевой машины, стрелкового оружия, да еще ночью. Мое присутствие, как старшего начальника, было необходимым на стрельбище. Занятия закончились далеко за полночь, результат стрельб разведчиков вполне порадовал.

Утром иду на службу, подхожу к штабу, а со стороны центрального входа идет незнакомый полковник, и получилось так, что мы вместе поднимаемся по широким ступенькам в штаб. Около двери я остановился,

поприветствовал его и как бы старшему по званию предлагаю: проходите, пожалуйста, товарищ полковник. Он тоже остановился, пожал мне руку, показалось, хотел о чем-то меня спросить. Однако в это время оперативный дежурный заорал диким голосом: «Смирно», шлепая сапогами по бетонному полу, строевым шагом подходит к полковнику, докладывает обстановку, затем они вместе проходят внутрь штаба. Да это же новый командир дивизии, наконец доходит до меня. Ну что же, у меня как бы состоялась встреча и негласное знакомство с комдивом. Хорошо помню, была пятница, потому что Кузьменко на совещании зачитал приказ командующего ВДВ о назначении меня вместо Воронина. Конечно, услышав такое, да еще неожиданно, я даже покраснел, а товарищи уже потихоньку стали поздравлять и намекать на офицерские традиции. Ротный тоже был на совещании и рассказал офицерам роты о моем повышении. Вечером, после службы зашел к разведчикам в новом качестве и провел совещание с офицерами, а заодно напомнил им, что вскоре ожидается приезд шефа из отпуска. Ротный подробно доложил по пунктам план работы, который оставил Пантюшенко перед убытием в отпуск. Все пункты его указаний мы вроде выполнили, но на всякий случай напомнил офицерам, чтобы особо не успокаивались: вчера прибыл новый комдив, так что в ближайшее время он вполне может посетить разведчиков.

Скрынников Владимир Федорович, брат. Военный летчик, подполковник.

Скрынников Иван Андреевич, дядя автора. Участник Великой Отечественной войны, кавалер двух орденов Красной Звезды.

Скрынников Федор Андреевич, отец. Участник Великой Отечественной войны.

*Скрынников Геннадий Михайлович, сын автора. Выпускник Военного института
МО.*

*Скрынников Алексей Владимирович, племянник. Офицер воздушно-десантных
войск.*

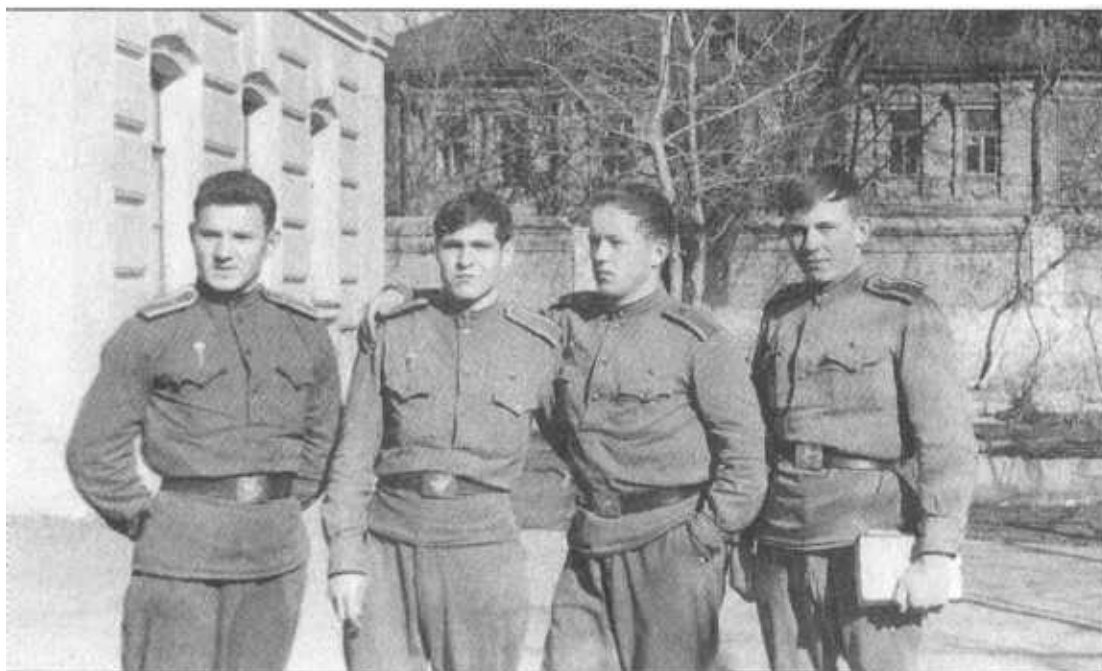
Скрынников Андрей Владимирович, племянник. Офицер Военно-морского флота.

Автор во время срочной службы в ВДВ. 1962 г.

Михаил Скрынников — курсант знаменитого Рязанского воздушно-десантного командного училища. 1963 г.

Михаил Скрынников с товарищами — Георгием Шичкиным, Виталием Кожушкиным и Александром Фроловым около учебного корпуса. 1964 г.

Курсанты РВВДКУ Владимир Барсуков, автор и Виталий Кожушкин на аэродроме перед очередным прыжком. 1965 г.

Группа курсантов училища и слушателей-индусов на совместных занятиях по изучению грузовых парашютов. В центре, в чалме, — слушатель-сикх. 1965 г.

Полковник Кузьменко Ф. Д. — начальник штаба 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Подполковник Чередник А.В. — ранее командир роты разведки.

Полковник Пантюшенко И. Г. — начальник разведки дивизии.

Полковник Шатский А. Ю. — ранее командир взвода разведроты.

Полковник Сазанский А.А. — ранее командир роты разведки.

Полковник Сулимов Н.Н. — ранее командир взвода разведроты.

Офицеры управления 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии перед штабом. 1974 г.

Офицеры и солдаты дивизионной разведроты перед строевым смотром. 1969 г.

Автор (слева) и лейтенант Курновенков в горах.

Лейтенант Леонид Хабаров со своими подчиненными на занятиях по горной подготовке. 1970 г.

Возвращение с занятий.

За перевалом — объект захвата.

Сегодня в учении, завтра — в бою.

После тяжелых учений отдыхают и люди, и техника.

Разведывательная группа Ферганской дивизии высоко в горах. 1975 г.

Нет задач невыполнимых!

Разведгруппа 105-й воздушно-десантной дивизии форсирует водную преграду. 1976 г.

Команда: «По самолетам!»

Загрузка боевых машин десанта в самолет Ан-22 «Антей».

С неба — в бой!

*В честь 46-летия ВДВ разведчики 105-й дивизии покорили безымянную вершину
высотой 4664 м. 1976 г.*

Учебный бой в горах.

Начальник разведки дивизии полковник Пантюшенко И. Г., корреспондент одного из московских изданий и группа разведчиков в горах. 1975 г.

Удивительное для Ферганы событие — внезапно выпал снег.

Военнослужащие разведподразделения 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Разведчики после занятий по рукопашному бою.

*Герой Советского Союза командир 345-го парашютно-десантного полка Валерий
Востротин с командованием части.*

Офицеры дивизионной разведроты Перков, Тютвин, Перепечин. 1981 г.

В следующие несколько дней новый комдив познакомился с местным полком, гарнизоном в целом. Побывал в горкоме, представился в обкоме и спланировал вылет в Чирчик. Наша дивизия единственная в ВДВ, полки которой располагались в трех союзных республиках — Узбекистане, Киргизии и Казахстане. До некоторых из полков действительно было удобнее самолетом долететь. Подобрали группу офицеров, в состав которой был включен и я. Предупредили командиров полков о прибытии в их гарнизоны нового командира дивизии, а также о том, что спланировали строевые смотры. Остальные занятия не ломать, а проводить в соответствии с ранее утвержденным планом. Утром самолет, на борту которого находился комдив с группой, перемахнул через перевал, а через несколько минут показался аэродром Чирчик. Самолет сделал круг, как бы прицеливаясь к посадочной полосе, и быстро приземлился. На стоянке нас уже ожидали командиры полков, а из-за их спин выглядывали замполиты. Ну, как же командирам без них. Командира ругают — замполит за спиной, хвалят — замполит рядом.

В течение дня Кузнецов на строевых смотрах познакомился с личным составом, бытом и военными городками. В Азадбаше на строевом смотре

мне удалось выбрать время и немного поговорил с Герасимовым, бывшим замполитом разведроты. Он уже был при капитанских погонах и усиленно приглашал к себе домой в гости, но мое время пребывания в арtpолку было ограничено. Ближе к вечеру командир зашел в разведроту. Ротой командовал Ларшин, а взводными были молодые и толковые лейтенанты: Тюктеев, Бондырев, Ушаков и Царев. В городе они тоже вели себя с достоинством. Местную шпану держали в строгости. Комдив вечером нам совещание не стал устраивать, и мы были предоставлены сами себе. В чужом городе даже при наличии свободного времени не знаешь, куда себя деть, решил отправиться к Череднику в гости. Беседа наша затянулась допоздна. Анатолий откровенно мне сказал, что ему должность комбата не нравится: эти вечные проверки по боевой готовности, стрельбы и частые нарекания за «любимый» личный состав до чертиков надоели. Ему больше по душе штабная работа, и сейчас он сожалеет, что в свое время отказался от предложения, сделанного ему Пантюшенко. Где-то через полгода он написал рапорт, чтобы его освободили от должности командира батальона. После недолгих колебаний его просьбу удовлетворили и назначили начальником разведки полка. На одном из разведвыходов он мне скажет, что эта должность бодрит душу, а полевые выходы разведчиков, горы, ориентирование и кроссы — вот его стихия.

Утром перед вылетом комдив провел с командованием полков служебное совещание, на котором обратил внимание на состояние воинской дисциплины, боевой готовности, а также не обошел стороной вопросы быта военнослужащих. После совещания мы убыли на аэродром. Там нас предупредили, что над перевалом плохая погода. Пришлось экипажу сделать большой крюк, чтобы обойти грозовой район. Летели на малой высоте, самолет швыряло в разные стороны, полет продолжался минут тридцать. На такой высоте в маленьком самолете чувствуешь себя омерзительно. Все же район обошли, и наш «Ан-2» резво перепрыгнул через горы, и мы оказались в Ферганской долине, которая сверху пленяла своей красотой, особенно садами. Вдалеке показался знакомый нам аэродром, и через минуту-другую мы уже заруливали на стоянку самолетов «Ан-2». Рядом со стоянкой нас дожидался транспорт, который доставил нашу группу к штабу дивизии. В кабинете увидел на рабочем месте помолодевшего Пантюшенко. Он поздравил меня с новой должностью: «Слушай, просмотрел твой отчет о проделанной работе за мое отсутствие. Молодцы, вот что я вам скажу. Ладно, мужики, меня просил зайти Кузнецов. Пойду, неудобно опаздывать». Мы подумали, комдив вызывает шефа по какому-то вопросу. Однако не угадали. Оказывается, в

пятидесятые годы Кузнецов в Алма-Атинском десантном училище был курсантом во взводе, которым рулил Пантюшенко. Кузнецов всегда с уважением относился к своему первому командиру и воспитателю в знак благодарности за заботу и внимание. В пятьдесят девятом году десантное училище из Алма-Аты переехало в Рязань. Тем не менее Кузнецов, как только узнал о том, что Пантюшенко служит в дивизии, сразу пригласил к себе. Беседовали они долго. Начальник вернулся от комдива в хорошем настроении, а вечером после службы шеф мне говорит: «Пойдем, зайдем в парк боевых машин, хочу тоже взглянуть на это чудо». В парке нас дожидались Качанов, Хабаров и несколько механиков-водителей. После осмотра сказал: «Машины что надо, нам бы такие во время войны».

Утром на построении перед нами, офицерами, предстал командир уже не в звании полковника, а в новенькой генеральской форме. Я даже позавидовал белой завистью. В связи с назначением меня на новую должность круг моих обязанностей не ограничивался только дивизионной ротой, а я должен был проводить политику Пантюшенко в полках по улучшению качества разведывательной подготовки. Ведь я стал правой рукой шефа разведки, вторым человеком в иерархии разведки дивизии. По службе часто приходилось встречаться с комдивом, и у меня сложились хорошие служебные отношения с ним. Кузнецов был человеком уравновешенным, трудолюбивым, не терпящим расхлябанности. В его бытность комдивом, особенно в первые месяцы, полным ходом шло перевооружение дивизии. Чуть ли не ежедневно в гарнизоны прибывали железнодорожные эшелоны с боевой техникой. В короткие сроки два полка в дивизии были укомплектованы боевыми машинами, созданы штатные разведроты, в которые были подобраны на конкурсной основе офицеры и личный состав. Естественно, работы у шефа прибавилось, в том числе и командировок. Часто приходилось мотаться в Чирчик и помогать организовывать боевую подготовку. Через некоторое время пришел черед проводить в заграничную командировку Кузьменко. Как водится в подобных случаях, ему на построении офицеров вручили грамоту, а также устные напутствия на дорогу. На свободную должность прибыл командир чирчикского полка, подполковник Стокоз, человек высокой культуры, но достаточно строгий. Часто бывая в командировках по инспектированию частей и подразделений дивизии, он легко решал с ним вопросы, связанные с подбором офицеров в дивизионную роту. Иногда исполнял обязанности Пантюшенко, но шеф, видя, что это идет только на пользу службы, не одергивал меня. Поэтому наше хорошее взаимопонимание с начальником штаба сохранялось до самого отъезда его за границу. Как-то в один из

обычных рабочих дней к нам в кабинет зашли Белявский и командир ошского полка. Кадровик обращается к шефу: «Игорь Григорьевич, как ты смотришь на то, что мы заберем у тебя Михайловского? Командир полка просит его к себе начальником штаба батальона». — «Возражений с моей стороны нет, ротный вполне достоин этой должности», — сказал Пантюшенко. «Ну вот, командир, вопрос о вакантной должности закрываем», — сказал Белявский. Командиром роты стал Качанов. Этим же приказом заместителем роты назначили Хабарова. В связи с кадровыми перестановками сбоя в боевой подготовке не было. Занятия продолжались проводиться с высоким качеством и, самое главное, на боевых машинах. В принципе процесс освоения боевых машин закончился, и начался период наращивания профессионализма. Хороший коллектив подобрался в разведроте ферганского полка, который возглавил Алиев, ему в помощь направили Шатского, офицера из дивизионной роты. В разведроте ошского полка коллективом офицеров руководил Манюта (о таких офицерах говорили, из него выйдет толк), а бывший командир роты Пархоменко стал замкомбатом в этом же полку. Да и в чирчикской разведроте благодаря командиру полка был дружный коллектив.

В середине семидесятых разведка в дивизии была на высоте в основном из-за того, что Пантюшенко своим авторитетом заставил командиров полков повернуться к разведке лицом, а Кузнецов в этом ему помогал. Одним словом, за широкой спиной шефа служить было одно удовольствие. Разведчикам доверялись самые ответственные задания, которые планировались в дивизии и полках. Однажды по указанию из Москвы в Фергану прибыла группа исследователей. Они занимались продовольственным рационом и средствами выживания космонавтов, которые после работы на орбите по каким-то причинам могли приземлиться в пустынной местности. Выполнение этого важного задания было доверено разведчикам взвода Хабарова, а поскольку нового взводного еще только подбирали, то Леониду временно приходилось совмещать две должности.

В связи с этим вспоминается забавный случай. Нетрудно представить состояние молодых, здоровых парней после многочасового перехода со всевозможными тактическими выкрутасами по тяжелой местности, когда они подходили к лагерю. Ноздри их улавливали вкусный запах борща или каши. Первые дни они крепились. Конечно, у них была гордость: ведь это им доверили испытание сухого пайка космонавтов, который после их критических замечаний, рекомендаций, возможно, с какими-то изменениями будет принят на вооружение. Однако прошло всего несколько

дней, очень заманчивый своей формой и красивой оберткой паек становился малопригодным для проголодавшихся и уставших парней. Вскоре они потихоньку стали часть пайка обменивать у старшины роты на банку тушенки. Конечно, все это делалось тайком. Занимаясь экспериментом в тяжелых климатических условиях, разведчики научились добывать воду в пустынной местности при помощи каких-то серебристых накидок, которыми была обеспечена группа. Когда разведчики двигались по пескам в этих накидках, они были похожи на людей с других планет. Конечно, за ночь воды набиралось ровно столько, чтобы утолить немного жажду, пока не подоспеют команды спасателей. Все действия личного состава группы строго контролировались и хронометрировались членами комиссии, но случай с тушенкой все же был. Между прочим, и солдатской тушенке получилась неплохая реклама.

Время шло. Стал подумывать о военном образовании. В Фергане двумя годами раньше с позволения шефа заочно окончил институт, хотелось поступить в академию. Однако в выборе факультета вышла промашка, черт меня дернул написать рапорт на разведывательный. Шеф не возражал, командование дивизии дало добро. Вот так и прибыл капитан-десантник с периферии в столицу, чтобы попытаться получить высшее военное образование. Размещались в лагере академии, в двух часах езды от Первопрестольной, там же сдавали экзамены. Готовился, как и все, старательно, но поддержки со стороны верхнего штаба не было, и вступительные экзамены сдавал, перебиваясь с тройки на четверку.

В это время жена и сын были на отдыхе. Их приезд в столицу после отдыха ожидался со дня на день. В один из выходных из Наро-Фоминска приехал в Москву и сразу в комнату к Кожушкину. Он первый курс заканчивал, мои должны были остановиться у него. Стучу в дверь, открывает сын — загорелый крепыш. В Фергане мы его журили за то, что он не ел, а здесь у него появился отменный аппетит. Погуляли по Москве, зашли в пельменную, и уже надо уезжать обратно в лагерь. Они меня проводили до Киевского вокзала, а оттуда электричкой уехал в Наро. Последний экзамен был по технике и вооружению, которые состояли на вооружении Сухопутных войск. Да и другие экзамены были с сухопутным уклоном, кроме Уставов Советской армии. По технике и вооружению я получил четыре балла. Закралась надежда, что, возможно, поступлю в академию. В итоге у меня получилось две четверки и две тройки. Однако, несмотря на, казалось бы, положительные оценки, на мандатной комиссии мне объявили приговор, который в шутку называли «полосатый рейс». Сдал казенные вещи на склад и в Москву, чтобы разогнать тоску.

Единственное, что я сделал для морального облегчения, так это у председателя мандатной комиссии выпросил свою зачетную книжку, чтобы показать в свое оправдание семье и шефу. Дня три еще прожили в Москве. По прибытии в Фергану немного успокоился, а через некоторое время, когда полностью окунулся в боевую подготовку, забыл напрочь, что пытался поступить в академию.

Как-то после выходных дней подхожу к штабу и слышу в районе курилки громкий хохот офицеров. Подхожу ближе, смех не стихает. Около штаба дивизии была огромная ухоженная курилка, перед построением офицеры и прапорщики собирались в ней, а до развода успевали поделиться новостями и позубоскалить. Поздоровался со всеми, смотрю, у майора Ветчинкина, начальника автомобильной службы дивизии, руки забинтованы. Оказывается, в воскресенье майор со своими друзьями возвращался с рыбалки. На одной из проселочных дорог их автомобиль, старый «Запорожец», догнал отару баранов. Был обычный жаркий день. Бараны, сбившись в кучу, опустив головы понуро, шли, поднимая тучу пыли, не реагируя на сигналы автомобиля. Объехать такое стадо целая проблема, тем более с учетом оврагов с одной и с другой стороны дороги. Автомобиль подъехал вплотную к стаду, водитель сигналил, сигналил, толку мало. «Давай, пошутим над пастухом? — говорит Ветчинкин. — Заметит пастух или нет пропажу барана из отары». — «Давай», — поддержали идею остальные. Машина плотнее прижалась к баранам. Ветчинкин открыл дверь «Запорожца», наклонился немного вперед, двумя руками ухватился за шерсть животного и резко бросил предполагаемого барана в кабину. Друзья заблаговременно отодвинулись, освобождая для барана место. Что здесь началось, визг, рычание, поднялся такой тарарам, что отара шарахнулась в сторону, и дорога стала свободной. Пес выскочил из кабины, но не убежал прочь, а продолжал бросаться на машину. Правда, Ветчинкин успел закрыть дверь «Запорожца». К машине подошел пастух и поинтересовался, что здесь произошло. Да вот твой поганый пес искусал меня, говорит майор и показывает ему руки. Однако руки были окровавлены не только у Ветчинкина. Пастух огрел палкой ни в чем не виновного пса, тот от обиды взвизгнул и убежал. Хозяин баранов извинился перед офицерами и пошел вслед за отарой, так и не догадавшись о злом умысле пассажиров старенького «Запорожца». Еще долго смеялись офицеры над горе-рыбаками. Это была большая кавказская овчарка, которая всегда помогает пастухам пасти и охранять баранов от чужаков и волков. Бывали случаи, когда эти собаки в ночное время выходили на дорогу, тогда случайному прохожему приходилось туго. Офицеры

рассказывали, что в Кировабаде был случай, когда собаки ночью около дороги насмерть загрызли прохожего. Послышалась команда начальника штаба: «Строиться, товарищи офицеры!» Продолжая давиться от смеха, мы стали выходить на место построения.

Несколько слов о горной подготовке. Благодаря инициативе Пантюшенко вопросы горной подготовки были включены в программу боевой подготовки разведподразделений нашей дивизии. Более того, он настоял на строительстве горного учебного центра для подготовки разведчиков в горной местности. Командование дивизии, и особенно Кузнецов, его начин поддержали. Учебный центр стали возводить около альплагеря «Дугоба» с отводом земли под застройку. В начале семидесятых годов приступили к закладке фундамента под первый дом. Строительство велось силами разведчиков. Конечно, тыл дивизии выделял строительные материалы, но без профессионалов-строителей дело двигалось медленно. Через год один двухэтажный дом разведчики осилили. Он хорошо смотрелся на фоне красивого горного пейзажа и был вполне пригодным для летнего проживания. Не откладывая дело в долгий ящик, приступили к закладке фундамента под второй дом. Главным прорабом этой стройки был Мутилов, офицер связист, заместитель командира роты по связи. Альпинисты распознали в нем, как они выражались, мудрого ходока в горах. Позднее он становится не только строителем, но «главным» альпинистом разведподразделений нашей дивизии. Это под его руководством проводились ежегодные сборы, на которых проходили подготовку нештатные инструкторы горной подготовки из состава разведрот. Конечно, львиную долю занятий проводили мастера альпинизма, наши добрые друзья. Помощником у Мутилова был Карпов, командир взвода связи, который, по оценке альпинистов, тоже вел себя в горах по-умному. Однако наиболее смелым в горах был Хабаров. Самые ответственные и сложные занятия проводились с его участием. Разведчики за несколько лет поднатрели в вопросах горной подготовки настолько, что в честь 46-летия Воздушно-десантных войск осуществили восхождение на вершину высотой 4664 метра над уровнем моря, оставили там капсулу и назвали вершину пиком ВДВ. Конечно, восхождение проходило под контролем опытных альпинистов. Позднее через начальника альплагеря «Дугоба» Несповитого все документы были оформлены и отправлены в Москву на утверждение названия этой вершины. Наиболее интенсивно горной подготовкой разведроты стали заниматься где-то с семьдесят третьего года. Каждый летний полевой выход начинался с десантирования на ограниченную горную площадку. Парашютно-десантные полки в своей

подготовке старались не отставать от разведчиков, учения тоже проводили в горной местности. Рассказы об успехах десантников в горной подготовке дошли до Москвы и до нашего Маргелова. Однажды при посещении дивизии Маргелов лично захотел посмотреть, как десантники осваивают азы горной подготовки. Как правило, командующий при посещении той или иной дивизии всегда желал увидеть что-то новое в боевой подготовке. Мог запросто упрекнуть командира дивизии или полка, если ему занятие не понравилось. Кузнецов срочно пригласил к себе Пантюшенко, чтобы выяснить, на каком уровне сейчас горная подготовка разведчиков, можно ли в короткие сроки организовать интересное занятие в горах. «Игорь Григорьевич, хотелось бы показать Маргелову что-нибудь интересное, чего он не видел». — «Нет проблем. Маргелов еще в наших горах не был. Завтра выезжаем и приступаем к тренировке», — таким был ответ шефа комдиву. «Спасибо, Игорь Григорьевич, на вас надеюсь, держите меня в курсе дел». Шеф вернулся от командира в возбужденном состоянии, еще бы, поручение очень ответственное. Разведчикам придется отдуваться за всю дивизию. Немного пофантазировали и сошлись в едином мнении: показать Маргелову, как разведчики подготовлены к действиям по захвату и уничтожению моста через горную речку. Далеко в горах около километра ниже альплагеря на местности был мост. На противоположном берегу огромная почти вертикальная, около ста метров в высоту гора. На этой горе ничего не росло, лишь кое-где просматривались мелкие арчевые кустики. Гору решили также использовать как учебную точку и показать умение разведчиков с помощью альпснаряжения спуститься с высоты. Если вдруг у Маргелова появится желание посмотреть строительство горного учебного центра, это все рядом, милости просим. С удовольствием покажем объекты, предложим окунуться в бассейне да и просто отдохнуть от ферганской жары. Эта идея шефу показалась убедительной, и он пошел к комдиву. Кузнецов наш замысел утвердил. Тут же по телефону дал указания по завтрашнему выезду в горы, в том числе по материальному обеспечению занятия. Утром следующего дня два разведвзвода во главе с Пантюшенко выехали в горы. Выехал с ними и я, чтобы на местности уточнить места для проведения занятия, а затем все это переложить на схему и показать Маргелову. Готовили занятие в течение четырех дней. Непосредственную помощь в подготовке оказывали альпинисты, как правило, на самых сложных участках, где использовалось специальное снаряжение.

Наступило ответственное утро. Солнце из-за гор еще не показалось. И некоторое время было даже свежо, но недолго. Разведчики без шума и суеты готовились к занятиям, а среди них прохаживался Пантюшенко,

можно было заметить, что он немного волнуется. К лагерю разведчиков подошла группа альпинистов во главе с Семеновым. Нам всегда казалось, что у Семенова не бывает плохого настроения, оно у него всегда на высоте. В это время старшина роты пригласил всех к столу. Еще раз обговорили все детали. Разведчики во главе с Хабаровым потихоньку отправились к месту проведения занятия. «Леня, ни пуха ни пера», — сказал ему я. «К черту». Через несколько минут мы своей маленькой группой потянулись вслед за солдатами. Не доходя до моста, группы Хабарова и Семенова стали подниматься вверх на гору. Хотя основную подготовительную работу парни проделали еще вчера, но сегодня надо все проверить. Остальные разведчики стали готовить свои учебные точки по знакомому сценарию. Радист доложил шефу о том, что высокий гость выехал. Пантюшенко посмотрел на часы. Через час с небольшим будет у нас. Игорь Григорьевич, как человек ответственный, в который уже раз обходил места предстоящих «ожесточенных» баталий. Вот и сейчас он направился к мосту «противника». Охрана моста была переодета в недесантную форму со знаками различия чужой армии, и на фоне светлой осыпи ребята смотрелись как настоящие солдаты иностранной армии. Около шлагбаума маячили фигуры двух часовых. Рядом несколько окопов. На лужайке недалеко от моста под маскировочной сетью лагерная палатка для охраны. Часовой был выставлен также около караульной палатки. «Миша, — обратился ко мне начальник, — вроде бы все готово, но все равно переживаю». Я, зная характер шефа, не стал его успокаивать, просто находился рядом с ним. В это время сверху группа Хабарова доложила о готовности к началу занятия. Я посмотрел со стороны смотровой площадки в сторону «неприятельского» моста. На фоне скалы со всевозможными указателями, шлагбаумом и другой бутафорией мост смотрелся очень здорово. Альпинисты позже скажут, что не могли даже предположить, что так можно изменить внешний облик уже родного для них моста. На вершине огромного валуна десантник и «противник» готовили место для предстоящей рукопашной схватки. И тут передают сверху: «Наблюдаем движение в нашу сторону небольшой колонны легковых автомобилей». «Все по местам, лишним уйти в укрытие», — скомандовал Пантюшенко. Наступают ответственный момент и, естественно, нечеловеческое напряжение. Из-за поворота показались четыре легковых автомобиля, а сзади на некотором расстоянии радиальная машина. С приближением колонны напряжение возрастало, хотя мы были уверены в успехе. Первый автомобиль, не доезжая несколько метров до смотровой площадки, остановился. Из него, не торопясь, вышел Маргелов, следом показался

комдив. Кузнецов, воспользовавшись тем, что командующий занят разговором с одним из офицеров ВДВ, подозвал меня и говорит: «Миша, ну как у вас дела?» — «К занятиям все готово, товарищ генерал». Командующий осмотрелся: «Да, красиво у вас здесь, но далеко». К нему подошел Пантюшенко и отрапортовал о готовности к проведению занятия, обратив внимание на схему, на которой красочно были отображены тема занятия, учебные вопросы и порядок действия разведчиков при захвате моста. Маргелов, окинув взглядом схему, как всегда, был краток: «Пантюшенко, ты мне все это по схеме доложил хорошо, а ты мне покажи, что умеют делать твои разведчики в горах». В это время над нами чисто случайно пролетел самолет «Ан-12» на небольшой высоте. По всей видимости, посадочная полоса была занята, и диспетчер отправил его на второй заход. Эта случайность вписалась в общую картинку сценария. Как будто где-то недалеко в горах прошла выброска воздушного десанта. Пантюшенко подал условный сигнал к началу «боевых» действий. Рядом с Маргеловым стремительно пробежали трое десантников. Двое с ловкостью снежной кошки поднялись на вершину огромного камня, на котором была пулеметная точка противника, а третий остался внизу прикрывать действия своих товарищей. Наверху завязалась рукопашная схватка. Бойцы подбадривали себя пронзительными криками. Одни на русском, а другие на китайском языке. В момент схватки один из десантников через бедро бросил врага с камня на землю. Падение бедолаги с высоты двухэтажного дома сопровождалось истошным криком. Маргелов обратился к Кузнецову: «Почему нет страховки? На кой хрен эти жертвы, да еще в моем присутствии». Комдив промолчал, он был в курсе этого трюка. И тут же из-за небольшого камня «солдат супостата» встал и, прихрамывая на одну ногу, поковылял прочь от занятых важным делом десантников. Командующий не выдержал, подошел к месту падения человека, на несколько секунд опешил и, кажется, даже изменился в лице. За камнем лежало чучело солдата чужой армии. «Ну ты, Юра, мать твою... и купил меня... Маргелова». Наверху валуна ожило пулеметное гнездо, но только сейчас из пулемета врага десантники «лупили» по солдатам противника, которые охраняли мост. Рядом с палаткой охраны на небольшой лужайке завязалась еще одна рукопашная схватка. Крики, стоны, стрельба гулким эхом разносились по урочищу. Наступил тот момент, когда в работу должна включиться группа Хабарова. Мы все за эту учебную точку переживали. Высота огромная, стена почти отвесная, не дай бог, кто-то сорвется, все пропало, и, самое главное, ничем не поможешь товарищу. Словно по команде (оно так и было) показались шесть десантников. Одновременно

бросают вниз веревки и начинают стремительный спуск. На сером фоне скалы разведчики смотрелись как тени ниндзя в боевике. Они одновременно отталкивались ногами от скалы, одновременно зависали и после преодоления по воздуху метров пятнадцати-двадцати снова отталкивались, и так до самой земли. На то, чтобы освободиться от веревки, ушло не более секунды. И вот уже группа с автоматами наперевес, ведя огонь на ходу, навалилась на охрану, которая еще продолжала сопротивляться на противоположном берегу реки. По боевому накалу, шумовому оформлению этот эпизод можно было смело включать в хороший боевик, но тогда было другое время, и армия занималась боевой подготовкой.

Через несколько минут враг под натиском разведчиков был повержен, а «стратегически» важный объект был взорван. Маргелов, обращаясь к Пантюшенко: «Давай сюда своих орлов!» Запыхавшиеся, потные и грязные, но довольные разведчики предстали перед самим Маргеловым. Командующий свои войска любил, умел разговаривать с солдатами и офицерами. Войска, и особенно солдаты и сержанты, обожали его. Поблагодарил парней за дерзкие и решительные действия. Троекратное ура еще долго резким эхом разносилось по ущелью и было слышно даже в лагере альпинистов. У одного солдата он увидел окровавленную руку и потечески справился о здоровье. Это был разведчик из группы Хабарова. Во время спуска по веревке одна рукавица протерлась, он обжег руку о веревку и до крови содрал кожу. «Вы своими действиями меня не только удивили, но и немного напугали, когда я увидел летящее с диким криком тело, пусть даже и «врага», на землю. Ну а что там у вас наверху, в лагере?» — обратился он к Пантюшенко. Шеф ему вкратце рассказал о ходе строительства горного учебного центра. «Ладно, посмотрю в другой раз, — и комдиву: — Поехали в Фергану, а то нас уже потеряли и, наверное, ищут». Кузнецов выбрал момент, обнял шефа, что-то шепнул на ухо, и тот одобрительно кивнул головой в ответ. Военачальники, довольные увиденным, укатили вниз по ущелью, а мы тоже стали не спеша собирать имущество и готовиться к отъезду. Когда у разведчиков все было готово к отъезду, спустилась группа альпинистов, которые страховали спуск десантников со скалы. Семенов подошел к Пантюшенко и спросил: «Игорь Григорьевич, ну как сработали ребята?» — «На оценку «отлично». Толя», — ответил полковник. «Мы там, наверху, за них переживали, наверное, не меньше вашего, ведь высота большая. Продолжали страховать даже тогда, когда явно почувствовали слабинку веревок. Подняться нельзя, чтобы хоть одним глазом посмотреть, как там, внизу, Хабаров накрепко

наказал не высовываться и не демаскировать себя». — «Он у нас такой», — поддакнул ему шеф. Группа Семенова действительно радовалась нашему успеху. В горах наш успех — часть их успеха. К этому времени мы уже настоящему подружились с альпинистами. Учились у них, и не зря, многим из офицеров-разведчиков в скором времени все это пригодится в Афганистане во время ведения боевых действий в горах.

Шеф в который раз поблагодарил группу Семенова за помощь, собрались было уезжать, как увидели бегущего к нам Мутилова. «Ты что нас пугаешь своей беготней? Ты забыл, что бегущий офицер — это паника?» — бросил ему Пантюшенко. «Товарищ полковник, заканчивается цемент, стройка может остановиться». — «Ладно, Володя, завтра зайду к тыловикам, дня через два подвезут, а ты занимайся пока другим полезным делом». — «Мы и так работаем с утра до вечера, товарищ полковник», — как бы в свое оправдание заявил Мутилов. «Я же не сказал тебе, что вы бездельничаете».

Колонна вниз двигалась очень медленно. Как только горы остались позади, мы попали в странное душное марево. Вдоль дороги стояли припыленные, с опущенными листьями деревья и кусты. Через пару часов мы, пропотевшие, прибыли в военный городок. Ротный уже ждал людей, отпрапортовал Пантюшенко и стал отдавать необходимые указания офицерам, солдатам на приведение оружия в порядок, отправку на склад материальных средств, а мы с шефом направились домой. По дороге шеф сказал, что Курновенкова надо выдвигать начальником разведки ферганского полка вместо Богзы, который этим летом увольняется. Да и толку от него, как от начальника разведки, мало. Ему всегда была по душе дознавательская работа. Вместо Анатолия к нам прибудет новый военный переводчик, тем более со знанием китайского языка. «Вот такая, Миша, у нас ожидается в ближайшее время ротация кадров». В связи с этим я вспомнил веселый случай. Как-то на учениях у Пантюшенко один из политработников спрашивает: «Игорь Григорьевич, а как будет звучать на китайском языке слово «политотдел»? Шеф, не задумываясь, отвечает: «Ала-ла». Вот было смеху. Офицер на такой ответ не обиделся, тоже рассмеялся.

Дома, как всегда, ожидал сын, и сразу вопросы: где был, что видел, что привез? Он у нас уже взрослый, окончил первый класс. Учила его учительница, которая в свое время учила мою жену, то есть его мать, Антонина Федоровна. Педагог с большим стажем и жизненным опытом. У нее особо на уроках не забалуешь. Строго спросить может. Мы с женой иногда ходили к ней в гости. Бывало, и она к нам заходила. Школа тоже

была на хорошем счету в городе. Здесь с первого класса ребята занимались углубленным изучением английского языка. Единственное, что было плохо, далеко от дома, много бестолковых перекрестков и бестолковых водителей. Поэтому мы старались провожать и забирать сына сами.

Придя на службу, увидел в кабинете молодого, усатого лейтенанта. Пантюшенко мне говорит: «Миша, знакомься, наш новый переводчик Юра Татур». Лейтенант коротко рассказал о себе. Позднее, в более дружеской обстановке, выяснилось, что он из Гродно, мать учительница, отец работяга. Одним словом, он был офицером что надо, служба у него складывалась неплохо, даже очень неплохо. Юра от переводчика дорос до начальника разведки полка, а затем и бригады. Курновенко уже около месяца был начальником разведки местного полка, и должность военного переводчика была заблаговременно освобождена.

Где-то ближе к сентябрю узнал, что шеф в этом году будет также руководить сбором военнообязанных, который каждый год в течение двух месяцев проходил в Фергане на базе нашей дивизии. В основном это были военнообязанные, проживавшие на территории Туркестанского, Среднеазиатского и Уральского военных округов и значившиеся в особых списках Главного разведывательного управления. Кандидатура Пантюшенко была одобрена Москвой, он из года в год был постоянным руководителем сбора по линии ГРУ. Его помощником, а точнее, замполитом, был всегда представитель политотдела дивизии Шеметило. После этой новости стало понятно: на предстоящих учениях с местным полком вместо Пантюшенко мне придется изрядно потрудиться. Иными словами, снова тянуть воз и набираться опыта, а подсказать некому. Тем не менее я многое уже перенял у шефа, так что особо плакаться не было смысла. Предстоящее учение было непростым, оно должно было проводиться в горах, в том числе и десантирование. На эти учения привлекалась и разведывательная рота дивизии. В роте продолжалась преемственность командиров, Хабаров в свое время сменил убывшего в академию Советской армии Качанова и около двух лет командовал ротой. После убийства Хабарова в Чирчик на должность командира батальона ротой стал командовать Никифоров. Батальоном Хабаров командовал успешно. Часто бывая в Чирчике, приходилось наблюдать и проверять ход боевой подготовки в ротах его батальона, который занимал лидирующее положение в полку. В то же время мы все по-дружески промывали косточки Качанову и считали, что Анатолию с академией повезло. В то время учиться в этой академии было престижно, так как по окончании направляли на работу в одну из зарубежных стран.

Во время подготовки к учению пришлось не один раз выезжать в район для проведения рекогносцировки. Оперативную группу дивизии возглавил комдив, самолично изучавший район проведения учения. Особая роль в этом учении отводилась дивизионным разведчикам. Они должны были десантироваться на ограниченную высокогорную площадку и незаметно выйти к перевалу Камчик, уничтожить условного противника, удерживать его до тех пор, пока к перевалу не подойдут основные силы десанта. После долгой и кропотливой работы на местности был окончательно утвержден замысел учения, определены площадка приземления, районы, в которых нужно было расположить объекты для захвата при выполнении десантниками ближайшей задачи, и маршруты выдвижения, а также район обороны полка в горах. На высокогорной площадке, выбранной для десантирования дивизионных разведчиков, был выставлен метеопост для изучения потоков воздуха и определения погоды, которая менялась, когда ей вздумается.

За ходом учения прибыл наблюдать генерал армии Маргелов с большой группой генералов и офицеров. Конечно, генералы и офицеры командующего не были посторонними наблюдателями, а были задействованы на подготовку и проведение первого учения в горной местности. За час до десантирования основных сил полка на ограниченную площадку непосредственно вблизи горного перевала Камчик была выброшена дивизионная разведрота. Площадка приземления абсолютно незнакомая и очень сложная: с двух сторон пропасти метров триста глубиной. Далеко внизу с одной стороны голубой лентой виднелась извилистая речка. Разведчикам было над чем задуматься, когда им рассказали, что из себя представляет горная площадка. На их взгляд, она будет намного круче тех, на которые приходилось десантироваться раньше. Несмотря на уже достаточный опыт при совершении парашютных прыжков, Никифорову с офицерами пришлось еще и еще раз провести с личным составом дополнительный инструктаж об особенностях поведения в воздухе и при приземлении. Лишним занятие не было, десантирование прошло успешно.

Маргелов, приглашенные партийные и советские гости во время десантирования роты находились непосредственно на самом перевале Камчик и могли наблюдать бой по захвату горного перевала. На перевале находилась чайхана. В основном в ней ели водители, реже пастухи, которые спускались с пастбищ. Чайханщик для высоких военных начальников вынес все имеющиеся стулья, создав гостям все условия для того, чтобы они смогли увидеть стремительный спуск разведчиков. Это было опасное

занятие из-за пересеченной местности. Стоило разведчику не удержаться на ногах, и пришлось бы долго кувыркаться вниз, а затем отлеживаться в госпитале. И вдруг на небольшом пятачке перед чайханой, словно из-под земли, появились разведчики, и началась рукопашная схватка наших разведчиков и неприятеля. Можно с уверенностью сказать: «Да, было на что посмотреть». Все посетители чайханы, бросив свою шурпу и плов, гурьбой высыпали на улицу смотреть на действия десантников. Постепенно перевал перешел в руки разведчиков, им оставалось лишь удерживать его во что бы то ни стало, отбивая все попытки противника сбросить десантников в пропасть до подхода основных сил десанта. Все разведчики, принимавшие участие в этом учении, были удостоены благодарности командующего, а сам прыжок был засчитан как экспериментальный. Командира роты представили к досрочному присвоению воинского звания «капитан». Однако представление затерялось в штабе ВДВ.

Десантирование всех подразделений полка было проведено строго в соответствии с планом и замыслом учения. Выполнив ближайшую задачу, подразделения десантников продолжили выдвижение в район горного прохода, а один из батальонов к горному перевалу Камчик, чтобы сменить уставших разведчиков, которые непрерывно отражали атаки превосходящих сил «противника». Движение по горным дорогам и тропам было тяжелым и даже опасным. Попадались участки, которые надо было проходить, прижавшись вплотную спиной к горной породе. Вниз смотреть страшно. Случайно задетый камень стремительно и долго летит вниз, а когда смотришь за полетом, начинает кружиться голова и создается впечатление, как будто бы кто-то тебя тянет вслед за камнем. Устали парни, пока шли по тяжелому маршруту, но батальон вовремя подошел на выручку разведчикам, у которых «боеприпасы» были на исходе. Десантники в течение трех суток в тяжелейших условиях учились воевать в горах, и не только воевать, они отрабатывали задачи по смене позиций в горных условиях. Погода десантников не баловала. Часто шли дожди с сильными ветрами. Хотя внизу стояла прекрасная солнечная погода.

На учении одновременно с выполнением тактических задач для командующего ВДВ было организовано показательное занятие по преодолению боевыми машинами десанта горных склонов и сухого русла горной речки. В одном месте рискнули и показали преодоление боевой машины не широкой, но стремительной горной речушки. При движении боевой машины вода переливалась через корму, и машина вот-вот могла захлопнуть. Наблюдая эту картину, переживали не менее самого механика-

водителя. Наконец громко фыркнула двигателем и потихоньку поднялась на противоположный берег. Мы, несмотря на присутствие Маргелова, ликовали. Механика-водителя командующий подозвал к себе, обнял его по-отечески и что-то сказал и тут же объявил благодарность и десять суток отпуска с поездкой на родину. Действиям десантников на учении Маргелов, как Скупой рыцарь, дал оценку «хорошо», а всему личному составу полка объявил благодарность. Дерзкие и решительные действия разведчиков по захвату и удержанию горного перевала оценил на «отлично». С хорошим настроением закончили проведение учения, и войска благополучно вернулись в Фергану. За пару дней подразделения привели себя и технику в порядок и продолжили заниматься боевой подготовкой в полевых условиях.

В один из дней на служебном совещании мы узнали, что Министерством обороны проверяется наша братская Витебская дивизия. В течение десяти дней группа генералов и офицеров во главе с заместителем министра обороны, генералом армии Соколовым, выворачивали дивизию наизнанку. Один полк проверялся на тактическом учении с десантированием и боевой стрельбой не где-нибудь, а в районе Кировабада. Крутили, вертели, все искали недостатки, но в результате вынуждены были поставить хорошую оценку. Однако комиссия на этом не успокоилась, у нее были совсем другие планы в отношении десантников, но все держалось в большом секрете. Десантники уже с облегчением вздохнули, когда самолет, на котором якобы улетала комиссия, оторвался от земли. Соколов из самолета дает 357-му полку команду привести себя в боевую готовность. Разумеется, условно. Трудно себе представить, что творилось в военном городке. Народ был уверен в своей правоте, оценка заслуженная, людям необходим отдых. Встревожился и Маргелов. Подлянка была сделана Соколовым за его спиной. Конечно, Соколов был куратором десантных войск, но все же с Маргеловым мог своими планами и поделиться. И снова комиссия всем составом теперь уже навалилась на один полк. По-хорошему, эти действия Соколова можно назвать издевательством над людьми, нашему возмущению не было предела. Десять напряженных дней и ночей! Да еще и погода подвела, но десантники показали чудеса и героизм. Снова полк привел себя в боевую готовность в строго отведенные для этого сроки. Ну, теперь уж комиссия от них отстанет, подумали десантники, но не угадали. Поступила команда загрузить боевую технику в самолеты, а позднее и личный состав. Спланировали выбросить полк за тысячи километров от места дислокации на площадку Багиш под Чирчиком. Стало понятно: наступает время оказать помощь своим братьям по службе. Маргелов по телефону приказал комдиву подготовить площадку

приземления, а на полигоне мишенную обстановку для боевой стрельбы в составе полка. После разговора по телефону с командующим комдив немедленно отдал указания по подготовке встречи витебчан командиру чирчикского полка. Из офицеров штаба дивизии была создана оперативная группа, в состав которой был включен и я. К обеду следующего дня мы были на площадке приземления, где незамедлительно включились в работу. Кто оказывал помощь в подготовке мишенной обстановки, в выставлении оцепления на площадке, а я контролировал подготовку объекта «противника» для захвата. К вечеру в район десантирования прибыл Маргелов с группой офицеров. С ним прибыл и полковник Рудов, заместитель начальника разведки ВДВ. Нас всех собрали на совещание. Генерал Кузнецов доложил командующему о готовности всех объектов к приему братского полка. Маргелов в свойственной ему манере потребовал от нас максимума усилий при оказании помощи полку Витебской дивизии, особенно при проведении боевой стрельбы в составе полка с учетом местности. Всю ночь напролет, теперь уже вместе с офицерами штаба ВДВ, проверяли готовность района учения к десантированию и «боевым» действиям. Рано утром собрались около смотровой площадки. Через некоторое время подъехал Маргелов, все оживились и были в готовности ответить на его вопросы. К нему подошел офицер связи, что-то сказал, командующий посмотрел на часы и поднялся на трибуну. Мы подумали, связист доложил о прилете Соколова. Маргелов стал ходить по смотровой площадке, не вынимая изо рта папиросы. Чувствовалось, что самый главный десантник волнуется. И было от чего, полк после долгих напряженных дней и ночей привел себя повторно в боевую готовность. Народ, естественно, устал, а здесь еще перелет за тысячи километров, десантирование на совсем незнакомую местность и боевая стрельба в непривычных для солдат погодных условиях. Вдруг громко на трибуне зазвонил телефон закрытой связи, офицер-связист поднял трубку, послушал и тут же передал ее Маргелову. Командующий разговаривал по телефону довольно долго, затем положил трубку, закурил и некоторое время что-то обдумывал. Собрал своих офицеров и комдива на трибуне, что-то долго им рассказывал, а затем отпустил. К нам подошел комдив и сказал, что Соколова на учении не будет, он поручил провести полковое учение Маргелову, подлет передовой группы ожидается где-то около одного часа. В небе показался точкой самолет. Маргелов с трибуны громко спросил: «Кузнецов, у тебя все готово?» — «Так точно, товарищ командующий». На горизонте уже показался строй самолетов «Ан-22» (Антей), мы внимательно следили за их приближением. И вдруг все от неожиданности и

страха охнули и присели. Два самолета стали сближаться друг с другом. Нам показалось, еще несколько секунд, и произойдет нечто ужасное, непоправимое. Послышался вздох облегчения, когда самолеты стали медленно расходиться и занимать свои места в строю. В первой группе самолетов находилась боевая техника. Через несколько мгновений она стала отделяться от самолетов. Прошло менее минуты, и боевые машины закачались под многокупольными системами, но одна система заколбасила, боевая машина стремительно понеслась к земле, и через несколько секунд раздался грохот, поднялась пыль. Отказала парашютная система, машина разбилась. Маргелов, наблюдавший эту картину, громко выругался. Вслед за техникой стал десантироваться личный состав. Полнеба было в белых куполах, и только два цветных купола выделялись среди этой белой массы. Один командира дивизии, а другой командира полка. Прошло какое-то время, к трибуне подъехала боевая машина, с которой соскочили комдив и командир полка. Поднялись на трибуну. Маргелов спросил: «Что, за часами приехали? Не будет вам часов. Рябченко, одну машину угробили, ты в курсе дел? Командир полка, как настроение?» — «Отличное, товарищ командующий». — «А как личный состав?» — «Готов выполнять поставленную генералом армии Соколовым задачу на зимних квартирах». — «Откуда ты это все знаешь?» — «Комбаты по радио доложили, товарищ командующий». — «Тогда давай, командир, рули полком. Кузнецов, передай одну боевую машину Рябченко, негоже десантникам домой возвращаться с потерями».

На площадке приземления становилось жарко не только по погодным условиям, но и по накалу «боевых» действий. Как вы в такую жару здесь служите, жаловались нам братья-славяне. Все же витебчанам надо отдать должное, они стойко перенесли все трудности. Неплохо воевали на незнакомой, резко пересеченной местности. Да и результат боевой стрельбы был неплохим. Конечно, мы оказывали им помощь всяческую вплоть до посадки в самолеты на аэродроме для отбытия в Витебск.

В Фергану командиром дивизии прислали заместителя начальника Рязанского десантного училища, подполковника Королева. Это был первый случай на моей памяти, когда на дивизию присылают подполковника. Как правило, полковника, а вскорости присваивали генеральское звание, за редким случаем бывала генеральская ротация из одной дивизии на другую. Наверное, Королев выдержал жесткий конкурс среди полковников и получил приятную путевку в Фергану. Вспоминается случай. В округе проводили какую-то конференцию, и, как правило, ответственный офицер обзванивает дивизии и уточняет списки и звания участников. Ему кто-то из

политотдела перечисляет список убывающих в округ и указывает звание комдива — подполковник Королев. Вверху переспрашивают. Наш подтверждает, да, да, вы не ослышались, у нас пока комдив подполковник. Штаб ВДВ заранее предупредил о прилете Королева. По прибытии в дивизию он потребовал к себе в кабинет планирование боевой подготовки и план боевой готовности. Поработав некоторое время с документами, пригласил к себе офицера оперативного отдела и попросил доложить, какие подразделения находятся в отрыве от мест постоянной дислокации. Офицер доложил, что на сегодняшний день на полевом выходе находятся только подразделения разведки. «Где конкретно они сейчас?» — «В горном учебном центре», — ответил оператор. «Я немедленно выезжаю к ним», — отрезал комдив. В штабе началась суматоха. Вот это комдив, просмотрел документы — и в поле! Его еще многие помнили, когда он был командиром разведроты, начальником разведки и заместителем штаба полка. Многих помнил и он.

Проведя в учебном центре соревнования и отработав все учебные вопросы в долине, разведчики двинулись с выполнением учебных задач в предгорье. На день прибытия Королева в дивизию разведподразделения отрабатывали вопросы горной подготовки в альплагере «Дугоба». Время подходило к обеду. Мы с Пантюшенко обходили места занятий. Задержались около взвода Попова. Его бойцы отрабатывали вопрос переправы через горную речку. Занятие было интересным и в то же время сложным, более того, опасным, если не соблюдать мер безопасности. Обучали наших ребят, как всегда, альпинисты. Со взводом Попова занятия проводил Балинский, альпинист с большим стажем и давний друг разведчиков, который имел высший титул альпиниста Снежный барс. Через горную речку были натянуты два каната, конечно же, закреплены на совесть на обоих берегах в скальной породе. Высота канатов над водой была метров десять, если не больше. В этом месте речка проходила, как в каньоне. Тем и было занятие интересным и чуточку мандражным. Речка сама по себе не широкая, но со стремительным течением. На дне большие камни, в некоторых местах они виднелись над водой, из-за этого и был большой риск. Солдаты, соблюдая страховку, по очереди переправлялись на противоположный берег с помощью страховочных ремней — подобие нашей парашютной подвесной системы. Только десантник ногами вперед к земле приземлялся, а здесь через речку на веревке вниз спиной переправлялся. Не у всех все сразу получалось. Кто-то на середине речки застрянет, у другого силы на исходе. На берегу их страховали и веревками подтаскивали к берегу.

Вдруг Пантюшенко мне говорит: «Смотри, кажется, Карпов бежит. Что там могло случиться?» Подбежал запыхавшийся Карпов: «Товарищ полковник, передали из дивизии, что пятнадцать минут назад к нам выехал новый комдив, вы его знаете, Королев». Несомненно, мы его помнили. Шеф посмотрел на часы. У нас на все про все время остается немногим меньше полутора часов. «Надо какое-то занятие к его приезду подготовить», — продолжает рассуждать начальник. «Зачем готовить, — говорю ему. — Вот на взводе Попова и покажем, как разведчики учатся преодолевать горные реки. Давайте посмотрим, где можно добавить немного тактики, рукопашного боя и стрельбы». Ниже по течению речки занимались и другие взводы разведки. «Миша, давай сюда еще один взвод, а ты, Володя, так же быстро вернись в лагерь и тащи все необходимое для холостой стрельбы. Старшинам передай, чтобы обед готовили с учетом комдива. Дневальные тоже пусть лишний раз проверят порядок на территории».

В это время к нам подошел Бабенко, начальник разведки ошского полка. «Вася, давай иди обратно в нижний лагерь, посмотри, чтобы там не было бардака. Если комдив случайно заедет к вам, доложи ему все чин по чину и передай, что Пантюшенко на занятиях ближе к «Дугобе». То же самое передай и Череднику. Комдива надо встретить нормально, понял?» Подошедший взвод разведчиков для показухи разделили на своих и чужих. Им же поручили проведение рукопашного боя. По замыслу, взвод Попова должен преодолеть горную речку, захватить объект на противоположном берегу. Часть бойцов назначили для огневой поддержки переправы. То есть для оформления шумового эффекта. Провели тренировку, но без стрельбы. Очень даже неплохо получилось. Шеф внес небольшие поправки в занятие, эти изменения тут же довели до ребят. Шеф от удовольствия потер руки. Народу дали немножко отдохнуть.

Прошло минут двадцать, с нижнего лагеря передают, комдив проехал мимо, направляется к вам. Начальник дает команду: «Все по местам, приготовиться к работе». Чувствую, шеф опять начинает волноваться, несмотря на то что Королев был его учеником. Наконец подъехал «уазик», из него вышел подполковник. Пантюшенко строевым шагом подошел к комдиву, да так подошел, что молодые лейтенанты позавидовали бы, и стал докладывать. «Игорь Григорьевич, вольно», — тут же его перебил Королев. Подошел и обнял своего учителя. Поздоровался со мной и сказал в шутку: «Подсигиваешь шефа?» — «Больше некому», — ответил я. Дальше шеф уже в непринужденной обстановке стал рассказывать комдиву, чем сегодня занимаются разведчики и конкретно на этой учебной точке. В данный

момент взвод готовится преодолевать горную реку. Мы для вас, Павел Васильевич, подготовили небольшую картинку. Давайте посмотрим. Подали команду на начало проведения занятия. По натянутым канатам разведчики друг за другом стали преодолевать реку. Когда часть бойцов оказалась на противоположном берегу, противник стал воздействовать на разведчиков огнем. Группа прикрытия открыла ответный огонь, тем самым поддержала действия своих товарищей, и они продолжили переправу. Метрах в десяти в небольшой ложинке началась рукопашная схватка с охраной объекта. Остальные разведчики, преодолев водную преграду, тоже ввязались в «бой», тем самым дали возможность форсировать речку группе прикрытия. Когда с охраной было покончено, разведчики имитировали подрыв объекта. Выполнив задачу, разведгруппа собралась в укромном месте. Попов, командир группы, убедившись, что все в сборе и «потерь» нет, соблюдая меры безопасности, увел разведчиков в горы выполнять следующую «боевую» задачу.

Боевой эпизод получился намного лучше, чем мы ожидали. «Когда вы только успели подготовить интересное, а самое главное, поучительное занятие?» — спросил Королев. «Так мы же разведчики и кое-что в горах уже умеем показать», — ответил ему шеф. «Игорь Григорьевич, соберите разведчиков, которые участвовали в этом занятии». Комдив побеседовал с разведчиками, всех поблагодарил за старание, пообещал всестороннюю поддержку. К слову будет сказано, свое обещание сдержал. Где-то уже через полгода дивизионные разведчики переехали в новую казарму и заняли весь первый этаж. После беседы с бойцами Королев и Пантюшенко поднялись в альплагерь. Там их встречал Несповитый, но обед по обоюдной договоренности состоялся на территории альплагеря «Дугоба». Позднее комдив, шеф, Несповитый и кто-то из альпинистов зашли на нашу территорию. Бродили, что-то обсуждали, намечали, предлагали. Одним словом, после обеда, как обычно, строили планы на будущее. Осмотром строительства комдив остался доволен, пообещал через тыл дивизии помочь строительными материалами. Ближе к вечеру мы проводили комдива в Фергану. Дня через два мы, отработав плановые занятия по горной подготовке и совершив суточный поход на вершину, стали потихоньку сворачивать лагерь. Накануне начальник лагеря «Дугоба» всем разведчикам вручил значок «Альпинист СССР» и удостоверение. Пантюшенко поблагодарил руководство альплагеря за трудоемкую работу, которую они проделали. Ребята очень гордились тем, что сдали необходимые нормы на столь престижный для них значок, и носили его на груди рядом с заслуженными военными знаками.

В пункты постоянной дислокации разведподразделения дивизии вернулись своевременно и без происшествий. Несколько дней понадобилось на приведение техники и оружия в порядок, а затем они снова приступили к отработке вопросов боевой подготовки. Неделей позднее разведроты ошского полка и один взвод дивизионной разведки участвовали на полковом тактическом учении с десантированием и боевой стрельбой. Учение проходило в районе Оша, а боевая стрельба на полковых стрельбищах нашего и мотострелкового полков.

В последнее время стал подмечать, что шеф всю свою работу стал перекладывать на меня. То ли учения, то ли подготовка показательных занятий в системе командирской подготовки — все валил на меня. Даже занятия по разведывательной подготовке для офицеров управления стал проводить я. Он как бы рядом, что-нибудь подскажет и на том спасибо, но не больше. Ну, думаю, шеф стал что-то здорово сачковать, на него это было не похоже. Он, наверное, почувствовал мое настроение. Однажды, когда мы были в кабинете одни, он мне прямо, откровенно свои карты и раскрыл. «Миша, ты не обижайся, это все делается для твоего же блага. Моя служба подходит к концу. Весной я решил уволиться, уехать в родной Харьков и получить квартиру. До старости, как другие, служить не намерен. Вот и загружаю тебя работой, чтобы набирался опыта, пока я рядом».

Незадолго до весеннего полевого разведвыхода на него пришел приказ на увольнение. Проводы он организовал в Доме офицеров, присутствовали почти все офицеры управления. Много было сказано хорошего в его адрес. После обмытая дембеля шеф потихоньку рассчитывался с разными службами, подписывал обходной лист. Накануне разведвыхода из Москвы пришел приказ о назначении меня на должность начальника разведки дивизии. Я был очень рад, не менее за меня радовался и шеф. Где-то через неделю собрались разведчики всей дивизии, как и прежде на учебном центре, на свой традиционный полевой выход. Мы с шефом предварительно договорились, что на следующее утро к моменту построения личного состава на занятия он подъедет и поговорит с ребятами о службе. Ну и поблагодарит за совместную службу, скажет им до свидания. Утром подъехал шеф. Войска были уже построены. Доложил Игорю Григорьевичу, все чин по чину. Пантюшенко поздоровался с личным составом, поблагодарил парней за совместную службу, на что те ответили дружным троекратным ура. И мне говорит: «Больше не буду расстраиваться», — обнял меня и уехал. Встретились мы с ним только через пять лет в Москве, и то на вокзале. Его провожал Сурьков, офицер Генерального штаба, который каждый год приезжал в Фергану на сбор

«партизан», которым руководил Пантюшенко. На скорую руку сообразили прямо в купе по сто граммов. Через минуту проводник попросил всех провожающих покинуть вагон.

Мой первый разведывательный выход в новом качестве, без учителя, проходил не очень гладко. Подвели разведчики чирчикского полка, даже не разведчики, а два механика-водителя из батальона полка. Боевые машины находились в лагере, пока разведчики в течение нескольких суток отрабатывали вопросы разведывательной подготовки в предгорье. Зимой в альплагерь мы не уходили, уж очень много снега. От каждой разведроты было оставлено по два человека для охраны. В разведроте чирчикского полка было всего две машины, а механики из парашютно-десантной роты учебной группы какого-то батальона. Рота полностью не была укомплектована боевыми машинами, поэтому на полевой выход им выделили машины из полка. Правильно говорят, когда солдату не хрен делать, его тянет за забор. Старший в лагере ослабил внимание, а механики завели боевую машину и поехали в ближайший кишлак Акпиляль. Подъехали к клубу, где веселилась узбекская молодежь, среди них многие не владели русским языком. Конечно, десантники попытались что-то изобразить, но их не поняли. Ситуация стала осложняться. До десантников дошло: компания чужая, надо уходить. Забрались под броню, стали разворачивать машину и, надо же, гусеницами разворотили клумбу, на которой росли розы. В ответ полетели камни. В это время проезжал председатель местного колхоза и эту картину наблюдал воочию. Утром нужная информация была уже в горкоме. Оттуда позвонили в политотдел дивизии. Трудного большого для выяснения, чьи это были похождения, не понадобилось. На выходе были только разведподразделения. До конца разведывательного выхода Старченко, начальник политотдела, меня не трогал. Конечно, с нарушителями разобрались. Получилось у них все по-нашенски, сначала делаем, а потом думаем. После окончания полевого выхода начальник политотдела пригласил меня в кабинет и все мне с глазу на глаз высказал. Поскольку у меня с ним были хорошие служебные отношения, я отделался только назиданием на будущее, и еще он мне пожелал, чтобы в работе с разведчиками не было отступлений от методики Пантюшенко. Вот так у меня получился первый блин комом. Естественно, выводы были сделаны.

У нас в дивизии было четыре разведроты, первое место одно, так же, как и последнее. Так вот это последнее место традиционно занимала рота чирчикского полка, но у них всегда было одно первое место по боксу. В штате роты был Толя Шпелев, чемпион дивизии, округа, ВДВ, а также будущий чемпион Союза и Европы по боксу. Кстати, очень скромный

солдат. В Фергане он вырос от рядового до майора, начфиза полка. Сейчас живет в Москве, тренер по боксу в спортивном клубе, изредка перезваниваемся и встречаемся.

После весеннего разведывахода подошло время проверки боевой подготовки частей и подразделений дивизии. В течение двух недель на полигонах, полковых стрельбищах днем и ночью не смолкала стрельба. Потом командир дивизии подвел итоги проверки. Мне, как молодому начальнику, было приятно слышать, что разведподразделения весеннюю проверку сдали успешно. В конце совещания Королев, как в том анекдоте: «А сейчас поговорим о плохом». Мы насторожились. Из-за бугра давно пахло плохой обстановкой. В Афганистане произошла революция, уже шли боевые действия правительственных войск с оппозицией. Однако нас это пока не тревожило, а только настораживало. Тем не менее комдив заговорил о другом. К нам едет с ревизией Главная инспекция Министерства обороны. Возглавляет ее маршал Советского Союза Москаленко. Мы так и ахнули. Далее командир сказал, что оперативный отдел в течение двух дней составит предварительный план проверки, согласует со штабом ВДВ, а потом его доведут до командиров частей. «Вам мой совет, готовьтесь к инспекции с сегодняшнего дня, не откладывайте на потом». Через неделю в Фергану прилетела большая группа генералов и полковников со штаба ВДВ для оказания нам помощи в подготовке частей и подразделений к сдаче проверки военной инспекции. Естественно, они с нас не слезали до тех пор, пока не наметилось более или менее правильное направление работы по подготовке частей и подразделений к этой самой инспекции, и вернулись в Москву. Я своих офицеров определил в состав рабочих групп, которые работали в полках. Сам же вплотную занялся дивизионной ротой. Период подготовки сам по себе был нервным. Каждый начальник требовал от комполка чего-то в интересах своего подразделения. Часто через комдива включал административный ресурс и я. Изначально инспекцией рассматривался вопрос проведения учений, затем сдача одиночной подготовки. Однако усилиями штаба ВДВ удалось убедить инспекцию и провести проверку в обратной последовательности. Все лето дивизия вертелась, словно белка в колесе. Наконец дождались «желанных» гостей. Старшим в дивизии был генерал-полковник Ямщиков. Несмотря на чрезмерное пристрастие офицеров инспекции, одиночную подготовку десантники сдали уверенно на «хорошо». Начался второй этап проверки. Подготовка и проведение дивизионного учения с десантированием в Восточном Казахстане. Вот здесь и начался настоящий кошмар, подъем по учебной тревоге, выход в районы сосредоточения. В этих же районах

готовили и боевую технику к десантированию. Офицеры инспекции в этом ни хрена не разбирались, но совали свои носы и только мешали десантникам заниматься делами. Конечно же, — это они делали из любопытства, но нам от этого легче не становилось. В подземном бункере утром должны были заслушивать начальников ведущих служб. Конечно, первым, как всегда, буду я, начальник разведки дивизии. Всю ночь не спал, рисовал рабочую карту, готовил доклад о противнике в районе десантирования и боевых действий. Утром все и началось. Отдыхал ли ты, завтракал ли ты, никого это не волновало, а вот если солдат не поел, берегись, командир. Как сейчас модно слышать, однополярные действия. Успел только насухую побриться, подшить свежий подворотничок. Развесил свою рабочую карту, про себя еще раз продумал доклад.

Заходит Ямщиков. Тут же последовали команды: «Встать, смирно», и доклад о готовности к занятию. Инспектор внимательно осмотрел тактический класс, содержание стендов, подошел к моей карте. Мы в то время на картах воевали с КНР и в основном с войсками, которые были на территории Синьцзянь-Уйгурского автономного района. Осмотрев присутствующих, генерал сел за стол, раскрыл рабочую папку, достал записную книжку, карандашом сделал какую-то запись. Я с указкой в руке был уже на старте. «Ну что же, начнем работу. Где начальник разведки? — и снова заглянул в блокнот. — Давайте, товарищ Скрынников, послушаем вас». Докладывал нормально, как учил ветеран, фронтовик, полковник Пантюшенко. Заострил внимание генерала на том, что ракетный дивизион «Дун» — мобильный, и, если не предусмотреть его окружение в момент десантирования, он может быстро свернуться с позиций и уйти из-под удара, а в новом районе займет огневые позиции, и тогда жди беды. Генерал оживился: «Комдив, обратите на это внимание при планировании боевых действий». Королев встал, соглашательски поддакнул: «Штаб при планировании боевых действий обязательно это учтет», — и тем самым как бы мне подыграл. Затем Ямщиков задал еще несколько вопросов, сделав необходимые пометки в блокноте, разрешил сесть. После меня старший инспектор стал пытаться Петрякова, начальника штаба дивизии, а как десантники будут выполнять ближайшую задачу, то есть уничтожать объекты противника в районе площадки приземления, потом еще некоторых офицеров штаба дивизии. В целом все прошло успешно. Осталось только десантироваться и победить супостата. Вечером этого же дня оперативная группа дивизии вылетела в район учения. За неделю раньше в Восточный Казахстан ушел железнодорожный эшелон от дивизии для обеспечения десантирования и проведения дивизионного учения.

На площадке приземления все было готово для приема десанта. Мы с раннего утра толпились около смотровой трибуны, ожидая приезда высокого начальника. К нам подошел Симонков: «Хреново, мужики, синоптики обещают на момент десантирования ухудшение погоды». Генерал Костылев, а он был старшим от штаба ВДВ, запросил сводку погоды и о чем-то долго совещался с Симонковым. Москаленко — со своей многочисленной свитой. Мы подготовились действовать по ситуации. Маршал подошел к большой схеме, на которой было нарисовано все: от площадки приземления, выполнения десантниками ближайшей, последующей задач, а также выдвижения резервов противника, и долго смотрел на нее. Потом поинтересовался: «Когда будут парашютироваться солдаты? А кто из парашютистов здесь есть?» Естественно, Петрякову, как старшему, пришлось подойти к маршалу и представиться. Комдив в это время находился в воздухе в составе передового отряда. «Расскажите, что здесь нарисовано?» Было заметно, что он остался доволен услышанной легендой о ходе учения. Мы продолжали группой держаться вблизи маршала. В готовности был и я. Из-за штабной палатки к нам тихонько подошел старшина комендантской роты Лунин: «Товарищи офицеры, пока обстановка позволяет, приходите на обед». Петряков ему напомнил о генерале Костылеве. «Он с Симонковым уже обедает», — ответил Лунин. Оказывается, Костылев и Симонков были знакомы еще со времен войны, им было о чем поговорить, что вспомнить. После обеда погода стала готовить десантникам сюрприз. Это было заметно невооруженным глазом. Солнце стало необычно желтым, чувствовалось первое легкое дуновение ветра, и вдруг резко запахло пылью. Через офицера-порученца об ожидаемом изменении погоды в ближайшее время доложил маршалу. Тот пригласил к себе генерала Костылева и решение вопроса о десантировании в плохих погодных условиях возложил на представителя ВДВ. На горизонте показалась первая группа самолетов передового отряда, началось усиление ветра. На карту ставилась цель учения и результат инспекции дивизии. Генерал-лейтенант Костылев после консультаций по телефону с Маргеловым принимает решение, несмотря на критические погодные условия, десантировать личный состав и технику в намеченные сроки. Первый эшелон десанта десантировался на пределе допустимой скорости ветра, а основные силы десанта приземлялись при сильном ветре. Несмотря на множество травмированных, роты и батальоны незамедлительно приступили к выполнению ближайшей задачи — стали уничтожать и захватывать объекты противника в районе приземления десанта. Полковые разведчики докладывали о противнике в районе

площадки приземления, а разведгруппы дивизионной роты вышли на маршруты выдвижения резервов противника. Разведрота Алиева совершила налет на пусковые ракетные установки, которые пытались уйти из-под удара десантников. В реальности на местности «противника» обозначал ракетный дивизион мотострелковой дивизии. Один из эпизодов налета — парни в тельняшках не удержались, вступили в рукопашную схватку с ракетчиками и многим намяли бока. Разведрота ошского полка, которой командовал Манюта, захватила и уничтожила армейский запасный командный пункт. Здесь все обошлось по-мирному, по-джентльменски.

Выполнение ближайшей задачи подходило к концу. Однако погода внесла жесткие изменения. Глядя на площадку приземления, можно было подумать, что недалеко проходит парусная регата. Купола парашютов погасить удавалось не всем, и десантников тащило по ветру сотни метров. К смотровой площадке на большой скорости подъехала боевая машина, оставляя за собой клубы пыли, которые ветер тут же уносил далеко в сторону. С нее соскочил комдив, прихрамывая, подошел к маршалу. После короткого разговора с инспектором Королев опять начал было движение в сторону площадки приземления, но, увидев меня, остановился. «Скрынников, возвращай своих на площадку приземления, пусть собирают парашюты. Остальные, бегом на площадку». После таких слов все бросились помогать гасить купола, что, правда, удавалось с трудом. Где-то часа через два заглянул в ближайшую лощину. Там развернул свой полевой лагерь медико-санитарный батальон дивизии. Я ужаснулся от увиденного. В палатках и рядом на носилках и просто на земле лежали десятки перебинтованных десантников, а вокруг них хлопотали врачи. Однако, несмотря на «потери», полки продолжали «воевать» с супостатом. Боевой пыл десантников маршалу пришлось урезонить и прекратить учение, а все силы бросить на сбор техники и парашютов. Тем не менее, несмотря на ужасные погодные условия в момент приземления, разведчики травм не имели. Своевременно осуществили сбор и организованно вышли в район ведения разведки. Полностью задачу выполнить им не позволила погода и распоряжение комдива вернуться на площадку приземления для оказания помощи в сборе парашютов и эвакуации пострадавших. Позднее, когда Никифоров прибыл ко мне с докладом, он своим рассказом дополнил эту ужасную картину. Разведчики летели в одном самолете с комдивом. После отделения от самолета ротный голосом обозначил, где он находится в воздухе, и бойцы старались держаться поближе к командиру. Недалеко от ротного был цветной купол командира дивизии. Вверху было полное безветрие, но вот метров за сто от земли начался снос десантников по

ветру, и довольно сильный. Бойцы это почувствовали и приготовились к жесткой встрече с землей. Встреча была действительно очень жесткой, кульбиты следовали один за другим. Ротному также пришлось сделать сальто, но удалось быстро погасить купол парашюта и встать на ноги. Приземлился он недалеко от своей командирской машины, ему понадобилось немного времени, чтобы собрать роту и начать движение в район разведки. Никифоров также видел, как комдив помогал бойцу расшвартовать ближайшую от его места приземления боевую машину, как командир дивизии сел за рычаги и на большой скорости поехал к смотровой площадке для доклада маршалу Москаленко. Разведрооте пришлось обойти площадку стороной. По словам ротного, в районе приземления творилось что-то невообразимое. Кругом наполненные воздухом купола, а самое главное, они были все в движении, и была боязнь, что какой-нибудь купол попадет под машину. Рота на высокой скорости вышла в нужный район и приступила к выполнению разведывательных задач. Через несколько минут одна из групп обнаружила выдвижение танковой колонны силою до роты в направлении площадки приземления. Тут же разведчики доложили по радио о появлении танков на пункт управления разведкой. Буквально минут через десять ротный получил приказ на возвращение подразделения в исходное положение. К моменту возвращения роты Царегородцев с небольшой группой разведчиков сумел собрать все людские парашюты. Они находились разбросанными на небольшой территории. Дивизионным разведчикам по возвращении на площадку пришлось здорово вкалывать при оказании помощи другим подразделениям, пострадавшим от капризов погоды. Вечером погода успокоилась, мы предполагали, что маршалу одного этапа будет недостаточно, чтобы дать полную оценку всему учению. Однако ошиблись. После всего, что Москаленко увидел на площадке приземления, он сразу принял решение: считать учение состоявшимся, и все, баста. Утром последовала команда проверить бойцов, оружие, боевую технику и лично доложить инспектору. Одним словом, маршал проявил отеческую заботу и разрешил десантникам выдвигаться к аэродрому взлета и железнодорожной станции погрузки для убытия в места постоянной дислокации. Сразу же после завтрака приступили к свертыванию лагеря, а через некоторое время личный состав на автомобилях, которые выделил округ, убыл на ближайший аэродром. Боевая и колесная техника отдельной колонной убыла на ближайшую железнодорожную станцию. Маршал Москаленко боевую подготовку десантников и дивизионное учение оценил на «хорошо». Вечером этого же дня личный состав самолетами прибыл в

Фергану и Ош, а техника — эшелонами — несколькими днями позже. После возвращения войск на зимние квартиры в дивизии стали подводить итоги и раздавать подарки с учетом личного вклада в прошедшее мероприятие. Не был обделен подарком и я. На совещании комдив мне вручил командирские часы, командиры разведрот были представлены к досрочному присвоению воинского звания «капитан». На этот раз кадровая служба ВДВ парней не подвела, им были присвоены капитанские звания досрочно.

В один из декабрьских дней Татур проводил занятие с разведчиками ферганского полка по китайскому языку, рассказывает, как пользоваться русско-китайским разговорником, учит правильному произношению. Юра занятия всегда проводил интересно и поучительно. Тем более многие слова по-русски произносились как матерные, и это разведчиков забавляло, схватывали на лету. После занятия, идя в штаб по территории городка, он случайно подслушал разговор двух замкомдивов и поспешил со мной поделиться. В кабинете посмотрел на связистов, подошел ко мне и тихонько говорит: «Михаил Федорович, я сейчас такое услышал в полку, что боюсь и говорить. Прошел слух, что нашу дивизию расформируют». — «Да ты что, Юра, не верь слухам. Ведь из-за бугра все чаще приходят тревожные вести, которые подтверждают разведывательные сводки из штаба округа. Поэтому расформирование нашей дивизии, которая учится вести боевые действия в горах, не произойдет», — ответил я уверенно. Поговорили и тему закрыли. Через несколько дней подобное слышали от офицеров воздушно-десантной службы. «Что за чертовщина, — подумал я, — а ведь получается, как в разведке. Добытая информация одним источником как бы подтверждается источником». Однако подготовка к новому, 1978 году не оставляла времени на раздумья. После праздника по гарнизону поползли слухи, но совсем другого толка. В Афганистане идет самая настоящая война, для нас это не было новостью, но что десантников могут перебросить за бугор, явилось тревожным сигналом. Конечно, эти слухи были в какой-то степени обоснованными. Командиру дивизии из вышестоящих штабов некоторая информация доводилась, а возможно, и какие-нибудь указания. Все переговоры велись через узлы связи, а там работали люди, которые нет-нет да и сболтнут что-то друг другу. В первой половине марта офицеров управления поздно вечером собрали в штабе. Комдив к себе в кабинет вызвал начальника штаба, оперативного отделения и меня и пересказал нам свою беседу с генерал-лейтенантом Павленко. «Скрынников, тебе необходимо подготовить карту по Афганистану, но чтобы скрыть конкретное направление, подготовь заодно карты по Ирану и

Пакистану». Мыслилось это так: вначале ввести в заблуждение своих, а уж потом чужих. Остальным поставил задачу: подготовить расчеты по переброске дивизии по воздуху и по железной дороге. «Петряков, доведите до всех начальников, пусть готовят расчеты по своим службам».

Вот с этого вечера все и понеслось. Сверху дают команду дивизию привести в полную боевую готовность, но боеприпасы на руки личному составу не выдавать. Выполнили команду, сидим, чего-то ждем. Проходит месяц, готовность для дивизии несколько снизили. Все расставляем по своим местам, но занятия по боевой подготовке подразделения проводят недалеко от расположения своих частей. Командиру дивизии задаю вопрос: «Как быть с разведвыходом?» — «Чирчик и Ош пусть у себя разведвыход проводят на учебных центрах. Дивизионных и ферганских разведчиков собирай на учебном центре, занимайся с ними боевой подготовкой, на пару суток сделай выход в предгорье и назад в казармы». Провели усеченный весенний разведвыход и вернулись в свои казармы. Однажды утром ко мне в кабинет зашел Петряков и говорит: «Вызывай ротного и вместе с ним заходи ко мне в кабинет». Позвонил в роту, а дежурный ответил: «Товарищ майор, капитан Никифоров ушел к вам». Приветствуем друг друга, Никифоров доложил, чем занимается рота, и показал мне список младших командиров, которым нужно присвоить очередные звания. Я сказал, что с моей стороны к этим парням претензий нет. Зашли с Никифоровым к начштабу, а там все командиры полков. Петряков звонит комдиву, докладывает, что все в сборе, и обращается к собравшимся: «Идемте к комдиву». Командир дивизии со всеми поздоровался, пригласил сесть. Мы смотрим на него, он, улыбаясь, говорит: «Нам предстоит совершить вояж за границу, в Афганистан. Завтра утром вылетаем в Чирчик как будто бы для работы в полку. С собой иметь гражданку, переоденемся в полку. Более подробную задачу поставит генерал Костылев, он уже в Чирчике. О нашей поездке попрошу не рассказывать не только родным, но даже друзьям». Дома сказал, что уезжаю в командировку, но для проведения одного мероприятия в Ташкенте рекомендовано иметь гражданский костюм. Утром следующего дня мы вылетели в командировку как бы для работы в полку. В Чирчике нас уже дожидался генерал Костылев, который подробно объяснил цель нашего вылета за бугор: изучение маршрутов движения к важным государственным объектам Кабула как днем, так и в ночное время. Рано утром мы переоделись в гражданское и выехали на аэродром Чирчик, оттуда на самолете «Ан-26» на авиабазу Баграм. Через два часа лету приземлились на авиабазе.

Любопытные афганские солдаты облепили наш самолет, пытались

залезть на стремянки и заглянуть через иллюминаторы в салон. Были они неопрятны и небриты. Это вызывало у нас смех, генералу пришлось нас даже немного пристыдить. Мы группой вышли из самолета. Нас встречали советники и афганский генерал, командир авиабазы. Тепло нас приветствовали на земле Афганистана. Командир авиабазы после небольшой беседы, между прочим, на русском языке, пригласил нас всех в летнюю столовую. После завтрака за нами из посольства прислали два микроавтобуса, и мы уехали в Кабул. По дороге мы с большим интересом рассматривали кишлаки, людей и природу, мы же с Никифоровым не забыли рассмотреть и аэродром. Володя сделал кое-какие зарисовки в записной книжке. Через час езды мы были уже на узле связи нашего главного военного советника, генерал-лейтенанта Горелова, кстати, он раньше служил в Воздушно-десантных войсках. После небольшого инструктажа нас распределили по группам, и мы выехали в город на разведку указанных маршрутов и объектов. Все запоминали и делали необходимые пометки, но только через шторы на окнах. Одним словом, соблюдали конспирацию. К вечеру вернулись на узел связи, немного отдохнули, поужинали и снова на маршрут. Колесили по ночному Кабулу до полуночи. Я обратил внимание, что все посольские водители имели при себе наши укороченные автоматы. Утром после завтрака нас, ферганцев, пригласил к себе подполковник Алексеев, офицер из группы Костылева, выдал нам немного командировочных местных денег, которых хватило, чтобы купить сувениры: складной зонтик, ладанку и крестик на цепочке. Все эти сувениры нам помог приобрести водитель, который отвез нас на ближайший рынок. Чего мы только там не увидели: магнитофоны, шубы, дубленки и всякую всячину. Такого у нас в магазинах не было в помине. Перед отлетом домой опять небольшой инструктаж и отъезд в Баграм. Дальше самолетом обратно через высокие горы до Чирчика. Нашего самолета «Ан-2» по погодным условиям мы не дождались и домой добирались как партизаны, кружными путями. Я и Никифоров гражданским самолетом из Ташкента долетели до Намангана, а далее автобусом до родной Ферганы. Жена осталась довольна сувенирами, тем более таких в Фергане днем с огнем не сыскать. Вопрос все же был задан: «А где ты их купил?» В Ташкенте, соврал ей. Утром, как обычно, на службу. К этому времени у меня старшим помощником был Чередник, но он долго не задержался на этой должности и убыл на два года в Африку, а на эту должность я пригласил начальника разведки ошского полка капитана Михайлова. Через пару дней опять команда дивизию привести в полную боевую готовность, офицеров и прапорщиков на казарменное положение,

но боеприпасы на руки опять-таки не выдавать. Снова нормальной боевой подготовки в войсках нет, вечером офицеры и прапорщики слоняются по казарме без дела. Этот бардак продолжался около месяца. Потом последовала команда расставить все по своим местам. Войска стали заниматься плановой боевой подготовкой. Каждодневное толкование о состоянии дивизии наложило определенный отпечаток на рабочее состояние офицеров. Каждое утро кто в шутку, а кто в сердцах спрашивал друг у друга: «А как сегодня наша дивизия?»

Вот и тогда, зайдя к своим в кабинет, услышал, как связисты вели беседу на наболевшую тему. В это время зазвонил телефон, Чередник поднял трубку и через несколько секунд передает ее мне. «Здравия желаю, — слышу в трубке голос Алиева. — У нас ЧП, — говорит ротный». — «Что случилось?» — «Начальник разведки вчера на прыжках сломал ногу и сейчас находится в госпитале». И это как раз перед полевым выходом, подумал я. Дела у Анатолия были серьезные. Открытый перелом, позднее переболел желтухой, получил негодность к службе в ВДВ и убыл в город Грязовец в мотострелковый полк. В первой половине мая из Москвы в дивизию поступила команда: готовить один батальон ошского полка для отправки в Афганистан. Вывезли батальон на учебный центр в Фергану, командиром батальона был подполковник Ломакин, а заместителем комбата капитан Манюта. Предварительно батальон пошерстили, некоторых командиров рот, взводов поменяли. В ожидании команды на вылет подразделения занимались боевой подготовкой. В начале июня батальон по воздуху перебросили за границу на авиабазу Баграм под видом авиационных специалистов по ремонту и реконструкции аэродрома. Офицеры, которые прилетали из Афгана по делам службы в Фергану, рассказывали, что отношение афганцев к советским людям хорошее. Иногда офицеры и прапорщики выезжали на рыбалку без всякого риска для жизни. Местное население с большим удовольствием общалось с нашим человеком, им было интересно узнать, как живут советские люди в Узбекистане и Таджикистане. Тем более среди местного населения было много узбеков и таджиков. Возможно, некоторые из них имели родственников в этих республиках. На рынок за продуктами выезжали свободно, но на всякий случай вооруженную охрану брали с собой, все же в стране шла война и можно было нарваться на какую-нибудь залетную, вооруженную банду, а «Калашников» — аргумент надежный. Вот такое, по рассказам очевидцев, было отношение афганского населения к советским людям, находящимся в их стране до ввода войск.

После посещения Афганистана командование дивизии, исходя из

специфики этого государства, в котором, возможно, предполагалось использование десантников, посчитало для себя главным проведение занятий с войсками в горной местности. Как-то Петряков, вернувшись из Чирчика, пригласил меня к себе и стал нахваливать одного ротного. «Кстати, а ты его знаешь, это Сазанский». — «Знаю. Его рота лучшая в батальоне по боевой подготовке». — «Смотри, ты даже это знаешь», — удивился начштаба. «А как же, я тоже к ротным присматриваюсь, бывая в полках». — «Давай внимательнее присмотришься к нему, и, возможно, утвердим его на дивизионную роту». — «Можно, но только после того, как Никифоров будет назначен начальником разведки полка», — сказал я Петрякову.

Летний полевой выход разведчиков прошел по полной программе. Отработав все вопросы в долине, разведчики двинулись в направлении гор, попутно отрабатывая вопросы разведывательной подготовки. Через двое суток роты, «воюя» друг с другом, преодолели предгорье и втянулись в так знакомое ущелье и через несколько часов уже оборудовали лагерь. К нам потянулись альпинисты, они тоже были встревожены нездоровыми слухами, которые распространялись по Фергане. Горный люд успокоили и в шутку сказали: «Вот вам разведчики, проводите с ними занятия по горной подготовке». Крылов и Балинский дружно встали, в шутку взяли под козырек и сказали: «Есть. Для вас, разведчики, мы на все готовы». К этому времени все роты имели свое горное снаряжение, меньше стали побираться у альпинистов, но от инструкторов не отказывались, без их помощи мы еще не могли самостоятельно и качественно готовить занятия в горах. В течение двух недель разведчики с каким-то диким азартом занимались в горах, даже маститые инструкторы удивлялись, как будто бы внутренне солдаты чувствовали, что это их последний выход в горы. У разведчиков на полевых выходах было заведено: выполнение распорядка дня — закон для всех. На физзарядку выходили все, независимо от чинов и рангов, в том числе и я. Ротные впереди, а личный состав за ними. Как-то утром решил проконтролировать подъем и физзарядку разведчиков в нижнем лагере. Накануне предупредил дежурного по роте, чтобы меня разбудил за полчаса до подъема. Утром трусцой направился в нижний лагерь. Около речки разминался Михайлов. «Товарищ майор, далеко направляетесь?» — «В нижний лагерь». — «Я тоже с вами». — «Пойдем, вдвоем веселее». Володя разговор продолжает: «Мы, офицеры, решили перед убытием в Фергану организовать с альпинистами небольшой мальчишник, нужно ваше согласие. Тем более старшина роты сегодня уезжает за продуктами, дадим ему денег, он что-нибудь прикупит». — «Согласен. Сколько с меня?»

По дороге встретили небольшое стадо баранов и бульдозериста Модмора, который работал в альплагере. «Далеко направляешься?» — спросил у него. «Пока работы нет, отведу баранов выше в горы». — «Так ведь их одних волки съедят». — «Вы своей стрельбой давно всех волков разогнали», — смеется Модмор. «Ну ладно, гони своих баранов». Подошли к лагерю минут за пять до подъема, но ротные и старшины были уже на ногах. К нам подошел Татур, начальник разведки чирчикского полка, это был его первый разведывочный выход в новом качестве. Поговорили, посмотрели, как наши подчиненные накачивают бицепсы и закаляют тело в холодной речке. От приглашения остаться на завтрак отказались. Забрав списки молодых разведчиков, которым альпинисты должны вручить значок «Альпинист СССР», вернулись к себе наверх в полевой штаб. Начальник альплagerя уже дожидался меня, и не так меня, как списков солдат, представленных к награждению. Молодых разведчиков набралось около сорока человек. «Вы меня разорите», — засмеялся Несповитый. Заодно уточнили маршрут восхождения на высоту, который планировали начать завтра с самого утра. Начальник лагеря сказал, что сегодня уезжает в Фергану и вернется только завтра к обеду. Кузнецов будет старшим группы инструкторов, которые пойдут с разведчиками. Восхождение было спланировано на одну из солидных вершин. Поднялись на вершину только к вечеру, организовали базу отдыха, и стало темно. Ночью наверху было очень холодно, несмотря на то что все были одеты в штормовые костюмы и свитера. Одним словом, ночь провели в разговорах. Полдня понадобилось, чтобы вернуться в лагерь. Накануне убытия в Фергану вечером в торжественной обстановке Несповитый вручил нашей молодежи значки «Альпинист СССР». Потом офицеры ушли вместе с альпинистами к ним в столовую, где и состоялся совместный мальчишник. На следующий день мы распрощались с альпинистами, как будто бы знали, что больше к ним в горы не придем. По возвращении на зимние квартиры разведчики стали готовиться к проверке по боевой, подготовке. В это же время по военному городку все увереннее стали распространяться противоречивые слухи, одни говорили о расформировании дивизии, другие о переброске ее в Афганистан. Вот в такой ситуации, несмотря на слухи, мы продолжали заниматься боевой подготовкой. Где-то в начале октября сообщили новость — Маргелов уходит на пенсию. Правда, такие люди на пенсию не уходят, они уходят в «райскую группу» при Министерстве обороны, как бы продолжают служить и проверять свои войска, но только без права доклада министру обороны. Со дня надень ожидается прилет Маргелова, который передает войска новому командующему генерал-полковнику Сухорукову.

Сухоруков в середине шестидесятых годов был заместителем у Маргелова и вернулся в войска с должности командующего округом или одной из групп войск, точно не помню. Их приезд как бы теоретически, по крайней мере для нас, закрывал вопрос о расформировании дивизий. Руководство дивизии засуетилось, а как же, надо, чтобы первый о них вспоминал хорошим словом, а второму надо понравиться докладом о делах в дивизии на будущее. Комдив озадачил и меня: на всякий случай надо подготовить справку по Афганистану, особенно по аэродромам Кабул и Баграм, и быть при необходимости готовым доложить командующим. Звоню разведчику соседей, в полк «Ан-12», их экипажи почти ежедневно летали за кордон, все изменения, которые происходили на аэродромах и около них, летчики видели воочию. «Андрей, мне нужно освежить информацию по аэродромам, которые за бугром». Он все понял: «Заходи, что-нибудь найдем». После встречи с соседом понял, что обстановка изменилась. Северо-восточнее аэродрома Кабул появилась зенитная батарея. Составил новую схему военных аэродромов, к каждому приложил подробное описание. Убедившись в том, что схема заслуживает внимания, показал ее комдиву.

Через несколько дней в Фергану прилетели Маргелов, Сухоруков и небольшая группа офицеров. Сразу же пригласили в кабинет Королева, Петрякова и меня. С комдивом поговорили по общим делам, немного о боеготовности дивизии, если придется ее применять в Афганистане. Вспомнили про аэродромы, пришлось развернуть схемы, попытался было им доложить, но они меня слушать не стали, а просто, рассматривая схемы, разговаривали между собой, давая свою оценку аэродромам. Правда, Сухоруков все же спросил меня: «А вы лично видели эти аэродромы?» — «Нет, товарищ командующий, я лично был на аэродроме Баграм, а схема аэродрома Кабул составлена со слов авиаторов местного полка». Больше меня военачальники не тревожили. Пробыли мы в кабинете с командующими более часа. Затем Петрякова и меня отпустили. В этот же день они улетели в кировабадскую дивизию. После их отлета в штабе дивизии было много всяких кривотолков. Каждый хотел высказаться о своем, наболевшем, о своем видении хотя бы на ближайшую перспективу, а тем временем войска, не обращая внимания на слухи, продолжали ковать боевую подготовку на, полигонах, стрельбищах и в предгорье. К большому сожалению, заниматься боевой учебой войскам долго не пришлось.

В середине октября из Москвы в дивизию пришла депеша, содержание которой очень болезненно отразилось на настроении офицеров и ветеранов: «Ошский полк отправить в Германию, в город Котбус,

сформировать на его базе десантно-штурмовую бригаду, чирчикский полк переформировать также в бригаду и переподчинить Туркестанскому военному округу. Часть подразделений отправить в Брест и сформировать в Белорусском военном округе десантно-штурмовую бригаду, а некоторые подразделения в Капчагай для Средневосточного военного округа, где была сформирована бригада сокращенного состава». Этим новым формированиям, по нашим сведениям, отводилась немаловажная роль в предстоящих крупномасштабных операциях, что и послужило поводом для расформирования дивизии. В верхах бытовала и другая версия, это было необходимо для оперативной маскировки перед вводом войск в Афганистан. Однако намного позже появилось и третье толкование. Оно исходило, как мне стало известно, из кабинетов второго этажа штаба ВДВ. На этом этаже принимались судьбоносные решения, определялся уровень качества боевой подготовки той или иной дивизии. Здесь уже давно сложился свой микроклимат и давно каждой дивизии была отведена своя высота пьедестала. Чем ближе к столице, тем выше ступень почета, и наоборот, чем дальше, тем ниже рейтинг дивизии и соответствующее внимание военачальников к ней. По их убеждению, конечно же, субъективному, предпочтение отдавалось Тульской дивизии, за ней Витебской и так далее на запад. Конечно же, наша, Ферганская дивизия от столицы находилась не за сотню километров, а за несколько тысяч. Поэтому на втором этаже и «достойное» отношение к ней было, да и соответствующее название прилипло — «дикая» дивизия. Часто это слово при упоминании о дивизии употреблял и сам Маргелов. Вот когда в Минобороны с согласия «святейших» членов Политбюро было принято решение, а какой же дивизией ВДВ пожертвовать ради усиления мощи и мобильности военных округов и групп советских войск за границей? И тогда без страха и сомнения на втором этаже Матросской Тишины, не задумываясь, перечеркнули судьбу нашей дивизии, несмотря на то что в правительстве уже прорабатывался вопрос о вводе войск в Афганистан, в том числе и одной воздушно-десантной дивизии с учетом специфики ее подготовки. По нашему мнению, основанием для принятия такого решения было одно далекое расстояние от Москвы. По боевой подготовке наша дивизия была не хуже других братских дивизий, а по одиночной — намного лучше. Даже специфика подготовки в учет не принималась. Тех, кто тогда принимал такое скоропалительное решение, уже давно нет в живых. Настало трудное, если не сказать, тяжелое время и для меня. В начале ноября отдельная дивизионная разведывательная рота должна убыть в поселок Великая Корениха и стать базой для формирования десантно-

штурмовой бригады в Одесском военном округе.

Эшелон был уже заказан. Отправка назначена на поздний вечер. Ротой всего лишь три месяца командовал капитан Сазанский. Никифоров столько же времени руководил разведкой ферганского полка. Ближе к концу рабочего дня рота была построена на плацу полка. Я видел этот родной за столько лет службы строй разведчиков и некоторое время не решался к нему подойти. Немного постоял, психологически переборол себя и медленно двинулся к разведчикам. Поздоровался с парнями, чувствую, к горлу подступает ком. Думаю, только бы не сорваться. Взял себя в руки и просто обнял каждого офицера, сержанта и солдата. Вспомнил почему-то те годы, когда был лейтенантом и вместе вот с такими гвардейцами шастал по пескам и горам, обучаясь военному мастерству. Выручил подошедший Никифоров, разговором отвлек меня от мрачного настроения. Вместе с Володей пожелали личному составу удачи на новом месте службы. Я попросил разведчиков исполнить песню. «... Ну как ты обходилась без меня, а я вот без тебя не обойдусь...» Они ее исполняли очень здорово. Затем, чтобы не расплакаться, махнул Сазанскому рукой, мол, уводи роту, а сам расстроенный ушел домой. Жене и сыну сказал, что в Фергане разведчиков больше нет. Они сегодня поздно вечером эшелоном убывают в Одесский военный округ. На этом и закончилась деятельность самого боеготового подразделения Ферганской дивизии. До сих пор помню офицеров, сержантов и солдат роты, многие из них звонят и поздравляют меня с праздниками по сей день.

В середине ноября Королев объявил офицерам управления сбор, и не где-нибудь, а в Доме офицеров. Тостов было много, каждый хотел высказаться, пожелать сослуживцам успехов и благополучия на новом месте службы. Во время перерыва ко мне подошел Петряков: «Ну что, офицер Витебской дивизии, отъезд не затягивай, уезжай и обживайся, а я дождусь, пока архив дивизии сдадут в округ, и тоже вместе с Шеметило подьдем». Каждый начальник уже знал свое место службы. Я получил назначение на равнозначную должность в Витебскую дивизию. На этом сборе мы как бы нашу 105-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию похоронили. От дивизии остался один полк, да и то без батальона, который находился в Афганистане. Вообще тот батальон был ошского полка, но когда полк убыл в Германию, афганский батальон передали ферганцам, а часть подразделений местного полка отправили в Капчагай. Через несколько дней, попрощавшись с семьей, убыл в Витебск. Уезжал поездом, чтобы не испытывать судьбу, в это время в Фергане долина, как правило, покрывается туманом, который может в безветренную погоду стоять по

несколько суток.

На четвертые сутки прибыл к новому месту службы, где прошел формальную процедуру представления новому коллективу. В течение двух недель познакомился с разведчиками, их бытом и после анализа всего увиденного прибыл к командиру дивизии на доклад. Разговор был длинным. Рыбченко мне даже рассказал о неблагоприятном периоде, который одно время наметился в дивизионной роте, тогда пришлось многих офицеров заменить, как не выдержавших испытаний, предъявляемых разведчикам. «В настоящее время положение дел в роте выправляется, — продолжил командир, — держи все дела на жестком контроле. Заходи, не стесняйся. А кстати, ты не знаешь когда прибудет Петряков?» — «Знаю, как только будет в округ сдан архив дивизии», — ответил я. — «Ладно, иди занимайся своими делами». Через пару дней я убыл в Минск на сбор начальников разведки дивизий и командиров специальных разведподразделений Белорусского военного округа, который проводил начальник разведывательного управления генерал Иванов. Перед отъездом в Минску меня состоялся телефонный разговор с начальником разведки ВДВ полковником Кукушкиным, который выдал мне необходимые рекомендации и пожелания. Как оказалось, они были с Ивановым давнишними друзьями и поддерживали эти отношения на высоком уровне: «Михаил Федорович, преподнеси ему наш десантный сувенир и привет от фронтового друга: десантную тельняшку, голубой берет и десантный нож». Этим сувениром не всех жаловали, а только уважаемых гостей. Просьба шефа — это закон для подчиненных. Провожал меня на железнодорожный вокзал Качанов, благо была суббота. До отхода поезда свободное время нам позволяло зайти в привокзальный ресторан и поужинать. Перед входом в ресторан была небольшая группа из желающих, но по предъявлении билета швейцар нам разрешил войти без очереди. Зал ресторана и обслуживание были очень даже приличными. Большая разница с ферганскими городскими ресторанами и обслуживанием, можно смело сказать, разница большая, как небо и земля. Так что до отхода поезда нам было о чем поговорить. Играл оркестр, нас девчата даже на танец пригласили, они оказались знакомые Качанова, а потом всей компанией проводили меня до вагона. В этой стране испокон веков к военным было хорошее отношение. Вот и нас девчата этим чутким вниманием не обделили. Около вагона мы разговаривали и шутили, а через несколько минут проводница всех уезжающих пригласила зайти в вагон. «Возвращайся быстрее, мы все будем тебя ждать», — сказали девчата. Заходя в вагон, я на прощание махнул им рукой. И тут же поезд тронулся. Через окно своего купе я видел медленно

удаляющиеся веселые лица девчат и Анатолия, которые дружно махали руками поезду, который увозил меня в Минск.

Дорогами афганской войны

Известие о подготовке дивизии к ненужной нашему народу афганской войне застало меня в Минске на сборе, вернее, я об этом по одному мне известному признаку догадался. В Минск поезд прибыл рано утром, около восьми часов, и до вечера у меня оставалось много свободного время. Немного побродил по привокзальной площади, и мне в голову пришла мысль по горсправке отыскать друга детства, Леонида, а вдобавок еще и родню. Его младший брат Василий был женат на моей сестре. Получил адрес и без проблем нашел дом, поднялся на третий этаж и нажал на кнопку звонка. Было воскресенье. Слышу из-за двери женский голос: «Кто там?» — «Валентина, открывай, свои», — но на всякий случай представляюсь. Звякнули замки, открывается дверь, на пороге стоит жена друга. «Привет, проходи», — и пропускает меня в квартиру. «А где хозяин?» — спрашиваю у нее. — «Да еще дрыхнет в постели». — «Да не сплю я, — раздается из спальни недовольный голос хозяина. — Мишаня, это ты?» — «Да, это я, Ленья». Обнялись, помяли друг друга. «Сколько лет мы не виделись?» — спросил он у меня. «Да лет двенадцать». Говорили о многом и долго. Друга интересовала моя служба. Задал вопрос и я: «Знаешь ли ты учебный центр Уручье?» — «Конечно, — ответил он. — Уручье недалеко от нас. Туда надо ехать на автобусе. Слушай, Миша, а я тебя провожу, так что не беспокойся». Леонид, как и обещал, проводил меня до самой проходной, там распрощались. Дежурный офицер записал меня в общий список участников сбора и рассказал, как пройти к спальному помещению, где размещается столовая, и порядок ее работы. В спальном помещении у двух капитанов я заметил в петлицах десантные эмблемы. Подошел к ним. Познакомились, один из них оказался начальником разведки бригады из Бреста, другой был из бригады спецназа. Мы по неписаному десантному закону стали держаться друг друга. Вместе обошли учебные классы, единодушно решили: здесь есть на что посмотреть и чему поучиться, зашли в столовую, поужинали. Потом ребята ушли смотреть фильм, а я — в спальное помещение. Народу собралось уже много, тихо беседовали по поводу предстоящих занятий. По разговору чувствовалось, что некоторые здесь не первый раз. Из ленинской комнаты доносился шум — по телевизору показывали хоккей. Во время нашего разговора в расположение зашел кто-то из офицеров разведуправления и громко спросил: «Скрынников есть?» — «Да», — ответил я. «Михаил

Федорович, зайдите в кабинет руководителя сбора». Захожу в кабинет, приветствую подполковника. Он говорит, что несколько минут назад звонил оперативный дежурный по вашей дивизии и передал приказ комдива срочно вернуться в дивизию. «Это у нас впервые, когда отзывают со сбора, который еще не начинался», — продолжал подполковник. «Возможно, из-за Афганистана меня возвращают, — произнес я. — Подскажите, как быстрее добраться до Витебска?» — «Только автобусом. Первый поезд на Витебск по расписанию утром. Автобусы отправляются через каждые два часа».

Это меня вполне устраивало. На дежурной машине меня отправили на автовокзал, а утром уже был в штабе дивизии. Когда я увидел в штабе переодетых для работы в поле офицеров, мое предположение подтвердилось на все сто процентов. Зашел в свой рабочий кабинет, а там полнейший бардак и ни одного подчиненного. Расстроенный вышел в коридор и столкнулся с Петряковым. «Заходи в кабинет. Ну что, думал спрятаться в лесах от Афганистана? — пошутил он. — Ты с собой какие-нибудь записи по нашему бывшему театру военных действий прихватил?» — «Конечно, кое-что имеется», — ответил я начальнику штаба. «Надо для офицеров подготовить и провести занятие по оперативному оборудованию и вооруженным силам Афганистана, они, кроме Западного театра, ни хрена не знают. Дивизия на этот час находится на аэродромах взлета, связь только по аэродромной сети. Твои разведчики тоже на аэродромах, но связи с ними нет. Давай, сам готовься к вылету». — «А где Шеметило и Калашников?» — спросил у Петрякова. «Да где-то в штабе, — ответил он. — Словом, нас ждет возвращение в Среднюю Азию, почти откуда приехали, туда и улетим», — добавил он. Я приступил к подготовке занятия. Стали подходить мои офицеры. «Почему в кабинете бардак?» — спросил у них. «Так ведь улетаем в Афганистан», — ответили они.

Занятие для офицеров было полезным, многие из них впервые узнали о вооруженных силах, о быте афганцев. Через несколько дней дивизия совершила перелет ближе к границе Афганистана и замерла в ожидании броска. Оперативная группа приземлилась на аэродроме Балхаш. Офицеры оружие оставляли в кабине самолета. Начальник особого отдела дивизии подполковник Буйнов со своими нукерами собирал наши автоматы и жаловался Рябченко, тот, естественно, журил нас. Одним словом, особист нас своими доносами заколебал, но мы все равно оружие продолжали оставлять в самолете.

Мы торчали на Балхаше около десяти суток, но времени зря не теряли. Солдаты тренировались в выгрузке боевой техники из самолетов, а заодно

и подзаряжали аккумуляторы батарей боевых машин. Погода в это время года была противная, постоянно дул холодный, пронзительный ветер. Однажды после обеда последовала команда: «На взлет». Армада военно-транспортной авиации с десантниками на борту перелетела афганскую границу, но с нашим самолетом произошла какая-то заминка по вине афганского диспетчера. Над Кабулом наш самолет развернули и отправили обратно на Балхаш. Костылев на аэродроме на местное руководство выпустил пар, и только ночью нам разрешили взлет. На аэродроме Кабул самолет приземлился ранним утром.

Вторжение в Кабул началось 25 декабря. Первым ранним утром на аэродром приземлился батальон Алиева из ферганского полка. Утро, как назло, выдалось промозглое и сырое. Самолеты «Ан-12» один за другим совершали посадку на бетонку, не выключая двигателей, освобождались от десантников, боевых машин и тут же взлетали, давая возможность приземляться другим самолетам. В такой ситуации, как правило, обстановка в городе, да и на самом аэродроме, была для десантников совсем неясная, по крайней мере первое время. Да по-другому и быть не должно, десантники же не у себя дома, и, тем более, им высадку никто не обеспечивал. На аэродроме батальон встречали всего несколько офицеров, старшим был начальник разведки ВДВ полковник Кукушкин. У него, как у фронтовика, было свое видение всего происходящего. В тот момент, скорее всего, они выполняли роль наземной диспетчерской службы, показывая комбату место сосредоточения личного состава и направление выдвижения охранения. Афганцы, как и подобает восточным людям, настороженно и подозрительно наблюдали за действиями десантников, молча сидели на корточках, исподлобья поглядывая на нас. Правда, надо отдать должное и десантникам, особой симпатии они к афганцам тоже не испытывали. Тем не менее, по данным разведки, в самом городе было полно войск, а как они могут отреагировать на выгрузку и концентрацию солдат другого государства? Ведь любой чужой солдат для афганца — враг. По замыслу вторжения, кабульский аэродром был основным для приема Витебской дивизии, но перед тем как организовать прием войск, надо организовать охрану и оборону аэродрома хотя бы на главных направлениях выдвижения афганских подразделений. На аэродром Баграм планировалась посадка и выгрузка одного из полков дивизии. На западе Кабула дислоцировались части пехотной дивизии. В районе Пули-Хумри два военных городка танковых бригад. На день высадки эти войска составляли серьезную угрозу десантникам, несмотря на то что во всех частях были наши военные советники, все равно было сомнение, а как поведут себя командиры частей,

получив сигнал сверху? Одним словом, у наших военачальников было больше вопросов, чем ответов. По словам Кукушкина, моментов серьезной тревоги было достаточно и при выгрузке батальона Алиева. Самолеты продолжали разгружаться. Десантники были одеты по зимнему варианту, с оружием и полными рюкзаками боеприпасов. Все это, естественно, мешало выполнению работы. На аэродроме сплошной самолетный гул, мешающий подавать команды. В это время из Пагманской долины в сторону аэродрома стал наползать не плотный, но все же туман, который ограничивал наблюдение. Кому-то из офицеров показалось, что в нескольких километрах западнее аэродрома неясно просматриваются силуэты коробок. Рассмотреть все это мешала мерзопакостная погода в Кабульской чаше. Да это же танки, сказал кто-то. Тревожно вглядываемся в туманный горизонт, который надвигается из Пагманской долины. Среди посадок деревьев стали просматриваться какие-то кучи земли. И, правда говорят, у страха глаза велики. На сердце отлегло. Если бы это действительно были танки, нам бы в этот момент пришлось совсем хреново. Ведь все нутро боевых машин было напичкано солдатскими пожитками. С матерком приказываю выбрасывать на полосу из боевых машин свои пожитки и указываю рубежи, на какие нужно выходить для прикрытия аэродрома. Принесли бинокль, пришлось внимательно рассмотреть эти злополучные земляные кучи. Сейчас показалось, что идут танки, а могут и реальные танки появиться. Разумеется, люди понимали ту задачу, которую им предстояло выполнять, и изо всех сил старались. В данной ситуации на высоте оказались Алиев и его офицеры. В рабочей суете незаметно прошел день. Осмотрелся кругом, вроде бы все готово к приему основного десанта. Ну что ж, будем ждать. Время в таком режиме ожидания тянется медленно.

Первые самолеты Витебской дивизии стали приземляться около семи вечера. А здесь еще как назло начался снег, что редко бывает в Кабульской чаше. Афганцы, наверное, радовались, так вам и надо, неверные, Аллах с нами. Снегопад тем временем здорово затруднял прием и разгрузку самолетов. В первой группе прибыло шесть самолетов, а где седьмой, заблудился, что ли? Стали ждать, на связь экипаж не выходит. Стали теряться в догадках. Совсем не хотелось в плохое верить. Тем не менее трагедия произошла. То ли эшелон полета самолета был ниже, то ли во время снегопада он немного изменил курс и на крейсерской скорости врезался в вершину горы. На борту самолета «Ил-76» кроме экипажа находилось тридцать семь десантников из роты материально-технического обеспечения 350-го полка, которым командовал подполковник Шпак. Погибли все. Это были первые потери десантников в необъявленной

афганской войне. Мы очень болезненно переживали эту нелепую смерть наших боевых товарищей. Позднее все же провели расследование авиакатастрофы, которое показало, что действительно самолет зацепился за вершину горы в шестидесяти километрах от Кабула и взорвался. Говорили, что на аэродроме якобы даже видели сквозь идущий снег вспышку в горах.

К утру двадцать шестого декабря главные силы дивизии были переброшены в Афганистан на подготовленные ферганскими десантниками аэродромы Кабул и один полк — на Баграм. Операция планировалась на вечер следующего дня по сигналу «Шторм». А пока Кабул жил жизнью большого восточного города со своими заботами и проблемами, даже не подозревая о том, что через сутки шурави изменят их политическую жизнь и уничтожат ненавистный афганскому народу аминовский режим.

Работали духаны, на базарных прилавках, несмотря на то что стояла зима, было полно апельсинов, они оранжевыми горками заметно выделялись на фоне других продуктов. Духанщики бойко зазывали прохожих посетить их магазины, ну хотя бы одним глазом взглянуть на их товары, а потом, возможно, и сторгуемся. Ну а если заприметят европейца, оторвут рукава от пиджака, но затащат в свой магазин и будут часами показывать товар.

Нашими военачальниками для захвата были определены следующие объекты: резиденция Амина, которая находилась на южной окраине города, Генеральный штаб под руководством подполковника Якуба, полностью преданного Амину офицера, несколько зданий: министерства обороны, командования ВВС и ПВО около аэропорта и «Радио Кабула». Все эти объекты хорошо охранялись, и на легкую победу рассчитывать не приходилось.

Самолет, в котором находились генерал Костылев и офицеры оперативной группы дивизии, то ли по стечению обстоятельств, то ли по злему умыслу афганского диспетчера, вместо того чтобы приземлиться в составе передового отряда, приземлился в замыкании основных сил десанта. В одном самолете на войну двум генералам лететь нет смысла, если не сказать хуже. Пока мы с Костылевым летали туда-сюда, генерал Рябченко развернул полевой командный пункт дивизии и организовал прием личного состава. В Кабуле уже было светло. Выходя из самолета, я увидел Кукушкина, который что-то увлеченно объяснял Костылеву. Подойти не решался, остановился в стороне и стал ждать, пока освободится начальник разведки. Увидев груды материальных средств на обочине стоянок и рулежек, я ужаснулся: неужели это мы все с собой привезли? В это время из чрева самолета по трапу скатился «уазик» и

остановился около генерала. Тот быстро сел в машину, хлопнул дверью и был таков. Кукушкин сказал, что генерал не в духах от того, что прилетел к шапочному разбору. На долгую беседу начальник со мной не был настроен, но все же кое-что рассказал. Он указал нам ориентир, и мы по аэродрому направились в сторону штаба дивизии.

На месте, где планировалось расположение штаба дивизии, царил беспорядок. Правда, штабная палатка со средствами связи была готова. Начальник связи Горовой и его помощник Литовцев уточняли связистам места, где им развернуть узел связи дивизии. Я подошел к связистам, спросил у них, есть ли телефонная связь с дивизионными разведчиками. «Обижаешь, начальник, на трубку и говори со своим командиром роты». — «Давай, Евгений Иосифович, трубку». Крутнул рукоятку полевого аппарата. На том конце провода мне ответил Комар и доложил, чем занимаются разведчики. Разумеется, это меня взбодрило, сказал спасибо связистам.

Остаток светлого дня был использован для того, чтобы наши военные советники, так называемые мушаверы, вместе с командирами полков и некоторыми командирами подразделений познакомились с маршрутами, которые ведут к объектам захвата, и на месте смогли изучить подступы к ним. К этому времени посольства США, да и других недружественных нам стран оживились, активизировали свою деятельность вокруг аэродрома и города в целом. Поэтому маскировка и осторожность при выезде в город даже на гражданских машинах соблюдалась.

К вечеру уже стал вырисовываться палаточный городок штаба дивизии, соседних частей и подразделений. Поздно вечером нас пригласили на ужин. Кормили консервами. Отдыхали, кто как мог и кто на чем устроился, в основном на земле, но в палатках. Сон долго не приходил. Вставали, выходили на улицу покурить и подолгу вели разговоры между собой. Небо, несмотря на конец декабря, было звездное, но довольно прохладно, если не сказать, холодно.

Утром снова стали подъезжать мушаверы в своей, афганской, форме, еще какие-то важные персоны, но они были в штатском, и определить, кто из них военный, а кто гражданский, было невозможно. Весь оставшийся день штабная палатка напоминала муравейник, одни входили, другие выходили, и так целый день. Ближе к вечеру меня позвонил комдив: «Позвони в роту, пусть подготовят одну группу, которая будет сопровождать меня вечером по городу. Выезд по моей команде». Позвонил Комару, ротный капитан Пащенко еще не подъехал, он как бы считался в отпуске, и озадачил его поручением комдива. К этому времени мне уже

стало известно от Костылева, что к вечеру должны быть подготовлены две разведгруппы, которые будут работать в ночных условиях. Район разведки, чтобы не было утечки информации, он доведет позднее. Бред какой-то, да и только, по поводу утечки информации, кому разведчики станут докладывать о задаче. С наступлением темноты гостей в лагере не стало, все как-то незаметно исчезли.

Костылев в штабную палатку пригласил Петрякова, меня, связиста и офицера-оператора для заполнения журнала боевых донесений. Наступила подозрительная тишина. Я боевую задачу знал в целом, а конкретно свои задачи знали только командиры полков и подразделений, которые должны работать на отдельных направлениях.

Около семи вечера, словно по команде, завелись боевые машины 350-го полка, самоходно-артиллерийского дивизиона, артиллерийского полка, и вся эта мощь из лагеря двинулась в сторону Кабула. Двинулся в сторону аэропорта и ферганский батальон капитана Алиева.

Одним словом, дивизия перешла к решительным действиям. Минут через тридцать в городе началась интенсивная стрельба, которая то затихала, то снова с еще большим ожесточением возобновлялась. Тысячи трассирующих пуль, рикошетируя от земли, взметнулась в темное небо в районе аэропорта. Зрелище красивое, но за ним были человеческие жизни как с одной стороны, так и с другой. Тем не менее раньше всех, за тридцать минут до общего сигнала «Шторм-333», в район разведки убыли две разведгруппы дивизионной роты. Разведку вели по-боевому, в ночных условиях, на чужой местности. Одну группу возглавлял лейтенант Ленцов, другую — лейтенант Марченко. Офицеры обладали высокой профессиональной и физической подготовкой. Они должны были своевременно вскрыть выдвижение афганских танков к городу с восточного направления.

В районе аэропорта стрельба стала утихать, через некоторое время совсем прекратилась, но в это время в городе заухала артиллерия, и на фоне ночного неба видны были сполохи выстрелов и разрывов. Потом все внезапно прекратилось. Только изредка со стороны города доносились одиночные выстрелы из стрелкового оружия.

Мой самоходный дивизион должен был выйти на танкоопасное направление, занять выгодный рубеж, насколько позволяла темнота, а в случае появления танков открыть огонь на поражение и не позволить им войти в город. Дивизион вышел в указанный район и занял позиции, но по закону подлости в ответственный момент, когда везде шла стрельба и вокруг все сверкало и грохотало, связь с дивизионом внезапно прервалась.

Костылев заволновался, еще бы, в такой ситуации не только заволнуешься, завоюешь от бессилия. Он потребовал связь с дивизионом незамедлительно восстановить. Выполнение задачи возложили на меня. Пока выезжал из территории аэропорта, пропала связь с ротой. Снова выручил бывший подчиненный, капитан Алиев. Пришлось его штабную машину использовать как ретранслятор и поддерживать связь с ротой. Еду дальше, около «Радио Кабула» моя боевая машина была встречена афганским танком, который охранял это здание, но ему не суждено было первому открыть огонь. Разведчики Попова из Ферганы, которые захватывали и брали под контроль этот объект, первыми вцепили ему «муху» под башню, и он, бедолага, загорелся, а через несколько минут танк стал похож на ржавую консервную банку. От выстрела и взрыва в американском посольстве начался переполох, оно было рядышком с «Радио Кабула». Поблагодарив своих разведчиков по бывшей 105-й дивизии, продолжил путь за город, где, по нашим сведениям, и должен быть дивизион. Через некоторое время в непроглядной темноте все же нашел то, что искал. Отругал старого командира, подполковника Барановского. Он в ответ стал оправдываться, противотанковый рубеж мы заняли строго в указанное приказом время, все внимание обращали в темноту, откуда должны были появиться танки, в такой ситуации было не до связи.

На рассвете возвращался к себе в штаб. Несмотря на ранний час, в городе много народа. В штабе полнейший покой, ни души, после тревожной ночи все отдыхали, только вокруг палаток маячили фигуры часовых. Зашел в штабную палатку, уточнил обстановку. «Ждем приезда командира», — сказал оперативный дежурный. «Ладно, пока нет командира, пойду в роту, если что, звони, буду там», — сказал я. В роте разведчики после ночной работы приводили себя и технику в порядок. Пока еще не вернулись парни, которые сопровождали комдива, Комар собрал офицеров, которые были в разведке. Вот они мне подробно доложили о выполнении задания. Потерь в группах не было. Зазвонил телефон, Комар поднял трубку через секунду, говорит мне: «В штаб вернулся комдив». В это время послышался шум двигателей боевых машин, ротный вышел из палатки. Оказалось, вернулась группа Чернеги, которая сопровождала ночью комдива по городу. Это меня, как начальника, вполне успокаивало, и я направился в штаб. С приездом Рябченко лагерь оживился, кругом стали слышны разговоры разного толка. Комдив нам намекнул: «Ну что, задачу правительства выполнили успешно. Правда, потерь, к большому сожалению, избежать не удалось. Пока будем потихоньку собираться домой, но это мое соображение», — добавил он.

После беседы с комдивом настроение, несмотря на большую усталость, было приподнятое. Да и солнышко стало припекать, приятнее было находиться на свежем воздухе и даже пришлось снять десантную куртку. Офицеры, которые были в свое время участниками чехословацких событий, прямо сказали, по сравнению с Чехословакией это настоящая дыра, и нам надо отсюда быстрее убираться.

Тем не менее проходили дни, недели, а мы, десантники, по-прежнему продолжали оставаться в Афганистане заложниками непродуманной политики. Слухи среди десантников о выводе дивизии стали постепенно затихать. Настал день, когда комдиву надо было принять решение. По-настоящему обустроить дивизию, создать более или менее человеческие условия для жизни личного состава в полевых условиях. Дивизионные разведчики тоже оборудовали свой палаточный городок, на фоне других он смотрелся намного лучше. Прошла и первая кадровая ротация среди разведчиков за границей. Командир роты Пащенко был назначен командиром батальона в 317-й полк, к нему же в батальон на одну из парашютно-десантных рот убыл Чернега. Ротным стал Комар, а его заместителем Ленцов. Коллективом офицеров и прапорщиков я остался доволен, а тем более их профессиональной подготовкой. С этим., коллективом на протяжении всего моего пребывания за) границей мы жили дружно, то ли в повседневной жизни, то ли при выполнении боевых задач по уничтожению банд мятежников.

В этом году зима в Кабуле выдалась снежная и морозная. По этому поводу мулла говорил, что это наказание неверных аллахом за то, что приперлись в нашу страну, а дехкане говорили, снега много к хорошему урожаю. И они оказались правы. Нам необходимо было придумать, как и чем обогревать палатки? Выход нашли. В Витебске стали делать примитивные печи из металлических труб, а материалом для топки была солярка. Солдаты этим печам придумали интересное название «Поларис», подобие американских ракет. Это название иногда приводило в замешательство радиоперехватчиков иностранных спецслужб, когда из Витебска радировали об отправке новой партии печей. Позднее их стали заменять на фабричные, но это произошло только к следующей зиме. Особых хлопот самодельные печи нам не доставляли. Правда, отдельные случаи возгорания все же отмечались в палаточных городках дивизии, но без серьезных последствий.

К концу января в Кабул из Москвы зачастили военные чиновники высокого ранга. Иногда с нами беседовали, но их беседы нам настроение не поднимали, а сводились к одному: мы здесь как бы на обычных крупных

маневрах. Так почему тогда по нашим позициям и солдатам стреляют не холостыми патронами, а боевыми, спрашивали мы у них? Вразумительного ответа так и не услышали. К этому времени в армейских разведсводках уже отмечались случаи обстрела наших постов и позиций, а в провинции Баглан кавалерийская банда попыталась напасть на позицию мотострелковой роты, душманы просчитались и попали под плотный пулеметный огонь. В Кабуле была обстреляна машина, в которой находился офицер-политработник нашей дивизии. Нападающим удалось скрыться. Капитан Вовк был смертельно ранен. Вот так уже с первого месяца пребывания за бугром наших войск начинала складываться обстановка, а нас высокие военные чиновники пытались успокоить.

В дивизию прилетел командующий ВДВ генерал-полковник Сухоруков, чтобы воочию увидеть, как обустроен наш быт, какое настроение офицеров и солдат. Его, как командующего, интересовала организация взаимодействия с создаваемой 40-й армией и непосредственно с командующим армией, генерал-лейтенантом Тухариновым. В беседе с нами Сухоруков нового ничего не сказал, но врать не стал и намекнул, что мы остаемся в этой стране надолго. Он сам прекрасно понимал, что его разговор настроения нам не добавил, но принятого решения наверху он отменить не мог, и мы должны были смириться и настраивать себя на самое худшее, что могло нас ожидать в этой захолустной стране.

На следующее утро в сопровождении разведчиков он убыл к командующему 40-й армией. Штаб временно находился в одном из роскошных особняков в центре города. Резиденция Амина, а там планировалось разместить штаб армии, после ожесточенного штурма находилась на ремонте. Я даже и не предполагал, что сегодня лично встречу Тухаринова. Сразу же после убийства Сухорукова в город на его имя прибыла очень срочная и важная телеграмма. Рябченко шумит: «Где начальник разведки?» Захожу к нему в палатку. Комдив мне вручает конверт: «Давай пулей в город, передай этот конверт командующему. Только не передавай через кого-то, а лично в руки». — «Понял вас».

Дня через два в Кабул нагрянул Соколов, заместитель министра обороны, со своей многочисленной свитой и внес ясность относительно нашего нахождения в Афганистане. Информация, которая исходила от оперативной группы Минобороны, была следующего содержания: вся группировка советских войск, в том числе и десантники, остаются в Афганистане надолго. Такая новость нас очень огорчила. В разговорах между собой мы здорово ругали наше родное правительство за его ошибочное решение. Ни доблести, ни боевой славы от такой войны нашей

могучей и непобедимой армии не прибавлялось. Нет сомнения в том, что войска прибыли с одной целью — навести порядок в этой стране, не участвуя в боевых действиях, а, освободив афганскую армию от охранных действий, дать ей возможность воевать с оппозицией. Правда, к этому времени армия была близка к деморализации и выполнить в полном объеме те задачи, которые ей предписывались, уже не могла.

Оперативная группа со штабом армии наметила порядок дальнейшего пребывания войск в Афганистане. Во-первых, утвердили зоны ответственности дивизий, бригад и отдельных полков. Все соединения и части армии разместились гарнизонами в крупных городах провинции Афганистана. Второе, они стали думать о том, как остановить приток оружия из-за границы, особенно из Пакистана. Хотя, по большому счету, оружие из-за границы поступало и до нашего вторжения. Правда, сегодня его поток значительно увеличился, поэтому и нужно было поспешно предпринять меры по пресечению его поступления в страну. Решили минировать тропы, по которым идут караваны с оружием. Для этого привлекли саперов-десантников. После первых бомбежек и минирования троп проход караванов на некоторое время прекратился. Но только на время. Затем местные жители нашли в горах другие тропы, и караваны снова двинулись в Афганистан. Саперы эти тропы снова стали бомбить и минировать.

В учет жертвы среди мирных жителей не брались, а они были. Так продолжалось до весны. Караванщики находили новые тропы, а мы бомбили и минировали. Конечно, положительный момент в этом был, но очень уж дорогостоящий, который не оправдывал поставленной цели. Руководил этой операцией генерал армии Ахромеев. Одним словом, от этой затеи позднее отказались. Ведь все тропы в горах, которые вели в Афганистан, не заминируешь и не разбомбишь. Да и мирные люди через границу по этим тропам шастают целыми днями. В-третьих, на мой взгляд, оперативная группа нанесла вред боеготовности нашей дивизии. По их «умному» указанию у комдива забрали три батальона, по одному от каждого парашютно-десантного полка, а это практически полк без подразделений усиления и обеспечения. Один батальон отправили в Шиндант к границе Ирана, где дислоцировалась 5-я мотострелковая дивизия. Второй — в Кандагар, там размещалась мотострелковая бригада, а третий — в провинцию Кунар на границу с Пакистаном. Естественно, пехотные командиры десантников бросали на выполнение самых тяжелых и ответственных задач. Дырки нами затыкали. На этом грабительские действия опергруппы в отношении десантников не закончились. Они

отдали указание выделить тридцать боевых машин и отправить их в Кандагар для десантно-штурмового батальона. Вдобавок для своей охраны и сопровождения требовали непременно десантников, а еще лучше разведчиков. В группе было полно генералов армии, был один маршал авиации Колдунов. На первых порах дивизионные разведчики занимались их охраной и сопровождением. Потихоньку я с согласия комдива разведчиков заменил на десантников парашютно-десантных рот, старики этой подмены и не заметили.

Военно-политическая обстановка в стране заметно осложнилась. В конце февраля в Кабуле оппозиция вывела народ на улицу. В течение двух дней в городе было не очень уютно. Правда, надо отдать должное правоохранительным органам, это выступление было жестоко подавлено. Как всегда, пострадали простые граждане, которые поддались на агитацию оппозиции. Среди них много было студентов. В дневное время в городе был обстрелян автомобиль коменданта. Водитель Денисенко смертельно ранен. Ночью в сторону боевого охранения была выпущена мина, которая разорвалась, не достигнув цели. Все эти случаи настораживали нас и наводили на мысль, что боевых действий не избежать.

По прошествии десятков лет, просматривая телевизионные передачи, связанные с Ираком и Афганистаном, становится все труднее сдерживать свои эмоции. Сразу вспоминаются годы, проведенные в той далекой стране. Тогда против нас ополчилось полмира, но главную роль играли США. В страну нескончаемым потоком шло оружие, военная амуниция, доллары, иностранные наемники и инструкторы. Несмотря на огромную помощь оппозиции из-за границы, наши солдаты держались стойко. Войска полностью контролировали свои зоны ответственности. Душманы себя вольготно не чувствовали, в том числе и Масхуд в своем ущелье.

В последних числах февраля 1980 года обстановка в стране резко обострилась, особенно в провинциях, находящихся в непосредственной близости с Пакистаном. Наиболее тяжелое положение сложилось в провинции Кунар. Горно-пехотный полк вышел из повиновения. Часть солдат разбежались по домам, основная часть полка перешла на сторону мятежников.

Военный городок полка размещался в Асмаре и прикрывал основное направление на Кабул. Дорога на Кабул осталась без прикрытия. В связи с создавшейся обстановкой в штабе армии была разработана операция по окружению и разоружению мятежного полка. Офицеры-операторы нарисовали красные стрелы на топографических картах, которые со всех сторон охватывали мятежный полк, а рядом, топографический знак —

высадка воздушного десанта, даже было предусмотрено прикрытие наших подразделений со стороны Пакистана. Определены объекты, по которым удар нанесет боевая авиация. Жирно выделен маршрут, по которому будет выдвигаться из Джелалабада мотострелковый батальон, усиленный танковой ротой для совместных боевых действий с десантниками. План был готов, смотрелся он красочно и убедительно. Командование армии план операции тут же утвердило. На подготовку к операции было предусмотрено два дня. Это были нереальные и даже смешные сроки для подготовки десантников к бою. Тем более подготовка людей для боевых действий в горах, которые там никогда не были. В данной ситуации стоит отметить и беззубость Рябченко, который не возразил Тухаринову и не доказал ему, что отведенные сроки подготовки нереальны. Да и сама подготовка личного состава проходила в тени, без привлечения начальников служб дивизии. Петряков был старшим группировки десантников, а его заместителем — Шеметило. Вот они и крутились вместе с батальоном, готовя личный состав к действиям в горах. Эти двое и были единственными, кто бывал во время службы в ферганских горах. Во второй половине последнего дня подготовки к проведению боевой операции батальон 317-го полка вывели на северную окраину аэродрома к горе Ходжа-Бурга. Личный состав поднялся до середины горы в ротных колоннах. Постепенно начали сгущаться сумерки. Последовала команда: «Стой», и уже в сумерках батальон спустился с горы. На этом занятия в горах закончились, люди затемно прибыли в расположение полка. После ужина получили необходимое количество боеприпасов, и личному составу разрешили отдыхать. Какие Сны ребята видели в эту ночь, им одним известно, но думаю, что тревожные. Они еще не предполагали, что Их ждет завтра. Многие думали, что это просто подготовка к ответственным учениям, некоторые позже в разговоре со мной так и скажут.

Настало утро. Завтрак. Построение батальона, где командиры еще раз должны убедиться в готовности своих подчиненных к боевым действиям. Связисты проверили связь. Вроде бы все готово к вылету. Для выполнения задачи привлекалось триста человек. Солдаты себя так и называли, нас всего было «триста спартанцев». Командовал батальоном майор Кустрье. Офицер большой отваги и мужества. Батальону был придан взвод полковой разведроты и отделение саперов. Последнее напутственное слово командира полка, и личный состав начинает посадку на автомобили для убытия на аэродром. На аэродроме около вертолетов их уже дожидались Петряков и Шеметило. Им тоже хочется перед отлетом что-то хорошее

сказать личному составу. В это утро мы, офицеры, находясь около палаток штаба дивизии, видели, как более двух десятков вертолетов поднялись в воздух и взяли курс на восток. После завтрака я с дивизионными разведчиками убыл к горе Ходжа-Раваш на занятие, отрабатывали вопросы тактики действий в горах в комплексе с огневой подготовкой. Гора Ходжа-Раваш стала для разведчиков своеобразным полигоном, где они ежедневно оттачивали вопросы огневого соприкосновения в горах. Комар со временем занятия усложнял, и это шло только на пользу разведчикам. К обеду вернулся к себе в штаб и заглянул в палатку оперативного дежурного, чтобы поинтересоваться, как ведут себя в горах наши «триста спартанцев». В палатке за столом оперативного дежурного находился комдив. Он явно был не в настроении. Вдруг раздался телефонный звонок, и Рябченко вздрогнул, как будто боялся этого звонка. Проскуряков, оперативный дежурный, поднял трубку и тут же ее передал командиру дивизии. Лицо помрачнело. Тихонько спросил у оперативного: «Что-то случилось?» — «В горах идут боевые действия. Бой непредвиденный, тяжелый, исход не в нашу пользу. На этот час имеются погибшие и раненые», — ответил оперативный дежурный. «А где танки с пехотой?» — «На дороге, по которой они двигаются, много завалов, это затрудняет движение. Наши там дерутся с мятежниками один на один, а пехота пока помочь не может». В этот момент Рябченко положил трубку, молча посмотрел на меня. «Хреново дела складываются в районе боевых действий, разведчик», — сказал он.

На этот час уже больше десяти погибших. Комдив встал из-за стола и, выходя из палатки, на ходу бросил мне: «Скрынников, ты тоже оставайся здесь, вместе отслеживайте обстановку в горах». После ухода комдива в палатку зашел Соколов, замначальника оперативного отдела, и с ходу спросил: «Валера, где карта? Командир приказал боевые действия батальона нанести на карту. Давай сюда журнал боевых действий». Вместе стали домысливать, как могли складываться боевые действия после высадки из вертолетов.

Первое, в военном городке полка мятежники надежно не были подавлены ударами боевой авиации. Они разбежались по горам, а часть из них оказалась в непосредственной близости от площадки десантирования. Надо было одним ударом разнести городок в пух и прах. Бомбить с определенными интервалами всей боевой авиацией, которая имелаась в распоряжении командующего армии. Непрерывное бомбометание не позволило бы афганцам убежать из городка.

Второе, в группировке десантников не были предусмотрены авианаводчики для вызова и управления боевыми вертолетами, и не только

вертолетами. Авиаторы своевременно не подсказали, что надо иметь при себе авианаводчиков, а для командования дивизии это было новшеством. Вот и получилось, что важный вопрос начальство не решило, а расхлебывать пришлось вместе с кровью личному составу батальона.

Третье, не были доведены до десантников и мотострелков уточненные данные разведки, в том числе и данные инженерной разведки о состоянии дороги. Завалы на протяжении всего маршрута создавались не накануне операции, а намного раньше. В составе колонны мотострелков не было машин разграждения.

Четвертое, и не менее важное обстоятельство, — десантники Витебской дивизии не были обучены ведению боевых действий в горах.

В это время раздался звонок телефона закрытой связи, Проскуряков ответил и, взяв журнал, стал что-то записывать. Мы через плечо стали читать. Содержание нас не радовало, добавились потери, а пехота в район боевых действий еще не подошла. Запись переложили на карту. Мы увидели, что выполнение боевой задачи подходит к концу, но мы еще не знали, какой ценой это все давалось. Время близилось к вечеру, стало темнеть, мы подумали: а как там наши? Неожиданно зазвонил телефон. Оперативный сделал запись в журнале. Когда Рябченко прочитал содержание радиogramмы, стал мрачнее тучи. Петряков доложил, что к исходу дня батальон задачу выполнил и сосредоточился около населенного пункта Шигал. К этому времени подошли мотострелки. Да, долго шла пехота на помощь десанникам. В течение всего светлого времени десантники самостоятельно без всякой поддержки выполняли задачу по уничтожению противника. Задачу батальон выполнил, но с большими потерями: тридцать три человека убиты, сержант Табаков без вести пропавший. Комдив несколько минут молчал, как бы собираясь с мыслями, потом дрожащим голосом попросил нас пока не разглашать эти цифры в штабе. И добавил: «Доложу командующему сам», — и, расстроенный, вышел из палатки. К утру в штабе был полный список погибших. Среди фамилий погибших я увидел фамилию своего разведчика, старшего сержанта Мироненко, заместителя командира разведвзвода полковой роты. Позвонил в полк Качанову и рассказал о случившемся. Утром на служебном совещании по инициативе комдива почтили память погибших десантников вставанием и минутным молчанием. Весь день непрерывно звонили телефоны закрытой связи. Со штаба ВДВ и армии многие пытались узнать подробности проведения операции и выяснить, почему такие большие потери. Командованию ВДВ и армии были отправлены телеграммы, в которых были указаны все подробности операции. Для

дивизии это была большая трагедия. Дня через три из провинции Кунар батальон вернулся в расположение. Меня интересовали подробности операции и при каких обстоятельствах погиб разведчик Мироненко. Однако комдив нас, начальников служб, предупредил, чтобы сразу не лезли в душу к солдату со своими расспросами, а дали им некоторое время прийти в себя. Прошло еще несколько дней, позвонил Качанову и спросил у него, как состояние разведзвода. «Нормальное, я уже с ними беседовал про действия в горах», — ответил Качанов. «Как погиб Мироненко?» — «Погиб как герой», — добавил Анатолий. «Меня тоже интересуют подробности», — продолжал я. «Подробный отчет о действиях разведгруппы, все схемы сегодня привезу в штаб дивизии». — «Хорошо, я тебя жду». После обеда я внимательно слушал рассказ Качанова. Как я уже и предполагал, мятежники не были подавлены в городках. С началом бомбежки они стали разбегаться, а часть из них оказалась в непосредственной близости от района высадки батальона. Вот эти разрозненные группы мятежников и стали сопротивляться десантникам у площадки высадки, а некоторые наиболее организованные сами нападали с тыла на десантников. Разведгруппа полка после уточнения задачи на местности начала движение в направлении населенного пункта Шигал. Мироненко был родом из Душанбе, ему приходилось бывать в горах. Группа незаметно для себя стала терять высоту, то есть уходить вниз по водоразделу. Так было идти проще и легче, но это было тактически неграмотно. Командиры вспомнили, хотя и с опозданием, что в горах побеждает тот, кто находится выше. Изначально неправильные действия батальона подтвердил и Петряков. Он видел, как батальон стремительно стал спускаться вниз по тропам, отдавая инициативу мятежникам. Много труда и нервов ему стоило, чтобы подправить тактику действия батальона. Первым это понял командир разведзвода батальона лейтенант Богатилов. Его взвод выполнил боевую задачу практически без потерь, с одним раненым. При движении группы Мироненко, как и подобает заму, находился в замыкании. Через некоторое время разведгруппа неожиданно для дозорных столкнулась с большой группой мятежников. Пришлось принять бой, хотя противник был в более выгодном положении. Началась ожесточенная стрельба с обеих сторон. С соседней горы еще одна группа душманов стала заходить разведчикам в тыл. Ситуация стала осложняться. Парни поняли: мятежники хотят их окружить и уничтожить. Было принято решение оставить прикрытие и группе отойти к батальону, который выдвигался в их направлении. Мироненко сам вызвался прикрыть отход группы. Группа усилила огневое воздействие на противни-, ка и стала

организованно отходить навстречу седьмой роте. Мироненко окинул местность и облегченно вздохнул: группа успела выйти из кольца окружения, он стал расстреливать мятежников, которые пытались его окружить. Он настолько увлекся боем, что забыл о том, что нужно отходить, и через несколько минут оказался в окружении. Сержант понял, в какую ситуацию попал, но не дрогнул. Только быстро сменил позицию и продолжал стрелять по душманам. В секунды затишья слышал за соседней горой интенсивную стрельбу. Идет подмога, подумал он, и короткими очередями, экономя боеприпасы, продолжал вести огонь по врагу. Боеприпасы закончились. Машинально пошарил в рюкзаке, нашел еще с десяток патронов россыпью. Быстро снарядил магазин. Душманы воспользовались паузой и сомкнули кольцо. Стрельба уже стала слышна и справа, и слева, и впереди. «Неужели так много здесь душманов, возможно, они все ушли из военного городка в горы», — подумал Александр. И даже забыл в этот момент подумать про подмогу. Только сейчас он стал более тщательно прицеливаться и вести огонь одиночными выстрелами. Он увидел, что один из душманов с колена прицеливается в него. Сержант выстрелил первым. Душман как-то неестественно взмахнул руками, обмяк и упал на камни, а вот еще один совсем рядом кому-то машет руками. Получи и ты, гад. Душман упал, дернулся несколько раз и застыл. «Ну ты и наглец, стоишь в полный рост, сейчас я тебя укорочу», — ругнулся Мироненко. Душман упал на обратный скат валуна, и в этот момент Александр почувствовал острый удар в бедро. Ранен, мелькнуло в голове, и он заскрежетал зубами от боли. Душманы, боясь попасть под прицельный огонь шурави, в нерешительности остановились на своих местах и даже перестали стрелять, возможно, обдумывая дальнейший план действий. Александр этой передышкой воспользовался, достал индивидуальный перевязочный пакет и, морщась от боли, поверх комбеза сделал себе перевязку. Со стороны седьмой роты стрельба становилась все ближе. Это несколько обрадовало сержанта, и он снова взял в руки автомат, выбрал цель, нажал на спусковой крючок, а выстрела не последовало. Ну вот и патронов нет, и помощь задерживается. На несколько мгновений он растерялся. «У меня же гранаты есть». Пригнулся к земле, стал выбирать цель, где больше душманов. Вон за тем камнем увидел человек трех, резко вскочил на колени и что есть силы метнул гранату за камень. Боль от бедра резко ударила по всему телу. Прижавшись к земле, несколько мгновений лежал неподвижно, пока немного утихнет боль. За камнем слышал глухой взрыв гранаты и крики раненых мятежников. Выдернул чеку из второй гранаты и стал выбирать следующую цель. Метнул гранату, и снова крики.

Еще бросок гранатой, и результат снова достигает цели. Кругом слышны проклятия. Ну вот, осталась последняя «эфка», Саша посмотрел в сторону, откуда должны подойти свои. В какой-то момент на вершине ему показалось, что он увидел своих, они быстро приближаются. В этот момент оставшиеся в живых душманы с криком «аллах акбар» навалились на Александра, и в тот же миг раздался взрыв гранаты. Около шести окровавленных трупов мятежников остались рядом с телом разведчика. С вершины ближайшей горы действительно скатилась волна десантников, которые, на бегу строча из автоматов, уничтожили удирающих душманов, но Александр всего этого не видел и не слышал. Подбежавшие товарищи звали, тормозили, но он оставался неподвижным. Тем не менее батальон, неся потери, успешно выполнял боевую задачу дня. В этом же бою сапер, старший сержант Чепик, повторил подвиг разведчика Мироненко. Оставшись один на один с толпой мятежников, сапер миной направленного действия взорвал себя и более десятка мятежников. Через несколько месяцев им обоим будет присвоено высокое звание Героя Советского Союза, посмертно.

Далее Качанов доложил, что все документы на старшего сержанта Мироненко подготовлены. Отправка тела на Родину будет по команде. Проститься с товарищем на аэродром прибудет весь личный состав роты. На этом наша беседа закончилась. Анатолий убыл к себе в полк, а я в дивизионную разведроту. Комар построил роту, до личного состава пришлось довести подробности героической смерти Мироненко, их полкового сослуживца.

Кунарская операция стала началом боевых действий дивизии и десантников в целом против банд мятежников как в своей зоне ответственности, так и далеко за ее пределами. К весне банды в Афганистане стали расти, как грибы после дождя. Они в основном приходили с территории Пакистана, где в учебных лагерях под руководством иностранных инструкторов проходили подготовку, а затем с помощью проводников переходили границу Афганистана и далее направлялись в приграничные провинции и в глубь страны. Реже банды переходили границу со стороны Ирана. Вот с такими обученными бандами приходилось воевать и десанникам, и мотострелкам. Надо парням отдать должное, воевали они успешно, хотя на первых порах и не имели боевого опыта. Во время проведения боевых действий трусости и слабодушия среди разведчиков и десантников за более чем два года мне наблюдать не приходилось. На первых боевых операциях я, как и все, тоже волновался и переживал, но я еще, как начальник, волновался за жизнь своих

разведчиков. Потому что морально наравне с командирами нес ответственность перед родителями за жизнь их сыновей.

Разведчиков у меня в подчинении было более двухсот человек. Это были отборные парни, лучшие из лучших десантников. С ними, не задумываясь, можно было идти в разведку. Вместе с ними не одну ночь пролежал в засадах, намотал не одну тысячу километров, совершая рейды по районам боевых действий, как в горах, так и в песках, и зимой, и летом, днем и ночью. Не зря они все были награждены орденами и медалями. Среди разведчиков были наименьшие боевые потери, несмотря на то что они выполняли самые сложные и ответственные задачи командования.

Разведка создана для боевого обеспечения войск, ведущих бой. Готовят их по несколько другой, чем парашютно-десантные подразделения, программе, и они могут выполнять важные задачи далеко от расположения своих войск. Безусловно, и все командиры независимо от должностей к подготовке и проведению боевой операции подходили взвешенно, определяли, что можно, а что нельзя, как лучше и с наименьшими потерями решить боевую задачу. Причем на первое место ставилась жизнь солдата.

Март и апрель разведчики выполняли задачи местного значения. Из штаба армии приходило распоряжение, в котором комдиву предписывалось в течение двух или трех суток в таком-то кишлаке разгромить исламский комитет и доложить об этом. Или в таком-то кишлаке с зеленой калиткой проживает председатель исламского комитета, его необходимо арестовать. Возможно, когда-то в этом кишлаке и был комитет и проживал его руководитель, но это было давно, а сейчас это может быть уже и неправдой. Предварительно всегда проводили разведку нужного объекта. К этому времени у меня уже четко вырисовывалась агентура в зоне ответственности и далее на север до самого Ваграма, а также в районах, где дислоцировались три наших батальона. В Чарикарской долине агентуру налаживал капитан Никифоров, начальник разведки ферганского полка, мой бывший подчиненный по 105-й Ферганской дивизии. Географию агентуры мы расширяли, привлекали к работе все более ответственных чиновников, в том числе партийных и милицейских. В течение всего моего времени нахождения в стране сбоев в нашей работе не было, мы научились с ними работать. Правда, некоторые офицеры с афганцами были грубы, это не приносило нужных результатов в работе, а наоборот, задевало их самолюбие, и они напрочь отказывались от сотрудничества. Если иногда нас что и подводило, так это качество армейской агентуры. Это стало походить на систему, особенно в первые месяцы ведения боевых действий.

Мы жгли горючее, гоняли по бездорожью технику, а самое главное — мучили себя, людей, а результат нулевой. Наиболее точными и свежими разведданные были у партийцев и наших «товарищей», вот их данными перед подготовкой к боевым действиям мы и пользовались. Однажды на армейском совещании мне было предоставлено слово. Вот я и рассказал про эти агентурные разведданные и про нулевые результаты. На совещании присутствовал сам Соколов. После моего выступления в дивизию распоряжения стали приходить реже, но более достоверные. Начальник разведки армии генерал Дунец как-то мне в разговоре об этом напомнил, но без особой обиды. У меня с ним были хорошие служебные отношения. Он был родом из-под Чернигова, и меня почему-то всегда называл своим земляком. Кроме выполнения армейских распоряжений, дивизионные и полковые разведчики часто, в основном в ночное время, устраивали засады на возможных маршрутах движения мятежников в зоне ответственности дивизии. Пока хорошим результатом мы похвастаться не могли, но в целом наши ночные рейды навели шорох среди душманов. В зоне ответственности дивизии до самого лета было спокойно. В таком суматошном для меня темпе незаметно подходили майские праздники. Весна уже набирала силу. В предгорье можно было увидеть тюльпаны, но бутоны были еще не раскрыты. Вспоминалась площадка приземления Багиш под Ташкентом. В это время года там были целые плантации тюльпанов. Среди красного моря цветов встречались черные и желтые. Природа сама регулировала их появление. А вот здесь, в Кабульской чаше, все же было еще недостаточно тепла для цветения тюльпанов. Однако днем солнце припекало достаточно сильно, и мы самостоятельно перешли на летнюю форму одежды. Погода как бы настраивала на хороший лад, но как вспомнишь, что это не учение, а самая настоящая война и домой еще не скоро, так сразу настроение и портится.

В один из таких весенних дней комдив собрал нас, начальников служб, и рассказал, что армия спланировала нам операцию. Однако эта операция не предполагает боевые действия, мы должны помочь афганцам установить местную власть в одном горном уездном центре. Основная часть маршрута будет проходить в горных условиях. Дороги в горах в это время года сильно размыты, а в некоторых местах вообще затоплены. Далее комдив назвал состав нашей группировки и напомнил, чтобы мы готовили свои подразделения к этой операции. В заключение совещания спросил: «Вопросы есть?» — «Есть, товарищ генерал. А почему в горную распутицу нам спланировали проведение операции, разве время не терпит?» — «Скрынников, разрешаю по этому вопросу обратиться к командарму

Тухаринову. Чуть было не забыл назвать день начала операции, — продолжил Рябченко. — Начинаем движение, — выдержал паузу, затем улыбнулся: — Первого мая». Ни хрена себе, в штабе армии, наверное, все ненормальные, что ли, подумали мы. После совещания все хором еще некоторое время продолжали возмущаться датой выхода. Пусть мы здесь в полевых условиях, но праздник есть праздник. Тем не менее на следующее утро я направился на авиабазу к начальнику разведки. Павлов, командир смешанной авиабазы, проводил с офицерами совещание, пришлось дожидаться окончания разбора полетов. В штабной палатке я решил все свои вопросы относительно проведения операции. Антонов, начальник разведки авиабазы, сказал, что фотосхемы маршрута в горах будут готовы дня через два. Действительно, авиаторы слов на ветер не бросают, и к указанному сроку у меня на руках была дешифрованная фотосхема всего маршрута. От города Котай-Ашрудо Бисхуда. Не успели оглянуться, как наступило Первое мая, начало операции. С утра в дивизии ожидали приезда Кобзона, который будет петь солдатам. Подготовили импровизированную трибуну, состоящую из двух автомобилей. Пел он много, но до конца концерт дослушать участникам операции не довелось. Ровно в двенадцать наша группировка тронулась по направлению на юг. В районе Котай-Ашру к нам присоединилось афганское подразделение. Их колонна больше напоминала цыганский табор, чем воинское подразделение.

Такой бардак в афганской армии был нормой. Если бы на них не было военной формы, можно было подумать, что это партизаны. Маршрут был очень тяжелым из-за дорожных условий. Дорога во многих местах была размыта, а в некоторых полностью затоплена. На протяжении всего маршрута работа была в основном у разведчиков и саперов. Саперы занимались дорогой, а разведчики их прикрывали.

В одном месте в горах разведчики обнаружили небольшой склад с продовольствием, без охраны. Хотели его уничтожить, а затем передумали и отдали афганским солдатам. К вечеру на перевале разведчики обнаружили группу душманов из семи человек, но до них было далеко, и комдив решил шугануть по ним огнем из вертолетов. Через какое-то время стало темно, и обследование результатов удара вертолетов перенесли на утро. Утром разведчики обследовали место расположения душманов. Кровищи кругом полно, но к утру своих душманы унесли. Духам все же крепко на орехи досталось. К обеду достигли указанного города, хотя городом эти развалины трудно было назвать. Они больше напоминали Сталинград в годы войны. Бомбы сыпались на этот город не один день по

указанию представителей аминовского режима. В километре от этих развалин мы стали лагерем. Естественно, окружили себя охраной. Плато, на котором располагался наш и афганский лагерь, располагалось на высоте около двух тысяч метров выше уровня моря. К нам каждое утро прилетали вертолеты, которые мы использовали для воздушной разведки. Далее на юг от Бисхуда вся долина была затоплена водой, которая сошла с гор. Ждем неделю, представителей народной власти нет. Ждем вторую. Чтобы как-то разнообразить время пребывания, решили провести соревнование между десантниками и афганцами. Разведчики тоже выставили команду. Рядом с лагерем находилась высотка, вершина ее была выше двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. На вершине оборудован наблюдательный пост. Местность с него просматривалась на несколько километров в округе. С афганским командиром переговаривали, он не стал возражать. Вот и отправили две команды на самую вершину этой горюшки. Афганцы сразу в карьер и ушли вперед. Мы свою команду стали шумно подбадривать, глядя на нас, и афганцы начали призывать своих земляков к победе. Да, подумали мы, не быть нам первыми. К нашему большому удивлению, на середине горюшки мои разведчики афганцев обставили и к финишу пришли первыми. А мыто думали, горные люди привычны к физическим нагрузкам, а они оказались слабыми.

Прошла еще одна неделя. От властей ни слуху. В воскресенье приехал полковник Красный, привез правительственные награды. Вся группировка выстроилась на ровной площадке, а на левом фланге построились афганские солдаты. Список награжденных был большой. В нем значилась и моя фамилия. Красный мне вручил орден Красной Звезды. Не обошла награда и моих дивизионных разведчиков. После награждения стали соображать, а как же в такой обстановке наши награды обмыть. И снова выручили разведчики, Куранов и Сафаров. Припрятали они родимую, вот она и пригодилась. С началом четвертой недели Рябченко при докладе командарму напомнил, что у него в Кабуле осталась дивизия. Через пару дней Рябченко улетел к личному составу в Кабул, старшим группировки за себя он оставил командира полка подполковника Шпака. К концу месяца стали готовиться к возвращению на свою базу в Кабул. Накануне выхода Шпак, как старший группировки, собрал командиров подразделений, каждому определил задачу и порядок ее выполнения. Меня он просил обеспечить тыловое прикрытие группировки дивизионной разведкой. Ближе к обеду к нам прибыл вертолет с провизией. На этом же вертолете с офицерами-разведчиками мы пролетели над маршрутом. Вода заметно спала. На перевале снег сошел, дорога тоже была сухая. Через некоторое

время мы вернулись в лагерь и, когда я выходил из вертолета, ко мне подошел Симуков, начальник разведки полка: «Михаил Федорович, вас просит Георгий Иванович». Около вертолета Литошу, командиру разведроты полка, и Марченко, командиру дивизионной группы, отдал указания по подготовке разведчиков к ведению разведки на маршруте движения. В палатке были в сборе все офицеры оперативной группы. Шпак мне говорит: «Миша, ну сколько тебя можно ждать? Садись, буду до вас доводить боевую задачу на завтра». На столе был ужин и целая канистра молдавского вина, которую кто-то из его сослуживцев попутным рейсом передал из Молдавии. Совещание за дружеской беседой затянулось надолго. По паре стаканов хорошего вина нам все же досталось. Утром еще раз проинспектировал разведчиков на готовность к выходу. Около двенадцати колонна с мерами охранения тронулась в путь. Где-то через час движения голова колонны стала втягиваться в ущелье. Вроде бы пока все спокойно. Над нашими головами прошла пара вертолетов по направлению к Кабулу. Через полчаса Литош мне доложил, что голова колонны подвергается обстрелу из стрелкового оружия. Предположительно стрельба ведется со стороны кишлака, который находится за речкой с правой стороны по ходу колонны. Колонна, естественно, остановилась. Я вышел из бронетранспортера и осторожно, прикрываясь техникой, направился в голову колонны. Прошел метров пятьдесят, слышу, началась стрельба в тылу. Бегом возвращаюсь обратно к бронетранспортеру. Рядом с моей машиной стоял «Урал», а из-за колеса прапорщик ведет огонь из автомата по одной из высоток. Я попытался, изучая местность из-за БТРД, определить, откуда ведется огонь по колонне. Около кишлака отчетливо видел перебегающего человека, который тут же за дувалом скрылся. Кричу прапору: «Ты видел около кишлака человека?» — «Нет, я стреляю по высоте». И вдруг около его каблука я увидел фонтанчик пыли, поднятый пулей. Резко поворачиваю голову назад, вижу на высотке сзади две головы, которые смотрели в нашу сторону. Быстро перебежал на другую сторону бронетранспортера. Механику кричу: «Сдай назад и левее». А прапорщику, чтобы сменил позицию. Механик дернул машину, и, как назло, слетает гусеница. Я пулей вовнутрь БТРД, включаю станцию и начинаю вызывать Марченко. От волнения злюсь, ну, отзовись же ты наконец. «Слушаю, Первый», — раздалось в наушниках. «Ты меня наблюдаешь, передаю открытым текстом». — «Да, вижу БТРД. От меня левее на второй высотке наблюдаю двух душманов. Зайди им в тыл, но только осторожно». — «Задачу понял, выполняю», — ответил Марченко. За время моего разговора с офицером механик-водитель успел натянул гусеницу и поставил машину

на выгодную позицию для стрельбы. Перелез к курсовому пулемету, посмотрел в триплекс, позицию духов наблюдаю. Они словно угадали мои мысли и исчезли за камнями. Посмотрел влево и увидел пятерых разведчиков, которые, пригнувшись, стали быстро заходить в тыл мятежникам. Среди них узнал Ивонина, Куранова и Сафарова. «Ты, смотри, одни сержанты», — подумал про бойцов. Остальные уже были за скатами высоты, их не успел разглядеть. Дай, думаю, подсоблю парням огнем из пулемета, подвел марку прицела под камни, за которыми прятались душманы, и очередью около сорока патронов, не меньше, расстрелял позицию духов. Вокруг камней поднялась пыль и каменные брызги. Через минуту-другую на обратном скате высоты началась интенсивная стрельба и тут же закончилась. Про себя думаю, молодцы пацаны, замочили духов. Об успешном выполнении задачи минут через пять доложил Марченко: «Только душманов оказалось не двое, а трое, и есть предположение, что двоим все же удалось сбежать». — «И на том молодцы, а сейчас, Валера, надо усилить наблюдение за местностью». Механик на ухо кричит: «Товарищ майор, вас вызывает старший», — и протягивает наушники. Шпак запросил обстановку в тылу колонны. Кратко доложил о бое разведчиков и о результатах. «За тыловое охранение отвечает дивизионка, мне чаще докладывай обстановку». — «Договорились. Хорошо». К этому времени стрельба в голове колонны прекратилась. После переключки с командирами подразделений по радио колонна двинулась вперед. На перевале, несмотря на то что саперы проверили наличие мин, все же произошел подрыв гаубицы.

После взрыва она была непригодна к стрельбе, в ее ствол, казенную часть положили тротильные шашки и сбросили в обрыв.

К полуночи группировка вышла из ущелья, на отдых расположилась на небольшом плато около речки. На другом берегу находился кишлак. Ночью его не было видно, и только по лаю собак определили, что рядом находится селение. Шпак собрал нас и подвел результаты марша за день. При боестолкновении уничтожено пять душманов, но мы потеряли артиллериста, наводчика орудия, а на перевале на установленной душманами mine подорвалась гаубица. Утром в ожидании прилета вертолетов носилки с телом артиллериста вынесли из санитарной машины и поставили между боевыми машинами. Любопытные афганцы пытались рассмотреть, а сколько там носилок, и, возможно, позлорадствовать. Хамаганов шуганул афганцев и дал команду поставить носилки обратно в санитарную машину. На небольшом военном совете решили отомстить душманам за смерть нашего солдата. Батареей 120 мм-минометов нанесли

огневой удар по кишлаку, из которого духи вели огонь по колонне, а затем ударила пара вертолетов. О результатах огневого удара по кишлаку я узнал через армейскую агентуру через месяц. В кишлаке погибло около двух десятков мятежников, возможно, эта общая цифра потерь, наверняка среди них были и мирные жители.

На этом наши военные приключения не закончились.

В течение светлого времени колонна двигалась спокойно. Правда, один раз из-за реки душман попытался обстрелять колонну, но мы в его сторону так стрельнули, что ему мало не показалось. К началу темноты группировка подошла к кишлаку, но подступы к нему и дорога на большом участке были затоплены. Двигались медленно и осторожно, на ощупь, ориентировались только по посадке вдоль дороги. Нам повезло, что местные жители не сняли мост, который мы установили через речку, когда шли в Бисхунд. Как только колонна прошла кишлак, сразу же с двух сторон с невысоких сопков по нам был открыт огонь из стрелкового оружия. Пули зацокали по броне. В ответ по вспышкам из боевых машин наводчики открыли плотный огонь. Особенно губительным для душманов был огонь из пулеметов трассирующими пулями. Десятки зеленоватых трассирующих нитей тянулись к вспышкам, которые были хорошо видны в темноте, и в конце концов они навсегда исчезали. В наушниках шлемофона ежеминутно раздавались характерные щелчки, от которых иногда приходилось вздрагивать, уж очень велико было душевное напряжение. Через доли секунды услышал голос Шпака: «Как у тебя обстановка в тылу?» — «Пока под контролем». — «Прошу, береги своих, чтобы были внимательнее и своевременно вскрывали огневые точки душманов, и чаще выходи на меня с докладом». — «Хорошо». Да, тяжела ты, шапка Мономаха, в такой обстановке, подумал про Шпака. Запрашиваю Марченко: «Что нового у тебя?» — «Пока все хорошо, но пришлось сделать короткую остановку. Что за причина? Да один местный придурок почти в упор стрелял по машине. Куранов вовремя заметил и тоже в ответ очередь. Автомат забрали, а духа около дороги бросили». — «Ты его тоже как трофей хотел загрузить на машину, что ли?» — «Да нет же, это я мысль свою неправильно изложил». — «Валера, пусть командиры следят за местностью и людьми, в дороге находимся, не ровен час, и закемарить могут». — «Понятно, но у нас все в готовности находятся».

Стало рассветать, колонна подошла к окраине Котай-Ашру, чтобы привести себя в готовность для последнего броска на Кабул. Марченко подошел ко мне и говорит: «В наши БМД было одиннадцать пулевых попаданий, конечно, для брони это были комариные укусы, но следы

заметны». Механик-водитель громко говорит: «И у нашей машины есть царапина от пули. Вот в санитарной машине насчитали три пробоины, но, к счастью, ни одна из пуль водителя не зацепила». Пошел дальше к голове колонны. Смотрю, внизу около обочины дороги лежит кверху гусеницами КШМ начальника штаба полка, майора Иванова. Боевой машиной быстро поставили штабную машину на гусеницы. И вот здесь мы ахнули. Из-под машины подняли тело майора Иванова. Оказалось, машина остановилась на обочине дороги в том месте, которое было подмыто, и под тяжестью машины грунт постепенно проседал, осыпался, и машина быстро стала крениться на бок и опрокинулась, а наверху на броне Александр принимал доклады от командиров подразделений. Все произошло мгновенно, Иванов не успел отреагировать и оказался под машиной, придавленный ее многотонным весом. Любопытные афганцы тут как тут. Пока разбирались, докладывали наверх о случившемся, подлетели вертолеты и увезли в морг, который был в нашем медсанбате, тело Иванова. Афганское подразделение где-то недалеко дислоцировалось, поэтому подозвали комбата, поблагодарили за совместные действия и отправили домой. Конечно, никаких действий с их стороны показано не было, более того они просто были для нас обузой. Вдобавок мы их еще подкармливали, горючим заправляли автомобили. На их машинах не было ни одной пробоины, да оно и понятно, разве может земляк в земляка стрелять. Вся тяжесть операции, все пробоины, все потери были нашими, а для афганцев это была по времени долгая и трудная прогулка за счет шурави.

К обеду мы без приключений прибыли на свою базу. Прошло немногим больше трех недель, как мы отсутствовали в лагере. За это время произошли заметные перемены. В Кабульской чаше установилась настоящая жара, на территории штаба дивизии полным ходом разворачивалось строительство двух щитовых строений. В дивизионной разведроте старшина Андрейчук заканчивал строительство бани, планом был предусмотрен и небольшой бассейн. Это очень радовало солдат, и они вовсю старались помочь старшине.

В первые месяцы нашего пребывания в Афганистане в выходные дни по вечерам нам крутили патриотические фильмы. Вместо клуба была приспособлена большая лагерная палатка, несколько заглубленная в землю. Скамейками служили обычные доски, привезенные из Союза. Киношная палатка находилась рядом с палаткой оперативного дежурного. После просмотра фильма я всегда заходил к оперативному дежурному, чтобы уточнить обстановку в целом по дивизии и по разведподразделениям в частности. Интересовались положением дел в своих подчиненных

подразделениях и остальные начальники служб.

Из штаба армии поступила команда готовиться к походу, только сейчас не на юг, а на север. Зачистку района проводили недалеко от Баграма совместно с ферганцами. Находились в районе боевых действий около трех суток. Последнюю ночь заночевали у ферганцев. По указанию командующего ВДВ полк оперативно подчинялся нашему комдиву. Утром группировка заправила боевую технику и стала готовиться к возвращению в Кабул. В это время около нашей колонны появился маленький щенок рыжей масти, очень веселый, игривый, так и тянется к солдатам. На какое-то время все отвлеклись от своих обязанностей. В конце концов этого щенка привезли в Кабул и назвали его Баграм. Кто конкретно был его хозяином, сейчас припомнить трудно, но когда он подрос, его можно было встретить в палаточном городке штаба дивизии, арtpолка, батальона связи и разведроты. Он рос ласковым и добродушным, его все старались чем-то угостить и разговаривали с ним, как с человеком. Со временем стал настоящим русским псом и люто ненавидел афганцев. Если где-то в городке встретит афганца, запросто мог порвать. Летом в часы зноя, полы палаток днем поднимали, чтобы они немного продувались. Он подойдет к палатке, просунет голову и рассматривает нас, угостишь печеньем, рядышком сядет и сидит, а то и развалится на полу. Как правило, он надолго не задерживался, после небольшого отдыха продолжал обход военного городка. Однажды, возвращаясь из роты, смотрю, навстречу мне вальяжно идет рыжий пес, подозвал его, погладил. Он прижался к моим ногам, немного постоял со мной и пошел дальше по направлению роты. Его появление меняло наше настроение в лучшую сторону. Собаку любили все, солдаты и офицеры. Где-то через год Баграм исчез. Никто не мог вразумительно объяснить, что случилось, афганцам в руки этот огромный пес не дался бы. Прошел слух, что его какая-то группа солдат не съели, это нормальное слово, а сожрали и, по всей видимости, не подавились. Время было военное, в тот момент некогда было разбираться, кто сожрал Баграма, а вообще-то стоило. Пошла полоса сплошных боевых действий, и через некоторое время забылся всеобщий любимец Баграм.

Возвратившись из района боевых действий и приведя технику в порядок, мы немного вздохнули. В один из таких более или менее спокойных дней, проходя в столовую, около одной из палаток вижу группу офицеров, среди них мой старший помощник Павлов. «Геннадий Васильевич, пойдем на ужин». — «Нет, спасибо, у меня от этих ржавых консервов появилась изжога. Ужин сегодня пропускаю». Конечно, кормили нас плохо. В основном консервами, а если и было мясо, то австралийского

кенгуру. Правда, как-то на аэродроме я встречал самолет «Ан-12» из Ферганы. Так вот он был полностью загружен колбасами и другими деликатесами, но мы этого у себя на столе не видели. Командование дивизии питалось отдельно от офицеров управления, возможно, им что-то перепало от барского стола командующего армией. Не буду кривить душой, один раз нам на ужин приготовили курицу. Офицеры шутили, полковникам надоело три раза в день жевать курицу, вот они и поделились с нами, не пропадать же добру. Где-то ближе к лету к нашему рациону добавили сгущенку и печенье. Поначалу все с удовольствием съедалось, а потом стали банки складывать в тумбочки.

К этому времени офицеры штаба перебрались в сборно-щитовое общежитие. Накопится несколько банок, иду в роту, пару прихвачу с собой и первым попавшимся разведчикам или старшине отдаю. Солдатам тоже выдавали молоко, но они были молодые, и им всегда хотелось есть, накопить сгущенки у них не получалось. Или же, когда шел в боевое охранение, чтобы уточнить разведывательную информацию у командира батальона, всегда останавливался около поста царандоя. Боевое охранение было связано с постом, а при необходимости они могли оказать огневую поддержку афганцам. В задачу поста входила проверка транспорта и пассажиров, которые въезжали и выезжали с северо-восточной стороны Кабула. Начальник поста сносно разговаривал по-русски и охотно делился информацией, иногда за услуги получал буханку белого хлеба и пару банок сгущенки. Это все, что я мог для него сделать. Позднее я выяснил, что он работал и на Залмая, секретаря парткома Дехсабского района. С Залмаем у меня были хорошие отношения на протяжении всей моей службы. Он всегда держал меня в курсе дел, которые происходили в районе.

На этом посту было две девушки лет по двадцать, одна из них всегда была рада моему приезду. Я тоже иногда давал ей банку сгущенки или маленькую шоколадку из сухого пайка разведчика. Однажды я подметил, что она тайком от посторонних у себя в палатке курит. Стал угощать ее сигаретами. Офицерам за плату выдавали сигареты «Столичные», а солдатам бесплатно сигареты «Охотничьи». Солдаты их называли «Смерть на болоте». На пачке был нарисован охотник, который из ружья прицеливается в летящую утку. Сигареты девушке передавал незаметно от афганцев, так у нас и наладилось взаимопонимание.

Наше правительство оказывало всестороннюю помощь учебным заведениям Афганистана. В кабульских вузах много работало наших преподавателей, среди них добрую половину составляли женщины. В зоне ответственности нашей дивизии находился Кабульский политехнический

институт. Охрану института обеспечивал взвод десантников 357-го полка. В течение суток службу взвода проверяли офицеры штаба полка, а иногда дивизии. Преподаватели отмечали практически все советские праздники. Их общежитие находилось на территории института, в день праздника оттуда доносилась родная музыка и задорный женский смех. Часто их гостями были и наши проверяющие. Эти редкие совместные вечеринки напоминали дом, уют и веселье. Наши женщины совсем не похожи на других женщин мира. Опасность боевых действий, казалось, не пугала их. По городу и магазинам они ходили группами и поодиночке. Предупреждения об опасности всячески игнорировали. Из подъезда своего общежития могли выйти поздно вечером, чтобы посидеть на скамейке. Как-то я контролировал службу в институте. Было всего два поста, надежно перекрывающих все подступы к учебному заведению. Проверил оба поста, поговорил с ребятами. Обязанности знают, понимают свою ответственность, но горят желанием участвовать в боевых операциях. Хотят испробовать себя в бою. Их понять можно. Одни воюют, а они охраняют, да и только. Как мог, утешил: «Парни, вы несете службу по охране наших граждан в сложной обстановке. Задачи разные, но цель одна для всех десантников — обеспечить порядок и стабильность в зоне ответственности дивизии». Пожелал десантникам успеха и уже было собрался уезжать, как увидел трех наших солдат, бегущих в сторону общежития. Я на БРДМ следом. Оказывается, одна из преподавателей, пренебрегая инструкцией, в позднее время решила навестить подругу в другом подъезде. Около подъезда ее и перехватил студент-переросток, она стала отбиваться и позвала на помощь. Ее крик услышала охрана. Десантники студенту подкинули на орехи и сдали в царандой. Без всякого сомнения, ему там добавят и выгонят из института. Женщина дрожала от пережитого. Пришлось вместе с ней подняться на этаж и зайти в комнату. Их в комнате жило трое. Женщины стали ее расспрашивать, что случилось. У нее истерика, а потом разревелась. Про себя подумал, а на кой хрен вечером на улицу выходила. Через несколько минут она успокоилась, и опять в комнате слышались шутки и смех. Меня угостили домашним тортом и чаем. По возвращении домой утром о происшествии доложил комдиву и Петрякову. Рябченко мне сказал: «Хорошо, есть повод повидаться с послом, а то взял моду про нас в МИД докладывать. Вот пусть про своих и докладывает».

Через несколько дней по распоряжению комдива я был назначен руководителем операции. Боевые действия планировались севернее Кабула, недалеко от города Мирбачакот. Банда, численностью более сорока человек

свирепствует в округе. После разбоя отдыхает в кишлаке Шейху. Мятежники вооружены стрелковым оружием, часть банды обучалась в учебном центре Пакистана. Вот они и вершат все дела в банде, в жесткой узде держат и жителей кишлака. Банда два раза совершила нападение на большегрузные автомобили на дороге Пули — Хумри — Кабул.

К этому времени мы приобрели опыт в борьбе с бандами. Правда, нынешняя операция предполагала разгром банды в кишлаке, а до этого приходилось воевать в горах, в предгорье и зеленой зоне. Опыт боя в кишлаке имела только разведгруппа лейтенанта Багатикова. Это потребовало от нас более тщательной подготовки к предстоящей операции. Накануне рано утром я посетил начальника милиции Мирбачакота, капитана Хушалька, с ним уже несколько месяцев поддерживал деловые контакты, он был всегда рад моему визиту. Капитан подтвердил данные армейской агентуры о наличии банды в кишлаке Шейху, но на сегодняшний день она ушла из кишлака и переместилась на несколько километров восточнее в соседний кишлак Галар. Для отдыха облюбовала два пустых дома на окраине населенного пункта. Недалеко от них проходит сухое русло речки. В случае опасности мятежники по сухому руслу могут спокойно уйти в безопасный район и там отсидеться до лучших времен. «Это еще не все, — продолжал капитан. — Часть банды, по моим данным, сегодня вечером уйдет на север в провинцию Баглан или Кундуз. В одной из этих провинций намечается какая-то шумиха, и через Пакистан руководство оппозиции затребовало часть банды отправить на север». — «Хушальк, а не начало ли это координации общих усилий банд через центр оппозиции?» — «Не исключено, рафик Михаил. Поэтому в кишлаке останется немногим более двух десятков вооруженных людей. Их желательно разгромить в момент утреннего намаза». — «Хушальк, а каким путем уйдет банда на север?» — «Она будет передвигаться в темное время суток по оврагам и сухим руслам Чарикарской долины и далее через горы в Баглан или Кундуз». Я мысленно наметил план действий для ферганских разведчиков, но капитану об этом не сказал, а может, и зря. В его порядочности у нас сомнений не было. «Вот если бы был вертолет, я смог бы вам показать эти дома». — «Хушальк, это организовать мы сможем». С капитаном договорились о месте встречи и после обеда с офицерами-разведчиками на вертолете пролетели недалеко от нужного нам кишлака. Действительно, два дома стояли на отшибе, недалеко от широкого сухого русла, берега которого были покрыты мелким кустарником. Очень удобная местность для совершения любого маневра. После воздушной разведки в кабинете комдива уточнили план операции с учетом новых данных. От

имени Рябченко позвонил в Баграм и передал информацию Хушалька начальнику разведки полка Никифорову о движении банды на север по их зоне ответственности. Порекомендовал продумать план, как перехватить банду. Начало операции спланировали на раннее утро, решили провести ее силами трех разведрот. Выход подразделений наметили на три часа утра. Рябченко дал нам свое командирское благословение на боевые действия. Сгонял, правда, уже вечером к Залмаю, обговорил с ним вопрос о выделении партийцев для совместных действий и время встречи с ними.

В назначенное время наша колонна подъехала к северной окраине кишлака Тарахейль. Странно, но на этот раз Залмай с группой партийцев нас уже дожидался. Их распределили по ротам. В каждой группе был человек, который сносно мог объясняться по-русски. Спросил у секретаря, нет ли у него желания прокатиться с нами? «С удовольствием, но у меня утром совещание в Кабуле», — ответил главный партиец. «Рафик Михаил, а где будет операция?» Я с ходу, не задумываясь, соврал ему: «В кишлаке Шейху». — «Да там уже никого нет, они вчера ушли из Шейху и сейчас отдыхают в Галаре». — «Вот туда, дорогой товарищ, мы и двинемся», — на этот раз я не соврал ему.

К объекту каждое подразделение выдвигалось по заранее намеченному маршруту. В принципе местность была знакомая, поэтому выдвигались уверенно, но осторожно. У нас в распоряжении было около часа темного времени. Активисты находились сверху брони и внимательно всматривались в темень, а порой подсказывали более удобный для техники маршрут. В это время мне доложил Качанов, рота спешила и выдвигается на указанные позиции. Роте Мостибродского необходимо было совершить маневр в пешем порядке и к рассвету занять удобную позицию на северо-восточной окраине Галара. Основная их задача не допустить отхода мятежников через занимаемые ими позиции в предгорье. Одним словом, организовать засаду на путях отхода мятежников. Местность не давала возможности применить боевые машины. Это в некоторой степени увеличивало риск при выполнении боевой задачи. Ротам Комара и Литоша, не доходя до объекта около двух километров, пришлось притаиться в ложине и поддерживать со мной связь. Стало рассветать, в бинокль уже хорошо просматривались дома, в которых после крепкой вечеринки отдыхали душманы, но час намаза для основной массы правоверных оставался священным законом. Посмотрел на часы и попросил Климова связаться со штабом дивизии. Он сегодня у меня в экипаже выполнял роль связиста. Через минуту Володя протянул мне наушники, по позывным узнал Качанова, который доложил, что его хозяйство вышло в указанный

район и выбирает удобную позицию. Пока все идет по плану. Волнение нарастало. Из штаба дивизии доложили, что пара боевых вертолетов находится в полной готовности и по нашей команде через пять минут будут над нами. Это мне несколько подняло настроение. Посмотрел еще раз на часы, сам себе сказал: «Пора». Командую: «Володя, передай, броне вперед. Подошло время намаза». Наблюдаю, как две колонны боевых машин, поднимая пыль, стремительно выходят на свои рубежи. Механик повернул голову в мою сторону и смотрит мне в глаза. Кивнул ему головой, и БТРД, набирая скорость, помчался по направлению к кишлаку. Каждая рота вышла на свой рубеж и открыла по домам огонь из орудий боевых машин. Внезапность сыграла нам на руку. Я лично наблюдал, как мятежники, напуганные внезапным появлением разведчиков и стрельбой, огородами, перепрыгивая через дувалы убегали в сторону сухого русла, а нам это только и нужно было. Два духа, не успев перескочить через дувал, так и остались на нем висеть. Наверное, у них были нелады с физической подготовкой. Даю ротным команду, пусть начинают работать активисты. Через пару минут наблюдаю редкую цепь активистов, которые побежали к нужным домам. Из одного дома повалил густой дым, по всей видимости, от взрыва загорелась прошлогодняя солома. Комар с Литошем стали сжимать полукольцо окружения. В это время из-за дувала крайнего дома кишлака раздался выстрел из гранатомета. Граната до боевой машины не долетела, ударилась о землю и развалилась на несколько частей. Разведчики Литоша засекли вспышку и дым от выстрела и залпом всей ротой жажнули в сторону дома. Били до тех пор, пока дом не загорелся. Прошло некоторое время, а партийцы уже волокли из дома на улицу избитого в кровь пленного. Вслед за ними шла женщина и громко о чем-то кричала. У одного активиста за спиной торчал трофейный гранатомет. Из-за стрельбы нам не было слышно шума боя около сухого русла. Мятежники пытались было уйти сухим руслом подальше от кишлака, но напоролись на разведчиков, которые этого только и ждали. Мятежники от неожиданности заметались, стали прорываться, единицам это удалось. Местность была очень пересеченная, это было на руку убегающим. Механик БТРД, маневрируя по складкам местности, на малой скорости объехал дома и направил машину в сторону сухого русла. Судя по интенсивности стрельбы, бой уже заканчивался, но еще изредка продолжали раздаваться одиночные выстрелы. За низкими фруктовыми кустами я увидел какую-то человеческую возню. Механику указываю направление движения, а сам соскочил с брони, на ходу вытаскиваю пистолет и бегом за кусты. Подбегаю, а там Ивонин и Нестерук уже заламывают руки здоровенному

душману, рядом валяются автоматы разведчиков и «ППШ» мятежника. Пленного подняли, поставили на ноги, он сопит, исподлобья свирепым взглядом рассматривает нас.

«Климов, как обстановка у Мостиброцкого?» Через минуту Володя кричит: «Товарищ майор, все нормально, собирают трофеи». — «Ведите пленного к ротному, там и допрос ему учиним». В это время на горизонте со стороны Кабула показались две точки, которые на глазах увеличивались, наконец послышался гул вертолетов. Вертолетчики снизились, насколько позволяли деревья и прошли над нами. Качанов указал им цель, они развернулись, ушли на север и через минуту стали наносить в предгорье удары НУРСами, а когда закончились снаряды, начали стрелять из пушек. Мы поняли, «летуны» обнаружили выше по сухому руслу убегающие группки духов и расстреливают их, а когда закончились боеприпасы, взяли курс на Кабул. Метрах в трехстах от кишлака разведчики облюбовали укромное местечко и стали туда сносить трофеи. Командиры рот проверили свой личный состав и вооружение. Потерь среди разведчиков не было. У афганцев один из партийцев получил легкое ранение в ходе зачистки одного из домов. Подсчитали трофеи. Оказалось, двенадцать единиц стрелкового оружия и один гранатомет, который уже успели себе присвоить активисты.

Оглянувшись кругом, пленных не вижу. «Комар, а где пленные?» — «Активисты допрашивают». — «Давай их сюда, пока они еще живы». Через пару минут подвели пленных. Боже ты мой, да они на людей не похожи, еле держатся на ногах. Сафарову: «Сергей, спроси у них, они поедут с нами или со своими земляками?» Ответ я знал заранее, просто хотел лишний раз в своей правоте убедиться. Они в один голос ответили, только с шурави. Активисты, если к нам руки попал пленный душман, могут при допросе забить до смерти. Однажды я подъехал к штабу Залмая, недалеко от ворот увидел небольшую группу партийцев. Подошел к ним ближе и ужаснулся, на земле лежал раненый душман. Ранение было в живот. Один из активистов пытал его по-зверски, засунул руку в рану и требовал от него показаний, пленный корчился в муках, а остальные с удовольствием наблюдали за пыткой. Некоторые активисты меня знали, когда я подошел к ним вплотную, духа пытать тут же прекратили. Подошел и Залмай, тоже как бы с возмущением относительно таких методов пыток. Раненого отправили в больницу, но вот довели его или нет до больницы — это вопрос. У меня много примеров, говорящих о безжалостном отношении афганцев к пленным. Как-то во время операции наше подразделение совместно с активистами совершало небольшой маневр в горах. Было

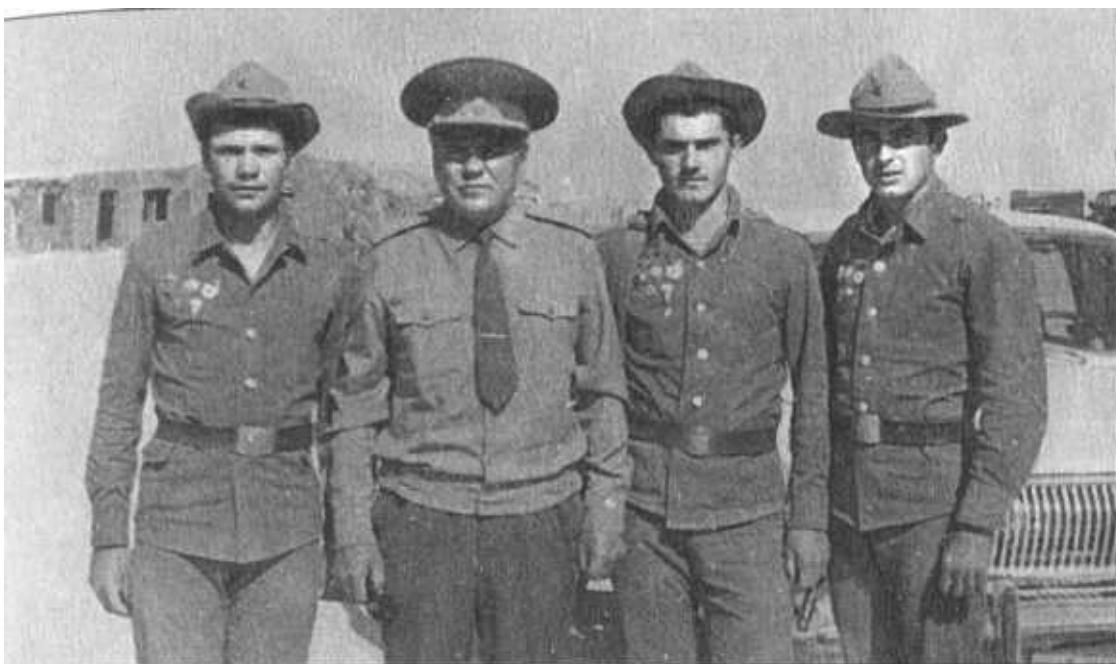
раннее утро, и душман-пулеметчик на своей позиции в ожидании шурави потерял над собой контроль и уснул. Десантники его тепленьким взяли, так партийцы стали его прилюдно шомполами избивать. Шеметило пришлось вступить за пленного, а то забили бы насмерть. Мы всячески препятствовали таким методам допроса, афганцы старались при нас казаться цивилизованными людьми в отношении пленных. Но тем не менее решение Женевской конвенции им было по барабану, у них на это были свои взгляды.

Проверив все и вся, я доложил в дивизию об успешном проведении операции и попросил позвонить в разведотдел армии, чтобы прислали на аэродром кого-нибудь из офицеров за пленными. Возвращались к себе на базу, соблюдали все меры предосторожности. При движении по возможности старались избегать дорог. К этому времени душманы уже научились ставить мины на дорогах, по которым проходила наша техника, да и не только наша. Домой шли немного быстрее, чем на операцию. Оно и понятно. Через час ходу мы были уже на аэродроме. Все же по пути, около парткома, пришлось сделать короткую остановку. Чуть было не увезли партийцев к себе на аэродром. Интересное дело, у наших помощников средств связи не было, но о раненом товарище они уже знали и толпой вышли его встречать. Операция проходила в пределах десяти километров от их базы. Восток — дело тонкое. В это время из Кабула вернулся Залмай. С ним переговорили о ходе операции. Далее он поинтересовался, а как вели себя в бою его подчиненные. «Залмай, заявляю тебе со всей ответственностью, партийцы работают много лучше, чем твои земляки солдаты». Ему мой ответ понравился. Секретарь попросил часть трофейного оружия оставить его сотрудникам. «Нет проблем, выбирай, какое нравится». Минут через пять мы продолжили движение. При въезде на территорию аэродрома от общей колонны разведчиков отделилась колонна разведроты 317-го полка и под руководством Качанова ушла к себе домой в город, а Литош с ротой — к себе в полк. Дивизионных разведчиков, как и положено заботливому старшине, встречал прапорщик Андрейчук, а в автопарке уже всю рулил другой прапорщик, Слободов. За пленными прибыл из разведотдела подполковник с охраной. По пути к себе в штаб около батальона связи встретил Горового и Литовцева. Они поинтересовались успехами операции, к нам подошел командир медсанбата подполковник Русанов. Ему было лет пятьдесят, и он меня называл сыном. «Здравствуй, сын, ружье привез?» Он хотел иметь в своей коллекции старинный мультук и всегда мне об этом напоминал. «Батяка, как-то не попадает, как только — так сразу». — «Ладно, буду ждать».

В рабочей палатке командира Рябченко с Петряковым что-то обсуждали. Оба внимательно, не перебивая, слушали мой доклад. Затем комдив сказал: «Молодцы разведчики, успешно провели операцию». — «И не первый раз», — добавил я. — «Что ты этим хочешь сказать?» — «Ничего, просто это у нас не первая операция».

С завтрашнего дня будет немного легче. Наступает перемирие в боевых действиях. Широкомасштабные операции наши войска проводить не будут. Однако это очередное решение Москвы вылилось в большой самообман. Оппозиция как получала деньги и оружие из-за границы, так и продолжала получать. Душманы получили передышку, перегруппировались, заготовили оружие и боеприпасы. И все равно свое черное дело творили и днем и ночью. «А мы завтра вылетаем в Шиндонт, — продолжал комдив. — На базе мотострелковой дивизии командование армии проводит двухдневный сбор. Ну, как обычно бывает на сборе, покажут какие-нибудь технические новинки, если они, конечно, есть. Утром комбат по радио указание получил и на пару ночей нас приютит. Вылетаем завтра сразу после завтрака. Личное оружие иметь при себе. Пока все, иди готовься к вылету в командировку». По пути в свою палатку зашел к Павлову и предупредил, что вылетаю и что он остается за старшего. Затем зашел к оперативному дежурному и позвонил в Баграм. Попросил к телефону Никифорова, сразу стал рассказывать о том, что южнее кишлака Сабихейль рота Попова успешно реализовала информацию, которую накануне получили от меня. В темное время разведчики вышли к глубокому, но в это время сухому оврагу, выбрали удачную позицию и стали ждать. Связь с бронегруппой была устойчивая, она в любой момент могла быстро подойти при неудачном стечении обстоятельств к разведчикам. Уже за полночь послышался шум шагов. Вот уже отчетливо замаячили в темноте фигуры вооруженных людей. Подпустив группу на близкое расстояние и не оставив духам никаких шансов к отступлению, с двух сторон открыли кинжальный огонь. Через несколько секунд с мятежниками было покончено, но трупов оказалось только семь, при каждом автомат. Пленного взять не удалось. Осталось только домысливать. Банда, по всей видимости, идя на север, предварительно разделилась на несколько групп и двигалась по разным маршрутам. Одна из этих групп вышла на разведчиков. После выполнения задачи рота вызвала к себе бронегруппу и, соблюдая все меры безопасности, с трофеями вернулась к себе на базу в Баграм. Еще некоторое время поговорил с Володей на служебную тему, не забыл сказать, что вылетаю на сбор в Шиндонт.

Утром рано вылетели в Шиндонт. Летели высоко, к этому времени у мятежников на вооружении появились переносные зенитно-ракетные комплексы, и пилоты, чтобы не рисковать, набирали высоту. Через пару часов полета наша группа была на другом аэродроме, недалеко от иранской границы, в Шиндонт. Как и сказал комдив, у трапа самолета нас встречал командир парашютно-десантного батальона майор Баландин. Комдиву, да и нам, офицерам, было небезразлично, как обустроены и живут наши десантники, которые оперативно подчинены сухопутчикам. Палаточный городок нашего батальона отличался от пехоты. Везде ровные дорожки, постовые грибки, душ на несколько человек и рядом с палаткой комбата огромный резервуар, доверху наполненный водой. Ничего подобного мы не увидели у соседей. Их палатки напоминали брошенные дома в российской глубинке. Да и питание в батальоне было приличное. Молодец комбат, похвалил его комдив. Далее комбат рассказал, что пехота батальон эксплуатирует нещадно. На прошлой неделе тоже во время проведения боевых действий нам доверили самую ответственную задачу, но мы ее успешно выполнили. «Правда, в ходе боя с бандой один солдат получил ранение. Одним словом, товарищ генерал, мы здесь не скучаем».

Командующий ВДВ генерал-полковник Сухоруков Д. С. с разведчиками-десантниками, выполнявшими роль его личной охраны. 1981 г.

Офицеры разведки 103-й воздушно-десантной дивизии.

Перед боевой операцией.

Командир батальона Марченко со своими подчиненными.

Настоящий разведчик — сержант Сапов на фоне афганского кишлака.

Боец Владимир Климов после боя. 1982 г.

После успешной операции — фото на память.

Сержант Игорь Гусько готов вести огонь по душманам.

Стрелок из АГС-17 «Пламя» Михаил Бакутин.

Группа разведчиков-десантников после выполнения задачи. 1981 г.

Эвакуация раненых во время операции.

Разведгруппа лейтенанта Богатикова после разгрома душманской банды. 1980 г.

Десантники 103-й дивизии, награжденные государственными наградами. 1980 г.

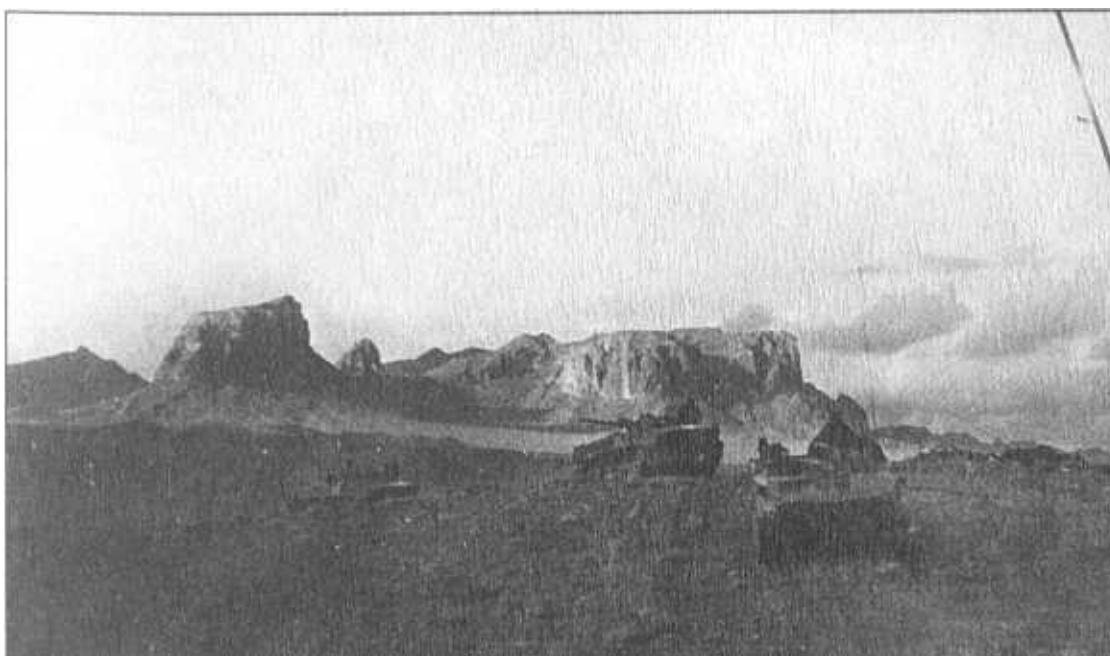
Разведчики перед выходом на задание. 1981 г.

«Дембель» в опасности, но задачу выполнить надо!

Группа прикрытия на операции в афганском кишлаке. 1981 г.

Колонна БМД выдвигается в район боевых действий.

Оперативная группа штаба ВДВ на учениях войск государств Варшавского Договора «Щит-82» в Болгарии.

Офицеры ВДВ в зоне межнационального конфликта. 1993 г.

Автор — полковник ВДВ в парадной форме незадолго до увольнения в запас.

На празднике «День ВДВ» на аэродроме Тушино. 2002 г.

Ветераны-разведчики перед Большим Кремлевским дворцом в день годовщины

вывода войск из Афганистана. 2005 г.

Командование воздушно-десантных войск с ветеранами «крылатой пехоты».

Ветераны разведоты 103-й воздушно-десантной дивизии в Большом Кремлевском дворце. 2001 г.

Сотрудники оперативно-дежурной службы Таможенного комитета. 1996 г.

Пятилетний юбилей оперативно-дежурной службы ГТК.

Поздравление автора в честь его 60-летия в офисе. 2002 г.

Мама автора в окружении самых близких людей.

На следующее утро всех участников сбора построили на окраине палаточного городка. Здесь же была сосредоточена вся боевая техника мотострелков, с которой нам предстояло познакомиться. Стоим на солнцепеке, слушаем монотонную речь о технических характеристиках той или иной техники. Вся эта техника была на вооружении Сухопутных войск. Мы тихонько критиковали организаторов сбора. Могли бы для приличия на левом фланге поставить нашу боевую машину. Рябченко нас одернул, слишком громко разговариваем. Из новинок боевой техники заслуживала внимание система залпового огня «Ураган». «А на кой хрен нам нужен такой сбор?» И надо же случиться, в тылу строя шатался член Военного совета армии, наш разговор он слышал. Много дерьма вышло из его глотки в наш адрес: «Да я вас оставлю здесь на неделю, пока не изучите технику, мать вашу. Зачеты буду лично принимать». Комдив все это молча слушал, слушал, а потом и говорит: «Мы согласны остаться, если ты согласишься командовать дивизией». От услышанного он опешил, но понял, что не с теми связался, ушел. Само собой разумеется, Рябченко нам также высказал свое командирское «фэ». Второй день сбора был несколько интереснее, нам на практике показали, как стреляет система «Ураган». До ближайших гор было километров пятнадцать. Огонь вела одна установка, зрелище неопишное. Вой, стон и пыль были кругом. Выход ракеты из ствола со стороны наблюдался с большим интересом. Сначала сноп огня, выход ракеты, а затем включается маршевый двигатель, и она с воем, грохотом устремляется в направлении гор. Кажется, что ракеты догоняют друг друга, а через несколько секунд на горе появляются огромные столбы дыма и пыли от разрывов. Прошло около минуты, прежде чем до нас дошел звук разрывов. Еще некоторое время послушали выступление артиллериста, и на этом сбор окончился. После сытного обеда поблагодарили комбата за гостеприимство и выехали на аэродром, а к исходу дня нас уже встречал Кабул. Комдив и офицеры уехали в штаб, а я зашел в роту, чтобы узнать от Комара, какие дела вершились в мое отсутствие. Зря волновался, в роте был порядок. В штабе встретил Петрякова, вот он меня обрадовал: «Собирайся в плановый отпуск, завтра будет самолет на Фергану. По прилете зайдешь к Наташе и передашь подарок». Его дочь была замужем за сыном одного нашего майора и жила в Фергане. Сборы в отпуск были недолгими. Предупредил Павлова, что он продолжает руководить разведкой дивизии, пока я буду в отпуске. Чуть свет, без завтрака, я уже был на аэродроме. Вскоре на горизонте появился «Ан-12» из Ферганы. Офицеры экипажа были все знакомыми. Наконец самолет разгрузили, но нет командира с полетным листом. Посылаю за ним машину разведчиков к

диспетчеру. Через несколько минут появился командир: «Миша, не волнуйся, через полтора часа будешь дома». Заходим с командиром в салон, и тут же начинают раскручиваться двигатели, через минуту-другую самолет разгоняется и отрывается от бетонки. Делает коробочку в Кабульской чаше и ложится на нужный курс. Прямо с борта радист связывается с Ферганой, передает мою просьбу Агузарову, чтобы Вадим меня встретил около самолета. Через час внизу появляются знакомые ориентиры. Вот показались дымящиеся трубы завода в Киргили. Через несколько секунд под грузовой кабиной послышался металлический шум выпускающихся колес. Внизу промелькнула улица Фрунзе, а вот совсем низко улица Чек-шура. Слева по ходу показалось здание аэропорта. Сердце от волнения стало биться чаще. Вот двигатели загудели на торможение, самолет развернулся и покатил на стоянку напротив диспетчерской. Прильнул к иллюминатору, вижу Вадима, стоящего около «уазика». Приехал дружище, не забыл еще своих, подумал про него. Техник открывает дверь, экипажу кричу слова благодарности и по стремянке слетаю вниз. «Ну, здорово, друг», — и крепко обнимаю Вадима. «Ну как ты там?» — спрашивает он меня. «Да живой еще». — «Миша, через полчаса я провожу совещание, отвезу тебя домой и сразу возвращаюсь в штаб, а вечером встретимся». — «Как скажешь, Вадим». Минут через десять нажимаю звонок и через щель в почтовом ящике вижу сына, который идет открывать дверь. «Здравствуй, сынуля». Слышу голос жены: «Гена, кто там?» Показываю ему жестом, мол, молчи. Не дождавшись ответа, жена выходит на веранду, увидев меня, тоже растерялась и молчит. На разговоры вышла теща: «Ну, вот и зять прибыл. Ну, здравствуй, Аника-воин», — и рассмеялась. Ужинали, как и раньше, всей семьей. Говорили долго. В основном они меня расспрашивали, но больше всего мы беседовали с сыном. Его интересовало все и даже сувенирные макеты машин, которые я ему привез и которые он бережно хранил долгое время. Отдохнул немного в Фергане. Повидался со своими друзьями, не забыл навестить и альпинистов. У них как раз был заезд в горы новой смены, и почти все мои друзья собрались на центральной базе в Фергане на улице Аэродромной. Одним словом, получилась памятная встреча. Через неделю всей семьей уехали в Белоруссию. Помню, на Белорусском вокзале в зале для военнослужащих работал телевизор. И надо же, показывали вывод из Афганистана ракетного дивизиона и другой вспомогательной военной техники. Жена мне говорит: «После отпуска поедешь не в Афганистан, а в Витебск». Однако на деле оказалось все совсем не так. По телевизору наше информационное агентство пустило пыль в глаза. Но за надежду я

цеплялся.

На следующее утро мы уже были в гостях. Родители и мои друзья детства собрались за столом. Не вижу младшего брата Владимира. «Мама, а где Володя?» — «Поступает в Черниговское военное училище летчиков», — сказал с гордостью мне отец. Судьба в тот момент ко мне была благосклонна, и на следующее утро на пару дней после успешной сдачи экзаменов приехал домой Владимир. Сколько было радости, особенно радовалась наша мама. Да, на этот раз мы встретились всей семьей. Она от нас и внука глаз не отводила. Отпуск проходил быстро, и с каждым днем настроение стало заметно портиться. Настал тот день, когда пришлось распрощаться со своей семьей, родными и вернуться в Афганистан. После отпуска с трудом стал перестраиваться на военный лад, по новой привыкать к боевым действиям и походной жизни. Перемирие к моему возвращению закончилось, от него пользу получили только одни душманы, а мы остались с носом. Через пару дней мне уже пришлось участвовать в боевых действиях севернее Кабула. И то, что я видел по телевизору на Белорусском вокзале, оказалось не более чем самообманом. Руководителем операции был комдив. Разгром большой банды, которую мы зажали в кишлаке, был еще в полном разгаре. Казалось, совсем рядом слышны ухающие разрывы гранат и трескотня стрелкового оружия. По звуку боя трудно было определить, кто в кого стреляет. Банда, чувствуя безнадежность, сопротивлялась, предпринимала попытку за попыткой вырваться из окружения. Мы находились на небольшой возвышенности, на которой саперы наспех соорудили командный пункт. Вовремя заняли укрытие, пули нет-нет да и посвистывали над нашими головами, а иногда рядышком поднимали фонтанчики пыли. Около кишлака было большое виноградное поле, которое мешало вести наблюдение за действиями наших подразделений. Мы владели только той информацией, которую нам докладывали по радио командиры и разведчики. Командиры на войне основное внимание уделяют тому участку, откуда стреляют. Рассмотрев в бинокль кишлак, поле с виноградником, медленно перевожу окуляры выше кишлака и начинаю изучать сопки, что с северной стороны были совсем рядом с кишлаком. Один из домов находился прямо под обрывом сопки. Вижу, что небольшая вооруженная группа пытается уйти в горы именно через двор этого дома, человек семь, не более. В этом месте кольцо блокирования полностью не было замкнуто, вот душманы, не будь дураками, и решили воспользоваться лазейкой. Из-за узости улиц и высоты дувалов командиры маневр духов видеть не могли. Передаю бинокль комдиву, тот смотрит и говорит: «Да это же духи!»

Я ухмыльнулся про себя, а то можно подумать, что это туристы. Рябченко, глядя в бинокль, говорит: «Надо связаться со Шпаком, пусть перенацелит ближайшую роту на уничтожение этой группы». Комдиву подсказываю, что выше этой сопки в горах находится разведгруппа лейтенанта Перепечина, которая должна уничтожать отходящие группы мятежников, вот мы ей задачу и уточним. «Дело говоришь, так будет оперативнее. А ты вот что, Михаил, давай с разведгруппой на перехват, может, успеете перехватить. Надо сделать все возможное, чтобы банда из кишлака не ушла». Пока командир мне давал ценные указания, Марченко группу привел в готовность. Мы рванули на окраину кишлака, насколько позволяла скорость. По ходу движения связался с Перепечиным и нацелил его на отходящую группу душманов. Скорость была приличной, на неровностях трясло так, как будто сидишь на камнедробилке. Казалось, мы успеем занять выгодный рубеж на путях отхода душманов, но не тут-то было. Мы наткнулись на заливной участок виноградного поля. Машинам дальше хода нет, а продолжать движение в обход — значит потерять время, которого у нас и так было в обрез. Механикам-водителям отдал указание боевые машины рассредоточить и, самое главное, быть с ними постоянно на связи, а сам с группой что есть духу стал подниматься по склону сопки. Связист немного отстал, к нему подбежал на помощь Марченко. Метров через триста мы и духи увидели друг друга. Мы сразу к бою, а душманы продолжают бежать в сторону спасительного для них оврага. Открываем огонь. Двое бандитов падают. Остальные разворачиваются и знакомым маршрутом по лощине убегают обратно в кишлак. В лощине они скрылись от нас. Все происходило на обратных скатах горы, и оперативная группа нас не наблюдала. Связался с комдивом и доложил, что часть душманской группы» возвращается в кишлак тем же путем, что уходила. В данной ситуации нам повезло, что мы встретились с бандой, а если бы минут на пять замешкались, духи нас бы встретили огнем из оврага. К этому времени они были бы уже в выгодном для себя положении, и неизвестно, какие последствия были бы у нашей группы. Артиллерию и вертолеты в данном случае было бы применять небезопасно. Уж слишком близко находились свои и чужие. Марченко передал «коробочкам» (так в боевой обстановке по радио называли боевые машины), что уцелевшие бандиты убегают обратно в кишлак. Необходимо внимательно наблюдать за горой и, как только душманы выйдут на открытую местность, открыть по ним огонь, не дать им возможности спрятаться в доме. Мы начали движение вниз по обратному склону и через несколько минут услышали интенсивную пулеметную стрельбу, которая перемежалась орудийными

выстрелами боевых машин. Продолжалась стрельба долго, и, когда мы подошли к технике, старший нам показал дом, в котором небольшой группе душманов все же удалось спрятаться. «Троих мы завалили, я сам это видел», — продолжал свой рассказ наводчик-оператор. «В этот же дом с другой высоты тоже около пяти человек успели забежать», — дополнил рассказ механик Ковалев. Результаты наблюдения доложил на командный пункт оперативной группы. Комдив: «Отведи людей, сейчас начнет по дому работать артиллерия». Отвели людей и технику метров на пятьсот от виноградника. И тут же из района командного пункта сверкнуло несколько молний. Через секунду дом, в котором укрылись около десятка душманов, заволочило густой пылью. Прошло некоторое время, и облако пыли стало медленно заволакивать северную часть кишлака, что мешало артиллеристам вести наблюдение за разрывами снарядов. Тем не менее в кишлаке бой продолжался. Комбат напрямую вышел по связи с Рябченко и докладывает ему, что видит группу душманов, которые уходят в сопки, на них стрелковым оружием воздействовать нельзя, и дает примерные координаты цели. Несмотря на просьбы комбата, артиллерия почему-то молчала. До меня дошло, что артиллерия в таких условиях запыленности огонь вести не может, есть опасность накрыть своих. Однако и ждать, пока пыль рассеется, тоже смысла нет. Мятежники уйдут в горы, а там мест, где можно спокойно отсидеться, предостаточно. Мои суждения прервал радист Лисневский: «На проводе Перепечин», и протягивает телефонную трубку. «Разведгруппа наблюдает две небольшие банды, их общее направление движения на блокированный кишлак». Неужели в кишлаке скрывается важная фигура и мятежники спешат на выручку? Бред какой-то, и только. Передаю координаты банд на КП для авианаводчика, а затем разведчикам, чтобы обозначили себя красными дымами, вели наблюдение за ударами вертолетом и были готовы уточнить целеуказания, в боестолкновение пока не вступать. Пыль в кишлаке к этому времени осела, и артиллерия возобновила огонь по целям, которые указал комбат. Разрывы практически накрыли всю группу. В километре от кишлака на север летели две пары боевых вертолетов. Предупредили разведчиков о том, что сейчас в их районе будут работать вертушки. Спустя минуту издалека было видно, как вертолеты стали кружить над сопками и обрабатывать их НУРСами. Перепечин попросил еще нанести удар по тому же району. Израсходовав весь боекомплект, вертолеты улетели в Кабул на заправку. Тотчас наверху началась стрельба. Разведчики сами вышли на связь, доложили, что ведут бой с остатками банд, и запросили огневой поддержки. Просьбу передал авианаводчику, тот своим соколам. Разведчикам передаю, чтобы

обозначили себя дымами и наблюдали за воздухом. «Понял», — получил ответ сверху. И снова в воздухе карусель, и снова слышны разрывы снарядов, стрельба авиационных пушек. Разведчики сверху передают, что после такой работы вряд ли кто уцелел. Напомнил парням, чтобы собрали трофеи и возвращались в лагерь. Только переговорил со своими, как комдив дает команду на возвращение. В кишлаке стрельба потихоньку стала затухать. Минут через тридцать подъезжаю к лагерю. Спускаюсь в укрытие. Вижу, рядом с комдивом генерал из Москвы. Спрашиваю разрешения у московского гостя обратиться к комдиву. Мне показалось, что гость немного смутился от моего обращения. Рябченко точно в лице изменился и мне с раздражением: «Надо начмедом сопроводить до кишлака, в третьей роте есть раненый солдат, вертолет там не сможет сесть. Попрошу тебя соблюдать осторожность». Здесь я Рябченко напрочь добил. Спросил у генерала Спирина разрешение выполнять приказ комдива. Да, видеть бы глаза комдива в тот момент. На ходу бросаю Марченко, что едем в кишлак, и тут же спрашиваю у Лисневского, как дела у разведчиков в горах. «Возвращаются в лагерь», — ответил радист. Затем уточнил у комбата, как безопаснее подъехать за раненым. «Подъезжайте к площади». И в это время в небо взметнулась красная ракета. «Ракету видели? — спросил комбат. — Это для вас ориентир общего направления». — «Понял, начинаю движение». Дорога извилистая и тяжелая. Подъехали к кишлаку и через некоторое время уперлись в узкую улочку, пришлось спешиться и дальше идти пешком. Марченко с небольшой группой впереди, а мы с начмедом в сопровождении Куранова, Сафарова, Ивонина и радиста Лисневского несколько сзади. Метров через триста встретились с ротным. Забрали раненого. Хамаганов, врач, осмотрел его, поправил перевязку, сделал обезболивающий укол и сказал, жить солдат будет. Солдаты, которые несли раненого, попросили воды. Я спросил у ротного, есть ли патроны. Боеприпасы есть, с водой туго. Мы отдали пацанам всю воду, которая была при нас. Солдаты стали прощаться с раненым товарищем. Ротный нас предупредил, что в кишлаке еще есть притаившиеся душманы, будьте осторожны. На этом мы расстались. Ротный с солдатами ушел в кишлак, а мы с раненым к технике. Идем по правилам войны в готовности к открытию огня. Кругом высокие, глухие стены домов, попадаются разрушенные дувалы, и вдруг впереди раздался одиночный выстрел, и тут же в ответ несколько очередей. «Стой, сволочь», — слышу крик Куранова, и снова очередь, а затем и вторая. Дух притаился в огороде, а когда разведчики проходили мимо проема в дувале, не выдержал и выстрелил, но от волнения промазал. Чем и воспользовались наши. Стрелял душман из

буровской винтовки. В кармане пиджака нашли только листки из Корана. Винтовку прихватили с собой. Раненый солдат попросил пить, а мы воду отдали его товарищам. Потерпи маленько, утешил его Хамаганов, сейчас придем к технике, там есть вода. Минут через десять мы были около боевых машин. Тут же услышали шум приближающихся вертолетов. Через минуту-другую один из них совершил посадку около лагеря, другой продолжал барражировать в небе. На бронетранспортере подвезли раненого прямо к вертолету. Начмед проконтролировал погрузку, уточнил фамилию, подразделение, в котором проходил службу солдат. Техник закрыл кабину, и тут же вертолет взмыл в небо и взял курс на Кабул. Проводив взглядом улетающие вертолеты, с начмедом по лощинке направился на командный пункт, чтобы доложить комдиву об отправке раненого в Кабул. Гостей из Москвы не было. Рябченко уже нетерпеливо поглядывал в мою сторону. Внимательно выслушал доклад, а потом начал: «Михаил, научись фильтровать, кто из Москвы к нам приезжает как начальник, а кто просто как полковник». — «На мой взгляд, кто из Москвы, тот и начальник», — возразил я комдиву. «Да, Спирин был командиром Кировабадской дивизии, а сейчас в Москве на полковничьей должности. Понял?» — «Сейчас понял», — согласился с командиром. Постепенно комдив успокоился, и разговор вошел в служебное русло. «Послушай, твои разведчики себя молодцом показали. Михаил, как ты думаешь, Ленцов с Марченко заслужили ротные должности?» — «Конечно. План ротации разведчиков уже давно у Нежурина в кадровой службе, Комар и Литовш на должности замкомбатов. Ленцов — командиром дивизионной разведроты, а Марченко — командиром полковой разведки». — «Хорошо, не возражаю, но ты мне напомнишь об этом по возвращении на базу, а то Нежурин еще тот кадр, может напрочь все похерить». — «Есть, товарищ генерал». К исходу дня наши войска перебазировались в другой район предполагаемых боевых действий.

На следующий день я снова видел генерала Спирина рядом с комдивом. И снова мы блокировали кишлаки, но на этот раз в кишлаках работали афганские солдаты. Ближе к обеду на позициях одной из рот я увидел Спирина, который, не маскируясь, в полный рост, обходил позиции десантников и беседовал с ними. В кишлаке нет-нет да и вспыхивала перестрелка. Меня такое бесцеремонное отношение генерала к мерам личной безопасности удивило и даже возмутило. Мы требуем от солдат в боевой обстановке одного, а генерал подает дурной пример. Однако я генералу не указ. Вечером, когда войска собрались в лагере на ночевку, в штабной палатке встретился с полковником Зуевым, который был в группе

генерала. Пришлось ему рассказать о Спиране. Заев мне по секрету сказал, что Спирин уже давно серьезно болен и он как бы не дорожит своей жизнью.

Наступило раннее утро четвертого дня боевых действий нашей группировки, которое, на мой взгляд, было, как всегда, обычным. Подъем. Завтрак. Убытие подразделений на боевые действия.

Окрики командиров на своих подчиненных, которые, по их мнению, затягивали своевременный выход в указанные районы. Да и поднятая пыль боевыми машинами делала это утро похожим на вчерашнее. Правда, со стороны гор послышался ранний выстрел. Кто в кого, пока неясно.

Через некоторое время лагерь опустел. Остался только личный состав оперативной группы с обслугой, разведчики и охранение. Проходя мимо, начальник связи дивизии бросил на ходу: «Комдива к телефону вызывает командарм. По всей видимости, боевая задача будет изменена. Кстати, где он?» — «Да вон с разведчиками беседует». — «Пойду отвлеку его от твоих парней».

Появился Хамаганов, как всегда, с улыбкой: «Что-то сегодня твои разведчики в лагере задержались». — «Вячеслав, не каркай, а то беду накликаешь. Сплюнь через плечо». Через некоторое время к нам снова подошел Горовой. «Ну, какие новости из армии?» — спросили у него. «Комдив еще на проводе», — ответил связист. Нашу беседу прервал возглас начмеда: «Смотрите, солдаты к нам афганца ведут». Подошедший лейтенант сказал, местный житель хочет видеть главного русского начальника. Отпустив лейтенанта, мы с афганцем направились к командиру, он уже закончил разговор с командармом и выходил из палатки.

Афганец на хреновом русском языке пытался нам сообщить какую-то важную информацию. Из его слов стало понятно, в одном из домов кишлака, в котором он проживает, есть склад оружия и боеприпасов. Пришлось дождаться прихода Сафарова. Сергей с афганцем переговорил, оказалось, действительно речь идет о складе оружия в одном из кишлаков.

Вот это да, воскликнул комдив. На моей памяти первый случай, когда местный житель сам приходит к нам с такого рода информацией.

Афганец по настроению главного шурави смекнул, что его информацией заинтересовались и ко всему сказанному добавил, что место он знает и готов показать, но только надо спешить. Склад могут перенести в другое место.

Я уже заранее знал, что этот склад придется искать моим разведчикам. Точно, комдив словно уловил ход моих мыслей, тут же отдал мне распоряжение: «Скрытников, забирай осведомителя, разведчиков и

спешите в кишлак. Кишлак блокирован батальоном майора Кротика. Да, прихвати группу спецназа, хватит им прохладиться на командном пункте, и не забудь своих активистов». — «Хорошо, товарищ генерал, сегодня объединим усилия разведчиков и спецназовцев для выполнения задачи».

До кишлака по карте было километров пять, а с учетом рельефа местности все шесть. Если ехать на технике, вроде бы и недалеко, да вот километра два надо идти пешком. На этом участке местность для техники непроходимая. Ладно, подумал про себя, боевую технику оставим около ближайшей роты, которая оседлала гору, а дальше пойдем пешком. Время подходило к полудню, и солнце палило в полную силу. Внутри боевой техники было нестерпимо душно, а здесь еще вонючая пыль, поднятая гусеницами машин, добавляла проблем, набивалась в ноздри и уши. Дышать было нечем. Как назло, сегодня с утра не было ветра, и пыль огромным грибом подолгу возвышалась над колонной.

Разведчики обрадовались, когда прибыли на место, по крайней мере здесь не было пыли. Уточнили задачу, порядок движения и сигналы. Как нам в то время не хватало средств связи внутри подразделений! Выручали разработанные нашими отцами сигналы. Правда, и сейчас в современных боевиках для управления используют давно забытые сигналы, только более модернизированные. С высоты кишлак и прилегающая к нему местность в бинокль хорошо просматривались. Кишлак был большой, а несколько домов стояли в отдалении. Дома напоминали небольшие крепости, стоящие друг от друга на приличном расстоянии. Они, как правило, строились из огромных саманных кирпичей, стены были толстыми и высокими. Мой дом — моя крепость, а наш объект был вообще на отшибе, ближе к горам. Его удаление от кишлака обеспечивало выполнение боевой задачи с меньшим риском для нас. После установления наблюдения за домом определили маршруты движения к нему. Группу спецназа по виноградному полю я направил в обход объекта, а сам с разведчиками и активистами Залмая по неглубокому оврагу направился к цели, как бы обходя дом с южной стороны. Вдруг где-то в центре кишлака затарахтел крупнокалиберный пулемет. Стоп, по звуку — «ДШК». Мы остановились и прислушались, пытаюсь определить направление стрельбы. С таким оружием шутки плохи. Сейчас «зеленые» у нас запросят вертушки, подумал про себя. И тут же радисту Понкратову: «Сережа, слушай эфир и мне докладывай». — «Есть». Далее поинтересовался у Марченко: «Валера, красные дымы в группе имеются?» — «А то, без них никуда», — ответил командир. «Ладно, я просто так на всякий случай спросил. Если налетят вертолеты, чтобы вовремя себя успеть обозначить. А то в кишлаке может и от своих

достаться». Тем не менее стрельба нам была как бы напоминанием о том, что мы находимся в боевой обстановке, хотя мы и так приучились соблюдать осторожность и работать по-боевому. Овраг стал уходить в сторону, нам пришлось продолжить движение по мелкому кустарнику. Через некоторое время закончился и кустарник. Группа вышла к обработанному участку земли, на котором росла кукуруза. Рядом со мной шел местный житель. Вдруг откуда ни возьмись появилась женщина, как ведьма, вся в черном, и с криками угрозы набросилась на афганца. Тот, пятясь, спрятался за наши спины. Она шумела, не обращая никакого внимания на нас. Они чужие, а ты же афганец, как тебе не стыдно быть вместе с неверными, ты совсем забыл Аллаха, и вдобавок обозвала его нехорошим словом, так здорово схожим с узбекским, которое приходилось слышать много раз на улицах Ферганы. Нежеланная встреча с женщиной на некоторое время приостановило наше продвижение. Однако выручили активисты, они грубовато взяли женщину под руки и поволокли ее в кукурузу. У меня сразу мелькнула нехорошая мысль, надругаются над женщиной. Тихо говорю Марченко: «Валера, останови этот спектакль». Тот, в свою очередь, Иванину, Куранову и Сафарову скомандовал «фас». Разведчики бросились в кукурузу. Однако все обошлось без нашего вмешательства. «Зря подумал в ту минуту плохо про партийцев», — сказал сам себе. Они ее связали и бросили на землю, но без кляпа во рту, хотя она продолжала ругаться. После небольшой заминки мы ускорили движение. «Валера, а почему вдруг женщина набросилась именно на местного, возможно, она признала в нем кого-то?» — «Вполне возможно». В этот момент в наушниках радиста что-то щелкнуло, и тотчас в эфире послышался голос Шпака, который предупредил комбата, майора Кротика: «Будь внимательным, на севере кишлака с группой работает наш главный «Канарис» (это он обо мне). Так что будь начеку». От такой заботы стало веселее. Хотя команда прошла с небольшим опозданием, но все же лучше позже, чем никогда. К этому времени группа спецназа подошла к нужному для нас дому, увлеклась наблюдением и на какое-то время потеряла нас из виду. Маскируясь в складках местности, к дому подошла и наша группа. Таким образом, как бы замкнулось кольцо вокруг дома. Один из активистов неосторожно выглянул из-за дувала и стал рассматривать дом. Спецназовцы приняли его за душмана и открыли огонь. Куранов находился рядом с активистом и открыл ответный огонь. Одним словом, через секунду началась сильная перестрелка. Нам повезло, обе группы находились за дувалами, и мы не перестреляли друг друга. Безрядин вовремя заметил перебегающего спецназовца, поднял шум. «Свои,

прекратите стрельбу». В подобных ситуациях очень трудно остановить стрельбу, нервное напряжение на высшем пределе, а большой палец правой руки находится на спусковом крючке, и, как правило, огонь ведется до последнего патрона в магазине. Перестрелку около дома услышали наши подразделения, которые находились наверху в горах, и сразу передали информацию командиру полка, тот, в свою очередь, комдиву. Комдив, естественно, вызывает меня на связь: «Доложи, что у тебя там происходит?» — «Пока все под контролем, а стрельба спровоцирована своими», — отвечаю генералу. «Будь осторожен», — последовал совет командира. Мы на какое-то время притаились и продолжали вести наблюдение за домом и территорией. Установили зрительную связь с группой спецназа.

Неожиданно для нас вдруг закрипела калитка, через несколько секунд в проеме показалась женщина с ребенком на руках. Посмотрела налево, направо и направилась в сторону арыка, который протекал недалеко от дома. Арык больше напоминал маленький ручеек, заросший с двух сторон травой. Около арыка женщина остановилась, оглянулась вокруг, наклонилась к воде, стала ее черпать рукой и пить, затем напоила ребенка. Глядя на эту картину, подумал, ну чисто ферганский вариант, который часто приходилось видеть в городе, как узбеки из арыка пьют воду. Только в данном случае она что-то долго утоляла жажду. Складывалось впечатление, что она тянет время и старается незаметно вести наблюдение. Ее поведение не ускользнуло от наметанного глаза Сафарова.

Так оно на самом деле и оказалось, через пару минут из калитки вышел мужчина с подростком. (Позднее выяснится, что это ее сын.) При виде мужчины наш «доброжелатель» оживился и жестами стал показывать, мол, этого человека надо задержать. Активистам показываю в сторону мужчины. Они меня поняли и быстро из-за укрытия подбежали к опешившим от неожиданности людям и задержали их. Женщина тоже попыталась скрыться, но партийцы ее остановили и пытались успокоить. Тем временем спецназовцы преодолели дувал и осторожно в готовности открыть огонь стали приближаться к постройкам дома. Моя группа, соблюдая осторожность, прошла через калитку во двор. «Ну, показывай, где склад», — обращаюсь к афганцу. Тот подошел к одному из небольших кустов, внимательно осмотрел землю, мол, вот здесь и носком галоши показал место, где нужно копать. Марченко мне шепчет: «Посмотрите на хозяина дома». Хозяин дома смотрел на своего соплеменника с такой ненавистью, что, если бы рядом не было нас, он его разорвал бы на мелкие части.

Партийцы на правах победителей обшарили дом, нашли лопату и протянули хозяину. К слову, лопаты афганских дехкан имели одну характерную деталь: выше заступа крепилась деревянная ручка, вот на эту ручку при копании земли нажимала нога крестьянина и даже не нажимала, а насакивала в прыжке. «Нет, — возразили мы, — хозяину лопату не давать!» Гнев у афганца еще не прошел, и мы не стали испытывать судьбу, а тем более судьбу нашего «доброжелателя». Партийцы копали недолго, хотя грунт был тяжелым, и вот наконец из ямы достали длинный сверток. Развернули дерюгу и увидели два кремневых ружья, немного пороха, новенькую трехлинейку, десятка два патронов и Коран. Хозяин хмуро за всем наблюдал, но не стал отпираться. Да, оружие закопал подальше от греха. Прятал оружие в присутствии вот этого человека, который считался нашим родственником, и снова его глаза сверкнули гневом в сторону афганца. Тот на всякий случай отошел от ямы подальше. Одним словом, родственник подложил большую свинью.

Вспомнился крик женщины, одетой во все черное, и проклятия в адрес местного жителя. «Да, парень, прогневил ты своих родственников», — глядя на смущенного афганца, сказал Марченко. — Сафаров, ему сейчас только в банду уходить надо». — «Да ты что, — возразили ему Боровков с Курановым. — Дня через два духи об этом случае узнают и сразу расстреляют». Пока разведчики обсуждали дальнейшую судьбу афганца, прямо с места раскопок радировали комдиву о результатах поиска и получили от него благословение на обратный путь. Хозяина оружейного «арсенала» арестовывать не стали, оставили его в покое, как мне показалось, в данной ситуации он об этом только и просил Аллаха. Возвращались одной группой, тем же маршрутом, но с мерами предосторожности. Парные дозорные были впереди, справа, слева и в тылу, местность пересеченная, поэтому эта мера была нелишней. За нами увязался и «осведомитель». Собственно говоря, у него и не было другого выхода, только с нами. На обратном пути освободили женщину. Она и сейчас при виде своего родственника плевалась в его сторону. Ее громкие крики еще долго сопровождали нашу группу, но она держалась от нас на приличном расстоянии. Женщина словно накаркала на нас беду. Когда мы подходили к оврагу, в нашу сторону прозвучало несколько одиночных выстрелов. Этого было достаточно, чтобы мы распластались на земле. Некоторое время смотрели в сторону, откуда велась стрельба, пытались определить место стрелка, но выстрелов больше не было. Мы справа и слева стали окружать предполагаемое место стрелка. Активисты густой цепью следовали за нами. Спецназовцы старались показать всем, какие они

крутые парни в такой ситуации. Мои уступать не хотели. Да в принципе и не уступили бы. Подготовка практически была одинаковая. Мои были крупнее телом, да и физически крепче. Дабы не зарывались и те и другие, пришлось напомнить, что мы сейчас не на учебном поле, а в боевой обстановке. В результате совместных действий стрелка в овраге мы не обнаружили. Он словно сквозь землю провалился. Пока мы ломали головы, а куда же мог подеваться бандит, в кишлаке опять поднялась стрельба. Панкратов доложил: «Наши вызвали боевые вертолеты». Через некоторое время на горизонте показались две точки, которые с каждой секундой увеличивались, пока наконец не превратились в винтокрылые машины. Марченко наготове держал шашку с красным дымом. Вертолеты приблизились к центру кишлака и выпустили по несколько НУРСов по дому, который указал по просьбе «зеленых» авианаводчик. Последние снаряды по курсу полета разорвались за кишлаком в нашем направлении. Мы залегли в изгибе оврага, стали наблюдать за вертушками и на всякий случай обозначили себя красным дымом. Вертолеты, не долетая метров сто до нас, развернулись и снова ударили по объекту, а затем улетели на авиабазу. Далее мы шли медленно и осторожно. Подошли к высоте, на которой находилась одна из рот батальона. Около техники нас уже дожидался майор Кротик с группой солдат. «Кольцо блокирования подтянули ближе к кишлаку, — сказал мне комбат. — В кишлаке банда, вот мы «зеленым» и помогаем». — «А чем была вызвана стрельба у вас?» — спросил тут же у меня комбат. «Да какой-то душман решил припугнуть нас». — «Ну и как, напугал?» — «А то, еще как!» Солдаты с интересом рассматривали кремневые ружья. Один из них даже попытался изготовиться для стрельбы, чем вызвал смех у своих товарищей. Еще немного поболтали с солдатами, расселись по машинам и колонной, стараясь особо не пылить, двинулись в сторону командного пункта.

До командного пункта добрались без приключений. Комдива на месте не оказалось. Находку показал своим товарищам по оружию. «И это все?» — удивились они. «А вы что думали, там нас ожидал целый арсенал?» — «Ну хотя бы не три единицы старья». — «Сколько было, все наше». Рассказал товарищам, как появилась на свет история про склад и откуда у нее выросли ноги. Подъехал Рябченко. Историю для комдива пришлось повторить. «Пойдем, посмотрим трофеи». Глядя на оружие, он сказал: «А я-то думал, что там будет более серьезное оружие, а здесь только одни музейные экспонаты». — «Как быть с местным жителем?» — спросил у генерала. «Пусть идет на все четыре стороны». — «Отправить его на все четыре стороны мы всегда успеем, но надо же войти и в его положение.

Человек сам, добровольно явился к нам и скинул информацию. Пусть она для нас особой ценности и не имела, но все же. Тем более скинул информацию на своих родственников. Теперь обратный путь в кишлак ему заказан. В данной ситуации надо ему как-то облегчить судьбу. А если его направить к Хушалку на службу? Это для него самый что ни на есть выбор. Его проблемы прикроет только государственная служба». — «Иди в Мирбачакот, разыщи начальника милиции и передай ему, что ты от рафика Михаила. Все понял?» — «Все, все, — залепетал Зуфар и на узбекском добавил: — Ката рахмат (большое спасибо)». В дорогу старшина дал ему полбуханки белого хлеба и немного сахара. Этими продуктами мы с ним как бы расплатились за его услугу. Мои парни проводили его за боевое охранение и сказали: «Иди с миром». На этом закончился эпизод со «складом» боеприпасов. Склад, если такой можно назвать складом, мы нашли, а вот найдут ли пути примирения родственники? Вопрос остался открытым. Тем не менее время уже подходило к вечеру. Подразделения подтягивались к лагерю и готовились к ночевке, а разведчики — к ночным боевым действиям.

Утром боевые действия продолжились. Их акцент постепенно смещался на север. Остатки уцелевших мятежников поодиночке и небольшими группами стремились уйти в горы. К этому времени в Панджшерском ущелье уже успел обозначить свое влияние Масхуд. На этом этапе боевых действий применялся ферганский полк десантников, который дислоцировался на авиабазе Баграм. Ближе к полудню в районе боевых действий полка обстановка несколько обострилась. Десантники окружили большую банду, которая, понимая свое безвыходное положение, пыталась во что бы то ни стало уйти в горы через боевые порядки батальона Алиева. Батальон затемно в пешем порядке вышел в предгорье и занял позиции выше кишлака, в котором заночевала банда. Утром после активных боевых действий, огневой подготовки артиллерии и ударов авиации мятежники заматались. Часть уцелевших бандитов, несмотря на плотный огонь десантников, пыталась уйти в горы. Наиболее настырные действия они предприняли на позиции рот Востротина и Шатского. Около сотни душманов несколько раз предпринимали попытки пробиться через позиции десантников, но всякий раз получали по зубам. Тем не менее от своих действий не отказывались, а только немного затихли, пытаясь найти слабое звено в обороне. Сердюков, командир полка, доложил комдиву об обстановке, которая сложилась на данный момент в районе боевых действий его полка. Рябченко внимательно, не перебивая, выслушал по радио доклад, немного поколдовал с карандашом над картой обстановки и

принял решение в район боевых действий для изучения обстановки на месте направить меня.

«Скрынников, подойди ко мне. Посмотри на карту, вот здесь воюют ферганцы, возьми разведчиков, надо проехать к Сердюкову и посмотреть, как у них там дела». Рябченко как старший армейский начальник над всеми десантниками нес моральную ответственность за ферганцев перед командующим ВДВ. После недолгой беседы с комдивом уточнил по радио место расположения командного пункта полка, в сопровождении разведгруппы Богатикова отправился в путь. До района боевых действий полка было порядка одиннадцати километров. Во время движения старались обходить очаги сопротивления, чтобы случайно не нарваться на своих, и крупные кишлаки. В одном месте все же пришлось вступить в боестолкновение с небольшой отходящей группой душманов. Разведчики была начеку и своевременно обнаружили движение вооруженных людей. Местность в том районе была более-менее равнинной, позволяла на боевых машинах осуществить маневр, чем и воспользовались разведчики. В течение нескольких минут группа мятежников была окружена, однако и нам немного не повезло, одна машина заехала в какую-то яму, поэтому полного окружения душманов не получилось, и, пока машина выбиралась из этой ямы, некоторым удалось убежать в виноградное поле. В ходе боя разведчики уничтожили двоих вооруженных духов, вернее, расстреляли из пулеметов. Где-то около часа мы еще кружили по складкам местности, пока не наткнулись на бойцов ферганского полка. «Гвардейцы, кто у вас старший и где он?» Сержант показывает направление, где может быть старший. Вижу, кто-то бежит в нашу сторону. Да это же Антонюк, узнал в бегущем своего подчиненного по совместной службе в Фергане. «Здравствуй, Дима, рад тебя видеть». «Я вас тоже», — последовал ответ. «Ну доложи, что у вас здесь происходит?» Антонюк, а он стал помощником начальника штаба полка, в данной ситуации координировал боевые действия нескольких подразделений, доложил обстановку и добавил: «Пока потерь нет». После короткой беседы с Димой я уточнил на местности, где находится командир полка, пожелал десантникам удачи и поехал на командный пункт. На КП находились Сердюков, командир полка, начальник политотдела Позницкий и несколько офицеров штаба, которые наносили на рабочую карту командира обстановку, ту, что по радио поступала из района боевых действий батальонов. Сердюков мне рассказал, что роты Востротина и Шатского отбили все попытки душманов прорваться через их позиции в горы. Духи стали собираться в зарослях сухого русла, но были обнаружены разведчиками. Тотчас вызвали

вертолеты, вот они и накрыли большую группу мятежников. «А где Никифоров?» — спросил я у командира. «Он с батальоном Алиева», — ответил Сердюков. Командир полка рассказал о задачах, которые заканчивают выполнять батальоны. Сейчас положение в районе полностью контролируется десантниками, потерь нет, это радует. Часа через два задачу выполним, начнем собирать подразделения и готовиться к ночным мероприятиям. Во время нашего разговора к комполка подошел офицер-артиллерист с рабочим планшетом. «Разведчики наблюдают группу душманов, которые уходят в предгорье, просят навести огонь артиллерией, — и показывает на планшете координаты цели. — Давай работай по цели». Через минуту раздался выстрел, и пристрелочный снаряд улетел в сторону гор. Прошло совсем немного времени, пока уточнялись координаты цели, и дивизион стал стрелять в сторону гор залпом. Разведчики доложили, что огонь нужно перенести немного левее, а через несколько минут сообщили: цель накрыта. «Хорошо», — сказал командир. Мы разговорились, вспомнили службу в Фергане. Ветерок немного усилился, и поднятые полы палатки хлопали, словно слоны своими большими ушами. Позницкий увлеченно рассказывал какую-то историю, в это время центральный кол, который поддерживал палатку, от порыва ветра стал падать. Мы с Сердюковым это видим, но не успели и рта открыть, как кол опустился на голову начальника политотдела. Он от боли обхватил голову руками и застонал. Мы вышли из палатки, еле сдерживая смех. Вышел, почесывая голову, и пострадавший. В конце концов рассмеялся и Позницкий над своей бедой. Насмеявшись, стали собираться в обратный путь. «Михаил, будь с нами на всякий случай на связи, — посоветовал Сердюков, — а то мало ли что может случиться в дороге». — «Конечно, буду на связи, без нее никуда и шагу».

Обратная дорога, как всегда бывает, намного короче. Тем не менее, проезжая мимо гряды сопков, на одной из них увидели двух людей, остановились, в бинокль рассмотрели, что они без оружия, решили огонь не открывать и продолжили движение. В лагере нас встретил Андрейчук, старшина разведроты, и предложил поехать. «Спасибо, Николай, корми парней, а я пойду доложу комдиву». Командир вместе с заместителем по тылу, полковником Красным, в палатке пили чай. «Садись с нами», — предложил Красный. Я стал отнекиваться. «Садись, не ломайся», — сказал генерал. Раз приглашают, надо оказать честь, подумал про себя. Рассказал руководителям, как нам по дороге встретилась небольшая группа духов, как разведчики Богатикова с ними расправились, а также, как воевали с душманами батальоны ферганского полка. Поблагодарив командира за чай,

собрался было уходить, но комдив меня задержал. «Есть на ночь разведчикам работа. Утром я задачу как бы озвучил, а потом все же решил, что в овраге ночью необходимо организовать засаду». «Организуем», — ответил командиру. «Будьте осторожны, — напомнил генерал, — сейчас банды нащупывают слабое место и пытаются просачиваться через боевые порядки наших подразделений, а оврагом они точно воспользуются». Вышел от командира и сразу к разведчикам. Они как раз обедали. «Старшина, генеральский обед какой-то слабый, дай мне солдатской каши». — «Нет проблем, — ответил Андрейчук. Обратился к Комару: — Иван, пригласи Литоша, надо будет после обеда обсудить задачу на ночные действия. Задумал засадные действия провести тремя группами, двумя дивизионными и одной полковой ротой».

Когда все были в сборе, по ложине поднялись с офицерами на возвышенность, с которой хорошо просматривалась местность, где в километрах двух-трех от лагеря и проходил овраг. Овраг был хотя и глубокий, но не вызывал у нас беспокойства, а вот с началом боевых действий мотострелков севернее водохранилища Суруби овраг стал предметом повышенного внимания. По нему могли свободно, особенно в темное время, передвигаться мятежники. Вот у комдива в связи с этим и появилась идея организации засады. Изучили местность, определили задачи каждой группе, примерные районы для организации засады. Оставшееся светлое время подразделения использовали для подготовки к ночным мероприятиям.

К вечеру погода стала портиться. О предстоящем ухудшении можно было судить и по солнцу, было оно необычно золотистым. Разведчики знали, этот цвет в горах к непогоде. Тем не менее разведчики своего решения не стали менять и продолжали подготовку. Планировалось две группы расположить по обеим сторонам оврага, а одну повыше в предгорье. Этот овраг когда-то, по всей видимости, был многоводной рекой. Теперь из-за этого мы смогли увеличить ширину полосы засадных действий. Старшим одной из групп был Комар, другой — его заместитель Ленцов. Полковую группу возглавил Литош. Так для меня было спокойнее. Перед выходом в район боевых действий погода совсем испортилась. Подул сильный ветер, неся с собой много пыли, создавая сильный дискомфорт. Мы даже стали подумывать об отказе от спланированной затеи, но потом подумали, что такая погода тоже на руку и духам. Они непременно воспользуются ей и оврагом постараются уйти из блокированного района. Проверили связь, и разведчики растворились в пыльной темноте. Через некоторое время погода совсем озверела. Ветер

поднял такую пыль, что за десяток метров ничего не было видно. Резервная группа лейтенанта Перепечина находилась в готовности.

Ближе к полуночи ветер стал стихать, улучшилась видимость. Разведчики докладывают, что в их районах обстановка пока спокойная. Раз у них все в порядке, спокойнее на душе и у меня. К этому времени ветер стих. Вылез из бронетранспортера и прошел вдоль бронегруппы. На верху брони некоторые наблюдатели уже стали клевать носом. Пришлось разбудить. После небольшой физзарядки снова все внимание наблюдателей в сторону предгорья, где притаились разведчики. Прошло еще некоторое время, на небе стали видны звезды. Вдруг Понкратов в предгорье увидел осветительные ракеты и тугие пучки трассирующих пуль, взметнувшиеся высоко в небо. Ветер, хоть и слабый, но все же был и дул в сторону гор, поэтому стрельбы слышно не было. Бой продолжался минут пять, не больше. Запрашиваю полковую разведгруппу, потому что нам казалось, бой идет в их районе засады. Литош докладывает: у них пока тихо, а бой они наблюдают в районе группы Комара. Через несколько минут поступил доклад от Комара: группа уничтожила двоих душманов, остальные, пользуясь темнотой, ушли в сторону Ленцова. Вот там и разгорелся бой. Вместе с резервной группой выдвигаюсь по направлению к разведчикам, заранее передал Комару, чтобы обозначил себя зеленой ракетой. Минут через двадцать нас встретила группа Комара. По настроению парней было видно, что они довольны работой и даже о чем-то спорили, каждый доказывая свою правоту. Ротный подробно рассказал, как все происходило. Группа душманов около пяти человек, а может, и больше — в темноте трудно было их пересчитать, двигались как у себя дома, переговаривались между собой. Одним словом, вели себя опрометчиво. Их от полного уничтожения спасло резко пересеченное дно оврага, чем они воспользовались и резво убежали в сторону разведчиков Ленцова. К нему я на всякий случай для усиления отправил разведотделение во главе с Жиликовым. Виктор, командир обстрелянный и грамотный, так что Ленцову пригодится. Да и радиостанция у него есть, только что разговаривали, он уже на подходе к группе Ленцова. Пока обсуждали дальнейшие действия, бой начался в предгорье, он обозначил себя летающими трассерами в разные стороны. Душманы поняли, что овраг для них перекрыт, и решили уйти в горы, не подозревая, что и там их ожидают разведчики. Вот и напоролись на засаду. Бой внезапно стих. Литош доложил, что собирается возвращаться. А как результат? «Трое». Мы его доклад поняли. Через несколько минут внизу оврага послышался какой-то подозрительный шум и тут же прекратился. Мы изготовились к бою.

Минут через десять на связь вышел Ленцов и доложил, что он поднимается к нам наверх. И правда, вскорости из оврага наверх поднялись разведчики из группы Ленцова, а вместе с ними и группа Жилякова. С собой они принесли четыре трофейных автомата арабского производства. Пока разведчики между собой делились впечатлениями о боевых действиях, в предгорье снова начался бой. Да что же там такое? «Понкратов, давай на связь Литоша». — «Да все у нас в порядке, мы возвращались к вам, а здесь один дух открыл огонь в нашу сторону, вот и пришлось им заняться». Значит, это четвертый. «Ждите, скоро будем», — доложил старший. Прошло немного времени, и снова внизу послышался легкий шорох, а через несколько минут появились и разведчики. На горизонте забрезжил рассвет. «Давайте подведем итоги ночных мероприятий. Литош, что у тебя имеется из трофеев? Три автомата и одна буровская винтовка. Я так понял, что люди все на месте? Потерь нет и раненых тоже, а душманы потеряли десять человек». — «Все точно», — ответили офицеры. В лагерь возвращались уже на рассвете, но там уже всю готовились к выходу в новый район боевых действий. Издалека увидел комдива, который прохаживался около бронегруппы одного из батальонов, и поспешил к нему на доклад. Тем более что и результат был, на мой взгляд, неплохой. Командир выслушал доклад, работу разведчиков отметил хорошим словом и добавил: «Ну, вот видишь, я же говорил, душманы непременно воспользуются оврагом. Отдыхать сегодня вам не придется. Пока вы ночью в засадах сидели, командарм изменил нам боевую задачу. Войска уже начали выходить на новые исходные рубежи. Твои выходят в одной колонне с опергруппой. Иди поторопи разведчиков».

Часа через два по проселочным дорогам, а где и напрямую вышли в нужную точку, саперы быстро развернули командный пункт. В новом районе практически все повторялось, окружали кишлаки, били по целям артиллерией и авиацией.

Разведчики выполняли свои задачи днем и ночью. Воевали мы еще дней пять, а затем вернулись на аэродром к себе на базу. Прошло не так уж и много времени, как мы вернулись из боевых действий, подумал, что пора напомнить комдиву про Комара и Литоша. Рябченко мне в ответ: «Плохо думаешь о командире, еще утром подписал все кадровые приказы, в том числе и на твоих. Комар поедет в Кандагар к Маслову замкомбатом, а Литош будет замкомбатом в своем полку. Ленцов возглавит дивизионную роту, Марченко полковую. Михаил, расклад нормальный». — «Вполне доволен кадровой ротацией, товарищ генерал». «Чуть не забыл тебе сказать, помнишь того генерала из Москвы, который был у нас на боевых

действиях?» — «Помню, генерал Спирин». — «Так вот он умер, мне об этом по телефону сказал Сухоруков».

В Кабуле мы находились недолго. Труба снова позвала солдат в поход. И так до середины лета. Однажды во время короткого перерыва в боевых действиях мне позвонил Ленцов и попросил зайти в роту. «Какой вопрос решаем, командир?» — «Сегодня в Союз улетають семь человек, желающих посвятить свою жизнь служению Родине, поступают в наше десантное училище». Конечно, я, как старший начальник, обязан был им сказать пару напутствующих слов, а также поблагодарить за службу. Провожали их на аэродром к самолету всей ротой. Фамилии всех ребят не помню, а вот двоих запомнил, это Ивонин и Кибиткин. Кстати, оба после окончания училища снова приедут в Афганистан, продолжат участие в боевых действиях, но только уже в новом качестве. Пока командирами разведывательных взводов. Кибиткин в дивизионной, а Ивонин в полковой ротах. Правда, прибудут они «за речку» в разное время. Ивонин разведвзводом откомандовал два года и не только командовал, а принимал активное участие в разведывательно-поисковых мероприятиях по разгрому банд, затем по замене уехал в Союз. В третий раз приехал в Афган капитаном, начальником штаба батальона и снова участвовал в боевых действиях. Старший лейтенант Кибиткин, уже будучи в должности замкомроты, принимал участие в выводе подразделения в Союз. Вполне мужественные из разведчиков получились офицеры. Часто в беседах с разведчиками мы вспоминали ребят, уволенных в запас. Они были лучшими. Почему лучшими? Да потому, что у них было больше боевого опыта.

В один из сентябрьских дней в штабе между боевыми действиями получилась небольшая пауза, около кабинета комдива увидел небольшую группу афганцев в штатском и одного полковника, с которыми о чем-то разговаривал адъютант Рябченко. Меня это не заинтересовало, потому что такую картину можно было наблюдать несколько раз в неделю. Только было в кабинете из сейфа достал рабочие документы, как раздался телефонный звонок. «Зайди», — услышал в трубке голос командира. В коридоре афганцев не было. Захожу подчеркнуто, по-военному, чтобы немного пофорсить перед гостями. Афганцы пьют чай, и не только. Пришлось комдиву и мне предложить чашку чая, но я вежливо отказался, сославшись на плотный завтрак. Еще бы посмел не отказаться. Наслушался бы потом упреков за употребление с утра. «Знакомься, Михаил, это представители ХАДа (подобие нашего КГБ). Ну что же, товарищи офицеры, перейдем к делу», — сказал комдив.

Один из афганцев на хорошем русском стал высказывать свои пожелания. В кишлаке Ходжачист, севернее Кабула, в одном из домов вторые сутки в гостях находится лидер главарей банд провинции Лагор, имя его Сайфулло. Это дом его старшего брата. Нам нужна ваша военная помощь. На своих военных надежды мало, тем более при подготовке и проведении такой операции скинут информацию только так. С нашей стороны примут участие около пяти офицеров службы безопасности. Нам необходима рота ваших солдат со старшим, мы обсудим план проведения операции по задержанию высокопоставленного главаря. Нейтрализовав Сайфулло, мы на какое-то время обезглавим мятежное движение в провинции Лагор. «Так, друзья, помощь мы вам окажем, а старшим будет мой начальник разведки. Вот с ним и разрабатывайте план по задержанию этого самого главаря. Михаил, приглашай гостей к себе в кабинет и работайте. Я на доклад убываю к командарму. Позднее мне доложишь план проведения операции».

Афганцы, поблагодарив комдива, переместились в мой кабинет. Кишлак и прилегающая к нему местность нам, разведчикам, были хорошо знакомы. Позвонил в роту и пригласил к себе Комара. Нарисовал на листе ватмана примерную схему местности, а один из афганцев — схему кишлака и дом, в котором остановился главарь. Коллегиально выработали план по захвату бандита. Операцию решили провести на рассвете во время крепкого сна. «Ротный, какие группы будем привлекать?» — «Группы лейтенантов Богатикова и Перкова». — «А кто будет обеспечивать связь?» — «Лейтенант Тютвин. Он же будет с вами на операции». Еще раз прошлись по всем вопросам проведения операции. Вроде бы все предусмотрели. Встречу с афганцами назначили на четыре часа утра следующего дня. На всякий случай афганцам напомнил, чтобы не было утечки информации. Они меня заверили, что операцию разрабатывали только здесь присутствующие. Хадовцы ушли, а мы с Комаром направились в роту, чтобы уже с личным составом продолжить подготовку к боевым действиям. После обеда план операции доложил Рябченко. В заключение он мне сказал: «Давай на всякий случай сделаем заявку на вылет вертолетов, береженого бог бережет». Его поддержал и Петряков.

Рано утром, к нашему удивлению, БТР-60 с афганцами уже дожидался нас в условном месте. Пока обменивались мнениями, Тютвин организовал и проверил связь с афганцами. Двигались одной колонной, афганцы впереди. Когда подъезжали к кишлаку, уже начинало светать. Каждая группа знала свой маневр, и, когда до кишлака оставалось менее километра, мы увеличили скорость. Группа Перкова заняла позиции на

выходе из кишлака, БТР афганцев, мой, а также группа Богатикова на скорости прошли в глубь кишлака. Пришлось удивляться, как водитель афганского бронетранспортера безошибочно и уверенно маневрирует по узким улочкам. Вне всякого сомнения, в машине был человек, который знал кишлак и нужный дом. Насколько вокруг позволяла местность, окружили дом. Действия проходили скоротечно и в полной неожиданности для хозяина дома и его гостей. Бакутин из гранатомета выстрелил по воротам дома. Ворота разлетелись в щепки, и в проем устремились трое афганцев и несколько разведчиков с Богатиковым. Через считанные секунды они были в доме. Раздалось несколько одиночных выстрелов и автоматная очередь, затем крики, шум борьбы и наша ненормативная лексика, но она как бы вписывалась в боевую обстановку. От выстрела из гранатомета проснулся весь кишлак. На крышах домов стали появляться местные жители, с любопытством поглядывая на шурави. Из дома вывели связанного небольшого роста человека, который и оказался лидером мятежного движения целой провинции. Следом вышли мои парни, а за ними офицер ХАДа, держась рукой за раненое плечо. Как потом оказалось, в него все же успел выстрелить охранник Сайфулло. Вот разведчики очередь в него и вlepили. Санинструктору Веретенину не пришлось скучать, он сделал раненому афганцу перевязку, помог ему подняться в БТР. Афганцы решили на месте провести предварительный допрос пленного, но нутром чувствовалось, что обстановка может в любой момент измениться. Любопытных на крышах домов стало прибавляться. Тем более что среди этих высоченных заборов под недружественными взглядами мы чувствовали себя весьма неуютно. «Давайте выходим из кишлака, а там посмотрим», — пришлось порекомендовать афганцам. Да те и сами уже поняли, что надо уходить. По-хорошему их можно было понять, им не терпелось от такого пленного получить сведения.

Ведь не каждый день к ним в руки столь важные птицы попадают. Только мы организовали посадку на технику, как на окраине кишлака послышались выстрелы. Запрашиваю Перкова: «Что там у вас?» — «Да двое с оружием огородами пытались убежать. Вот и пришлось открыть огонь». — «Правильно сделали». Небольшой колонной вышли из кишлака. В замыкании была машина Богатикова. Его группа имела опыт ведения боя в кишлаке. Месяцем, а может, и двумя раньше тыловая колонна, которую по счастливой случайности сопровождала группа Сергея, попала в засаду. Вот тогда разведчики и выручили тыловиков. Мы находились в районе кишлака Ниджраб, проводили совместно с ферганцами операцию и буквально за несколько минут до выхода разведчиков на маршрут в одной из машин

обнаружили небольшую неисправность. На устранение неполадки много времени не нужно, но время общего выхода группировки поджимало разведчиков. Мною было принято решение, естественно, без доклада старшему, оставить взвод в Баграме, а после устранения неисправности вместе с тыловой колонной на следующий день прибыть в район боевых действий. Комдив меня тогда упрекнул, почему, мол, из-за одной машины оставил целый взвод. Вот тогда я в сердцах и ответил ему, что группу разведчиков не променяю на весь Афганистан. А вот когда разведчики в кишлаке разгромили засаду душманов и привели колонну в лагерь десантников, все же один «КамАЗ» духи сожгли, я сказал комдиву: «Один ноль в мою пользу». — «Ладно, где уж нам», — проворчал Рябченко. И если в каком-нибудь кишлаке намечалась драка, туда всегда планировалась группа Богатикова.

Когда наша группа без проблем вышла из кишлака, к нам по ходу присоединились и разведчики группы Перкова. Через некоторое время по бездорожью подошли к дороге Баграм — Кабул. Такой маршрут выбрали специально, чтобы не налететь на мину. Афганцы запросили разрешения на самостоятельное движение в Кабул. Я не стал возражать. Они увеличили скорость и скоро скрылись из виду, а мы продолжали движение, соблюдая меры предосторожности. Через несколько километров пути мы увидели стоящий на обочине БТР-70 и небольшую группу наших военных. Подъезжаем ближе. Чувствуется, тут что-то неладное. «Остановились, подошел к машине. Среди военных увидел девушку с красными от слез глазами. Что случилось? «Нас обстреляли из гранатомета», — и вояки показывают вмятину в броне. «Да, вам крупно повезло». Граната вскользь коснулась кормы и не причинила вреда, но морального вреда нанесла много. «А вы кто такая?» — спрашиваю у девушки. «Я из военторга, сопровождала груз в Баграм». К началу нашего разговора она уже полностью пришла в себя от пережитого и весело всем рассказывала, как ей было страшно, когда граната ударилась о броню. И как она со страху легла на пол бронетранспортера. Как ее сопровождающие открыли ответный огонь из автоматов по тому месту, откуда был произведен выстрел. «Ведь я же побывала в боевой ситуации». — «Как зовут тебя, воин?» — «Наташа», — ответила она. «Наташа, впредь будь осторожнее». «Буду, как только вернусь на территорию полка у Бабурина^[1] попрошу автомат и буду выезжать из полка только с оружием. Когда будете в крепости Бали-Хисар, заходите в гости». — «Спасибо за приглашение, как-нибудь при возможности зайду». Однако обстановка требовала действий. «Сергей, обследуй местность. Павел, ты будь готов совершить небольшой

маневр при необходимости». Боевые машины группы Богатикова, выбросив из двигателей клубы серого дыма, устремились вперед. В это время ко мне подбежал механик одной из боевых машин Куликов с просьбой о необходимости на несколько минут вскрыть силовое отделение и устранить маленькую неисправность. «Конечно, Миша, только давай быстрее». Тем временем, несмотря на наше присутствие, на дороге Кабул — Баграм кипела своя жизнь. Мимо нас проезжали грузовые легковушки, полные каких-то мешков, медленно проплывали огромные наливники, сверкающие своими стальными цистернами, а также двухэтажные автобусы, доработанные мастерами в Пакистане, они были облеплены со всех сторон безбилетниками. Водитель не отвечал за их безопасность, так было принято, хочешь ехать зайцем, держись. На первый взгляд дикость, а присмотреться, так какая-то забота о людях на восточный манер. У нас — денег нет, иди пешком, у них — хоть без комфорта и с риском, но едешь. Попадались «МАЗы» с «КамАЗами», но их было мало. На афганских дорогах преобладал иностранный автотранспорт.

Однако все наше внимание было приковано к действиям группы разведчиков. Вот она спешила и медленно от укрытия к укрытию стала приближаться к предполагаемому месту гранатометчика. Издалека наблюдать всегда лучше, чем действовать. Вскорости группа осуществила посадку на машины и вернулась в исходное положение. Сергей сказал, что, судя по лежке, духов было двое. «Сергей, командуй всем по местам и вперед, но не забудь вести наблюдение во все стороны». Колонна начала движение, а БТР почему-то стоит на месте. В чем дело? Да не заводится. С буксира завели и пожелали счастливого пути. Минут через сорок наша колонна въезжала на территорию разведроты, где ее дожидались ротный и старшина. После небольшой беседы с офицерами-разведчиками направился в штаб для доклада комдиву. Несколько позже на служебном совещании командарм скажет, что десантники провели успешную операцию по задержанию важной фигуры мятежного движения провинции Лагор. Одновременно он же являлся помощником Гульбеддина, одного из руководителя оппозиции со штаб-квартирой в Пакистане. Меня за эту операцию Рябченко наградил хорошими швейцарскими часами «Альпар» с гравировкой «За мужество». Как-то будучи на побывке в Фергане, похвастался жене. Она посмотрела часы, прочитала гравировку и говорит: «Это часы мне за замужество с тобой» — и конфисковала их. Часы действительно были классными, а тем более в то время.

Офицеры-разведчики были представлены ко второй правительственной награде, а солдаты и сержанты к медалям «За отвагу» и

«За боевые заслуги».

К осени некоторые офицеры штаба дивизии убыли в Союз по замене. Убыл и начальник кадровой службы подполковник Нежурин. В его рабочем столе обнаружили десятки наградных листов на солдат, сержантов и офицеров, не отправленных в высшую инстанцию. Правда, его почти не вспоминали, а если и вспоминали, то только нехорошим словом. Однажды мне тоже пришлось быть свидетелем нелिцеприятно разговора комдива с кадровиком. В один из свободных от боевых действий дней я был оперативным дежурным. Утром, как принято, встретил комдива, доложил обстановку за прошедшую ночь по кабульскому гарнизону и за батальоны, которые находились в отрыве от главных сил. Затем разговор продолжился на обыденные темы в курилке около штабной палатки. Рябченко меня о чем-то спрашивает, я ему что-то отвечаю. Мимо нас проходил Нежурин. «Борис, — окликнул его командир, — ты подобрал кандидатуру одного из офицеров дивизии для представления к званию Героя Советского Союза?» Небольшая пауза. «У нас в дивизии достойного офицера для такого высокого звания нет». Комдив взорвался: «Мать твою, дивизия воюет, а ты из полутысячи офицеров не можешь выбрать достойного. Грош цена тебе как кадровику, оформляй Скрынникова». Вот здесь я синицу и выпустил из рук. «Да вы что, товарищ генерал, не надо, народ неправильно поймет», а если бы в тот момент щелкнул каблуками, пожалуй, быть бы мне Героем. Сегодня это было бы огромным подспорьем в жизни в виде большой пенсий. Вот его, Нежурина, личное участие в какой-либо операции что-то не припомню. Одним словом, кадровик прослыл хреновым инженером человеческих душ. Вместо Нежурина начальником кадровой службы был назначен Тавтын. У него особого образования не было, но порядочности и работоспособности предостаточно. Если он наградной лист оформлял, то всегда отслеживал его путь вплоть до объявления о награждении солдата или офицера. Как-то он меня в лагере встретил и тихонько говорит: «Дней через пять комдив убывает в отпуск и увозит на тебя представление о досрочном присвоении подполковника». Эта новость меня, как человека военного, конечно, обрадовала. На подходе был очередной Новый год, и буквально накануне ко мне в кабинет зашел Тавтын: «Что сидишь, корпишь над картой, а я пришел тебя поздравить с присвоением подполковника. Давай, наливай». Одним словом, Николай меня застал врасплох, но у меня же есть надежный старшина роты, у которого было все, как в Греции, подумал я. Как водится в военных кругах, такое звание, да еще на год раньше, надо немедленно обмыть, чтобы следующее созрело, и мы не стали откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. На следующее

утро на построении мне и некоторым другим офицерам комдив официально объявил о присвоении воинских званий. А через час мы с Петряковым уже подъезжали к штабу армии за новой боевой задачей. Боевое задание было на этот раз для нас несложным. Нам распоряжением предписывалось оказать помощь афганскому подразделению в ликвидации небольшой банды в одном из кишлаков западнее Кабула. Руководил операцией начальник штаба дивизии. Утром блокировали кишлак, а афганским солдатам дали возможность помять бока душманам — своим землякам. Однако солдаты духов только вытеснили из кишлака, а возможно, и договорились с ними. А вот когда духи стали по оврагу уходить из кишлака, наши наблюдатели с ближайшей высотки это движение заметили и быстренько доложили комбату. Тот одну роту на боевых выбросил на перехват. Вот здесь их в овраге изрядно потрепали наши парни, тем не менее все же некоторым из душманов удалось в складках местности спрятаться, отсидеться, а потом уйти дальше в горы. К вечеру батальон вернулся на базу без потерь.

Петряков, как руководитель, результатом операции остался доволен и был в хорошем настроении. По приезде в лагерь пригласил меня к себе в палатку. Доложил в штаб армии о результатах операции. Вспомнили совместную службу в солнечной Фергане. Чуть позднее зашел к начштаба полковник Красный. Этот нам стал рассказывать про войну и делать сравнение с нынешними боевыми действиями. Я ушел от полковников к себе в общагу далеко за полночь. Утром нам, начальникам служб, было приказано провести мероприятия в своих подчиненных подразделениях по поддержанию высокой боеготовности в новогоднюю ночь. Удивительно, но душманье нам Новый год не испортило. Вели они себя достаточно тихо, по крайней мере в зоне ответственности дивизии. Беспокоили нас в новогоднюю ночь только авиаторы, и особенно когда куранты пробили полночь. Таковую стрельбу подняли у себя на аэродроме, сравнимую со стрельбой только в ночь переворота. Пока были патроны, была и стрельба. Расстреляв все патроны, они, наконец-то, утомонились, а утром по приказу командарма у летунов проводили разбор новогодних «полетов». Конечно же, досталось командиру смешанной авиабазы Павлову, будущему Герою Советского Союза. И этот наступивший Новый год нам тоже ничего хорошего не обещал. Тем не менее, несмотря на военное положение, разведчики продолжали жить обычной жизнью. Принимали активное участие в боевых действиях. Комсомольцы жили жизнью своих подразделений. На общих собраниях парни вели серьезные разговоры, и на подобных мероприятиях всегда было интересно присутствовать. В один из

февральских вечеров я возвращался из роты, где принимал участие в работе комсомольского собрания. Офицеры после собрания пригласили на ужин, но я от приглашения отказался, внутренний голос подсказал: не надо мешать личному составу, иди в штаб. Так я и поступил. Было уже темно, шел осторожно, обходя окопы, которых было нарыто большое множество, но все равно нет-нет да и попадешь в окоп. Вылезая из одного такого окопа, услышал в направлении города взрыв и несколько выстрелов. На всякий случай прибавил шаг, зная свою незаменимость в таких случаях. В штабе меня уже начали разыскивать. Зашел к командиру. Тот на меня: «Где ты шляешься? Найти тебя невозможно». — «В роте на комсомольском собрании был». — «Ладно, звонили из армии и просили разобраться, что за стрельба в городе. Возьми группу, поезжай разберись на месте. Когда вернешься, расскажешь, что там произошло. Только будь осторожен». — «Ну, спасибо за заботу». В роту не стал звонить. Взял двух комендачей и на БРДМ в город. Недалеко от поворота на город Джелалабад стоял с каким-то сиротливым видом «уазик», рядом с машиной два офицера. «Ну, что здесь у вас случилось?» — «Да вот, попали в засаду». — «А что вы здесь на ночь глядя делаете?» — «Самолет прилетел с грузом, командир и отправил на аэродром. Да мы и раньше в темное время выезжали на аэродром. Вот и доездились». — «Они вас просто подкараулили. Ладно, рассказывайте, как все произошло». — «Гранату в машину бросили вон из-за того дерева, а потом произвели несколько выстрелов. После подрыва мы вдвоем выскочили и начали стрелять в ответ. Водитель и старший машины ранены. Как смогли, их перевязали». Заглянул в кабину, старший, по всей видимости, ранен серьезно, головы не поднимал, только стонал. Сухопутчики, само собой, обрадовались нашему появлению. Пока разбирался, подъехал Мостиброцкий с разведчиками и санитарной машиной. «В какую сторону душманы после нападения отошли?» — уточнил у пехотинцев. Осмотрели лежку бандитов. Предположительно их было трое. Отходили они в сторону Джелалабадской дороги. Один из нападающих, перепрыгивая через илистый арык, поскользнулся и упал. След скольжения на грязи был отчетливо виден. Ротный направил луч света фонарика на место падения и говорит: «Отчетливо виден след крови». Получается, что сухопутчики все же одного духа подстрелили. «Вроде бы так», — ответил Мостиброцкий. «Давай, ротный, с одной группой обойди кустарник, а я со второй пойду вдоль разрушенного дувала по хлопковому полю. Встречаемся около поворота дороги на Джелалабад». Было очень темно, при слабом освещении района Симитхана еле-еле проектировались на фоне неба дома и деревья. Старались идти быстро, но осторожно. Связи

между группами не было. Не кричать же на всю округу, как дела в группе? В моей группе кто-то из разведчиков за что-то зацепился и упал. И как водится в таких случаях, громко выругался. Пришлось цыкнуть, чтобы соблюдали тишину и осторожность. Вдруг в стороне ротного началась стрельба, и донеслись слова какой-то команды. До разведгруппы было не более двухсот метров. Моя группа залегла и привела себя в готовность. В темноте слышали шум бегущего по хлопковому полю в нашу сторону человека, а затем и силуэт увидели. Громко команду на афганском языке: «Дришь!» Человек от неожиданности остановился, а затем резко меняет направление и бежит в сторону дороги, одновременно делает несколько выстрелов из пистолета в нашу сторону. Ах ты сволочь, и в него со всех стволов. Несмотря на темноту, чья-то очередь сразила его наповал. Осторожно подошли к лежащему в готовности к открытию огня, но контрольной стрельбы не понадобилось. Убитый лежал лицом вниз, рядом пистолет «беретта». Труп обыскали, но документов при нем не было. В это время подошел ротный со своей группой и показывает трофейный автомат, а хозяин лежит вон там, в канаве, без каких-либо документов. Пока рассуждали, как быть дальше, недалеко от нас, возможно метрах в ста, мощно взревел мотор автомобиля, и машина с места рванула по дороге на Джелалабад. Разведчики вдогонку открыли огонь, но автомобиль уже успел скрыться за поворотом, показав нам красные огни задних фонарей. Вызываем БРДМ в надежде на то, что автомобиль не свернет куда-нибудь на проселочную дорогу, на прямом участке дороги его можно будет достать из крупнокалиберного пулемета. Правда, в данный момент оперативных действий не получилось. Пока добежали до машины, пока разбудили водителя, душманской машины и след простыл, а вот со стороны аэропорта слышался шум приближающейся бронегруппы. Подъехали три боевые машины дивизионной роты. Старшим был Ленцов. «Саша, а ты зачем пожаловал сюда?» — «На подмогу к вам». — «Ну раз есть войско, надо дать ему работу. Ленцов, прокатись по Джелалабадской дороге, может, что-нибудь подозрительное встретишь, а потом через аэропорт возвращайся домой, только сначала проверь со мной связь. Так, а вы, полковые, обследуйте местность восточнее Симитханы, возможно, там какое-нибудь безобразие найдете. Кстати, а где Качанов?» — «Он на проверке полковых объектов». — «Давайте все по местам и вперед, не забудьте про связь». К этому времени раненых увезли в госпиталь, а два капитана остались дожидаться тягача, чтобы эвакуировать «уазик». «Вы меньше курите, а больше наблюдайте», — посоветовал им. В это время к нашей группе подъехал комендант Кабула полковник Двугрошев. «Михаил, здравствуй,

что здесь произошло?» Нарисовал ему картину произошедшего. «Молодцы парни, завтра на докладе командующему про этот случай обязательно напомню». У меня с ним были давнишние хорошие взаимоотношения. Одно время вместе служили в Фергане, он командовал зенитным дивизионом в Коканде. Вскоре в темноте послышался шум двигателей боевых машин. Вернулись полковые разведчики, конечно же без результата. Убедился, что все люди в сборе, больше их не было смысла держать возле себя, отправил в полк отдыхать. Мостиброцкому напомнил, чтобы Качанов утром был у меня в штабе дивизии. Подъехал «ЗИЛ-130», взял на буксир подбитый «уазик», а заодно прихватил двух капитанов-пехотинцев. В это время «комендач» кричит мне: «Вас на связь вызывают дивизионные разведчики». Ленцов доложил, что проехали километров пятнадцать, ничего заслуживающего внимания не заметили, тем более в ночное время, и группа возвращается домой без результата. Да по-другому и быть не должно. Духовский автомобиль уже давно где-то в районе Джелалабада. Уехал к себе домой и я. Время было уже далеко за полночь, но комдив дожидался меня, читая какую-то книжку. «Давай, рассказывай». Подробно с картинками все рассказал командиру. Ну, молодцы, хоть двоих да подстрелили, а то взяли за моду, сволочи, уходить безнаказанно. И тут же при мне несмотря на позднее время позвонил начальнику штаба армии генералу Тер-Аванесьяну и пересказал ему мой доклад. «Ладно, Миша, иди отдыхай, а я еще немного почитаю». Утром меня к себе вызвал начальник разведки армии генерал Дунец. В его кабинете уже шуршали рабочими картами два начальника разведки мотострелковых дивизий. «Скрынников, перепиши себе план основных мероприятий разведотдела на летнюю кампанию». Раз начальник приказывает, куда деваться. Потом он меня подозвал к себе и тихонько говорит: «Михаил, я от своих офицеров наслышан, что у твоих разведчиков есть неплохая баня. Пригласи в субботу, не откажусь». — «Нет проблем, товарищ генерал, буду ждать». Он меня почему-то всегда называл своим земляком. Служебные и человеческие отношения у нас с ним были очень хорошими. По приезде на аэродром встретил комдива. Рассказал ему о поездке в армию и о просьбе Дунца. Твой начальник, вот встречай и ублажай. Тем более тыл роты и Андрейчук на высоте. По телефону не стал давать указания старшине, а решил лично переговорить по поводу подготовки бани для такого высокого гостя. В принципе здесь ничего зазорного и нет, в кои веки армейский начальник решил приехать в гости. Не зря же бродят байки в армейском коллективе, к плохим подчиненным старший начальник в гости не напрашивается, а для проверки присылает своих офицеров. Старшина в

субботу истопил баньку, приготовил стол. Я его предупредил, чтобы на всякий случай был небольшой резерв. Вдруг генерал приедет с товарищем. Так оно и случилось. Приехал наш начальник с каким-то полковником-артиллеристом. На аэродроме встретил Дунца, а он словно извиняясь: «Михаил, я приехал с другом». — «Да ладно, места и пара всем хватит». Ленцов показал ротное хозяйство, представил офицеров. Генерал немного побеседовал с личным составом, и как бы на этом закончился первый этап инспекции. В это время подошел старшина, представился и пригласил гостей посетить баню. «Ну что же, надо проверить и баньку», — сказал Дунец. Старшина мне на ухо: «За второй этап проверки отвечаю, естественно, я?» — «Конечно, а кто у нас отвечает за тыл? Старшина. Вот и рули». Баня гостям понравилась. Небольшая, есть душ, парилка, а самое главное, бассейн. Андрейчук сработал на славу и поддержал без того высокий авторитет десантников. Гости немного задержались, уже стало темнеть. Пришлось на всякий случай на БРДМ проводить их до штаба армии. Слов благодарности наслышался много. «Ну, Михаил, молодцом твои разведчики, хорошо живут, кругом порядок». — «Ну что же, раз начальнику, как разведчики живут, понравилось, и мне веселее». Комдив тоже остался доволен, сказал: «Меньше косых взглядов в мою сторону будет на совещании в армии». Вот так бы почаще расслабляться, так нет, через пару дней снова выход в районы, где обнаружены банды и снова ведение разведывательных и боевых действий по их уничтожению. Возвращение в пункты постоянного базирования, приведение техники, вооружения в порядок. И снова получение боевой задачи, и так без конца. В один из мартовских вечеров между боевыми действиями небольшая по численности банда совершила нападение на ближний привод аэродрома Кабул. Вернее, нападения не совершала, по-звериному подкралась огородами, по кустам, насколько это было возможным, и произвела выстрел из гранатомета в сторону технического узла, который размещался в двух металлических будках. Стреляли духи в темное время, вспышку от выстрела десантники засекли и в ответ открыли шквальный огонь. На охране ближнего привода находилась батарея зенитного дивизиона. Одновременно начали стрелять 23-мм ЗУ, а это мощное оружие. «Зушки» стали обрабатывать виноградники, кусты и огороды близлежащих домов. Рикошеты от снарядов свечками уходили в темное небо. Стрельба была слышна в штабе дивизии. Петряков сразу потребовал к себе начальника разведки, то есть меня. Хотя правильнее было бы в данной ситуации запросить через оперативного дежурного боевое охранение и выяснить обстановку, а не искать разведчика, чтобы задать ему вопрос, кто и зачем

стреляет.

«Скрынников, в районе охранения на восточной стороне аэродрома идет бой. Давай, выезжай быстрее туда и разберись, что к чему». И так всегда в подобной ситуации. Где-то то ли в охранении, то ли в городе раздался выстрел, сразу же высокие начальники начинают искать начальника разведки. Раз есть в дивизии такая должность, вот от этого человека и ждут нужного результата. По принципу: ты разведчик, ты должен все знать. Дивизионные разведчики тоже привыкли к причудам начальников, и, если где-то в районе аэродрома вспыхивала стрельба, дежурная группа приводилась в повышенную готовность к выезду. Вот и сейчас, только я позвонил в роту, а Ленцов на мой вопрос отвечает: «Группа лейтенанта Черного находится в готовности. Ждем вас». До расположения роты оставалось каких-то полсотни шагов, и снова на восточной окраине аэродрома в ночном небе засверкали пунктиры трассирующих пуль. Показалось, что между стрельбой был слышен шум летящего вертолета. Однако тут же эту мысль отогнал. В темноте вертолеты не летают, даже в военное время. Около штабной палатки меня дожидался Ленцов с офицерами. Они зря время не теряли, к моему приходу уже владели кое-какой информацией. «Саша, где Черный?» — «Я здесь», — в темноте раздался голос лейтенанта. «Вячеслав, связь проверил?» — «Так точно». — «Командир, а кто со мной на связи будет?» — «Коробицин», — ответил за связиста ротный. «Всем по местам и вперед». На скорости напрямую не стали обходить взлетно-посадочную полосу. Сегодня обстановка была настолько серьезной, что запрещающие инструкции могли и подождать. Когда проезжали недалеко от авиабазы в темноте, почудилось, что как будто бы один из вертолетов совершил посадку. Минут через пятнадцать подъехали на позицию зенитчиков. Боевые машины рассредоточили. Нас встретил командир дивизиона подполковник Савицкий. «Привет, Владимир». — «Привет». — «Рассказывай, что здесь произошло?» Идем по позиции, рядом со мной лейтенант Черный. Подошли к технической будке. «Вот смотрите, граната не долетела каких-то пару метров до цели, ударилась о землю и, кувыркаясь, попала в верх будки. От удара развалилась на две части, поэтому вреда нет. Это мои зенитчики собрали их в одно место», — и показывает мне две части гранаты. «Володя, откуда стреляли?» — «Вон из-за того куста. Идем, я вам еще кое-что покажу. Подходим и видим, около куста лежит убитый душман, а рядом автомат. «А где же гранатомет?» — «Вот в том-то и дело, что гранатометчику удалось в темноте скрыться, — сказал Савицкий. — Получается, что их было несколько». — «Так куда могли деваться остальные»? — допытываюсь у

командира. — «А хрен их знает, куда они подевались. В такой темноте скрыться не проблема. Хотел организовать прочесывание, но помешал вертолет». — «Какой вертолет?» — «Наш, советский, — ответил Владимир. — Только мы обработали огнем место вспышки, окружающие кусты, нашли убитого и стали обсуждать, как быть дальше, вдруг в темноте на низкой высоте появляется вертолет и давай по нам лупить из пулемета. Тем более без всяких опознавательных огней. В ответ и мы по нему. Мои солдаты не пехота, но если дело касается стрельбы, то до последнего патрона в магазине. Вовремя он скрылся, а то бы сбили. Правда, мы сообразили, что, кроме нашего вертолета, никакому другому здесь делать нечего, и не стали из 23-мм ЗУ стрелять». Во время разговора разведчики подвели афганца. «Товарищ подполковник, вот он что-то из-за угла дома высматривал в темноте». — «Да это хозяин соседнего дома», — уточнил Савицкий. Афганцу задаю провокационный вопрос. «Ты ведь знал, что вечером будет обстрел, почему не предупредил шурави?» — «Я шурави каждый день твердил, что есть слух о готовящемся нападении». — «Михаил, ну его к чертям. Пугал нас каждый вечер нападением, чтобы мы его дом охраняли, хитрющий бабай». — «Ну а сейчас ты убедился в его правоте?» На этот раз Савицкий промолчал. Подвели афганца к убитому. «Знаешь его?» — «Нет, но на рынке, кажется, видел». — «Володя, труп пока не отдавай. Проеду к Залмаю, возможно, кто-нибудь из его людей опознает труп». Лисневскому: «Саша, передай Лениову, что мы выдвигаемся в кишлак Дехахъя к секретарю». Через пару минут мы колонной прошли мимо поста царандой и охранения 350-го полка, которым руководил майор Кротик. Проехали мимо кишлака Тарахейль и подъехали к вотчине секретаря. Ворота резиденции были закрыты, и нам долго пришлось дожидаться, пока партийцы соизволят нас впустить на охраняемую территорию. Разведчики даже сделали предложение, давайте шандарахнем по воротам из «мухи», сразу проснутся. Словно почуяв угрозу в свой адрес, из-за бетонного забора показалась голова часового, затем раздался скрип открываемых ворот. Навстречу вышел заспанный Залмай. Мы поздоровались. Секретарь стал приглашать к себе. «Залмай, сейчас некогда. К тебе есть дело». И кратко рассказал о нападении на ближний привод. Надо опознать труп, возьми кого-нибудь из своих людей и поехали. Залмай отдал распоряжение своему молодому заместителю, а сам с двумя нукерами сел в свой бежевый «уазик» и поехал вслед за нами. Около привода уже вовсю трудились технари с авиабазы, хотя он практически и не пострадал. Мы с афганцами подошли к душману. Осветив труп, один из людей Залмая признал в нем брата главаря банды, который

месяцем раньше погиб в районе кишлака Зимма. Залмай сказал, что остальных они выследят, у него на этот счет есть одно предположение. Затем секретарь долго ругал хозяина дома. Раз ругал, значит, было за что. Ильдар, переводчик, все же мне пересказал строгий разговор Залмая и крестьянина. Ругал он его за то, что тот перестал на него работать, и даже вроде бы пригрозил, что сдаст его в ХАД. Еще раз извинился перед секретарем за прерванный сон. Разобравшись с происшествием и пожелав зенитчикам спокойной службы, убыли в расположение роты. Была уже глубокая ночь, но, зная, что Петряков не спит и дожидается моего доклада, без разрешения вошел в его жилище. «Заходи. Ну что там случилось?» — «А случилось вот что, шеф...» И подробно рассказал про огневое нападение на ближний привод и о том, что зенитчикам все же Удалось одного бандита уничтожить, и о данном обещании Залмая разыскать остальных нападающих. Выслушав доклад, начальник штаба попросил связистов соединить его со штабом армии и доложить об инциденте, произошедшем на окраине аэродрома. Потом долго слушал указания сверху. В конце разговора сказал: «Есть» — и положил трубку. Немного помолчал, а потом сказал: «Ну вот, уже нашлись доброжелатели и раньше нас доложили о взлете вертолета ночью, что категорически запрещено инструкциями, — высказался Петряков. — Командарм приказал завтра провести дознание по поводу вылета вертолета. Кто летал, кто на это давал добро? В общем, ты это дело начинал, ты его и заканчивай». В это время вваливается Мальцев, замкомдив. «Вы что, полуночники, не спите? Николай Васильевич, что случилось?» — «Да вот разбирались со стрельбой на аэродроме. Командарм поставил задачу разобраться с авиабазой. Кого для такого дела назначим?» — «Да вот Скрынников дознанием и займется. Ну, старик не подведет», — сказал Юрий Иванович. Так любил называть младших по званию замкомдив. «Николай Васильевич, может, на ночь глядя по маленькой? Вроде бы и повод есть». — «Не возражаю. Присаживайся», — пригласил и меня Петряков. Выпили, тушенкой закусили. В разговоре мне понравилось одно выражение начштаба. «Я вот как представляю, как безграмотный душман, который с винтовкой в руках по горам бегают, прицеливается в наших пацанов, мне становится не по себе. На месте солдата я вижу своего Ваську, аж сердце замирает, который еще пока учится, а позже в армии служить будет. На мой взгляд, во время проведения операции основной упор надо делать на авиацию и артиллерию, а потом уже посылать солдат». Что-то подобное предлагал и Мальцев, хотя он в Кабуле совсем недавно. В разговор мне не было смысла ввязываться, время было уже позднее, а на завтра у меня и поручение

имеется, надо деликатно проводить дознание у летунов. Тем более что с Павловым, командиром авиабазы, я был знаком. Поблагодарив руководство за угощение, ушел к себе на отдых.

Утром погода немного испортилась. Подул «афганец».

Однако приказ погоде не помеха. Сразу же после завтрака поехал на аэродром. Полетов сегодня не было. Самолеты и вертолеты зачехлены. На стоянках между боевыми машинами маячили одинокие фигуры часовых. Около штабной палатки толпились авиаторы и что-то шумно обсуждали. «Товарищи офицеры, где ваш командир?» Кто-то из летчиков меня проводил до палатки командира. Павлов был в курсе моего приезда и предложил вместе позавтракать. «Сегодня, по крайней мере, до обеда полетов не будет, поэтому завтрак у нас немного позже обычного. Одним словом, где начинается авиация, там заканчивается порядок», — шутливо сказал подполковник. Завтрак у летчиков был намного лучше и разнообразнее, чем у нас, десантников. Разговор начали, как и водится, со службы, а потом постепенно подошли к вчерашнему полету. «Михаил, пойдем посмотрим мой вертолет и какие на нем появились отметины от десантников?» Вышли из палатки. Командирская машина стояла на ближней стоянке. Человека четыре специалистов ее штопали. Старлей, старший группы, доложил Павлову, что они насчитали девять пробоин. Важные узлы при обстреле не пострадали. «К обеду, товарищ командир, машина будет как новая, хорошо, что не стреляли из зенитных установок». Мы отошли в сторону, и командир продолжил свой рассказ. «Слушай, а что тебя вынудило сесть за рычаги, прилететь на позицию десантников и обстрелять их? Тебе повезло дважды, никто из десантников не погиб и тебя не сбили». — «Я тоже вчера после вылета остался доволен стечением таких обстоятельств, — ответил летун. — Вчера вечером со своим заместителем был вон около той будки. Вдруг вспышка и грохот, а через несколько секунд началась стрельба из стрелкового оружия. Потом к стрельбе подключились зенитные пушки. В небе летают сотни трассирующих пуль. Ты не представляешь, что там творилось, а стрельба идет практически в районе аэродрома. Если что случится, спрос будет с меня как с командира авиабазы. Война продолжается. Тогда я в азарте бегом к вертолету, запускаю двигатель. Многие, глядя на меня, тоже было ринулись к вертолетам, но я им запретил вылет. Машину поднял в воздух. Техник уже был за пулеметом. На низкой высоте иду в сторону трассеров. Перелетел дорогу и сразу понял, бой идет около ближнего привода. Миша, ты не представляешь, что бы мне было, если бы душманы вывели из строя ближний привод. Боевая авиация не летает, аэропорт закрыт и еще масса

других неудобств. Это только на руку вражьему голосу. Стрельба из пулемета не планировалась, техник проявил ненужную самостоятельность. Я всего сделал один круг, а когда убедился, что по мне стреляют и попадают, развернул машину и ушел на аэродром. Думал, будет моральная победа, а получилось наоборот. В данной ситуации я, как командир, по-другому поступить не мог. В тот момент, когда я принимал решение, оно для меня казалось правильным. Знаю, ты сейчас скажешь, было темно, полеты в темное время запрещены. Да, у меня вчера так вышло, что я нарушил все инструкции, но аэродром и местность вокруг изучены, поэтому и взлетел. Я тебе все рассказал, как хочешь, так и докладывай. Слушай, — он посмотрел на часы, — время обеда — и добавил: — Война войной, а обед по распорядку». За столом разговор довели до логического конца. Я пообещал, что доклад будет объективным, без подлянок. Павлов на своем служебном «уазике» подбросил меня до комендатуры. Помещение комендатуры было рядом с расположением дивизионных разведчиков.

Однако на этом неприятности для командира авиабазы не закончились. Во время разговора наблюдаем, как стремительно разгоняется «МиГ-21». Вот-вот оторвется от земли и с грохотом уйдет в небо. И вдруг на наших глазах происходит что-то невероятное, а возможно, и трагическое. Под нижней частью фюзеляжа появился огромный красно-багровый шар, и тут же до нас доносится взрыв. А самолет как-то неуверенно оторвался от земли и, раскачиваясь из стороны в сторону, стал медленно набирать высоту. Авиатор, как профессионал, сразу заметил, что у самолета нет одного топливного бака, и помчался на аэродром. Я продолжал следить за полетом самолета. Самолет в этот момент был похож на подранка, который неуверенно держался в воздухе, затем развернулся над городом и пошел на посадку. Посадку «МиГ-19» совершил благополучно. Тем не менее к нему сразу помчались автомобили вспомогательной службы и пожарная. Оказалось, два солдата, военных строителя, ведя между собой душевную беседу, отключились от всего, что происходило вокруг, и поперлись через взлетно-посадочную полосу. Естественно, звука приближающегося самолета они слышать не могли, а летчик на такой скорости ничего поделать не мог. Истребитель на взлетной полосе далеко не автомобиль на дороге, который может объехать препятствие. Самолет на взлете прямолинеен, как шомпол. Другое дело — в воздухе. Строители шли небольшим уступом, тот, что сзади, и попал под дополнительный бак. От удара бак сорвало с крепления, и он взорвался. Солдат оказался в эпицентре взрыва и сгорел мгновенно. Нашли только кусок ремня с бляхой. Второй пережил большой стресс, и его состоянию никто не завидовал.

Скорее всего, он остался душевнобольным на всю жизнь. Летчик от всего увиденного тоже пережил большой стресс, но через некоторое время оклемался и продолжал воевать в небе Афганистана. Обо всем увиденном и услышанном доложил Петрякову. «Ну как твое мнение о действиях летчика?» Доложил, как на то время посчитал для себя нужным. «Боевая обстановка вынудила Павлова поступиться инструкциями, и в тот момент принятое им решение было для него правильным, тем более что потерь как с одной стороны, так и с другой не было». — «Вот такую телеграмму за моей подписью и отправляй в штаб армии». На следующее утро мне пришлось вылететь в район Асадабада, где размещался третий батальон 357-го полка, и я не смог, как обещал Павлову, передать содержание текста доклада в армию о его несанкционированном ночном полете. Накануне в семи километрах от дислокации батальона произошло боестолкновение с крупной бандой, это и явилось главной целью полета, а заодно надо было помочь молодому начальнику разведки батальона быстрее войти в курс дела. К этому времени в батальоны, которые воевали в отрыве от главных сил, ввели должность начальника разведки. Позднее боевая обстановка потребовала, чтобы во всех батальонах был начальник разведки.

За несколько дней до встречи с бандой разведчики батальона обнаружили на склоне небольшой горы пещеру. Как она здесь появилась, даже местный осведомитель разведчиков не мог пояснить. Скорее всего, когда-то в ней местные жители добывали белую глину, затем хозяйство пришло все в упадок, и производство прекратилось. Со временем пещера обсыпалась, поросла мелким красивым кустарником. О ней местная бандота каким-то образом прознала и организовала небольшой склад. Отдаленность от кишлаков и делала пещеру скрытой от человеческих глаз. Обнаружили ее случайно. Разведчики возвращались из очередного задания, притомились и решили немного отдохнуть. Место было красивое, поневоле залюбовались декоративными кустами, как будто они были специально высажены заботливыми человеческими руками. Неожиданно обнаружили замаскированную природой пещеру. Проверили. О пещере и содержимом доложили в штаб батальона. За командира оставался начальник штаба Пугачев, который не так давно был командиром разведроты полка. Поговорили и решили пещеру покараулить. В сумерках около пещеры разведчики организовали засаду. И надо же повезло, ждать долго не пришлось. Ночь была настолько темная, хоть глаз коли. Только шум шагов по сухой траве выдавал движение людей. Как только показались первые человеческие силуэты, разведчики открыли огонь, а затем подсветили местность. Все же ночь и пересеченная местность позволили банде

разбежаться. Результат был неутешительным, двое душманов уничтожено и молодой паренек угодил в плен. Доложили комбату. Пузачев с рассветом в район проведения засады направил девятую роту, чтобы вместе с разведчиками прочесали прилегающую местность. Колмаков, командир роты, спёшил личный состав и в течение нескольких часов десантники обследовали довольно приличный район, но, к сожалению, результата не было. Решили возвращаться к машинам. Разведчики шли слева от роты, по сопкам. Надо же было такому случиться, в это время навстречу десанникам из Пакистана в глубь Афганистана шла банда численностью человек сорок. Шли, как у себя дома, без особой оглядки, да и было раннее утро, и лагерь шурави далеко. Встретились противники недалеко от пещеры. Поскольку встреча была неожиданностью для обеих сторон, то произошла она по сценарию встречного боя. Только у десантников были дозорные, вот они первыми и подали сигнал тревоги. Ротный подал команду: «Всем к бою». Десантники залегли на склоне горы, и началась сильная перестрелка. Колмаков быстро прикинул, что к чему, и один взвод отправил на вершину горы, чтобы предупредить душманов, если они постараются оседлать горушку. Не припомню случая, чтобы душманы на ровной местности в обороне проявляли стойкость и упорство, они всегда старались уйти в другой район. Вот и сейчас банда, видя, что высота занята, стали отходить влево, а там их огнем встретили разведчики. Пока шла перестрелка и происходили маневры как со стороны десантников, так и со стороны мятежников, ротный связался со штабом и доложил, мол, так и так, веду бой с бандой. В лагере находилась седьмая рота, которая вернулась с задания поздно ночью. Пузачев объявил тревогу, и уже через несколько минут десантники мчались в район боевых действий. Начальник штаба по ходу движения попросил красным дымом обозначить гору, около которой шел бой. Ориентируясь на красный дым, рота развернулась в боевой порядок, окружила район боестолкновения и, ведя огонь на ходу из вооружения боевых машин, разобщила банду на несколько мелких групп, которые стали метаться из одной стороны в Другую. В конце концов, понимая всю безвыходность положения, остатки банды бросились в сторону пакистанской границы. На их пути оказалась неширокая, но бурная речка Кунар. Искать броды и мосты было некогда. Некоторые из душманов решили ее форсировать с ходу, но многие, из-за того что не умели плавать, нашли свой конец в бурном потоке. За одиночными бандитами на боевых машинах десантники гонялись, как за зайцами в степи. Местность все же была пересеченная, и два механика-водителя настолько увлеклись погоней за душманами, что чуть было не столкнулись около небольшого оврага.

Сегодня для мятежников был абсолютно предсказуемый конец. Немногим бандитам удалось выжить. Хотя и прошли душманы подготовку в учебных лагерях под руководством иностранных инструкторов, но морду наши парни им набили крепко. На всю жизнь оставшиеся в живых будут помнить эту встречу. Бой закончился, надо собирать бойцов. Пересчитали людей. Все оказались живы и здоровы, только немного взбудоражены, но это и понятно, так всегда бывает после боя. А как же быть с пещерой, думали командиры. Засаду после такой стрельбы оставлять только себе во вред. И решили имущество вывезти, а мины взорвать. Скорее всего, содержимое этого небольшого склада душманами использовалось для диверсионных действий. Афганское одеяние передали местным жителям как дар божий. Разговорам в солдатской среде по поводу сегодняшнего боя не было конца. По словам Пузычева, взвод разведки и его командир старший лейтенант Танин на хорошем счету в батальоне. Это грамотный и думающий офицер. Среди разведчиков в быту лад и взаимопонимание. Начальник разведки батальона — без году неделя, а у него в маленькой, но очень важной службе порядок. За короткое время он пополнил список своих осведомителей. Последним был пастух. Сегодня он со своими баранами здесь, а завтра там, за границей. Правда, на сопредельной стороне спецслужбы им тоже могут заинтересоваться. Поэтому командованию батальона и разведчикам я порекомендовал особенно его поручениями не нагружать. Внимательно присмотреться, а уж потом потихоньку и приобщать к работе. В конце концов, пусть за ним присмотрит ваше доверенное и проверенное лицо. В своей практической работе я всегда исходил из того, если в свое время командиры имели отношение к разведке, то и в дальнейшей службе у них отношение к разведчикам соответствующее. Пузачев и Колмаков как раз и были выходцами из разведки, поэтому в батальоне разведка на высоте. Хорошие слова в адрес разведчиков сказал дважды Герой Советского Союза, маршал Василевский: «За время службы в советских Вооруженных силах, особенно в годы минувшей войны, мне довелось видеть множество героев и множество подвигов... Но у меня лично и у героев всех родов войск, достойных самой высокой похвалы, глубочайшее уважение вызывали и вызывают подвиги наших славных разведчиков...» Не менее теплые слова сказал и другой военачальник, генерал армии Тюленев: «Говорить о том, как важна для армии разведка, значило бы говорить азбучные истины. Только та армия действительно боеспособна, которая хорошо и всегда знает, что делает ее противник, больше того, что он собирается делать...» Нашел я время по душам поговорить и со своими бывшими подчиненными Пузачевым и

Колмаковым. На прощание пожелал им удачи и велел беречь людей, к вечеру вернулся в Кабул. Доложил руководству о положении дел в батальоне и об успешно проведенной операции, самое главное — операции без потерь. Командованию дивизии это, разумеется, понравилось, они меня больше не стали загружать разными вопросами и задерживать. Наутро я все же поехал на аэродром, чтобы повидаться с командиром авиабазы, а самое главное, чтобы он не Думал о десантниках плохо. Мол, обещал рассказать и не сдержал слова. Так вот приехал на базу, а командир на боевом задании в каком-то районе стреляет по душманам. Ладно, думаю, ждать возвращения его из полета не буду, приеду в следующий раз, тем более Павлов уже знал, что наказание за ночной полет ему не грозит. Одним словом, десантники отмазали летчика от наказания, а по-другому и быть не могло. У нас даже форма одежды с летунами была одинаковая, а военно-транспортная авиация обеспечивала все наши тактические учения с десантированием. По рулежным дорожкам и стоянкам потихоньку еду обратно в лагерь. Около одной из стоянок разгружался «Ан-12». Мне показалось знакомым лицо женщины, которая стояла под крылом самолета в окружении афганских солдат. «Останови машину», — сказал механику. Подхожу к самолету. Так и есть, это Наташа. Она обрадовалась моему появлению. Афганцы при виде меня отошли в сторону. «Наташа, что ты здесь делаешь?» На ее лице испуг. «Мы с вами встречаемся в каких-то сложных ситуациях, — ответила она. — Вот и сегодня тоже. Прибыл наш борт, я приехала его разгрузить, а команда для разгрузки задерживается. Экипаж грузовой люк открыл, а сами куда-то ушли. Подходят афганцы и предлагают свои услуги. Они часто помогают разгружать самолеты, за это иногда им перепадает продуктов. Не стала дожидаться своих и согласилась на помощь афганцев. Афганцы стали разгружать, а потом оценили обстановку и давай меня потихоньку заталкивать в центр толпы под крыло самолета». В это время афганцы продолжали наблюдать за нами и почувствовали, что девушка жалуется на них, поспешно ушли от самолета. Далее Наташа сказала, что один солдат на ломаном русском языке подошел к ней вплотную и прямо говорит: «Ханум, афганца хочешь?» От услышанного стало страшно, и я заплакала. Мне и сегодня с вами повезло. Вы как мой защитник, всегда вовремя». Пока мы разговаривали, подъехала машина с командой для разгрузки самолета. Старшим был все тот же капитан, который сопровождал девушку в поездке из Баграма в Кабул. «Капитан, плохо охраняешь девушку», — сказал ему. Наташа рассмеялась и в знак благодарности пригласила меня в очередной раз зайти в гости. Мне показалось, что от услышанного у капитана немного перекосилось лицо.

«Есть что ревновать», — подумал я. Блондинка была всем хороша. Ладно, буду в крепости, обязательно зайду. Блондинка мне на прощание помахала рукой. По дороге размечтался и даже не заметил, как БТРД завернул на территорию роты. Больше в Афганистане я ее не встретил, так и не пришлось воспользоваться приглашением заехать в гости.

В штабе дивизии меня встретил оперативный дежурный Литовцев: «Зайди к Петрякову». — «По какому вопросу?» — «Планируется сбор по подготовке нештатных саперов для батальонов из числа младших офицеров. Возможно, по этому». Кто-то из мудрых военных людей подсказал армейскому руководству: если бы в батальонах был нештатный сапер, то наверняка количество подрывов боевой техники на операциях заметно сократилось бы. Высокие начальники всегда любили что-то новое и, на их взгляд, нужное для дела. Взяли и дали добро на проведение недельного сбора на базе инженерно-саперного полка около Чарикара. Кстати, сбор был нужным, так как во время проведения боевых действий на дорогах случались подрывы техники. В нашу дивизию тоже пришла бумага с требованием выделить и доставить на сбор грех офицеров. Вот, оказывается, по какому вопросу Петряков меня вызывал. И точно, как только зашел к нему, он мне тут же: «Скрынников, завтра утром надо отвезти наших офицеров на сбор в Чарикар». После услышанного у меня возник встречный вопрос: «Какое отношение к сбору саперов имеет начальник разведки? И почему я, а не инженер дивизии должен доставить офицеров на сбор. У меня работы не меньше, чем у него», — продолжал заводиться я. «Ну ты же у нас самый боевой, вот тебя и посылаю», — как бы старался умаслить меня начштаба. В общем, слово за слово, и чуть было дело до ругани не дошло, но вовремя сдержался, все же он мой непосредственный начальник. Вышел из кабинета и от обиды громко хлопнул дверью. За дверью слышу: «Скрынников, вернись». Я про себя ругнулся и пошел к себе в кабинет. Вечером он меня больше не беспокоил, а вот утром уже на официальной ноте ставит мне задачу. Указывает маршрут движения, на каких участках быть более бдительным, порядок поддержания связи и, конечно же, время выезда. Я слушал его с безразличным видом, можно подумать, что от его слов будет зависеть моя безопасность. И надо же, в это время мимо нас проходил дивизионный инженер-подполковник Нагуманов, вот на него, несмотря на присутствие строгого шефа, я спустил собак. «Почему я должен выполнять твою работу?» — «Да, такое решение было принято без меня», — стал оправдываться Нагуманов и посмотрел в сторону Петрякова. Начштаба своим волевым решением прекратил наши дебаты. Пришлось мне с

прикушенными удилами готовиться к выезду. К штабу подвезли трех старлеев. Они уже знали, что едут со мной, и приветствовали меня. «Покурите пока, парни», — а сам позвонил Ленцову. «Саша, пришли мне двух разведчиков, они поедут со мной в Чарикар и обратно». У водителя БРДМ уточнил, заправлена ли машина. «Под завязку», — ответил водитель. Из люка показался солдат, который был назначен пулеметчиком. «Из пулемета стрелял?» — «Нет», — ответил солдат. «Так какого хрена занимаешь место пулеметчика, вылезай!» Подошли разведчики Безрядин и Нижегородов, оба с боевым опытом. Поздоровался с ними и определил им должности, Безрядина усадил за пулемет, а Нижегородова как связиста за радиостанцию. «Саша, связь с ротой есть?» — «Есть». — «Тогда с богом вперед, а то Петряков начнет ворчать».

Через несколько минут выехали на дорогу Кабул — Чарикар. В это время она была не особо запружена афганскими бурбахайками, и часа через два мы подъезжали к расположению инженерно-саперного полка. Разыскал старшего армейского начальника, который будет отвечать за подготовку и проведение сбора. Сдал своих старлеев и собрался было уезжать обратно, смотрю, навстречу идет Трушков, начальник инженерной службы ферганского полка. «Привет, Володя». — «Привет». — «Ты своих привез на сбор?» — «Не только привез, но и сам остаюсь». — «Володя, возьми под свой контроль и наших офицеров. Идите сюда, — пригласил я их. — Вот на протяжении всего сбора он будет вашим начальником. Понятно?» — «Так точно». — «Держитесь все вместе, так будет лучше. Когда закончатся занятия, позвоните в дивизию, чтобы вас отсюда забрали. Учитесь только на «отлично». Офицерам пожелал успехов и погнал обратно в Кабул. Проехал Т-образный перекресток около Баграма и на дороге увидел скопление боевой техники. Справа и слева глубокие кюветы. Вылез из машины и давай распахивать технику. Оказалось, мотострелки проводят операцию в зеленой зоне, а боевую технику оставили на дороге, поэтому дорога и запружена. С трудом, но все же проехал. Дай, думаю, по пути заскочу в Мирбачакот к начальнику милиции Хушальку и уточню разведданные по его району. Ведь все равно надо будет приезжать. Подъезжаю к его резиденции, ворота нараспашку. Что-то не то, думаю, и непохоже, чтобы у Хушалька был такой бардак. Внимательно осматриваюсь, за ворота выходит часовой, знакомый узбек. Узнав меня, берет на караул. «Где начальник?» — «Здесь», — и показывает рукой на здание, — сейчас выезжает в Кабул». Смотрю, точно, мент садится в машину. «Дриш», — кричу ему, он глянулся и машет мне рукой. Я спрыгнул со своей бронированной колымаги, подошел к Хушальку,

поздоровались. «Уезжаешь?» — «Да, в Кабул к руководству, сегодня шеф проводит совещание. Наверно, и мне достанется». — «Удели мне пару минут». — «Не больше». Он быстро ответил на интересующие меня вопросы. Давай поедем одной колонной, а если что, прикроем, предложил я ему. Только проехали Мирбачакот, из виноградника по нам как шандарахнут из гранатомета. Граната ушла от БРДМ вправо и чуть-чуть царапнула багажник, перелетела через дорогу и ударилась в земляной вал. Безрядин видел вспышку, да и дым еще не рассеялся от выстрела, как он давай из крупнокалиберного пулемета поливать свинцом кусты. Хушальк выскочил из машины и тоже из автомата стал строчить. Мы через бойницы по магазину выпустили в том же направлении. Через минуту я в сопровождении Нижегородова, Хушалька и его водителя уже осматривал кусты, из которых нас обстреляли. Осторожно подходим, оружие наготове. Через кусты просматриваются два неподвижных тела. Мент мимо меня нырк за ближайший куст и давай пинать ногами раненого душмана. «Где остальные?» — спрашивает у него. Раненый только мычит, а потом что-то сказал. Не успели мы сообразить, что к чему, а мент бах в духа, и дух готов. Нам стало как-то не по себе. В бою да, а вот к такой расправе мы как-то еще не привыкли. Милиционер, ни слова не говоря, бегом к дому, калитка открыта. Мы за ним в дом. В это время слышим очередь, через мгновение выходит Хушальк и выносит еще один гранатомет. Надо это было видеть, он выносил его торжественно, с улыбкой. Мы сообразили, в кого была произведена очередь. «Можно я заберу гранатометы и покажу своему начальнику?» — «Забирай». Когда мы возвращались к дороге, Александр мне сказал: «Граната все-таки должна была достаться БРДМ». — «Я такого же мнения, Саша, а вообще-то, Восток — дело тонкое». Хушальк понял, что я остался недоволен его расправой над раненым, и около дороги сказал: «Рафик, шакала не надо жалеть. Они за мной охотятся каждую ночь, а я должен их жалеть. Вот хорошо, что ты заехал ко мне сегодня, а то неизвестно, доехал бы я до начальника или нет. Я твой должник. Следующий раз заедешь, плов будем кушать». — «Ладно, Хушальк, мы же люди военные, а за плов заранее благодарю». Конечно, он был честный и отчаянный офицер. Только мы начали осуществлять посадку, подкатила еще одна «Тойота», из нее вышли трое сотрудников Хушалька. Среди приехавших узнал афганца по имени Зуфар, который не так давно подсказал, где его родственник прячет оружие. Он меня тоже узнал и приветливо заулыбался. Капитан подошел к подъехавшим и что-то им сказал. Зуфар сел к нему в машину, а остальных отправил назад. «Как новенький служит?» — «Пока старается. Вспомнил, он ко мне через тебя

попал». Так мы в колонне доехали до Кабула. Не останавливаясь, помахали друг другу, и каждый из нас поехал своей дорогой. В штабе о нашем приключении доложил Петрякову. «Я же знал, кого посылать, а ты артачился». Открыл сейф и дает мне бутылку: «Агузаров тебе приз передал, пока ты ездил в Чарикар, я встретил самолет из Ферганы». — «Спирт?» — «А ты что, уже разучился водку от спирта отличать». Оказывается, моя поездка закончилась получением приза от начальника штаба дивизии, который передал мне мой друг из Ферганы, но самое главное, что все хорошо закончилось. А вполне возможно, что фортуна могла бы сегодня совсем другим боком повернуться к нам, разведчикам, а приз был бы предназначен для другого случая.

На выходе из штаба нос в нос столкнулся с полковником Красным. Мы за глаза его называли Папа Красный, а он действительно по возрасту был для нас как отец, тем более участник Великой Отечественной войны. «Послушай, разведчик, завтра еду в штаб армии, хотелось бы какой-нибудь сувенир начальнику привезти. Знаю, у твоих разведчиков все есть». — «А что бы вы хотели?» — «Э... а что есть? Английский штык, кавалерийский винчестер. Если не жалко, то штык, а винчестер — это огнестрельное оружие. Мой генерал — тыловая крыса, может, с оружием не умеет обращаться. Так что пусть штык мне принесет Андрейчук». — «Сейчас позвоню в роту, и старшина вам сувенир принесет». — «Ну вот и ладненько, спасибо тебе, Скрынников», — и пошел к себе в штабную бочку. Наконец и я пришел в комнату. Народ готовился к ужину. Без лишних слов бутылку на стол. «Где ты ее взял?» — «Это приз за сегодняшние удачные боевые действия». — «Тогда банкуи, чего ждешь», — заволновался народ. Бутылку разлили поровну на шестерых. «Ну, давай за твою удачу, — сказал Хамаганов. — Сегодня я был у армейских медиков, так с их слов, нас ждут жаркие дела», — продолжал Вячеслав.

И действительно, вскорости начались частые выходы на боевые действия. Фортуна, предшествующая началу летней кампании, была как-то неблагосклонна ко мне. Вернее, к моим друзьям, а также подчиненным по совместной службе в Фергане. Первая тень, подобно коварной сказочной птице, пронеслась над моим другом Хабаровым в районе Панджшерского ущелья неподалеку от пакистанской границы. Его батальону в этой операции отводилась нелегкая задача: по одному из ущелий, которых было полно по соседству со знаменитым Панджшерским, выйти к кишлаку. По агентурным данным, в кишлаке находилась перевалочная база, которая обеспечивала всем необходимым банды, орудующие в северо-западных провинциях Афганистана. Здесь же находили отдых и банды после своих

вылазок на большой дороге, а также группы мятежников из Пакистана после длительного перехода по горам, чтобы после отдыха направляться в нужные провинции. По этому району проходили наиболее короткие и удобные маршруты по доставке оружия и боеприпасов в самую горную и северную провинцию Афганистана — Бадахшан. Однако не все было благополучно в этом районе, часто был слышен стон и плач местного населения, которому доставалось от мятежников. Конечно, основная масса населения поддерживала режим Шах Масуда, но были и те, которые не соглашались с действиями душманов. Сюда же стекались и ценности, награбленные во время нападений на колонны, перевозящие народно-хозяйственные грузы. В этом районе также были несметные залежи полезных ископаемых, а также цветных металлов, что и делало привлекательным район и непосредственно ущелье. Одним словом, игра стоила свеч. Вот эту базу и должен был захватить батальон Хабарова и на какое-то время положить конец свободному хождению банд по горам. Выполнение этой задачи требовало и большой физической подготовки от солдата.

Сначала ехали на боевых машинах, затем дороги не стало. Осталось только направление движения по горным тропам. Шли по этим тропам около тридцати километров, почти до пакистанской границы. Сам по себе маршрут был тяжелым и вдобавок проходил по району, который полностью контролировался людьми Масуда. Шли осторожно, в готовности вступить в бой. По возможности старались идти по теневой стороне ущелья. Леонид вспомнил ферганские горы, когда он был командиром разведвзвода. Вспомнил альпинистов, которые вкладывали всю душу в горную подготовку разведчиков, и показательные занятия, в которых сам не раз принимал участие. Вспомнил частые восхождения на горные вершины. Пожалел об одном, что рядом нет тех парней, с которыми он обучался горной подготовке в Ферганской дивизии, и учителей-альпинистов. Через некоторое время отогнал навязчивые мысли и запросил охранение. «Пока спокойно», — был ответ. Он сам с тревогой всматривался в вершины и этого же требовал от разведчиков. Хабаров знал, от зорких глаз горных людей трудно скрыться, поэтому в батальоне соблюдались все меры предосторожности. Тем не менее как ни маскировались, но все же нет-нет да и происходили короткие стычки с мелкими — группами душманов и наблюдательными постами, которые располагались на высотах. Пока батальон удачно, не задерживаясь, сбивал мелкие очаги сопротивления душманов. Капитан Хмель, начальник штаба батальона, регулярно запрашивал обстановку у ротных, и комбат был в курсе дел и мог

оперативно влиять на неожиданно возникающую ситуацию. Вот и сейчас Алексей доложил комбату о том, что боковое охранение завязало бой с небольшой группой мятежников, но духи заняли выгодную позицию на высоте и держат под обстрелом большую площадь. Ротный, от которого зависело боковое охранение, не раз бывал в таких переплетах, вот и сейчас, используя складки местности, одному взводу удалось незаметно зайти в тыл противнику и забросать его позиции ручными гранатами. Позднее командиры поймут, с этой высоты духовское охранение контролировало пересечение горных троп, которые вели на север, юг, запад и восток, своеобразный стратегический узел. Устойчивая связь у комбата была и с комбригом, который уж очень часто запрашивал обстановку в батальоне. Порой это отвлекало командира от управления батальоном, но субординация была, есть и будет. Пришлось и на этот раз вести разговор с Плохих (это фамилия у комбрига такая), а сам по себе он был нормальным командиром, и ему тоже хотелось быть в курсе обстановки, которая складывалась в батальонах, тем более когда стреляют с обеих сторон. Хабаров понимал комбрига. Его тоже армия постоянно с обстановкой тербит. Комбрига я знал еще с тех пор, когда он командовал полком в Чирчике. В это время высоко над горами в направлении на юг прошла пара боевых вертушек. У авианаводчика появилась возможность проверить связь. Запросил, и ему тут же ответили. «Полетели бомбить какой-то объект в Панджшере», — сказал авианаводчик. То, что есть устойчивая связь с авиацией, радовало комбата. Хабаров со своими заместителями немного поколдовали и над картой, сверили ее с местностью. Карты давно требовали уточнения, но других пока не было, и с этим приходилось мириться. До объекта уже рукой подать. Батальон в движении находился около пяти часов. Людям нужен небольшой отдых перед решительными действиями. Комбат связался с боевым разведывательным дозором, которым командовал лейтенант Мельников. Взводный доложил, что обстановка пока не вызывает подозрений и он ее держит под контролем, а до объекта, по всем признакам, не более двух километров. Леонид разрешил разведчикам занять выгодную позицию и сделать передышку, но бдительности не терять и быть постоянно на связи. Лейтенант у комбата за смелость и тактическую смекалку был на особом счету. «Вот вернемся после операции на базу, надо будет выдвигать взводного на повышение. Парень давно заслужил повышение по службе, это я все как-то за мирской суетой оттягивал», — подумал комбат. Подозвал к себе заместителей, Хмеля и Бруева: «Давайте уточним наше положение на местности, как лучше выйти к объекту захвата». Внимательно выслушал каждого,

высказал свое мнение, как лучше выполнить задачу, и добавил, по тропам дальше не пойдем, возможно, будут мины и очаги сопротивления, будем придерживаться общего направления на объект. Начальник штаба по радио уточнил ротным порядок выполнения задачи и тут же протягивает трубку: «Комбриг на проводе». — «Как он не вовремя», — проворчал про себя комбат. Но комбриг есть комбриг. «Доложите, как у вас дела, комбат?» Пришлось от темы отвлечься и рассказать Плохих, где на данный момент находится батальон и какие его дальнейшие действия. Командир утвердил задачу батальона и дал добро на дальнейшие боевые действия. Комбат пользовался авторитетом у комбрига, и это тоже накладывало своеобразный отпечаток на их взаимоотношения. Хабарову он доверял самые ответственные задачи. После разговора с комбригом комбат сказал: «Ну что, парни, начинаем движение. Хмель, давай команду ротам на продвижение вперед». После непродолжительного привала личный состав приободрился, шагал и вверх, вниз веселее. Батальон с приближением к объекту принял предбоевой порядок. Леонид видел, что центральной роте достался самый тяжелый участок местности: почти отвесные скалы, и она начала отставать от других подразделений. Пришлось дать команду остальным не спешить с движением. Так продолжалось минут тридцать. Наконец рота достигла вершины, и движение вновь ускорилося. Вдруг комбат услышал впереди стрельбу. И тут же на связь вышел Мельников. «Веду бой с группой мятежников. Обстреливают с ближайшей высоты, которая по ходу левее нас». Хабаров с ходу: «Бруев, остаешься за меня», — а сам с несколькими солдатами стал быстро выдвигаться к разведчикам. Впереди стрельба не утихала. Левее разведчиков виднелась высокая отвесная скала высотой метров двести. Вот оттуда душманы и вели огонь по взводу Мельникова. До взвода оставалось метров триста, но местность была, как назло, почти открытая. Пришлось короткими перебежками под огнем противника преодолевать эти опасные метры. Ну, вот он уже около лейтенанта. «Давай, дружище, уточним на местности огневые точки духов. Вон на скале с темным пятном позиция крупнокалиберного пулемета». В подтверждение сказанному душман полоснул из пулемета по десантникам длинной очередью. Кругом засвистели и зацокали пули, поднимая фонтаны вонючей пыли. Голову поднимать не хотелось. Через какие-то доли секунды огонь прекратился. «Лейтенант, давай связь со штабом батальона», — а пока комбат, пользуясь паузой между стрельбой, внимательно осмотрел гору. «Сволочи, удобную позицию выбрали», — ругнулся командир. Пока ставил задачу Бруеву на уничтожение духов ротой, которая идет по этой же горе, душманы, не будь дураками, успели

вычислить командира, связиста и давай с новой силой обстреливать десантников. На вершине зарычал ДШК, разрывные пули защелкали совсем рядом. «Мельников, уводи группу из-под обстрела, а мы вас прикроем». Солдаты стремительными перебежками сменили позицию и, в свою очередь, усилили огонь по душманам. Сменил позицию и комбат со своей группой. Осторожно осмотрел высоту. Левее позиции душманов он увидел своих солдат, которые от укрытия к укрытию осторожно приближались к мятежникам. Рядом взводный указывал своим парням все новые и новые цели и не только указывал, но и давал команды на их уничтожение. «Во дает, лейтенант, в смелости ему не откажешь», — подумал комбат. И правда, огонь духов стал менее плотным. Вдруг Хабаров услышал голос недалеко находящегося от него солдата: «Товарищ майор, лейтенанта убили». Командир от такого сообщения вздрогнул и стремительными перебежками бросился к тому месту, где была позиция лейтенанта. От ярости на душманов на какие-то доли секунды потерял осторожность. До лейтенанта оставалось шагов всего несколько, и в это время Леонид почувствовал сильнейший удар в руку выше локтя. Интуитивно залег и тотчас сам себе сказал: «Попали, гады». Какая-то невидимая сила стала сжимать руку, и он почувствовал сильную боль в предплечье. Десантники видели, как их командир неловко падал на землю. Видавшие виды солдаты поняли: с комбатом что-то случилось. Сознание стало оставлять его, но он все же попытался собраться с силами и подползти к лейтенанту. Новый приступ боли вынудил его отказаться от этого. Он смутно слышал глухие разрывы и сильную стрельбу роты, которая наверху уничтожала душманов на их же позициях. Санинструктор перебинтовал его раненую руку. Комбат старался улыбнуться солдатам, которые подходили к нему. О том, что комбат ранен, знал практически уже весь батальон. Подошли заместители, он попытался встать, но подоспевший врач батальона запретил. «Здесь команду я. Лежите спокойно, вертолет вызвали, с минуты на минуту он будет здесь». — «Что с лейтенантом?» — спросил Хабаров. «К сожалению, Мельников погиб», — ответил Хмель. Этот ответ словно молотом шарахнул ему под сердце. Несколько минут он молчал, а затем спросил: «Где Бруев?» — «Я здесь, командир». — «Принимай батальон, операцию не сворачивай, продолжай выполнять задачу по уничтожению душманской базы. Я, вот видишь, вышел из строя, — виновато улыбнулся Леонид. — Лейтенанта не уберегли, жалко, из него получился бы хороший ротный. Алексей! Передай комбригу, что батальон выполняет поставленную задачу». Он услышал шум приближающегося вертолета, и через секунду винтокрылая машина,

поднимая клубы пыли, мягко приземлилась неподалеку от Хабарова. Десантники бережно положили на носилки тело лейтенанта и погрузили в вертолет, а затем помогли комбату. Леонид, прежде чем зайти в вертолет, обернулся, помахал рукой солдатам и офицерам. В кабине прижался головой к иллюминатору, в это время вертолет взмыл вверх, а он еще долго смотрел вниз, туда, где остался его батальон. Какая-то пелена то ли от тоски, то ли от боли застилала глаза. Потом он перевел взгляд на тело молодого лейтенанта, которому не суждено было дожить до новых должностей и до встречи с родными и друзьями. Как комбат ни старался крепиться, а укол, который перед вылетом сделал ему врач, делал свое дело, и командир потихоньку забылся. Очнулся он на аэродроме, когда вертолет трясся на металлических плитах, вырубивал к стоянке, где его уже дожидался санитарный автомобиль. Весть о том, что Хабаров ранен и его доставили на аэродром, мне сообщил Качанов. Мы быстро помчались на стоянку, куда, как правило, из района боевых действий доставляли раненых и погибших. Вертолет был пустой. «Где раненый?» — спросили У летчиков. — «Только что увезли в медсанбат». Мы следом в медсанбат. Зашли в палатку к Русанову. «Батька, привет. Только что привезли раненого из района боевых действий, где он?» — «Сын, ты где находишься? В медсанбате. Вот поэтому не шуми». — «Ладно, батька, где Хабаров? Это же наш друг».

«Пойдем посмотрим, как дела у вашего друга». Зашли в палатку. Хабаров уже с обработанной рукой, напичканный лекарствами, лежит на носилках, справа и слева от него тоже раненые. Леня под воздействием лекарств с трудом узнал нас, но вспомнил про оставленный батальон, попросил меня позвонить в бригаду и узнать, как дела. Пока Анатолий отвлекал его разговором, я бегом в штаб, позвонил в Кундуз, разузнал все про хабаровский батальон и назад в медсанбат. Комбат немножко отошел от лекарств и даже заметно приободрился от новости, что батальон задачу успешно выполнил и возвращается к месту посадки на боевые машины. Мы еще долго забавляли его разговором, пока медсестра не попросила нас оставить раненого в покое. Пожелав комбату доброго здоровья, мы вышли из палатки: На следующее утро на аэродроме проводили Хабарова в Москву. Определили его в госпиталь им. Бурденко. Ранение у Лени было очень тяжелое.

Месяца через два я возвращался из отпуска. В Афганистан возвращался с большим нежеланием, как кролик в пасть удава. Отпуск, как всегда, пролетел очень быстро и незаметно. Да по-другому летом, а тем более при родителях, друзьях, и не бывает. И вот подкрался тот день, когда

тяжесть тоски навалилась на меня подобно той, которую испытывал в прошлом году. Только с каждым годом это переносить становилось все тяжелее и тяжелее. Конечно, нет смысла себя сравнивать с античным героем, который на своих плечах держит край земли, но все же моральная и душевная тяжесть в такие минуты бывает очень сильной. Ну, уж очень не хотелось расставаться с женой, сыном, родителями и уезжать в далекую, а тем более совсем чужую страну, где вдобавок еще и стреляют. Подкрадывалась нехорошая мысль, а смогу ли я их снова увидеть. И тут же сплюнул через левое плечо и от себя отогнал эту дурацкую мысль. Служба в той стране была далеко не похожа на службу в чужих странах, которые назывались советскими группами войск за границей. Там офицеры за свою ратную службу имели огромные блага. Мы же видели одну и ту же картину каждый день: горы, зной, холод, боевые действия, переживания за своих друзей и подчиненных. Нас в Союзе даже как-то называли «ограниченный контингент», а ведь и правда, мы были ограничены абсолютно во всем. На бытовом уровне офицеры часто поругивали свое правительство, но не больше, и продолжали честно выполнять воинский долг. Вот и я, оставив семью в Белоруссии, летел в сторону Азии, а конкретнее в Фергану через столицу нашей Родины. В Москве мне даже удалось с Хабаровым повидаться. Время было неприятное, но мне, как участнику боевых действий, пошли навстречу. Позвонили в палату, и Хабаров подошел к воротам. Меня через проходную на территорию госпиталя не пропустили. Через чугунные ворота, как смогли, обнялись. Мы оба были рады видеть друг друга. Говорили минут пять, не больше, подошла дежурная медсестра и вежливо меня попросила не задерживать больного, так как ему предстоят процедуры. «Ну, Леня, быстрее выздоравливай». — «А ты берегись в Афганистане».

Встретились мы с ним спустя несколько лет, когда он учился на заочном факультете в Академии им. Фрунзе. В Фергане пару дней с Агузаровым покуролесили. У авиаторов уточнил время вылета борта на Кабул и стал собираться за бугор. Теща напекла в дорогу всяких пирожков. Самолеты в летнее время в Афганистан улетали рано утром, по прохладце, так машинам было легче. Накануне встретился с Ливинским, военным комендантом города, он обещал прислать служебную машину, которая и отвезет меня на аэродром. Утром в Афган вылетали два борта, один на Кабул, другой в Баграм. Оба экипажа были мне знакомы. Стоим около самолета, разговариваем о том о сем, о службе на чужбине. Подъехал командир корабля: «Ждем начальника политотдела, он полетит вместо правого летчика». С начальником политотдела полка я тоже был знаком. В

это время к самолету подъехали еще несколько пассажиров. Во время разговора не заметили, как подкатил «уазик», из него вышел начполка. Экипаж построился, а мы, пассажиры, встали несколько левее. Так было принято У авиаторов перед вылетом. Командир доложил о готовности к вылету. И надо же, в это время мимо нас ко второму борту проходил майор Шаронов, командир корабля. Он был из Сибири, заядлый охотник. Когда служил в Фергане, мы часто с ним в выходные заходили в стрелковый тир ДОСААФ, где соревновались в первенстве по стрельбе. Надо ему отдать должное, он частенько перестреливал меня. Я самостоятельно вышел из строя и подошел к нему, начпо мое самовольство не понравилось, правда, это дошло до меня немного позже. Пока мы разговаривали, была подана команда: «По местам», и я поспешил к самолету. Однако прямо перед моим носом техник убрал трап и закрыл дверь. «Эй вы там, а как же я?» — что есть мочи пришлось заорать. Авиатор, который провожал самолет, рассказал: «Начпо сказал, пусть этот подполковник, то есть я, летит в Кабул через Баграм». Разозлился я здорово, лечу, что ли, на Черное море, забежал вперед самолета, показываю ему кулак и обзываю его нехорошими словами. А он, редиска такая, сидит за штурвалом и делает вид, что не замечает меня. Пришлось с сумкой тащиться к борту Шаронова. «Миша, ты на нашего начпо не серчай, он у нас не от мира сего. Мы ждем не дождемся, когда его куда-нибудь на повышение отправят». Я расположился в гермокабине, и минут через двадцать лету под крылом самолета появился знакомый горный пейзаж серо-зеленого цвета. Через пару минут пейзаж начинает резко меняться. Внизу появились горные вершины, одетые в белоснежные шапки, и поневоле начинаешь щурить глаза от света, который отражается от снега. Пока глаза привыкают к яркому свету, пейзаж начинает меняться, и снова под крылом появляются серо-зеленые горы. Под днищем самолета что-то гроыхнуло, от неожиданности вздрогнул. Потом дошло, да это же выпустились шасси. Через минуту-другую за иллюминаторами замелькали капониры для самолетов, а затем и командный пункт аэродрома. Самолет зарулил на стоянку недалеко от штаба полка десантников-ферганцев. Вышел на трап и сразу вдохнул в легкие похожий на ферганский чрезмерно сухой воздух. Пока летели, воздух успел прогреться. Внизу у трапа стоял Жуков, заместитель командира полка по тылу. «Здорово, Михаил, с прилетом на землю обетованную — с улыбкой произнес Вячеслав. — Как поживает Фергана?» — «Привет, Слава, стоит Фергана и ждет возвращения своих героев». Пока со знакомыми тары, бары, прозевали единственный рейс на Кабул. Пришлось заночевать у ферганцев. К этому времени Манюта, Алиев и

Ливинский уехали поступать в академию. В полку из моих бывших подчиненных оставались Попов и Шатский. Никифоров по замене убыл в Тульскую дивизию. Петрякова заблаговременно предупредил, чтобы не считал меня дезертиром, что нахожусь в Баграме. Вечером, само собой разумеется, выставил бутылку на стол. Во время ужина в бункер Жукова — а я на ночлег разместился именно у него — зашел незнакомый майор. «Миша, знакомься, заместитель командира полка Павел Грачев». В дальнейшем мы с Грачевым сохранили хорошие взаимоотношения, вплоть до того, как его Ельцин снял с должности министра обороны. Да и после мы несколько раз встречались, но в основном связь поддерживали только по телефону. Затем по каким-то причинам он ушел в тень. Последний раз мы с ним встречались на похоронах Подколзина, командующего ВДВ. Кстати, он заменил Павла на должности командующего ВДВ, который ушел в Министерство обороны. Во время дружеской беседы Вячеслав меня спросил: «А ты в курсе, что у нас недавно погиб Дима Антонюк?» От услышанного я вздрогнул: Дима был хорошим взводным в разведроте, а затем помощником начальника штаба полка. «А когда и где это случилось?» — спросил я. «В прошлом месяце Два батальона совместно с мотострелками привлекались севернее Чарикара, недалеко от Панджшерского ущелья, на боевые действия. Дима исполнял обязанности начальника разведки полка. Два кишлака от духов зачистили без проблем, и далее группировка стала перемещаться в новый район. Двигались подразделения по двум маршрутам. Одну Разведгруппу возглавил Антонюк. Правда, зачем ему это нужно было, мы до сих пор не поймем», — ответил Вячеслав. «И не поймете. Когда возникала сложная обстановка, лучше быть самому на острие ножа, чтобы потом было легче людям в глаза смотреть». — «На дороге, которая проходила мимо виноградника, саперы сняли противотанковую мину, и разведчики как бы получили подсказку — всем быть начеку. За виноградным полем виднелся кишлак, домов семь не более, а вокруг него, как оказалось, был сплошной виноградник, недавно залитый водой. Одним словом, кишлак стороной не обойти. Дорога петляла, как змея, а слева и справа арыки, заполненные водой, и огромные деревья, мешающие вести наблюдение и движению техники. Подъехали к подозрительному месту. Саперы стали прощупывать дорогу, в такой обстановке разведчики, как правило, вынуждены спешиваться и прикрывать действия саперов. В это время Кузнецов, командир полка, запросил у разведчиков обстановку. Антонюку пришлось доложить командиру, что происходит вокруг. В этот момент все и началось. Стреляли душманы с двух сторон. Особенно сильный огонь был из-за

дальнего разрушенного дувала. Разведчики и саперы моментально выполнили команду к бою и в ответ стали вести огонь по душманам. К стрельбе подключились боевые машины. В такой ситуации Дима выскочил из боевой машины и стремглав помчался к разведчикам. Не добежал каких-то десяти метров, угодил под пулю, а ведь мог и по радио узнать, что там делается. Банду окружили и уничтожили, всех одиннадцать человек во главе со старшим, но в этом бою потеряли и Диму, славного разведчика. Давайте помянем Антонюка», — подключился к разговору Грачев.

Утром следующего дня поблагодарил ферганцев за ночлег и на вертолете перелетел в Кабул. На аэродроме меня дожидались Ленцов и старшина роты Андрейчук. После приветствия справился у них о положении дел в роте. Поделится частью гостинцев, которые мне напекла в дорогу теща. Товарищи по оружию были рады моему возвращению. Засиделись за разговором допоздна. Под утро проснулся от знакомого и противного запаха пыли. За окнами бушевал «афганец», который беспредельничал почти до обеда. Слышно было, как на узле связи металлические части антенн раскачивались от ветра и звенели. Правда, к подъему ветер немного стих, но пыль еще витала в воздухе. После завтрака зашел в рабочий кабинет. Там уже Павлов и Баранов трудились над оформлением какого-то армейского документа. Павлов рассказал, в каких боевых операциях участвовали разведчики, и одновременно показывал отработанные документы. Павлов сказал, что он имел неосторожность доложить в армию некоторые предположительные выводы по результатам наблюдения дивизионных разведчиков. «В армии не стали долго гадать, что к чему, а составили распоряжение и в дивизию послали. Вот это распоряжение», — и протягивает мне документ. Читаю. В таком-то районе, по агентурным данным, в ночное время отмечается передвижение мелких групп мятежников в направлении дороги Кабул — Чарикар для проведения диверсионных действий. Поэтому необходимо провести доразведку и на примерных путях движения банд организовать засаду, о результатах доложить. «Да, Геннадий Васильевич, подкинул ты нам работу». — «Ну, кто же знал, что они это дело нам и поручат». — «Естественно, мотострелки в нашей зоне ответственности за нас работу выполнять не будут», — сказал Баранов. «Правильно, Юра, другие на нас работать не будут». В конце документа резолюция Петрякова: «Начальнику разведки в темное время суток силами дивизионной разведроты провести мероприятие». Решили обсудить план предстоящей операции. Район для нас не новый, хорошо изучен за долгое время пребывания на аэродроме. Рота должна в темное время перейти перевал Паймунар, далее по оврагу

выйти в район боевых действий и на возможных путях выдвижения мятежников организовать засаду. Бронегруппу держать в готовности для оказания при необходимости огневой поддержки и своевременной эвакуации разведчиков. «Юра, передай в полк Чиндарову, чтобы он с завтрашнего дня одной из групп разведроты подменил дивизионных разведчиков на горе Ходжа-Раваш на пару суток. Ну что, план в таком виде представляю Петрякову на утверждение и будем готовить роту к ночным действиям?» И тут мои помощники в один голос: «Завтра на Витебск планируется прямой рейс, а мы еще не были в отпуске». Да я и сам нутром чую, на кой хрен нужна им эта операция, когда у них настроение скорректировано на отпуск. Тем более прямой рейс до самого Витебска. Им же нужно в Кабуле немного прибарахлиться. «Ладно, мужики, привет семьям, готовьтесь к отпуску, а я пошел в роту к Ленцову». В роте побеседовал с личным составом по поводу предстоящей ночной операции, затем офицеров пригласил в командирскую палатку. Довел до них свой замысел ночного мероприятия. Выслушал мнение некоторых лейтенантов. В палатку вошел старшина и попросил разрешения присутствовать. Совместно выработали план действий, вернее, уточнили некоторые детали организации засады более подробно, а также наметили маршрут движения роты. После преодоления перевала рота по складкам местности обходит виноградник и ближайшее кочевье, затем спускается в овраг и по нему осторожно выходит в район организации засады. «Все, товарищи офицеры, план утверждается, готовьте личный состав к ночным действиям». Мы еще и еще раз проиграли на макете местности порядок взаимодействия, маршрут движения, и только после этого разведчики стали готовиться к заданию. У нас существовала некоторая договоренность с кочевниками, вернее с их старейшинами о том, чтобы они не вступали в контакт с душманами, ну а если таковой произошел, то сразу об этом надо сообщить Залмаю, хозяину этого района. У нас к кочевникам было одно требование, хотите пасти свой скот в нашей зоне, выполняйте наши требования, в противном случае эта территория будет для вас закрыта. Кочевники придерживались наших требований. Беда была в другом. Мятежники жили по своим правилам. Хочешь, старейшина, жить, не водись с шурави. И вот как быть в такой ситуации кочевнику? Жизнь, конечно, им была дороже данных нам обещаний.

Поэтому информация от кочевников поступала крайне редко.

С вершины горы жилища кочевников на местности просматривались темными пятнами, а на самом деле это несколько палаток из козьих шкур или войлока. Рядом играют грязные ребятишки. Тут же женщины,

делающие из козьего молока сыр, да пара огромных собак, лениво отдыхающих в тени палаток. Мужчины практически отсутствуют, по крайней мере в дневное время. Некоторые из них пасут скот. Часть молодых мужчин еще в Пакистане была рекрутирована в учебные лагеря, своеобразная людская квота, которую вожди племен должны выделять душманам. Некоторым удастся найти сезонную работу в Афганистане. Несколько людей, по моим сведениям, работали на Кабульском домостроительном комбинате. На следующее утро, проводив своих помощников, улетающих в Витебск, направился в роту. Вмешиваться в работу офицеров не стал. На мой взгляд, подготовка шла по плану. Ближе к вечеру отправился в роту. В установленное время, после проверки радиосвязи рота во главе с Ленцовым направилась в сторону перевала. Через перевал проходила тропа, которой пользовались рабочие, проживающие в кишлаках на другой стороне перевала. Одни работали на домостроительном комбинате, другие обжигали кирпич в примитивных доменных печах. В январе восьмидесятого года свободное хождение через перевал было прекращено. Поводом послужили два случая, первый раз была обнаружена самодельная мина, а второй — перевал был обстрелян из миномета малого калибра.

Вот по этой тропе разведчики преодолеют перевал и спустятся в долину. Выждав некоторое время, я вывел бронегруппу на окраину кишлака Тарахейль. Поднялся на высотку, на которой было боевое охранение от батальона 350-го полка. С этой высотки просматривалась именно та часть долины, где будут работать разведчики. Предупредил старшего, чтобы были начеку. Спустился к боевым машинам, поинтересовался у Тютвина обстановкой. Ротный докладывает, что они еще в движении — вышли в указанный район, организовали засаду и терпеливо ждут. «Ладно, будь постоянно на связи». Решил пройтись вдоль колонны, а заодно проверить боевую готовность механиков-водителей. Во всех машинах из люков торчат головы в шлемофонах. Один из механиков говорит: «Не спим мы». — «Миша, а разве я подумал о вас плохо. Куликов, а ты из орудия стрелять умеешь?» — «Конечно, товарищ подполковник». — «А из пулемета?» — «Запросто». На фоне слабого освещения аэропорта увидел быстро бегущего вниз человека. Около головной машины остановился: «Там трассеры летают», и показывает рукой в сторону долины. «Спасибо, иди к своим. Николай, дай шлемофон». Только надел шлемофон, в наушниках громко щелкнуло, и тут же услышал взволнованный голос Ленцова: «Веду бой, ждем боевые машины». — «Держись, выезжаю, — ответил ему. — Заводи и давай немного выше

дороги, чтобы меньше было пыли, да и меньшая вероятность вне дороги поймать мину, ведем колонну к месту боя». Обогнули гору и напрямую через кишлак Паймунар выехали в долину. Трассеры продолжали летать по всему небу. Издалека это было похоже на праздничный фейерверк. Минут через пять колонна вдоль оврага прибыла в предполагаемый район засады. Вызываю на связь ротного: «Ты где?» — «Мы вас наблюдаем, разверните технику в линию машин». Выполнил его просьбу, развернул боевые машины в линию. Метров через сто свет машин вырвал из темноты группу разведчиков, которые выходили из своих укрытий и направлялись к нам. Левее показалась еще одна группа, и вдруг она залегла, тотчас густой пучок трассеров улетел в сторону оврага. Залегли и остальные разведчики, но не стреляли. Три боевые машины подошли к оврагу и осветили противоположный берег, а для убедительности полоснули по берегу из пулеметов. Тем не менее через короткое время разведчики в полном составе собрались около техники. Даже со стороны было заметно, что парни взволнованы. Они выиграли свой очередной бой. Долго канителиться не стали, проверили людей, оружие и по машинам. Потом я внимательно выслушал отчет Ленцова. В темное время преодолев перевал, рота спустилась в долину и по оврагу где-то часа через два вышла в район организации засады. Место выбрали удачно. Севернее небольшого кишлака Поли-Санги сходились две проселочные дороги, и далее дорога через овраг уходила к зеленой зоне в сторону автотрассы Кабул — Баграм. Вот по этой самой проселочной дороге и выходили душманы к автомагистрали. Метрах в восьмистах от кишлака было виноградное поле, огороженное старым полуразваленным дувалом. За дувалом была хорошо протоптанная тропа. Группа Карпеченко заняла позицию на противоположной стороне дувала. Группа Перкова немного дальше, метров на восемьдесят, в лощине, фронтом к так называемому слиянию дорог. Фланги группы Карпеченко прикрыли парными секретами. Лежат разведчики час, другой — кругом тишина. Прошло немного времени, и разведчики Карпеченко услышали: со стороны кишлака Паймунар скрип, напоминающий скрип старого велосипеда, и блуждающий тусклый свет. Потом выяснилось, что это был действительно свет от фар велосипедов. Звук усиливался, ротный навел прицел на шум, и вскоре в прицеле появились две фигуры велосипедистов. Ленцов пытался рассмотреть, есть ли у них оружие. Да, у каждого за спиной торчал ствол. Командир передернул затвор автомата с прицелом для бесшумной стрельбы, но стрелять не стал. Велосипедисты были в створе с группой Перкова и ближнего кочевья. «Да, может возникнуть серьезная ситуация, — сказал Ленцов. — Если они догадались о нашем присутствии,

возможно, следует ожидать появление здесь банды». — «Если велосипедисты вернутся, будем брать живыми», — распорядился ротный, потом определил группу захвата: Безрядин, он же старший, с ним Веретин и Михайлов. Место для захвата выбрали почти у самого дувала, здесь тропинка почти рядом. Оговорили порядок действий: с появлением велосипедистов парни мгновенно их сбивают на землю, пока те не опомнились, перекидывают через дувал прямо в руки остальных разведчиков. Трое разведчиков долго лежали, прислушиваясь в темноте. Уже перевалило за полночь, когда старший секрета Любкевич услышал какой-то подозрительный шум. Оказалось, топот ног большой толпы. «На подходе большая группа людей», — доложили ребята командиру. Шли душманы смело, открыто, не подозревая, что на их пути засада. Впереди шла группа, человек пять-шесть, сзади еще человек тридцать, замыкали боевой порядок банды человек десять. Разведчики быстро собрались вокруг командира в ожидании его решения. «Ну что, народ, принимаем бой?» — «Гранатами их надо закидать», — шепнул Карпеченко. Ротный командует: «Подготовить гранаты, — и тут же связисту Пиминову: — Вызывай на связь начальника разведки, — а Мухамедгарипову объяснил: — Как только мы бросим гранаты, ты запускаешь осветительную ракету для подсветки местности. Понял?» — «Так точно». Показались первые силуэты, банда нарушила боевой порядок, все шли одной большой толпой. Вот в это скопище и полетело десятка два гранат. Одновременно в небо взметнулась осветительная ракета. И тут же местность осветилась, было заметно, как уцелевшие духи заматались, пытаясь унести ноги. Немногим удалось уйти в темень. Густой пучок трассирующих пуль прошил, неся с собой смерть, местность, на которой металась уцелевшая банда, и, ударившись о землю, стремительно улетел в темное небо. Часть уцелевших духов бросилась в сторону группы Перкова. Те тоже ударили по душманам со всех стволов. Казалось, с бандой покончено. Разведчики вздохнули спокойно, но вдруг за виноградником начался обстрел десантников. Оказалось, на подходе еще одна банда. Разведчики в темноте перемахнули через дувал и пошли на соединение с группой Перкова. В спешке произошел казус, связист около дувала забыл радиостанцию. «Хорошо, что успел вызвать бронегруппу», — в сердцах обронил ротный. Выручили Карпеченко, Безрядин и Веретин. Они метнулись обратно к дувалу, за которым были слышны стоны раненых. Карпеченко с Безрядиным открывают огонь по душманам. Банда в темноте потеряла след разведчиков и сосредоточила свои усилия в направлении оврага, но команды и стрельба не прекращалась. В это время разведчики услышали радостный голос

Карпеченко: «Из Паймунара выходит наша колонна, вижу огни». На радостях со всех стволов ударили в сторону мятежников. Духи в темноте разобрались, где шурави, и сосредоточили огонь в их направлении. С приближением колонны активность стрельбы со стороны душманов снизилась, а затем и вовсе прекратилась. Духам стало ясно, что пора линять в горы. Сильная стрельба всполошила всю округу, а у многих стоянок кочевники жгли костры, чтобы обозначить себя, слышен был лай собак, но разведчиков это больше не беспокоило. Они свое дело сделали, пора домой. Потерь нет, задание выполнено успешно.

Утром проснулся около десяти. Вот это даванул и даже завтрак свой проспал! Дошел до кабинета начальника. Шеф явно был чем-то расстроен и подробный доклад не стал слушать, только выяснил, нет ли потерь. «Что случилось, Николай Васильевич?» — «Ты знаешь, Миша, мне кажется, что меня с генеральской должностью кинули». — «Откуда такая информация?» — «Вчера вечером Володя Харченко позвонил, что по кабинетам штаба ВДВ гуляют всякие бредни. То ли быть преемственности в дивизии, то ли нет, но ты руки не опускай и надейся на лучшее. Лучше бы и не звонил, только настроение испортил. Да и кадровики мне все позванивали, мол, Николай, все будет в порядке. На хрен тогда было обещать должность комдива, — распалял себя шеф. — Наверное, буду уходить из ВДВ куда-нибудь в спокойный областной военкомат». Утешить я его не мог. Пошел в рабочую комнату оперативного дежурного, чтобы доложить в армию генералу Дунцу о результатах операции. Генерал внимательно слушал. Он человек спокойный, внимательный и рассудительный, по крайней мере ко мне относился по-доброму. Когда бывал в роте, раза три-четыре, не больше, всегда говорил: «Михаил, можно в баньке искупаться?». Сейчас предупредил меня, что на следующую неделю для десантников спланированы боевые действия севернее Баграма. Я поспешил эту новость передать Яренко, начальнику оперативного отдела дивизии, который не так давно прибыл на эту должность. Через пару дней Петрякова и Яренко вызвали в штаб армии для получения боевой задачи, которая была спланирована на трое суток. Мы планирование операции определили как бестолковое, хотя наш боевой эпизод по их замыслу входил в армейскую операцию. По их плану получалось, что полдня уходило на движение в район боевых действий. Развернем батальоны в боевые порядки, и уже наступает темнота. Ладно, мои разведчики ночью немного погуляют, кого-нибудь скрутят, а войска надо возвращать на ночевку. Остается один светлый день на все про все. Вот качественно и выполни задачу. На следующий день надо все сворачивать и возвращаться домой. В результате

получаются одни людские и материальные затраты, но приказы начальников надо выполнять.

К полудню наша группировка была уже в нужном районе. К этому времени ферганские десантники отрезали зеленую зону от предгорий и душманам перекрыли выход в горы. Артиллерия быстро развернулась на боевых позициях и подготовила огни по указанным участкам. Батальон в пешем порядке начал движение по зеленой зоне. Сверху десантников прикрывала пара боевых вертолетов. Авианаводчик был с нами на командном пункте в готовности по обстановке навести вертушки на цель. Стало вечереть, пора подразделения собирать на ночлег, но на этот раз руководитель группировки, а им был Петряков, решил оставить войска на рубежах, которые они занимали днем. Только ночью надо было активизировать боевые действия путем организации засад, поиска, выставления секретов на возможных путях движения мятежников. Душманы, которые днем прикидывались очень мирными и работающими жителями, внимательно следили за шурави, им что-то подозрительным показалось в тактике действий неверных. Это и вынудило их покинуть кишлаки и уходить в горы. Конечно, некоторым повезло, но две небольшие группы вышли прямо на десантников. Разведчики ферганского полка еще днем приметили неглубокую ложбину на краю виноградника и около нее организовали засаду. По ней можно почти незаметно дойти до самых сопков, а там и овраги, и русла пересохших ручейков. Ночь, назло душманам, — наверное, перед аллахом провинились, была лунная, и как только мятежники вышли из зеленой зоны, они тут же попали в поле зрения разведчиков. Подпустили «воинов аллаха» на бросок гранаты и врезали по обеим группам из пулемета и автоматов, а кто-то гранату бросил. Стрельба была, прямо скажем, кинжальная, наверняка, в упор. Одному все же удалось уйти, огонь по нему вели со всех стволов, а он был, как заговоренный, метнулся в ближайший овражек, только его и видели. У нашей группировки ночь прошла спокойнее, удалось задержать только двоих мужчин с оружием. С раннего утра действия начались без результатов, скорее всего, наиболее активное мужское население ночью сумело проскользнуть через боевые порядки и уйти в безопасное место или же спряталось в надежных схронах, которые нам были неизвестны. Ближе к полудню мои разведчики передают, что видели человека на крыше одиноко стоявшего дома на самом склоне холма, который вчера ферганцы досмотрели. Ясно, что этот дом был занят уходящими из зеленой зоны душманами. Пользуясь ротозейством командира какого-то подразделения, они забрались туда ночью в надежде на то, что русские повторно его

проверять не станут. Так бы оно и было, да вот только бдительность наблюдателя из разведроты Плавского помешала этим планам сбыться. Наблюдательный пост был оборудован рядом с оперативной группой, и гвардеец, рассматривая в бинокль дом, обратил внимание, что за нами из дома также наблюдают. Ближайшей роте поручили повторно осмотреть дом.

Как только взвод десантников стал приближаться к дому, по ним сразу началась стрельба. Солдаты залегли и открыли ответный огонь, но разве можно из стрелкового оружия выбить духов из такой крепости, старались бить по проемам, чтобы душманы не смогли прицеливаться. Старший доложил на командный пункт и попросил помочь огнем артиллерии. Первый залп напугал тех, кто был внутри, и не больше, а дом как стоял, так и стоит. Авианаводчик, видя такое дело, подкинул идею: «Давайте бомбанем дом?» — «А это ведь здорово придумано. Давай вызывай вертолет». Через несколько минут на горизонте показалась пара вертолетов. Уточнили цель, отвели своих на всякий случай подальше от дома. Первая вертушка зависла над домом, от нее отделилась какая-то капля и полетела вниз. Чем ближе земля, тем больше капля, которая превратилась в бомбу. Она взорвалась в паре метров от забора, когда пыль осела, забор превратился в развалины. Второй вертолет учел поправки и также сбросил бомбу. Она угодила прямо в середину двора, и дом превратился в руины. Искать кого-то там было делом безнадежным. Для раскопок завала понадобился бы экскаватор и бульдозер. Далее боевые действия были перенесены в соседний кишлак, его батальон «полтинника» с ходу взял в клещи и потихоньку стал сжимать кольцо. Кое-где раздавались одиночные выстрелы, в ответ десантники открывали огонь. Одна из рот на пути движения вышла на виноградник, обнесенный невысоким дувалом. Как только солдаты попытались его преодолеть, из этого виноградника душманы и стали оказывать сопротивление. Рота остановилась, запросили огня артиллерии. Те пару залпов дали по винограднику. Наступила тишина. Рыжов, командир отделения, выглянул из-за дувала и стал внимательно осматривать ближайший ряд виноградника. Скорее всего сержант долго висел над забором и являлся хорошей мишенью для духа, который уцелел от огня артиллерии. Солдаты рассказывали, что Рыжов увидел духа, но выстрелить не успел, а душман его на мушку первым взял и выстрелил в сержанта. Попал дух командиру отделения прямо в голову. Солдаты отделения из душмана решето сделали. Как потом оказалось, этот душман был единственным, кто уцелел под огнем артиллерии. Кстати, о Рыжове, он совсем недавно был переведен из дивизионной роты в полк. У него почему-

то в последнее время обострилось чувство неприязни к молодым солдатам. Ротный сделал ему замечание, второе, не помогло. В разведку идти с таким настроением нельзя, и тогда его перевели в полк. Через месяц в полку ему присвоили сержантское звание и назначили на должность командира отделения. Это был для него второй бой в должности командира отделения и, как вышло, последний. Вызвали вертолет, Рыжова отправили в Кабул. После операции вся рота проводила погибшего разведчика до самолета. Тело десантника отвезли на Родину. Ночь прошла спокойно, а утром группировка взяла курс на Кабул, и где-то к обеду мы уже были дома. При въезде на территорию роты старшина уже встречал разведчиков и ухаживал за ними как за малыми детьми. Я заглянул в палатку к офицерам. Увидел Козлова, сослуживца по Ферганской дивизии. В прошлом году за выполнение рискованной операции ему было присвоено звание Героя Советского Союза. И когда его спрашивали, за что тебе, Сергей, присвоили Героя, всегда в шутку отвечал, мол, у меня ноги были длиннее, чем у душманов, я первым прибежал к тому самому мосту и духам сказал, мост мой, и все тут. На самом деле за этот мост был жаркий бой, рота Козлова отбила его у душманов и удержала, несмотря на неоднократные попытки мятежников захватить мост снова. При виде меня он встал, поздоровался, на его груди тускло сверкал дубликат звезды. «Каким ветром, Сергей, тебя в роту занесло?» — «Лечу из отпуска, а вертолета на Кундух сегодня нет. Вот и решил у друзей заночевать». — «Ну, расскажи, как там в бригаде друзья, товарищи. Татур, поди, уже майор?» Сергей недоуменно на меня посмотрел: «А вы что, не знаете? Юра погиб!» Меня словно током ударило. В голове не укладывалось, что Татура больше нет. «Как это могло случиться?» Оказалось, в один из летних дней десантники проводили операцию по обезвреживанию банды, которая несколько недель назад прибыла из Пакистана, но уже успела отметиться своими активными действиями на путях движения колонны, а также терактами. «Шурави, помогите, больше нет сил терпеть подобные безобразия этой банды», — в один голос кричали местные партийные руководители. И докричались до армейского руководства. Те решили, что для ликвидации банды будет достаточно одного десантно-штурмового батальона. Накануне выхода начальник разведки капитан Татур, имея неплохую агентуру, провел с командирами подразделений все мероприятия, которые были связаны с разведывательной информацией района, где предполагались боевые действия батальона. Комбриг определил состав оперативной группы, в составе которой был и Татур. Банда, как правило, после разбойных действий отдыхала, занимая три-четыре дома, а местный люд должен был

их ублажать. Поскольку мятежники в основном были не местными, у них никаких обязательств перед жителями кишлаков не было, и вели они себя по отношению к своим единоверцам по-хамски. Некоторые напрочь потеряли человеческое достоинство и требовали к себе повышенного внимания, наркотиков и спиртного. После употребления зелья их тянуло к женской ласке. Они по-наглому врываются в дома и требовали продолжения спектакля. Часто по вечерам в округе слышались женский крик и плач. Кишлак был несколько в стороне от основных дорог, и мятежники чувствовали себя в полной безопасности.

Буквально перед выходом разведчики перехватили курьера с устным заданием для главаря этой банды. После некоторого упорства связной все рассказал о банде, кто главарь, в каких домах проживают. Татур нашел партийных активистов, которые когда-то проживали в тех местах и по сей день поддерживали с родственниками связи. Они согласились показать дома, где квартировали мятежники. На задание вышли рано, когда до кишлака осталось всего два километра, батальон спешил, и роты стали пешком по ранее спланированным маршрутам выходить на свои направления.

Кругом виноградники и кукурузные поля. Попадались неглубокие арыки с водой. Время шло к осени, и поля особо не баловали водой, воду и дрова всегда экономили. Технике было тяжело проходить по таким местам, да и шум мешал успеху операции. С рассветом появилась густая дымка, которая была на руку десантникам, и они незаметно для душманов окружили кишлак. Штурмовые группы с активистами выходили непосредственно к тем домам, в которых отдыхали мятежники. Ротные доложили, что подразделения уже вышли на исходные позиции. Небольшая колонна оперативной группы с резервом разведки, маневрируя по бездорожью, медленно двинулась к окраине кишлака. Душманы всегда старались подбирать дома ближе к окраине, чтобы в случае опасности можно было легко уйти в горы или на виноградники. Зная тактику душманов, командиры при ведении боевых действий такие места старались держать под контролем. Левее движения бронегруппы началась стрельба. «В чем дело?» — спросил Татур у комбата. По данным опроса связного, здесь духов не должно быть. Комбат уточнил у ротного обстановку, оказывается, группа из пяти человек входила на окраину кишлака и напоролась на позиции одной из рот. Пришлось открыть огонь, ну не говорить же им, мол, подождите, пока мы здесь с вашими разберемся, а потом пойдете своей дорогой, отвечал в свое оправдание ротный. Появление, а тем более неплановое, небольшой группы мятежников

подпортило десантникам эффект внезапности. Хотя штурмовые группы к этому времени уже занимали свои позиции около домов. «Ну что же, обстановка изменилась, работаем по ситуации», — ругнулся в трубку комбат. На окраине кишлака начались активные боевые действия, слышались звонкие разрывы мин, у каждой штурмовой группы были минометы «поднос». По мнению специалистов артиллерии, эти минометы своими боевыми характеристиками на несколько порядков превосходили предыдущие типы минометов. В этом у меня была возможность убедиться.

Летом восемьдесят первого года мне пришлось совершить инспекционный визит в батальон Маслова, который дислоцировался в самой южной провинции Гильменд, недалеко от уездного городка Лашкоргах. Руководству соединения нужно было воочию убедиться, в каких условиях наши парни живут и воюют в отрыве от главных сил дивизии. Я вылетел в самый отдаленный гарнизон батальона Анаву, где замкомбат Комар старшим был. Идем мы с ним по позициям роты, все подготовлено в инженерном отношении в пределах нормы. Далее вижу в замаскированных окопах три миномета «поднос». «Ваня, как они себя зарекомендовали?» — «Очень хорошо, в нем все, и дальность стрельбы, и кучность, и плита легче. Одним словом, миномет — то что надо для огневой поддержки солдата, особенно в горах». — «Давай проверим-огневые задачи одного из расчетов». — «Нет проблем», — ответил Комар. Указываю старшему расчеты, направление стрельбы и цель. Проходит менее минуты, и послышался ответ: «Готово». — «Огонь», — командую. Мина вылетает из ствола, описывает высоко в небе крутую дугу и начинает, издавая шуршащий звук, стремительно приближаться к земле. Взрыв рядом с указанной целью, почти прямое попадание. Второму расчету указываю цель далеко на противоположном берегу реки Гильменд. Проходит время, выстрел, и мина попадает в тот куст, который указал расчету как цель. Снайперский выстрел. «Молодцы, ребята!»

Так вот штабная машина, в которой находился Татур, двигалась немного впереди колонны. Скорость была маленькая, часто приходилось объезжать деревья, которые росли вдоль дувалов как попало. Вот и сейчас машина подъехала к такому узкому месту, что бортами касалась стен дувалов. Через десяток метров расстояние между стенами заборов стало значительно шире, но впереди, как назло, росло огромное дерево, рядом протекал арык, и вода подтопила небольшой участок земли, который мог стать проблемным даже для гусеничной техники. Механик-водитель находился в люке по-боевому, наблюдение было ограничено, и, чтобы не рисковать, Юра вылез из люка по пояс и по радио подсказывал механику,

где взять левее, правее, оглянулся назад, две машины с разведчиками двигались за ним след в след. Машина стала, медленно объезжая дерево, выезжать вверх на дорогу. Ну, что ты скажешь, на пути еще одно дерево, как будто специально так сажали, чтобы машины не могли проехать. Механик стал медленно забирать вправо к дувалу, и тут же под днищем машины раздался мощный взрыв, по глубине воронки похоже было на взрыв противотанковой мины, Взрыв был настолько сильным, что проломило днище, искромсало Татуру обе ноги. Машина по инерции продвинулась еще метра три и заглохла. Разведчики, видя такое дело, быстро спешили, бросились выручать из беды начальника. В этот же момент из-за дувала гранатометчик стреляет по машине. Откуда здесь взялся гранатометчик, никто вразумительно сказать не мог, предполагали, что ему удалось ускользнуть из какого-то блокированного дома. Несколько разведчиков перемахнули через забор и расстреляли убегающего душмана. Пока Татура вытащили из искореженной машины, пока несли на более пригодную площадку для посадки вертолета, Юра от потери крови скончался. «Товарищ подполковник, и еще одна потеря, погиб и Хмель на одной из операций, уже будучи командиром батальона, который он принял после ранения Хабарова. Снайперская пуля угодила в область шеи».

Наступившее молчание прервал Козлов: «Товарищи офицеры, у меня есть хорошее вино, давайте помянем погибших товарищей».

Однако череда неприятностей не кончилась.

С кочевниками, которые в летнее время заполняли долину севернее Кабула, мы поддерживали принцип мирного сосуществования, но при неожиданных обстоятельствах особо с ними не церемонились. Однажды пришлось перетрясти всю долину вместе с кочевниками и их баранами. Правда, этому предшествовала беда, случившаяся по вине молодого, еще не искушенного боевой службой лейтенанта-, совсем недавно прибывшего в разведроту 357-го полка. В один из вечеров разведгруппа полка после инструктажа и проверки связи ушла на гору Ходжа-Бурга для несения боевого дежурства. В этот вечер я немного засиделся в рабочем кабинете над каким-то документом для разведотдела армии, который нужно было утром отвезти разведчикам в штаб армии. Окно моего кабинета выходило на северную сторону штаба, территория которого в ночное время неплохо освещалась. Мне показалось, что в направлении горы взлетела ракета. Посмотрел в окно, вдали темно. Позвонил в роту, трубку поднял Ленцов. «Саша, как в горах обстановка на наших постах?» — «По докладам спокойная», — ответил Ленцов. «Ладно, раз спокойная, пойду в общежитие». Иду и вижу, над горой Ходжа-Бурга взвилась осветительная

ракета и полетела в сторону долины. Значит, и первая мне не показалась. Опять звоню в роту. «Запросите полковых разведчиков, что у них случилось, почему пускают осветительные ракеты?» С горы отвечают, что все спокойно, а ракеты запустили, чтобы подсветить местность. Вдруг слышу далекую, за горами, стрельбу. Нутром почую что-то неладное. Спешу в роту. Ленцов докладывает, что с горы Ходжа-Раваш дивизионные разведчики наблюдали в долине машину и какую-то возню около нее, а потом и стрельбу в сторону гор. Пришлось ответить огнем из пулемета. Сам надел наушники, запрашиваю старшего, отвечает радист, но вдруг радиостанция замолкает. Беру разведгруппу Перкова — и вперед на гору. Днем на такую высоту трудно подниматься, а сейчас, в темноте, вообще проблема. Минут через тридцать вымотанные от спешки поднялись на эту проклятую гору. Из доклада лейтенанта понял, что два разведчика пропали. Разведчики, и пропали! Отвел его в сторону и велел все рассказать как есть. Оказывается, его, молодого, старослужащие разведчики оставили и ушли вниз за виноградом. Ушло две пары. Одна пара ниже, другая несколько выше. Все по науке, как учили. Первая пара уже подходила к дороге, когда со стороны кишлака Анджирак в сторону Тарахейля ехал грузовик, в нем находилось около десятка мужчин. У дороги грузовик и разведчики встретились. Вот здесь и вышла ошибка: вместо того чтобы проявить бдительность, они стали приветствовать душманов. Те вначале им тоже подыграли, а потом окружили и ножами тихо с парнями расправились, стали снимать с них оружие, бронежилеты и обувь. Наконец, до второй пары тогда дошло, что это не «дуст» (друзья), а самые настоящие душманы, и наши открывают по ним огонь. Душманы попытались окружить вторую пару разведчиков, и между ними завязалась перестрелка. Во все происходящее вовремя вмешались дивизионные разведчики и стали с горы стрелять из пулемета и станкового автоматического гранатомета. Только после огневого налета с горы душманы, подобрав тела своих трех подельников, быстро погрузились в машину и убрались через кишлак куда-то на север, а полковые разведчики без товарищей вернулись на гору. Если бы не своевременное вмешательство дивизионных разведчиков, еще неизвестно, как бы сложилась ситуация со второй парой. Лейтенант, видя, что дела совсем плохи, прихватил с собой несколько разведчиков, спустился в долину к тому месту, где произошла встреча с душманами, однако тел своих подчиненных не нашел. В это время мы уже поднимались на гору. Пришлось докладывать Петрякову и просить его, чтобы он в район долины Паймунар выслал пару рот для прочесывания местности, поскольку была уже ночь. Затем договорились с Ленцовым о месте встречи

на противоположной стороне гор. Досталось от меня полковым разведчикам. Приказал им продолжать нести боевую службу, сам с дивизионными стал осторожно спускаться в долину к дороге и месту встречи в Ленцовым. Спускаясь, посмотрел сверху на лагерь, там строилась длинная колонна, по количеству фар где-то около батальона. Сейчас самое главное — найти тела погибших. Спустились с горы почти одновременно с подъехавшей к условленному месту бронегруппой. Ко мне подошли Ленцов, Баканчиков, начальник оргштатного отделения дивизии и комбат. Быстро распределили обязанности и приступили к поиску тел. Одну роту на всякий случай оставили около боевых машин, а две роты и разведчики начали искать ребят. Одного разведчика нашли быстро, метров в ста от дороги. Он был без оружия, подсумка для магазинов, бронежилета и босой, даже носки духи сняли.

Осторожно из-за укрытия тело кольями от палаток перевернули, подстраховали себя от гранаты под телом. Этот фокус мы часто проделывали с телами душманов. Труп поднимают — взрыв, и к этому трупу еще два-три добавляются. Ленцов со своей группой в это время тряс кочевников. Строили всех мужчин и допрашивали. Многие пытались убежать, стрельбой в воздух их возвращали и продолжали допрос, требовали свидетельских показаний. Второго разведчика искали долго. Нашли недалеко от ближнего к кишлаку кочевья. Из-за этого и пришлось применить насильственные меры в отношении мужчин-кочевников. И второй разведчик был без оружия и без обуви. Вздохнули с некоторым облегчением, потому что хоть трупы нашли, хоть как-то перед родителями оправдаться. Когда трясли последнее кочевье, подъехал Залмай. Чего таиться, пришлось ему все рассказать. Он мне говорит, мол, вон с той горы, и показывает гору, где службу несут полковые разведчики, иногда солдаты спускались за виноградом, это местным не нравилось. Кому понравится, если твое воруют. «И почему ты мне раньше об этом не сказал?» — «Просто считал это ненужным. Ладно, рафик Михаил, у меня кое-какой план созрел. На днях подъезжай, вместе его обсудим, а пока мои люди соберут информацию по одному кишлаку». — «Залмай, обрати их внимание на похороны, мои троих успели уложить». — «Хорошо, Михаил, учту». — «Залмай, когда ты будешь с собой охрану брать?» — «Да все забываю». Сел за руль «уазика» и укатил к себе в комитет.

Утром я, как побитая собака, шел на доклад к шефу, но права русская поговорка, после драки кулаками не машут. Конечно, были сделаны соответствующие оргвыводы. Родителям сообщили, что их сыновья погибли в боевых действиях. Да, это их вина, но они погибли с оружием в

руках, а до этого они же участвовали в боевых действиях, и не один раз. Конечно же, было очень тяжело переживать потери своих подчиненных, что уж говорить о родителях.

Шло время, впереди было еще много трудных боевых действий. Однако воевать в Афганистане и ничего не сказать об афганских женщинах невозможно. Афганская женщина измучена тяжелым домашним трудом, плюс ко всему практически изолирована от общения. Годам к тридцати она превращается в старуху, особенно в глубинке, где витает призрак Средневековья. Наши бабушки, старушки в ситцевых косыночках, сидя на скамеечках у подъезда, смотрятся гораздо интереснее афганских женщин, не по годам ставших старухами. Мне довелось за годы пребывания в Афганистане, встретить всего лишь трех красивых женщин, на которых можно положить глаз. Уже к концу моей службы в Афганистан стали направлять для службы женщин, в основном призванных через военкоматы. Они заполняли должности санинструкторов, поваров, писарей в штабах, медсестер в медсанбатах и госпиталях. В мою бытность женщины были только в военторге, однако праздники было с кем встречать. Вот только при выводе войск с этими военно-полевыми женами стали возникать проблемы. Их надо было куда-то пристраивать, а попадались и весьма капризные особы, требовали много и, не стесняясь, вспоминали, как им клялись в вечной любви, пусть даже и в боевой обстановке. Отсюда и появилось очень много историй в военных городках.

А ведь были времена, когда из-за женщин начинались войны, уничтожались города, но это было в далеком прошлом.

Однажды ближе к осени меня к себе в штаб вызвал начальник разведки армии. С утра на бронемашине выехали в Кабул. Миновали королевский дворец, в нем был расквартирован один из наших полков, мечеть. Перед светофором остановились, кажется, он был единственный в городе. В это время по переходу спешила стайка девушек, старшеклассниц из женского лицея, который находился где-то рядом. Среди девушек выделялась своим внешним видом одна. Она была с длинными распущенными волосами, что не очень приветствовалось в мусульманском мире, с белым шарфом на шее, в кожаной короткой куртке, в сапожках, но главное — юбка еле прикрывала колени. Ноги стройные, не каждая восточная женщина этим может похвастаться. Девушка оглянулась на машину, я ее рассматривал с расстояния каких-нибудь шести метров, когда БРДМ начал движение, моя голова, словно гироскоп, поворачивалась в ее сторону. Вот это была красавица! В Кабуле был целый квартал богатых особняков с коваными заборами и приличным уличным освещением в

ночное время. Судьба подарила мне встречу с этой прекрасной восточной незнакомкой еще раз. В сентябре восемьдесят первого года в районе Баграма планировалась широкомасштабная войсковая операция по окружению и уничтожению банд мятежников, которые прибыли из Пакистана. Понадобилась свежая информация о наличии и составе банд, районах их пребывания, фамилии главарей. В таких случаях приходилось пользоваться услугами местных товарищей. Пришлось немало помотаться, пока собрал нужную информацию, а когда стал ее обобщать, оказалось этого недостаточно. Думаю, надо навестить еще одного товарища. На следующее утро заехал к начальнику кабульского аэропорта. Бывал я у него часто и по делу, и без дела. Охранник, который стоял у двери приемной, меня узнал, улыбнулся. Подарил ему пачку сигарет «Столичные», так, на всякий случай на с прицелом на будущее. Получается, что купил его. Для поездки вне гарнизона я надевал форму, подаренную мне белорусскими ментами, которые оказывали помощь афганцам в подготовке милицейских кадров (царандой), она напоминала нынешнюю форму солдат нашей милиции. Начальник аэропорта поднялся из-за стола и пошел мне навстречу, приветствовали друг друга по-мусульмански. Он неплохо говорил по-русски, сказывалась учеба в Союзе, да и разговорная практика по сегодняшний день у него продолжалась. Он мне предложил на выбор прохладительные напитки фанту, кока-колу. Начальник аэропорта часто бывал в медсанбате на медосмотрах, и это обязывало его делиться с нами необходимой информацией. Как он нас часто заверял, у него с мятежниками ничего общего нет. Возможно, это и так. Одним словом, услуга за услугу. У них с медициной было очень туго. Люди умирали, не зная от чего, и особенно в глубинке. Помню, во время проведения одной из операций, чтобы как-то изменить отношение к тем, кто вел стрельбу в кишлаках, было принято решение провести прием больных одного кишлака. Ради этого на световой день прекратили боевые действия. Больных оказалось такое множество, что наши медики были не рады такой затее, пришлось вертолетом подвезти дополнительное количество медикаментов.

Наш разговор с хозяином кабинета подходил к концу, как вдруг в дверь кабинета постучали, и на пороге появилась она, та самая девушка. Она подошла к начальнику аэропорта, тот ее обнял и поцеловал. «Это моя племянница, студентка, хочет навестить свою тетю в Карачи и ей нужен билет», — объяснил начальник. Девушка перевела взгляд на меня, поздоровалась по-английски. Это не стало для меня проблемой, недаром получен диплом переводчика-референта. Ответил ей по-английски. Мы с

ней немножко поговорили о том о сем. Конечно, хотелось еще немного побыть с ней, но у меня были служебные обязанности. В кабинете зазвонил телефон, пришлось дожидаться конца разговора. Попрощался с хозяином, Адиль, так звали девушку, подала руку и проводила меня до двери. Ну, вот и удалось встретить ту, о которой иногда мечтал. Мне показалось, что на душе стало немного веселее. Позднее, бывая в аэропорту по долгу службы, я как бы невзначай интересовался учебой племянницы и просил ей передать привет от шурави.

Однажды и он от племянницы передал мне привет. Я был очень польщен этим.

Через пару дней группировка нашей дивизии направилась в район боевых действий. Командный пункт оперативной группы выбрали на каменистой высотке недалеко от берега в весеннее время бурной речки, а сейчас обозначенной на местности парой узеньких ручейков. На этом месте кто-то раньше проводил земляные работы, вот мы и заняли как бы уже заранее подготовленные окопы. С Лаговским внимательно в бинокль осмотрели противоположный берег. Прямо перед нами на том берегу несколько домов. Со стороны речки они были огорожены общим дувалом. Вдоль забора виднелась тропинка, петлявшая между деревьями. На боевые действия привлекались два наших батальона с дивизионной артиллерией и батальон ферганцев с самоходно-артиллерийским дивизионом. Батальоны обложили большую территорию, и, как говорят охотники, начался гон. Наиболее активные действия начались у ферганцев и одного нашего батальона, который первый и начал зажимать банду в кольцо. Чтобы избежать окружения и не рисковать людьми, комбат запросил огонь артиллерии. Их дивизион занимал огневые позиции недалеко от нас. Послышался первый выстрел, пристрелочный, а через пару минут мины стали улетать в сторону душманов с завидной частотой, в основном залпами. Территорию севернее кишлака заволокло дымом и пылью. В это время ко мне подошел Плавский и доложил, что его разведчики наблюдают отход вооруженной группы в горы и просят навести по ним удар артиллерией. «Альберт Васильевич, — обращаюсь к начальнику артиллерии дивизии, — надо вот по этому участку сделать несколько залпов», — и показываю ему на карте точку. «Нет проблем, сейчас сделаем», — по телефону дает координаты цели своим артиллеристам. Разведчики просят перенести огонь метров на сто выше. Сделали перенос по дальности. Разведчики радируют, что цель накрыта, но некоторым удалось разбежаться.

Стоим с Красногорским, обсуждаем результат стрельбы, к нам

присоединился Горовой. «Ну что бы вы делали без связи?» — «Да ничего», — соглашаемся с ним оба. Тотчас слышим громкий голос Павла: «Смотрите, смотрите, два духа бегут вдоль дувала». И правда, двое, у каждого оружие. «Пашка, давай за пулемет». Тот мигом в БРДМ и давай шандарахать из крупнокалиберного по душманам. Один споткнулся, не встает, а другой продолжает бежать, совсем рядом с ним видны искорки от разрывных пуль, но все же дух успевает завернуть за угол дувала. Повезло. За стрельбой наблюдали все, кто был на командном пункте, и тотчас в адрес Павла раздавались слова похвалы. Подошел и Петряков, обратился ко мне: «Давай отойдем в сторону. Знаешь, кто будет у нас комдивом? Слюсарь, замкомдив Псковской дивизии, утром из ВДВ позвонили, и мне вроде бы подыскали должность областного военкома, правда, не уточнили, какого разряда. Так что я скоро покину вас», — добавил шеф.

«А это кто к нам еще пожаловал?» — буркнул Петряков, и мы все посмотрели на пылящую машину, которая направлялась к нашему командному пункту. Из машины вышел Рустам, помощник Кудрявцева, политического советника местного губернатора. По национальности узбек и смахивал на местного. После короткого приветствия, изложил свою просьбу: предоставить военную поддержку действиям его активистов. Кудрявцев сам часто приезжал в район боевых действий, просил помочь разгромить какую-либо банду. Вот и сейчас, пользуясь нашим присутствием, они хотели свести счеты с бандой, которая засела в небольшом кишлаке вне зоны наших боевых действий в непосредственной близости от Чарикара. «Мы сами с ними разделаемся, вы нам только прикройте тыл». — «Опять хотите чужими руками жар загребать», — проворчал Петряков. «Да мы вроде бы общее дело делаем», — продолжил Рустам. «Общее-то оно общее, да вот только зарплата разная», — злорадствуя, сказал Петряков. — «Ты же слышишь, идут боевые действия, какое-то подразделение надо вытаскивать из района», — не сдавался шеф. «Ну уж очень Николай Иванович просил помочь». — «Да нет у меня под рукой свободного подразделения». Потом немного поостыл, распорядился: «Скрынников, ты у нас большой специалист оказывать помощь партийцам. Вот и смотайся со своими разведчиками в кишлак, но только смотри, чтобы разведчики на рожон не лезли. Пускай партийцы сами с душманами разбираются. Рустам, а где твои активисты?» — «Недалеко от Чарикара дожидаются».

У меня в бронетранспортере на связи с разведчиками на этот раз был Бакутин. «Миша, выходи на связь с дивизионными разведчиками». Пришлось вызывать из района, дивизионную группу и полковых

разведчиков. Часа через два, проверив связь, колонной двинулись в сторону города. Забрали десантом на броню десятка три активистов и напрямик по направлению к нужному нам кишлаку. Дорогу показывали активисты. Когда разведчики окружили два дома, в которых должны были быть мятежники, солнце уже садилось. Мой бронетранспортер стоял за кустами около дувала. Вот ухнула самоходка, некоторое время стрекотали автоматы, а потом все затихло. Только иногда слышались около соседних домов женские крики. Конечно, разведчики надежно прикрыли тыл партийцам, и, пока не разворотили эти дома, они в атаку идти и не собирались, а потом работали жестко. «Со всеми расправились?» — спросил у Рустама. «Нет, часть где-то в других домах спрятались, но все равно банда понесла значительные потери». По дороге к своим нас обстреляли из ближайшего виноградного поля. Колонна остановилась. Развернули башни в сторону виноградника и пулеметами прочесали все поле, в том числе из крупнокалиберного пулемета самоходной установки. Мало не показалось тем, кто стрелял по колонне из стрелкового оружия. Рустаму команду: «Гони своих активистов, пусть проверят результат». Те как-то с нежеланием, но все же стали осматривать кустистые виноградные лозы. Потом загалдели, сбежались в кучу. Что это могло быть? Оказывается, афганцы нашли труп душмана и винтовку при нем, вот и ликовали по этому поводу. На командный пункт вернулись в сумерки. Первым делом доложил Петрякову о результатах операции. Шеф улыбнулся: «Вернемся в Кабул — я тебя дня на три отпущу в Фергану. Кстати, с утра начнем войну в сторону Кабула, а сейчас ступай и готовь разведчиков к ночным действиям».

Ночью разведчики организовали засаду на окраине кишлака, который был ближе к горам. Рядом с засадой, метрах в восьмидесяти, проходила банда. Чуть-чуть с выбором позиции промахнулись разведчики, по их мнению, банда была большая, человек двадцать, но резко пересеченная местность помогла части душманов спастись. Слишком поздно артиллеристы подсветили местность, но для меня главным результатом засады было не количество уничтоженных мятежников, а сохранность жизни моих пацанов. По возвращении командиры разведгрупп докладывали, что потерь при ночных действиях нет, и это было самым ценным. Прошло еще двое суток боевых действий, и те банды, которые думали отсидеться в наших тылах, просчитались. Группировка возвращалась в Кабул, но выполняла задачу. Наконец наступило утро последнего дня боевых действий. Уже невооруженным глазом можно было издалека увидеть гору Ходжа-Раваш, которая за два года была изучена разведчиками вдоль и поперек. В пяти километрах восточнее кишлака

Ходжачист находился с виду неприметный кишлак. Домов пятнадцать, не более, и все на равнине, окруженные садами и виноградниками. Парашютно-десантная рота в колонне, проходя мимо кишлака, была обстреляна из гранатомета, но так как расстояние большое, граната не долетела до цели. В кишлаке оказалась банда. Только непонятно было, зачем издалека стрелять по колонне из гранатомета. Так опрометчиво мог поступить только обкуренный душман. Пришлось группировку развернуть для боя. Вызвали вертолеты, которые выпустили все снаряды и улетели на дозаправку. В работу включилась артиллерия. Некоторые душманы, не выдержав такого огня, пытались бежать, но везде натыкались на огонь десантников. Снова налетели вертолеты, два дома были уже начисто разбиты. Ближе к обеду меня на командном пункте разыскал Залмай, вернее, его ко мне привели разведчики. Его появление несколько меня удивило. «Что случилось?» — «Нужна твоя помощь. Вон в том кишлаке живет, — и кивает головой в сторону Кабула, — семья моего сотрудника, сейчас она находится в опасности и ждет, когда их вывезут. Душманы с ними могут расправиться, об этом мне сказал мой человек. Вся надежда на тебя». — «Хорошо, Залмай, но мне твою просьбу нужно доложить начальнику, а еще лучше, если ты сам расскажешь». Петряков разговаривал по телефону, дождавшись, когда он положил трубку, Залмай выложил свою просьбу. «Как вы мне все надоели со своими просьбами. Воюйте со своими бандитами сами», — распалялся шеф. Вот здесь я шефу возразил: «Когда нам нужны активисты, Залмай выделяет, а когда ему понадобилась помощь, мы отказываем. Так нечестно, шеф». — «Ну тогда и помогай», — сказал, как отрезал, и ушел к радиийной машине. «Залмай, оставляй свою колымагу здесь, а сам полезай в бронетранспортер, будешь дорогу показывать, как подъехать к дому твоего сотрудника». Рядом с командным пунктом находился разведчик Ветчинов. «Сергей, передай лейтенанту Черному, чтобы он с разведгруппой выезжал за мной».

Кишлак не был блокирован нашими подразделениями. Дороги практически не было, сами выбирали нужное направление и двигались вперед, где-то через полчаса по буеракам подъехали к кишлаку. Разведчиков предупредил, что входим в кишлак, нужно быть в полной готовности. Осторожно по плохой дороге, если таковую можно назвать дорогой, въехали в кишлак, нервы напряжены. Через несколько минут отыскали нужный дом, Залмай побежал к воротам и начал громко стучаться. Разведчики спешили, заняли круговую оборону, стали поглядывать по сторонам и на крыши соседних домов. Секретарь долго стучался в ворота, наконец дверь открылась, он вошел во двор. Решил и я

заглянуть, только стал подходить к двери, а связист меня вызывает на связь с руководителем операции. «Как там у тебя обстановка, не обижают еще?» — «Пока спокойно, «зеленый» в доме». — «К тебе на всякий случай высылаю Плавского с ротой». — «Хорошо шеф, буду иметь в виду». Пока был занят разговором, вернулся Залмай. «Ну как там твой сотрудник?» — «Собираются, с ней будет мать и младший брат». Я подумал, что он оговорился. «Не волнуйся, раз приехали, всех заберем». Во дворе слышались голоса, и Залмай снова пошел к дому. Первой вышла пожилая женщина, держа за руку подростка, который пугливо оглядывал чужих солдат и военную технику. Последней вышла девушка, закрыла за собой на замок ворота, ей в этом усердно помогал афганец. Она окинула взглядом дом и пошла следом за Залмаем к технике. Я попросил механика открыть задний люк, чтобы женщинам было удобнее попасть внутрь машины. Афганец помог пожилой женщине вскарабкаться наверх, я ей подал руку и поднял на броню, затем поднял подростка. Настала очередь забираться на броню девушке, и когда я ей протянул руку, мы на какой-то миг оба замерли от неожиданности. Вот это встреча! Да это же Зейна, милиционерша. Так вот кого мы выручаем. Она тоже обрадовалась такому счастливому случаю. С улыбкой крепко обхватила мою руку и забралась наверх, а затем забралась внутрь бронетранспортера. На заднем сиденье уже расположились мать с ее братом, ей пришлось сесть рядом со мной на сиденье пулеметчика. «Залмай, извини, тебе места не досталось, садись в другую машину. Ну, как вам здесь?» — «Хорошо», — на сносном русском ответила девушка. «Сейчас поедem. Заводи», — дал команду механику. Двигатель неожиданно громко затарахтел, а внутри это казалось еще громче, и женщины растерянно переглянулись. Дотронулся до руки Зейны и показал жестом, что все в порядке, мы едем. На окраине кишлака нас уже ждали полковые разведчики, к моей машине подбежал Плавский и сказал, что с ним две разведгруппы. Пока мы разговаривали, метрах в двухстах от нас разорвался снаряд, секунд через двадцать еще два. Давай, командир, ноги делаем, а то нам еще придется отвечать за ошибки артиллеристов. В боевой обстановке на всякое посмотрелся, вертолеты бьют по своим и артиллеристы тоже. Скорость была высокая, бронетранспортер на бездорожье кидало из стороны в сторону, как в море лодку. Девушка в меня вцепилась, в глазах страх. Но вот выехали на грунтовку, и машина пошла ровнее, но она все равно не отпускала меня. Помню, что-то ей говорил, подбирая узбекские слова, стараясь перекрыть шум двигателя, она ничего не слышала в этом грохоте и только улыбалась. Вдалеке показалась знакомая высотка, и через несколько минут мы уже

около нее. Помог выйти старухе, мальчонке, а затем сам быстренько соскочил на землю, протянул девушке руки и, когда она была у меня на руках, обхватил ее и прижал к себе, задержав на весу больше положенного. И если бы не наше военное окружение, мы бы уже начали целоваться, а так пришлось поставить ее на землю. Залмай подошел к своей машине и, как галантный кавалер, открыл дверь, рассадил всех по местам, мне махнул рукой в знак благодарности и собрался уезжать в сторону Кабула. «Залмай, подожди, дай сказать до свидания». Девушка в это время открыла дверь и, двумя руками ухватившись за мою руку, начала трясти ее в знак признательности. Залмай ей что-то буркнул, и она тут же отпустила мою руку. Машина тронулась, девушка оглянулась и махнула рукой через стекло двери автомобиля.

С афганкой позже встречались уже как свои, а на посту она всем рассказала, что я спаситель ее и семьи. И даже рассказала, как шурави приезжали по просьбе секретаря комитета за ними в кишлак на военных машинах после угроз бандитов расправиться с ее семьей.

После обеда руководитель собрал всю группировку в районе командного пункта, проверили людей, технику. Петряков провел короткий разбор боевых действий и с сожалением произнес, что на этот раз потерь избежать не удалось. По его команде начали совершать марш к себе на аэродром. На дорогу Кабул — Баграм выводить колонну не стали, а мимо зеленой зоны, обойдя кишлак Паймунар, обогнули гору и вышли к себе на аэродром. Разведчиков, как всегда, встречал старшина. Уже была протоплена баня. Молодежи приятно ощутить себя хоть чуть-чуть домашнему.

Проходили недели. Прибыл новый командир дивизии, полковник Слюсарь. Вместе с ним не раз приходилось участвовать в операциях, на которых он набирался боевого опыта и мастерства. Через несколько месяцев ему присвоили генеральское звание. У меня с ним сложились хорошие служебные отношения и продолжали сохраняться и вплоть до моего увольнения из армии.

Однажды по служебной необходимости нужно было навестить Залмая. Перед входом в его приемную всегда был один и тот же солдат-узбек, который меня приветствовал оружием на караул, я тоже подносил руку к головному убору и награждал его пачкой сигарет. Этот воинский ритуал подметил секретарь и как-то сказал в шутку: «Мне кажется, он служит тебе, а не мне». Залмай был гостеприимным хозяином и всегда предлагал плов и чай. Плов активисты себе готовили ежедневно, это у них была бесплатная государственная пайка. Вот и на этот раз он мне предложил плова, хотел

было отказаться, но Залмай не отставал. Пришлось согласиться, сесть за стол, единственное, что я у него попросил, так это накормить разведчиков. Он сказал об этом часовому, а тот чуть ли не бегом кинулся с большим подносом плова к бронетранспортеру.

Афганская методика приготовления плова от узбекской несколько отличается. Здесь рис и мясо готовятся отдельно, а там все продукты вместе в одном казане. Кроме плова, угостил и бренди. Под сто граммов рассказал, а вернее, напомнил мне историю про виноград, из-за которого погибли два разведчика. Два участника этой акции были жителями кишлака Тарахейль, их уничтожили при попытке сопротивления в районе оврага около кишлака Пули-Санга. «Остальные, рафик Михаил, пришлые и где-то в нашем районе растворились пока, но мы все равно их выследим». Он мне предложил на посошок, а я про себя подумал: ты смотри, ведь запомнил же, когда приезжал к разведчикам в баню. Решив вопрос, из-за которого и приезжал к Залмаю, стал собираться домой. Хозяин меня проводил до самого бронетранспортера. Проезжая мимо поста царандоя, вспомнил про афганку, да и настроение после угощения было хорошее и даже немного лирическое. «Парни, делаем остановку, проверю, как афганцы службу несут». Она услышала звук техники и выглянула из палатки. Увидев меня, жестом пригласила зайти, в палатке она была одна. Как только вошел, она обняла меня, и несколько раз поцеловала, а затем отпрянула и показывает — ты что, выпил? «Да, Залмай угостил». Услышав знакомое имя, заулыбалась и прижалась ко мне, что-то говоря на узбекском языке. Несколько слов были знакомы. Затем стала угощать чаем и восточными сладостями. Я немного расслабился и только ее подозвал к себе, как через секунду мы услышали голос ее подруги. Зейна резко отпрянула от меня и позвала девушку. Мы приветствовали друг друга за руку. Зейна через плечо своей подруги скорчила гримасу, мол, никто ее не ждал. Для приличия пробыл еще какое-то время, затем поблагодарил хозяйку за угощение и стал собираться. Провожая меня, она как бы невзначай крепко сжала мне руку.

Как только заехал на территорию роты, ко мне подошел дежурный по роте Безрядин и передал просьбу оперативного дежурного. Комдив выезжает в город, и ему нужен переводчик. Я удивился, сегодня со мной не было переводчика. В штабе привыкли к тому, что переводчик у разведчиков, вот иногда и гонят пургу, не разобравшись. Сегодня Яренко собирался навестить советнический аппарат и позаимствовал Ильдара. Ленцову высказал свое неудовольствие: «Саша, ты же знаешь что я уезжал без переводчика?» — «Да как-то выпустил этот момент из виду». —

«Позвони оперативному и подскажи, с кем переводчик». — «Я ему звонить не буду, а если спросит про меня, проверяет охранение, связь есть». Поговорил с офицерами и пошел к себе в штаб. На улице уже холодало, кое-где над палатками тонкой струйкой поднимался от отопительных печей дымок. В дивизии многие самодельные печи заменили на заводские. Вспомнил, надо будет пару канистр солярки на пост к афганкам отвезти, пусть греются и помнят нашу доброту. Как-то поспешно на следующий день началась подготовка к боевому выходу, на операции войска были задействованы немногим более недели. Результаты от боевых действий на этот раз почти никакого, сожгли горючее, боеприпасы, замордовали себя и личный состав, вдобавок по ночам уже замерзали. Когда вернулись из похода, уже не за горами был Новый год. Это для меня был третий Новый год, который придется отмечать в кругу боевых товарищей. За повседневной суетой мы и действительно не заметили, как к нам постучался 1982-й. Елки из Витебска привезли заранее, Снегурочек не было, а Дедов Морозов полным-полно. Перед боем кремлевских курантов навесил разведчиков, поздравил с наступающим Новым годом, пожелал скорейшего возвращения на Родину.

Вскоре после праздника предстояла крупномасштабная войсковая операция, которая охватывала юг и север Кабула. По армейскому плану части и подразделения нашей дивизии вели боевые действия на севере Кабула и далее до Баграма, после соединения с ферганцами совместно продолжали боевые действия в Чарикарской долине, а затем совершили марш в долину Ниджраба и в течение трех суток вели боевые действия по уничтожению банд мятежников. Уже было холодно, в предгорье и горах полно снега, в Чарикарской долине ближе к горам тоже был снег. В это время года душманы в горах от холода замерзали, поэтому под всевозможными предложениями стремились раствориться в зеленой зоне и стать мирными жителями. Некоторым местным жителям это сходило с рук, свои их не предавали, а вот чужакам было тяжело. Были люди среди местных, которые душманов выдавали всегда, но больше было их пособников, а по-другому в стране, где находились чужие солдаты, и быть не должно. Свое положение мы прекрасно понимали и действовали по ситуации. Доверяли информации, но и проверяли. «Зеленые» информацию сливали на сторону только так. Поэтому в их присутствии говорили одно, а делали совсем другое. В целом операция прошла успешно, правда, душманов настреляли не много, но своих ни одного не потеряли.

В эти первые посленовогодние месяцы выражение «война войной, а обед по распорядку» стало для меня очень актуальным. С января начался

отсчет третьего года моего пребывания в чужой стране. Практически все начальники служб уехали в Союз. Давно уехали мои помощники, Павлов и Баранов в десантное училище, а Филонов в Тулу. В Кабуле остался Нагуманов, начальник инженерной службы дивизии, и я, начальник разведки. Тем более служба в Минске мне не обломилась, а так хотелось служить на Родине. В свое время при инспектировании разведподразделений армии, в том числе и моих разведчиков, генерал-лейтенант Гредасов, начальник разведки Сухопутных войск, обещал мне должность в разведуправлении округа, но вмешались разведчики ВДВ и взамен предложили службу в боевой подготовке штаба Воздушно-десантных войск. Вот поэтому сейчас у меня на уме было одно, когда прибудет мой сменщик? К этому времени уже была известна фамилия — Климов, начальник разведки Кировабадской дивизии. В гаданиях и переживаниях прошла половина февраля. Настала по графику моя очередь заступить на службу оперативным дежурным по дивизии. Ночь в зоне ответственности полков и дивизии прошла в спокойной обстановке, и даже без стрельбы, что случалось не так уж и часто. Утром доложил обстановку руководству, а затем ко мне зашел ротный, обсудили некоторые служебные вопросы. Далее пошла рутинная работа, ответы на звонки, передача указаний в полки. Где-то ближе к обеду в кабинет заходит... мой сменщик Климов. Вот это меня здорово обрадовало. Мы обнялись, немного поговорили, а потом он мне таинственно сказал: «Я привез небольшую канистру коньяку, как только ты сменишься, в комнате накроем стол и отметим мое прибытие, а твое убытие. А сейчас пойду представлюсь комдиву и немного отдохну с дороги».

Время стало тянуться очень медленно, еле дождался нового оперативного дежурного. Сдал ему смену и быстрее в общежитие. В комнате темно, тяжелый воздух и многоголосый храп. Включаю свет и вижу картину: на столе бардак, а все начальники уже отдыхают. Ладно, думаю, не устоял сменщик перед уговорами многих старых своих знакомых, вот и начали отмечать раньше обычного свой приезд. Открыл форточки, проветрил комнату, убрал все ненужное со стола, сходил в столовую и пошел спать. Утром проснулся, офицеры еще отдыхают, позвонил разведчикам, вышел на физзарядку. Через некоторое время возвращаюсь к себе в комнату, офицеры уже встали, кто заправляет кровать, кто пьет чай, а в целом после вчерашнего застолья настроение у них отсутствует напрочь. Климов меня спрашивает: «Миша, у тебя случайно что-нибудь не найдется, чтобы подправить настроение?» Чувствую, все ждут ответа. Спрашиваю: «Так ты что, мне ничего и не

оставил?» — «Ты понимаешь, так получилось, знакомые все подходили и подходили, ну я всех угощал». Меня это здорово обидело, без меня ты начинал, без меня и будешь знакомиться со службой, подумал про себя.

После завтрака зашел в секретную часть, составил опись некоторых документов, наработанных за два года, и попросил сержанта их уничтожить. Часа через два в кабинет зашел Климов: «Миша, ты извини за вчерашнее. Одним словом, потерял контроль над канистрой, а когда спохватился, она была уже пустая. Ты мне расскажи, какие есть документы по разведке?» — «Валера, ты знаешь, документов уже нет», — и вышел из кабинета.

Через два дня в Чарикарской долине планировалась очередная зимняя войсковая операция с привлечением подразделений нашей дивизии и ферганского полка, а также разведподразделений. В штабе армии посчитали, что предыдущая операция желаемого результата не достигла, и решили операцию повторить, тем более что в штабе находился кто-то из генералов Генштаба. Вот и рисовали сутками на картах синие яйца и красные стрелы, которые окружали эти самые яйца. На картах рисовать тоже надо иметь талант, а как по этим стрелам на местности будут двигаться войска, больших начальников меньше всего интересовало. Они уже давно забыли себя в той роли, когда нужно бегать, ползать и атаковать, а сейчас мнили из себя полководцев. Накануне убытия в район боевых действий дивизионных и полковых разведчиков я поочередно посетил разведроты полков, пожелал всем удачи и скорейшего возвращения домой. Сам же участвовать в той операции не собирался, дурной знак, хотя Слюсарь меня упрекнул: «Ну, ты бы ввел Климова в курс дела в боевой обстановке». — «Пусть сам учится, меня этому ремеслу никто не учил». Ленцову позвонил и попросил построить роту и, как когда-то в Фергане, простился со своими боевыми товарищами, напутствовал их беречь себя на поле боя.

Через два дня попутным рейсом улетел в Фергану к своей семье, чтобы через несколько дней отправиться дальше, к новому месту службы. Уже в самолете припал к стеклу иллюминатора и долго смотрел на палаточные городки, которые более чем за два года стали для меня небезразличны. Уже давно скрылся из виду аэродром, а я все продолжал смотреть в ту сторону, до тех пор, пока отраженные от ослепительно белого снега солнечные лучи не ударили по глазам. Незаметно под крылом самолета показался знакомый пейзаж Ферганской долины. Еще несколько минут полета, и под днищем самолета раздается шум выпускаемых шасси. Вот справа поселок Киргили с чадающими трубами

нефтеперерабатывающего завода, а вот уже внизу знакомая улица Чек-Шура, и сразу же мелькает здание аэропорта, секунда, и самолет касается бетонки, небольшая тряска, летчики начинают тормозить машину. После небольшого пробега самолет на взлетке разворачивается, подруливает к стоянке напротив диспетчерской, и выключаются двигатели. В грузовой кабине наступает тишина, из кабины выходит командир и поздравляет меня с возвращением в Союз. Хочется от счастья впасть в детство и кричать «ура». Техник открывает дверь, спускает трап, командир меня приглашает первым покинуть самолет и ступить на землю. Около самолета обнимаюсь с Барабановым, начальником пограничного поста, который меня и подбросил до тещи. Уже минут через двадцать звоню в родную дверь. «Кто там?» — слышу голос жены. — «Подполковник Скрынников!» — «Ой!» Объятия, поцелуи, на шум выбежал сын, уже вполне взрослый. «Ну, здравствуй, сын!» — «Правда, что тебя перевели служить в Москву?» — спрашивает он. «Да, буду служить в Москве». Одним словом, весь вечер разговоры, воспоминания, планы на будущее в связи с предстоящим переездом семьи в Москву.

В мундире инспектора

Москва в зимнее время мне показалась неудобной и даже грязноватой. Когда учился в Рязани, как правило, интересовало одно, быстрее купить билет и уехать домой. Да и привокзальная территория всегда независимо от погоды и поры года убиралась, и мне казалось, что в Москве везде чисто. После службы в областных городах в столице множество народа, который всегда куда-то спешил, толкался, а что творилось в общественном транспорте, вспоминать не хочется, особенно в автобусах от Щелковского автовокзала до Медвежьих Озер. Иногда возникало желание уйти пешком, да вот только здесь расстояние не по областным меркам. Пришлось мириться и привыкать. Ничего, привык, а куда деваться в таком мегаполисе, не барин. Зашел в бюро пропусков штаба ВДВ, поднялся на третий этаж. Все офицеры боевой подготовки в это время находились в войсках на каком-то важном мероприятии. За старшего оставался полковник Родниковский, ему и представляюсь, «Жить есть где?» — «Нет». — «Попробуй проехать в Медвежьи Озера, возможно, найдут место в общежитии». — «А как доехать до гостиницы?» Соловьев, тоже офицер боевой подготовки, выразил готовность проводить меня до гостиницы. В гостинице свободных мест, как всегда, не оказалось. Впервые захотелось назад, в Фергану. Соловьев говорит, не волнуйся, мой сосед в командировке, вот и займешь пока его кровать. Несколько дней перекаптался на чужой кровати.

В понедельник все офицеры боевой подготовки были в сборе, Жигульский меня представил коллективу, с которым предстояло служить дальше. Начальник определил рабочее место в группе тактической подготовки. В этот же День в коридоре штаба встретил Харченко, зампотеха нашей дивизии. «Привет, Михаил. В какую службу тебя определили?» — «В боевую подготовку. В отдел бестолковых полковников», — и засмеялся. Аббревиатуру ОБП какой-то умник расшифровал, как отдел бестолковых полковников. Еще задолго до моего приезда в Москву эта шутка ходила по всем этажам штаба ВДВ. Те, «старые», полковники боевую подготовку в войсках начинали с нуля. Нам было проще, мы совершенствовали учебу войск и наращивали учебно-материальную базу. Этих полковников я помнил, еще когда учился в училище и служил в Фергане. Это были фронтовики-работяги: Примаков, Атаманов и Кукушкин, который после боевой подготовки возглавил

разведку ВДВ.

В течение первой недели изучал руководящие документы, знакомился с офицерами и службами штаба. С трудом, но определился и с жильем в общежитии. Служба, на мой взгляд, в штабе ВДВ легкой не будет. Правда, грохота разрывов и свиста пуль здесь не слышно, а вот человеческое напряжение останется на высоком уровне, да и ответственность будет измеряться высокой планкой. Если в Афганистане отвечать приходилось за жизни подчиненных, за выполнение боевой задачи, то в мирное время — за высокий уровень боевой подготовки подразделений ВДВ. На первых порах моей службы в штабе ко мне был приставлен старший опытный товарищ. В войсках их называли «дядьками», таковым у меня был полковник Кононов. В период учебы в десантном училище он был у нас комбатом. Под его чутким и чересчур принципиальным руководством пришлось перечитать многие руководящие документы и сделать некоторые пометки в записной книжке. Теоретически я уже был во многом сведущ, по крайней мере, знал документы, в которых отражались те или иные вопросы, необходимые для работы в войсках. И наконец настал тот день, когда я впервые убыл в войска, но, конечно же, с «дядькой»-полковником. Помню, был конец марта, в Болградской дивизии проводилось командно-штабное учение с десантированием и боевой стрельбой полка, которым командовал мой друг Кожушкин. Руководил учением комдив, генерал-майор Лебедев, а Кононова направили как бы присматривать за действиями комдива при проведении учения и быть «глазом» командующего с соответствующими полномочиями. От настроения московского полковника во многом зависела оценка учения. Полковник из Москвы всегда нагонял шорох в войсках, это я по себе помнил, от его доклада наверху многое зависело внизу. И вот я в мундире инспектора впервые выезжаю в войска. Командиры всех категорий это четко усвоили и вели себя подобающим образом с этими самыми, как мы их еще называли в войсках, «черными полковниками». Слово или просьба проверяющего были законом в войсках, потому что их прислал командующий. Отчасти так было и правильно, иногда по недосмотру кадровиков на должности утверждались офицеры с ленцой. Вот именно таких и приходилось частенько шкурить, чтобы они были на уровне.

Работу мы начали в Кишиневе в парашютно-десантном полку. Командиром полка был мой однокашник по училищу подполковник Етабаев. Изначально приходилось внимательно присматриваться к методике работы наставника (некоторые моменты фиксировать в записную книжку) и следовать за ним, как тень. После работы в полку однокашника с «дядькой» из Кишинева на автомобиле переехали в Болград, где должны

разворачиваться основные события, из-за которых мы и пожаловали в дивизию. На следующее утро офицерам объявили сбор по учебной тревоге. Около штаба дивизии их построили, сделали перекличку, комдив приступил к проверке содержимого в «тревожных чемоданах». Мы с Кононовым находились рядом, еще было довольно темно.

Вдруг слышу знакомый голос: «Это ты, сын?» Так меня называл в Афгане только один человек, Русанов. Так и подмывало подойти к нему, но при учителе этого не стал. Делать, потом улучил момент и вернулся к «батке». Обнялись. Оказалось, он по замене из Афганистана прибыл в Болград командиром медсанбата, но квартиру в Витебске не сдавал, ему до пенсии оставалось совсем ничего. Здесь же я узнал, что Кожушкина в гарнизоне нет, он находится с полком в Тарутине, на полигоне.

Проверив готовность офицеров и подразделений к учению, мы с комдивом выехали на полигон. Лебедев по дороге нам напомнил, что здесь давным-давно Суворов бил турок. В некоторых местах сохранились участки дорог, по которым шли русские войска, видны были фрагменты рубежей обороны, и уж совсем недалеко отсюда находился знаменитый город Измаил. До полигона было менее ста километров, по пути заехали в небольшой городок с интересным названием Веселый Кут. В городке располагался арtpолк дивизии. Посмотрели и здесь готовность подразделений к предстоящему учению. Уже в сумерках по полигону подъехали к лагерю десантников. Кононов сразу ринулся в войска, а я немного отстал, стараясь выяснить, где Кожушкин. «Он еще на участке местности, где будет проходить этап боевой стрельбы, но в лагере будет с минуты на минуту», — ответил дежурный по лагерю. Полевой лагерь был слабо освещен, в основном штабные палатки и столовая.

Издалека показался автомобиль с включенными фарами, через несколько минут он подъехал к штабной палатке, в которой находились Лебедев и Кононов. При свете фар я узнал Виталия, но окликать его не стал, пускай доложит командиру, потом мы встретимся в спокойной обстановке. В палатке Кожушкин пробыл долго, наш бывший комбат достал вопросами, расспросами, особенно по мишенной обстановке. Конечно, этап боевой стрельбы наиболее ответственный момент учения. Когда, наконец, комполка вышел из палатки, я его окликнул, он вздрогнул от неожиданной встречи. «Это ты? А как ты здесь оказался?» — Виталий засыпал меня вопросами. Разговорились. «Ты давно вернулся из Афганистана?» — «Да нет, в середине февраля». — «А сколько лет ты пробыл в Афгане?» — «Более двух лет, дружище». — «Да, досталось тебе там, будь он неладен. И где ты сейчас служишь?» — «В Москве, в отделе

боевой подготовки». — «Так ты вместе с Кононовым приехал. Он мне сейчас всю душу вымотал этапом боевой стрельбы. Награды имеешь?» — «Да, орден Красной Звезды. Правда, все офицеры-разведчики по два ордена имеют, но на них награды оформлял я. За меня побеспокоиться некому было, а самому на себя совесть не позволяла оформлять». — «Слушай, а часто ты бывал на боевых?» — «Много, но я не считал, за полсотню это точно». — «Алена с сыном где?» — «Пока в Фергане, жилья еще нет, да и Гена учебный год должен окончить. А как ты поживаешь?» — «В Болграде у меня большой дом на земле, примерно как в Фергане у тещи. В семье прибавление, еще одна дочь родилась, Викторией назвали. Анна Константиновна с нами живет. Ты помнишь ее?» — «Конечно, помню». — «После учения зайдем ко мне, мои обрадуются. Слушай, а что мы на улице стоим, пойдем в мою палатку».

В командирской палатке было светло, чисто, уютно и тепло от буржуйки. Тут же появился прапорщик. «Ужинать будете?» — «Да, накрывай на двоих и вина красного принеси». Прапор вышел за ужином, и тотчас в палатку вошел Кононов. «Вот вы, оказывается, где, а я уже весь лагерь обошел». — «Ужинать с нами будете?» — спросил у него Виталий. «Буду, только никакого вина сегодня, завтра ранний подъем и очень ответственный день».

Дальнейший разговор в присутствии бывшего комбата не клеился, говорили, чтобы просто не молчать. Кононов подвел итог ужина по-своему: «Беседа прошла продуктивно, но на сухую», — и захихикал. После ужина Виталий проводил нас до выделенной для отдыха палатки, а по дороге шепнул на ухо: «И какого хрена он приперся».

Действительно, подъем был ранний. На скорую руку привели себя в порядок, позавтракали и выехали на площадку приземления, десантирование штабов и подразделений прошло успешно. Прямо с площадки приземления стали разыгрывать всевозможные вводные, еле успевал за полковником. То он здесь, то уже там слушает начальника службы, а затем перемещается к другому штабу, и только глубокой ночью он уgomонился, и мы вернулись в палатку немного отдохнуть.

Рано утром снова на ногах — и вперед на этап боевой стрельбы. И вот началось: впереди разведка, затем боевые подразделения, каждому из подразделений своя группа мишеней. Кругом грохот, трескотня стрелкового оружия. Это мне напомнило Афганистан, только стрельба здесь велась в одни ворота по мишеням. Глубина этапа боевой стрельбы была порядка трех километров. На последнем рубеже полк отражал контратаку противника, здесь грохота было еще больше. К грохоту боя добавлялось

громкое шипение противотанковых управляемых снарядов, выпущенных по танковым мишеням, которые были на большом расстоянии. Полк этап боевой стрельбы закончил, и с неплохим результатом, а затем перешел к обороне. С командиром полка встретились поздно, он выглядел усталым, не стал его задерживать, ему предстояло еще доложить свое решение на оборону. Немного поднял ему настроение тем, что процент пораженных мишеней вполне приличный для боевой стрельбы в составе полка.

Всю ночь и следующий день десантники совершенствовали оборону и решали тактические задачи. Кононов несколько прошагал по позициям, которые подготовили подразделения полка, и не только прошагал, а подсказывал и спрашивал, что надо знать солдату в обороне. Ближе к вечеру был дан отбой учению. Кононов в тесном кругу комдива и командиров полков высказал свои замечания и пожелания на будущее. Для нас на завтра уже были билеты на Москву, но сначала мы должны были своим ходом из района учения доехать до Кишинева. Уже перед самым отъездом ко мне подошел Кожушкин и сказал: «Мы так толком с тобой не поговорили, для тебя и Кононова в машину поставил хорошее вино, смотри, не забудь».

До Кишинева ехали долго, где-то за Бендерами пришлось устранять неисправность машины. Побродили по Кишиневу, посетили винные магазины, в которых купили по паре бутылок марочного вина. В полку немного отдохнули и стали готовиться к отъезду. Ехать до Москвы почти сутки. Один раз «дядька» раздобылся и угостил меня моим вином. На Киевском вокзале мы стали прощаться, но вдруг Ипполит Васильевич говорит: «А ну, давай сюда свою коробку», — и тут же ее распотрошил. Вынул из коробки одну банку вина и протягивает ее мне: «Остальные верну, когда понадобится, а то в общежитии все за выходные выпьете».

К обеду я уже был в Медвежьих Озерах, и, конечно же, афганцы, а их было в общаге четыре человека, сразу с вопросом: «Вино есть?» — «Есть». — «Сейчас зайдем». К этому времени я успел подружиться с Мокровым, старшим офицером отдела связи, он намного раньше меня приехал сюда с семьей, а до этого в Болграде был командиром батальона связи. К нашей компании присоединился и Геннадий, посидели поговорили, а что такое банка вина на пятерых человек, да ничего. Бородин, начальник ПВО войск, афганец, спрашивает: «Миша, ты что, всего одну банку вина из Молдавии привез?» — «Да нет, привез три банки, но Кононов две забрал и увез домой». Ох, и костерили же мужики моего бывшего комбата и в хвост и в гриву, а потом разошлись по своим комнатам. Вечером зашла Светлана, жена Мокрова, пригласила меня на

ужин. Она частенько меня подкармливала в выходные дни, тогда столовая и магазин не работали. Подружился также с Савельевым и его семьей. Когда выпадали редкие выходные, они меня тоже часто приглашали к себе на обед. Александр до Москвы служил в Болграде командиром эскадрильи дивизии, а в штабе был заместителем начальника авиационного отдела ВДВ. Приду, бывало, к ним, а его жена Валентина говорит: «Хочешь хорошего вина?» — «Хочу». — «Тогда сначала съешь тарелку борща, а потом налью вина». Приходилось вначале есть борщ, а потом пить вино. Александр, глядя на меня, хохотал до упаду. В женской логике тоже был заложен большой смысл. У них в семье были две девочки, я им всегда рассказывал какие-нибудь небылицы, пел всякие песни, хотя у меня ни голоса, ни слуха, а петь иногда хотелось. Вот и развлекал маленьких, все равно в выходной день девать себя некуда.

Так судьба распорядилась, что без семьи я уже был третий год, а это большой срок для мужчины, и меня тянуло в семью. Однако расслабляться не приходилось ввиду частых командировок, пока работал в составе групп.

Отделом продолжал руководить Жигульский, но поговаривали, что вскоре придет начальником командир Кировабадской дивизии генерал Хоменко. Офицеры, которые в отделе давно служили, хорошо его знали. Однажды Жигульский меня вызывает и спрашивает: «Ну, ты уже освоился со своими обязанностями?» — «Освоился. По крайней мере знаю, в каком документе что написано». — «Я тебя вот по какому вопросу пригласил, не за горами весенняя проверка в войсках, и надо заранее готовить документы, которые касаются боевой подготовки. Подготовь склейку с двух листов в секретной части, зарегистрируй и сделай ведомость результатов проверки. После проверки ее заполнишь для доклада командующему и впредь будешь своевременно уточнять, но и сам готовься к итоговой проверке, поедешь в Болград». Жигульский по службе ко мне относился хорошо, мы вместе с ним служили в Фергане. Если по службе иногда приходилось задерживаться допоздна, он меня приглашал к себе домой, но я всегда вежливо отказывался.

Между командировками продолжал усердно готовиться к предстоящей поездке на проверку боевой подготовки дивизии. Моя записная книжка стала основным подспорьем для работы в войсках. Накануне выезда для проверки проводился инструктаж, это, как правило, делал Сухоруков. Командующий напоминал всем и обо всем, что надо делать и что не надо, и в конце всегда требовал соблюдать меры безопасности при проведении контрольных занятий. Я вместе с Кононовым был назначен в полк к Кожушкину. Старшим в дивизии был генерал Костылев. Прилетели мы на

военный аэродром Арциз, а оттуда на автобусах должны ехать до Болграда.

На аэродроме произошла какая-то перетасовка проверяющих. Оказалось, в учебную дивизию на один из полков нет председателя комиссии. Костылев как заместитель командующего принимает решение и Кононова отправляет этим же самолетом в учебную дивизию, а меня назначает старшим в полк Кожушкина. Вот это да, а как же без учителя. Первый раз на проверке, и такая ответственность. Появился страх, проверять один предмет — это полдела, а здесь полк, справлюсь ли?

Приехали в штаб дивизии, командиры полков, отдельных частей нас уже ожидают. Всей компании нас Костылев и представил, кто мы такие и кто в каком полку или части будет старшим. Мы с Виталием довольны встречей, но у меня нет настроения, не уверен, справлюсь ли я с этой задачей? Друг это понимает и пытается меня успокоить: «Ты здорово не переживай, на всех занятиях будет порядок и организованность. На ужин в столовую ты не идешь, Светлана нас ждет дома». После стольких лет разлуки встреча была приятной. Нам было что вспомнить, мы в Фергане провели свои лучшие годы, и там осталось много общих знакомых. Засиживаться не стали, завтра начало проверки, необходимо хорошо отдохнуть.

Утром строевой смотр полка проводил сам генерал. И надо отдать должное, народ постарался, генерал особо не ворчал, а разведчикам и связистам за исполнение песни объявил благодарность. После строевого смотра стрельба из вооружения боевой машины и стрелкового оружия с переходом на ночь. К началу стрельбы опять приехал генерал, все прислушивался, присматривался, как я беседую с солдатами, офицерами. Отстреляли первые три боевые машины. Проверять попадания в мишени генерал поехал тоже. Результат для начала был неплохой, две четверки и одна тройка. «Скрынников, доложи мне, какие оценки получили стреляющие в соответствии с курсом стрельб?» Рассказал ему, как выставляется оценка. «Ну, ладно, давай проверяй, но смотри, чтобы соблюдались меры безопасности». Сказал и укатил. Рота стреляла неплохо, но были частые остановки из-за поломок техники. Уже где-то за полночь подвели итоги стрельбы. Подразделение отстреляло на «хорошо», и мы с Кожушкиным уехали отдыхать. Рано утром за мной в гостиницу заехал командир полка, чтобы поехать на стрельбище. Сегодня еще одна рота стреляет из вооружения боевой машины, так что надо заранее готовность стрельбища проверить. «Давай, садись в машину, позавтракаем на стрельбище. Мне передали, что ночью прилетел командующий, возможно, будет у нас на стрельбе. Поэтому лучше выехать раньше. Рота уже там,

пока проведут выверку оружия, как раз и стрельбу пора начинать. Сухорукое не любит, когда занятия срываются».

К началу стрельбы все было подготовлено, все должностные лица проинструктированы. Через некоторое время на центральной аллее показался «уазик», который на скорости направлялся к нам. Из него вышел Костылев, я ему доложил о готовности к стрельбе. «Подожди, не начинай, ждем командующего». Минут через десять подъехал Сухорукое с комдивом. Костылев чуть ли не строевым шагом направился к нему с докладом. Они вдвоем о чем-то поговорили, затем командующий направился к нашей группе. Когда я представлялся, он меня спросил: «Как полк сдает проверку?» — «Шестая рота за дневную и ночную стрельбы из вооружения боевой машины получила хорошую оценку. Сейчас в готовности к стрельбе еще одна рота». — «Ну что ж, начинайте, посмотрим». Послышалась музыка, и три боевые машины, фыркнув двигателями, одновременно устремились по дорожкам в поле к мишеням. С показом мишеней началась стрельба из орудий, а затем из пулеметов. Достигнув рубежа прекращения стрельбы, машины остановились, затем с левым разворотом устремились на исходный рубеж. Сухоруков говорит: «Осмотрите мишени!» Костылев, как молодой боец, рванул к машине, я еле успел плюхнуться на заднее сиденье. Подъехали к мишеням, попадания есть, но одна — при беглом осмотре показалось — не поражена. Потом, более внимательно осмотрев мишень, нашли и там одно попадание. Какие оценки, спрашивает у меня Костылев? Две пятерки и одна тройка. Пока мы возвращались, он у меня два раза спросил, а правильно ли я вывел оценки. Потом я понял, хоть он и заместитель, а трусил перед командующим не меньше моего и курс стрельб от волнения забыл.

Сухорукое остался доволен стрельбой первой смены и общей организацией. Еще некоторое время походил по стрельбищу в сопровождении Лебедева, а потом сказал: «Продолжайте занятия». Следующая смена стреляла намного хуже, даже была одна двойка. Кожушкин расстроился и говорит: «Хорошо, что Сухорукое одну смену проверил, а то стыдно». Полк уверенно сдавал проверку и получил бы общую хорошую оценку, да вот появилась одна заморочка. В полк от нечего делать заехал член Военного совета, генерал-лейтенант Смирнов. Зашел в кабинет командира, сел на его место и стал шарить в столе и, надо же, нашел пустую бутылку из-под вина и на совещании такую вонь поднял, хоть впору командиру стреляться. Вот на балл оценку за это ЧП полку и снизили. В то время политработники представляли большую власть, а проще сказать, с ними никто не хотел связываться. «Тару, тем более

пустую, командир, надо убирать вовремя», — со смехом сказал Виталию замкомдив Бондарь. Дня через три подвели итоги проверки. На подведении присутствовал командующий, а его слово было последним и окончательным. На следующее утро перед вылетом в Москву около самолета меня подозвал к себе Костылев. Прочел мне назидательную речь и в заключение высказал: «Ты, Миша, со своей задачей вполне справился, мы не ошиблись, что взяли тебя в свой коллектив». В это время к самолету подъехал Кожушкин: «Вот возьми, это тебе гостинец от нашей семьи». — «В такой большой коробке?» — «А ты думаешь, в маленькую большие канистры войдут?»

Через несколько месяцев предстояли стратегические маневры в масштабе стран Варшавского договора. И, конечно же, с участием десантников. Применение воздушного десанта по игре планировалось недалеко от побережья Черного моря, на территории Болгарии. Надо было совместно с кораблями огневой поддержки обеспечить высадку морского десанта. Для этой цели в ВДВ решили применить полк Кожушкина. Оперативная группа во главе с генералом Кузьменко зачастила в полк, в составе оперативной группы был и я. Нас, офицеров боевой подготовки, меня, Крутенко и Гавриленко, закрепили за батальонами, чтобы мы их подготовили к ответственному мероприятию.

Занятия проводили ежедневно, а за неделю до десантирования вылетели в Болгарию в район Бургаса, на площадку приземления. Вместе с нами вылетели тыл и все механики-водители десантируемых машин. Встретили нас болгары по-братски, оказывали всяческое внимание и заботу. Пришлось братушкам раньше срока с предполагаемой площадки приземления помочь убрать кукурузу. Вместе с нами была разведывательная рота дивизии. Командир роты капитан Богатилов, мой подчиненный по Афганистану. Они в основном привлекались по плану политотдела дивизии для развлекательных мероприятий и проведения совместных с болгарскими субботников по уборке урожая фруктов. Правда, пацанов предупредили, чтобы при сборе фруктов особо не заигрывали с болгарскими студентками. Надо отдать должное разведчикам, они одному колхозу помогли выйти на первое место, так председатель колхоза засыпал нашу полевую кухню овощами и фруктами. Мы, офицеры оперативной группы, жили в офицерском общежитии, которое для нас освободили летчики местного авиационного полка. До обеда на площадке приземления с механиками-водителями своих батальонов проводили занятия, затем возвращались в военный городок и были предоставлены самим себе. Через пару дней нам немного поменяли денег, и вечером мы могли себе позволить

посидеть в офицерском кафе за бутылочкой пива и даже попробовать на вкус ракию, местную государственную самогонку. Самогонование в Болгарии не запрещалось, но контролировалось государством. Если кто-то планировал гнать самогон, то изначально об этом заявлял старосте, получал самогонный аппарат, а какой-то процент самогонки сдавал государству. Болгарские офицеры, свободные от дежурства, вечерами со своими семьями собирались в кафе, пили пиво, слушали музыку, танцевали, а детишки здесь же рядом во дворе играли. Даже в этом наши братушки-офицеры в организации досуга нас переплюнули. Одним словом, мы им завидовали, но не признавались, ведь мы могучая и богатая страна, у нас все лучше, чем у других.

Однажды вечером кафе закрыли на санитарный день. Мы заподозрили наше руководство во вмешательстве в чужие дела. «Раз кафе закрыли, — говорит Имяреков, — пойдем в сельский ресторан». До него было метров восемьсот. Около ресторана много техники, даже трактор.

Зашли в ресторан, официантка указала свободный стол, сидим, ждем, пока возьмут заказ, а в это время болгары, как увидели братушек, давай свои столы двигать к нашему. Получился вечер советско-болгарской дружбы. Один подвыпивший братушка пристал к Крутенко, давай на руках померяемся силой, кто сильнее, русский или болгарин. Зрителями стали все посетители ресторана. Михаил нас не подвел, победил болгарина.

Утром уехали на площадку приземления, с механиками отработали все вопросы и вечером вернулись в гостиницу. Кафе оставалось на замке. Имяреков мне предлагает: «Пойдем в ресторан». Идем, а навстречу нам два болгарина, один нашего возраста, другой помоложе ведет велосипед, на багажнике ящик. Поравнялись мы с ними, старший нам говорит на чистейшем русском языке: «Ребята, ресторан закрыт, ваше руководство посоветовало нашим придуркам закрыть его, пока идут учения». — «Это то же, как у нас», — сказал Александр.

Старший болгарин приглашает нас в гости к себе домой. «Жена у меня русская, тесть полковник, служит в Белгородской области. Пойдемте, Нина обрадуется землякам, а заодно услышите, как русская жена встречает мужа, который немного задержался». Его дом был совсем рядом с общежитием. В багажнике, оказывается, было пиво, идем, разговариваем, пьем пиво. Остановились перед ухоженным каменным домом, виноградник, растут розы, двор освещен. Ночная сказка, и только. В болгарских селах, по которым мы проезжали, дома все чистые, дворы ухоженные. Вдоль тротуарчика виноградник, гроздья чуть не до земли, но, самое главное, никто не ворует. «Ну, парни, стучу, слушайте», — говорит Иван. Через

несколько секунд из дома раздается бранный женский голос: «Пьянь, мать твою, иди обратно, откуда приперся». — «Нина, я не один, со мной твои земляки». Дверь открылась, наступает пауза. Нина увидела прямо перед собой советских, наглаженных, начищенных офицеров и чуть было не разрыдалась. Забыла про припозднившегося мужа, стала собирать на стол и все же в силу женского характера нет-нет да и упрекнет Ивана. Минут через пять был накрыт богатый, мясной стол во дворе среди красивых, пахучих роз. Хозяйка нам рассказала, что переехали они в Болгарию больше года назад. Она работает, к ней относятся с теплом и пониманием, с языком проблем нет, друг друга понимаем. Отца навещает каждый год, но все равно по Родине тоскует. После сытной и вкусной вечерней трапезы они все вместе проводили нас до военного городка и пригласили зайти еще раз в гости. Пришлось их отблагодарить и отказаться, у нас на завтра была спланирована генеральная тренировка перед началом учения. «Тогда заходите в любое свободное время, — и тут уже Иван вмешивается в разговор, — а я завтра схожу на рыбалку и приготовлю вам уху». Около общежития мы распрощались. «Прекрасные люди живут в Болгарии», — сказал мне Александр. Где бы мы ни останавливались, к нам всегда подходили люди со словами: «Здравствуйте, братушки», — и приглашали в гости.

Утром около общежития нас уже дожидался подполковник Любомир, офицер Генерального штаба, для решения вопросов взаимодействия. «Садитесь в мою машину», — пригласил он меня и Александра. На площадке приземления еще раз уточнили порядок взаимодействия наших подразделений после десантирования и атаки объекта. Все шло так, как мы отрепетировали, но на наши головы свалилось КГБ, и они полосу пролета самолетов отнесли от трибуны, на которой будут присутствовать высокие гости из стран Варшавского договора и первое лицо Болгарии Тодор Живков. Они посчитали, что этим обеспечат безопасность присутствующих на трибуне, а то, что они ломают наши наработки, на которые мы затратили целую неделю, их меньше всего волновало.

Костерили мы их и так и этак, больше всего пришлось выслушать нелестных слов в свой адрес особисту дивизии. Стали звонить в Болград своим комбатам и по радио вносить изменения в тактику их действий после приземления. На этом неприятности не закончились, накануне всю ночь шел дождь, земля размокла. Правда, за час до начала десантирования дождь прекратился. По радио нам из Болграда сообщили, что десант в воздухе. Сухоруков пожелал успеха и говорит: «Идите, встречайте свои батальоны». Механикам-водителям в который раз напомнили порядок

десантирования из боевых машин и примерное направление места приземления. Они бегом вышли на свои направления и легли в траву, чтобы особо не маячить в поле, потому что трибуна уже стала заполняться гостями. На горизонте показался первый самолет, затем второй, третий, и началась выброска из первого самолета группы захвата со стрельбой в воздухе. И велико же было наше разочарование, когда мы увидели, что выброска техники идет не по нашему сценарию, и даже уже с внесенными коррективами выброска техники происходит очень далеко. Мы включили переносные радиостанции для связи с комбатами и по радио начинаем их приземление ориентировать по отношению к трибуне. Трибуна с воздуха хорошо просматривалась. Кое-как удалось перенацелить батальоны для атаки объектов в нужном направлении. В целом полк задачу выполнил, а те шероховатости, которые происходили после приземления, зрители на трибуне принимали за необходимые для десантников маневры. Кожушкина пригласили на трибуну, и он всем министрам обороны содружества доложил о десантировании полка и выполнении ближайшей задачи. Дальнейшую задачу полк не выполнял. Сухоруков дал команду собрать людей, технику и выдвигаться к аэродрому погрузки. К вечеру за нами прибыли самолеты, и часа через четыре мы были готовы к взлету. К самолету оперативной группы подъехал Любомир, мы стали с ним прощаться. У меня и Имярекова остались неизрасходованные левы, и мы их отдали болгарину. Тот быстро в машину и уехал. Уже стемнело, и летчики включили фары, самолеты были в готовности к взлету. Из пилотской кабины вышел командир корабля и нам говорит: «Перед самолетом стоит какой-то офицер-болгарин и машет руками». В свете фары стоял Любомир, летчики спустили трап, который расположен под пилотской кабиной, и подполковник оказался в самолете с двумя бутылками коньяка «Слънчев бряг»: «Товарищи, давайте выпьем за удачное приземление и за нашу вечную дружбу». Двигатели стали работать в полную силу. Выпили, и тут выходит командир, мы взлетаем. Еле успели выпустить Любомира, и корабль стал выруливать на взлетную полосу. Летели над Черным морем и скоро приземлились в Болграде. На следующий день оперативная группа вернулась в Москву.

Нас уже встречал начальник отдела генерал Хоменко, а мы ему поочередно представлялись. Офицеры отдела расспрашивали про Болгарию. У нас действительно было много впечатлений об этой стране. В штабе я уже чувствовал себя как рыба в воде. Иногда вспоминал Афганистан и как там горячо. По сведениям, поступающим из Кабула, там становилось еще хуже. Ближе к осени командованием войск было принято

решение в Фергане на базе отдельного полка создать отдельный учебный полк и приступить к подготовке специалистов для Витебской дивизии, ферганского полка и чирчикской десантно-штурмовой бригады. Некоторые категории специалистов учебная дивизия из-за отсутствия материальной базы готовить не могла. К тому же тамошние климатические условия мало чем отличались от афганских.

Для этой цели из состава Кировабадской дивизии вывели один полк и в короткие сроки перебросили в Фергану. Командиром полка назначили моего однокашника по училищу Евтушенко. За выполнением этой задачи лично следил Сухоруков. Вместе с ним работала группа, в которой был и я. Позднее меня, как бывшего ферганца, воевавшего в Афгане, назначили куратором на полк. В полку готовили разных специалистов для боя, стрелков, пулеметчиков, гранатометчиков, снайперов, наводчиков «АГС-17», а также просто водителей и водителей колесных бронетранспортеров. Одновременно в учебном центре создавали учебные объекты, которые чаще всего встречались во время ведения боевых действий. Были построены дома кишлачного типа, в которых отрабатывались элементы боя в кишлаке, макеты вертолетов, на которых отрабатывали высадку из вертолетов, и ряд других объектов, схожих с афганскими. В населенном пункте Уч-Курган на базе бывшего гарнизонного пионерского лагеря создали горный учебный центр. Курсанты побатальонно пешком выходили в центр, в течение двух недель отрабатывали вопросы, связанные с горной и огневой подготовкой, и возвращались в Фергану, а на смену выходил другой батальон. И так в течение полугола напряженной учебы. Курсанты в полк призывались со всего Советского Союза, и вскоре народная молва мигом облетела всю страну. В Фергане в учебке шесть месяцев готовят их сыновей, а затем отправляют воевать в Афганистан. И где-то через месяц учебы сотни родителей ежедневно стали осаждать пропускной пункт полка, требуя встречи со своими детьми.

Вспомнился один случай с Евтушенко. В его рабочем кабинете обсуждали какую-то учебную проблему. В приемной послышался шум, и в кабинет врывается женщина, мать одного из курсантов. И с ходу требует не отправлять ее сына на войну в Афганистан. Я попытался было ей что-то объяснить, но она мне в ответ: «А ты сам там был?» — «Да, был более двух лет». И только после этого она изменила тон разговора. Родителей можно было понять, они всегда боятся за своего ребенка. Свидания с родителями разрешались только в выходные дни. Все это, естественно, мешало учебе курсантов, У курсантов была на уме одна мысль, быстрее бы наступила

суббота. Однажды батальон курсантов возвращался из горного учебного центра. Был субботний день. Родители выехали встречать своих детей на дальние подступы к Фергане. Вдалеке показался походный строй курсантов. Они уже знали, что многих из них встречают родители, и старались как-то приободриться, приосаниться, идти в ногу. Один из курсантиков натер себе ногу и немного отстал от колонны. Его мама, видя такое дело, бросилась к сыну, обнимает, пытается облегчить его страдания, снимает с него автомат, рюкзак. Сын ни в какую, ты что, мама, меня позоришь, на меня же смотрят ребята, смеяться потом будут. Никто на них не смотрел, а через минуту-другую практически каждого солдата обнимала мать или девушка. Со стороны это смотрелось, как встреча победителей, которые вернулись с фронта. К сожалению, фронт им еще предстоял. Недаром родителей, как магнитом, тянуло в Фергану. Командование полка старалось ублажать родителей, по крайней мере шло им навстречу.

Но служба есть служба. С каждым днем все увереннее и увереннее курсанты себя чувствовали в горах, но однажды на занятиях по горной подготовке два курсанта сорвались со скалы и разбились насмерть. Этот случай расследовала военная прокуратура. Меня тоже Сухоруков по этому поводу направил в Фергану, а я для более объективного расследования подключил своих друзей-альпинистов, которые не могли отказать в моей просьбе. Позднее попросил их по возможности проводить с курсантами занятия по горной подготовке.

Подготовка курсантов становилась все более качественной. Появились хорошие отзывы от командиров полков, воюющих в Афганистане, о том, что курсанты-ферганцы быстрее других адаптируются к местным условиям и умело действуют в боевой обстановке. Но война есть война, а на войне гибнут люди. Погибали и выпускники ферганской учебки. Мать одного погибшего солдата написала письмо министру обороны, что ввиду слабой подготовки курсантов в полку погиб ее сын. Как мать, мы ее прекрасно понимали, но огульно охаивать напряженную работу огромного коллектива офицеров, имеющих боевой опыт, было с ее стороны нетактично. Шума это письмо наделало много. Опять приехала комиссия из Москвы, и я в том числе. В течение недели изучали учебный процесс, побывали на занятиях по горной подготовке. Занятия проходили под контролем мастера спорта по альпинизму Крылова. Члены комиссии минут десять пытались тянуться за курсантами, потом выдохлись и возвращались вниз, часа три дожидались нашего возвращения. Мне принципиально нужно было выдержать все занятие, чтобы в выводы комиссии вставить свое веское слово.

Москвичи были в столовой, были и в расположении, где отдыхают

курсанты, беседовали с курсантами, сержантами и офицерами.

В своих выводах комиссия Министерства обороны отметила отличную организацию учебного процесса и быта курсантов в учебном полку. Комиссия уехала, а неприятный осадок у офицеров полка остался.

Вернулся в Москву и тотчас на доклад к командующему. Слушал он меня внимательно, не перебивая, потом задал несколько вопросов и, как мне показалось, ответом остался доволен. Один из его вопросов был кадрового характера, есть ли смысл отстранять от должности командира роты и комбата? Конечно, тогда мое мнение для Сухорукова было несущественно. Однако ротного и комбата оставили на должностях, но административное взыскание они понесли.

После доклада поднялся на свой этаж, зашел в отдел и не успел поделиться впечатлениями о командировке, как потребовал к себе Хоменко. «Ну, как результат поездки?» Доложил и ему все в развернутом формате. «Это хорошо, давай собирайся в командировку. Группа вылетает в Каунас, а затем в Капсукас готовить полк Сыромятникова для участия в учении «Щит-84». Полк десантируется в Чехословакию, у тебя уже опыт есть, вот и дерзай. Точное время вылета доведу позднее».

В полку работали не менее недели. За это время полк совершил два прыжка, а после на площадке приземления подразделения отрабатывали задачу, схожую с той, которую нужно будет выполнять после десантирования в Чехословакии. Наша оперативная группа вместе с механиками-водителями вылетела на аэродром в Братиславу, а оттуда на автомобилях в район учения. Десантникам было определено для оборудования лагеря место на опушке ухоженного лесного массива. Егеря не менее трех раз в сутки обходили наш лагерь, создавалось такое впечатление, что они нас пасут. Оперативная группа расположилась в здании какого-то спортивного общества. Бывало, вечером выйдешь посмотреть на природу, а недалеко в поле полно зайцев, и не пугливые — они, как котята, играли друг с другом. Позднее до нас дошло: егеря обложили не нас, они охраняли зайцев от нас. В вопросе культуры поведения нам, восточным славянам, до наших братьев западных, как до Луны.

Мы ежедневно выезжали на площадку десантирования и с механиками отрабатывали задачи, которые предстоит выполнять после десантирования. Примерно повторился болгарский сценарий. Полк десантировался, атаковал объект, и на этом действия для десантников закончились. Вечером автомобильный батальон Группы войск перебросил людей и боевую технику на аэродром в Братиславу. Учение десантники провели в хорошем

темпе, дерзко и решительно. Да вот только такого теплого гостеприимства, как в Болгарии, здесь не было.

Однажды, возвращаясь с площадки приземления, всей компанией заехали в пивной бар. Сели за стол, заказали пиво, отдыхаем. Поповских включил приемник «Россия», слушаем музыку и тихонько разговариваем. К нам подсели два чеха и как пристали к Павлу, подари приемник, и все тут. Разведчик было уже настроился отдать приемник, но тут вмешался Шуленин: «Не отдавай, пошли они подальше». Вдобавок ко всему во время десантирования журналисты, которых на площадке было полно, сперли два парашюта. Один солдаты отняли и немного подкинули нахалюге, а вот второй они успели перекинуть через придорожную канаву и увезли на машине. Номер машины записали и передали особистам, те по своим каналам быстро перехватили, и вечером мы уже знали, что парашют увез польский журналист.

По приезде в Москву состоялось учение тульского полка с десантированием и боевой стрельбой на площадку в Гоже-Поречье, что в Белоруссии. Состав оперативной группы был маленький, старший Хоменко, с ним я, от политотдела Синицын. Проверили готовность полка к учению и перелетели на аэродром в Барановичи, а оттуда на машине до района учения. Рано на рассвете полк десантировался, выполнил ближайшую задачу, а затем совершил марш в район обороны около озера с интересным названием Молочное. Полку была поставлена задача в течение ночи перейти к обороне, а мы, чтобы не мешать офицерам, решили отдохнуть в Доме рыбака. Этот самый дом как раз был на берегу озера, но, поскольку был рабочий день, свободные места нашлись и для нас. Хоменко сказал: «Ребята, что-то мне нездоровится, пойду отдыхать», — а мы вышли на пристань просто погулять. Пристань была деревянная и длинная. Мы по ней тихонько идем, в одном месте Александр чуть было не наступил на конец неприбитой доски. Хорошо, что вовремя заметил, а то бы в вечернюю воду окунулся. Подошли к концу пристани и любуемся водной гладью. Лишь изредка крупная рыба покажется на поверхности, и круги далеко расходятся в разные стороны. Полюбовались природой и повернули назад. В это время три рыбака, обутые в высокие сапоги и тепло одетые для ночной рыбалки, идут к лодке. Нам показалось, что один, который шел с грузом для якоря, вот-вот наступит на конец злополучной доски. Точно, через несколько шагов рыбак наступает на доску, свободный конец поднимается вверх, и невезучий вместе с доской уходит глубоко под воду. Его друзья первоначально падают от смеха, рыбак через пару секунд появляется на поверхности. Ему кричат, бросай груз, а он им в ответ, я за

него деньги заплатил, и снова скрывается под водой. Здесь уже и мы засмеялись, но потом приняли участие в спасении горе-рыбака, ведь был уже конец сентября. «Утопленник» снял с себя одежду, отжал ее и опять надел, мол, на теле быстрее высохнет. Друзья ему сто граммов налили, а затем, шутя и смеясь, всей компанией уплыли на ночную рыбалку.

Рано утром проснулись, тревожить не стали генерала и потихоньку с Александром пошли пешком до командного пункта полка, проверили готовность батальонов к действиям в обороне, послушали доклады ведущих начальников служб. Сердечный, командир дивизии, спросил у меня: «Где Хоменко?» — «Да что-то нездоровится генералу». После завтрака одна рота форсировала водную преграду, тоже все нормально прошло, ни одной машины не утопили. На этапе боевой стрельбы к нам на помощь подъехал корифей огневой подготовки Шведов. Проверили все мишени, процент поражений вполне укладывался в удовлетворительную оценку. Написали разбор учения, приложили оценочную ведомость за этап боевой стрельбы и поехали к Хоменко на утверждение оценки. Когда подъезжали, увидели его прогуливающимся недалеко от Дома рыбака, вид у него был еще не очень здоровый. Доложили ему про все дела, он, в свою очередь, у Шведова поинтересовался, как идет строительство учебного центра. Вечером мы всей группой с Гродно убыли в Москву. Хоменко доложил командующему, как прошли подготовка к учению, десантирование и этап боевой стрельбы. Прошло немногим более полугода, как наш начальник заболел и попал в госпиталь.

В тот день я был помощником оперативного дежурного на запасном командном пункте в Петушках, мне позвонил Жигульский: «Случилось несчастье, умер наш начальник, генерал Хоменко».

И снова Жигульскому пришлось исполнять обязанности начальника отдела. По словам Петра Григорьевича, ему надоело служить с приставкой и.о. начальника отдела, об этом он даже заявил Сухорукову. Через некоторое время начальником отдела назначают Тавгазова. До перевода к нам в отдел Тавгазов командовал брестской десантноштурмовой бригадой. Затем отдел развернули до управления, возглавил его генерал Пикаускас, командир Белградской дивизии, он же стал и заместителем командующего ВДВ по боевой подготовке, а Тавгазов стал заместителем начальника управления. Дивизию Пикаускас передал Чиндарову, который прошел все должности от командира взвода до замкомдива, а после академии в Афганистане служил начальником штаба полка. Вот с тех, афганских, пор у меня с ним сложились хорошие взаимоотношения, которые продолжаются и сейчас. По прошествии некоторого времени в управлении появилось

много новых офицеров: Денисов, Чебышев, Никифоров, Ливенский, да всех уже не упомянуть, с которыми долгое время были на учениях и стрельбищах.

Все десантно-штурмовые бригады подчинили ВДВ, чуть позже две из них сократили, а личный состав передали в оставшиеся бригады. С подчинением бригад командировок добавилось. Однажды Пикаускас к себе в кабинет пригласил меня и Зуева, а потом, как в армии говорят, ввел в обстановку. Министерство обороны решило проверить все учебные подразделения Туркестанского округа, где готовят солдат для пополнения 40-й армии, в том числе и наш учебный полк в Фергане. «Старшим будет генерал-лейтенант от инспекции Лебедев, наш десантник. Надо оценить подготовку молодых курсантов на день их обучения, а обучались они только два месяца. О ходе проверки информируйте меня по телефону». В составе комиссии долетели до Ташкента, далее самолетом «Ан-2», который за нами прислал из Ферганы командир полка Пархоменко. В свое время Пархоменко командовал разведротой ошского полка. Евтушенко убыл на повышение в свою родную учебную дивизию, где занял рабочий кабинет замкомдива. По прилете в Фергану Лебедев на совещании до всех довел план работы нашей группы и потребовал от командира полка спокойной обстановки, особенно при выполнении учебных стрельб. Мы с Зуевым работали с утра до вечера, порой некогда было поесть. Прошло три дня работы, подвели первые итоги, и надо же, у курсантов получается хорошая оценка. Зуев был более дружен с Лебедевым и пошел к нему с докладом. Генерал говорит: «Мужики, мне никто не поверит, что за два месяца курсант уже подготовлен на «хорошо», умеет уверенно поражать цели и бегать здорово кроссы. Хотя лично я сам был на стрельбище и видел, что пацаны кое-что уже умеют, но не настолько же, как их оценили вы. Вечером я позвонил Пикаускасу, но его на месте не оказалось, Тавгазова тоже, пришлось говорить с Костылевым. Доложил ему, как и Лебедеву. «Миша, нас наверху не поймут, не вышедохлой тройки, ты понял меня?» — «Понял, товарищ генерал». Получается, что мы переусердствовали в своей работе. Зашел в столовую, поужинал и поехал в гостиницу отдыхать. Раньше, когда теща еще оставалась жить в городе, всегда останавливался у нее, а сейчас она живет у нас в Москве, поэтому я жил в гостинице. Лежу, читаю книгу. Стук в двери, открываю, на пороге Лебедев и Зуев. «Может, пригласишь войти». — «Ну вот, мы работаем, а он отдыхает». — «Так ведь на сегодня занятия все закончились», — стал оправдываться перед генералом. «Ну, раз с хорошего, так вот сообщаю, тебе присвоили полковника, только что позвонил Пикаускас и просил тебя поздравить. Ну,

обмыть это звание есть у тебя чем?» — «Сейчас организую». — «Да ладно, мы предусмотрели этот вариант и прикупили». За дверями будто кто-то стоял и подслушивал. Открывается дверь, заходит с большой коробкой в руках тыловик, а за ним Кочедыков с папахой в руках. «Ну как, Миша, доволен?» — «Еще бы!» — «Ну, давайте вздрогнем за молодого полковника». Посидели минут тридцать, и компания заторопилась.

Остался со мной Кочедыков, а мне не терпится поехать к нашим друзьям Косолаповым и похвастаться папахой.

«Саня, где машина, поехали на Чек-Шуру к Алле с Женей». Минут через пять поднимаемся на второй этаж, звоню, дверь открывает хозяин. «Заходите. Алла, к нам полковник из Москвы пожаловал, накрывай стол». Алла по достоинству оценила мою папаху, накрыла стол, и мы второй раз за вечер обмыли папаху. Через три дня закончили проверку и вылетели в Ташкент. В штабе округа главный инспектор подвел итог инспектирования учебных частей. О недостатках было сказано много, но звучали и хорошие слова в адрес командиров, которые занимаются подготовкой пополнения для Афгана. Вспомнил он и фамилию ферганского командира Пархоменко. Слова главного инспектора нам было приятно слышать. Уже в Москве, на совещании управления Пикаускас официально подтвердил слова главного инспектора о том, что учебный процесс в полку идет нормально, и добавил: наши полковники в Фергане со своим заданием вполне справились. Хотя мы и не женщины, но хорошее слышать о себе приятно. Тем более Тавгазов напомнил, что надо отгулять положенный отпуск за этот год, и через пару дней я был уже в отпуске. Около недели отсыпался дома, ну, конечно, не сутки напролет, а так нет-нет да и на диване между делом пару часов придавишь. В те времена в санаторий не тянуло, да и отцу обещал, как только полковника присвоят, сразу представляться приеду, он этого дня ждал с нетерпением. Обычно в отпуск ездил в гражданке, но как только очередное звание присваивали, к родителям только в форме. Отцу приятно показать сына в форме, да и самому перед друзьями было велико желание пофорсить. Оттянулся дома на все сто, несколько раз ребята на охоту приглашали, но охотник из меня неважный, не потому что стрелять не умел. Просто в животных, даже в того самого зайца, жалко было стрелять, гулял с ружьем по полям, по лугам, вот и вся охота была. Иногда стрелял по пустым бутылкам, раньше только стеклянная тара была. Повесишь бутылку на куст и картечью как жажнешь, бутылка вдребезги, вот и все. Удовольствие от охоты, но аппетит нагуливал отменный.

Выберем местечко поукромнее и пару часов чай пьем, который был в особом термосе.

Отдохнул при родителях и обратно в Москву к семье, а затем на службу. Практически каждую неделю в войсках были какие-нибудь мероприятия, и «боевики», то есть мы, обязаны на них быть, и не просто быть, а еще проводить занятия, контрольные проверки. Так продолжалось уже не первый год. Чем больше мы работали в войсках, тем больше приобретали практический опыт. У нас уже были свои взгляды на организацию боевой учебы в войсках, могли отстаивать свое мнение на совещаниях, собраниях перед руководителями боевой подготовкой.

В связи с этим вспоминается случай, когда мы, простые коммунисты, не согласились с начальством при голосовании по одному деликатному вопросу. Готовился убыть в очередную командировку. Вылет был запланирован с аэродрома Чкаловский, но в последние часы по каким-то техническим причинам нашу группу отправили на аэродром в Клин. До Ферганы перелет долгий, а если еще и ветер встречный, все шесть часов уйдут. В гермокабине народу полно, потому что в грузовом отсеке на большой высоте в «Ан-12» полеты запрещались. Часа через два лету мы наверняка находились над территорией Казахстана. На меня внимательно посмотрел, как будто что вспомнил, и к себе подозвал начальник политуправления ВДВ, генерал-лейтенант Смирнов. «Послушай, — с ивановским говорком начал генерал, — вчера я был у командующего, он дал мне прочитать письмо, которое написала одна гражданка о похождениях некоторых офицеров боевой подготовки. В нем есть и твоя фамилия». — «А какова моя роль в том письме?» — «Отрицательная». На этом наш разговор закончился.

Прилетели в Фергану. Работаем день, второй, на третий день меня просит к телефону Жигульский. В начале разговора спросил, как в полку идет учебный процесс, а потом следует вопрос в лоб: «Миша, скажи, ты бывал в компании со Степанычем?» Он думал, что я еще не в курсе кляузы, которую прислала женщина. «Да не был я в той компании». И дальше продолжает: «К письму бабенка приложила фотографию всей компании, но тебя там действительно нет. Сейчас со всеми офицерами, которые отметились на фотографии и указаны в письме, разбирается секретарь парткома Борисевич. Ему приказал Сухоруков. Готовим партийное собрание, как вернешься из Ферганы, так сразу будем его проводить». К концу недели наша группа вернулась в Москву, а в понедельник партийное собрание. На собрании были все, даже Сухоруков, он тоже состоял на партучете в нашей партийной организации. Слово предоставили секретарю парткома Борисевичу. Полностью содержание письма он зачитывать не стал, по его словам, дальше одна похабщина. Нам стало понятным, письмо

написано под диктовку человека, который работал в управлении. В письме были указаны города и точные числа убытия офицеров в командировку, а это служебная тайна. Вскоре все стало на свои места. В административно-хозяйственной части управления работала некая Марина. Она же и свела Степаныча со своей племянницей. Закрутился, завертелся роман, а дальше еще больше. Особа потребовала, чтобы Степаныч бросил семью и женился на ней. Дело зашло далеко, бедолага еле успел опомниться, а девушка требовала продолжения романа. Степаныч набрался мужества и сказал своей зазнобе, что семью не бросит. Тогда она решила отомстить, а чтобы письмо было более убедительным, вложила в конверт фотографию, на которой вместе с женщинами на ее же дне рождения были мои товарищи, а также указала целый ряд фамилий офицеров с краткой характеристикой каждого. Про Поливоду она написала, что он импотент, хотя он там не был, но в списке и его фамилия стояла, а про меня и Крутенко, что у нас в каждом городе есть любимые женщины, да и про других разную ерунду написала. Марина, оказывая услугу родственнице, по всей видимости, от недостатка ума не подумала о тех последствиях, которые могут ее ожидать. Командующий решил все по-своему, чтобы гром вдруг наверху не загремел снова, пригласил к себе нашего Ромео и предложил ему уволиться по болезни, а к концу службы у каждого военного можно найти целый букет болезней. Одновременно руководство ожидало от нас резкого осуждения походов нашего партийного товарища, вплоть до исключения из партии. Именно на исключение из партии руководство ставку и делало, нам как бы об этом намекнули. Во время перерыва мы решили, что за исключение из партии голосовать не будем, не стоит такого наказания его проступок. Они дома сами разберутся, а нам постельное белье нет смысла перебирать, решили твердо на своем стоять. Наступил момент голосования. За исключение из партии — одно руководство! За выговор — все остальные. Руководство зароптало, объявили перекур. За дверями провели консультации. Сухоруков почувствовал исход голосования и покинул заранее партийное собрание. Снова голосование. Результат не изменился. Мы не уберегли товарища от увольнения, но исключить его из партии руководству не позволили. В то время партийный билет много стоил, и его лишение было бы своеобразным приговором для него. После у нас со Степанычем был свой разговор. К вечеру о результатах голосования на партсобрании боевой подготовки знали все офицеры штаба, разговоры были разного толка, но вскоре об этом случае забыли и забыли даже о том, что Владимир больше у нас не служит.

Однажды в штабе пополз слух, что Сухоруков уходит на повышение,

вскоре эти слухи подтвердились. Командующий был назначен заместителем министра обороны, начальником главного управления кадров. Через неделю Сухоруков уже в другом качестве нам представлял нового командующего войсками, генерал-полковника Калинина, который в свое время командовал ошским полком, а позднее был замкомдивом Ферганской дивизии. Так что я его знал по совместной службе, а однажды даже убедился в том, что он и меня помнит. Когда он знакомился с войсками, операторы меня включили в состав рабочей группы, которая на местах регулировала порядок знакомства с частями и подразделениями, а также для показа учебной базы.

В Каунасе на стрельбище он у меня уточнил: «Ну как, здесь лучше, чем в Фергане?» Ну, раз помнит, будет легче служить, про себя отметил я.

Из-за частых командировок очень мало времени уделял семье. Мне, как отцу, с сыном повезло, учился он хорошо, не баловался, в подъездах вечерами не околачивался и не курил. В один из майских дней жена мне говорит: «Постарайся быть дома хоть в день окончания сыном школы». Пообещал жене и сыну, что на выпускном вечере обязательно буду, и слово сдержал. Мы вместе с женой и другими родителями присутствовали при вручении нашим детям аттестата зрелости. После практически всю ночь не спали в ожидании сына, а вернулся он далеко за полночь и матери говорит, утром мы всем классом собираемся у Варвары на квартире, вот только бы не проспять. В какое учебное заведение поступать, мы с ним давно уже обговорили. В то время было престижно учиться в военном институте иностранных языков. Он туда поступил.

А я все продолжал совершать турне по войскам, но только в сапогах, и остальные мои товарищи из боевой подготовки не отставали, а Шведов тот вообще из командировок не вылезал. Приезжал только за получкой да на партийные собрания. Вот здесь обязаловка работала, он любил на собраниях выступать и все про учебный центр.

Через два года от нас ушел Калинин, его утвердили в должности командующего Московским военным округом, или, как его за престижность еще называли, Арбатским округом, а его кабинет занял Ачалов, тоже десантник.

Прошло еще какое-то время. Однажды, возвращаясь из очередной командировки, приземлились на аэродроме Чкаловский и автобусом поехали в управление. Мы были приятно удивлены, когда за окнами автобуса стали мелькать афиши с десантной символикой. Нам даже удалось прочитать содержание необычной рекламы. На базе спорткомплекса ЦСКА проводится соревнование на первенство ВДВ по рукопашному бою. Мы

оживленно стали обсуждать предстоящее мероприятие. Все сошлись в едином мнении: реклама добавляет очки и без того большому авторитету Воздушно-десантных войск. Оказывается, реклама о предстоящем соревновании мелькала на экранах телевизоров, передавалась по радио. Чтобы соревнования в таком большом комплексе прошли организованно и не было язвительных замечаний со стороны местной администрации в адрес ВДВ, Ачалов приказал распределить комплекс по секторам и организовать дежурство офицеров. Само собой разумеется, наибольшая ответственность легла на плечи офицеров боевой подготовки. Каждый получил участок работы. Меня назначили комендантом соревнований.

В ближайшую субботу состоялись соревнования по рукопашному бою. Еще задолго до открытия комплекса собралось огромное количество народа, особенно много молодых парней. В то время было очень престижно служить в десантных войсках. Да и сегодня среди молодежи есть еще желание служить в этих войсках. Ну как же, сами десантники между собой будут оспаривать призовые места. В десантное училище конкурс при поступлении был выше, чем в престижные вузы страны.

За считанные минуты весь зрительный зал был заполнен до отказа, еле отсекали остальную толпу и закрыли двери. Что естественно вызвало бурю возмущения: одним можно, а другим нельзя. Да всем можно, только зал всех вместить не может, но это молодежь меньше всего волновало. С трудом удавалось удерживать свободные места для приглашенных высоких гостей. Мы ожидали приезда министра обороны и командующего. Я с группой десантников через стекло всматривался в людское море, чтобы не пропустить приезд начальства. Кто-то из офицеров мне кричит: «Ачалов около служебного входа, через толпу пройти к двери не может». Командую: «Парни, за мной и бегом к служебному входу». А сам думаю, нормальные гости входят со стороны парадного. С трудом открываем двери, еще тяжелее было сделать в толпе коридор. Ачалов протискивается сам, а я веду его жену за руку. Зашли в холл, командующий мне с возмущением: «Почему бардак на территории?» Не смог я ему ответить, почему многие пришли на это соревнование. Снимут с должности. Мы его так и прозвали Фотограф. Всегда грозил: «Сниму с должности». Но, насколько мне помнится, никого так и не снял. И далее более примирительно: «Ладно, смотри внимательно, сейчас подъедет Субботин, наш куратор от ЦК, приведешь его ко мне». Внимательно осмотрел толпу на улице и увидел через стекло куратора от ЦК, тот стоял в стороне и курил. Он мне потом скажет, что через эту толпу только на танке можно было проехать. Отвел своего сослуживца к Ачалову, по дороге он мне говорит: «А Горячев

здесь?» — «Где-то здесь, недавно видел». — «Давайте после соревнования встретимся и посидим где-нибудь». — «Ладно, а пока смотри представление».

Тяжело было поддерживать порядок среди гражданских лиц, хорошо, что предусмотрительно пригласили ОМОН, тем более среди бойцов были в основном десантники, они помогали поддерживать порядок внутри помещения. Закончился первый день соревнований. Для официальных лиц в «греческом зале» накрыли стол. Ключ от зала на хранении был у меня. Внутри мы организовали наблюдение за движением vip-персон, чтобы не повторить утренней ошибки. Как только vip-персоны зашевелились, я тут же открыл зал, а они туда толпой. Минут через тридцать вышли расслабленные, довольные, уж очень расхваливали организацию соревнования. Жена Ачалова мне лично подала руку и сказала: «Спасибо». А командующий предупредил, чтобы завтра все были на своих местах заранее.

Минут через десять после отъезда гостей ко мне подошел Пикаускас: «Михаил Федорович, там что-нибудь осталось?» — «Не знаю, сейчас открою». Съестного на столах было много. «Останьтесь со мной, а то еще оговорят». Он выпил чашку чая, съел бутерброд, взял пару конфет. «Сейчас можно и до вечера терпеть. Большое спасибо», — и ушел. Я, как Плюшкин, дверь на замок и стал дожидаться тылови́ков. Предупредил их, что завтра все начинаем сначала. На следующий день народу меньше не стало. К концу соревнований все двери были открыты, а через несколько минут в зале было очень тесно, да и ковер, на котором проходили схватки, не всем был виден. Тем не менее молодежь была очень довольна. В штабе еще несколько дней кряду обсуждали соревнование, в основном подобные жаркие дискуссии проходили в курительной комнате, где синева дыма мешала рассмотреть лица офицеров.

В один из дней открылась дверь, и на пороге показался оперативный дежурный: «Как вы такой смрад переносите? В пятнадцать часов совещание в актовом зале, проводит командующий».

«Вскоре к нам прилетает Дик Чейни, министр обороны США», — такими словами Ачалов начал совещание. Мы были удивлены и внимательно слушали. В конце восьмидесятых наметилось некоторое потепление между СССР и НАТО. Уже считали, сколько надо иметь танков СССР до Урала и сколько за Уралом, сокращали количество ракет и другого тяжелого вооружения. Сначала американцы удивлялись уступкам Горбачева, а затем обнаглели и сами стали навязывать свою волю Союзу. Вот в такое время Москва и принимала заморского гостя.

Конечно, бани, попойки были предусмотрены, но надо было показать и непобедимую армию и действия солдата на поле боя и вообще боевую подготовку советского солдата. Предусматривалось посещение Диком Чейни десантников. Ближе всех к Москве дислоцировалась Тульская дивизия, она и должна была перед гостем отдуваться за все десантные войска. Нам всем нашлась работа в Туле. Показательные занятия готовили по высшему классу и даже не думали пасовать перед нашим недавним противником. Одновременно готовили сержантов и младших офицеров, которые будут самостоятельно проводить занятия с отделением, взводом перед американцами. Параллельно готовили батальонное тактическое учение с десантированием и боевой стрельбой. Это учение и было козырной картой всей показательной программы.

Накануне приезда гостей нам Ачалов немного рассказал о деятельности министра обороны, о его привычках, вкусах, что можно пить, а что нельзя. «Вы понимаете, наверху рекомендовали не спаивать гостя, у него гастрит», — и засмеялся.

В Тесницком, недалеко от стрельбища, на живописной поляне около пруда, поставили палатку для Язова, Чейни и Ачалова, а чуть дальше для остальных гостей, чтобы по пьянке не братались. Военторг навез массу всяких деликатесов. Столы ломились от закусок и выпивки.

Знакомство с десанниками началось с показа объектов боевой подготовки в учебном центре, затем плавно переместились на учебные точки, где занятия проводили нами подготовленные младшие командиры. Однако Чейни и сопровождающих его офицеров больше всего заинтересовало занятие, которое проводили дивизионные разведчики. Он не поверил своим глазам, что такое высокое мастерство показывает солдат, а не офицер. Он попросил разведчика показать ему свой военный билет и долго сверял фотографию в билете с оригиналом, но убедился, что его не обманывают. После этого что-то обдумывал, а затем сказал своим офицерам: «Это высокий класс!» Затем гостей повезли на площадку приземления, около автобуса они немного покурили и поднялись на трибуну. Им объяснили, что сейчас они будут наблюдать десантирование парашютно-десантного батальона и захват объекта. Пока американцам заговаривали зубы теорией, на горизонте показались самолеты. В первой группе находилась боевая техника. Боевые машины десантировались на реактивных системах. Еще боевая техника не успела коснуться земли, как началась выброска личного состава батальона из дверей и с рампы самолетов. С земли все это выглядело очень зрелищно. И тут такое стало твориться на земле, что у гостей от удивления раскрылись рты. Кругом

стоял грохот от взрывов, пламя вырывалось из сопел реактивных двигателей. Площадку приземления заволокло дымом, который и скрывал приземление парашютистов, а когда дым рассеялся, янки увидели стремительную атаку десантников на объекты условного противника. Они на ходу стреляли из орудий боевых машин и стрелкового оружия через бойницы в машинах. Картинка боя была как на ладони и смотрелась здорово. Через несколько минут с объектами противника было покончено, и далее, по замыслу, батальон должен совершить марш в новый район, занять оборону и отразить атаку неприятеля. Батальон скрылся в лесу, а одна рота повернула на стрельбище, где заранее была подготовлена мишенная обстановка для боевой стрельбы. Гостей попросили подняться на смотровую площадку центрального пульта. Вот здесь иностранцы проявили повышенный интерес абсолютно ко всему. Пульт управления обступили со всех сторон, рассматривали каждую кнопку, каждый рычажок, как ведется отсчет времени на выполнение упражнения, и только потом стали смотреть на поле. Отсюда они видели, как трассеры прошивают мишени, а противотанковые управляемые реактивные снаряды на большом расстоянии поражают танки. Одним словом, море огня бушевало на войсковом стрельбище. Американцам понравилось, у них дома столько боеприпасов на стрельбу не выделяют. Они давно умели считать деньги, да и сейчас уже в уме прикинули, сколько их надо на такую стрельбу, а мы не считали. Родина-мать для нас тогда боеприпасов и горячего не жалела.

После показа учебных баталий гостей любезно пригласили на поляну, где их встречали русские красавицы хлебом-солью. Угощали всякими разносолами и блинами с икрой, и медом, и водкой русской и нерусской почти дотемна. По словам Ачалова, несмотря на запрет лечащего врача, Дик Чейни тоже изрядно подпил и постоянно хвалил блины с медом, икрой. Вот так, успех десантников, добытый через пот в поле, был закреплен в тылу. У нашего министра обороны Язова от успеха приятно закружилась голова, на радостях он много раздал орденов и медалей десанникам. Досталось по ордену и нам, офицерам боевой подготовки. Мы успешно завершили свои представления для высокого американского гостя и с чувством выполненного долга убыли в Москву.

Как только переступил порог квартиры, жена мне сразу выдает: «Что ты за отец, если за все то время, которое наш сын находится в учебном центре института, ты только один раз побывал у него. Другие отцы каждый день навещают своих детей». — «Успокойся, во-первых, не один раз, а два, и тем более не надо баловать будущего офицера». Но мать трудно в чем-то

переубедить. «А во-вторых, из командировок не вылезая. Живут ребята в палатках на свежем воздухе, ну хватанут немного солдатского лиха, так это им только на пользу, да и служба в будущем не будет казаться медом. К сожалению, в воскресенье я уезжаю на экзамены в свое родное училище. Не волнуйся, буду звонить, а ты у сына уточни, когда день присяги».

Экзамены у курсантов нашего училища были в сентябре. Почему не как у всех? Было увеличено количество часов на изучение парашютных платформ и швартовку боевых машин. Экзамены проходили в учебном центре Сельцы. Погода выдалась на славу, настоящее бабье лето. Экзамены проходили спокойно, по-деловому. В свободное от экзаменов и консультаций время мы гуляли по лесу и собирали грибы, а их было полно. Пришло время позвонить в Москву и уточнить день принятия присяги у сына. Присяга через неделю. «Хорошо, тогда звони Людмиле с Петром и приглашай их ко мне в лес за грибами, а встречу вас в Рыбном. Ты не волнуйся, Петро знает, как ехать». Друзья согласились и вместе с женой приехали за грибами. Заранее договорился о ночлеге, а утром ушли в лес собирать грибы. Из леса вернулись только к обеду, уставшими, но с полными корзинами грибов. Отдыхали до вечера, вечером жену и друзей отвез в Рыбное на московскую электричку. Петро сказал, что отдохнули на пятерку, но самое главное, грибов заготовили на всю зиму. Уже на перроне Елена мне еще раз напомнила: «Не забудь, в субботу у Гены присяга». — «Помню, помню», — успокоил жену.

Накануне отъезда в Москву подошел к Лебедеву, так, мол, и так, товарищ генерал, сын в субботу принимает присягу, хотелось быть на торжестве. «Святое дело, не возражаю». В Москву приехал поздно, пришлось ловить такси. Минут через двадцать нажимал на звонок. Жена уже стала беспокоиться, а вдруг не приеду. «Ты все приготовила к завтрашнему дню?» — «Даже торт испекла, «Наполеон», Гена его любит». — «Я тоже этот торт с удовольствием ем», — хмыкнул про себя.

Утром я с женой, Мокровы и еще кто-то из друзей сына были на плацу института. Вскоре под музыку военного оркестра на плац вышли подразделения курсантов. Ребята были одеты с иголочки. Мы с женой стали глазами искать сына в общем строю. «Я вижу его!» — воскликнула жена. «Где он?» — «Да вон же стоит в четвертой коробке». Гражданского люда был полон плац, и каждый хотел протиснуться поближе к курсантскому строю. Курсанты тоже пытались отыскать своих родственников и вертели головами в разные стороны. Мы, как и другие мамы и папы, махали руками в надежде, что именно нас сынок и заметит. Но тут внезапно последовала команда: «Равняйся, смирно». Оркестр

заиграл встречный марш. Кто-то из генералов докладывал начальнику института, генерал-полковнику Танкаеву о том, что институт построен по случаю принятия Военной присяги молодыми курсантами. На приветствие своего начальника личный состав института ответил не очень дружно, по крайней мере нам так с Мокровым показалось. «Наши десантники на приветствие отвечают лучше», — отметил Геннадий. Начальник института приказал командирам подразделений приступить к принятию присяги. Минут через сорок торжественная часть мероприятия закончилась. Руководство института пригласило всех родителей на обед вместе с сыновьями в курсантскую столовую. После обеда ребят отпустили в увольнение. Они стояли в строю и по очереди подходили к своему курсовому офицеру, из его рук получали увольнительную записку и становились в строй. Глядя на сына, жене в шутку говорю: «Нашему не достанется». И точно, Гена и еще двое ребят остались без увольнительных записок. Ребята в такой ситуации выглядели очень растерянными. «Ну вот, накаркал», — сердито сказала жена. «Не переживай, сейчас курсовой все уладит». И действительно, Новиков быстро уладил неожиданно возникшую проблему, сам подошел к ребятам и каждому вручил увольнительную записку. Мы своего — в машину Мокрова и домой.

Дома началось застолье, поздравления. За весельем не заметили, как наступило время возвращаться курсанту в казарму. Ой, как не хотелось ему уходить из дома. Вызвали такси, чтобы дорогой не попался в руки военного патруля. «Все, сынок, пора ехать, не скучай». Мы же с друзьями еще долго обсуждали будущее наших детей.

Утром следующего дня жена собралась навестить сына, а мне предстояла дорога в Рязань. Словом, чем ближе моя служба подходила к концу, тем быстрее мелькал настенный календарь. Одна-две командировки, и месяц прошел. Командировки офицеров боевой подготовки были трудными в плане того, что они были связаны с полевыми занятиями. Наиболее напряженными были сутки, которые предшествовали подготовке к учению. Командование ВДВ всегда от нас, войсковых посредников, требовало, чтобы все мероприятия проходили, как написано и нарисовано на бумаге, но такого быть не могло. На бумаге одно, а в жизни другое. Штабы наших дивизий, полки в основном размещались в областных городах. Выход боевой техники при проведении серьезных мероприятий из военных городков весьма затруднителен.

В связи с этим вспоминается один забавный случай. Командующим тогда был еще Сухоруков. В штаб ВДВ для прохождения службы прибывали офицеры со всех дивизий, а там оставались их друзья,

товарищи, ну как не поставить их в известность о готовящейся внезапной проверке или другом мероприятии. Одним словом, своевременно сливали информацию командованию дивизий или полков. Так вот однажды Сухоруков решил переиграть своих офицеров и применил эффект внезапности. К вылету для работы в войсках готовилась большая группа офицеров, в том числе и боевой подготовки. Утром выехали на аэродром Чкаловский, а в какую дивизию вылет, никто не знал, все терялись в догадках. Взлетели, минут через двадцать командующий объявляет, летим на Псков. Офицеры переглянулись, но утечка информации в данный момент исключена. Прилетели, приземлились, кругом тишина. Сухорукова встретил генерал, один из замов командующего военно-транспортной авиации. До нас дошло, что между штабами ВДВ и ВТА заранее имелась договоренность о нелегальном прилете нашей группы в Псков. Главный десантник с авиатором сели в автомобиль и уехали, как потом выяснилось, в штаб дивизии. Время было обеденное, в штабе ни души. Командующий приказывает оперативному дежурному объявить всем офицерам сбор, а за нами выслать автобус. Что началось в гарнизоне — беготня, суета. Одним словом, случился переполох. Часам к трем местные командиры организовались, и дальше все пошло по плану учебной тревоги с выходом войск в районы сосредоточения. В 234-м полку старшим работал Жигульский, с ним были Зуев и я. В парке хранения боевых машин роты строились в колонны и начинали движение. Выход из парка каждый батальон осуществлял через свои ворота, а дальше был один маршрут на всех. Но поскольку в данный момент служба регулирования не была организована, а каждый батальон хотел как можно скорее уйти из парка, образовалась пробка. Последняя рота уперлась в ворота, и дальше все, приехали. Жигульский, видя этот бардак, начинает заводиться и шуметь. «Чему их только учат в училище, командира роты ко мне». Мы с Зуевым видим, что к нам бежит Жигульский — младший сын Жигульского. Чем ближе подбегал офицер, тем мрачнее становилось лицо проверяющего. Увидев сына, старший Жигульский оторопел, он не ожидал, что в эту ситуацию попадет его сын, ротный. Тем не менее нашелся, что сказать не сыну, а нам. «Вот видите, молодому ротному из дивизии или полка некому и помочь». Геннадия мы не стали задерживать, и он убежал обратно в голову колонны, но мы его предупредили, чтобы он горячку не порол и не спешил, пропустил всю технику полка, а затем выводил свою роту. Старший Жигульский отошел в сторону, вот тогда мы и посмеялись. Если бы на месте сына был любой другой ротный, ох досталось бы ему на орехи. Гена был хорошим офицером, и его рота, а затем батальон были не хуже

других, помнил его еще мальчишкой по Фергане, где он целыми днями летом пропадал в бассейне. Окончил академию, воевал в Афганистане и Чечне, награжден орденами. В настоящее время служит в боевой подготовке штаба ВДВ в должности начальника отдела. Тем не менее учение, несмотря на некоторые мелочи, прошло успешно, и через двое суток войска вернулись в расположение. Сухоруков на разборе сказал: «Штабы получили практику в управлении войсками, а личный состав закрепил навыки в подготовке себя и техники к десантированию и выполнению боевой задачи в тылу противника». К вечеру мы вместе с командующим вернулись в Москву.

Дома жена сообщила приятную новость — сын получил лейтенантские погоны. Завтра на праздник к сыну обязательно едем в институт. Велика была гордость за сына, который стал офицером. Жена, как и любая мать, желала видеть сына в войсках не далее Кольцевой дороги и давно прожужжала мне все уши, пришлось уступить ее требованию. Сын остался служить переводчиком в разведцентре ГРУ «Загорянка» благодаря моей дружбе с Субботиным, который к тому моменту возглавлял кадровую службу этого ведомства.

Утром мы снова на знакомом строевом плацу военного института. Народа уже было много. Звуки военного оркестра заставили нас сосредоточиться. Институт в полном составе на плацу. На правом фланге стоят выпускники, молодые симпатичные лейтенанты, которые немножко смущаются под пытливыми взглядами родителей и знакомых девушек. Высмотрели и мы своего дорогого лейтенантика и помахали ему рукой. Под оркестр они промаршировали перед строем курсантов и огромной толпой народа. Проходя около трибуны, выпускники, как у них было принято, по команде подбросили вверх мелочь, которая со звоном ударилась о землю и брызгами разлетелась в разные стороны. Дома был настоящий праздник. Я сделал подарок сыну. Достал ему путевку на август в военный санаторий «Крым».

По возвращении из санатория он стал рассказывать, что отдыхающие вместе с ним в комнате все расспрашивали, как ему, зеленому лейтенанту, удалось урвать путевку в такой санаторий, да еще в августе. «Кто у тебя отец?» — «Полковник». Теперь ясно. Санаторий «Крым» был один из лучших на побережье Черного моря, он в свое время строился для отдыха офицеров и их семей армий стран Варшавского договора. Однако по каким-то сервисным параметрам санаторий офицеров братских стран не устроил, и они облюбовали побережье Болгарии.

Однажды в выходной день, которые нам нечасто выпадали, почему-то

вспомнился Афганистан. Более двух лет службы прошли вместе с запахом пороха, пыли и гари. После Афгана я часто сам себе задавал вопрос: а как там служилось? И сам себе отвечал: «Нелегко». На войне как на войне. Фронтowej романтики хлебнул выше крыши. Было тяжело не только психологически, но и физически. Жили, прямо скажу, в неважных условиях. Ночью сны были тревожными, часто просыпаясь, ловил себя на мысли, что боевые операции, смерть солдат, офицеров, подчиненных и друзей становятся привычным делом. Долгое время от этих навязчивых мыслей отойти не мог. Неужели в боевой обстановке так и должно быть? Неужели человек в такой ситуации черствеет? Позже дошло: нет, человек остается человеком со своими переживаниями и горем, а это всего лишь длительный период, который надо пережить, перестрадать. Хотел еще себя подловить на одной нехорошей мысли. А смог бы я уклониться от выполнения интернационального долга? Теоретически да, а реально нет. Я просто неправильно был бы понят своими товарищами, да и не только ими, а своим отцом, фронтовиком, инвалидом. Больше всех, конечно, переживала мама, она каждую ночь тихонько, чтобы не слышал отец, плакалась в подушку. Да я и сам по складу своего характера не смог бы увильнуть от боевых действий. Так и тянул лямку той ненужной для нашего народа войны более двух лет. Всегда был рядом со своими разведчиками, в горах и пустыне. Это они делили со мной последний глоток воды и, кусок хлеба.

Прошло более двух десятилетий, но всегда с большим уважением вспоминаю тех парней, которые были рядом со мной в боевой обстановке. Наша жизнь проходила в вертолетах, боевых машинах, районах организации засад и налетах на душманов. Мы намотали по Афганистану не одну тысячу километров, нам в пути приходилось менять решение, бывало, работали круглосуточно, и далеко не безуспешно. Уже когда я был в управлении боевой подготовки в Матросской Тишине, по ночам еще долго преследовали сны боевых действий и почему-то они всегда превращались в кошмары. Операция в самом разгаре, до душманов еще далеко, потом все ближе и ближе. В подобных снах остаешься с ними один на один, а товарищей вокруг нет. Вот они уже совсем рядом, автомат не стреляет, хотя и нажимаешь на спусковой крючок. Вот их бородатые, грязные рожи со звериным оскалом ухмыляются тебе в лицо. Просыпаешься в поту и до утра уже не уснуть. Встаешь весь разбитый. Это называется психологическая усталость, которая не покидает весь день. И такое продолжалось несколько лет подряд. Думается, это происходило и с другими. О реабилитационных центрах мы и понятия не имели. Вот так и

служили Родине, сами восстанавливали свою психологическую неустроенность. У одних она проходила, у других оставалась.

Однако думай не думай, а пока здоров, надо в очередную командировку собираться. На этот раз вылетаем в Фергану. Отработали практически все вопросы и уже стали собираться домой. Командир полка, Герой Советского Союза полковник Силуянов, предложил сходить в кино. В кинотеатре «Новая эра» шел какой-то интересный фильм. Купили билеты, до сеанса еще много времени. В это же время к кинотеатру подошла рота курсантов, чтобы их не смущать, решили зайти в магазин «Центральный», который был рядышком за углом. Прошлись по этажам, купили какие-то восточные безделушки и, не торопясь, направились в сторону кинотеатра. На улице темно, освещение слабое, но народу много. Вдруг на приличной скорости, разгоняя народ, мчится мотоциклист с включенной фарой. Не доезжая до нас метров десять, мотоцикл, взвизгнув тормозами, остановился, из-под шлема раздался глухой голос: «Ну что, полковники, не испугались», — затем, резко набрав скорость, мотоциклист уехал. Мы на этом не заострили внимание, продолжаем путь. Однако мотоциклист на этом не успокоился и решил с нами и пешеходами продолжить опасную игру. Разогнал мотоцикл, затем выключил двигатель и накатом продолжал петлять по тротуару между людьми. Бесшумно подъехал к нам (я шел крайним), аккуратно сзади рукой поддел мою фуражку, она, естественно, упала. Впереди нас шел еще военный, он с него фуражку сбивает. Одним словом, парень развеселился, и его это занятие стало затягивать. Это видели наши сержанты, которые привели курсантов в кино. Они попытались его задержать, но он увеличил скорость и уехал за перекресток, остановился около аптеки, наверное, вместе с пассажиром они ликовали. Мы остановились за книжным киоском и стали за ним наблюдать. Мотоцикл развернулся и снова едет в нашу сторону. У сержантов-десантников созрел план. Как только мотоцикл поравнялся с кинотеатром, он тут же был сержантами схвачен. Задержание проходило жестко, но больше он пострадал от нас. Только было хотел нанести удар в стекло шлема пассажиру, как услышал девичий визг, но оплеуху по шлему в назидание на будущее все же врезал. Кавалеру Зуев нанес в забрало мощнейший удар, после которого тот минут пять плохо соображал, что творится вокруг. Через дорогу было отделение милиции, один из милиционеров наблюдал, как выписывал кренделя на тротуаре этот байкер. Два мента подошли к нашей группе разбора, один из них Рустам, с которым мы были знакомы с тех пор, когда он был сержантом милиции. Агузаров ему составил протекцию, и вскоре Рустаму присвоили младшего

лейтенанта. Поздоровались мы с ним как старые знакомые. Дали звонок, приглашая зрителей в зал. «Рустам, займись своим делом, зайдем к тебе после фильма». Как и обещали, зашли в отделение милиции. Рустам стал рассказывать, что приходил отец задержанного и здорово же сыну от отца досталось: «Мы тебя с матерью из армии ждали, тебе в подарок мотоцикл купили, а ты на нем что творишь, а тюрьму хочешь?» «Михаил Федорович, заявление писать будете?» — «Да ты что, Рустам, нет, ему от нас и так досталось». — «А зря, я бы над крымским татаринoм поизгалялся». Не любили узбеки крымских татар.

Затем Рустам приглашает нас в соседнюю комнату, а там плов, овощи, фрукты. Вспомнили Агузарова. «Да он из Ташкента вернулся, в пединституте на военной кафедре преподавателем трудится, я его вчера в городе встретил», — сказал узбек. Засиделись в гостях долго. Затем Рустам вызвал служебную машину, чтобы отвезти нас в гостиницу, хотя до нее было не более четырехсот метров, и мы возразили, но хозяин заупрямился, нет, пешком не пойдете. Хорошо, лучше согласиться. Позднее, когда я снова приеду в Фергану, Рустам уже будет при капитанских погонах, мы с Вадимом придем к нему домой в гости.

В гостинице обсудили сегодняшнюю ситуацию, потом заснули. Утром около штаба мне встретился знакомый узбек, прапорщик Аскеров, и рассказал про вчерашнюю историю. Однако за ночь народная молва немного отредактировала городское происшествие. По-любому в этой истории был виноват молодой крымский татарин. Если бы похожая история случилась с узбеком, и разговоров не было.

Сзади, слышу, ко мне обращается знакомый голос. Оборачиваюсь, а у меня за спиной стоит в гражданской одежде Агузаров. «Здравствуй, дружище», — и обнимаю Вадима. «Почему ты в гражданке?» — «Да на неделю взял отпуск, теще решил немного помочь, шел на автовокзал и встретил Рустама. Вот он мне и рассказал, что ты в Фергане». — «Вадим, ты сейчас очень похож на лицо кавказской национальности». — «А я что, по-твоему, русский?» — «Ладно, послушай, я сейчас выезжаю в горный учебный центр, так что тебя, Вадим, подвезу, а по пути обо всем поговорим». — «А как долго ждать?» — «Жду Кочедыкова, подъедет, и сразу выезжаем». Нам было о чем поговорить. Он из Ферганы уехал в Боровуху в 357-й полк, оттуда в штаб ТуркВО в боевую подготовку куратором десантно-штурмовой бригады, которая дислоцировалась в Чирчике, но воевала в Афганистане. Потом своей самостоятельностью не понравился какому-то высокому начальнику, пришлось вернуться в исходное положение, где начинал службу, в Фергану. Вот такую

интересную историю рассказал Вадим, с ним мы начинали службу лейтенантами в дивизионной разведроты.

Наша группа отработала все вопросы боевой подготовки в ферганском учебном центре, в том числе мы не забыли посетить горный учебный центр, где наши парни учились воевать и совершать марши. Позже с командованием полка и командирами учебных батальонов провели разбор контрольных занятий и попутным самолетом вернулись в Москву.

Дома меня встретил сын, было заметно, что он в хорошем настроении. «Что произошло, сын?» — «Отгадай». Я ему и про то, и про это, но угадать не могу. «Да мне старшего лейтенанта присвоили, а ты никак не догадаешься». — «Сынок, эту твою звезду немедленно надо обмыть, чтобы следующая быстрее на погон упала». Жена накрыла на стол. Налил в маленькую рюмочку водки и опустил туда звездочку. Он у нас практически был непьющим, иногда принесет бутылку хорошего немецкого пива, а потом и курить бросил. Одним словом, добрый и порядочный мальчик. «Давай, сынок». Сын говорит, начальник отделения вчера намекнул, когда думаю обмывать звание. «Гена, это не нами придумано, но традицию офицеров никому нарушать не позволено». И тут же с женой укомплектовали его «дипломат». «Сын, а вообще, как тебе служится?» — «Неважно, с этой перестройкой все стало на голову. Руководители Центра, то ли от жадности, то ли по указке сверху, загнали иностранцам за учебу большую цену, те, в свою очередь, сказали, за такие бабки мы лучше будем учиться во Франции, и многие уехали. Мы, переводчики, между делом сейчас несем службу дежурными по автопарку, выезжаем старшими машин, на которых официантки в Пушкино везут старое пиво на продажу». — «Да, сын, у вас тоже в разведцентре наступили не лучшие времена». Действительно, перестройка внесла существенные изменения, по крайней мере в армии это очень чувствовалось. Политработники по указанию сверху стали проводить партийные собрания, на которых каждый домысливал, как ему перестроиться, только бы от него отстали.

Однажды на тему перестройки запланировали общее партийное собрание и в управлении командующего. Накануне мне пришлось быть помощником оперативного дежурного по управлению. Вот, думаю, повезло, можно уклониться от собрания. Только я сдал дежурство, заходит Салихов, он оставался то ли за секретаря парторганизации, то ли имел поручение подготовить выступающего, и говорит: «После обеда партсобрание, ты выступаешь». — «Подожди, я же после суточного дежурства должен ехать отдыхать». — «Ничего не знаю, ты выступаешь, и все». Расстроился, домой ехать, а затем возвращаться. И так плохо, и так не

лучше. В общем, дождался начала собрания. Мне предоставили слово, ну и поехал я пустословить. В заключение на полном серьезе заявил: «У нас в боевой подготовке перестроились коммунисты Шарый, Тагазов, Денисов, Никифоров и другие, но двое не перестроились». Называю свою фамилию и Салихова, который меня обязал выступать на этом собрании. В зале опустили головы, задергали плечами от смеха. Я скосил глаза на командующего, тот тоже улыбается. Один Смирнов, член Военного совета, как всегда, старался быть серьезным. Потом еще долго офицеры в шутку спрашивали меня и Салихова: «Ну, вы перестроились?»

На следующий день в коридоре штаба встретил Тюктева. «Привет, Шамиль, каким ветром занесло? Рад тебя видеть, еще успеем наговориться, сейчас иду к Пикаускасу». У шефа долго не задержался. Задание мне было понятно. Шел выпуск в школе прапорщиков, надо было школу немного опустить на землю, чтобы тыл ВДВ, который курировал школу, не задавался. На выпуск ездили офицеры тыла, и школа из года в год имела отличную оценку.

Встретили меня утром в Каунасе, привезли в учебную дивизию. Наши офицеры выпуск курсантов учебной дивизии провели и уже собирались уезжать в Москву, когда генерал Костылев поинтересовался, зачем я приехал. «На выпуск в школу прапорщиков». — «Миша, тряхни их как следует, а то они вместе со своими начальниками зажрались». Мне сразу стало понятно, каких начальников он имеет в виду. Что-то не поделили с тылом. Ладно, это дело высоких начальников, а мое дело экзамены у курсантов принять.

Перед началом экзаменов выпускников построили, начальник школы все чин по чину мне доложил, поздравил курсантов с началом выпускных экзаменов. Курсанты от души выкладывались и очень старались сдавать экзамены только на «отлично», но резались на нормативах, да и на стрельбе в отличную оценку не вписались. В итоге получилась хорошая оценка. Какое же было великое разочарование у начальника школы, когда я объявил общую оценку, это надо было видеть. Промолчал, что в данном случае установка такая была и, как бы народ ни старался, он уже был «заказан». Утром поездом приехал в Москву и сразу к Пикаускасу: «Ваша установка выдержана полностью, оценка только хорошая». — «Михаил Федорович, тыл сейчас начнет на вас наезжать, говорите, что школа на экзаменах получила объективную оценку». И правда, пока я был у начальника, генерал Зуев, руководитель тыла ВДВ, ходил по кабинетам боевой подготовки и меня уже спрашивал. «Где-то здесь», — отвечали ему. «Пусть ко мне зайдет». Когда вернулся от руководителя, меня дожидался Тавгазов,

по-моему, Пикаускас его в свои планы посвятил. «Миша, зайди к Зуеву, ну уж очень он тебя хочет видеть», — засмеялся. «Михаил Федорович, наверное, вы приобрели себе недруга», — в шутку хором сказали мне Водолазов и Чебышев. «Да ладно вам, парни, не пугайте», — и пошел к Зуеву.

В кабинете, кроме хозяина, был и его офицер Масликов. «Михаил Федорович, ну, что в школе произошло? Почему они так срезались?» — «Они очень старались, но подвели нормативы и немного огневая подготовка. Общая оценка за выпуск вполне хорошая». — «Да, а мне Пикаускас говорит, у твоих будущих прапорщиков полнейший завал». — «Это он вам так сказал, по дружбе». — «Да какая здесь дружба». И при мне дает Масликову поручение, чтобы тот подготовил строгое письмо на имя начальника школы. Когда я вернулся в свой кабинет, офицеры у меня спрашивают: «Ну как все обошлось?»

Осенью снова еду на выпуск в школу прапорщиков. На этот раз шли экзамены в учебной дивизии и в школе прапорщиков одновременно. Перед отъездом в командировку ко мне зашел Зуев и спросил: «Какой настрой, пенных указаний не было?» — «Конечно, нет». В школе прапорщиков как узнали, что Скрынников едет на экзамены, так и не знали, куда деваться и что делать, но встретили по высшему классу. Прошли экзамены, все притихли в ожидании объявления оценки. За выпуск школы оценка «отлично», узнают от меня офицеры, и сразу их лица стали веселыми и добрыми. Одним словом, вернул я им звание отличной школы и правильно поступил. Зуев стал при встрече здороваться, а то делал вид, что не замечает. Через несколько дней часть офицеров боевой подготовки уехали по поручению командующего в Тульский гарнизон с проверкой, а я должен был заступать по графику помощником оперативного дежурного. В штабе было принято: накануне дежурства офицер, который уже отдежурил, напоминал тому, кто будет заступать, не забудь меня вовремя завтра сменить.

В тот день оперативным дежурным заступал Тюктеев. Обычно при встречах или застольях офицеры развивают тему о хорошеньких девочках и нехороших командирах и только где-то в конце вспоминают о службе. Так вот, мы в разговоре с Тюктеевым отошли от обычных традиций и стали разговаривать только о службе. Мне хотелось о нем, своем бывшем подчиненном, узнать многое. После убийства его в Афганистан у нас связь была потеряна. До расформирования дивизии он командовал в Фергане батальоном. Поступил в академию и после окончания вернулся в Фергану и временно командовал учебным батальоном, затем занял должность

начальника штаба полка. И все же его не оставляло желание испытать себя в боевой обстановке, где уже давно воевали его друзья, знакомые. Его просьба наконец была услышана. И вот он — начальник штаба боевого полка в Баграме, а командиром у него был Вострогин. Вместе они планировали боевые операции, вместе громили банды мятежников. После Афгана его направляют в Тулу, где он в течение двух лет руководил оперативным отделом дивизии, сейчас он руководитель группы оперативных дежурных штаба ВДВ и на сутки мой начальник тоже. Впереди у нас целая ночь. Вспоминали службу в Фергане, знакомых, всевозможные истории, которые приключались в Афганистане. Шамиль рассказал мне одну историю. Вернулись подразделения полка из очередной боевой операции. Само собой разумеется, после боя что-то выходит из строя, а что-то и вовсе теряется. Так вот, один боец роты связи, а это подразделение курировалось начальником штаба полка, решил старый давным-давно угробленный топор заменить на новый. Этот топор было противно в руках держать, а не то чтобы в деле применять. Гвардеец обращается к ротному: «Товарищ капитан, надо этот старый топор заменить на новый». — «Надо так надо, но раньше иди к начальнику штаба и спроси у него разрешение на замену топора». — «Товарищ капитан, к начальнику штаба неудобно». — «Иди, я тебе разрешаю». Взял солдат в руки старый топор и пошел искать начальника штаба полка. Встречают его сослуживцы: «Петя, куда ты идешь с топором?» — «К начальнику штаба», — отвечает Петро. И пошел дальше. Солдаты к ротному, так, мол, и так, Петя с топором ищет Тюкеева. Ротный засмеялся и рассказал солдатам про старый топор. Солдаты от души над простодушным Петром посмеялись и стали ждать развязки этой истории. Петро, наконец, увидел начштаба и подбегает к нему. «Разрешите обратиться». — «Давай валяй». — «Надо вот этот топор заменить на новый, но ротный сказал, что только с вашего разрешения». — «Дай посмотреть?» Протягивает солдат топор. Тюкеев в руках повертел топор, правда, его уже трудно назвать топором, от лезвия остался один зуб. Что только этим топором не рубили и даже, наверно, камни. Давно его пора выбросить. Принял серьезный вид и говорит солдату: «Надо написать объяснительную записку, по какой причине и при каких обстоятельствах из строя вышел этот «боевой топор». Понял, что надо сделать?» — «Так точно». — «Вот тогда и приходи». Ушел солдат очень озабоченный. Начштаба некоторое время продолжал наблюдать за солдатом. Он подойдет к одному, другому, те только отмахивались от его просьбы. Махнул солдат рукой от досады и зашел в палатку ротного. Через пару часов приносит объяснительную записку. «Ну

давай, дружище, посмотрю, что ты написал». Шамиль, говорит, давился от смеха, но с серьезным видом продолжал читать сочинение бойца. «Оно у меня где-то дома хранится и по сей день», — сказал Тюктеев.

«Такого-то числа мы были на боевых. Время подходило к обеду, и, поскольку я находился недалеко от старшины, он мне поручил нарубить дров, чтобы разжечь костер и вскипятить чай для солдат, которые были на командном пункте полка. Недалеко росло сухое дерево, нарубил сухих веток. Кругом было тихо, только в ближайшем кишлаке шел бой. Около кухни начал мельчить сухие сучья. И вдруг начался сильный обстрел наших позиций. Сквозь стрельбу из стрелкового оружия улавливался звук крупнокалиберного пулемета. Я бросился в окоп и начал вести огонь по кустам, туда же стреляли все солдаты. Вдруг одна очередь из пулемета попадает почти в костер. Потом прилетели вертолеты и стали стрелять по кустам. После боя я подбежал к кухне и увидел искореженный предмет, похожий на топор. Полагаю, что было прямое попадание крупнокалиберной пули в топор, иначе бы он так не пострадал. Учитывая, что топор вышел из строя на боевых действиях, прошу его списать и выдать мне новый». Ниже фамилия этого честного и добродушного Пети. В принципе, солдат не врал, была операция и был обстрел командного пункта нашей оперативной группы, но он мастерски в своей объяснительной увязал выход из строя топора. «Ну и выдал ты солдату новый топор?» — «А как же, в гот же день». В продолжение его истории я ему рассказал военный анекдот про саперную лопату. «В один из дней проверки в парашютно-десантную роту приходит проверяющий, а это был полковник инженерной службы штаба ВДВ, и говорит: «Ну как дела, командир?» — «Отлично, товарищ полковник». Прошелся полковник по расположению, посмотрел там, посмотрел сям, и правда порядок. «Ладно, давай, командир, посмотрим, как хранятся саперные лопаты?» Ротный открывает пирамиду, полковник начинает осматривать каждую лопату. Крутит, вертит лопаты, проводит рукой по лезвию, ну, все нормально. Подошла очередь до последней лопаты. Вот здесь срабатывает закон подлости и не в пользу ротного. Черенок лопаты изгрызен, чехол порван, лезвие ржавое. «Вот видишь, капитан, сколько одна лопата имеет недостатков». Идет все к тому, что за хранение шанцевого инструмента рота получит двойку. Ротный был фронтовик, и не робкого десятка. «Товарищ полковник, запишите, что в роте нет одной лопаты». Открывает окно и выбрасывает лопату на улицу. Полковнику смекалка ротного понравилась, и он его оставил в покое». Мы проговорили почти до утра, так и не сомкнув глаз, и усталости совсем не чувствовалось. Сдав дежурство, собрался ехать домой, уже на выходе из

штаба, около оперативного управления встретил Новикова. Он тоже в свое время отдал долг Родине и откомандовал десантным полком в Афгане более года. Он мне тихонько говорит: «Мишаня, мне только что ребята из Генштаба позвонили и скинули информацию, скоро наши войска выведут из Афганистана. Осталось дело за малым, согласовать с высшим политическим руководством страны начало и сроки вывода». — «Скорее бы все это произошло, нам Афган настолько надоел, что его вспоминать без содрогания не хочется, а войскам и подавно», — высказал я ему свое мнение. Через несколько дней мы все же получили, хоть и косвенное, тому подтверждение, но все же.

Небольшая группа офицеров убыла в Витебск с заданием на местах осмотреть казарменный фонд военных городков и объекты учебно-материальной базы. Казармы еще как-то были пригодны для проживания в них личного состава, а вот учебная база оставляла желать лучшего. За десятилетие все заросло травой и поржавело, а объекты, которые ближе к лесному массиву, разграблены. В более или менее приличном состоянии находился учебный центр «Лосвидо», в котором круглый год проводились занятия с молодыми солдатами для последующей отправки в Афганистан. Так что доклад, который представила комиссия руководству ВДВ, был не особо утешительным. Для восстановления казарменного фонда и учебных объектов нужны дополнительные вливания денежных средств, а также привлечение строительных организаций. Немного позднее возник серьезный вопрос: «Где будут проживать офицеры и прапорщики, которые вернутся вместе с войсками из-за бугра?» Конечно, этот вопрос возник, когда были окончательно согласованы сроки вывода войск. Временно его решили, в каждом полку по одной казарме переоборудовали под общежитие для офицеров, прапорщиков и их семей. И все-таки наше ожидание оправдалось.

В середине февраля начался вывод советских войск из Афганистана. Это был праздник. Около моста через Пяндж огромная толпа людей встречала первую колонну наших войск. Присутствовало много журналистов — и наших, и чужих, которые раструбили на весь мир о том, что Советский Союз выводит свои войска из Афганистана. Кто-то считал это поражением, кто-то — нет. Нам, военным, оставалось сказать политикам одно: «Это вы войну проиграли, а мы до конца выполняли свой долг, как и полагалось советскому солдату».

Для солдата вывод войск не был праздником, это был просто день, который приближал его к встрече с семьей, но на душе было празднично, вспомнились слова песни «с войной покончили мы счеты». Когда дивизия

заняла свои насиженные, но за десятилетие успевшие обветшать и остыть места, нам, «боевикам», заботы ой как прибавилось. Первые месяцы не вылезали из Витебска и Боровухи, трудились днями и ночами. Пришлось самым настоящим образом ломать приобретенные военные навыки офицеров и помогать им организовывать боевую подготовку в мирных буднях. Это было сделать нелегко. Они даже на учениях применяли те элементы, которые использовались в бою.

Однажды на учениях после десантирования в ночных условиях ротный направление движения своим солдатам указал длинной очередью трассирующими пулями из автомата. Это было на грани происшествия. Его, конечно, вычислили, но наказывать командующий ротного не стал. «Зачем стрелял?» — «Я не стрелял, а указал направление движения ночью. Мы всегда в боевой обстановке в ночных условиях только трассерами и давали целеуказания своим солдатам. Я знаю, в мирной обстановке это недопустимо, но в данной ситуации не удержался, такое больше не повторится», — ответил ротный. Поверил ему командующий и правильно сделал, строгостью проблемы не решить. Шаг за шагом боевая подготовка улучшалась.

В Витебске у меня оказались свои заморочки. Два моих подчиненных, Комар и Попов, были к этому времени уже командирами полков, и мне, положа руку на сердце, не хотелось работать у них. Я всячески стремился попасть в третий полк, а к ним заезжал в гости. Подошла осень. До нас стали доходить слухи, что Прибалтика требует суверенитета, и весьма настойчиво. В Литве дислоцировались две наши десантные дивизии, не считая мотострелковых и других войск. Где-то через год, когда мы приезжали в командировку в свои дивизии, нас уже встречала литовская полиция, которая вежливо интересовалась, а зачем мы прибыли, когда уезжаем обратно? Труднее всего было Пикаускасу, у него родители жили в Вильнюсе. Бразаускас был уже не у власти. О каждом приезде Пикаускаса к родителям местные службы доносили Ландсбергесу, который к этому времени возглавлял парламент. «И что здесь делает этот советский генерал?» — задавал один и тот же вопрос. Однако родителей не беспокоили, и это радовало генерала.

Пример Прибалтийских республик оказался заразительным. Вот в такой обстановке наши дивизии продолжали совершенствовать боевую подготовку.

Как-то недели две не было командировок, и мы занимались разработкой документов по боевой подготовке. После службы сразу домой, мне самому не верилось, что это дом, а не казарма или общежитие.

Неожиданно стал замечать, что сын со службы приходит раньше меня. «В чем дело, Гена?» Мнется. «Ну, давай, рассказывай?» Думаю, может, что-то случилось? Мать пришла ему на помощь: «Гена уволился из армии». Ох и здорово же я расстроился, когда узнал эту неприятную новость. Как я гордился, что у меня сын офицер, рассказывал об этом всем, но что он уволился, на первых порах умалчивал. Мне было стыдно. Конечно, меня беспокоила дальнейшая судьба сына, и я решил с ним поговорить. Своим намерением поделился с женой. «Не трогай его, он нашел работу в китайской фирме переводчиком. Денег будут платить больше, чем в армии. Да и мне спокойнее». Досталось мне на орехи и от Субботина, который помог оставить сына служить в Москве. «Если бы я знал, что он через два года уволится, ни за что бы не оставил в столице. Пусть бы где-нибудь в песках Туркмении на точке служил». Еле его успокоил. «Ты понимаешь, конечно же, его жена поддержала, а я был против его увольнения. У меня была всегда гордость за сына офицера. Все, Виталий, дело сделано, и шуметь уже бесполезно». Долго он еще на меня после этого дулся.

В стране назревали перемены. Политическая обстановка на окраинах Союза стала выходить из-под контроля. Конец 80-х и начало 90-х были периодом наиболее активного всплеска национализма в бывших советских республиках. Они требовали суверенитета, но часто при этом использовали недозволенные приемы. Кремль, в свою очередь, стремился не допустить развала единого государства и порой тоже принимал радикальные меры. Войска и десантники были палочкой-выручалочкой. Своими решительными действиями им удалось пресечь истребление турок-месхетинцев в Фергане, армян в Баку и Сумгаите. Своевременно погасили конфликты в Ереване, Тбилиси и Ашхабаде. В тот серьезный момент десантники были, как им и предписано, на передовой линии, в самой гуще событий. К большому сожалению, в этот период десантникам не удалось избежать потерь. Тем не менее самое страшное оказалось впереди — полыхнуло Закавказье. Сначала Карабах, затем Абхазия и Южная Осетия. Пролилась кровь, появились беженцы. И такой сценарий был возможен везде. Однако сдерживающим фактором выступили силовые структуры, и десантники в частности. Союз еще продолжал оставаться в своих границах. Хотя все чувствовали, что это не надолго. В штабе ВДВ обсуждался вопрос формирования новой 105-й десантной дивизии на прежней базе в Фергане. С обидой и раздражением вспомнил историю расформирования родной дивизии. Это же надо было додуматься до такого, когда уже шла гражданская война у границ нашего государства. Афганское правительство засыпало советское партийное руководство телеграммами о военной

помощи: «Ваши войска не будут участвовать в боевых действиях, будут только охранять важные государственные объекты, а высвободившиеся афганские части усилят правительственные войска для борьбы с экстремистами». И в такой сложной обстановке и было принято решение о расформировании дивизии. Со времен Маргелова министры обороны с уважением относились к десантникам. Устинов, тогдашний министр обороны, отдал Сухорукову, командующему войсками, на откуп судьбу одной из восьми дивизий. И, конечно же, злой рок пал на Ферганскую дивизию, несмотря на то, что она занималась боевой подготовкой в горах, схожих с афганскими. Прошло десять лет, и вот спохватились и принялись срочно создавать десантную дивизию. Этому способствовало решительное наступление Талибана в Афганистане и беспощадные казни в отношении тех, кто был лоялен к правительству Наджибулы. Вот и старались вновь сформированной дивизией залатать прореху, которая образовалась на театре военных действий из-за неразумного решения.

Но чтобы заново что-то построить, надо что-то достать, взяли один батальон от бригады, которая располагалась, по словам военных, в самой далекой сибирской дыре. Всегда заветной мечтой офицеров, их жен было и есть попасть в хорошее место, город. Есть в Забайкалье местечко, которое называется Могоча, вот уж отсюда все желали побыстрее смениться. Когда до офицеров дошли слухи, что их комбриг полковник Качанов уезжает в солнечную Фергану на должность замкомдива, да еще и не один, а с собой берет аж целый батальон десантников, отбоя от желающих не было. С утра до вечера все канючили, мол, возьмите с собой в Фергану. Многим повезло. Вместе с комбригом в дорогу собирался один батальон в полном составе. Через несколько дней счастливицев на аэродроме под туш военного оркестра проводили к новому месту службы. Самолеты взлетели и по прямой через Сибирь, Поволжье и Среднюю Азию до самой Ферганы и там благополучно приземлились. Вот так мечта многих офицеров и прапорщиков сбылась. В новую дивизию десантников присылали и Псков, и Тула, а из Витебска прибыл в полном составе арtpолк. И надо же, артиллеристам так по жизни не подфартило, из пекла недавно вернулись, только от гари и пыли отмылись, и снова труба зовет в далекую и жаркую Фергану. Возмущение офицеров и прапорщиков было понятным, многие наотрез отказывались уезжать из Витебска, некоторые вплоть до увольнения из армии. Однако основная масса командиров без настроения, с тоской по дому, не проявляя к службе никакого интереса, отправилась к новому месту службы. Позднее, уже в дороге, огорчение потихоньку прошло, по приезде сразу же окунулись в процесс боевой подготовки.

Часть военнослужащих по собственному желанию приехала в Фергану — дослуживать до полной выслуги лет. У некоторых до выслуги лет не хватало нескольких месяцев, а пенсию и льготы хотелось получать в полном объеме.

За короткие сроки дивизия в своем составе имела парашютно-десантный и артиллерийский полки, а также отдельные части и спецподразделения дивизии, в том числе и дивизионную разведроту. Если вспомнить историю разведроты тех далеких шестидесятых, вспоминается невольно фамилия командира роты Чередника. Его сын, Александр, во вновь сформированной роте был заместителем командира и с этой должности ушел в штаб помощником начальника разведки дивизии. Командиром дивизии назначили Борисова, начальником штаба Солуянова, а замкомдивом Качанова. Снова ожил ферганский учебный центр, подразделения занимались боевой подготовкой и днем и ночью, благо этому способствовали климатические условия. Нас, боевиков, чаще стали отправлять в командировку, чтобы помогали офицерам проводить занятия с подразделениями по различным дисциплинам боевой подготовки. Где-то через полгода Борисов убывает на учебу в академию Генерального штаба. Комдивом назначают Солуянова. В верхах продолжается работа по развертыванию еще одного полка, в дальнейшем планировалось развернуть дивизию до полного штата.

Да вот с грядущими событиями не успели завершить работу, а может, это и к лучшему. По крайней мере, меньше пришлось передавать своих десантников другому государству. Политики чаще стали решать вопросы, в том числе сколько оставлять военного добра другому государству. Распад Советского Союза уже подходил к логическому концу. Бывшие братские республики разбежались по национальным квартирам и стали осматриваться вокруг себя. Ладно бы с позиции миролюбия, так нет, стали проявлять друг к другу открытую агрессию. В Молдавии разгорелся приднестровский конфликт. Стали воевать между собой бывшие друзья. Лебедь, замкомандующего ВДВ, по указанию Грачева, министра обороны, приехал в зону конфликта, осмотрелся вокруг и как шандарахнул по молдавским экстремистам из главного армейского калибра, враз все и стихло. Люди с опаской, но все же потихоньку стали налаживать мирную жизнь, заработало производство. Народ выбрал президента. В войне между Арменией и Азербайджаном за Нагорный Карабах армяне боевые действия выиграли, но народы и по сей день с опаской посматривают в сторону соседей. Президенты этих государств на всевозможных саммитах стараются сидеть за рабочим столом по разные стороны. Президент Грузии

Гамсахурдия решил мечом и огнем пройти по Абхазии, но абхазы поднатужились и надавали грузинам по морде, а весной 93-го освободили и Сухуми. Правда, освобождение Сухуми имеет свою историю, и по времени до него еще далековато. В Фергане узбеки резню туркам-месхетинцам устроили. Период межнациональных конфликтов тяжелым бременем лег на плечи Воздушно-десантных войск. Где им только побывать не пришлось за это тяжелое для народов бывшего Советского Союза время. А сколько злости высказала в адрес десантников пресса. Да ладно бы пресса, высокопоставленные чиновники, которые на волне либерализма выросли, как грибы после дождя.

Особенно набирал политические очки Собчак, когда расследовали так называемое тбилисское дело. Сюда же приплели быстроногую старуху и солдата-десантника, который за ней гнался с саперной лопатой в руках целый квартал. Ради политического имиджа все стало модно хаять. Вот такие Собчаки и рулили страной в девяностые годы. Подставляли десантников политики так, как им хотелось и виделось из Кремля. Подставили нас и в Прибалтике, когда пришлось не по своей воле захватывать телевышки. Только благодаря миротворческому вмешательству России противоборствующие стороны в бывших республиках были разведены и удалось избежать большой крови. В Абхазии такую миссию выполняли десантники 345-го полка, который был расквартирован в Гудауте. Один батальон находился в Сухуми, город еще был оккупирован грузинами. Командовал батальоном капитан Никульников. Батальон был практически изолирован от внешнего мира. Оперативная группа штаба ВДВ постоянно находилась в полку, смена проходила где-то через месяц-полтора в зависимости от обстановки. Обстановка же в этом районе оставалась сложной. Грузия стремилась во что бы то ни стало восстановить утраченные позиции. Обстрелы с грузинской стороны повторялись ежедневно. От разрывов снарядов гибли не только абхазы, но, бывало, и наши парни. Обстановка не улучшилась и после смерти Гамсахурдии, когда на смену погибшему был избран президентом Шеварднадзе.

Абхазы тоже были настроены воинственно, их Генеральный штаб стал вырабатывать план освобождения Сухуми, они ежедневно готовили ополчение к боевым действиям. В разговорах с местными жителями всегда прослеживались воинственные выпады в отношении Грузии. Большую помощь абхазам оказывала Конфедерация горских народов. Как поступало оружие в эту организацию и чем она занимается, мы знали. Были случаи, когда оружие абхазам от этой организации поступало бесплатно, а наиболее предприимчивые дельцы продавали его ополченцам за деньги.

В конце февраля девяносто третьего года в Гудауту готовилась к отправке очередная группа, в составе которой был и я. Вылетали из Клина. Погода мерзопакостная, дул сильный ветер попеременно с дождем. Мы стали сомневаться, что вылет может состояться. После обеда погода наладилась, и нашему самолету дали добро на вылет. Полет был немногим более двух часов. Приземлялись на аэродром со стороны Черного моря. Нас дожидался автобус, который привез группу в санаторий Гудауты. Это был единственный неразграбленный за время войны санаторий на побережье Абхазии, а сколько здесь заброшенных санаториев и домов отдыха! Прилетели все под вымышленными фамилиями для соблюдения конспирации. Погода в Абхазии была хорошая, тепло, только часто шли дожди. В штабе полка для работы москвичам было отведено отдельное помещение со всеми каналами связи. Дежурство для всех по графику было обязательным. Старший Чиндаров, который после окончания Академии Генерального штаба стал одним из заместителей командующего ВДВ. На совещании он определил, кто и чем должен здесь заниматься. На совещании присутствовал президент Абхазии Ардзинба. Он рассказал о жизни в республике, чем сейчас заняты подразделения ополченцев. Через два дня планируется наступление на Сухуми, и желательно, чтобы профессионалы проинструктировали подразделения перед боем. Конечно, это был нонсенс, мы людей не знаем, тем более уровень их подготовки, а как оказалось, он был на уровне партизан. Тем не менее мы абхазам в совете не отказали. Накануне наступления самолеты «Су-25» в темное время в реку набросали бомб с замедленным часовым механизмом. Часовой механизм был заведен на семь утра. Таких бомб было сброшено около десятка. До семи часов ополчение должно было форсировать реку и сосредоточиться на окраине Сухуми. Одновременно с подрывом бомб абхазы должны начать штурм города. Это должно было произвести на грузин эффект ужаса. Однако получилось все наоборот. Абхазы из-за своей партизанской неорганизованности реку форсировали с опозданием и на рубеж атаки вовремя не вышли. Бомбы взорвались буквально за их спинами и огромные водяные столбы, которые поднялись неожиданно, как в сказке, обрушили тонны воды на абхазов и привели их в ужас. Грузины тоже сначала не понимали, что к чему, а когда внизу увидели абхазов, стали по ним стрелять. Штурм был отбит. Абхазы потеряли около десятка убитыми.

На стороне абхазов воевал рижский ОМОН, который после определенных событий в Прибалтике вынужден был скитаться по России и наконец нашел себе пристанище в Абхазии. Руководил им небезызвестный

Млынник, который прибалтами был объявлен в розыск. Вечером перед боем он со своим отрядом прибыл к нам, попросил боеприпасов и продуктов. В этом ему не было отказа. Он должен был с отрядом вдоль гор подойти к мосту, захватить его и далее вести боевые действия в направлении Сухуми на левом фланге абхазского ополчения. Поскольку наступление не получилось, то и Млынник после захвата моста вынужден был отступить.

Через несколько дней в Сухуми вертолетом отправили Самарцева и лейтенанта-разведчика из полка спецназа. Самарцев должен был присматривать за общим порядком в батальоне, а лейтенант имел задание от начальника разведки ВДВ Поповских встретиться с человеком, который работал на нас, и получить от него список агентов. Встреча была обозначена в кафе. Только к моменту встречи этот грузин уже был перевербован, и встреча проходила под контролем грузин. В момент передачи списка полицейские попытались задержать лейтенанта с личным, но не тут-то было, лейтенант при задержании оказал полицейским серьезное сопротивление. Физический ущерб грузинам он нанес серьезный, с трудом они совладали с ним. Когда несли его в машину, дневальный на проходной поднял тревогу, но лейтенанта выручить не успели, полицейские проявили расторопность и увезли его в тюрьму. Об этом сразу доложили в Гудауту, и через несколько часов по линии МИДа грузинам в Москве вручили ноту протеста. Одновременно наши спецслужбы начали силовую работу по освобождению лейтенанта. В Ростове и Краснодаре был жесткий наезд на бизнес грузин, которых там было полно, некоторым кое-что предъявили и тоже посадили в кутузку. Напористость наших спецслужб в освобождении лейтенанта даже понравилась. Оказывается, при желании можно легко всего добиваться. Грузины первыми пошли на переговоры. Давайте вашего лейтенанта обменяем на нашего летчика, которого сбили абхазы месяца два назад. Для нас поначалу было непонятно, чем могли ополченцы сбить «Су-25». Потом, как только мы увидели зенитные ракеты на позиции, все стало ясно. «Давайте», — согласились наши на обмен. Договорились о месте обмена, а с абхазами об освобождении пленного летчика.

Привезли в полк этого бедолагу, на него было жалко смотреть. Весь избитый, худой. У нас был банный день, мы его с собой взяли в баню. Все же он был советским летчиком и стал заложником от политики, между прочим, как и мы. Отмылся, выпил вина, поел, расслабился и заплакал навзрыд, закрыв лицо руками. Мы ждали, когда у него пройдет стресс. Минуты через две он успокоился и начал рассказывать, что с ним

произошло после приземления с горящего самолета. Вообще-то я еще по Афганистану знал о мусульманском беспределе при обращении с пленниками, рассказ капитана только больше уверил меня в этом. Содержали его в скотских условиях в каком-то темном и сыром подвале. Первые дни, утром и вечером вызывали на допрос, издевались и почти не кормили. Проходило время, но ему никаких обвинений не предъявляли, только продолжали истязать. Начальник вещевого службы полка принес ему свежее белье и обмундирование. К обеду узнаем, сегодня обмен пленниками не состоится. Всегда слабая сторона первой нарушает обговоренные условия и начинает блефовать. Как только об этом узнал капитан, тут же весь поник, побледнел, он подумал, его опять вернут абхазам, и взмолился. «Да брось ты, капитан, переживать, на ночь останешься в бане, тепло, еда есть. Закрывайся и отдыхай до утра как человек. Ты же убежать из бани не собираешься?» — «Да вы что, ни за что». — «Утром, если обмен состоится, за тобой заедут, а сейчас отдыхай». На выходе из бани на всякий случай часового предупредили, чтобы до утра его не выпускали и к нему никого не подпускали. Утром Самарцев нам по радио передает: «Грузины готовы к обмену на аэродроме в Сухуми». Грузины готовы, и мы тоже. Привезли капитана, выглядел он значительно лучше, чем вчера. Благодарил нас искренне за освобождение из абхазского плена. Еще раз связались по радио с Сухуми, обмен состоится. Можете вылетать. Лету морем до Сухуми не более двадцати минут. Через некоторое время нам радируют: «Обмен состоялся». Вылетаем обратно. Вот на горизонте показалась вертушка, и через минуту вертолет, слегка приседая, уже опирался колесами на бетонку. Как только лопасти перестали вращаться, из открытой двери, не дожидаясь трапа, соскочил на землю лейтенант и сразу к полковнику Кравчуку, офицеру разведотдела ВДВ. Они отошли в сторону, о чем-то долго беседовали. К вечеру был готов к вылету на Москву борт, вот и отправили домой лейтенанта. Конечно, Кравчук беседу с лейтенантом Чиндарову передал, но нам ничего не рассказывал, да мы с расспросами к нему не приставали. Провал есть провал, и разведчикам надо над этим работать и работать.

После поражения абхазов при штурме города к Чиндарову зачастил президент. Беседовали они при закрытых дверях. Как-то после одной из таких бесед Александр Алексеевич пригласил меня к себе. «Михаил Федорович, надо абхазам помочь наладить процесс занятий по боевой подготовке. Прямо с завтрашнего дня и приступайте. Сегодня прибудет начальник боевой подготовки абхазской армии, с ним и решите все вопросы». Действительно, ближе к вечеру я встретился с молодым парнем

по имени Рустам. Он представился заместителем командующего военного округа по боевой подготовке, полковник. Кстати, в абхазской армии полковников, как мне казалось, было больше, чем рядовых. У кого бы ни спросил воинское звание, обязательно полковник. Поинтересовался, служил ли он в армии. Да, служил, но только в железнодорожных войсках. После армии окончил педагогический институт. В Гаграх преподавал в средней школе. Война помешала работе, вот он сейчас и служит в армии. Участвовал в боевых действиях против грузинских экстремистов. Рассказал, что собой представляет абхазское ополчение, которое сведено в роты, батальоны и бригады. Вот и сейчас одна бригада в горах на боевых позициях сухумского направления. Как только так называемая бригада выходила на позиции, она тут же называлась фронтом. Вот какая силища получается только от одного названия «фронт», правда, народу на позициях от силы сотни три, не более. На мой взгляд, у абхазов была тяга ко всему великому. Местная газетенка и телевидение об этом подробно рассказывали своему народу, а народ верил и клеймил позором не только рядовых грузин, но и Шеварднадзе. С появлением фронта появлялся и командующий. Нам доводилось в силу служебных обязанностей часто бывать на передовой. С наблюдательного пункта фронта командующего ни разу не видел, Сухуми был как на ладони. Расстояние до него не более трех километров. Берег реки обрывистый, чуть выше берега начинались гаражи. К ним от реки шло множество тропинок. Сейчас по ним ходить было опасно в связи с обстрелами. По позициям абхазов стреляла грузинская артиллерия, в основном с закрытых огневых позиций. Недалеко от берега с абхазской стороны стояли три разрушенных дома, так вот, артиллеристы стреляли в основном по этим домам, выполняя учебную задачу. Рустам сказал, что у грузин служат бывшие советские офицеры, летчики и артиллеристы со всего Союза. Одним словом, появились наемники, кто деньги платит, тому и служат. Опять вопрос политикам только уже новой волны, а не тем офицерам, которые остались без работы и дома.

На следующее утро за мной заехал Рустам, и мы поехали в казарму, где располагался батальон охраны морского побережья. Комбат нас уже ждал и Рустаму доложил почти по-военному, по всей видимости, долго тренировались, но получилось. Около казармы раньше был какой-то пансионат, в строю человек шестьдесят, это все, что имел батальон. Люди разного возраста, и молодые, и старые, но их сплотило одно — желание учиться военному делу и победить. Профессии разные — учитель, служащий, повар. Помощниками у меня были два офицера из полковой разведроты, их я выбрал сам по старой привычке, любил работать и

доверять именно разведчикам. Место для занятий выбрали в районе стартовых позиций бывшего зенитно-ракетного дивизиона. Дивизион с ракетами ушел, остались бункеры, коммуникации, которые были разграблены местными жителями. Вот на этом брошенном пространстве и начали мы обучать абхазов науке побеждать, а именно действиям солдата на поле боя. Комбат и Рустам были рядом с нами. Интересно видеть ротных в звании полковника, а комбата — майором. Ну точь-в-точь как в афганской армии, когда комдив капитан, а командир комендантской роты — полковник.

Занятия проводили, как в армии: показ, затем следовали тренировки. Учитывая возраст, чаще делали перекуры, но роптаний на нагрузки с их стороны не было. Поначалу с ними были проблемы, а как же, кавказцы — народ гордый, ложиться на землю перед товарищами зазорно, и все норовили при перебежках изготавиться к бою на корточках или с колена. Вынужден был народу сказать: «С такой изготавкой вы уже один раз получили от грузин, постарайтесь второй раз на одни и те же грабли не наступать». Приходилось выдвигать жесткие условия, помогло. Некоторым приходилось наступать ногой на толстые задницы, чтобы те не торчали кочками на местности при переползании, а также при изготавке к стрельбе. Потихоньку все наладилось, и дело пошло на лад.

Два раза в неделю они выполняли упражнения из стрелкового оружия там же на берегу моря, только огонь вели в сторону моря. В батальоне был один «АГС-17». Занимались мы с абхазами до обеда. Затем часть ополченцев уходила домой, остальные несли боевую службу, охраняя участок побережья. Оружие всегда было при них, и за все время, которое я находился в Абхазии, не слышал, чтобы кто-то нарушил меры безопасности при обращении с оружием. К обеду нас приглашали в дом, где заранее готовили для нас, «преподавателей», обед. Всегда на столе мамалыга, всякая всячина и, конечно же, вино красное и белое. Как-то было негоже пить полковнику с лейтенантами за одним столом, поэтому я им предлагал на выбор бокал белого или красного вина — и точка, ни грамма больше. Правда, закрывал глаза на то, что им после обеда с собой давали вино. Мне нравилось бывать в гостях у родителей Рустама. У них был огромный дом и двор, посреди двора росла старая лавровишня. Рядом с деревом красивый резной стол и стулья. Сидишь под этим деревом, и настроение улучшается. Мать Рустама мне всегда напоминала, что здесь часто бывал Шеварднадзе, когда был первым секретарем ЦК Грузии, и тут же начинала его ругать на чем свет стоит за то, что творится сейчас. Да, в советское время на Кавказе люди жили намного лучше, чем в средней полосе, и все за счет дотаций,

которые выделяло правительство. Недели через две к занятиям подключили еще одну большую группу людей, и с ними стали проводить занятия по той же методике. Медленно, но все увереннее абхазы стали действовать на поле боя, да и уровень огневой подготовки заметно вырос. Начались вопросы, когда же пойдем на штурм Сухуми? Сами по себе абхазы, как я понял, народ расчетливый. Я с ними проводил занятия, значит, человек нужный, у меня в номере было вино белое, красное, грецкие орехи. У остальных офицеров нашей группы этого не было. Мы жили в санатории, за проживание и питание платили деньги, за счет этих денег санаторий и существовал, а военного народа проживало много. Каждое утро, когда я уезжал на занятия, ко мне в номер приходил абхаз, естественно, с разрешения дежурной, выливал вчерашнее старое вино, наливал новое, приносил орехи и фрукты. Ежедневно после ужина ко мне заходили товарищи и наливали себе в графины на выбор любого вина. На следующее утро все заново повторялось. Разведчики мне в номер принесли телевизор, вечером смотришь «Новости», нальешь бокал белого или красного вина и потягиваешь в свое удовольствие. Позднее начинает заходить народ, просить вина. Вина было так много, что его смог бы выпить только монах-отшельник из романа Вальтера Скотта «Айвенго». Иногда проснешься ночью, по всей гостинице был слышен тихий стук, словно дятел долбит дерево. Это офицеры, прапорщики, некоторые жили с семьями, кололи грецкие орехи.

Однажды Чиндаров пригласил меня и Рудюка к себе и поделился своими соображениями. Давайте для абхазов подготовим и проведем показательное занятие, но местность нужно выбрать вроде той, что перед Сухуми с нашей стороны. Нашли такой же обрывистый берег, похожее русло реки. Уточнили все моменты с авиацией, артиллерией, с подразделениями абхазов провели несколько тренировок по форсированию водной преграды и преодолению крутого берега. Во время тренировок обратил внимание на одного молодого чеченца, товарищи звали его Шамиль. Он всегда был в разгрузочном жилете защитного цвета, ко всему проявлял интерес, задавал много вопросов и что-то записывал в записную книжку. Шамиль был командиром чеченского батальона, который насчитывал от силы человек восемьдесят. Это был Шамиль Басаев. По стечению обстоятельств получилось так, что мы как бы способствовали его военному образованию как будущего главаря сепаратистского движения в Чечне.

Накануне показательного занятия, или генеральной репетиции для абхазов перед штурмом Сухуми, мы в узком кругу обсудили еще раз

вопросы взаимодействия и меры безопасности. Утром к месту проведения занятия подъехал Ардзинба со своей свитой, о чем-то поговорил с Чиндаровым, и началось шумовое представление. Первой заработала авиация, ее сменила артиллерия, и только потом вперед пошло ополчение на правом фланге наступающих — небольшая группа из химвзвода полка, которой руководил начальник химической службы ВДВ Зайцев, выстрелила из огнеметов «Шмель». Весь берег был в огне и дыму, смотрелось это со стороны очень впечатляюще. После занятий ополченцы еще долго обсуждали между собой то, что они увидели. Это придало им еще больше уверенности, и к занятиям они стали относиться еще прилежнее. Погода с каждым днем была все лучше и лучше, солнце припекало сильнее. В один из выходных дней решил пойти на море, немного позагорать. Отдыхающих на пляже заметно прибавлялось. Развалился на топчане, читаю газету и слышу голос Чиндарова: «Михаил Федорович, не будете возражать, если устроюсь рядом?» — «Нет, не буду». С ним был генерал Тиндитников, заместитель командующего воздушной армии. В Гудауте Тиндитников возглавлял оперативную группу ВВС и сам ежедневно в небе выписывал замысловатые пируэты на «Су-25». «Хороший сегодня день», — говорит мне Чиндаров. — «Александр Алексеевич, это пароль или намек? Кстати, у меня в номере есть вино и красное, и белое». Генералы переглянулись и в один голос: «Мы не возражаем, и красное, и белое пойдет в такой чудесный день, да еще на берегу моря». — «Тогда я мигом туда и обратно». Мы с Чиндаровым были в дружеских отношениях еще по Афганистану, где часто бывали на боевых действиях. По возвращении в Союз продолжали поддерживать отношения. Приходилось по службе бывать в его полку, всегда старался помочь советом, и не только советом. Затем он стал комдивом, но моя помощь ему по-прежнему нужна была.

Возвратился я мигом, принес два графина вина и фрукты. Лежим, отдыхаем, вспоминаем службу и Афган тоже. Как мы с Чиндаровым ветреной, холодной, темной ночью верхом на танке, закутанные в одеяло, вели группировку в новый район боевых действий. Затем Тиндитников меня спросил: «У вас есть брат в ВВС?» — «Да, служит в Смоленске, летает на «Су-27». — «Эта фамилия почему-то у меня на слуху, где-то с ним встречался. Вернемся с моря, позвоним в Смоленск, брату». Вернулись с моря, зашли к генералу в номер, он быстро по своим каналам дозвонился до командира полка, а брат в это время был у него в кабинете или в классе предполетной подготовки, точно уже не помню. Одним словом, брата пригласили к телефону, и мы, находясь с ним друг от друга за тысячи километров, смогли спокойно поговорить. Владимир служил в боевой

части, заместителем командира полка. Младший брат всегда интересовался армией. После окончания десятилетки поступил в Черниговское высшее летное военное училище. Через четыре года ему вручили лейтенантские погоны. За время службы Владимир, как и все военные, сменил не один гарнизон, Пришлось послужить и за границей. Последнее место службы — Смоленск. Подросли сыновья. Старший Андрей окончил академию ПВО Сухопутных войск в Смоленске. Вместе с лейтенантскими погонами получил назначение в Калининград, но было смутное время, делалось все, чтобы лейтенанты не были нужны Родине. Комбриг собрал молодых лейтенантов и с горечью говорит: «Парни, берите на руки личные дела и пытайтесь самостоятельно найти себе работу, возможно, вы еще кому-то нужны». Приехал сын к отцу, так, мол, и так. Жаль стало сына, учился, учился и стал для армии ненужным балластом, а парень хотел служить. Ругнулся отец на бардак в стране и армии. После института со свободным дипломом еще как-то можно помотаться в поисках работы по душе, а в армии это негоже. Увольняйся, сын. Нашел себе Андрей работу, не то чтобы по душе, но по крайней мере деньги платят регулярно, и больше, чем в армии. Младший, Алексей, поступил в Рязанское десантное училище. Ну, думаю, племянник продолжит династию Скрынниковых в Воздушно-десантных войсках. После окончания училища служил в Наро-Фоминске. Служил не хуже других. Присвоили старшего лейтенанта. Часто приезжал ко мне в гости. Говорил ему: «Племяш, до академии тебя доведу, а там будешь пробивать себе дорогу самостоятельно». В общежитии он получил небольшую комнатку, но свою, что немаловажно для молодого лейтенанта. Родители помогли ее обставить. Время было беспокойное, Чечня, черт бы ее побрал, тревожила родителей, беспокоился вместе с ними и я. К этому времени Псковская дивизия была укомплектована контрактниками, и стали «скобари» менять сами себя в Чечне. Через пару лет у Алексея появилась апатия к службе, он чаще стал поговаривать об увольнении из армии и в конце концов уволился. Его увольнение настроение ни брату, ни мне не улучшило. После разговора по телефону с братом поблагодарил генерала и ушел к себе в номер, как сказал бы народ, «доотдыхать». Около номера меня ожидали друзья, товарищи с пустыми графинами и со словами: «Ты помнишь, какой сегодня день?» — «Воскресенье». — «Правильно, наливай».

После выходного дня занятия с абхазами продолжились. Усиленная подготовка абхазов скоро не стала тайной для грузин, не стало тайной и то, кто им помогает. В один из дней они решили поквитаться с нами или, по крайней мере, сильно напугать.

Как всегда после напряженных занятий, решили в гостинице немного отдохнуть. Я был уже в номере, когда послышался нарастающий гул приближающегося самолета. Самолеты здесь летали и днем и ночью, и мы на это не обращали особого внимания. Через несколько секунд над гостиницей с грохотом пролетел реактивный самолет. Что-то уж очень низко летит, подумал я. Вдруг раздался сильный взрыв, за ним второй, здание вздрогнуло, погас свет. Несколько секунд стояла мертвая тишина, затем стал нарастать шум людских голосов. Мы, словно по команде, застегиваясь на ходу, выбежали на улицу. Около проходной собралась большая толпа, они посылали проклятия всему грузинскому народу. Кто-то из свидетелей стал рассказывать, откуда вылетел самолет и где он сбросил одну, а затем вторую бомбу. Первая предназначалась нам, офицерам, но упала за гостиницей, метрах в восьмидесяти, в огороды. Вторая упала недалеко от военного городка. От бомбежки пострадала женщина и был ранен прапорщик. Быстро загрузились в автобус и поехали к штабу полка. Подъезжая к штабу, видели, как приземлялся «МиГ-29», поднятый вдогонку за грузинским «Су-25», но тот по Кодорскому ущелью успел уйти в сторону Вазиани на свой аэродром.

Одним словом, грузин страху на нас нагнал. Мы стали думать, как впредь подобного не допустить. Начальник ПВО Голубков организовал пост ПЗРКа прямо на крыше гостиницы и стал разбираться, почему радиотехнический пост проморгал подлет грузина. Оказалось, сегодня наш вертолет отвозил продукты для батальона в Сухуми, и, когда тот возвращался в Гудауту, грузин к нему пристроился и незамеченным преодолел зону, просматриваемую радаром, а затем сделал свое черное дело и безнаказанным вернулся домой. Когда Чиндаров об этом случае доложил Подколзину, командующему ВДВ, тот приказал Голубкову в Москву не возвращаться, пока не собьет грузина. В мае из ПЗРКа в горной местности все же был сбит грузинский «Су-25». Радиотехнический пост и зенитно-ракетный дивизион в Гудауте был от какой-то мотострелковой дивизии, и, на наш взгляд, они не были профессионально подготовлены к обнаружению и уничтожению воздушных целей. В этом я лично убедился, когда они пустили ракету и промахнулись по цели. Это произошло в мое дежурство, проверил связь, доложил своим в Москву о том, что заступил на дежурство. Сажу за столом, а чтобы не клевать носом, стал готовить схему очередного занятия с абхазами. Около полуночи раздался телефонный звонок, докладывает офицер радиотехнического поста. Воздушная цель вошла в зону обнаружения. Звоню абхазам, ваши летательные объекты в воздухе есть? Небольшая пауза, слышны разговоры, и потом следует ответ:

наши летательные аппараты на земле. Докладываю Чиндарову, так и так, пост ведет цель, абхазов в воздухе нет. «Михаил Федорович, давайте команду на пуск». Командую пуск. Через несколько секунд недалеко от штаба раздалось пронзительное шипение ракеты, выпущенной по цели, которая стремительно ушла в ночное небо, чтобы через секунду-другую озариться яркой вспышкой в темноте. Считаю про себя, а взрыва все нет и нет. Звоню на пост: в чем дело? Слушаю оправдание, цель вошла в зону обнаружения, но не в зону поражения, мы поспешили с пуском, и ракета прошла мимо цели. Позвонил Чиндаров: «Ну, что там с самолетом?» Объяснил ситуацию. «Ладно, утро вечера мудренее, разберемся». Утром генерал устроил разнос всем зенитчикам, и своим, и чужим, а также Голубкову передал строгое «пожелание» командующего.

На следующий день планировались полеты боевой авиации всей группой, одиночные полеты совершались ежедневно. Чиндаров тоже решил заодно проверить боевую готовность полка. В пять утра у летчиков началась своя игра, а у нас своя. Оба генерала собрались ехать на аэродром и меня с собой прихватили. Поднимаемся на вышку, кругом темень, только взлетная полоса на всю длину обозначена синими фонарями. В это время командир корабля «МиГ-29» запрашивается на взлет. Тиндитников дает добро. Машина включает переднюю фару, и луч ярко освещает полосу, мощно взревели двигатели, самолет слегка присел и начал стремительный разбег, было видно, как из сопел вырывалось пламя, и через пару секунд «МиГ» стремительно ушел вверх. Прошло еще несколько секунд, и самолет растворился в темноте. Я первый раз видел разбег и взлет боевого самолета ночью с вышки. Картина, прямо скажу, завидная, мне даже на секунду представилось, что сижу в пилотской кабине этого истребителя. На языке авиаторов самолет в небо ушел разведчиком, а пройдет немного времени и остальные уйдут в синеву. Пока мы с Чиндаровым принимали доклады от командира полка, на командном пункте среди летчиков возникла какая-то суеда, стали куда-то звонить, о чем-то спрашивать. Тиндитников подошел к нам и тихо говорит: «Точка с локатора исчезла, и связь с самолетом пропала, а прошло от момента взлета около часа». Конечно, все надеялись на лучшее, возможно, что-то случилось со связью, улетел на запасной аэродром, плохие мысли гнали прочь. Прошло и контрольное время полета, но самолет не появлялся. Значит, произошло непоправимое. По предварительной версии, истребитель в темноте врезался в вершину горы. Вечером по телевидению показали фрагменты самолета, а рядом Шеварднадзе с группой военных, в руках у него была, как у грибника, суковатая палка, которой он стучал по металлу и говорил в камеру: «Так

будет с каждым, кто посягнет на суверенитет Грузии». Грузины свою версию выдвигали, якобы это их ПВО сбил истребитель. Ночью командир полка позвонил Чиндарову. При обстреле грузинами лаборатории, которую охраняли десантники, погиб наш сержант. Это известие вывело из себя генерала, и он решил наказать обидчиков. Артиллерийский дивизион обрушил шквал огня на грузинские позиции, и так делалось всегда при попытке грузин выпустить хотя бы один снаряд в сторону лаборатории. Верхние этажи ее были разбиты еще с начала боевых действий, чтобы до конца эту уникальную лабораторию не разграбили десантники, ее взяли под свою охрану. Дня через два боевая учеба абхазов завершилась, и они стали готовиться к наступлению.

В полутора километрах от Сухуми была высокая гора, которая контролировала подходы к городу, на ней оборудована позиция грузин. Если не занять заранее эту высоту, при наступлении обязательно возникнут проблемы. Эту задачу поручили решить обходящему отряду. У меня даже появилось подозрение, что этим отрядом были наши десантники. Почему подозрение, да потому что уж очень решительно и дерзко сработал отряд во время боевых действий и сбросил грузин с высоты. План операции разрабатывали с привлечением узкого круга лиц в штабе абхазской армии, чтобы исключить утечку информации. Абхазские подразделения к штурму готовились основательно, запасались боеприпасами, готовили свою малочисленную технику и вооружение. Откуда-то у них появилась дополнительная партия оружия и боеприпасов к нему. К началу наступления они поднакопили и техники, и артиллерии, и даже два самолета «Ан-2» и несколько дельтапланов. Рано утром абхазы обрушили всю мощь артиллерии на грузинские позиции, особенно на гору. К этому времени обходящий отряд уже начал подниматься на высоту. Позднее стало известно, что в штурме позиции на горе принимали участие и люди Млынника. К обеду позиции на горе перешли в руки абхазов, и над Сухуми нависла угроза окружения, но до полной победы еще понадобились сутки. Батальон Никульникова тоже сыграл немаловажную роль в освобождении города. Ребята участия в боевых действиях не принимали, но психологически воздействовали на грузин страшно. У них под боком не какое-то подразделение ополченцев, а целый батальон десантников, готовый по первой команде из Гудауты выполнить любой приказ. Часть грузинских подразделений бежали в Галльский район, а часть в центральные районы Грузии. К утру третьих суток Сухуми полностью контролировался абхазскими подразделениями, народ вышел на улицы города и устроил настоящий праздник освободителям Абхазии от

грузинского насилия.

К этому времени нашу оперативную группу сменила группа генерала Сигуткина, заместителя командующего по боевой подготовке. Генерал Лебедь наводил порядок в Молдавии. Группа Сигуткина контролировала освобождение Сухуми и Абхазии в целом и не позволяла разгореться военному конфликту, поскольку после освобождения Сухуми абхазы не растратили свой воинственный пыл, с этой целью она некоторое время оставалась в Абхазии. Позднее заменится и эта группа, так продолжалось до тех пор, пока не были официально созданы миротворческие войска, в основном это были десантники. В ВДВ появилась должность — заместитель командующего по миротворческим войскам. Первым миротворцем был генерал Попов. Десантники 345-го полка в течение нескольких лет еще продолжали в этом районе выполнять опасную, но благородную миссию.

Вернулись мы из командировки ранней весной, снега не было, на деревьях набухали почки, вот-вот должна появиться листва. Майские праздники, да и сам месяц май, прошли быстро и незаметно. В один из таких дней ко мне подошел Ткачук, заместитель начальника управления боевой подготовки, он сменил Тавгазова, который к этому времени уволился. Ткачук спрашивает о моих планах на дальнейшую службу. «Юрий Антонович, после отпуска планирую увольняться из армии». За свой многолетний ратный труд повидать пришлось многое. Да и биография службы обширная. Начинал служить солдатом в Прибалтике, учился в Рязани в десантном училище. Офицерскую службу начинал в Фергане. Потом недолго служил в Витебске. Более двух лет воевал в Афганистане. После Афгана служил в Москве, была возможность сравнить службу в войсках со службой в центральном аппарате.

Пришло время задуматься над вопросом, служить дальше или увольняться. Тем более Союза уже не было. Выслуги у меня с учетом афганских боевых было выше крыши. В 93-м вместе с женой решили попутным бортом слетать в Фергану, повидаться с друзьями, навестить могилу отца жены. По большому счету у нас лучшие годы прошли именно в этом узбекском городе. Конечно, в Фергане прошли большие перемены. Выражаясь языком местного населения, город заметно почернел. И действительно, на улицах встречалось намного меньше славянских лиц, чем несколько лет назад. Зашли к отцу на кладбище, все запущено. Забора нет, по кладбищу бродит скот, а в скором будущем его планируют ликвидировать. Везде неухоженность, запустение. Та же картина в городе, в промышленности застой. Наши друзья, Люся и Володя, сетовали на

безденежье, говорили, что надо из Ферганы уезжать. К этому времени их сын Андрей учился на первом курсе Ярославского военного училища.

К концу недели из Ферганы и мы улетели. В Москве узнал от друзей, что наверху упорно распространяется слух о том, что отменяют выходное пособие по увольнению из армии. Решил написать рапорт на увольнение. Приказ министра обороны на увольнение гулял по Москве около месяца. В пятницу, как это было принято, Подколзин на служебном совещании офицеров зачитал приказ о моем увольнении, вручил мне грамоту и денежную премию за то, что долго и хорошо служил. Приказ, грамота, денежная премия одной купюрой достоинством в тысячу рублей и по сей день хранятся дома на память. Перед выходными собрал своих боевых товарищей и, как водится в офицерской среде, накрыл для них поляну.

На первых порах было очень тоскливо, ну, просто дома не находил себе места. Трудно после стольких лет службы представить себя гражданским человеком, да еще без дела. Каждый день звонил своим товарищам, часто приходил на работу. Они мне в шутку говорили: «Раз тебе нечего делать, выходи на службу, а работу найдем». Жена, видя мое настроение, говорит, поезжай-ка ты лучше на дачу и там делом займись.

Собрал рюкзак и на электричке в путь-дорогу. Дача в Тульской области, в советское время ближе земельные участки под застройку не давали. Сентябрь, тепло, много солнца, работать на свежем воздухе одно удовольствие. Мой участок крайний, и около него туда-сюда шастали грибники, в основном мои сослуживцы, уволенные со службы раньше меня. Однажды ко мне зашли Даньшин и Сержантов, уволенные в прошлом году, и попросили показать им мое пенсионное удостоверение. А его у меня еще не было. «Ну тогда ты еще салага по сравнению с нами. Собирайся и дуй к Толяну», — и показывают мне, в какой стороне протоптанная к его дому тропинка ведет. «А кто такой Толян?» — «Вот иди по этой тропинке и никуда не сворачивай, она приведет тебя к Толяну. Ну прямо как в сказке. Не забудь прихватить пустую тару». Идти пришлось по тропинке около километра и все полем, немного лесом. Иногда навстречу шли мужики. Один поинтересовался: «К Толяну идешь?» — «Да». — «Тогда поспеши, он собирался уезжать». Пришлось прибавить ходу. И впрямь тропинка привела к добротному дому с большими воротами и высоким забором. Все закрыто. Кругом ни души. Сел на скамейку и стал ждать. Минут этак через пять к дому подходит по внешнему виду местный забулдыга. Подошел и кулаком бах, бах в дверь. «Ну кто там еще?» — раздался мужской голос. «Толян, давай», — и больше ни слова, словарный запас иссяк. Открывается дверь, на пороге показался мужчина лет сорока пяти и протягивает ему

пластмассовую бутылку со светлой жидкостью, а тот ему деньги. Сделка состоялась. Наверное, в дугу свой, раз не потребовал пустую посуду, мелькнула мысль. «Ты ко мне?», — обратился хозяин дома. «Да». — «Сколько?» — «Протягиваю две пустые бутылки. Минут через пять вышла женщина, но уже с полными бутылками. Сказал ей спасибо, бутылки положил в сумку и поспешил обратно, чтобы кореша не обозвали черепахой или еще того хуже. По дороге снова встретил еще двоих мужиков. Да, подумал, не зарастет народная тропа к этому дому. Отстроил Толян себе хоромы за счет местных мужиков. Говорили, он торговал разведенным спиртом и днем и ночью. С дальних деревень на машинах, тракторах приезжали за его бурдой. Оказывается, на Коростылевском спиртзаводе его брат работал. Брат воровал, а Толян разбавлял водой из колодца до нужной кондиции и сплавлял мужикам. Виноделу хорошо, а мужикам, когда напьются, еще лучше. Работы на селе после развала Союза не стало, что осталось от хозтехники потихоньку растащили, продали и пропили, а потом стали ближайшие дачи бомбить, ведь на что-то надо пьянствовать, наши дачи взламывали тоже. Альтернативы Толяну в то время не было, вот он и разбогател. Правда, года через три предприимчивые люди стали в наших кооперативах открывать магазины, и бизнес Толяна стал хиреть, а вскоре и совсем зачах.

«Ну, сколько тебя можно ждать?» — ветераны на меня зашикали. «Мы уже все приготовили, садись», — и мне в моем доме предлагают стул. Налили разведенный спирт в рюмки: «За тебя, Михаил», — чокнулись и выпили. «Ну как, годится?» — «Терпимо», — отвечаю. Еще выпили, потом пошли разговоры, еще выпили и снова разговоры. В общем, они признали во мне пенсионера, от меня ушли затемно, как раз сторож включал свет на столбах. Раза три мне все же пришлось гонять по этой знакомой тропинке до точки и обратно.

Через неделю-другую дачная жизнь стала надоедать, да и погода начинала портиться, обратно в Москву к семье подался. В квартире никого, жена на работе, сын тоже. Снова один. Привел себя в порядок, жена к этому времени с работы вернулась. «Ну, здорово ты там на даче наработал?» — «Здорово или не здорово, но кое-что сделал». — «Кстати, в твое отсутствие звонили из Таможенного комитета, просили, чтобы ты позвонил вот по этому телефону».

Читаю записку: «Юрий Николаевич Бондарь», но эта фамилия мне ни о чем не говорит. Посмотрел на часы, ладно, уже рабочий день закончился, позвоню утром.

Я служу в охране

Утром я набрал нужный номер телефона. Представляюсь. «Михаил Федорович, есть предложение поработать в боевой подготовке Таможенного комитета. Недавно создали управление таможенной охраны, в нем есть отдел боевой подготовки». Вкратце рассказал, чем должны заниматься сотрудники отдела. «Вы работали в боевой подготовке ВДВ, опыт есть, так что не отказывайтесь и принимайте предложение, мне вас рекомендовал наш общий знакомый, который служил в Витебской дивизии», — и называет фамилию. «Помню такого замполита полка. Предложение заманчивое, Юрий Николаевич, да и без дела надоело, завтра приеду на собеседование». Утром попрощавшись оделся и поехал в комитет. Пропуск на меня предусмотрительно был заказан. Поднимаюсь на третий этаж, вот и номер так нужного мне кабинета. Постучался, захожу. В кабинете трое, слева сидящий Юрий Николаевич. Познакомились, он представил меня Черкасову, начальнику управления, и Овчинникову, заместителю начальника управления. Разговорились о службе, кто где служил, но больше вопросов задали мне, оно и понятно: не они ко мне пришли на работу наниматься, а я к ним. Мое будущее руководство тоже оказалось служивым людям, только пограничных войск, все полковники в запасе. Я дал свое согласие на службу в Таможенном комитете. В течение следующего дня в кадрах меня оформили. Завели трудовую книжку, и стал я помогать Бондарю ковать боевую подготовку подразделений таможенной охраны. Позднее Черкасов представил меня Драганову, заместителю Таможенного комитета, он же был куратором управления охраны. Зампред к военным относился с уважением, его помощником был полковник службы внешней разведки, Зотов, правда, тоже в запасе.

С каждым днем я все глубже изучал таможенную систему. Оказывается, при каждой таможне существовал отряд таможенной охраны. На них возлагалась охрана отдельных участков таможенной границы, они же при необходимости и грузы сопровождали. В таможенных управлениях существовали СОБРы, у которых были несколько иные задачи. СОБРы в основном использовались по решению начальника таможенного управления. К тому времени разбой на дорогах достиг наивысшей точки, без сопровождения провозить грузы было небезопасно, вот СОБРы и сопровождали грузы, которые планировалось досмотреть или взять под арест, на таможенные терминалы. Работа отдела охраны была связана с

определенным риском для жизни и особенно на участках казахстанской таможенной границы, где они были настолько прозрачными, что их не пересекал разве что ленивый. Через границу шел огромный поток наркотиков в Россию и дальше на запад, а попробуй перекрыть огромное расстояние двумя десятками человек, это просто было нереально. Потом у контрабандистов и средства связи, и техника были на несколько порядков выше, чем у отдела охраны. Криминогенная обстановка долгое время сохранялась в районе монгольской границы. Монголы настолько обнаглели, что переходили границу, забирали отары баранов и угоняли на свою территорию, при попытке местных как-то препятствовать этому разбою монголы сразу применяли оружие, были частые случаи гибели местных жителей. Подвергались обстрелу и сотрудники таможенной охраны.

Вот в такое беспокойное время Бондарю и предстояло наладить боевую подготовку личного состава таможенной охраны. Научить их умению мастерски владеть огнестрельным оружием, а также приемам самозащиты и нападения. Необходимо было разработать программу боевой подготовки, которая включала бы тактико-специальную, огневую и физическую подготовки, но самое главное было наладить контроль за ее выполнением. Ведь пограничный контроль на границе практически отсутствовал. Государственную границу как-то еще контролировала таможенная служба, да и то на таможенных пунктах пропуска, а сто метров вправо или влево контроля не существовало. Одним словом, для дельцов наступило золотое время, естественно, при попустительстве государственных чиновников, которые сами активное участие принимали в разбазаривании богатств России.

Постепенно боевая подготовка стала налаживаться, многие начальники таможен не скупились на приобретение техники, средств связи. За короткие сроки все эти затраты окупались, да еще и приносили большую экономию в казну. Однако беда была в том, что некоторые руководители таможенных органов не видели выгоды от работы таможенной охраны. Таким руководителям с подачи Бондаря за подписью Драганова шли телеграммы с требованием обратить внимание на подготовку сотрудников охраны. Раз в году проводился сбор с начальниками отделов охраны в таможенных управлениях, а вернее, на базе одной из таможен управления. Первый такой сбор был проведен в Московском таможенном управлении на базе Белгородской таможни. К нему Бондарь и я готовились основательно, проштудировали документы, касающиеся таможенной охраны, программу боевой подготовки. Заранее договорились, в каком тире будем выполнять упражнение учебных стрельб из пистолета Макарова, в каком спортзале

будем заниматься физической подготовкой. Предупредили всех начальников, что кроме лекционных занятий с ними будут проведены контрольные занятия по огневой и физической подготовке, о результатах сбора будет доложено руководству Таможенного комитета.

Нас на вокзале встретили, разместили в гостинице. Начальник таможни Данков первые часы сбора лично присутствовал на занятиях, а дальше Бондарь сам уверенно и профессионально проводил занятия, которые были в плане проведения сбора.

На подведении итогов сбора присутствовал начальник таможни. В своем выступлении он от души поблагодарил Бондаря за показательные и контрольные занятия, которые мы провели на базе его таможни. По приезде в Москву делились впечатлениями о проведенном сборе и о целесообразности таких сборов. Дня через два мне позвонили из управления боевой подготовки ВДВ, звонок был из приятных, мне необходимо завтра утром прибыть к командующему за получением ордена, к которому меня представил Чиндаров за Абхазию. Сказал Бондарю, что завтра немного задержусь, так как заеду в штаб ВДВ, где мне будут вручать орден, а он возьми и всем об этом рассказал. Утром зашел в кабинет к Подколзину, на совещании у него было несколько офицеров. Он в их присутствии вручил мне орден «За личное мужество». Конечно, я зашел к своим «боевикам» на третий этаж. Похвастался наградой и рассказал ребятам, где сейчас тружусь. Бондарь меня уже ждал: «Ну давай, показывай свой орден». Повертел в руках и говорит: «Смотрится здорово! Пойдем наверх, покажем начальникам, они уже ждут». Черкасов, Овчинников и Зотов меня поздравили с боевой наградой. «А когда будешь обмывать орден?» — «Сегодня». — «Принимается». Зашел в спецбуфет, купил, что нужно, и обмыли орден.

На следующий год сбор проводился в Западно-Сибирском таможенном управлении, начальник управления Шабанов. На мой взгляд, он заслуживает особого уважения со стороны сотрудников охраны. На протяжении двух дней не только присутствовал на занятиях, но и сам их проводил. После сбора Черкасов мне и Зотову-Кодратову дал поручение посетить Омскую таможню и проверить, как сотрудники охраны выполняют свои обязанности. До Омска поездом целую ночь езды, нас сопровождал начальник отдела охраны таможенного управления. В Омске мой напарник из отдела вооружения занимался проверкой и закреплением оружия, а я с начальником отдела охраны на машине отправились на самый дальний таможенный пост, на казахстанскую границу. В моем представлении таможенный пост — это некое подобие караульного

помещения, оказалось, это все таможенные службы, только в усеченном виде. Вернулись оттуда затемно. Начальника таможни Халецкого не застали, оперативный дежурный что-то шепнул моему сопровождающему. «Поехали, — сказал он, — нас уже ждут». Приехали в аэропорт, заходим в ресторан, а нас действительно уже ждали. В ресторане находились до самого отлета самолета, начальник таможни лично провожал до трапа самолета.

По прилете в Москву, как и было принято, отчет о проделанной работе. Конечно, этот отчет был чистой формальностью. Тем временем обстановка и на южных таможенных рубежах была далеко не безоблачной. В Осетинской таможне на стыке трех республик, Грузии, Ингушетии и Осетии, находится таможенный пост Верхний Ларс. В один из дней, а это случилось после международного конфликта ингушей с осетинами, со стороны Ингушетии с ближайших высот из стрелкового оружия был обстрелян таможенный пост. Обстрел продолжался минут двадцать. Один сотрудник из отряда таможенной охраны погиб. Чтобы разобраться во всем на месте, председатель комитета направил в Осетию группу сотрудников — Бычкова, Овчинникова и меня. Вылетели в Ростов-на-Дону, в Северо-Кавказское таможенное управление. Мои спутники получили пистолеты и бронежилеты. Пистолет я получил, а бронежилет брать не стал, потому что, как человек обстрелянный, был уверен: не пригодится. Утром на вертолете прилетели в Осетию. Встречали нас начальники таможни и аэропорта. Думал, что нас сейчас же повезут на место происшествия, а нас пригласили на второй этаж в ресторан, стол был накрыт по высшему классу. Лишь после обеда поехали в таможню. Встреча гостей из Москвы напомнила мне Афганистан, где также соблюдалось чинопочитание и навязчивое гостеприимство. Начальник таможни осетин стал знакомить нас со своими заместителями и ведущими начальниками отделов. Ближе к вечеру отвезли в гостиницу, каждому предоставили отдельный номер. В коридоре выставили охрану, затем пригласили нас на ужин. Вот здесь надо остановиться поподробнее. Привезли нас в какое-то место отдыха на берегу горной речушки, кругом горы, пирамидальные тополя. Стол длинный был уже накрыт, за столом сидели человек двадцать, не меньше. Подходим мы, все встали и стоя ждут, пока мы займем места во главе стола. И начался пир, по-другому это застолье не назовешь. Тостов в наш адрес было не счесть и все такие длинные, замысловатые. Пили-ели до глубокой ночи, на следующий день все же выехали на место происшествия. Я поднялся на вершину, где были позиции нападающих. Место для обстрела выбирали со знанием военного дела, учли путь отхода. У

начальника отдела охраны спросил: «Бараны на этих склонах пасутся?» — «С начала конфликта нет». На месте определил места для установки сигнальных ракет на растяжках. Сверху посмотрел на пост и определил наиболее уязвимые места при повторном обстреле. По внешнему периметру поста отметил места окопов и укрытия для личного состава при нападении. Потом Овчинников говорит: «Надо слетать в Назрань, его сослуживец на сегодняшний день председатель правительства Ингушетии». Полетели, благо вертолет в нашем распоряжении. В Нальчике встречает начальник таможни, Руслан. На аэродроме задерживаться не стали, полетели в Назрань, председателя правительства на месте не оказалось, но сам город, да его городом трудно назвать, мне совсем не понравился. Поэтому Аушев столицу в другое место позднее и перенес. Вернулись в Нальчик, здесь нам каждому подарили по бурке и еще какие-то сувениры. Утром повезли к святым источникам, места действительно красивые. Затем заехали к брату Руслана. Смотрю, в воротах пробоина от гранатомета. Спрашиваю: «Нападение было, что ли?» — «Да ты что, как-то приехал знакомый с гранатометом и похвастался оружием, а брат пристал, дай стрельнуть. Стали выбирать цель, а брат говорит, мол, давай по воротам. Вот с тех пор и дырка в воротах, и гордость для брата, что попал в цель». Приехали в гостиницу, экипаж нам докладывает: «Вертолет к вылету не готов, барахлит двигатель». Бычков звонит в Ростов, ведь на завтра оттуда нам забронировали места на Москву, а вертолет неисправен, как быть в такой ситуации? Вылет в Москву из Нальчика, вот и решение всей проблемы. Утром из-за погодных условий рейс на Москву на несколько часов перенесли. Сидим в ресторане аэровокзала, ждем вылета, уже, наверное, бутылки по две шампанского выпили, а погоды все нет. Руслан нам рассказал, как однажды его Круглов послал в Чечню, чтобы он узнал, почему вдруг чеченская таможня перестала перечислять налоги в казну. Созвонился со своими друзьями в Чечне, они организовали беспрепятственный коридор, нашел нужного чиновника, рассказывает о деле. «Послушай, Руслан, про какие деньги ты говоришь, нет денег. Давай отдыхай, посмотри город». Понял я, что эта тема закрыта. По пути домой заехал на базар, а там в открытую продают оружие. Смотрю, на сошках стоит пулемет. Спрашиваю у хозяина: «Учебный, что ли, продаешь?» Тот обиделся и как шандарахнет длинную очередь в воздух. «Ну ты сейчас понял, что это не учебный пулемет?»

В это время объявляют посадку на Москву. Руслан предлагает на дорогу по бокалу шампанского, ну, от него не отвертеться. Овчинников говорит: «Ведь на самолет опоздаем». — «Да вы что, без вас не улетит».

Пришлось выпить, но прежде выслушать длинный тост. Наконец мы в салоне самолета, занимаем свои места, дверь еще не закрыта, входит наш сопровождающий нукер и передает нам пакет. «Это Руслан передал вам в дорогу», — потом что-то на ухо сказал бортпроводнице, та понимающе кивнула. Через некоторое время загудели двигатели, и самолет покатил на взлетную полосу, я посмотрел в иллюминатор, около входа на перроне стоял Руслан со своими бойцами и махал на прощание руками. Самолет разогнался и мягко оторвался от земли, стал набирать высоту. Внизу горы в зелени и много нешироких речушек, вдоль берега добротные дома окраины России. Через некоторое время всем предложили прохладительные напитки, нам стюардесса предложила коньяк. Бычков с Овчинниковым любезно отказались, я опрокинул рюмашку. В аэропорту нас встречала машина, развезли по домам. Вот это командировка, не то что в армии, где с утра до вечера в полях, в грязи, пыли, и никто не спросит: «Ты что-нибудь за день съел?» А в таможене комфортные условия. Если нас так встречают и провожают, то руководство, пожалуй, как сыр в масле катается.

В понедельник Бычков с Овчинниковым доложили Круглову, председателю Таможенного комитета, о результатах проверки и принятых мерах по сохранению жизни сотрудников на таможенном посту Верхний Ларс. Круглов их похвалил за работу.

Прошло полгода моей службы в таможенной системе, и мне Черкасов предложил должность начальника отдела оперативно-дежурной службы. Назначили пока с испытательным сроком. Начальник службы обязан был каждое утро заходить в кабинет председателя и докладывать оперативную сводку за сутки. Прежние доклады, а мне черновик одного из них случайно попал в руки, были сухими и невыразительными. Я же этот порядок Круглову изменил. С официальным докладом заходил только по понедельникам и докладывал оперативную обстановку по разделам оперативной сводки, в конце доклада не забывал о выводах, в том числе о внутреннем порядке в самом комитете. То есть мой доклад председателю напоминал доклад начальника разведки. Однажды в субботу Валерий Гаврилович мне позвонил домой. «Михаил Федорович, поздравляю! Председатель тебя утвердил начальником оперативно-дежурной службы». На следующее утро Черкасов мне приказал принять новую должность, а Овчинников порекомендовал инспектора Темную в отделе заменить. Правда, ближе к вечеру она сама подошла ко мне: «Михаил Федорович, вы меня из отдела уберете?» — «Ольга Аркадьевна, работайте и ни о чем не думайте.

В этом же году началось сближение России с Белоруссией, чуть

позднее заговорили о создании союза двух государств. В связи с этим в Минске при Таможенном комитете создали Представительство таможенной службы России. Руководителем представительства Круглов назначил своего зама Драганова. Но не тут-то было, Валерий Гаврилович наотрез отказался уезжать в Минск и руководил вновь созданной группой из своего рабочего кабинета, а бывал там только по необходимости. В это время в государстве творился полный бардак, производство падало, зарплату месяцами не платили. Правительство нуждалось в пополнении казны. Основным источником дохода в бюджет была таможенная система. Однажды Черномырдин на заседании правительства решил заслушать доклад Круглова о том, как поступают деньги в бюджет и есть ли резервы увеличения поступления от таможенных сборов. Стали готовить ему всевозможные справки. Подключилась к этому и оперативно-дежурная служба, я позвонил в штаб ВДВ, переговорил с Ашихминым, моим бывшим сослуживцем, и заказал ему по моим черновикам сделать карту. Он за двое суток оформил карту, на которой были отображены все таможи и зоны их ответственности, мой заместитель Лапунов подготовил короткую, но емкую пояснительную записку. Все это я показал Круглову. Карта председателю понравилась, но он, сугубо штатский человек, не знал, как ею воспользоваться. «Анатолий Сергеевич, вам нет нужды по ней докладывать, надо заранее ее повесить на видном месте, кого надо заинтересует».

В день заседания правительства карта заранее висела на нужном месте. После доклада Круглова к ней первым подошел Черномырдин и громко сказал: «Да у нас границу, кроме таможи, больше никто и не охраняет». После таких слов все члены правительства обступили карту и стали с интересом ее рассматривать. Одним словом, на заседании Круглов имел успех.

Как только он вернулся из Дома правительства, тут же вызвал меня, вернул карту и сказал, что за такую идею непременно отблагодарит. Слово свое сдержал.

Через несколько дней все заместители хотели иметь в своем рабочем кабинете такую же карту и наперебой стали меня вызывать к себе. «Михаил Федорович, и мне такую карту в мой кабинет». Ладно, звоню Ашихмину в штаб ВДВ: «Петр, приезжай ко мне на службу, есть для тебя денежная работа». Офицеры тогда по несколько месяцев не получали зарплату, и как их семьи сводили концы с концами, остается загадкой. Отвел Петро к начальнику финансового управления. Здесь же с Ашихминым заключили договор на изготовление четырех карт. Какая была оговорена сумма, не

знаю, но уверен, она была на порядок выше его заработной платы.

За два года службы в таможенной системе я уже многое знал и даже, как вывозится за границу эшелонами нефть, сталь, которая применялась для строительства подводных лодок, и многое другое. Знал об этом и Круглов, но изменить положение дел в то время не мог, а если бы попытался помешать этому потоку, его бы просто убрали и поставили своего человека. За полгода мы с Лапуновым выстроили вертикаль оперативно-дежурной службы от комитета до таможенного поста. Руководители управления таможенной охраны с этой вертикалью были не согласны и на первом этапе ставили мне подножки, но потом все стало на свои места, и служба заработала с большой отдачей. С начальниками оперативно-дежурных служб региональных таможенных управлений и таможен центрального подчинения мы ежегодно проводили сбор. На сбор приглашали зампредов, начальников ведущих управлений, которые до участников сбора доводили таможенные новинки на сегодняшний день, а также разработанные руководящие документы. Меня, как руководителя службы, приглашали на все совещания, которые проводил председатель, а также на коллегии Таможенного комитета. Накануне одного такого большого совещания ко мне в кабинет зашла Лена, помощник Круглова, и говорит: «Михаил Федорович, завтра совещание, вот список присутствующих, пусть ваши ребята их оповестят». Утром мы с Бондарем заняли места в актовом зале. Несколько минут спустя со служебного входа к столу президиума поднялся Круглов, в сопровождении человека в штатском, и пригласил подняться в президиум своих заместителей, Драганова среди них не было. Председатель представил публике человека в штатском: «Субботин». Точно, это Виталий. Значит, он сейчас, кроме силовых структур, стал курировать еще и Таможенный комитет. Через час работы был объявлен перерыв, и я стал протискиваться к выходу и далее на свежий воздух. Таможенный бомонд тоже начал спускаться в гостевую комнату, где можно покурить, выпить кофе. Первым шел Круглов, а за ним Субботин. «Привет, Виталий!» — «Михаил, здравствуй». Наше братание со столь высоким гостем привлекло внимание многих, в том числе и Круглова, который остановился и стал дожидаться, пока мы поприветствуем друг друга. «Ладно, давай иди, тебя ждут, позже встретимся», — сказал своему товарищу. После подобных совещаний председатель устраивал фуршет. Время еще позволяло, и Субботин заглянул ко мне в рабочий кабинет, сидим, вспоминаем службу. Заходит Мугинов, заместитель начальника управления. У меня с ним были дружеские отношения, и он был рад знакомству с Субботиным. Мугинов изъявил желание провести Виталия по

кабинетам, познакомить его с некоторыми должностными лицами. Минут через десять зашел Шпагин: «Где Субботин, его хочет видеть Круглов?» — «С Мугиновым шастают по кабинетам». — «Надо срочно его разыскать», — и ушел. И надо же через минуту заходит Субботин. Тороплю его: «Идем быстрее, тебя уже ждет председатель, без тебя пьянку не начинают». Подвел его к «греческому залу», открываю дверь, а там уже полно народа. «Виталий, без страха и сомнения только вперед», — и закрываю за ним дверь. Часа через полтора меня приглашают в приемную Круглова. Захожу, председатель и Субботин жмут руки и желают друг другу самого наилучшего. Круглов обращается ко мне: «Надо нашего куратора доставить домой в лучшем виде». — «Сделаем, Анатолий Сергеевич», — и отправил своего товарища на дежурной машине домой. В следующий понедельник при докладе оперативной обстановки Круглов заинтересовался нашим знакомством с Субботиным. Пришлось рассказать, с каких времен у нас началась дружба с куратором Таможенного комитета.

Накануне Нового года председатель вызвал меня к себе и дал поручение, чтобы оперативно-дежурная служба держала руку на пульсе обстановки во всех таможенных регионах, в том числе и в самом комитете. Было негласно заведено, что перед любым праздником сотрудники всех управлений устраивают застолье. Перед праздником было сплошное веселье, вот оперативный дежурный с сотрудниками охраны и были для подгулявших и Дедом Морозом, и Снегурочкой, а некоторых таможенников, не контролирующих свои действия, приходилось выдворять за пределы таможенной территории.

В первый рабочий день после Нового года прибыл к Круглову с обычным докладом, он его внимательно выслушал и задает вопрос, а как встретили праздник сотрудники комитета? Вопрос интересный, значит, он владеет информацией. Доложил обстановку, которая была в комитете накануне встречи Нового года. Тюриков, начальник отдела охраны, был человеком Ануфриева, зампреда, и доложил ему о веселье, а тот при встрече — Круглову, вот и вся схема прохождения информации. Конечно, этот год был знаковым не только для таможенной системы в целом, но и для нашего отдела. Где-то в конце мая опять пресса зашевелилась, появились статьи, компрометирующие Круглова как руководителя Таможенного комитета. Впрочем, в нашей службе пока было спокойно. Это позднее в комитете все и закрутилось. Помню, в июне по делам службы зашел в приемную председателя, а его помощники, Лена и Катя, какие-то взволнованные, расстроенные, перебирали бумаги на рабочих столах. «Девочки, что случилось?» Они что-то невнятно ответили. Хорошо помню,

была пятница-, и я после обеда уехал на дачу. Вечером слушаю радиоприемник, и вдруг «Маяк» передает новость: «Сегодня от занимаемой должности освобожден председатель государственного Таможенного комитета Круглов. На освободившуюся должность назначен Драганов». Значит, переворот.

Надо утром уезжать в Москву. Позвонил оперативному, чтобы утром за мной прислал машину. Заснуть не мог, разные мысли лезли в голову, а как Драганов отнесется к службе? Одно дело, когда он был зампредом, а другое — начальник всей таможенной системы. Утром к назначенному сроку машина не подъехала. Звоню в службу: «Почему нет машины?» — «Михаил Федорович, здесь такое творится, что нормальному человеку трудно понять. Нина, помощник Драганова, запретила выход из парка всех служебных машин, в том числе и Круглову нет машины». Чепуха какая-то, они, что, как в азиатских странах, боятся выступления оппозиции? Это те на следующее утро выводят на улицы сторонников свергнутого режима. На перекладных добрался до Москвы. В понедельник захожу в комитет, на проходной охрана попросила предъявить пропуск. «В чем дело, мужики?» — «Михаил Федорович, дурдом какой-то», — ответил старший смены. Поднимаюсь к себе на этаж, у многих кабинетов двери настежь, сотрудники пакуят вещи. Зашел в кабинет секретаря коллегии: «Людмила Иосифовна, может, вы объясните, что происходит в комитете?» — «Ой, многих из нас уже выгоняют, а про вас не знаю». Про себя думаю, вроде бы у меня с Драгановым отношения были нормальными, а там кто их знает. У оперативного дежурного Крылова уточнил обстановку за все регионы, просмотрел оперативную сводку и собрался было идти на доклад. Крылов меня останавливает: «Вам, наверное, будет жаловаться на меня Третьяков, я ему сегодня не дал машину, он пешком пришел на службу». — «Самое главное, чтобы он Драганову не пожаловался, а на будущее будьте более осторожны, он уже помощник председателя». Иду в приемную, а там полно народа. Бритые и небритые, опрятные и нет, в основном все незнакомые, многие в руках держат пакеты. Оброк принесли, мелькнуло в голове. Из смежной комнаты выходит Нина. Меня увидела: «Здравствуйте, Михаил Федорович, вы к Валерию Гавриловичу?» — «Да, как обычно, с докладом». — «У него сейчас посетители». Минуты через три из кабинета вышел какой-то пузатый в галстуке и мятом пиджаке. Нина по телефону: «Скрынников с докладом». Кладет трубку и официально: «Проходите». Зашел в кабинет, приветствую нового хозяина и четко по-военному докладываю оперативную обстановку. Чувствую, он именно это и хотел гостям показать, мол, вот так у меня в комитете начинается новый рабочий

день. В одном из гостей я узнал внука нашего Маргелова, который работал в Администрации президента начальником управления, а второй был не знаком. Драганов меня представил своим гостям, не зная о том, что мы с Михаилом давно знакомы, задал еще несколько вопросов и, удовлетворенный ответом, не стал больше меня задерживать. В приемной народа намного меньше стало, в смежной комнате услышал голос Третьякова, который с кем-то разговаривал по телефону. Захожу в комнату, вот те на, она вся заставлена разными пакетами. «Михаил Борисович, как вам служится на новом месте?» — «Да вот, обживаюсь потихоньку». — «Для начала неплохо», — и показываю на пакеты. «Что вы, это не мое». — «А где Лапунов?» — «Петр Максимович назначен начальником отдела в управление Мельникова». Пока мы разговаривали, зашла официантка из спец-буфета с подносом, на котором бутерброды, в том числе с икрой, и высокий стакан виски. Все это она оставляет на его рабочем столе. Так вот с кем он разговаривал! «Михаил Борисович, вы стали выпивать в рабочее время или решили обмыть новую должность?» — «Нет, это кто-то другой заказал, вот она и принесла». Нина виски пить не будет, а вообще-то на халяву и уксус сладким бывает, подумал я. Конечно, во все времена обслуга питалась со стола барина, а вот эти ребята наиболее активно притянули к себе спецбуфет. Ладно, не буду мешать молодому помощнику председателя чревоугодничеством заниматься, а то когда был оперативным дежурным, такого на халяву не перепадало. Власть, она моментально разлагает людей и раскладывает по полочкам, кто есть кто. Кстати, он позднее действительно испортится и начнет злоупотреблять служебным положением, об этом мне при встрече расскажет Гутин, начальник службы безопасности комитета. На следующий день где-то к обеду позвонил Лисовский, водитель оперативно-дежурной машины. «Михаил Федорович, опять машину не ставят на обслуживание, уже все сроки вышли». — «Хорошо, Сергей, я сейчас зайду в гараж». Вместе с водителем зашли в гараж и решили проблему. Неожиданно встретил Маргелова. «Михаил, что за честь видеть тебя здесь, в комитете?» — «Мое управление в Администрации президента упразднили, вот пока пришлось заняться руководителем аппарата председателя комитета». — «Поздравляю, будем работать вместе. Это Сергей, тоже десантник», — представил ему Лисовского. «Михаил Федорович, надо и вам расти, я бы, к примеру, вас хотел видеть руководителем какого-нибудь крупного таможенного терминала». — «Он мне и даром не нужен, с меня достаточно того, что я уже имею». — «Ну, вот и поговорили», — рассмеялся Маргелов.

В это время показался Драганов. «Все, потом договорим, а пока мы

поехали на телевидение». Михаил, пользуясь связями, часто устраивал Драганову возможность выступить на телевидении, делал ему рекламу.

Однажды просматривая служебную почту, обратил внимание на один интересный документ, подписанный Драгановым, согласно которому куратором оперативно-дежурной службы стал Маргелов. Где-то примерно через месяц в прессе появилась статья, но пока только был брошен пробный камень в аппарат Драганова и почему-то зацепили и оперативно-дежурную службу тем, что ее переподчинили Маргелову. У нас с Михаилом продолжались сохраняться хорошие отношения, но теперь Маргелов был моим начальником, он своими поручениями как бы мне об этом напоминал, а однажды даже слегка пожурил, но потом понял, что моей вины нет. Я подметил, что моя оперативно-дежурная служба его волнует меньше всего. Он окунулся в политику, будучи на службе в Администрации президента, и его присутствие в комитете было явлением временным, просчитывались всевозможные ходы и варианты, как снова вернуться туда, откуда он пришел, и начать все сначала. Через полгода он из комитета ушел и объявился не где-нибудь, а в предвыборном штабе президента. С первых дней царствования Драганова на троне российской таможни чувствовалась какая-то нестабильность, излишняя суeta не только в комитете, но и в регионах. Создавалось впечатление, что время нахождения у руля новой команды будет недолгим. Ненадежные, а самое главное, непрофессиональные помощники усугубляли положение дел, но плести политическую паутину были большие мастера. Валерий Гаврилович был профессиональным таможенником, но беда была в том, что в его команде оказались люди, далекие от таможенных дел. И вместо того чтобы как-то помочь Драганову, они старались расширить сферу влияния собственных интересов. Людей Круглова убирали, а своих ставили на высокие посты. Много людей в окружении Драганова было из Администрации президента, которые по каким-то причинам были уволены или сокращены. Егоров (его заместитель, бывший замминистра МВД) курировал таможенную охрану. Это он пытался внедрить в таможенную систему ротации отделов охраны, это новшество было принято людьми в штыки. Да и кто из сотрудников, а это гражданские люди или уволенные в запас силовики, бросит обжитое место, семью и уедет в другой город на равнозначную должность. От ротации отказывались начальники таможни и ведущих отделов. Курировал он и оперативно-дежурную службу. Помощником у него был инспектор из кадровой службы, человек, который в силу своего скверного характера не мог ужиться в коллективе. В кадрах вздохнули с облегчением, когда узнали, что их коллега уходит к Егорову. Как-то в субботу около девяти утра мне

позвонил Смирнов, оперативный дежурный, и передал приказ зампреда срочно прибыть на службу. Понятное дело, на кофе в такую рань начальники не приглашают. Поинтересовался, что случилось. «Да ответственный по комитету повздорил с помощником Егорова, а тот пожаловался начальнику». При Круглове ответственные по комитету назначались по графику из числа начальников управлений, их заместителей. Толку от этих ответственных не было никакого, всю работу, как и раньше, выполняла оперативно-дежурная служба. При Драганове службу расширили и ввели штатных ответственных по комитету. Прибыл к Егорову. Он даже не соизволил поздороваться, а сразу мне в лоб свое требование: «Уволить Бесова!» — «Как уволить, за что?» — «Я сказал уволить, значит, уволить!» Ладно, с зампредом спорить не стал, спускаюсь к своим. Естественно, парни в напряжении. «Давайте, рассказывайте все как было?» — «С утра готовим оперативную сводку за прошедшие сутки, отпечатать еще не успели. Заходит помощник Егорова и требует для шефа сводку, а тот приперся в выходной день ни свет ни заря. Подожди немного, говорим, сводка еще не готова, последний лист распечатываем». — «Вот пойду и доложу шефу о том, что вас много, а толку мало». Конечно, его нытье в конце концов надоело, и ответственный по комитету его посылает туда, откуда не зовут. Помощник выскочил из дежурной службы и бегом наверх к Егорову с жалобой: «Сводка не готова, вдобавок меня же еще и оскорбили!» Это возмутило Егорова. Как это так, его помощника какой-то ответственный будет прилюдно оскорблять?

Ну, что в такой ситуации предпринять, задаю сам себе вопрос. «Ладно, попытайся с помощником уладить отношения и старайся не показываться на глаза зампреду». Прошло около месяца, и как-то раз в конце рабочего дня Егоров зашел в службу, чтобы сдать ключи от рабочего кабинета, как правило, это делал его помощник. И надо же, нос к носу столкнулся с Бесовым. Опять меня вызывает к себе и опять вопрос: «Почему не выполнил приказ и не уволил Бесова?» — «Да за это никто не увольняет», — пытаюсь объясниться. «Чтобы его больше не было в службе». Ага, значит не увольнять, а убрать со службы. Приглашаю к себе Бесова, ну, переступи через гордыню, помирись с помощником, пускай тот подойдет к Егорову и уладит с ним этот вопрос. Прошло некоторое время, и все-таки Бесова уволили, а он, не будь дураком, в суд на зампреда и дело выиграл. Вот и получил генерал-полковник МВД оплеуху от майора таможенной службы.

Егоров в комитете себя вел так же, как в МВД, не понравился сотрудник — убрать его немедленно, и приказ тут же выполнялся, а здесь

сбили с него генеральский пыл и Бесова восстановили в правах.

В один из дней мы узнаем новость: с должности снят Драганов. На смену ему пришел руководитель Администрации президента Николай Бордюжа, а до этого возглавлял пограничную службу России. Человек интеллигентный, порядочный. Его бывшие подчиненные из дежурной службы погранвойск мне искренне завидовали.

Бордюжа сразу освободил приемную от лишних помощников, оставил только двух офицеров-таможенников, одного лейтенанта и подполковника. Однако пробыл на этой должности Николай Николаевич неполный месяц. С его порядочностью на этой должности делать было нечего, и его назначили послом в одну из Скандинавских стран, а через несколько лет его утвердили Генеральным секретарем Объединенных коллективных сил безопасности, на этой должности он и по сегодняшний день. В таможенной системе наступило недельное затишье. Обе стороны мечтают о своем избраннике, но на самом верху уже подбирают кандидатуру, которая их вполне бы устраивала. И называют руководителем таможенной службы ранее отлученного от власти пришельцами Драганова, начальника управления по борьбе с таможенными правонарушениями Ванина. С ним у меня были хорошие отношения, и когда он приходил к Круглову на доклад, то всегда перед этим заходил ко мне, уточнял кое-какие рабочие моменты, снимал в прихожей верхнюю одежду и только потом шел к председателю. В опалу при Драганове попал и мой куратор Межаков, но и с ним мы продолжали поддерживать хорошие отношения. Опальный Ванин и ряд таких же начальников управлений ютились в небольшом кабинете в Филях. С приходом к власти Ванина они воспряли духом и стали добиваться реабилитации на своих постах. Еще раньше с подачи Егорова при Драганове пытались создавать управление оперативно-дежурной службы, подобное той, что была при МВД. Активное участие в этом принимал Черкасов, мой бывший начальник, руководитель будущего управления. Управления таможенной охраны как такового больше не существовало, а должность была нужна. Лично я был против создания этого ненужного монстра, тем более в таможенной системе, но Межаков меня все успокаивал, не бери в голову, тебе никто мешать не будет, я тебя всегда прикрою. Во время пересмены власти этот вопрос сам по себе отпал. Против создания такого управления в Таможенном комитете был и Бордюжа. И как ни старался Черкасов, а они с председателем служили вместе в пограничных войсках, у него ничего не получилось. Когда у власти стал Ванин, этот вопрос с подачи Черкасова реанимировали. Между прочим, у нас с Межаковым отношения стали немного охлаждаться, а когда

новый макет оперативной сводки для доклада председателю разработали где-то на стороне, без участия оперативно-дежурной службы, и моей же службе предложили обкатать эту сводку и высказать свои соображения в отношении этого документа, вот здесь все и поехало наперекосяк. Офицеры службы критически подошли к изучению данного макета, и мне сказали, это не тот документ, составленный с пользой для дела. Не понравилось содержание документа и мне. И надо же такому случиться, на следующее утро я вместе со своими офицерами критикую новый макет сводки, и заходит Межаков: «Ну как, Михаил Федорович, новая сводка?» — «Игорь Алексеевич, этот документ нельзя представлять председателю, его нужно немедленно переделать», — и перечисляю весь его негатив. В это время зашел Черкасов, и он тоже слышал конец моего доклада. Межаков стал сразу мрачным и злым: «Михаил Федорович, зайдите ко мне в кабинет». И тут же вышел, а Черкасов вслед за ним. Витушкин, ответственный по комитету, сказал: «У меня имеется информация, что этот макет сводки Черкасов с Межаковым вместе разрабатывали, а мы взяли и дружно документ раскритиковали, вот поэтому он и недоволен».

Поднимаюсь на третий этаж, Максим, помощник Межакова, мне говорит: «Михаил Федорович, я случайно подслушал разговор Межакова с Черкасовым, шеф в очень большой обиде на вас, а вот за что, не слышал». — «Максим, я сейчас их макет оперативной сводки публично раскритиковал, вот отсюда и недовольство». Захожу в кабинет, у обоих генералов строгие лица. Первым начал Межаков: «Как вы могли в присутствии сотрудников критиковать документ?» — «Игорь Алексеевич, ведь мы и прежде тем же составом в вашем присутствии все текущие вопросы нашей с вами службы обсуждали». И далее: «Я от вас такого не ожидал, нам впредь будет тяжело вместе служить». И он мне этим как бы намекнул, что я могу писать заявление. Дошло до того, что я вынужден был сказать: «Спасибо за совместную службу, завтра возьму шинель и пойду домой». Вернулся к себе в кабинет, стал обдумывать дальнейшие шаги. На следующий день написал заявление на отпуск, в котором указал все мне положенные дни к отпуску как участнику боевых действий и до сих пор не использованные, получил отпуск длиной в целых сто пять дней. Поднялся в приемную и попросил Максима передать заявление Межакову. И вот тогда мой бывший куратор и позвонил. «Михаил Федорович, поднимитесь ко мне». Через пару минут не спеша поднялся на второй этаж, зашел в приемную, малость потрепался с Максимом. И тут мне его помощник выдает, что у него уже терпения нет служить с этим начальником. «Вот подыщу себе новое место и сразу из комитета уйду». —

«Ладно, Максим, ты не один такой». Захожу к зампреду. Вот он и начал свой разговор: «Зря вы горячитесь, все образуется и станет на свои места». Возможно, оно и так, но этот разговор состоялся в присутствии Черкасова, а мы с ним давно горшок разбили, и его уже не склеить. «Вы в свое время мне обещали поддержку, но после вчерашнего разговора я уже здорово сомневаюсь». — «А может, вы согласитесь на должность ответственного по комитету — сутки дежурить, а трое отдыхать», — продолжает меня руководитель агитировать. «Игорь Алексеевич, когда парашют в воздухе не раскрывается, его на складе уже не заменишь. Да и Черкасову без меня будет лучше, незачем нам с ним делать вид, что мы довольны друг другом». — «Михаил Федорович, да управления еще нет, и когда оно будет создано, пока неизвестно». Одним словом, мы после долгого разговора по душам все же остались каждый при своем мнении. Однако где-то через месяц управление оперативно-дежурной службы в усеченном виде было создано, по крайней мере штат начальников был полным, но судьба ему время на существование отвела всего несколько месяцев, и оно было упразднено. В новом управлении и Лапунову досталась должность заместителя начальника управления. Как-то мне уже после увольнения нужно было уточнить один вопрос, связанный с таможенным оформлением, и я позвонил в службу, оперативным был Беликов, поинтересовался, как служба, помогает ли Лапунов. Ответ был отрицательным, это меня немного огорчило. «Михаил Федорович, почему не приезжаете в гости, мы вас уважаем, всегда по-хорошему вспоминаем?» — «Да все как-то некогда». Правда, когда о моем увольнении узнал другой зампред, Мещеряков, то он был категорически против, как он мне сказал, поспешно принятого решения. Долго мы беседовали с Владимиром Ивановичем, все уговаривал меня остаться и продолжить службу. Он мне многое рассказал про мышиную возню в комитете, многое знал и без него, но я остался при своем. Провожая меня до дверей кабинета, он искренне сказал: «Сожалею, что вы уходите из комитета».

Отгулял я свои положенные впервые за многолетнюю службу сто пять суток. Парни из моего отдела очень часто звонили мне домой, звонил и я. Позднее оперативно-дежурная служба переехала на Фили. Некоторые мои офицеры, найдя более хлебное место, тоже стали увольняться, а Два офицера перевелись в другие подразделения. Иногда сотрудники в телефонном разговоре со мной жаловались на нынешних начальников, особенно на их поведение после рабочего дня, а один из водителей на них даже пожаловался зампреду Свиридову на то, что, пока к полуночи по домам руководителей оперативно-дежурной службы развезешь, по

возвращении в гараж машину приходится шампунем мыть. Коллектив водителей за шесть лет службы в оперативно-дежурную службу был подобран с учетом специфики работы, болтунов и нытиков заменили. Да и машины были иностранцами, чисто японская сборка, два «Патроль Ниссан» в суточном режиме и восемь водителей. Конечно, в подборе водителей мне помог Попов. Он тогда был начальником гаража, и к нему многие шли с поклоном. У меня врагов по службе не было, дружил и с Поповым. Позднее Алексей переквалифицировался, стал профессиональным таможенником, и, будучи руководителем какой-то таможни, уже не помню, получил генерала таможенной службы. Генерал и сегодня строго следит за порядком на экономических рубежах России.

Ветерану место только в охране

День Воздушно-десантных войск в этом году выдался на славу, небо голубое, ни одной тучки. Да и сам город как будто бы преобразился и выглядел празднично. Скорее всего, мне так показалось, но тем не менее настроение было приподнятое, и решил до метро пройти пешком. Не спеша прогуливаюсь, прошел мимо торгового центра с каким-то замысловатым названием и даже удивился, живу недалеко, часто прохожу мимо, а на название торгового центра впервые обратил внимание. В глаза бросилось, что около каждой входной двери стоят охранники, чего раньше не было. Охранники все одеты в черную форму, словно солдаты СС, правда, два или три в ядовито-зеленую с немыслимыми нашивками «ягуар», «аллигатор». Понятное дело, в День десантника надоедливые гости из Кавказа страхуются, основная масса закрывает свои торговые места и предпочитает отсиживаться на съемных или уже давно купленных квартирах, чтобы не быть битыми сегодня. Второе августа для их бизнеса черный день. В этот день спрос на услуги частных охранных фирм велик. Вошел в метро на станции «Тимирязевская», и вот уже начинают встречаться младшие братья по службе, кто в берете, кто в тельняшке и, пока не навеселе, о чем-то мирно беседуют между собой. Обратил внимание на то, что через одного у них в руках пакет. Доехал до метро «Тушинская» и поднялся на поверхность. Народ валом валит в сторону аэродрома. По пути встречаются знакомые ветераны, с которыми долгие годы вместе служил, а также офицеры, которые еще продолжают тянуть лямку военной службы. Им выпала нелегкая доля двух чеченских кампаний, и как принадлежность к этой войне у каждого на груди красуется по несколько орденов.

Вдоль тротуара до самого входа на аэродром оцепление из солдат милиции. Тушинский рынок закрыт, ни души, оно и понятно: это первый рынок, который наводнен выходцами из южных районов, и он же — первый объект для разгрома подвыпившими десантниками. Эти парни не так давно уволились из десантных войск, но своим традициям в этот день верны. Перед входом на аэродром встретил Сафонова, мы вместе с ним служили в Фергане, где он был начальником физической подготовки и спорта полка, а затем и дивизии. В Фергане спортом можно было заниматься круглый год, климатические условия позволяли. Поэтому спортивная подготовка в дивизии была на высоте, а спортивная слава

десантников гремела далеко за ее пределами и дошла до Москвы. А солдат-десантник Шпелев стал чемпионом Европы по боксу в своей категории. Сафонов позднее руководил физической подготовкой и спортом всего ВДВ. «Привет, Миша». — «Привет, Владимир Георгиевич. Наших видел?» Под нашими он имел в виду боевую подготовку и своих спортсменов. «Нет, я только зашел». — «Ладно, пойдем к трибуне!» Около трибуны народу полно и знакомых тоже. Приветствия, поздравления с праздником. Ко мне подошел Гуцин, мы и с ним служили в Фергане, он был замполитом разведывательной роты дивизии. В настоящее время руководит частным охранным предприятием. Разговорились о том времени, когда вместе служили, вспомнили однополчан, не обошли стороной и Афганистан. Рассказал ему о своих заморочках в Таможенном комитете. «Слушай, тебе еще не надоело служить при погонах? На кой хрен тебе эта государственная служба. У меня есть предложение, иди ко мне в охранную структуру на должность руководителя кадровой службы. Наше предприятие живет не первый год и самое главное, имеет перспективу, у нас под охраной солидные объекты. В деньгах ты ничего не потеряешь, наоборот, будешь в выигрыше. Если надумаешь, звони, но долго не затягивай». — «Спасибо за предложение, подумаю, а сейчас давай посмотрим, что нам в этом году молодежь будет показывать».

Праздник действительно был хорошо подготовлен во всех отношениях, включая показательные выступления десантников по рукопашному бою, парашютные прыжки и пролет боевой авиации. Под занавес нас всех пригласили в огромные палатки, а там уже заранее были накрыты столы за спонсорские деньги. Тосты, крики «ура!», воспоминания. В палатках стало душно, вышли на перекур, народ уже к этому времени был немного навеселе, стали друг с другом обниматься, вспоминать, кто в каком году и с кем служил, кто был командиром. Это продолжалось до тех пор, пока солдаты не приступили к сворачиванию палаточного городка. Дома сыну рассказал, что сегодня нам показывали демонстрационный полет нового боевого вертолета «Черная акула», и я его сфотографировал. Сын давно мечтал воочию увидеть этот широко разрекламированный вертолет в единственном исполнении. На фотографии вертолет получился маленьким и невыразительным.

Дня через два вспомнил о разговоре с Гуциным. Позвонил, он оказался в офисе. «Давай приезжай, жду». Быстро, ноги в руки и поехал. В жилом районе Сокол с трудом отыскал нужный дом. Спускаюсь в полуподвальное помещение. Встречает меня молодой усатый охранник, он же и оперативный дежурный. Называю свою фамилию. «Проходите», — и

указывает дверь. В кабинете Гуцин мне подробно растолковал, что входит в круг моих обязанностей. Я раскинул мозгами, особых проблем не вижу. «Ну как ты?» — спросил Гуцин. «Знаешь, я согласен. Слушай, а почему твоя контора в подвале?» Он мне популярно объяснил, что за такие помещения арендная плата значительно ниже, чем за особняки или детские садики, которые в то непонятное время почти все перешли в частные руки. «Ну раз ты согласен, завтра и приступай к работе».

Вот так я и стал трудиться в частном охранным предприятии. На первых порах многое было непонятно, но постепенно разобрался, сколько всего объектов, какова важность этих объектов, кто над нами хозяин и кто нам платит деньги. Перво-наперво в офисе сделали косметический ремонт, чтобы он стал похож на офис. Затем оборудовали рабочее место оперативного дежурного, чтобы ему было удобно работать. Наладили одноразовое питание, то есть обед за небольшую плату. В офисе тогда народа было не так уж и много, но праздники встречали и отмечали все вместе дружно и весело. Поначалу мне работа, прямо скажем, не очень нравилась. Всю жизнь служил Отечеству, а здесь надо служить хозяину. Решил позвонить в предвыборный штаб Маргелову, тем более он мне обещал помочь с трудоустройством. Позвонил, его секретарши меня еще помнили и без всяких расспросов соединили. Я высказал свою точку зрения на дальнейшую работу. «Михаил Федорович, вот закончится предвыборная кампания, займусь вашим трудоустройством». — «Спасибо, Михаил Витальевич, после позвоню». И продолжаю работать на Гуцина, вернее будет сказано, на его хозяев, это они его наняли, а он нанял меня, вот такая рыночная пирамидка получается. Я уже в офисе со всеми перезнакомился, подружился, втянулся в работу, и, как мне показалось, вроде бы другой и не надо, да и деньги пока такие же, как в Таможенном комитете. В конце декабря, оказывается, нашему предприятию исполняется пять лет, своеобразный маленький юбилей. Гуцин сказал, будем праздновать, а на юбилее будут присутствовать наши учредители. К концу рабочего дня накрыли хороший стол. Ждем учредителей. Через какое-то время приехали Максимов, Черномаз и Булгаков. Небольшое выступление Максимова, затем раздача конвертов сотрудникам офиса, но поскольку я был новым человеком, мне конверта не дали. Накануне Нового года вспомнил про звонок Маргелову, да и выборы прошли. Народ выбрал того, кто предвыборному штабу нужен был, Ельцина. Звоню, как подхалим, поздравляю с победой. «Михаил Федорович, ваш вопрос находится в проработке». Прошло еще пару недель. Звоню, ответ практически тот же самый. «Не волнуйтесь, вы у меня на контроле». Больше ему не звонил.

Встретились мы с ним позже, на могиле его деда, главного десантника Маргелова. Каждый год в декабре десантники собираются около могилы Маргелова. Поздоровались, и больше ни слова. Михаила десантники уважают не как политика, а как внука великого Маргелова. Вот с его дядей Александром, Героем России, у меня и по сей день хорошие, дружеские отношения, он остался нормальным человеком, потому что вне политики. Мы часто встречаемся на мероприятиях, связанных с Воздушно-десантными войсками, а вот Михаила не приходилось встречать, хотя его физиономия часто мелькает на голубом экране. Не смог Михаил помочь с работой, вернее, со службой, а скорее всего, не захотел свое время на меня тратить, ну и ладно, мне в офисе к этому времени было неплохо.

Как-то утром зашел в бухгалтерию, а Надежда Петровна Есауленко с нашими женщинами планируют, как в офисе будем Новый год встречать. Она главная среди женщин, правда, к тому времени в офисе и женщин было раз-два и обчелся. Пришла наша повариха, Наталья Сергеевна, вчетвером они и соображали, как лучше и богаче накрыть праздничный стол.

У каждого человека своя история от рождения до зрелого возраста. Есть она и у Есауленко, началась она, когда ее отец был на выпускном курсе Академии им. Куйбышева. Вот тогда на свет и появилась девочка Надя, а назвали ее так с надеждой на лучшее будущее. После академии уехал отец служить в город-герой Севастополь. Там Надежда окончила школу. Да вот что-то здоровье стало подводить отца, пришлось уволиться из армии и снова вернуться в Москву. Надежда выучилась на инженера-строителя, но не смогла себя реализовать как профессиональный строитель. Появились семья, дети, а раз дети, значит, проблемы с работой. А здесь произошел развал Советского Союза. К этому времени охранные предприятия стали расти, как грибы после дождя. Кто-то из знакомых предложил ей поработать в охранным предприятии. Пришла, переговорила и получилось, да так что и по сегодняшний день в одном и том же офисе трудится.

Встретили мы Новый год на «хорошо», всем было весело, а больше всех веселилась Марина, дочь генерального директора, и инспектор Ботьев, они самые молодые в нашей компании. У нас так здорово не получалось. После праздника снова рутинная однотонная работа, этого уволить, этого оформить на работу, и так практически каждый день. Как-то ближе к весне нагрянуло в офис все наше высшее руководство. Что это могло быть, недоумевали мы, переглядываясь друг с другом. Пригласили в кабинет генерального всех сотрудников офиса. Максимов нам объявил, что

руководство больше не нуждается в услугах Гущина, и тут же нам представили нового генерального директора, Захарова. Затем нас вежливо выпроводили из кабинета. Какая здесь к черту работа, мы дружно обсуждали, почему и за что сняли Гущина? Конечно, наши разговоры были бытового уровня и ничем не подтверждены, просто мы к тому времени еще не владели политической информацией охранного бизнеса, по крайней мере я. Вслед за Гущиным от нас ушел Водолазов, заместитель генерального по вооружению. Я тоже прикинул, что к чему, и думаю, следующим на вылет надо готовиться товарищу Скрынникову. Поделился своими мыслями со Славским, исполнительным директором, к тому времени мы уже с ним дружили, а тот наш разговор передал Захарову. Генеральный меня вызвал и говорит: «Михаил Федорович, выбросьте из головы ненужные мысли и продолжайте работать». — «Спасибо», — сказал командиру и тружусь по сей день.

Как-то в день заработной платы мне Лукьянова тихонько шепнула на ухо: «Виктор Владимирович повысил сотрудникам офиса заработную плату». На радостях бегом в магазин и всем сотрудникам офиса купил мороженое. Захаров сам по себе был хозяйственным человеком. Требовал, чтобы на объектах и в офисе был порядок, на ремонт офиса денег не жалел, но на этом его забота о подчиненных не закончилась. У нас появилась столовая с хорошей мебелью и, самое главное, своя кормилица, а если быть более точным, из его же батальона, да и цена за питание просто смешная, считай бесплатно. В деловитости ему тоже не откажешь, в фирме стало больше объектов. Конечно, работы прибавилось, но и заработная плата потихоньку вверх ползла, что радовало сотрудников. Захаров, как и подобает в то время мужчине, являлся участником боевых действий на Северном Кавказе, а это кое-что значит в наших мужских кругах. Само собой разумеется, он был авторитетным человеком в нашем офисе. Хотя у него, как и у каждого из нас, были свои недостатки, но в целом положительного было намного больше, и он успешно руководил большим коллективом. На объектах порой возникали неприятности у наших охранников с милицией, и он их легко разруливал, но к пьяницам был беспощаден, и в этом мы его поддерживали. Одним словом, Захаров в охранном бизнесе стал неслучайным человеком, ему удалось значительно расширить географию влияния нашей фирмы не только в Москве и области, но и далеко за их пределами. Объекты появились в Рязани, Воронеже, Липецке и в ряде других регионов России. Не без его неумейной энергии и связей в госструктурах мы переехали в новый офис, на ремонт которого ушла прорва денег. Возможно, из-за этого нам от Деда Мороза на

Новый год достались очень слабые подарки в виде конверта, по крайней мере, мне. Зато все службы располагались в отдельных кабинетах. В связи с переездом я лишился своих помощников, оперативных дежурных Степаненко и Обручникова, которые были мастерами на все руки, они остались в старом офисе.

Объектов в новом офисе, конечно же, появилось много, и за таким большим хозяйством одному директору уследить практически невозможно. На работу устраиваются разные люди, за ними нужен глаз да глаз, вот и мотался Захаров от объекта к объекту и редко надолго задерживался в офисе. На фирме у нас в рабочее время, как правило, всегда тихо, только слышно шуршание бумаги да щелканье ксерокса.

Время шло, в офисе стали появляться новые люди. Знакомимся — Михайлов, командир конвойного полка. Служба сама по себе, говорит, так, терпимо, можно было и дальше служить, но осточертела сама система беззакония, в которой ты, как командир, служишь и не видишь просвета. «В конце концов решил уволиться и в поисках работы заглянул в ваш офис по рекомендации». Ему Захаров определил контролировать рестораны, а их под нашей крышей к тому времени было много. Ресторан ресторану рознь. Неурядицы там тоже случались, но чаще по вине туповатых охранников, а где лучших взять? Бывало, и хозяин закапризничает. Иногда вечерами в ресторан братки нагрянут, погулять захотелось, опять же хозяин охрану винит, почему не досмотрели, а за кем следить, здесь бы самим целым остаться. Надо подход к хозяину наладить, а иногда и умаслить неплохо, ведь он нам деньги платит. Бывало, из-за капризов этих самых хозяев объекты теряли.

Работы старшему хватало с утра до обеда, мотаться от одного хозяина к другому и шляпу перед каждым ломать. В одном из подконтрольных ему ресторанов кулинар готовил очень вкусные торты, и мы часто обращались к нему с просьбой: «Алексей Геннадьевич, а можно один или два тортика к такому-то числу доставить в офис?» — «Нет проблем», — и торт всегда был своевременно к столу доставлен.

Март в новом тысячелетии был солнечным и теплым, своеобразный подарок для женщин к празднику. Стол накрыли, конечно, женщины, но поздравляли, ухаживали, вино в бокалы наливали мужчины, да и комплиментами одаривали тоже. Даже всей компанией сфотографировались на добрую память.

Где-то в конце месяца в офисе появилась парочка интересных дам. Одна постарше, а другая — совсем молоденькая, на модель похожа. Старшая из них спросила у оперативного дежурного: «Виктор

Владимирович у себя?» — «Да, у себя, — ответил Степаненко, — но минуту подождите я доложу». Прошло какое-то время, они вышли из кабинета в сопровождении Захарова. Генеральный проводил женщин до самого выхода. Через несколько дней в бухгалтерии снова увидел эту самую «модель». Маргарита, студентка-заочница, чтобы водились свои деньги, решила пойти работать. Ее тетя с Захаровым по службе были знакомы, вот она и привела ее к генеральному на смотрины. Смотрины прошли успешно, и девушка стала выполнять в офисе обязанности курьера. Послушная, исполнительная сотрудница и легка на подъем. О ней все отзывались с восхищением и часто в шутку говорили: «Нашу Маргариту ноги кормят». Через два года она получила диплом преподавателя английского языка, но не зазналась и оставалась такой же скромной и послушной девушкой. Только повзрослела. Иногда мы к ней обращались не иначе как Маргарита Викторовна. В своем кругу, естественно, в ее отсутствие, вели разговор, что негоже девушке со знанием английского быть на побегушках в офисе. Позже я понял: она в офисе была удобна для всех. За годы работы стала профессионалом своего дела, решала вопросы, которые не входили в ее компетенцию, и решала оперативно. Поэтому с ее заменой и не спешили. Я всячески старался ей помочь, даже в Государственную Думу анкетные данные по факсу отправил депутату Климову, который был вместе со мной в Афганистане, и просил его помочь девушке с трудоустройством. Позже эти данные были направлены руководителю аппарата фракции «Единая Россия» Кудинову, с которым мы тоже были в Афгане.

Прошло не так уж и много времени, нам был представлен еще один сотрудник Сирица. Небольшого роста, крепкий и подвижный. Воевал в Чечне, был ранен. К моменту чеченской войны в армии уже царил полный бардак. По-настоящему, как в Афгане, воевать было некому, да и нечем. Единых сплоченных армейских коллективов не было, для войны собирали людей отовсюду, и назывались они сводные отряды. Трудная победа, если ее можно назвать победой, в силу нестабильности и политического предательства досталась русскому солдату на Северном Кавказе. Отвоевал танкист в Чечне положенный срок, подлечился в госпитале, и оказалось, что ему в армии достойной должности нет. Подфартило ему встретиться с высшими офицерами МВД, разговорились, Игорь посетовал на службу. Ему предложили должность, достойную будущего полковника, может, вполне приемлемую для фронтового офицера. И он без колебаний, но, правда, с небольшой оговоркой принимает их предложение. МВД свое обещание перед танкистом практически выполнило, Игорю присвоили воинское

звание «полковник», дали квартиру, пусть даже и в военном городке, но все же свою. Подошло время увольнения. Уволился, но на скудную пенсию с семьей жить тяжело. Порекомендовали наше охранное предприятие, вот так и он оказался в нашем офисе. Мы предложили ему взять под контроль несколько кафе, разбросанных по Москве. За небольшой срок он выгнал всех охранников-пьяниц, наладил контакт с хозяевами заведений, потихоньку обстановка внутри и вокруг них стала стабилизироваться, уменьшилось количество звонков с жалобами на организацию охраны. Подошло время еще одного тендера, Захаров влегкую его выиграл, но сам по себе объект нам тяжело давался: холодно, не обустроен, нет народа. Руководство думало, на кого из сотрудников этот тяжелый объект повесить. Закрепили за Сирицей, но Захаров предварительно с ним обговорил все вопросы и повысил Игоря до генерального директора. Вот так в нашем полку еще одним генеральным директором стало больше. Позднее оказалось, что не он один стал директором. К примеру, Прибылева тоже назначили генеральным директором. Правда, его послужной список в офисе несколько отличается от списков других генеральных директоров. Он у нас службу начинал рядовым охранником в магазине и продержался около года, затем подыскал себе более денежную работу и ушел от нас. Помыкался и через два года вернулся. Дашкин, начальник кадровой службы, определил его на стажировку в оперативно-дежурную службу, а через несколько дней он уже самостоятельно собирал и обобщал информацию на объектах для доклада генеральному. Однако, если рыба ищет, где глубже, то человек, где лучше, иными словами, где больше платят. Случайно Александр встретился с одним знакомым, завернули в ближайшее кафе, разговорились, и товарищ предложил место, где платят больше, чем он получал. На следующий день он зашел в кадровую службу и рассказал о встрече со знакомым. Дашкин сразу к Захарову, мол, нельзя допускать оттока кадров, тем более совсем недавно Александр освоил новую должность. Захаров по своей натуре не тот человек, чтобы легко расставаться с сотрудниками, пригласил Прибылева для беседы и предложил ему должность инспектора, очертил ему круг обязанностей и объектов. Александр остался доволен и продолжил работу. Трудился инспектором около года. Всякое бывало в его хозяйстве, случались и неприятности на объектах, приходилось выслушивать иногда и нарекания в свой адрес со стороны генерального. Тем не менее ему заблаговременно удавалось налаживать отношения с хозяевами на объектах. За это и многое другое его повысили до должности генерального директора.

У него и военная биография не такая, как у всех. Окончил училище, по

специальности: защита воздушного пространства над Сухопутными войсками. После училища контролировал небо над побережьем Баренцева и Северного морей. Позднее его постигла та же участь, что и товарищей по офису. После развала Союза часть, в которой служил Александр, перебросили для охраны базы атомных подводных лодок. На флоте офицеры видели, как чиновники грабят богатства России и вывозят за границу все, в том числе и сталь, из которой строили подводные крейсера. Иногда флотские на бытовом уровне говорили, а мы что, хуже чиновников, и нам бы не мешало угнать подводную лодку за территориальные воды и продать или сдать на металлолом. Вот, чтобы избежать подобного, и усилили контроль за базой. А дальше Александр начал служить на атомной подводной лодке и выходить вместе с экипажем в открытое море и выполнять боевые стрельбы. Правда, чтобы отправить один крейсер в море, надо было играть большой сбор и набирать экипаж из многих подлодок. Вот такие хреновые на флоте времена наступили. Надоела флотскому человеку служба, которая была не в радость, а в тягость, плюнул на все и уволился. Собрал немудреные пожитки, забрал семью и приехал к деду в Москву.

Почти каждое утро из глубины своего кабинета слышу голос Зябрева, который спрашивает про ночные дела на объектах у оперативного дежурного. Переживает, думаю про себя. Он тоже генеральный директор одного из нарисованных на бумаге охранных предприятий. Он у нас в офисе единственный человек, который может лицензировать охранника, а без лицензии охранник долго на объекте не продержится. Рано или поздно менты, а может, участковый проверят, и тогда жди скандала. Кроме всего прочего, он еще оказывает помощь в лицензировании и Славскому, который остался генеральным директором в старом офисе. У Сергея есть какой-то скрытый талант подхода к офицерам, которые занимаются лицензированием охранников. Позвонит, переговорит, а то и маленький презент преподнесет. И что очень важно, он это делает в короткие сроки. У нас положение с лицензированием охранников ничуть не хуже, чем у других известных по Москве охранных предприятий, и это благодаря его стараниям и умению. Мы долгое время в старом офисе работали в одном кабинете, и я часто слышал, как он рассказывает о своем внуке, о дочерях, и понял, что он еще и заботливый отец и дед. У нас с ним и по сегодняшний день очень добрые отношения. В просьбах ему никогда не отказывал. Других иногда зажимал, чтобы особо не разбазаривали имущество, а его никогда. Зябрев тоже военный пенсионер, он прошел все командные должности — от командира взвода до начальника оперативного

отдела бригады. Окончил Академию им. Фрунзе. В начале смутного времени принимал активное участие со своим подразделением в наведении конституционного порядка в закавказских и азиатских республиках. Вообще он старался, и это было заметно. Приходилось даже ночью выезжать на объекты, если доходила информация о том, что что-то случилось.

Ботьев еще один генеральный, но у него богатый послужной список в охране. Он на целую голову по своим профессиональным качествам выше коллег. Сергей не пенсионер, он летчик-истребитель, летал на «МиГ-29». После развала Советского Союза уволился из армии. В поисках работы исколесил всю Украину, особенно Западную, где довелось служить. Кем он только не был! Одно время работал в ночном клубе барменом, но постоянную и прибыльную работу найти было тяжело. По подсказке товарищей перебрался в подмосковный Жуковский. Тоже поначалу скитался в поисках высокооплачиваемой работы. Стал работать охранником на объекте. Толкового парня заметил Гуцин, перевел его с объекта в офис на инспекторскую должность. Позднее, когда офис стал объектами прирастать, Захаров его повысил в должности до исполнительного директора. После переезда в новый офис в целях упорядочения объектов и контроля за ними Сергея производят в должность генерального директора с соответствующим количеством объектов и человеческих душ. Контроль за несением службы на объектах он осуществляет жесткий, с пьяницами не разговаривает, а немедленно увольняет с работы.

Есть у нас в офисе и еще один генеральный директор — Кудров, выходец из полка Захарова, а точнее, его начальник штаба. После увольнения куда пойдешь в поисках работы, конечно же, в первую очередь к своему бывшему командиру. Получил Кудров под свое начало центральный офис газораспределительных станций в Москве и несколько станций в области. Наиболее уязвимым и капризным объектом был центральный офис в Немчиновке, хотя по комфортности для охранников был одним из лучших. Хозяином на объекте были созданы, прямо скажем, хорошие условия для несения службы, охранников кормили обедом, это многое значит, особенно для приезжих и холостяков. Но все равно порой поступали жалобы от службы безопасности к Захарову, тот, в свою очередь, делил этот пряник со своим бывшим начальником штаба полка поровну. Правда, надо отдать должное Кудрову, он критику в свой адрес воспринимал правильно и болезненно не реагировал. Собирался и отправлялся на объект и наводил порядок. Объекты были разбросаны на

большом удалении друг от друга, и он не гнушался охранникам в зимнее время взять и отвезти валенки или в дождливую погоду плащ-накидки. И когда необходимо было усиление какого-то объекта, у него со своими подчиненными проблем практически никогда не возникало, они выполняли все его просьбы.

Не хотелось бы делать рекламу одному человеку, но среди коллектива генеральных директоров в нашем офисе все же осталась еще одна инспекторская должность. Надолго ли? На сегодняшний день все инспекторы плавно переходят в категорию генеральных директоров. Единственный инспектор в офисе пока тоже представитель внутренних войск. Сироткин окончил Харьковское училище внутренних войск. За военную службу прошел многие командные должности. Уволился из армии в должности заместителя командира полка по технической части. Мизерная пенсия вынудила выйти на работу. А что умеет делать более или менее хорошо на гражданке военный человек? Ровным счетом ничего, кроме как защищать Родину. А поскольку сегодня Родина от военных отказалась, то они и потянулись в охрану, это все же чем-то напоминает недавнюю службу. Наделили и его объектами, правда, разными кафе, ресторанами и даже китайским объектом в аэропорту Шереметьево и Домом немецкой экономики около проспекта Вернадского, но был и суперобъект на Воздвиженке. К нему, конечно, повышенное внимание со стороны наших руководителей. Это было обычное офисное здание, которое сдавалось разным фирмам в аренду. На одном из этажей располагался ресторан. Но значимость этого объекта была в другом — на каком-то из этажей предположительно находится рабочий офис супруги нашего президента. Каждый день ближе к обеду она появляется в сопровождении службы охраны. Наши охранники этим гордятся и стараются выглядеть подобающим образом.

Все объекты Сергея курировал новый хозяин нашего офиса Радзивидло. Он в свое время тоже работал начальником штаба у Захарова, позднее командовал этим же полком. Когда уволился, пришел к Захарову, так, мол, и так, на пенсию жить тяжело, давай выручай, командир. Его сразу определили на должность заместителя охранного предприятия. А вот когда фирма переехала в новый офис, он стал генеральным директором и хозяином офиса, но Захаров был хозяином главной фирмы и как бы продолжал находиться на вершине нашего Олимпа. В офисе, кроме генеральных директоров, инспектора, были и другие не менее важные люди, от которых в какой-то степени тоже зависела жизнедеятельность нашего предприятия. Человеку свойственно к хорошему привыкать быстро.

Вот и нас наш кашевар Паламар здорово разбаловала. Как только утром слышали ее голос: «Доброе утро, россияне», сразу хорошее настроение от того, что сейчас будем пить чай. За столом обсуждали и утренние свежие новости. Ближе к полудню по офису плывет аромат вкусного обеда. Надежда приглашает к столу. Обедаем в две смены, сначала женщины, а потом мужчины, но если в офисе к обеду появится Захаров, обед может на некоторое время и задержаться.

Или вот еще вспоминаю, в один из летних дней, выполнив в городе какое-то поручение генерального, возвращаясь в офис, меня встречает оперативный дежурный Обручников и тихим голосом говорит: «У вас в кабинете прибавление». Зашел в кабинет, за столом увидел интересную женщину. «Здравствуйте, как ваше имя и отчество». — «Светлана Викторовна, но можно просто Светлана». На первых порах наши взаимоотношения были несколько настороженными. У меня, как у военного человека, об армии одно мнение, у неё, как у матери, у которой подрастает сын, совсем другое. «Ни за что не отдам сына в армию», — твердила она. Но скоро ее сын стал курсантом одного из институтов МВД в Воронеже, и наши отношения потеплели. Она нам с Сергеем рассказывала, как проходит учеба сына.

Однажды после обеда мне по просьбе бухгалтерии необходимо было проехать в МОСЭНЕРГО и провести сверку наших и их энергопоказателей. Народу было мало, и я быстро решил все вопросы. До конца рабочего дня времени оставалось совсем мало и, не заезжая на фирму, поехал домой. Около подъезда встретился с сыном, обычно он раньше меня приходил с работы, а вот сегодня встретились. Вместе заходим в подъезд, а там еще одна дверь с домофоном, которую пытается открыть подвыпивший сын соседа этажом ниже нашего. «Николай, ты что, с бодуна, забыл позвонить матери?» Он мне в ответ, мол, сам ты пьянь. Сын подошел к соседу вплотную и говорит: «Слушай, не знаю, как твой отец, а мой не пьет, понял», — и оттолкнул его от двери. И у меня вдруг появилась такая гордость за сына, что чуть слезы радости не навернулись на глазах. Наш парень рослый и крепкий, но чувствую, надо вмешаться, иначе добрососедские отношения могут испортиться. Сына успокоил, а сосед молча в углу стоит и в пол смотрит. Открыли дверь, зашли в лифт. Сосед не заходит. Громко зову: «Николай, ты едешь?» — «Спасибо, нет». Поднимаясь в лифте, говорю сыну: «Твои слова, Гена, словно бальзам на душу», а он мне в ответ: «Надо было его проучить». На следующее утро поехал на работу, в метро, как всегда, полно народа. Молодой мужчина, который стоял рядом со мной в вагоне, читал книгу. Вагон то и дело

раскачивало, он задевал меня книгой. Пришлось сделать замечание, он отвернулся, и я увидел у него в руках мою книгу. Разговорились, оказывается, ему книгу вчера вечером подарил сослуживец по Афганистану. Вот было здорово, когда он мне рассказал, что служил в разведроту Литоша и был активным участником боевых действий. А было еще интереснее, когда попросил его открыть страницу с моей фотографией. На станции «Чеховская» вышли и долго еще в разговоре вспоминали службу. На клочке бумаги записал его фамилию и телефон, но, к сожалению, потерял. Придя в офис, поспешил с сотрудниками поделиться этой новостью.

Службу в охранном предприятии легкой признавать ни в коей мере нельзя, это похоже на длинную цепь. Если на каком-то объекте рвется, аукается в офисе. Стало аксиомой: те объекты, строительство которых начинается в самом конце лета или начале осени, а сдача и открытие планируются глубокой осенью, становятся для предприятия проблемными. Не потому что они лучше или хуже других объектов, просто начинает вмешиваться фактор погоды и бытовые условия. Строительная грязь, дождь и холод — вот главные виновники оттока людей с объектов, а если сюда добавить неумение начальников работать с людьми плюс не очень высокая заработная плата, тогда вообще труба.

Я умалчиваю в такой ситуации о роли наших учредителей. Нервная обстановка на объекте постепенно перемещается в офис. Такими объектами у нас были магазины «Реал» и «Метро-19», а последний каждый день нам преподносил какой-нибудь сюрприз. Все генеральные директора, инспекторы каждое утро находились на этом объекте и все хватались за голову, где взять охранников и закрыть бреши этого проблемного монстра. Охранники из этого объекта с утра выстраивались в очередь, чтобы написать заявление на уход с работы. Тогда у Сокуры, начальника кадровой службы, начинала болеть голова, а где взять охранников вместо уволенных? Захаров свой рабочий день начинал с посещения объектов, затем перемещался в рабочий кабинет кадровой службы с одним вопросом: «Как у нас с людьми?» Иногда Сокура вместо ответа разводил руками, а в другой раз включался в разговор и докладывал, сколько человек убыли на объекты. В целом все же кадрам удавалось, хоть и с большим трудом, укомплектовывать охранниками объекты нашего предприятия. Беда была и в самих охранниках, уж очень разношерстная публика подбиралась. В свое время, когда я возглавлял кадровую службу, мне пришлось более пристально присматриваться к людям, которые изъявили желание работать, и разделить их на три группы. Первая — это люди, которые приезжают в

Москву в поисках работы из Подмосковья и других регионов России. Они соглашались практически на любые условия, но будут мечтать о более денежной работе и, если им таковая подвернется, сразу же увольняются. Есть группа людей, живущих для себя, они отработали положенное время и бегом домой, на подработку эти не задержатся, им лишний раз напрягаться не хочется. Хотя, прямо скажем, живут небогато, им просто нужен трудовой стаж. На уговоры остаться, чтобы подработать, соглашались с трудом, и то не все. У них нет желания принести в дом лишнюю копейку.

Следующую категорию людей можно отнести к группе риска. Рисковать им есть чем — денежным штрафом или увольнением. Однако, по их понятиям, риск для них благородное дело. Воровали в одиночку, вступали в сговор с другими охранниками, а еще хуже — с сотрудниками магазина, чтобы воровать по-крупному.

Был случай, когда охранник в ночное время впустил в магазин ранее уволенного сотрудника, вместе инсценировали нападение и ограбление магазина. Есть казусы смешные. Охранник взял с полки лакомство, как малое дитя, а в это время за ним наблюдают камеры слежения. Однако он все равно никогда не признается, хоть кол на голове теши.

Все это мои личные наблюдения, возможно, кто-то более глубоко изучал и анализировал рынок охранников. У меня самого не лучшая доля, чем у охранников, единственная разница, что я пенсионер и живу в Москве. Конечно, пенсионеры находятся в ужасном состоянии, вот и приходится подрабатывать, в том числе и мне, на старости лет, полковнику, десантнику, участнику боевых действий в Афганистане и других горячих точках. Как говорил спикер верхней палаты Сергей Миронов: «Когда пенсионер заплатил квартплату, он автоматически переходит в разряд нищего». И далее: «Поэтому пенсионеры работают практически до конца своих дней». Работаю и я. Стараюсь работать хорошо и, самое главное, не ныть. В офисе я самый старший по возрасту. Коллектив ко мне относится с уважением, и я плачу взаимностью. Как-то Светлана Викторовна мне сказала: «Когда вы надумаете без нашего разрешения уволиться, я вам обходной лист не подпишу». Ну что же, буду работать до тех пор, пока мой добрый командир не скажет: «Михаил Федорович, бери шинель, иди домой». Поблагодарю Захарова, сотрудников и молча пойду домой. Конечно, я буду долго вспоминать коллектив, с которым столько лет бок о бок трудился.

Увольнение из армии не сказал бы, что было болезненным для меня. Столько лет отдать служению ВДВ и в одночасье все забыть — это не в моих правилах. Продолжал интересоваться службой моих более молодых товарищей, поддерживал связь с теми, кто раньше ушел в запас.

Встречались мы все вместе один раз в году, кто служил и кто уволился, на Тушинском аэродроме в день рождения наших славных Воздушно-десантных войск, в августе.

Иногда встречались по печальным поводам. В одну из таких горестных встреч предложил своим уволенным товарищам встречаться не только по черным дням, а по праздникам, где мы сможем разговаривать, пошутить, посмеяться.

Согласны были все, и на День Советской армии и Военно-Морского флота у нас состоялся первый сбор в штабе ВДВ. Кто-то из ветеранов боевой подготовки предложил избрать председателя Совета ветеранов для координации наших планов с руководством ВДВ. Единогласно выбрали меня, а я, в свою очередь, пригласил Шпака, командующего ВДВ, Стаськова, начальника штаба войск. Генералы нам рассказали, как живут войска, какие выполняют задачи. То время для десантников было очень трудное, они не выходили из боевых действий в Чечне. Обеспечение войск было слабое, но выстояли наши парни.

Собирались мы не менее двух раз в году. Это было интересно, а еще интереснее наблюдать за ветеранами со стороны. Обнимаются, вспоминают совместную службу, а за столом тосты за здоровье. Среди ветеранов боевой подготовки были участники Великой Отечественной войны: Атаманов, Кукушкин, Кононов, Примак и Родниковский. Все они у нас на особом счету, каждому отметили восьмидесятилетний юбилей.

Однажды вечером в квартире раздался телефонный звонок. «Михаил Федорович, здравствуйте». — «Здравствуйте». Голос вроде бы знакомый, а вот вспомнить никак не могу. «Александр Роме из ферганской разведроты, помните?» — «Конечно, помню. Александр, даже помню, вручал тебе погоны старшины». — «Так точно, было дело». Разговаривали долго, многое вспомнили. В конце разговора Саша высказал хорошую идею: «Давайте завтра соберем всех разведчиков, которые проживают в Москве. Место и время сбора уточню. Вы как старший воинский начальник не возражаете?» — «Ни в коей мере». — «Тогда до завтра». На следующий день недалеко от центрального офиса «ЛУКОЙЛа» в китайском ресторане собрались разведчики дивизионной разведроты бывшей 105-й десантной дивизии. Нас было человек двенадцать, кое-кто с женами. Мы встретились после стольких лет разлуки, легко узнавали друг друга. Парни возмужали, а у нас, командиров, добавилось седины. Как всегда, много было воспоминаний, тостов и фото на память.

В феврале в день вывода войск из Афганистана Комар, бывший командир дивизионных разведчиков, Климов, депутат Государственной

Думы, тоже разведчик, около памятника Жукову собрали нас, ветеранов-разведчиков 103-й десантной дивизии. И собирали в этот день практически каждый год.

Затем был «Славянский базар» в Витебске. Делегация ветеранов дивизии из Москвы, во главе с командующим ВДВ Шпаком насчитывала около сотни человек, с трудом уместилась в двух «Икарусах». Славная состоялась встреча. Даже президент Лукашенко в приветственном слове к участникам этого мероприятия упомянул о прибытии ветеранов-десантников на праздник. Посетили музей воинов-интернационалистов, возложили цветы к памятнику погибшим десантникам в Афганистане, приняли участие и в других культурных мероприятиях.

Связующим звеном между штабом ВДВ и ветеранами был Комар. Мы с ним были на связи каждую неделю, даже чаще.

Подошел юбилейный год, шестьдесят лет Витебской дивизии, который совпал с двадцатилетием ввода войск в Афганистан. Ветеранов собралось море. Для нас белорусские десантники организовали широкомасштабное показательное занятие. Затем наша делегация возложила венки к памятникам воинов, погибших в годы Великой Отечественной и афганской войн. Вечером состоялся большой концерт и совместный ужин.

Мы, ветераны боевой подготовки, вместе со всеми десантниками переживали трагедию, которая разыгралась на высоте в горах Чечни, где бойцы шестой роты не пропустили крупную банду боевиков. Переживали мы и тогда, когда пьяный водитель совершил наезд на походный строй курсантов-десантников в Рязани.

Мы, ветераны, радуемся, что наши десантные войска благодаря настойчивости нынешнего командующего Колмакова сохранены в нынешнем виде. Радуемся, когда на вооружение войск поступает первоклассная боевая техника, не имеющая аналогов в мире. Радуемся тому, что наши десантники принимают участие на совместных учениях в зарубежных странах. Мы гордимся тем, что есть кому продолжать наши славные боевые традиции. В нынешнем году исполнится 100 лет со дня рождения легендарного командующего ВДВ, Героя Советского Союза, генерала армии Маргелова. В связи с этим, как сказал Колмаков, запланированы открытия памятников, присвоения улицам некоторых городов имени прославленного военачальника. Плюс к этому концерты, материалы в печати, на телевидении и радио. Мы, ветераны, примем самое активное участие в подготовке к юбилею.

---

notes

Примечания

Виталий Бабурин — командир 357-го полка, на территории которого сначала и располагался военторг.